

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 1 (30) / 2022

- Научный руководитель** ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н. (Кишинев, Молдова)
- Ответственный редактор** СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н. ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)
- Ответственный секретарь** КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург, Россия)
- Редакционная коллегия**
- ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург, Россия)
- ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва, Россия)
- КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, независимый исследователь (Москва, Россия)
- КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)
- ПОДОСОКОРСКИЙ Николай Николаевич — к.филол.н., старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН (Великий Новгород, Россия)
- РАБИНОВИЧ Роман Аронович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник университета Высшая антропологическая школа (Кишинев, Молдова)
- ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Россия)
- ТЕСЛЯ Андрей Александрович — к.филол.н., старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград, Россия)
- ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия)
- ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва, Россия)
- Редакционный совет**
- ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (Associate Professor) Хьюстонского университета (США)
- КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва, Россия)
- НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филол.н., доцент, Школа исследований окружающей среды и общества (Антропошкола), Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва, Россия)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемориальная квартира Андрея Белого» (Москва, Россия)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, директор Института русского языка РАН (Москва, Россия)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва, Россия)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва, Россия)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2409-6105

DOI 10.31754/2409-6105-2022-1

Издатель

Издатель «HISTORICAL EXPERTISE» S.R.L.
MD-2043, bd. Dacia, 12 ap. 9, mun. Chişinău, Republica Moldova.
e-mail: istorexorg@gmail.com, www.istorex.org

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

11 **ИНУХИКО ЁМОТА**

И всё же, почему Россия вызывает у нас ностальгию?

Блокада Ленинграда в отечественной исторической памяти

26 **А. Ф. ПАВЛОВСКИЙ**

Культурная травма и современная историография: «Вторая волна» исследований памяти о блокаде Ленинграда (2016–2021)

50 **А. Ю. ПАВЛОВСКАЯ**

Новейшая историография блокады Ленинграда (2011–2021): блокадный эго-документ как источник и медиум

Российская национальная память

62

«Вяргы и хазары — общности, с которыми летописание связывает начало русской истории». Интервью с В. Я. Петрухиным

72 **К. Г. ФРУМКИН**

Великие ученые как объект советской культурной памяти

Актуальные проблемы исторической памяти зарубежных стран

85 **Н. Н. МОРОЗОВ**

Балканы реальные и воображаемые. Заметки о регионе и особенностях его восприятия в контексте новейшей истории (по страницам современной эссеистики и научной литературы)

107 **Г. А. ФИЛАТОВ**

Отношение к Франсиско Франко и его наследию в современной Испании

123

«Бывшая Чехословакия сохранилась в виде общего культурного пространства». Словацкий взгляд на опыт сосуществования с чехами в едином государственном проекте в XX в. Беседа с Мариной Завацкой и Юраем Марушьяком

Семейная память

144

«Нельзя с сегодняшними мерками подходить к событиям другого времени». Интервью с Владимиром и Риттой Коллонтай

Корпоративная память

159 **И. С. КРЕМЕР**

«Мы строим московскую линию Мажино». К 100-летию со дня рождения видного историка

Память о репрессиях

171 **И. И. БАРИНОВ**

Александр Барченко: новые документы о жизни и деятельности

Как это было на самом деле

180 **М. И. ВЕБЕР**

К вопросу об отправной точке одиссеи отряда корнета Б. К. Фортунатова

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Методология исторической науки

186 **И. Д. САБЛИН**

О бедном ученом... Мэнних vs Ханс Зедльмайр. Размышления над книгой: Männig M. Hans Sedlmayrs Kunstgeschichte. (Eine Kritische Studie.) Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2017. 309 S.

211 **В. В. ТИХОНОВ**

Фолк-историография. Рец.: Володихин Д. М. Русский историк Михаил Николаевич Тихомиров. М.: Севастополь: ИПО «Радетель», «Шико-Севастополь», 2018. 148 с.

Мир

219 **Н. П. ТАНЬШИНА**

«Железный Герцог» Мурата Куриева. Рец.: Куриев М. М. Железный герцог. М.: У Никитских ворот, 2021. 408 с.

225 **Е. В. МИСЬКОВА**

Рец.: Эльза-Баир Гучинова. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР. Slavic-Eurasian Research Center. Nohcaindo University. Sapporo, 2016. 220 p.

232 **Б. В. СОКОЛОВ**

Свет и тени генерала Ярузельского. Рец.: Черемушкин П. Г. Ярузельский: испытание Россией. Изд. 2-е, расшир. и дополн. М.: АИРО-XXI, 2021. 394 с.

Русское средневековье

243 **Д. А. БОРОВКОВ**

Завещание Ярослава I в универсальных энциклопедических изданиях: от «Справочного энциклопедического словаря» до «Большой Российской энциклопедии»

251 А. А. НЕПОМНЯЩИЙ

Российская империя

Информативный справочник для штудий в области исторического регионоведения. Рец.: Раздорский А. И. Печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: сводный каталог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 975 с.

256 А. В. ГРИНЕВ

Тема Русской Америки на страницах юридической периодики

286 В. А. КИТАЕВ

Русское зарубежье

Что там, в «Другой России»? Рец.: Будницкий О. Другая Россия: Исследования по истории русской эмиграции. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 632 с. (Серия Historia Rossica)

299 В. Э. МОЛОДЯКОВ

История русской культуры

«Изучение биографии Брюсова не входит в нашу задачу...» Рец.: Карпачева Т. С. «Мой недопетый гимн весне»: жизнь и творчество Надежды Львовой / Надежда Львова. Письма В. Я. Брюсову (1911–1913). Старая сказка. Стихотворения. М.: Водолей, 2021. 508 с.

315 Н. А. ЗАЯЦ

Гражданская война в России

Рец.: Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории: сб. материалов международной научной конференции / сост. В. И. Голдин, Г. С. Рогозин. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. 368 с.

320 М. М. МИНЦ

СССР

Рец.: Измозик В. С. Государственный политический контроль за населением советской России (1917–1928). СПб.: СПбГУТ, 2021. 278 с.

325 М. МАЧЬ

Рец.: Armand Goşu — Rusia, o ecuație complicată (Арман Гошу. Россия — сложное уравнение). Iași: Editura Polirom, 2021, 435 p.

Осторожно: халтура

335 П. В. БАШАРИН,
П. И. ТАХНАЕВА,
Ш. Ш. ШИХАЛИЕВ

Некомпетентность на грани фальсификации истории на философском факультете Московского университета. Рец.: Караев Т. М. «Яфетический» Кавказ: историко-философское многообразие и единство. Азербайджан / Философский факультет МГУ; Кафедра стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ. М.: МАКС Пресс, 2019. 412 с.

Колонка Андрея Тесли

360 А. А. ТЕСЛЯ

Порнография и историческая дистанция. Рец.: Маркус С. Другие викторианцы. Исследование сексуальности и порнографии в Англии середины XIX века / пер. с англ. О. Е. Корчагиной. СПб.: Гуманитарная академия, 2021

364 А. А. ТЕСЛЯ

Коллаж. Рец.: Плохий С. Н. Потерянное царство. Поход за имперским идеалом и сотворение русской нации (с 1470 года до наших дней) / пер. с англ. С. Лунина и В. Измайлова. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2021. 480 с.

375 А. А. ТЕСЛЯ

Круг и крест. Рец.: Левит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории / пер. с англ., вступ. ст. и примеч. А. А. Саркисянца. СПб.: Владимир Даль, 2021. 512 с. [Серия: «Политическая теология»]

380 А. А. ТЕСЛЯ

Истории вне истории. Рец.: Лейтем М. Истории торговца книгами / пер. с англ. И. В. Никитиной. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 416 с.

383 А. А. ТЕСЛЯ

Сопrotивление поэтике своего времени. Рец.: Кучерская М. А. Лесков: Прозванный гений. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2021. 622 с.

387

Требования к публикации статей и материалов

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global memory

11 INUHIKO YOMOTA

Still, why is Russia so nostalgic for Japanese?

The Blockade of Leningrad in the national historical memory

26 A. F. PAVLOVSKII

Cultural Trauma and Contemporary Historiography: "Second Wave" of Research on Memory of the Siege of Leningrad (2016–2021)

50 A. Y. PAVLOVSKAYA

Historiography of the Siege of Leningrad in 2011–2021: Siege ego-document as a source and a medium

The Russian National Memory

62

"Varangians and Khazars — communities with which the annals connect the beginning of Russian history". Interview with V. Petrukhin

72 K. G. FRUMKIN

Great scientists as an object of Soviet cultural memory

Actual problems of national memory of foreign countries

85 N. N. MOROZOV

The balkans real and imaginary. Notes on the region and the peculiarities of its perception in the context of recent history (through the pages of modern essay and academic literature)

107 G. A. FILATOV

Attitude toward Francisco Franco and His Legacy in Modern Spain

123

"The former Czechoslovakia has been preserved as a common cultural space". Slovak view on the experience of coexistence with the Czechs in a single state project in the 20th century. A talk with Marina Zavatskaya and Yuray Marushyak

Family memory

144

"You cannot approach today's standards to events from another historical period": interview with Vladimir and Ritta Kollontaj

Corporate Memory

- 159 I. S. KREMER *"We are building the Moscow Maginot Line". To the 100th anniversary of the birth of a prominent historian*

Memory of repression

- 171 I. I. BARINOV *Alexander Barchenko: New Documents of his Life and Work*

As it actually was

- 180 M. I. WEBER *Returning to the question of the starting point of odyssey of cornet B. K. Fortunatov's squadron*

REVIEWS

Methodology of historical science

- 186 I. D. SABLIN *For the poor researcher... Männig vs Sedlmayr/ Reflections on the book: Männig M. Hans Sedlmayrs Kunstgeschichte. (Eine Kritische Studie.) Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2017. 309 S.*
- 211 V. V. TIKHONOV *Folk historiography/ Rev: Volodikhin D. M. Russkij istorik Mikhail Nikolaevich Tikhomirov. Moscow; Sevastopol': IPO «Radetel'», «Shiko-Sevastopol'», 2018. 148 p.*

The world

- 219 N. P. TANSHINA *Murat Kiriyev's the Iron Duke. Rev.: Kuriev M. M. Zheleznyj gercog. Moscow: U Nikitskih vorot, 2021. 408 p.*
- 225 E. V. MISOVA *Rev.: El'za-Bair Guchinova. Risovat' lager'. Iazyk travny v pamiati iaponskikh voennoplennykh o SSSR. Slavic-Eurasian Research Center. Hoccaido University. Sapporo, 2016. 220 p.*

- 232 B. V. SOKOLOV *Light and Shadows of general Jaruzelski. Rev.: Cheremushkin P. G. Iaruzel'skii: ispytanie Rossiei. Izd. 2-e, rasshir. i dopoln. Moscow: AIRO-XXI, 2021. 394 p.*

The Russian Middle Ages

- 243 D. A. BOROVKOV *Testament of jaroslav i in universal encyclopedic editions: from the "Reference encyclopedic dictionary" to the "Great russian encyclopedia"*

- The Russian Empire**
- 251 **A. A. NEPOMNIACHSHIY** *Informative guide for research in the field of historical regional studies. Rev.: Razdorskij A. I. Pechatnye vsepoddannejschie otchetny namestnikov, general-gubernatorov, gubernatorov i gradonachal'nikov Rossijskoj imperii, 1845–1916: svodnij katalog. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2020. 984 p.*
- 256 **A. V. GRINEV** *The theme of Russian America on the pages of the legal journals*
- Russian emigration**
- 286 **V. A. KITAEV** *What is there in “another Russia”? Rev.: Budnitskiy O. Drugaya Rossiya: Issledovaniya po istorii russkoj emigratsii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 632 p. (Seriya Historia Rossica)*
- History of the Russian culture**
- 299 **V. E. MOLODIAKOV** *“The study of Bryusov’s biography is not a part of our task...” Rev.: Karpacheva T. S. «Moi nedopetyi gimn vesne»: jizn’ I tvorchestvo Nadezhdy Lvovoi. Nadezhda Lvova. Pis'ma V. Ya. Bryusovu (1911–1913). Staraya skazka. Stihotvoreniya. Moscow: Vodoley, 2021. 508 p.*
- The Civil War in Russia**
- 315 **N. A. ZAYATS** *Rev.: Mezhdunarodnaia interventsia i Grazhdanskaia voina v Rossii i na Russkom Severe: kluchevye problemy, istoricheskaia pamiat' i uroki istorii: sb. materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sost. V. I. Goldin, G. S. Rogozin. Moscow: Piatyi Rim (OOO ‘Bestseller’), 2020. 368 p.*
- USSR**
- 320 **M. M. MINTS** *Rev.: Izmozik V. S. Gosudarstvennyi politicheskii kontrol' za naseleniem sovetskoi Rossii (1917–1928) [State political control over the population of Soviet Russia]. St. Petersburg: SPbGUT, 2021. 278 p.*
- 325 **M. MACI** *Rev.: Armand Goșu — Rusia, o ecuație complicată. Iași: Editura Polirom, 2021, 435 p.*

Attention: trash

335 P. V. BASHARIN,
P. I. TAKHNAEVA,
SH. SH. SHIKHALIEV

Incompetence bordering on falsification of history at the faculty of philosophy of Moscow university. Rev.: Karaev T. M. «Iafeticheskii' Kavkaz: istoriko-filosofskoe mnogoobrazie i edinstvo. Azerbaidzhan, Filosofskii fakul'tet MGU; Kafedra stran Tsentral'noi Azii i Kavkaza ISAA MGU. Moscow: MAKS Press, 2019. 412 p.

Andrey Teslya's column

360 A. A. TESLYA

Pornography and historical distance. Rev.: Markus S. Drugie viktoriancy. Issledovanie seksual'nosti i pornografii v Anglii sere diny XIX veka, per. s angl. O. E. Korchaginoj. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya, 2021

364 A. A. TESLYA

Collage. Rev.: Plokhij S. N. Poteryanno e carstvo. Pokhod za imperskim idealom i sotvorenie russkoj nacji (s 1470 goda do nashikh dne j), per. s angl. S. Lunina i V. Izmajlova. Moscow: Izd-vo AST: CORPUS, 2021. 480 p.

375 A. A. TESLYA

Circle and the cross. Rev.: Lyovit K. Smysl v istorii. Teologicheskie predposylki filosofii istorii, per. s angl., vstup. st. i primech. A. A. Sarkis'yanca. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2021. 512 p. [seriya: «Politicheskaya teologiya»].

380 A. A. TESLYA

Histories beyond history. Rev.: Lejtem M. Istori i torgovca knigami, per. s angl. I. V. Nikitinoj. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2021. 416 p.

383 A. A. TESLYA

Resistance to the poetics of his time. Rev.: Kucherskaya M. A. Leskov: Prozevanij genij. 2-e izd., ispr. Moscow: Molodaya gvardiya, 2021. 622 p.

387

Requirements for publication of articles and documents

Инухико Ёмота

И ВСЁ ЖЕ, ПОЧЕМУ РОССИЯ ВЫЗЫВАЕТ У НАС НОСТАЛЬГИЮ?

Очерк впервые опубликован в японском журнале «Синтё» “新潮” (июнь 2022). Перевел с японского Александр Беляев.

Текущая международная общественно-политическая ситуация в связи с Россией настраивает японских интеллектуалов и японское общество в целом на мемуарно-рефлексивную, ностальгическую тональность. Чем представляется Россия и Советский Союз в глазах японцев? Отечественная история культуры в самом широком смысле — классическая литература, классическая музыка, наука, кино, космос, кухня — все это подвергается беглому, краткому, но панорамному рассмотрению со стороны одного из японских интеллектуалов современности. Специфика японского взгляда на Россию в сопоставлении с восприятием Запада и Америки, безусловно, не лишена субъективности и черт, присущих послевоенному поколению, в чем автор честно признается. Примером сложного синтеза России и Японии в одном лице служит фигура практически забытого писателя Оидзуми Кокусэки (1893–1957), наполовину японца, наполовину русского: с него начинается и им же завершается предлагаемый очерк.

Ключевые слова: российская история, русская литература, русская культура, советское кино, японское кино, японская литература, японское послевоенное общество, российско-японские культурные контакты, азиатско-европейская проблематика, политика.

Сведения об авторе: Ёмота Инухико (р. 1953, в настоящее время живет в Йокогаме), поэт, эссеист, кинокритик, специалист в области сравнительного литературоведения. В прошлом — преподаватель ряда университетов (Университет Мэйдзи, университет Тоё, Колумбийский университет, Болонский университет, Университет Чунан в Сеуле). Автор более ста книжных публикаций самого разного характера и тематики (литературная критика и эссеистика, поэзия, история азиатского кино), не считая журнальных статей, публикаций в соавторстве и переводов

Сведения о переводчике: Беляев Александр Павлович (р. 1982, Москва), ст. преподаватель ИКВИА НИУ ВШЭ. Поэт, специалист в области ориентальной каллиграфии, переводчик (в том числе перевел с японского книгу Ёмоты Инухико «Теория каваяи» (НЛО, 2018) и его же эссе «Разделяя разделенное» («Искусство кино», № 1, 2022)).

Контактная информация: apbelyaev@hse.ru.

Inuhiko Yomota

STILL, WHY IS RUSSIA SO NOSTALGIC FOR JAPANESE?

The current international socio-political situation in connection with Russia sets up Japanese intellectuals and Japanese society as a whole for a memoir-reflexive, nostalgic tone. What is Russia and the Soviet Union in the eyes of the Japanese? Domestic history of culture in the broadest sense — classical literature, classical music, science, cinema, space, cuisine — all this is subjected to a cursory, brief, but panoramic review by one of the Japanese intellectuals of our time. The specificity of the Japanese view of Russia in comparison with the perception of the West and America, of course, is not without subjectivity and features inherent in the post-war generation, which the author honestly admits. An example of the complex synthesis of Russia and Japan in one person is the figure of the almost forgotten writer Oizumi Kokuseki (1893–1957), half Japanese, half Russian: the proposed essay begins and ends with him.

Key words: Russian history, Russian literature, Russian culture, Soviet cinema, Japanese cinema, Japanese literature, Japanese post-war society, Russian-Japanese culture exchange, Asian-European problem, politics/

About the author: Yomota Inuhiko (b. 1953, currently living in Yokohama) is a poet, essayist, film critic, and specialist in comparative literature. In the past, he has been a lecturer at a number of universities (Meiji University, Toyo University, Columbia University, University of Bologna, Chunan University in Seoul). He is the author of more than one hundred book publications of a very different nature and subject matter (literary criticism and essays, poetry, history of Asian cinema), not counting journal articles, co-authored publications and translations.

About the interpreter: Belyaev Alexander Pavlovich (b. 1982, Moscow), — Art. Lecturer (IOCS, HSE). Poet, specialist in oriental calligraphy, translator (including the translation of Yomota Inuhiko's book "Kawaii-ron" (New Literary Review, 2018) and his essay "Separating the Divided" from Japanese (The Art of Cinema, No. 1, 2022)).

Contact information: apbelyaev@hse.ru.

В феврале этого года мне представилась возможность рассказать о том, чем я занимаюсь в последнее время, на московской конференции «История и культура Японии». По причине ковида все доклады проходили в «Зуме». Так что пожевать моро-

женого в заиндеветших московских парках, как это обычно делают все москвиты, мне не удалось. Участники конференции сидели в своих домашних кабинетах перед мониторами, дискутировали, задавали вопросы. За спинами докладчиков

на экранах сплошь стеллажи с книгами: повседневное пространство ученого человека. Что русские, что японские гуманитарии — образ жизни у всех у нас примерно одинаковый, подумал я и усмехнулся.

Итак, начал я, был такой писатель **Оидзуми Кокусэки** (1894–1957). Он владел умами и душами японских читателей во времена Тайсё (1912–1926). Сейчас о нем помнят разве что редкие пытливые книгочеи или специалисты в области литературы. По-японски его звали Киёси, по-русски — Александр Степанович Киёсский. Родился в Нагасаки, отец — русский дипломат, мать — японка дворянско-самурайского происхождения. Отец почти сразу же после рождения сына уезжает по делам службы в Ханькоу, где вскоре и умирает. Маленького Киёси родня забирает в Москву, там он начинает ходить в школу.

Молодые годы Киёсского продолжают в Париже, он учится в лицее Сен-Жермен. Первая написанная им (на французском) вещь посвящена музею Гюго. Возвращается на родину, оканчивает школу в Нагасаки. Опять приезжает в Россию, оказывается в Петрограде, в эпицентре революции, сожительствоует с девушкой-еврейкой. Страшась погромов, революционного хаоса и гонений по национальному признаку, опять возвращается в Японию. Поступает на учебу в Киото, наследство его постепенно тает. Перебирается в Токио, снова начинает учиться, снова бросает. Начинает работать — то на верфях Исикавадзимы, то занимается коженным делом в Асакуса. Вспоминая свою детскую встречу со стариком

Толстым в Ясной Поляне, пишет статью для журнала «Толстовские штудии». Впервые подписывается как «Оидзуми Кокусэки». Воспользовавшись случаем — отправкой японских войск в Сибирь — оказывается в Чите. По возвращении в Японию дебютирует в качестве журналиста-эссеиста, знатока России.

К молодому человеку с необычной биографией присматривается главный редактор журнала «Тюокорон» **Такита Тёин**. Публикует его «Автобиографию». В одночасье Кокусэки становится знаменит. Сейчас в это невозможно поверить, но в те времена — на дворе 1919 г., Кокусэки исполнилось двадцать пять лет — журнал «Тюокорон» был вратами в мир литературы.

Далее он пишет роман, где главным героем выведен Лао Цзы — вещь становится бестселлером. Затем следует исторический роман из жизни Нагасаки XIX в. Переводит Горького, Лермонтова, издает «Историю русской литературы». Для молодого **Кэндзи Мидзогути** адаптирует «Мадемуазель де Скюдери» Гофмана, тем самым становясь у истоков японского экспрессионизма в кино.

Но тут Кокусэки начинают травить его же «коллеги по цеху». Обрушиваются нападки самого разного рода — дескать, он подделка, фальшивка, не знает толком русского и пр. Двери журнала «Тюокорон» (жалкий журнал-на́лишко!) перед ним закрываются — со смертью Такиты Тёина Кокусэки теряет своего единственного покровителя. Начинает писать красочные очерки о своих путешествиях по горам и долам Японии. По мере

усиления милитаристских настроений в стране все чаще подвергается очередным нападкам — космополит, иностранец... Жизнь Кокусэки обрывается на 64-м году, в 1957-м, к этому времени он окончательно спился, батрача толмачом на американской военной базе в Ёкосуке. Японский актер **Оидзуми Акира** (1925–1998) — третий сын Кокусэки.

Если вкратце, то вот так. Доклад мой прошёл успешно. Один за другим посыпались вопросы: почему такой выдающийся литератор, как **Оидзуми Кокусэки**, подвергался нападкам? Почему оказался забыт? Отвечая, я думал о том, что наши японские филологи дискуссий об этом авторе практически не устраивают. Никакого интереса у так называемых японских русистов этот автор не вызывает, если не считать пионерской работы **Накамото Нобуюки**¹. Однако самому Кокусэки все же наверняка приятно глядеть с того света на мои потуги, думал я, дописывая статью для грядущего сборника, и тут вдруг узнал новости: Россия вторглась в Украину.

«Стыд и позор», пишет мне по мейлду коллега из Москвы, пригласивший меня на давешнюю конференцию, и добавляет, что только что вышел свежий номер журнала «Искусство кино». На первой же странице значится: «Этот номер — антивоенный».

Тема номера — гражданская война. Означенный коллега перевел для этого номера мой текст, точнее, отрывок из книги об одном южнокорейском фильме, действие которого разворачивается на границе между Северной и Южной Кореей.

Сейчас, в начале апреля, как раз когда я пишу этот очерк, боевые действия в самом разгаре. Российские войска с самого начала рассчитывали на быстрое взятие Киева, но, видать, не задалось. Как дальше будут развиваться события — этого мне предугадать не дано. Может, как некогда во время войны во Вьетнаме? Или стороны пойдут на мировую? Не могу даже предположить. У японских медиа развязались языки: журналисты осуждают Путина, пеняют на чинимые им хаос и беспорядки, сочувствуют беженцам и потерпевшим, призывают прекратить войну и ратуют за мир. Нельзя сказать, что в этой ситуации по отношению к русским в Японии не возникает антипатии. Так, например, послышались призывы не ходить в один известный ресторан русской кухни, расположенный на Гиндзе в Токио, а в городе Саппоро перенесли (или отменили) выставку, посвященную русской литературе. Подобное недопустимо. Японское правительство по примеру Америки наложило на Россию экономические санкции, Россия же в ответ на это сообщила о полном прекращении работы над мирным договором.

¹ **Накамото Нобуюки** 中本信幸 (р. 1932) — японский русист, осуществивший новый перевод «Вишневого сада» на японский (1992); награжден Пушкинской медалью в 2008 г. Переводил Горького, Чуковского, Хикмета, Эренбурга, Товстоногова, Сергея Михалкова и др. В данном случае речь идет о работе Накамото «Оидзуми Кокусэки и Лев Толстой. Влияние толстовства и русской литературы вообще на жизнь и творчество Оидзуми Кокусэки» (1979), опубликованной в Бюллетене Института гуманитарных исследований университета Канагава (<https://iss.ndl.go.jp/books/R000000004-I2006580-00?ar=4e1f&locale=en>). *Здесь и далее — прим. перев. — АБ.*

Что, японцы в самом деле встревожены войной? По моему впечатлению, многие хоть и выражают обеспокоенность на словах, но при этом следят за военной обстановкой как за компьютерной игрой, в которую играют другие. Только о том и трезвонят, как зачумленные. Сами эти люди, похоже, не сомневаются в том, что находятся в зоне безопасности. Дискурсы и настроения у них исключительно такие: Украине надо как можно скорее пересматривать конституцию, а для обеих армий важнее всего наращивать оборону.

Цель моей статьи вовсе не в том, чтобы скорей-скорей успеть поучаствовать в болтовне на тему этой глупой и ужасной войны. Я хочу сказать вот что: по отношению ко всему, что можно называть русским или российским и что так или иначе нас окружает уже долгое время, у нас, у японцев, выработалось более глубокое отношение, за которым скрываются сложные коллективные чувства и эмоции. Поставлю вопрос прямо: почему японцы испытывают ностальгию по отношению к слову «Россия»? Почему вдруг сейчас стали испытывать? Ведь речь тут идет не только о кино и литературе. Кухня, музыка, все что угодно. Почему все, что имеет русское происхождение, оказалось овеяно для нас такой магией очарования и вызывает такую близость? Для сравнения: в адрес Америки или Франции мы ощущаем совсем другое — скорее восхищение или даже преклонение на грани с завистью, от чего возникает комплекс неполноценности,

точнее, своего рода легкое напряжение, тонкое, едва заметное. В чем же разница между нашим отношением к России и к странам Запада? Вот о чем я хотел бы поразмышлять в данном случае.

С исторической точки зрения приязненному отношению японцев к русским мешал ряд препятствий. Русско-японская война, затем Сибирская экспедиция японских войск (1918–1922), наконец, сражения ближе к концу Второй мировой²: много раз обе страны — Россия и Япония — опалили друг друга огнем войны. Так, в августе 1945-го Советский Союз, в одностороннем порядке нарушив договор о ненападении, ввел свои войска в Маньчжурию, в результате чего огромное количество японцев попало в плен и было отправлено на изнурительные каторжные работы. Диктаторский режим Сталина наводил на японцев ужас, наличие у Советского Союза ядерного оружия грозило всему миру концом света. Проблема Северных территорий до сих пор не решена, и только по этой причине между Японией и Россией не подписан мирный договор. И вдобавок ко всему этому — вот, пожалуй, еще и Украина.

В связи с Россией пресловутые «травмы» громоздятся одна на другую. Со странами Запада — если только не брать Америку, чье присутствие в Японии после поражения в войне до сих пор весьма ощутимо, — то есть с бывшими Великими державами вроде Франции или Германии Японии никакие травмы не связывают.

² Имеются в виду бои между японской квантунской армией и советскими войсками; в историографии прецедент известен как «Маньчжурская операция» или «Августовская буря», 1945 г.

С Россией же Япония неоднократно воевала, поэтому неудивительно, что антироссийские настроения в обществе присутствуют. И все равно, не смотря на это, при слове «Россия» меня обуревают чувства ностальгии: в памяти всплывают русские народные песни, вспоминаются наши студенческие театральные постановки по Чехову, японские гастроли советского цирка, оперы Большого театра.

В чем же природа подобной ностальгии? Страна, которая наводила ужас на весь мир до тех пор, пока с грохотом не развалилась, послужила причиной тому, что теперь вдруг ушедшая, стародавняя Россия, этот синоним всего практически накрепко забытого и отошедшего в прошлое, делается предметом воспоминаний и мыслится мной в категориях утраты? Ну, хорошо, допустим — да это и в самом деле так — Япония начала XX в. многое переняла и восприняла от России. Строй и стиль японской литературы того времени отталкивался от переводов Тургенева, выполненных знатоком русской литературы **Фтабатэем Симэем** (1864–1909), а в начальных титрах к фильму «Духи на дороге» (реж. **Минору Мурата**, 1921) — этот фильм стал, кстати, провозвестником японского движения за чистый кинематограф — так вот, в титрах значилась цитата из пьесы Горького «На дне», причем на русском и на японском. История нашей музыки прекрасно помнит о той роли, какую сыграли для японских классических оркестров осевшие в Харбине русские белогвардейцы. Нет необходимости продолжать приводить примеры подобных влияний в сфере культуры, ибо они известны. Я хотел бы ско-

рее рассказать о том действительно близком присутствии России, которое ощущалось мной в условиях японского социума послевоенного времени. Я хочу поведать о своем наивном восхищении молодости: о том, как я был охвачен русской культурой и достижениями советской науки. Это будет автобиография моего, сугубо личного чувства к России.

Первыми мне вспоминаются добрые детские сказки в изложении Толстого. Ту самую книжку, что читала моя мать еще до войны, я дошкольником с удовольствием перечитывал по многу раз. Затем последовали русские народные песни. В самом деле это были «песни русского народа» и насколько оригинальной была мелодия — подобными вопросами никто не задавался. Люди постарше собирались в заведениях, где можно было попеть, и дружно выводили на японском «Тройку», «Красный сарафан», топали и хлопали в такт «Недельки».

До войны была распространена русская кухня. Пирожки, борщ, квашеная капуста. Помнится, даже в начальной школе на обед иной раз появлялось нечто под названием «борщ». Временами моя мать подавала на стол так называемый русский салат: это была гора капусты под маринадом. Я хоть и спрашивал у нее, при чем тут Россия, но ответа не получал. Потом, конечно, сладкие звуки мелодий Чайковского. Слово сочетание «Шоколад фабрики Морозова» тоже звучало сладко и волшебно. В ту же коллекцию — конфеты в форме шоколадных бутылочек с ликером фабрики Гончарова, хотя в детстве мне их не давали. Во вре-

мя семейных празднеств кто-нибудь из родни нередко вспоминал поездку в Харбин...

Перебирая свои воспоминания, связанные с Россией, я хочу сопоставить их с тем, что вспоминается мне в связи с Америкой. Бейсбол, вестерны, легкая музыка. Родившись в 1953-м, спустя два года после подписания мирного договора в Сан-Франциско, я принадлежал к другой молодежи, нежели поколение **Хасуми Сигэхико**³, на которое культура оккупационных войск наложила неизгладимый отпечаток.

В начале 60-х американская массовая культура была повальным явлением. Надо ли говорить, что это был результат американской политики по отношению к оккупированной стране. В кинотеатрах повсюду крутили голливудские фильмы, по телевизору — американские «домашние мелодрамы» (home drama) и мультики. В классах рядком стояли книги из серии «Школьная библиотечка»; за исключением Марии Кюри все это были истории про американцев. Эдисон, Гериг, Бейб Рут... спрашивается, зачем было пичкать меня историями про этих янки-бейсболистов, которые не имеют ко мне ни малейшего отношения? Уловки культурной пропаганды оккупантов, не иначе.

При том что в свое время я проходил стажировку в Америке, сегодня у меня вся эта послевоенная американская культура не вызывает ни малей-

шей ностальгии. Бейсбол как не волновал меня никогда, так и до сих пор не волнует, да и от вестернов Джона Форда не осталось ничего достойного воспоминаний. Ни корнбиф, ни гамбургеры не произвели на меня особого впечатления, так что сильного желания наброситься на что-то подобное я не испытываю.

Быть может, в своем поколении я оказался меньшинством? До такой степени ностальгировать по русской культуре и при этом оставаться совершенно равнодушным к культуре американской — вероятно, во мне какой-то изъян, мутация, присущая гражданину оккупированной страны во втором поколении? В тринадцать лет, забыв обо всем на свете, я читал «Как закалялась сталь» Островского — боюсь, я был один такой на всю Японию; среди своих однокашников — уж точно.

Вспоминая о том, с каким энтузиазмом я в свое время коллекционировал марки, я стал смутно догадываться, в чем причина моего преклонения школьной поры перед Советским Союзом. Марки мои аккуратно вклеены в альбом и расклассифицированы по странам; пересматривая в очередной раз свою коллекцию и дойдя до СССР, я внезапно все понял. Совсем не песни и не сказки влекли меня к советскому. Да и коммунизм был мне, честно сказать, до лампочки. Но — «Спутник»! «Восток»! Эти слова олицетворяли космические открытия, иными словами, прогресс, развитие науки

³ **Хасуми Сигэхико** 蓮實重彦 (р. 1936) — известный японский кинокритик, специалист в области французской литературы и теоретической мысли; переводил на японский Гюстава Флобера, Жана-Люка Годара, Алена Роб-Грийе, Ролана Барта, Жюль Делёза и др.; с 1997 по 2001 г. занимал пост ректора Токийского университета.

и искусства, которые были устремлены в будущее. Советский Союз был, безусловно, пионером в освоении космоса. Юрий Гагарин наряду с великим иллюзионистом советского цирка Эмилем Кио — вот кто был моими героями и кумирами.

На этом я хотел бы прервать свои личные воспоминания. Читателю моего поколения и самому наверняка есть что вспомнить и добавить к моему перечню. Если взглянуть с точки зрения истории культуры, то русская культура, присутствовавшая в послевоенном японском обществе, была чем-то вроде контркультуры по отношению к культуре американской, диктовавшей свои условия на правах оккупантов. Нельзя сказать, что американский генштаб (англ. GHQ, от «General Headquarters») встречал проявления русской культуры с распростертыми объятьями. В условиях холодной войны были опасения, что культура страны-соперницы будет распространяться в Японии на манер пропаганды, поэтому было решено, к примеру, ввести регулятивные меры и ограничить показы советских фильмов. В действительности это означало тайные просмотры на службе или в домах культуры для рабочих, причем иной раз фильмы крутили или еще не прошедшие цензуру, или вовсе запрещенные. Что касается известной в Японии кинотехнологии техникolor, то в это время Советский Союз перегоняет Голливуд. Японцев поразила пышущий красками сказочный мир фильма «Каменный цветок», а «Сказание о земле Сибирской» привело в вос-

торг своими песнями на фоне величественных пейзажей.

В 1950 г. начинает выходить журнал «Советское кино». В Японии это издание становится важным печатным органом, публикующим независимые профессиональные киноведческие работы. «Соцреализм», за который ратовал Сталин, в Японию попал в качестве явления, основным посылом которого было сохранение и оберегание традиционной народной культуры. Демократия на американский манер, принятая в качестве основополагающего принципа, одним ударом отсекала довоенную культурную традицию, окрестив ее «феодализмом»; подобная принудительная, силой насаждаемая тенденция или идеология до определенной степени играла роль седативного препарата.

В 1951 г. был подписан Сан-Францисский мирный договор. По мере восстановления политической независимости Японии статус Советского Союза в качестве источника оппозиционной культуры становился все очевиднее. Один за другим в Японию стали приезжать классические музыканты, всюду их встречал теплый прием. Восторженные впечатления от визита в Японию Давида Ойстраха, например, засвидетельствованы в книге «Черная бабочка» (1955) **Иноуэ Ясуси**⁴. 1958-й стал годом неслыханного советского бума в Японии. Классические исполнители-музыканты — это само собой, но и театр, и цирк активно гастролировали по всей Японии. Театр новой

⁴ **Иноуэ Ясуси** 井上靖 (1907–1991) — японский писатель, поэт и эссеист; на русский переведен ряд его произведений, в том числе «Сны о России», «Лоулань» и др.

драмы «Сингэки»⁵ приостановил свои спектакли ради приехавшего МХАТа, на спектакли которого вся труппа ходила наряду с простыми зрителями. К этому же времени относится начало продажи импортных сластей, на рекламах которых значилось: «Вкус Москвы».

На этом фоне один за другим стали заявлять о себе японские писатели, которые в университетах учили русский и сочиняли свои произведения под влиянием русской литературы XIX в. Я говорю о литературной генерации, к которой принадлежат **Ли Хёсон (Ри Кайсэй), Гого Мэйсэй, Мориути Тосио**⁶. К семидесятым годам эта волна уже практически схлынула, однако само ее возникновение было симптоматичным: Россия пронеслась вихрем авангарда по всему миру, и Япония при этом не осталась в стороне, особенно в том, что касается теории литературы и современной мысли. Речь идет о Михаиле Бахтине и о тартуском семиотическом кружке. Совсем недавно снискавший мировую известность фильм «Сядь за руль моей машины» (2022, реж. **Хамагути Рюскэ**) — экранизация одноименного рассказа **Харуки Мураками**, значимую часть которой занимают сцены репетиции пьесы Чехова «Дядя Ваня», также однозначно сви-

детельствует в пользу преклонения японцев перед русской литературой.

Я вовсе не хочу сказать, что европейская классика — будь то музыка или «серьезная» литература (*дзюнбунгаку*) — являются для японцев чем-то слишком высоким и недоступным пониманию. Я говорю об огромном влиянии культуры и искусства именно России и именно на массовую японскую публику, на простой народ. И тут необходимо вспомнить о тех писателях, художниках и деятелях искусства в широком смысле, к которым применим эпитет «народный» (*кокуминтэки*) и в чьем творчестве воплотилось и отразилось миропонимание и мировоззрение массового послевоенного японца. Достаточно рассмотреть лишь самых ярких и характерных представителей этого ряда, которые творили в разных жанрах — кино, комиксы-манга, литература, — и мы поймем, что все они являлись яркими и пылкими поклонниками и обожателями России.

Кинорежиссер **Акира Куросава** (1910–1998) с детских лет насмотрелся пролетарской живописи, а от своего родного брата Хэйго узнал о русской литературе. После войны Куросава экранизировал «Идиота» Достоевского и «На дне» Горького.

⁵ «Сингэки» (新劇), или «Новая драма» — главенствующее направление японского реалистического театра, возникшее в начале XX в.; развивалось под влиянием Шекспира, Мольера, Ибсена, Чехова, Теннесси Уильямса и проч.

⁶ **Ли Хёсон (Ри Кайсэй)** 이회성, 李恢成 (р. 1935) — японский писатель корейского происхождения, родился на Сахалине, выпускник русского отделения университета Васэда. **Гого Мэйсэй** 後藤明生 (1932–1999) — японский писатель, родился в Корее, также выпускник русского отделения университета Васэда, на русский переведен рассказ «Мужчина, который возвратился домой». На творчество писателя сильно повлиял гротеск Кафки и Гоголя. Известный японский критик и теоретик литературы **Каратани Кодзин** (р. 1941) и уже упоминавшийся выше **Хасуми Сигэхико** высоко оценили его вещь «Между двух огней», написанную под влиянием Гоголя; критики причисляют Гого к так называемому поколению интровертов (*Найко-но сэдай*, 内向の世代). **Мориути Тосио** 森内俊雄 (р. 1936) — японский писатель, поэт, также окончил русское отделение Васэда.

Кроме того, он снял советско-японский фильм «Дерсу Узала», главный герой которого — охотник, представитель одной из множества малочисленных народностей Сибири.

Аниматор, мультипликатор и рисовальщик комиксов **Тэдзука Осаму** (1928–1989) был страстным любителем русской классической музыки и балета. В поисках материала он обращался к русским сказкам, нарисовал мангу для девочек «Красный снег», в которой Чайковский выручает несчастную барышню, а также выпустил авторское прочтение «Преступления и наказания» Достоевского в жанре манга. Более того, Тэдзука Осаму строго различал Россию и Советский Союз. В некоторых его произведениях появляется тоталитарная милитаризованная держава под названием «Мигуруся», моделью которой явно послужил Советский Союз; живописно изображен устрашающий, жуткий характер политического устройства этой страны. Однако несмотря на это, вернее, благодаря этому тяга Осаму ко всему «русскому» проявляется куда сильнее. Аниматор-энтузиаст, он создает мультипликационную версию «Картинок с выставки» Мусоргского; незаконченной осталась его «Лесная легенда», вдохновленная 4-й симфонией Чайковского.

Писатель, эссеист и автор песенных текстов **Ицуки Хироюки** (р. 1932) изучал русский язык и русскую литературу в университете Васэда и на литературные подмостки взлетел благодаря новелле «До свидания, московские стилиаги» (1966). Главный герой этой вещи сомневается в своих способностях джазо-

вого пианиста и становится музыкальным продюсером. Он приезжает в Москву, где местные бюрократы от культуры вызывают у него омерзение своим чванством, высокомерием и косным взглядом на музыку. Встретив на улице одного из стилиагов и благодаря этой встрече очутившись в сомнительном питейном заведении, главный герой неожиданно для себя самого наблюдает «возрождение» джаза. Эту короткую новеллу, в которой джазовый элемент роднит антиобщественную контркультуру социалистической Москвы с американским чернокожим населением, вполне можно назвать прорывной. Через год в переводе на японский выходит «Звездный билет» Василия Аксенова: история двух братьев, один из которых — ученый, другой — битник. А через два года после выхода новеллы Ицуки, в 1968-м, на японском языке впервые появляются стихи Бродского.

Недавно в Японии вышел десятый том эпопеи Ицуки Хироюки «Ворота в юность», которую автор пишет уже на протяжении полувека. Главный герой этой вещи появился на свет в Тикухо (префектура Фукуока, на севере о. Кюсю), знаменитом своими угольными разработками; в шестидесятые он пытается пересечь Сибирь, где получает ранение. Скрываясь от КГБ на берегах Байкала, в страхе, что его все же найдут, он изучает русский язык — в этом ему помогает его русская возлюбленная. По возвращении на родину он получает приглашение от советского цирка и таким образом добивается успеха. Начинается его международная артистическая бурная жизнь. Короче говоря, эпопея представляет

собой невероятную, хотя теоретически и возможную, кто его знает, в любом случае — совершенно фантастическую автобиографию Ицуки-руссофила.

Итак: Акира Куросава, Тэдзука Осаму, Ицуки Хироюки. Это не университетские профессора, посвятившие свои жизни изучению России и русского мира. Всех троих объединяет одно обстоятельство: где-то и когда-то в незапамятном детстве каждый из них познакомился с Россией и пронес свою очарованность культурой этой страны через всю свою творческую жизнь, реализовавшуюся в музыке, литературе, кино, анимации. Будучи японцами послевоенного времени, все трое с неизбежностью испытали на себе и американское культурное влияние. Для Куросавы это — Джон Форд, для Осаму Тэдзуки — Дисней, для Ицуки — джаз и блюз. Однако их отношение к российскому — это одно, а к американскому — совсем другое. Различается само направление взгляда.

Американская культура подавляет японцев своим масштабом. Тэдзука Осаму начинал с подражания американской анимации, картины «Семь самураев» и «Телохраниитель» Куросавы критики упрекали за сходство с вестернами (точнее, сказано так: эти фильмы вызывают те же реакции у зрителя, что и вестерны), Ицуки, в свою очередь, поднимает проблему: может ли японский джаз достичь уровня Америки, страны своего происхождения?

Россия же, в отличие от американского подавляющего воздействия,

производила эффект совершенно иной. И кино, и литература России не могли не стать образцами для подражания, но тем не менее они не превратились в святыни, перед которыми остается разве что пасть на колени и все. Суровые, строгие и серьезные романы Достоевского, при всем величии их достоинства, вполне могли направлять воображение Куросавы и Тэдзуки Осаму, эти истории можно было подвергать своеобразным авторским адаптациям. Ицуки, по мере пристального всматривания в Москву, откровенно высказывается против главенствующей в искусстве советской идеологии и фокусируется на исключенной из нее периферийной контркультуре. Все три автора очарованы русской (или российской) культурой, но она их не подавляет, не давит на них. Взгляды на Америку и на Россию — это разные углы и точки зрения, разные позиции и отношения. Трое означенных авторов, находясь на одном уровне с обычными, простыми японцами, смотрели на Россию с ностальгией. И японская публика смогла разделить их взгляды и чувства, сочтя всех троих «народными» любимцами.

Вернемся к поставленному в самом начале вопросу. Почему японцы ностальгируют по России? Почему, несмотря на все сложности, трагедии и травмы прошлого и нынешнего времени — что мирного, что военного — японцы все равно чувствуют симпатию и близость в отношении страны-соседа?

Понятное дело, простого ответа на этот вопрос не найти. Ни борщами, ни чеховскими пьесами про маленького

человека тут ничего не объяснишь. Если позволить себе некую абстракцию, то, я думаю, проблема в том, что такое вообще Запад, западная культура. Конкретнее выражаясь, речь идет о том странном, дикийном и таинственном сочетании и совмещении «Востока и Запада», «Европы и Азии», которое представляет собой Россия в понимании и в восприятии японцев. В ходе модернизации Япония обрела новую идентичность, новый облик за счет западных моделей и образцов. Но для прозападной обновленной Японии Россия — это и Восток, и Запад, это что-то огромное, неохватное и несводимое только к западному модусу существования. Для Японии Россия — это не одна из стран Запада, за которой она вынуждена следовать, ощущая неравенство ситуации и свою ущербность в связи с этим, но первая западная держава, с которой Японии довелось сражаться и соперничать на равных. Именно это обстоятельство необходимо принять во внимание.

Европа никогда не считала Россию частью себя. Сегодня эта ситуация в сущности не изменилась. Периферийное государство, бывшее Киевское княжество, принявшее в X в. византийскую версию христианства, а вовсе не католичество. Затем наступил продолжительный период монгольского завоевания, в течение которого происходила этническая и культурная диффузия. Протестантизму, с которым одно время связывали основу и фундамент капитализма, не нашлось в России ни места, ни судьбы.

Наполеону принадлежит известное высказывание: «Поскребите русско-

го — и найдете татарина». Эти слова полководца не стоит понимать как выражение досады из-за неудачной военной кампании. Тут слышится истинное отношение к русским со стороны западных стран. После распада Золотой Орды массы кочевников, оставшиеся со времен монгольского нашествия, осели в степной зоне по всей Руси и территории от нынешней Украины до Средней Азии и постепенно ассимилировались с местными оседлыми народами. Представители знатных татарских родов поступали на русскую службу и вливались в среду русского дворянства. Не меньше сотни самых знатных русских родов имеют в своем происхождении древние татарские корни.

Так, если проследить родословную Тургенева или Булгакова, то окажется, что они — потомки татар. Унаследовав доставшееся от монголов высокоразвитое государство и систему налогообложения, Россия развивалась в качестве новой, молодой монархии.

Российские ученые мужи, тогдашние интеллектуалы, долгое время считали монгольский период истории своей страны «темными веками» и постепенно пришли к мифу о том, что русская культура — это наложение византийской христианской культуры на скандинавский субстрат. К концу XIX в. произошел повторный критический, научный пересмотр всего этого. В языковом отношении стало совершенно очевидно, что в русском огромный процент тюркизмов, что же касается верований русских крестьян, то оказалось, что в них обнаруживаются

многочисленные следы азиатского шаманизма. Сохранившийся классический пример такого рода — таинственный феномен юродивых (яп. 聖痴愚, букв. «святой + сумасшедший / умственно больной + глупец»), образы которых представлены, к примеру, у Мусоргского в «Борисе Годунове» или у Достоевского в «Идиоте». Молодой Кандинский, в свою очередь, также вдохновлялся традиционными шаманскими ритуалами финно-угорского народа коми.

Итак, Россия — это Европа, которая простирается в Азию. Не оттого ли европейцы называют русских «азиатскими варварами (дикарями)»? Но и сами русские не отрицают своего азиатского компонента. В «Дневнике писателя» Достоевского (1881) есть следы беспокойства по этому поводу⁷. Вероятно, это было общим местом для русских мыслителей, не обращавших особого внимания на то, что языком их повседневной жизни был французский. По иронии обстоятельств, подобная двойная идентичность — европейцы, хоть и азиаты — нашла сильную эмоциональную поддержку в идеологии «евразийцев» — от языковеда Трубецкого до Стравинского — которые, оказавшись в положении политических эмигрантов, в результате революции бежали на Запад. В качестве психологической компенсации за то, что Российская империя исчезла с карты Европы, они преисполни-

лись мистических надежд и ожиданий в отношении идеи Евразии. С другой стороны, нельзя забывать о фильме Пудовкина «Потомок Чингисхана» (в зарубежном прокате — «Буря над Азией», 1928), где рассказывается история о том, как молодой монгол, живущий в Сибири, поднял мятеж против британских колонизаторов, собрал многотысячное войско и одержал победу. Сама повесть «Потомок Чингисхана», по которой был снят фильм, как ни странно, всего через два года, в 1930-м, попала в Японию и была воспринята в качестве воодушевляющего призыва к борьбе за независимость народов Азии.

Почему же японцы вспоминают о России с ностальгией? На мой субъективно личный взгляд, когда японцы столкнулись с чужестранной культурой под названием «Россия», они сначала интуитивно почувствовали, а затем и убедились на деле в том, что перед ними не европейская культура в чистом виде. Посмотрев «Потомка Чингисхана» или взяв в руки «Ивана-дурака» Толстого, японцы сразу же почуяли эту сильную неевропейскую примесь, нечто отличное от Англии, Франции или Германии. И когда эта примесь получила со стороны японцев ответную реакцию, отклик, тогда и возникло это ощущение или осознание ностальгии. А может, в том была счастливая для японцев возможность мельком взглянуть

⁷ По-видимому, автор имеет в виду следующий пассаж из «Дневника писателя» 1881 г., январь (Ш. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?): *...Но от окна в Европу отвернуться трудно, тут фатум. А между тем Азия — да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем, — опять восклицают это! И если бы совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи — о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, — ведь это тоже наш больной корень, который не то что оздоровить, а совсем воскресить и пересоздать надо! Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело — вот что необходимо!* (<https://fedordostoevsky.ru/works/diary/1881/01/08/>).

черты того мира, который стремительно пропал из виду. И услышав мелодию «Красного сарафана», они спроецировали свою ностальгию по этому уходящему миру на соседнюю страну, в которую нога японского человека толком не ступала.

Военные действия на Украине продолжаются. Путина обвиняют в бесчеловечности, экономические санкции ужесточаются, российская армия при этом группируется в восточной части Донбасса. Если появится информация о массовых убийствах украинского коренного населения, тогда осуждение, критика и нападки в адрес России примут международный характер.

Путина держит и не отпускает глубокая обида, досада и горечь в связи с тем, что Россия с точки зрения стран Европы не является Европой. Что-то вроде застарелой болезни, не долеченной со времен царизма, но теперь, похоже, состояние обострилось и приняло гротескные формы.

Многие государства, некогда входившие в состав Советского Союза, отделились от России после распада СССР и стали частью западного мира, точнее, вернулись в него. Украина, будто младший брат, который до последнего был (или вынужден был быть) послушным, предприняла ту же самую попытку. Что до России, окруженной странами НАТО, то она оказалась в положении великана, к горлу которого приставили нож. Почему Россия оказалась в полной изоляции? Потому что Россия не считается европейской страной «в чистом виде». Для Путина это невыносимо. Тот, кого считали млад-

шим братом, мало того что оказался предателем, так еще и получил горячую всестороннюю поддержку стран Европы и Америки — такого тем более нельзя стерпеть.

Украина бросила Россию, порвала с Россией. Разве мы не братские народы? — подобный взгляд российской стороны мне напоминает гротескное отношение Японии к Корее времен японской колониальной политики. Я говорю о том времени, когда была распространена печально знаменитая пресловутая «Теория общих предков японцев и корейцев» (яп. 日鮮同祖論, *Ниссэндосорон*). Попытки Японии колонизировать корейский полуостров исчерпали себя за тридцать пять лет, но если представить, что процесс растянулся бы лет на триста, к чему бы это привело, учитывая неизбежную этническую и языковую диффузию? В путинском дискурсе о мифических корнях нет ничего удивительного. Однако он не в силах освободиться от давних представлений о том, что Россия — это не Европа, и огромная ее часть находится в Азии. Он мечтает вовсе не о возрождении Советского Союза. Я боюсь, как бы тут не зашла речь о возрождении общества и государства восточного типа, чего-то наподобие Византии...

Ирония состоит в том, что это именно Путин своим недовольством неевропейским характером или статусом России и своими вытекающими отсюда действиями и спровоцировал японское чувство ностальгии по России — вот о чем я размышляю в настоящий момент. По сравнению с ориентализмом, который проводит границу между Европой и Азией

и ведет к дестабилизации отношений между обеими, Россия сама по себе играет роль общего знаменателя в плане пространства, изначально обосновавшись на территории, которую много с кем приходится делить и которая много кого в себя включает. Боюсь, так будет и впредь. К чему может привести и какие формы может принять устремление Путина (сделать так, чтобы Россию считали полноправным, настоящим, «чистым» членом Европы), которое само по себе яростно отрицает важную особенность и свойство России? Даже если в качестве временной меры, так сказать, «на пробу», это заветное желание будет исполнено, и Россию возьмут-таки в Европу, все равно Россия не сможет этим удовлетвориться. Если Россия получит статус находящегося на пути развития «новичка» в Европе и к ней станут относиться соответствующе, оказывая должную поддержку, в этом случае Россия будет обязана удовлетвориться достигнутым. Если Россию убедят в том, что она — государство-анахронизм, тогда она уже больше не сможет вести себя как держава с сильной государственной властью. Но при этом должно как-то сохраниться этническое и культурное многообразие, составляющее население России. До тех пор, пока Россия сможет балансировать в условиях этой непростой двойственности или двоякости — между «поли- или мультикультурализмом»

и «чисто европейским устремлением» — японцы будут продолжать испытывать свою трудноописуемую ностальгию по России и близость к этой стране.

Что сказал бы по поводу всего этого Оидзуми Кокусэки, будь он жив? Юный Кокусэки, который в Чите наслушался рассказов японских солдат, отправленных в Сибирь, наверняка в наши дни отправился бы журналистом на Украину. Кокусэки, свидетель революции в Петрограде, издавший насилие и разруху, наверняка возненавидел бы и счел бы огромной трагедией любые националистические проявления. Наконец, Кокусэки, в молодые годы благодаря Толстому прочитавший «Дао дэ цзин» Лао Цзы, возможно, до конца своих дней хранил бы молчание касательно Советского Союза. Не исключено, что этим в житейском плане мудрым и проницательным человеком тоже овладела бы глубокая ностальгия. Что до воспоминаний об утраченном прошлом, тут Кокусэки, сам того не ведая, стал выразителем объединяющего всех японцев чувства и ощущения.

Прим. Во время работы над этим очерком я многое почерпнул из книги Орландо Файджеса «Танец Наташи. История культуры России» (перевод на японский: Торияма Юскэ, Тацуми Юкико, Накано Юкио, изд. «Хакусэйся», Токио, 2021).

А. Ф. Павловский

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: «ВТОРАЯ ВОЛНА» ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТИ О БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА (2016–2021)

Данная статья¹ посвящена обзору современных подходов к исследованию советской культурной памяти о блокаде Ленинграда (1941–1944). Анализируя значимые работы последних лет (Т. Воронина, Е. Добренко, П. Барскова, И. Каспэ, В. Басс, А. Арлаускайте и др.), автор критически разбирает три основных подхода к проблеме культурной травмы блокады: нарратологическую оптику в исследовании культурных текстов, анализ мемориальных пространств и визуальных метафор, а также подход к изучению «архива» и «канона» блокадной памяти. Новизна этих подходов, с точки зрения автора, позволяет говорить о появлении «второй волны» исследований памяти о блокаде. В свою очередь, автор выделяет ряд лагун и спорных мест и предлагает пути дальнейшего развития направления.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, культурная память, культурная травма, историография, нарратология, символические пространства, архив, канон.

Сведения об авторе: Павловский Алексей Федорович, аспирант факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ассоциированный сотрудник Центра изучения культурной памяти и символической политики ЕУСПб.

Контактная информация: apavlovskiy@eu.spb.ru.

© А. Ф. Павловский, 2022

DOI 10.31754/2409-6105-2022-1-26-49

¹ Благодарю профессора А. И. Миллера и всех участников аспирантского семинара факультета истории ЕУСПб — Анастасию Павловскую, Михаила Кондратьева, Арсения Моисеенко, Марину Попову, Павла Романова, Карину Хаснулину и Юрия Штенгеля — за внимательное чтение и критику данного текста.

A. F. Pavlovskii

CULTURAL TRAUMA AND CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY: "SECOND WAVE" OF RESEARCH ON MEMORY OF THE SIEGE OF LENINGRAD (2016–2021)

This article is devoted to a review of contemporary approaches to the study of Soviet cultural memory about the Nazi blockade of Leningrad (1941–1944). Analyzing the significant works of recent years (T. Voronina, E. Dobrenko, P. Barskova, I. Kaspé, V. Bass, A. Arlauskaitė, etc.), the author critically discusses three main approaches to the cultural trauma of the Siege: narratological optics in the study of cultural texts, analysis of memorial spaces and visual metaphors, as well as approach to the study of "archive" and "canon" of the Siege memory. According to the author, the novelty of these approaches allows to speak about the emergence of "second wave" studies of memory of besieged Leningrad. In turn, the author identifies a number of lacunae and controversies and suggests ways to further develop this historiographical field.

Key words: Great Patriotic War, World War II, blockade of Leningrad, cultural memory, cultural trauma, historiography, narratology, symbolic spaces, archive, canon.

About the author: Pavlovskii Aleksei F., Ph.D. student (aspirant) of the Department of History at the European University at St. Petersburg (EUSP), associate researcher of the Center for the Study of Cultural Memory and Symbolic Politics (EUSP).

Contact information: apavlovskiy@eu.spb.ru.

Не так давно поэт Игорь Вишневецкий заметил, что образ блокады — это «сгусток всего <...>, что связано <...> с советско-военным опытом», что блокада — это «увеличительное стекло», через которое можно смотреть на весь опыт Великой Отечественной войны (*Каспэ* 2018: 337). При всей (бес)спорности этой догадки очевидно, что за последние восемьдесят лет блокадный Ленинград стал «местом памяти», «намоленным» сотнями авторов и посредников, предлагавших свои образцы «героизма», «жертвенности» и «горя». Влияние этих нарративов и образов заставляет исследователей внимательнее относиться к «культурной травме» как к процессу формирования доминирующих и альтернативных нарративов о страдании общества в прошлом (*Alexander* 2004; *Николаи* 2017). Концепт «культурной памяти» позволя-

ет авторам глубже анализировать отношение группы к своему «трудному прошлому»; понять роль акторов и институтов памяти, институализирующих культурную травму в различных дискурсах; в конце концов, изучить моральные сообщества, которые интерпретируют прошлое тем или иным способом (*Assmann* 2011; *Erll* 2010; *Ассман* 2014).

«Советский миф» создал блокаде Ленинграда репутацию исключительного и уникального события, и сегодня культурная память об этом событии привлекает особый интерес исследователей. Историография памяти о блокаде — это междисциплинарное и международное предприятие. Его участниками выступают историки, литературоведы, филологи, антропологи, историки искусства, киноведы. Помимо российских

вузов, среди которых выделяется Европейский университет в Санкт-Петербурге, исследователи памяти о блокаде аффилированы в университетах США, Великобритании, Франции, Швейцарии, Латвии, некоторые из них активно печатаются в таких журналах, как «Новое литературное обозрение», «Неприкосновенный запас», «Laboratorium». Круг исследователей узок — вряд ли мы насчитаем больше тридцати пяти авторов, занимавшихся темой в последние двадцать лет. Такой список авторов, впрочем, уже формирует субполе внутри поля исследователей памяти о войне, высвечивающих разные грани памяти о Великой Отечественной войне, в том числе в сравнительной перспективе (Память о войне 2005; *Maxotina* 2020; *Tumarkin* 1994; *Merridale* 2002; *Recalling the Past* 2008; *Jones* 2013).

Цель этого обзора заключается в том, чтобы проанализировать подходы к исследованию советской культурной памяти о блокаде, которые сформировались в последние годы. На мой взгляд, новизна их подходов позволяет говорить о появлении «второй волны» исследований памяти о блокаде. Так, «первая волна» авторов, пришедшая на середину 1990-х — середину 2000-х, испытывала сильный интерес к устной истории блокады, истории создания военных монументов, ставя вопросы о взаимовлиянии «советского мифа» о войне и индивидуальной памяти свидетелей блокады (*Merridale* 2002; *Kirschenbaum* 2006; *Память о блокаде* 2006). В рамках «второй волны» эти проблемы не исчезли, однако обогатились активным обсуждением процесса культурной травмы.

Авторы вооружились более строгой нарратологией и рецептивным подходом к посредникам памяти и их восприятию. Кроме того, они обратили пристальный взгляд на процесс формирования «архива» и «канона» литературных и визуальных текстов о блокаде.

В последние десятилетия историография блокады и историография памяти о блокаде находятся в рамках общего историко-антропологического поворота к советскому человеку. Современные исследователи блокады уделяют особое внимание настроениям горожан (*Ломажин* 2002), представлениям ленинградцев о справедливости и благе (*Яров* 2012), моделям их поведения и способам выживания (*Hass* 2021), неформальной коммуникации и слухам (*Пянкевич* 2014), блокадным дневникам (*Peri* 2017), а также блокадному письму (*Сандомирская* 2013), чтению, художественному восприятию городского пространства (*Barskova* 2017). В схожем русле исследователи памяти интересуются послевоенной «субъективностью» блокадников и их потомков, памятью о блокадном опыте в разных интерпретационных рамках — «гражданских», «религиозных», «социалистических» и других, реагирующих на идеологемы и особенности посредников памяти (*Память о блокаде* 2006; *Каснэ* 2018; *Блокадные после* 2019). Эту субъективность блокадников и их потомков нельзя ограничить бинарной оппозицией героя и жертвы: фактический материал указывает на сложность и разнообразие таких моделей в разное время.

Вместе с тем развитие историографии памяти о блокаде происходит

одновременно со структурными изменениями в культурной памяти как таковой. Начиная с 2010-х (и особенно после юбилея 2014 г.) можно различить контуры своеобразного «ренессанса памяти о блокаде», памяти до этого, казалось, «охлажденной», провинциально-полуактуальной. Этот «ренессанс» связан с особой интенсивностью памятования о блокаде и проявляется в широком спектре явлений от медийных скандалов и новых коммеморативных практик до новаций в художественной литературе, кино, театре, современном искусстве и музейном деле. Важно, что этот процесс накладывается на «эпоху постпамяти» (Hirsch 2012), когда поколение свидетелей блокады постепенно уходит, а их место занимают моральные сообщества потомков блокадников и других мемориальных акторов. Поворот к постпамяти приводит не к «охлаждению» и забвению памяти, а наоборот — к эмоционализации и поляризации отношения к блокаде у разных групп, предпочитающих воображать ее как пространство героического эпоса или как гуманитарную катастрофу, что приводит к разнообразным конфликтам памяти (см. немногочисленные исследования о современной постсоветской памяти о блокаде: (Львовский 2009; Воронина 2018: 215–266; Мельникова 2019; Чуйкина 2019; Грушка 2019)).

Эти контексты так или иначе определяют лицо «второй волны» исследований памяти о блокаде, чьи основные подходы я постараюсь проанализировать. Во-первых, я обращаюсь к нарратологическому подходу. Далее я анализирую работы, посвященные мемориальных про-

странствах блокады, их восприятию и визуальным метафорам. В конце я демонстрирую возможности подхода, исследующего «архивацию» и «канонизацию» культурных текстов о блокаде. В заключение я суммирую лакуны и спорные места, а также предлагаю свое видение будущего развития исследовательского поля.

НАРРАТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКОЙ ПАМЯТИ О БЛОКАДЕ

Нарратологический подход в memory studies направлен на то, чтобы показать, что воображение группы о прошлом напрямую зависит от конкретных повествовательных структур (Шмид 2003: 12–13). Со времен «Метаистории» (1973) Хейдена Уайта историкам известно, что историю можно рассказать как «роман», «трагедию», «комедию», «сатиру» (Уайт 2002). Со времен «Великой войны и современной памяти» (1975) Пола Фассела им также известно, что британские поэты и писатели умели изображать Первую мировую войну как экзистенциальный ад, абсурд и «демонический мир» «поруганной невинности». Этот «иронический модус» повествования сохранился у многих авторов, позже писавших о своем опыте Второй мировой (Фассел 2015: 408–412, 437–438), однако такой нарратив о войне не всегда можно обнаружить, когда речь заходит о советских произведениях.

Опыт соцреализма — это не то, что проходит в культуре бесследно. Специфика советской памяти и памяти о блокаде Ленинграда безусловно

отличалась от западных образцов. В сталинское время социалистический реализм был не просто эстетикой, а ключевым компонентом сталинской идеологии, в рамках которого кино, литература и другие искусства конструировали «реальность социализма» (Добренко 2007). В этом контексте исследователи задаются вопросом, как именно соцреалистическое письмо — со свойственной ему героической, «сознательной» и «партийной» репрезентацией настоящего, прошлого и будущего — влияло на изображение Великой Отечественной войны, приводя к «искажению», «амнезии» и «анестезии» травматического опыта миллионов людей (Кукулин 2005). Второй вопрос заключается в том, как соцреализм о войне мутировал и разрушался, а господствующее место его сказочного квазиэпического нарратива (Кларк 2002) подвергали сомнению иные эстетики, например, «лирический натурализм» лейтенантской прозы (Лейдерман, Липовецкий 2003).

Повествования о блокаде, или «блокадные нарративы», — собственно, так называется сборник статей под редакцией Полины Барсковой и Риккардо Николози — подвергаются похожему аналитическим процедурам. Приверженцы нарратологического подхода стремятся показать доминирующие и альтернативные модели описания блокады Ленинграда поэтами, писателями, идеологами, историками во время войны (Блокадные нарративы 2019). Позднесоветский период памяти о блокаде пока что освещен гораздо хуже, однако уже сейчас можно говорить о нескольких существенных обобщениях.

В этом контексте монография Татьяны Ворониной ««Помнить по-нашему»: соцреалистический историзм и блокада Ленинграда» (2018) является, пожалуй, самой амбициозной попыткой историка рассказать о культурной памяти о блокаде со времен «Legacy of the Siege» (2006) Лизы Киршенбаум. Используя широкие хронологические рамки от начала блокады в 1941 г. вплоть до 2014-го, Воронина обращается к двум ключевым вопросам о природе советской памяти о войне: с одной стороны, как соцреалистический канон повлиял на устройство самых различных текстов о блокаде Ленинграда, с другой — как эта форма рассказа о прошлом использовалась движением блокадников. В первом случае автор заимствует инструментарий из классической уже книги Катерины Кларк «Советский роман» (1982); во втором обращается к социологической теории Пьера Бурдьё и рассматривает память ветеранов блокады как «символический капитал», который те в перестройку и 1990-е гг. пытались перевести в общественное и государственное признание (Воронина 2018).

В первой части книги автор анализирует советскую литературу, рассматривая как прозаические (А. Чаковский, А. Адамович, Д. Гранин и др.), так и поэтические тексты о блокаде (О. Берггольд, М. Дудин, Ю. Воронов и др.). Во второй Воронина обращается к (пост)советской историографии, прослеживая напряженную дискуссию о количестве блокадных смертей. В третьей части на основе правовых актов, публицистических текстов и интервью автор исследует институционализацию движения

блокадников в перестройку и 1990-е, их представления о себе как о «героях» и «жертвах» (Там же).

Основной «нарратологический» аргумент «Помнить по-нашему» заключается в том, что практически вся подцензурная литература о блокаде вплоть до перестройки формировалась по канонам «соцреалистического историзма». Эта нарративная формула включала в себя следующие элементы. Во-первых, это «положительный герой», т.е. взрослый или ребенок, который, несмотря на изначальную «стихийность», достигает «сознательности» в борьбе за Родину, претерпевая лишения, трудности и страдания, а если ему приходится жертвовать собой, то жертва эта добровольна и имеет смысл. Во-вторых, это «наставник» — партийная/военная фигура или фигура взрослого в случае персонажей-детей, — который помогает «герою» этой «сознательности» добиться. В-третьих, это «стихийный» «враг», с которым «герой» ведет борьбу; при этом «враг» может быть как «внешним» (немцы; суровая природа), так и «внутренним» (шпионы, предатели и т. д.). В-четвертых, это «общественное задание», сводящееся к «спасению Ленинграда» в той или иной форме. В-пятых, это «счастливый конец», хэппи-энд, который герметизирует блокаду Ленинграда в ее хронологических границах и позволяет избежать разговора о негативных последствиях в виде индивидуальной и коллективной травмы (психологической, физической, социальной), способной растягиваться на десятилетия (Там же).

С точки зрения Вороной, такая нарративная модель оказалась «ка-

лонизирована» в позднесоветской культуре, что сделало «большинство опубликованных в СССР произведений о блокаде» очень похожими друг на друга. Более того, этот нарратив оказал влияние на восприятие и самовосприятие блокадников и продолжает жить в общественном дискурсе до сих пор. Вместе с тем автор уточняет, что детям блокады было проще ассоциировать себя с пассивными жертвами войны, а само содержание понятия «героизм» сместилось с образа военного подвига на образ семейного самопожертвования, взаимовыручки и солидарности граждан, попавших в общую беду. В свою очередь, современные писатели и поэты выходят из-под контроля «советского мифа», уже не следуют соцреалистической оптике и пишут о блокаде, фокусируясь на катастрофическом опыте жертв, а не на подвигах героев без страха и упрека. Все это, в свою очередь, кардинально меняет ландшафт памяти о блокаде Ленинграда (Там же).

В чем достоинства и недостатки подхода «Помнить по-нашему»? С одной стороны, строгую нарратологию с набором конкретных предметов сравнения можно только приветствовать. Вопросы, которые задает Вороная, являются актуальными для анализа любых нарративов о блокаде, «соцреалистические» они или нет, заставляя задумываться о том, как в произведениях меняется природа персонажей, их восприятие себя и других, как меняется репрезентация властей Ленинграда и руководства СССР, как внутри повествования скользят оппозиции «свой»/«Другой», «внутренний»/«внешний», то, как

трансформируется конфликт и целлеполагание внутри нарратива.

С другой стороны, при правильных вопросах сам тезис о тотальности и статичности «соцреалистического историзма» в позднесоветское время нельзя назвать убедительным. Советскому Союзу необязательно было разваливаться, чтобы авторы стали писать и «помнить» о блокаде как-то «не по-нашему». Поле советской литературы проявляло больше независимости и потенциала к изменениям, чем это показано в книге. Безусловно, «соцреалистический историзм» убедительно прослеживается в анализе Ворониной советской историографии блокады и партийных текстов как наиболее идеологизированных жанров; главы, посвященные использованию ветеранскими организациями риторике «героев» и «жертв», также выглядят убедительно и позволяют плодотворно говорить о преемственности и разрывах между периодами. Тем не менее попытка подвести позднесоветские художественные произведения о блокаде под единый «соцреалистический историзм» вызывает массу возражений — и это самое спорное место «Помнить по-нашему».

«Жанровая» критика подхода Ворониной особенно видна в статье Константина Богданова, посвященной литературе о блокаде для подростков. Как считает Богданов, в позднесоветской культуре слово «соцреализм» на практике использовалось как понятие, объединявшее произведения различных жанров и содержания, «литература для детей и подростков сильно отличалась

от взрослой и уж точно не была однотипно «соцреалистической» (Богданов 2019). В то же время надо отдать должное и логике Ворониной. В другой из своих статей Воронина и ее соавтор Полина Барскова утверждают, что именно фигура подростка и ребенка как персонажа блокадных нарративов использовалась в качестве лазейки, с помощью которой писатели и поэты расшатывали соцреализм, подрывая его за счет героя, чьи страдания и «несознательность» можно показывать, в отличие от «сознательного» и стойкого взрослого (Voronina, Barskova 2019). Однако, на мой взгляд, не факт, что многие авторы, писавшие «подростковые» повести о блокаде, начиная с 1960-х вообще работали в рамках «соцреалистического канона», что видно на примере таких повестей, как «Седьмая симфония» (1964) Тамары Цинберг или «Хлеб той зимы» (1970) Эллы Фоянковой.

В свою очередь, тезис книги о том, что советская подцензурная литература совсем не работала с образом травматических последствий во время и после блокады, вряд ли может быть обоснован. Во-первых, уже в брежневское время публикуются произведения, где «кризис маскулинности» и «феминности» в условиях голода показан не только эксплицитно и страшно, но и как то, что рассказчик переживает многие годы спустя, как в рассказах и повестях «Девочка-жизнь» (1964) Н. Чуковского, «Пять дней отдыха» (1967) И. Герасимова, «Сестра печали» (1968) В. Шефнера, «Маленький Гарусов» (1970) И. Грековой. Во-вторых — хотя Воронина обговаривает, что не рассматривает кино о блокаде, — как раз «фильми-

ческий» ракурс позволил бы сильно скорректировать представления о «соцреалистичности» позднесоветской культуры. «Блокадные после», будь то физические, социальные и психологические травмы участников обороны и блокады Ленинграда, отчетливо показаны в таких фильмах брежневского периода, как «Рабочий поселок» (1966), «Дневные звезды» (1968), «Память» (1975), «Всегда со мною...» (1976), «Ленинградцы, дети мои...» (1980), «Время отдыха с субботы до понедельника» (1984), «Встретимся в метро» (1986), «Запомните меня такой...» (1987). Эти малоизвестные пласты литературы и кино о блокаде еще требуют внимательного анализа. Однако даже поверхностное знакомство с ними расшатывает уверенность в том, что «строгий» соцреализм о блокаде не умер в начале 1960-х гг., периодически воскресая работами в духе «Зеленых цепочек» (1970) или эпопеи «Блокада» (1975–1977).

Возвращаясь к «жанровой» линии критики, следует подчеркнуть: «жанр» в бахтинском смысле необходимо изучать именно как диалогическую ситуацию: «память жанра» и «жанр памяти» (Olick 1999). Первая часть «Помнить по-нашему», к сожалению, оставляет произведения в самоценном коконе — читатель вряд ли поймет, с кем авторы спорят, к кому отсылают, из каких жанровых конвенций складывается их письмо, что, скажем, отчетливо видно из книги Полины Барсковой «Седьмая щелочь: тексты и судьбы блокадных поэтов» (2020). Барскова уделяет много внимания разнообразию генеалогий, в рамках которых поэты сумели создать настолько раз-

нообразное блокадное письмо, черпая вдохновение и «метод» не только из жуткой повседневности, но и из довоенной традиции: (пост)романтической, акмеистской, обэриутской, соцреалистической (Барскова 2020). К сожалению, исследований, которые бы прослеживали жанровый диалог или переключку традиций в литературе и кинотекстах позднесоветского времени, почти не наблюдается.

Нарратологические исследования часто легко упрекнуть в том, что они почти не обращают внимания на восприятие текстов современниками. Нарратив — это то, что надо поверить рецепцией. Пытаясь проанализировать восприятие киноэпопеи «Блокада» (1975–1977), снятой Михаилом Ершовым по роману Александра Чаковского, я использовал схему, предложенную Татьяной Ворониной (образ героя, наставника, врага, общественного задания, хэппи-энд), впрочем, задаваясь совершенно другим вопросом: даже если произведение написано в духе «соцреализма», насколько «соцреалистической» является его аудитория? Воспринимает ли она это как должное или нет? Стенограммы худсоветов и публичных обсуждений «Блокады» показывают, что актеры по разным причинам считывали эти «компоненты» как нечто неудовлетворительное, задаваясь вопросом, стоит ли так рассказывать и показывать блокадное прошлое (Павловский 2019).

Другой вывод статьи, обращенный к диалогическим связям, заключался в том, что нарратив «Блокады», вероятно, использовался руководством Ленинграда для конкуренции

с другими властными нарративами. Во-первых, киноэпопея «Блокада» явно боролась с идеологемами сталинских киноэпопей, показывая Сталина как неспособного «наставника» и ставя на его место реабилитированных после «Ленинградского дела» вождей Ленинграда. Во-вторых, фильм предлагал ленинградоцентричный нарратив о Великой Отечественной войне, показывая битву за Ленинград как ключевой эпизод, от которого зависела судьба не только города, но и Москвы, всей страны, всего мира. В позднесоветский период такая риторика выделяла Ленинград, после всех потрясений явно «провинциализированный» (Там же). Таким образом, рецептивный подход к тексту помог выявить массу скрытого, что оставалось за рамками одного лишь нарративного анализа.

Следует отдать Ворониной должное: в рамках нарратологии у ее книги не так много продуктивных альтернатив. Одной из них является очерк Евгения Добренко «Блокада реальности: ленинградская тема в соцреализме», в котором он исследует блокадное письмо, отталкиваясь от концепции Ильи Кукулина, предлагавшего делить советскую литературу о войне на *эмоционально-дискомфортное* и *экзистенциально-дискомфортное* письмо. Первый тип письма, с точки зрения Кукулина, отсылает к описанию страха, боли, ненависти, нравственных конфликтов. Второй тип письма связан с «проблемами идентичности», объект его рефлексии и двигатель сюжета — «ощущение крушения и последующего трудного обретения смысла жизни, саднящая невосполнимость потерь».

По мысли Кукулина, эти логики письма способствовали переработке военного опыта в различные литературные модели. Первый тип подразумевал то, что описанные «страдания оправданы или <...> оплачены грядущей победой». Второй — то, что «и позитивный, и страшный опыт» войны имеет самостоятельное значение (Кукулин 2005).

Основываясь на этой концепции, Добренко разбирает четыре типа блокадного письма на примере текстов Всеволода Вишневского, Веры Инбер, Ольги Берггольц и Лидии Гинзбург. Автор подчеркивает разные модели переработки блокадного опыта. В случае Вишневского — это идеологический дискомфорт, полное вытеснение риторики травмы, смешение трагизма и героики. В случае Инбер — «риторическая генерализация» суровых деталей блокадной повседневности. Берггольц, в свою очередь, как автор отправляется на «тестирование границ» эмоционального и экзистенциального, создавая свое гибридное героически-диссидентское письмо. При этом проблематизация опыта и выход к экзистенциальным вопросам травмы и свидетельства, невозможные в соцреализме, возникают лишь в квазиантропологическом письме Гинзбург (Добренко 2020). Здесь анализ Добренко интересен умением фиксировать оттенки соцреалистического письма и динамику его изменения в разные периоды: и Берггольц, и Тихонов, и Кетлинская, и Чуковский в разное время писали соцреалистически, но это разные *соцреализмы*, и куда плодотворнее сравнивать их, чем сводить к единому «соцреалистическому историзму».

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА: МЕМОРИАЛЬНЫЕ МЕСТА И ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ

И все же нарратология — это не панацея. Люди воображали и воображают блокадное прошлое не только с помощью «сюжетов», но и с помощью «пространств» (Barskova 2017).

Подобные «пространства» памяти всегда носят символическую нагрузку. Их означаемые меняются в зависимости от контекста и воспринимающей стороны. С одной стороны, исследователей интересует то, как и для чего конструируются мемориальные места блокады — памятники, скульптуры, мемориалы, кладбища; руины как особые знаки блокадного (Русинова 2006; Kirschenbaum 2006; Schönle 2011; Maddox 2014). С недавнего времени авторов также волнует то, какие эмоциональные режимы эти пространства предполагают и что по этому поводу *чувствует* их аудитория (Басс 2019; Каспэ 2018).

С другой стороны, ученые обращают внимание на визуальные метафоры блокады, «канонизированные» в (пост)советской культуре. Эти метафоры представляют клише, «монограммы»² повседневности, выраженные в фотографиях, кинокадрах и используемые в других посредниках памяти (Арлаускайте 2017). Это также могут быть символы, например, образ разорванного кольца, надпись «900 (дней)», образ «кургана», которые эксплуатируют архитектура, музеи, агитация (Павловская

2021). В конце концов, это — воображаемые «пространства», которых нет или еще нет: так, Полина Барскова пишет о трех пространственных метафорах — «выморочной блокадной комнате», разрушающейся городской руине и идеальном архиве всех блокадных текстов (Barskova 2017).

Статья Вадима Басса «Модернистский монумент для классического города» (2019) — пример первого подхода, анализирующего конструирование мемориального пространства и его восприятия. В своем тексте автор исследует кейс проектирования и восприятия мемориала Героическим защитникам Ленинграда. История создания этого сооружения растянулась почти на двадцать лет: первый всесоюзный конкурс был объявлен в 1957 г., а финальную версию монумента работы М. Аникушина открыли на Средней Рогатке только 9 мая 1975 г. В качестве исторических источников автор обращается к положениям конкурсов, многочисленным *альтернативным* проектам архитекторов, постановлениям властей, а главное, огромному количеству писем с отзывами блокадников, воображавшими собственный — идеальный вариант монумента (Басс 2019). Таким образом, статья Басса удачно сочетает анализ жанра проектов, логики институциональных решений и восприятия зрителей, предлагая комплексный взгляд на историю создания монумента.

В чем аргумент статьи? Во-первых, автор приходит к выводу, что

² Здесь я заимствую термин «монограмма» из рассуждений Наталии Арлаускайте о документальном кино во время панельной дискуссии «Память и кино о блокаде Ленинграда: культурная травма, нарративы и режимы визуальности» (1941–2019) в ЕУСПб: <https://www.youtube.com/watch?v=LUCRiAwDo5I> (дата обращения: 11.07.2021).

окончательная версия мемориала стала компромиссным решением давно затянувшегося процесса. В его рамках ни место, ни жанр отнюдь не были predetermined: главный памятник блокаде Ленинграда мог появиться на Васильевском острове, а большая часть проектов создавалась в духе абстрактной модернистской архитектуры, подвергавшейся гонениям в 1960-е и 1970-е гг. Во-вторых, обсуждение проекта монумента, к которому ленинградцев активно призывали власти и архитекторы в прессе, вылилось в поток неподцензурных текстов блокадников, описывающих свой страшный опыт. Эти письма, сочетавшие воспоминания и реакцию на проекты, были далеки от соцреалистической оптики; кроме того, отклики были наполнены критикой в адрес властей, не заботившихся о положении выживших. В-третьих, жанровое понимание монумента в отзывах оставалось традиционным, «анти-модернистским». Басс связывает этот факт, во-первых, с отсутствием у зрителя языка, который позволил бы понять модернистский подход, во-вторых, «со специфическим видением именно блокадного сюжета, в котором сходятся сильное травматическое переживание и желание зафиксировать пережитое, историю». Такое видение зрителей требовало не абстракции, а «рассказа в скульптуре», нарративного монумента, каким и стал финальный мемориал Героическим защитникам Ленинграда (Там же).

Такой подход позволяет рассмотреть культурную травму блокады именно как *процесс*, изменения внутри которого не predetermined и зави-

сят от решений множества институциональных акторов. Ленинградцы в статье Басса не теряют агентности, их тяжело назвать проводниками официального «советского мифа», что не мешает им с этим мифом взаимодействовать, а их жанровое и социальное восприятие произведения подвергается тщательному анализу. Исследователям литературы и кино о блокаде здесь точно есть что заимствовать у исследователей блокадных мемориалов.

Впрочем, такой подход к изучению символических «пространств» блокады — отнюдь не единственный. В очерке «Место смерти: мемориализация войны и образы ленинградской блокады» (2018) Ирина Каспэ рассматривает историю Пискаревского кладбища через призму *utopian studies* и истории эмоций (Каспэ 2018). Подход Каспэ к исследованию этого мемориала, главного массового захоронения времен блокады, является рецептивным. С одной стороны, автора интересует, какой образ кладбища конструировался в экскурсионных пособиях, фотоальбомах, туристических брошюрах 1960–1980-х гг. С другой — какие эмоции испытывали позднесоветские туристы, которые посещали Пискаревский мемориал. Для ответа на второй вопрос Каспэ собрала интервью с двадцатью респондентами 1946–1980 годов рождения, которые впервые посетили мемориал в 1960–1988 гг. в детском и подростковом возрасте — от восьми до шестнадцати лет (Там же: 397).

Исследование Каспэ выглядит новаторским потому, что речь идет о восприятии блокады *неленинградцами* и *непотомками* блокадников.

Анализируя интервью, Каспэ формулирует убедительную гипотезу о том, что в позднем Советском Союзе советские граждане испытывали аффективную сопричастность с образом блокадного Ленинграда и трагической судьбой его жителей. Пространство «эмпатии» и «горя» по отношению к судьбе блокадников было не только локально ленинградским и семейным, но, вероятно, общесоветским (Там же: 338–341). Как утверждают респонденты, впервые оказавшись на кладбище во время туристической экскурсии, они — тогда дети и подростки — резко меняли представление о Ленинграде. Теперь в их воображении он был не имперским городом или колыбелью революции, а местом катастрофы, чьи масштабы осознавать невыносимо (Там же: 375–376). Вспоминая, как ступали на плиты огромной общей могилы, в которой лежали полмиллиона человек, респонденты говорили, что испытывали «страх», «ужас», «трепет», «сострадание», «благодарность», «гордость», «разочарование», «боль» и — «огромное, вселенское горе». Собеседники Каспэ рассказывали о том, как проецировали судьбу блокадников на свою жизнь, воображали, как повели бы себя в их ситуации и как можно было бы спасти погибших, исправив непоправимое (Там же: 385–386). При этом мемориал оказывался для них местом, где происходило «открытие смерти», местом сопричастия живых и неуспокоенных мертвых. В конце концов, кладбище приобретало черты сакрального места, вынесенного из повседневного опыта посетителей в пространство катастрофического монструозного потустороннего (Там же: 380–384).

Помимо этих выводов, исследование Каспэ заслуживает внимания своим полувопросом-полупризывом, всегда ли мы должны описывать советскую память о войне через оппозицию «государственного мифа» и «коллективной памяти»? В свое время эта бинарная оппозиция была особенно актуальна для «первой волны» исследований памяти о блокаде, например, Кэтрин Мэрридейл и Лизы Киршенбаум, и многие исследователи руководствуются ей до сих пор. Сама же Каспэ считает, что восприятие «советского мифа» как насильственного *политического проекта*, созданного ради индоктринации и государственной гегемонии, загоразивает иную перспективу: а не была ли память о блокаде в позднем Советском Союзе именно *культурным проектом*, дававшим ответы на некие экзистенциальные вопросы и запросы человека того времени (Там же: 345–349)?

Таким образом, гипотеза Каспэ заключается в том, что в позднесоветском воображении существовала оппозиция утопического «рая» и антиутопического «ада». «Рай» — пространство будущего коммунизма. «Ад» — пространство «осажденного города» смерти — блокадного Ленинграда. Чем менее осуществимым становился утопический запрос, тем значимей для советских людей выглядел его антипод, провоцирующий этический взгляд в катастрофическое прошлое. Становясь «местом смерти», Пискаревский мемориал погружал посетителей в «пограничное состояние, позволяя пережить и глубокое горе личной утраты, и страх персональной смерти — чувства, на которые в позднесоветской

культуре, в сущности, ответов быть не могло» (Там же: 394–396).

Для «традиционного» историка такие культурологические рассуждения могут показаться экзотикой, однако ни подход, ни вопрос автора нельзя сбрасывать со счетов. И то, и другое — достоинства работы. Основная же критика к исследованию заключается в том, что, хотя автор оговаривает существование поздних интерпретаций респондентов, в тексте они слабо учитываются. Ранняя устная истории блокады стремилась анализировать эти социальные рамки памяти, «религиозные», «гражданские», «антисоветские», «ветеранские» (Память о блокаде 2006), однако в работе Каспэ это не наблюдается. Это не значит, что люди не воображают блокаду Ленинграда как антиутопический «ад», а Пискаревское кладбище как место «небожественного сакрального» (Каспэ 2018: 396), а то, что я только наполовину убежден, что это феномен позднего Советского Союза.

Впрочем, попытки автора мыслить о «сакральном» восприятии блокады отнюдь не являются тупиковыми. Например, известно устно-историческое интервью с потомком блокадников (1959 г.р.), который уже в 2003 г. выражает мнение о памяти о блокаде Ленинграда как о варианте *светской религии*. Как сообщал респондент: «память блокады <...> заменила ту религию, которую стерли. <...> Все эти религиозные идеи, которые <...> исключены из обихода <...> блокада

ведь <...> компенсировала эти идеи. <...> когда люди видели <...> по телевидению эти фильмы, вспоминали и плакали, там, сострадав погибшим, <...> это чисто религиозно-человеческое. Так же они убивались о Христе, который положил за них свою жизнь. <...> еще раз напоминал[и] им о том, что они живут благодаря тем, кто погибли»³. Такие высказывания подкрепляют догадку Каспэ, однако подтвердить гипотезу об их позднесоветском происхождении помогут лишь источники-современники.

Как такое исследование символических пространств блокады может быть продолжено? Если автор или последователи ее подхода захотят развить сюжет с Пискаревским мемориалом, я бы рекомендовал провести три сравнительных анализа. Во-первых, не стоит сбрасывать со счетов фигуру потомка блокадников как носителя семейной постпамяти — я уверен, что такое сравнение восприятия потомков/непотомков покажет массу общего и различного в воображении блокады: в современной историографии об этом написано крайне мало (см. (Баранова 2006)). Во-вторых, я сомневаюсь, что Пискаревский мемориал — единственное «место», порождавшее сильные экзистенциальные переживания: почему бы нам не сравнить их с восприятием посетителями Мамаева кургана в Сталинграде или Брестской крепости? В-третьих, тезис об оскудении утопического мировосприятия в позднем СССР необходимо сопоставить с тезисом Алейды

³ Название проекта: «Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города». Номер интервью: VL-2В-006. Интервьюер: Татьяна Воронина. Дата интервью: 3 февраля 2003 г. Благодарю Е. А. Мельникову за доступ к архиву Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Ассман о кризисе темпорального режима модерна в западной культуре в целом. Начиная с 1980-х гг. образ ностальгического и травматического прошлого становится там ключевым, а доверие к утопическому будущему выглядит сильно подорванным (Ассман 2017). Вполне вероятно, что, рассуждая о блокаде как пространстве «антиутопии», мы говорим о более широких процессах, затрагивающих всю западную культуру, включая советскую.

Второй подход, о котором следует кратко упомянуть, — это исследование визуальных метафор блокады. Примером такого подхода является статья Наталии Арлаускайте «“Пройдемте, товарищи, быстрее!»: режимы визуальности для блокадной повседневности» (2017). Пользуясь фуколдианской оптикой на понятие «архив» и анализируя примеры художественного кино о блокаде (около пятнадцати фильмов, снятых в 1942–2014 гг.), автор приходит к выводу, что в них повторяются кадры, взятые из документального фильма «Ленинград в борьбе» (1942). В числе этих снимков присутствуют такие сцены, как «сбор воды», «ребенок в блокадном городе», «перевозка умерших», «замерзшие трамваи», «зимний фонарь», «громкоговорители на улицах», «очистка улиц от снега», «дирижабли», и иные репрезентации «пространств» и жителей (Арлаускайте 2017: 80–91). С точки зрения Арлаускайте, столь частое использование этих кинокадров превратило их в отчужденные символы, составившие каталог «блокадного визуального минимума» советского времени. При этом автор воспринимает это как насильствен-

ную процедуру, в рамках которой хроникальный «канон» превращается в ритуальный инструмент «государственной мемориальной политики» (Там же: 102).

В чем достоинства такого подхода? На мой взгляд, можно только приветствовать наблюдения за тем, как визуальные маркеры превращаются в «каноническое» изображение, «икону», за счет частной детали суммирующую все представление о событии (как это было в случае с «канонизацией» знаменитого дневника Тани Савичевой). При этом внимание Арлаускайте к повторам хроникальных «пространств» заставляет задуматься об аналогичных повторях и мутациях игровых «пространств» в художественных фильмах. Моя гипотеза заключается в том, что количество таких визуальных «пространств» также было крайне ограничено («выморочная квартира», «руина», «поле боя», «госпиталь», «завод», «пространства власти», «уличные пространства», «ладожская дорога», «пространства фантазии и воображаемого»), при этом развитие визуальных образов блокады происходило как раз за счет новых интерпретаций этих «пространств».

Финальный вывод в статье, впрочем, вызывает сомнение. Во-первых, представление о том, что режиссеры, сценаристы и киноредакторы 1960–1980-х гг. обслуживали некую «государственную мемориальную политику» о блокаде, заставляет мыслить позднесоветское культурное производство более «тоталитарным», чем оно было на самом деле. Мой опыт работы с архивными источниками,

посвященными производству и обсуждению кино о блокаде, заставляет говорить о большей автономии этого поля. Во-вторых, использование кинохроники в игровом кино почти никогда не воспринималось авторами и худсоветами как что-то, что «анестезирует» образ блокадных страданий. Так, существуют свидетельства, доказывающие представление авторов о кинохронике как об «истинном» изображении, чьи цитаты настолько «правдиво» изображают страдания блокадников, что ставят под сомнение героические и оптимистические сцены игрового фильма (Павловский 2019). Это заставляет усомниться в гипотезе о «государственно-мемориальном» присвоении «хроникального канона» в позднем СССР, что, впрочем, не должно отвращать от исследования того, как блокадная хроника осваивалась в (пост)советской культуре: Наталия Арлаускайте является здесь первопроходцем.

«АРХИВ» И «КАНОН» КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ О БЛОКАДЕ: В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ПОДХОДА

Как анализировать «архив» и «канон» культурной памяти о блокаде? Сегодня этот подход остается наименее разработанным вообще. К сожалению, за скороговоркой о блокадном «каноне» часто скрываются либо метафоры, либо отсутствие рефлексии о реальных процессах «архивации» и «канонизации» текстов о блокаде. Эта претензия справедлива даже в случае исследования литературной «канонизации», т. е. того, как писатели и их тексты о блокаде становятся «классическими»: невозможно от-

рицать, что Ольга Берггольц — это и *классик* литературы о блокаде, и *символ* морального свидетеля блокады (см. (Завьялов 2012; Ходжсон 2017)), однако авторы пока еще мало задаются вопросом, *как именно* она стала и тем, и другим, что этому содействовало и сопутствовало.

С точки зрения теории *memory studies*, динамика культурной памяти зависит от того, как складывается процесс собирания, сохранения и архивного структурирования текстов («архивация») и процесс рецепции текстов о прошлом, когда они становятся значимыми в рамках публичного дискурса и воспринимаются как «канонические» (Assmann 2011; Assman 2014). Существование блокадного «архива» и «канона» нельзя просто констатировать. То, что и как «собрали», требует анализа эпистемологических логик, которые предшествовали «архиву», а «канон» необходимо исследовать как процесс и результат конкуренции мемориальных акторов. Этот подход далек от анализа нарративов или символических пространств, однако без него анализ культурной памяти о блокаде остается неполным.

Остановимся на двух примерах, связанных с архивным сбором свидетельств в блокаду Ленинграда и «культурной биографией» блокадного дневника после войны. В своей статье Анастасия Павловская исследует процесс формирования «блокадного архива» ленинградского отделения Института истории ВКП(б). В 1942–1944 гг. сотрудники института занимались сбором дневников и воспоминаний горожан. Руководствуясь официальными во-

просниками, историки проводили интервью с ленинградцами, оставив внушительный массив личных свидетельств блокады, — от директоров заводов и партийных работников до воспитательниц детских садов и уборщиц. Цель проекта заключалась в сборе источников для написания подробной героической истории блокады и Ленинградской битвы — таким образом, еще до окончания блокады опыт горожан «историзировался» как уникальный, исключительный и заслуживающий внимания потомков (Павловская 2019).

Подход Павловской к изучению этого «архива» основан на концепции «коллективной» (collective) и «собираемой» (collected) памяти социолога Джеффри Олика и заключается не столько в том, чтобы анализировать содержание собранных источников, а в том, чтобы понять логику партийных историков при формировании памяти о блокаде. Автор считает, что сама идея «блокадного архива» была бы невозможной без имевшейся традиции «исторического авангардизма» 1930-х гг. (термин Йохена Хельбека), прежде всего, горьковской «истории фабрик и заводов». Таким образом, советские историки задолго до Гарвардского проекта обратили внимание на устную историю как метод сбора свидетельств (Там же:), и многие принципы, по которым блокада «архивировалась», были сформулированы задолго до самого события.

При этом невозможно отрицать, что вопросы сотрудников ленинградского отделения Института истории ВКП(б) фреймировали будущий рассказ о блокаде именно в соцре-

алистическом ключе. Еще на уровне вопросов образ Ленинграда конструировался как пространство «трудового фронта», где «лучшие люди», благодаря «сталинской заботе», преодолевают «трудности», жертвуя собой ради «победы» над «немецко-фашистскими захватчиками». Однако вопреки «правильным» вопросам многие из стенограмм имели глубоко «исповедальный характер, не столько соответствующий героическому нарративу, сколько повествующий о травматическом опыте респондентов». Такое противоречие между нормативной рамкой официального нарратива и реальными свидетельствами, говоривших интервьюерам о невыносимом голоде, смерти родственников, мародерстве, каннибализме, вероятно, привело к тому, что этот массив источников в советское время использовался мало и выборочно (Там же: 117). Таким образом, «блокадный архив» дневников и стенограмм долгое время оставался невостребованным, а его содержимое мало подвергалось рецепции в публичном дискурсе, что задерживало динамику культурной памяти о блокаде в советское время.

При всей новизне подхода эта статья больше фокусировалась на логике «архива» в конкретной точке, чем на переплетающихся процессах «архивации» и «канонизации» культурного текста во времени. Статья Анастасии Павловской и Алексея Павловского «Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа (1941–2021)» (2021) частично заполняет эту лауну. Цель этой статьи заключалась в том, чтобы «обозначить место блокадного дневника как

эго-документа и символа в советских и современных коммеморативных практиках», понять, каким образом дневник стал неотъемлемым «знаком блокадного», самостоятельным «местом памяти» в современной культуре. Пользуясь уже упоминавшейся теорией Яна Ассмана и Алейды Ассман, авторы фокусировали внимание на двух задачах. С одной стороны, понять, как государственные и общественные архивисты, активисты и историки определяли логику и очертания «архива» блокадных дневников. С другой — проследить, как «блокадный дневник» интерпретировался, распространялся и «канонизировался» другими акторами — музейными работниками, педагогами, журналистами, писателями, кинематографистами и художниками.

Авторы рассматривают «архивацию» блокадного дневника как процесс, основанный на преемственности и разрывах во времени. Начав с кейса ленинградского отделения Института истории ВКП(б), исследователи указывают, что в сознании блокадной историков дневники не были самоценным свидетельством, а лишь материалом, «оживлявшим» будущую партийную историю войны. Во время создания «Блокадной книги» в 1970-е гг., чьим авторам — Алеся Адамовичу и Даниилу Гранину — пришлось формировать собственный «архив» блокадных эго-документов с нуля, дневник воспринимался уже не просто как материал «для истории», а как «артефакт травмы и памяти», «опалющее свидетельство» гуманитарной катастрофы. В случае публикации и комментария к дневнику Юры Рябинкина в «Блокадной книге» грань между «архивацией»

и «канонизацией» в документальной прозе и вовсе начинает стираться.

Современный этап «архивации» блокадных эго-документов, прежде всего, связан с проектом «Прожито» и его исследовательским центром в ЕУСПб. По мысли авторов, этот проект «связан с еще большими амбициями и надеждами на исчерпывающий *цифровой архив*». Особенности этого архива станут полнота, всеобщая доступность к полнотекстовому корпусу, научный комментарий, (гео)тэгирование и другие инструменты исследования и визуализации данных. На сегодняшний день сотрудникам «Прожито» известно более 530 блокадных дневников, что составляет 8% (!) всего корпуса известных русскоязычных дневников. Как считают авторы, «такой архив существенно облегчит доступ к блокадным дневникам и поспособствует более активному витку «канонизации» блокадного свидетельства в современной культуре» (Павловская, Павловский 2022).

В этом случае под «канонизацией» блокадного дневника авторами понимается сложный процесс культурной интерпретации, зависящий от различных посредников памяти, аудитории, медиальных и жанровых характеристик. На протяжении советского и постсоветского времени блокадный дневник в первую очередь «канонизируется» как «знак блокадного» — «знак наиболее (эмоционально) подлинного свидетельства события», «знак рефлексии горожан — о себе в истории». «Каноничность» дневника усиливается за счет новых художественных, мемориальных и историографических

подходов: блокадному дневнику ставятся памятники; форма дневника имитируется в художественной литературе о блокаде; литература и искусство используют дневник как «источник» для новых высказываний и метафор; кино, театр и музей «драматизируют» дневник, «превращая фрагментарное свидетельство в связанное повествование», а историки наконец-то рассматривают его как «богатейший источник по механизмам выживания, общественным настроениям, слухам, представлениям о справедливости, субъективности советского человека». При этом различные «цифровые проекты, включая “Прожито”, современные СМИ и школьное образование пропагандируют *свидетельскую модель памяти*», т.е. «отношение к блокадному дневнику как самостоятельному свидетельству», чтение которого «становится демократизирующей практикой памятования, альтернативой официальным гламурифицирующим нарративам» (Там же):

Таким образом, подход к исследованиям блокадного «архива» и «канона» позволяет посмотреть на «культурную биографию» блокадного дневника как на сложный процесс медиализации и использования его различными акторами — вплоть до формирования особого «места памяти», без которого современную память о блокаде трудно представить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Вторая волна» исследований советской памяти о блокаде Ленинграда демонстрирует качественный скачок с точки зрения новых подходов.

Нарратологический подход, анализ «символических пространств» и визуальных метафор, исследования процессов «архивации» и «канонизации» культурных текстов предлагают новые способы анализировать культурную травму блокады в 1940–1990-е гг. Нарратологическая оптика помогает авторам строже анализировать повествовательные модели блокадных и послеблокадных нарративов. «Пространственный» и визуальный поворот позволяет понять, с помощью каких символических пространств советский субъект воображал или хотел воображать блокадное прошлое, как эти образы конкурировали и «нормализовались». Внимание к «архиву» и «канону» памяти о блокаде заставляет думать о принципах собирания блокадных свидетельств и том, как они превращаются в значимые «места памяти», как это видно на примере феномена блокадного дневника. Несмотря на немногочисленность работ такого рода, интенсивность их методологической рефлексии заставляет оптимистично думать о будущем исследований памяти о блокаде.

Вместе с тем не стоит игнорировать спорные места и лакуны. Представление о доминировании «соцреалистического историзма» в литературе и других посредниках памяти, вероятно, требует пересмотра. Трансформации и мутации соцреалистической оптики на блокаду, на мой взгляд, были более радикальными, а рефлексия о блокадной травме и «блокадных после» в дискурсе 1960–1980-х гг. более отчетливой, чем может показаться. Исследованиям нарративов точно не хватает рецептивной (а иногда и просто жанровой) оптики, взгляда

читателя и зрителя, воображающего прошлое; опыт исследователей мемориальных пространств и их восприятия ярко показывает, насколько резко такой подход может поменять выводы о динамике культурной памяти о блокаде.

Спор же о том, рассматривать ли «советский миф» о блокаде как насильственную практику «вездесущего» государства или как «культурный проект» и экзистенциальную потребность позднесоветского субъекта, может оказаться бесконечным тупиком. Чтобы преодолеть его, авторам необходимо задаться вопросом, как фактически была устроена позднесоветская система культурного производства — издательств, киностудий, творческих союзов, цензурных комитетов, партийных отделов культуры — и как именно эти акторы влияли на культурную память о блокаде и отстаивали свое видение. При всем обилии подходов наше знание конкретных институций и акторов, ответственных за «архивацию», «канонизацию» и в целом производство позднесоветской культуры, находится на грани полупонимания, а без институционального подхода мы обречены раз за разом приписывать «тоталитарные» черты тем полям культурного производства, которые все больше завоевывали себе автономию в позднесоветское время.

В конце концов, перефразируя Игоря Вишневецкого, не так важно, сможет ли историография памяти о блокаде стать «увеличительным стеклом» всей историографии памяти о войне, как то, сможет ли она стать «зеркалом» или частью общего «пазла» культурной травмы Второй мировой

войны во всем мире. Исследованиям памяти о блокаде пока не хватает ни компаративной оптики, ни транснационального подхода. Память о блокаде остается герметичным предметом исследования, а ее взаимосвязи с другими «памятями» о войне проблематизируются мало и редко. Отсутствие исследований, которые бы сравнивали процессы памяти о блокаде Ленинграда и Сталинградской битвы или же внимательно сопоставляли культурную травму блокады и Холокоста, разочаровывает. К счастью, высокий интерес исследователей к этой проблеме оставляет надежду, что такие работы появятся, а поиск общего и различного, равно как поиск связей и культурных трансферов, станет общепринятым подходом в исследованиях памяти о блокаде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арлаускайте 2017 — *Арлаускайте Н.* «Пройдемте, товарищи, быстрее!»: режимы визуальности для блокадной повседневности // Блокадные нарративы / под ред. П. Барсковой и Р. Николози. М., 2017. С. 75–102.

Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

Ассман 2017 — *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017.

Баранова 2006 — *Баранова В.* Память о блокаде в семейных рассказах // Память о блокаде / под ред. М. В. Лоскутовой. М., 2006. С. 262–274.

Барскова 2020 — *Барскова П.* Седьмая щелочь: тексты и судьбы блокадных поэтов. СПб., 2020.

Басс 2019 — *Басс В.* Модернистский монумент для классического города // Не-

прикосновенный запас. 2019. № 6 (128). С. 61–84.

Блокадные нарративы 2017 — Блокадные нарративы / под ред. П. Барсковой и Р. Николози. М., 2017.

Блокадные после 2019 — Блокадные после: Сборник статей / под ред. П. Барсковой. М., 2019.

Богданов 2019 — Богданов К. Блокада в литературе для подростков (1970-е годы): история и истории // Неприкосновенный запас. 2019. № 6 (128). С. 111–129.

Воронина 2018 — Воронина Т. Помнить по-нашему: соцреалистический историзм и блокада Ленинграда. М., 2018.

Грушка 2019 — Грушка С. Память о блокаде Ленинграда между стагнацией и динамизмом: мемориальные практики // Неприкосновенный запас. 2019. № 6 (128). С. 119–141.

Добренко 2007 — Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007.

Добренко 2020 — Добренко Е. Блокада реальности: ленинградская тема в соцреализме // Добренко Е. Поздний сталинизм: эстетика политики. Том 1. М., 2020. С. 73–132.

Завьялов 2012 — Завьялов С. Что остается от свидетельства: меморизация травмы в творчестве Ольги Берггольц // Новое литературное обозрение. 2012. № 116.

Каспэ 2018 — Каспэ И. В союзе с утопией: смысловые рубежи позднесоветской культуры. М., 2018. С. 335–404.

Кларк 2002 — Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002.

Кукулин 2005 — Кукулин И. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / под ред. М. Габовича. М., 2005. С. 617–658.

Лейдерман, Липовецкий 2003 — Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная рус-

ская литература: 1950–1990-е гг. В 2 т. Т. 1. М., 2003.

Ломагин 2002 — Ломагин Н. Неизвестная блокада. СПб., 2002.

Львовский 2009 — Львовский С. «Видит горы и леса»: История про одно стихотворение Виталия Пуханова // Новое литературное обозрение. 2009. № 2.

Махотина 2020 — Махотина Е. Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы. СПб., 2020.

Мельникова 2019 — Мельникова Е. Блокада как общее место публичных споров // Неприкосновенный запас. 2019. № 6 (128). С. 142–156.

Николаи 2017 — Николаи Ф. Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры. М., 2017.

Павловская 2019 — Павловская А. Блокадный архив Ленинградского отделения Института истории ВКП(б) и влияние исторического авангардизма // Неприкосновенный запас. 2019. № 6. С. 104–118.

Павловская 2021 — Павловская А. Память о блокаде, символы и пространственные метафоры: архитектурный конкурс и дискуссия о создании музейно-выставочного комплекса «Оборона и блокада Ленинграда» // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей / под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. СПб., 2021. С. 189–198.

Павловская, Павловский 2022 — Павловская А., Павловский А. Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон блокадного эго-документа // «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника / сост. А.Ю. Павловская, науч. ред. Н.А. Ломагин. СПб., 2022. С. 421–456.

Павловский 2019 — Павловский А. Рецензия фильма «Блокада» Михаила Ершова: ленинградоцентричная память о войне в советском кинематографе 1970-х //

Неприкосновенный запас. 2019. № 6 (128). С. 32–48.

Память о блокаде 2006 — Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: материалы и исследования / под ред. М. В. Лоскутовой. М., 2006.

Память о войне 2005 — Память о войне 60 лет спустя / под ред. М. Габовича. М., 2005.

Пянкевич 2014 — Пянкевич В. Люди жили слухами. Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014.

Русинова 2006 — Русинова О. Долговечнее камня и бронзы: образы блокады в монументальных ансамблях Ленинграда // Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / под ред. М. В. Лоскутовой. М., 2006. С. 335–363.

Сандомирская 2013 — Сандомирская И. Блокада в слове. Очерки критической теории и биополитики языка. М., 2013.

Уайт 2002 — Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

Фассел 2015 — Фассел П. Великая война и современная память / пер. с англ. А. Глебовской. СПб., 2015.

Ходжсон 2017 — Ходжсон К. Прорываясь сквозь барьеры времени и пространства во время блокады: Ольга Берггольц // Блокадные нарративы / сост. П. Барсковой, Р. Николози. М., 2017. С. 186–200.

Чуйкина 2019 — Чуйкина С. Блокада Ленинграда как трудное прошлое: скорбная «антигосударственная» память и музеи // Неприкосновенный запас. 2019. № 6 (128). С. 157–180.

Шмид 2003 — Шмид В. Нарратология. М., 2003.

Яров 2012 — Яров С. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М., 2012.

Alexander 2004 — Alexander J. et al. Toward a Theory of Cultural Trauma // Cultural

Trauma and Collective Identity. London, 2004. P. 1–30.

Assmann 2011 — Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization. Writing, Remembrance and Political Imagination. New York, 2011.

Barskova 2017 — Barskova P. Besieged Leningrad: Aesthetic Responses to Urban Disaster. De Kalb, 2017.

Erl 2010 — Erl A. Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erl, A. Nünning. Berlin; New York, 2010. P. 389–399.

Jones 2013 — Jones P. Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–70. London, 2013.

Hass 2021 — Hass J. K. Wartime Suffering and Survival: The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944. Oxford, 2021.

Hirsch 2012 — Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. New York, 2012.

Kirschenbaum 2006 — Kirschenbaum L. A. The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments. New York, 2006.

Maddox 2014 — Maddox S. Saving Stalin's Imperial City. Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950. Bloomington, 2014.

Merridale 2002 — Merridale C. Night of Stone: Death and Memory in Twentieth Century Russia. London, 2002.

Olick 1999 — Olick J. K. Genre Memories and Memory Genres: A Dialogical Analysis of May 8, 1945 Commemorations in the Federal Republic of Germany // American Sociological Review. Vol. 64, No. 3 (June, 1999). P. 381–402.

Peri 2017 — Peri A. The War Within: Diaries from the Siege of Leningrad. Cambridge, 2017.

Recalling the Past 2008 — Recalling the Past — (Re)constructing the Past. Collec-

tive and Individual Memory of World War II in Russia and Germany / ed. by A. Rozenholm and W. Bonner. Helsinki, 2008.

Schönle 2011 — Schönle A. Architecture of Oblivion: Ruins and Historical Consciousness in Modern Russia. DeKalb, 2011.

Tumarkin 1994 — Tumarkin N. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia New York, 1994.

Voronina, Barskova 2019 — Voronina T., Barskova P. Unspeakable Truths: Children of the Siege in Soviet Literature // A Companion to Soviet Children's Literature and Film. Brill, 2019. P. 303–338.

REFERENCES

Alexander J. et al. Toward a Theory of Cultural Trauma. *Cultural Trauma and Collective Identity*. London, 2004. P. 1–30.

Arlauskajte N. «Projdemte, tovarishchi, bystree!»: rezhimy vizual'nosti dlya blokadnoj povsednevnosti. *Blokadnye narrativy*, pod red. P. Barskovoј i R. Nikolozі. Moscow, 2017. P. 75–102.

Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika*. Moscow, 2014.

Assmann A. *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*. Moscow, 2017.

Assmann J. *Cultural Memory and Early Civilization. Writing, Remembrance and Political Imagination*. New York, 2011.

Baranova V. Pamyat' o blokade v semejnnyh rasskazah, *Pamyat' o blokade*, pod red. M. V. Loskutovoј. Moscow, 2006. P. 262–274.

Barskova P. *Besieged Leningrad: Aesthetic Responses to Urban Disaster*. De Kalb, 2017.

Barskova P. *Sed'maya shcheloch': teksty i sud'by blokadnyh poetov*. St. Petersburg, 2020.

Bass V. Modernistskij monument dlya klassicheskogo goroda. *Neprikosnovennyj zapas*, 2019, no. 6 (128), p. 61–84.

Blokadnye narrativy, pod red. P. Barskovoј i R. Nikolozі. Moscow, 2017.

Blokadnye posle: Sbornik statej, pod red. P. Barskovoј. Moscow, 2019.

Bogdanov K. Blokada v literature dlya podrostkov (1970-e gody): istoriya i istorii. *Neprikosnovennyj zapas*, 2019, no. 6 (128), p. 111–129.

Chujkina S. Blokada Leningrada kak trudnoe proshloe: skornbnaya «antigosudarstvennaya» pamyat' i muzei. *Neprikosnovennyj zapas*, 2019, no. 6 (128), p. 157–180.

Dobrenko E. *Politekonomiya socrealizma*. Moscow, 2007.

Dobrenko E. Blokada real'nosti: leningradskaya tema v socrealizme in Dobrenko E. *Pozdnij stalinizm: estetika politiki*. Tom 1. Moscow, 2020. P. 73–132.

Erl A. Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*, ed. by A. Erl, A. Nünning. Berlin; New York, 2010. P. 389–399.

Fussell P. *Velikaya vojna i sovremennaya pamyat'*. St. Petersburg, 2015.

Grushka S. Pamyat' o blokade Leningrada mezhdru stagnaciej i dinamizmom: memorial'nye praktiki, *Neprikosnovennyj zapas*, 2019, no. 6 (128), p. 119–141.

Hass J.K. *Wartime Suffering and Survival: The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*. Oxford, 2021.

Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. New York, 2012.

Hodzhson K. Proryvayas' skvoz' bar'ery vremeni i prostranstva vo vremya blokady: Olga Berggolc, *Blokadnye narrativy*, sost. P. Barskovoј, R. Nikolozі. Moscow, 2017. P. 186–200.

Jones P. *Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–70*. London, 2013.

Kaspe I. *V soyuze s utopiej: smyslovye rubzhi pozdnesovetskoј kultury*. Moscow, 2018. P. 335–404.

- Kirschenbaum L. A. *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments*. New York, 2006.
- Klark K. *Sovetskij roman: istoriya kak ritual*. Ekaterinburg, 2002.
- Kukulin I. Regulirovanie boli (Predvaritel'nye zametki o transformacii travmaticheskogo opyta Velikoj Otechestvennoj / Vtoroj mirovoj vojny v russkoj literature 1940–1970-h godov. *Pamyat' o vojne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*, pod red. M. Gabovicha. Moscow, 2005. P. 617–658.
- Lejderman N., Lipoveckij M. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gg.* V 2 t. Vol. 1. Moscow, 2003.
- Lomagin N. *Neizvestnaya blokada*. St. Petersburg, 2002.
- Lvovskij S. «Vidit gory i lesa»: Istoriya pro odno stihotvorenje Vitaliya Puhanova. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009, no. 2.
- Maddox S. 2014. *Saving Stalin's Imperial City. Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950*. Bloomington, 2014.
- Makhotina E. *Prelomleniya pamyati: Vtoraya mirovaya vojna v memorialnoj kulture sovetskoj i postsovetskoj Litvy*. St. Petersburg, 2020.
- Merridale C. *Night of Stone: Death and Memory in Twentieth Century Russia*. London, 2002.
- Melnikova E. Blokada kak obshchee mesto publicnyh sporov. *Neprikosnovennyj zapas*, 2019, no. 6 (128), p. 142–156.
- Nikolai F. *Polemika o travme i pamyati v amerikanskih issledovaniyah kulturny*. Moscow, 2017.
- Olick J.K. Genre Memories and Memory Genres: A Dialogical Analysis of May 8, 1945 Commemorations in the Federal Republic of Germany. *American Sociological Review*, vol. 64, No. 3 (June, 1999), p. 381–402.
- Pavlovskaja A. Blokadnyj arhiv Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii VKP(b) i vliyanie istoricheskogo avangardizma. *Neprikosnovennyj zapas*, 2019, no. 6, p. 104–118.
- Pavlovskaja A. Pamyat' o blokade, simvoly i prostranstvennye metafory: arhitekturnyj konkurs i diskussiya o sozdanii muzejno-vystavochnogo kompleksa «Oborona i blokada Leningrada», *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope: sbornik statej*, pod red. V.V. Lapina i A.I. Millera. St. Petersburg, 2021. P. 189–198.
- Pavlovskaja A., Pavlovskij A. Blokadnyj dnevnik v kul'turnoj pamyati: arhiv i kanon blokadnogo ego-dokumenta, «Ya znayu, chto tak pisat' nel'zya»: *Fenomen blokadnogo dnevnika*, sost. A. Yu. Pavlovskaja, nauch. red. N. A. Lomagin. St. Petersburg, 2022. P. 421–456.
- Pavlovskij A. Recepciya fil'ma «Blokada» Mihaila Ershova: leningradocentrichnaya pamyat' o vojne v sovetskom kinematografe 1970-h. *Neprikosnovennyj zapas*, 2019, no. 6 (128), p. 32–48.
- Pamyat' o blokade. Svidetel'stva ochevidcev i istoricheskoe soznanie obshchestva: materialy i issledovaniya*, pod red. M.V. Loskutovoj. Moscow, 2006.
- Pamyat' o vojne 60 let spustya*, pod red. M. Gabovicha. Moscow, 2005.
- Peri A. *The War Within: Diaries from the Siege of Leningrad*. Cambridge, 2017.
- Pyankevich V. *Lyudi zhili sluhami. Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada*. St. Petersburg, 2014.
- (Re)constructing the Past. Collective and Individual Memory of World War II in Russia and Germany*, ed. by A. Rozenholm and W. Bonner. Helsinki, 2008.
- Rusinova O. Dolgovechnee kamnya i bronzy: obrazy blokady v monumental'nyh ansamblyah Leningrada. *Pamyat' o blokade: Svidetel'stva ochevidcev i istoricheskoe soznanie obshchestva*, pod red. M.V. Loskutovoj. Moscow, 2006. P. 335–363.
- Sandomirskaya I. *Blokada v slove. Ocherki kriticheskoy teorii i biopolitiki yazyka*. Moscow, 2013.

Tumarkin N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York, 1994.

Schönle A. *Architecture of Oblivion: Ruins and Historical Consciousness in Modern Russia*. DeKalb, 2011.

Shmid V. *Narratologiya*. Moscow, 2003.

Voronina T., Barskova P. Unspeakable Truths: Children of the Siege in Soviet Literature. *A Companion to Soviet Children's Literature and Film*. Brill, 2019. P. 303–338.

Voronina T. *Pomnit' po-nashemu: socrealisticheskij istorizm i blokada Leningrada*. Moscow, 2018.

White H. *Metaistoriya: Istoricheskoe vobrazhenie v Evrope XIX veka*. Ekaterinburg, 2002.

Yarov S. *Blokadnaya etika. Predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.* Moscow, 2012.

Zav'yalov S. Chto ostaetsya ot svidetel'stva: memorizaciya travmy v tvorchestve Olgi Berggolc. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, no. 116.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА (2011–2021): БЛОКАДНЫЙ ЭГО-ДОКУМЕНТ КАК ИСТОЧНИК И МЕДИУМ

В статье исследуется новейшая историография блокады Ленинграда с точки зрения использования в ней блокадных дневников как исторического источника. Анализируя работы историков последних десяти лет (С. Яров, А. Пери, В. Пянкевич, Дж. Хасс), автор приходит к выводу, что многообразие тем и подходов в современной историографии блокады связано во многом со спецификой источника, активно вводящегося в научный оборот в последние годы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, историография, блокадный дневник, эго-документы, источники личного происхождения.

Сведения об авторе: Павловская Анастасия Юрьевна, исследователь Центра изучения эго-документов «Прожито» ЕУСПб, аспирантка факультета истории ЕУСПб.

Контактная информация: anast.pavlovska@gmail.com.

A. Y. Pavlovskaya

HISTORIOGRAPHY OF THE SIEGE OF LENINGRAD IN 2011–2021:
SIEGE EGO-DOCUMENT AS A SOURCE AND A MEDIUM

The article studies the contemporary historiography of the Siege of Leningrad from the point of view of the use of siege diaries in it. Analyzing the works of historians of the last ten years (S. Yarov, A. Peri, V. Pyankevich, J. Hass), the author concludes that the variety of topics and approaches in the modern historiography of the blockade is largely due to the specifics of the source, which has been actively introduced into scientific circulation in recent years.

Key words: The Second World War, the Great Patriotic War, the Siege of Leningrad, historiography, the blockade diary, ego-documents.

About the author: Pavlovskaya Anastasia Y., researcher at the Center for the Study of Ego-Documents “Prozhito” EUSP, post-graduate student of the Faculty of History EUSP.

Contact information: anast.pavlovska@gmail.com.

В конце 2000-х гг. в историографии блокады Ленинграда произошел сдвиг, который можно было бы назвать второй источниковой революцией¹ — с этого времени в обязательный минимум любого исследования о блокаде входят эго-документы². Эти перемены совпали с существенными изменениями в исследовательских вопросах историков и выборе тем, которые затрагиваются в новейших исследованиях блокады Ленинграда. Задача этого обзора — рассмотреть историографию блокады последних десяти лет через использование в ней эго-документов. Основные вопросы, которые поднимаются в этом тексте: как в историографии блокады Ленинграда используются эго-документы? Как их использование позволяет исследователям задать новые вопросы? Наибольшее внимание уделяется в этом обзоре историографии последних пяти лет, однако для воссоздания историографического контекста рассматривается и более ранняя литература³.

Первые попытки ввести дневники и воспоминания в литературу о бло-

каде предпринимались авторами документальной прозы (Ленинградцы в дни блокады 1947, *Варшавский, Рест* 1985, Подвиг Ленинграда 1960). Наиболее известный среди них текст, оказавший существенное влияние на историографию блокады Ленинграда, — «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича (1977–1982) (*Адамович, Гранин* 2020). Для написания этой книги писатели проделали большую работу по сбору дневников и воспоминаний ленинградцев — именно эти тексты стали для них ключевым источником. В своей книге они ввели в оборот ключевые для историографии блокады дневники⁴ — они позволили писателям рассмотреть вопросы и темы, которые до сих пор остаются актуальными для историографии: трансформация отношений внутри семьи, стратегии выживания, функции, назначение и жанровые особенности блокадного дневника, образы городского пространства, досуговые практик и др. Именно эти вопросы в наше время стали ключевыми для историографии блокады Ленинграда.

¹ После архивной революции 1990-х гг.

² Вопреки распространенному заблуждению, понятие «эго-документ» не синонимично понятию «источник личного происхождения». В то время как второе лишь определяет жанровую принадлежность источника, первое фокусируется на его содержании. Эго-документом (эго-текстом) считается любой текст, в котором автор пересобирает и имплицитно или эксплицитно формулирует собственное «я».

³ За пределами этого обзора остается ряд текстов историков литературы. Особенность этой части литературы о блокаде — фокус на отдельных авторах. Наиболее характерный случай — исследование автобиографической прозы Лидии Гинзбург. См: (*Ван Баскирк* 2020, *Николози* 2017: 172–185).

⁴ Например, дневник архивиста и историка Г. Князева. Уже в 2000-е гг. он будет опубликован в массивном академическом издании (*Князев* 2009).

ВНУТРЕННИЙ МИР БЛОКАДНОГО ЧЕЛОВЕКА: ОТ НОРМ МОРАЛИ К ПРАКТИКАМ ВЕДЕНИЯ ДНЕВНИКА

Вероятно, один из основных историографических последователей Градина и Адамовича — Сергей Яров, автор «Блокадной этики», впервые увидевшей свет в 2012 г. Разговор об этой книге важен не только потому, что она оказала большое влияние на последующую историографию блокады: в 2018 г. был опубликован английский перевод книги (Yarov 2018), а в 2021 г. в издательстве ЕУСПб вышло новое русскоязычное издание (Яров 2021) — все это определенно расширит потенциальный круг читателей этой книги и даст новый импульс к ее прочтению. Основная задача книги Ярова — реконструкция норм морали и представлений о справедливости во время блокады Ленинграда. Сам исследователь видит новизну исследования в том числе и в ее источниковой базе. Автор указывает на существовавшие в советской историографии препятствия для использования дневников и воспоминаний в качестве источников: «еще совсем недавно [дневники] использовались с чрезмерной осторожностью. <...> причиной тому были идеологический контроль и самоцензура исследователей» (Там же: 5–6). В то же время исследователь показывает, что исследование этики и морали в блокадном Ленинграде возможно только при использовании документов личного

происхождения: в своей монографии он вводит в научный оборот большое количество дневников из коллекции Института истории ВКП(б)⁵ и Отдела рукописей РНБ⁶. На источниковую базу исследования Ярова оказало большое влияние участие в устно-историческом проекте о блокаде Ленинграда, проводившемся Центром устной истории ЕУСПб⁷: интервью, взятые в ходе проекта, активно использовались Яровым в монографии.

В своем исследовании Яров фокусируется на одном периоде блокады Ленинграда — «смертном времени»⁸, периоде со второй половины ноября 1941 до марта 1942 г. — времени, которому соответствуют самые низкие нормы выдачи продовольствия и наибольшая смертность за весь период блокады Ленинграда. Автор исходит из представления о том, что «норму» проще всего увидеть, зафиксировать и реконструировать в момент ее нарушения или разрушения — именно поэтому его интересует фиксация в эго-документах форм девиантного поведения (воровство, каннибализм, мародерство и т.п.), рефлексия авторов или людей из их окружения по поводу этих эпизодов. Основная идея книги заключается в том, что условия жизни в блокадном Ленинграде породили особую блокадную этику, которая выражается в специфических представлениях о морали и справедливости. Эта этика, по словам Ярова, «пред-

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10.

⁶ В основном — ОР РНБ. Ф. 1273. Коллекция документов о Великой Отечественной войне.

⁷ О проектах «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» и «Блокада Ленинграда в коллективной и индивидуальной памяти жителей города» см.: (Память о блокаде 2006: 7–14).

⁸ Интересно, что эта формулировка, взятая Яровым из дневника В. Бианки и до этого не использовавшаяся в литературе, с момента публикации книги стала общераспространенным наименованием этого этапа в историографии.

ставляла собой не стройную систему норм, которая позволяла четко и недвусмысленно оценивать поведение людей, а хаотичное смешение прежних этических правил и тех аргументов, которые приспособляли мораль к военной повседневности» (Там же: 585). Яров полагает, что одно из главных условий сохранения морального облика в Ленинграде 1941–1942 гг., — это «интеллигентность»⁹, которая выражается в общем уровне культуры человека, степени укорененности в нравственных нормах, профессии и положении в обществе и круге общения (Там же: 585). Автор отмечает, что одна из основных черт этой новой этики — это жестокий прагматизм, который выражался в том, что более других достоин был выжить наиболее талантливый или ценный для общего коллективного тела человек: эта мысль была усвоена ленинградцами из политики городских властей (в том числе по обеспечению продовольствием) и пропаганды.

Вопросы, поднятые Яровым в «Блокадной этике», и спустя почти десять лет после публикации этой книги выглядят новаторскими и провоцирующими дискуссию. Тем не менее именно то, как Яров работает с понятием «нормы», выглядит одним из наиболее уязвимых мест книги. В качестве оппозиции блокадной этике Яров предлагает некую «традиционную» этику, являющуюся сводом неких универсальных моральных правил и этических норм. Кажется, он подра-

зумевал под ней набор норм человека начала XXI в., однако правильное было бы сравнивать с нормами, характерными для 1930-х гг. или даже более ранних периодов. Одновременно Яров для фиксации нормы нередко пользовался фрагментами из дневников и воспоминаний, не подвергая их критике: кажется, что для него эго-документы были неким прямым отражением объективной реальности, «целостной и правдивой картины осады Ленинграда» (Там же: 6). Определенные недостатки книги заложены и в самой источниковой базе исследования — среди эго-документов, использовавшихся Яровым, мы обнаруживаем ретроспективные источники¹⁰ — воспоминания и интервью, которые правильнее было бы использовать для исследований об индивидуальной памяти блокадников, чем для исследования самой блокады Ленинграда. Наконец, после прочтения книги остается впечатление, что автору удалось реконструировать представления о морали исключительно узкого круга авторов блокадных дневников или поздних воспоминаний, которые сами по себе, очевидно, были людьми одного габитуса. Другая сторона, малообразованные жители Ленинграда или люди, которые сами занимались мародерством, воровством или каннибализмом, остается не услышанной — эту проблему, вероятно, удалось бы частично решить, включив в круг источников допросы этих людей в НКВД или интервью, взятые Институтом истории ВКП(б) в 1943–1944 гг.¹¹ (среди

⁹ Впервые эта идея была выдвинута Граниным и Адамовичем в «Блокадной книге».

¹⁰ Нередко Яров неаккуратно обходится со своими источниками — называет дневники воспоминаниями и наоборот.

¹¹ ЦГАИПД СПб. Оп. 11.

них есть интервью с малограмотными людьми, которые не могли вести дневники).

В своей монографии Сергей Яров одним из первых предпринял попытку охарактеризовать блокадные дневники с точки зрения их жанра, функции и мотивов ведения. Именно дневники, наряду с рядом досуговых практик (чтение, творчество) и общественным контролем, были одним из средств поддержания этических норм. По мнению Ярова, в блокадных дневниках авторы конструировали образы самих себя — именно поэтому в дневниках мы видим «сгущенность всего правильного» (Там же: 289). Яров также выделял среди функций ведения дневников в блокадном Ленинграде самодисциплинирование и наблюдение за собой — в этом он сближался с выводами Й. Хелльбека, для которого дневник 1930-х гг. является способом самоконтроля (Хелльбек 2017: 76–144). Эти рассуждения Ярова оказали большое влияние на идею и исследовательские вопросы книги американской исследовательницы Алексис Пери, автора монографии «Война внутри» («The War Within») (Peri 2017).

Пери в своей книге предлагает посмотреть на дневник как источник не по истории какого-либо феномена блокадной действительности, а истории собственно блокадного письма, жанра блокадного дневника и субъективности жителя блокадного Ленинграда. «Война внутри» имеет интересную структуру — рассказ Пери о блокаде как бы повторяет форму колец (одна из базовых метафор для описания Ленинграда). Вопросы, поднимающиеся в книге, как бы расходятся концентрическими кругами:

от «Я»/субъекта («self») читатель последовательно проходит через круг семьи и сообщества к государству. Одновременно с движением от личного к государственному в книге происходит движение по хронологии блокады. Пери справедливо отмечает, что большую часть блокадных дневников их авторы начали вести еще до начала блокады (в день начала войны или в ее первые месяцы), т.е. тогда, когда происходила ежедневная реструктуризация повседневной жизни — ее порядка и норм (Ibid.: 5).

Пери полагает, что дневники помогали авторам справиться с изменениями и преодолеть хаос и неизвестность военной повседневности с ее мобилизациями, эвакуацией и бомбардировками: «...борьба за жизнь была для них, по большей части, борьбой за понимание <...> за организацию порядка» (Ibid.: 7). «Я» в блокадном дневнике, таким образом, для Пери — это субъект, анализирующий происходящее вокруг, структурирующий окружающую меняющуюся действительность и пытающийся найти свое место в ней. Пери, однако, утверждает, что тяга к пониманию того, что происходит вокруг, неразрывно связана с тягой к постижению себя самого, причем прежде всего — своего тела. Так же как и Яров, Пери видит в блокадных дневниках функцию самонаблюдения, но не столько морального, сколько физического. Пери утверждает, что на примере блокадных дневников мы можем видеть, как в советском обществе происходило принятие медицинского дискурса широкими слоями общества. Так же как и Яров, исследовательница анализирует язык рассказа о социальных отношениях на разных уровнях, при-

ходит к выводам о трансформации функций семейственности в блокадных дневниках и о том, что в блокадном Ленинграде отсутствовали единые концепты «семьи» (это было вызвано сменой домашних ролей и семейных отношений) и «дома», что связано с переездами, бомбежками, смертью близких в пространстве квартиры и постоянной необходимостью спуска в бомбоубежище. Блокадный дневник — это также место для рассуждений о месте автора в иерархии советского или блокадного общества. Социальный кризис, явившийся следствием блокады Ленинграда, обнажил и утратил существовавший в Советском Союзе социальный порядок. Столовая, очередь, баня — все эти общественные места ставили жителей блокадного Ленинграда в определенную систему иерархий, и язык описания этих мест отражает видение социального порядка. Пери показывает, что рассуждения авторов дневников о системе распределения в осажденном городе подталкивают их к генерализациям — проецированию сложившейся ситуации если не на государственный уровень, то на уровень предприятия или даже города.

Выводы Алексис Пери, при всей новизне и актуальности ее подхода (это первая книга, целиком посвященная блокадным дневникам, вопросам жанра и субъективности ленинградцев), нередко лишь подтверждают на новых источниках те тезисы, которые до этого уже выдвигались историографией. Так, еще Гранин и Адамович выделяли те функции и прагматики ведения дневника, о которых пишет Пери,

а часть тезисов о социальном порядке, влиянии государства на внутренний мир блокадного человека и уникальности его опыта выдвигались Яровым еще в «Блокадной этике».

Один из главных недостатков книги Пери — отсутствие какой-либо контекстуализации. Несмотря на то, что часть предположений, высказанных Пери, рифмуется с основными выводами Й. Хельбека, Пери не рассматривает блокадные дневники как наследие дневниковой традиции 1930-х гг. или даже дореволюционной традиции. Между тем это могло бы подорвать некоторые из ее тезисов. В частности, в одной из глав («Неуловимое Я») она пишет о дневниках Лены Мухиной и Ольги Матюшиной, которые в какой-то момент начинают вести свой дневник от 3-го лица (Ibid.: 67–88). Пери заключает, что тяготы войны, голод и вынужденная изоляция разрушили «неуловимое Я» авторов дневников и вынудили их использовать прием дистанцирования, создавая не только альтернативных персонажей, но и альтернативные варианты развития событий. Использование подобного приема свидетельствует, скорее, о тяге отдельных авторов к беллетризации дневника и желании опубликовать впоследствии свои записи — это напрямую говорит об историческом сознании авторов дневников, нацеленных на передачу текстов потомкам. Более того, подобный прием характерен не только для блокадных дневников — можно привести пример дневника московского школьника 1930-х гг. О. Черневского¹², который также часть повествования вел от 3-го лица.

¹² Дневник О. Черневского // Электронный архив «Прожито». URL: <https://prozhitto.org/person/808>.

БЛОКАДНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ

Книга Владимира Пянкевича «Люди жили слухами» (Пянкевич 2014) спустя пять лет после публикации остается, вероятно, единственным историческим исследованием, посвященным тому, как в заблокированном городе люди утоляли не физический, но информационный голод. Пянкевич исходит из предположения, что наличие информации об окружающем мире является одной из базовых потребностей человека, а в условиях ее отсутствия люди вынуждены каким-то образом ее восполнять. Именно так в военном Ленинграде появилось «неформальное коммуникативное пространство». Пянкевич в своей монографии, таким образом, исследует «стихийное информирование» — слухи, их роль в процессе выживания в блокадном Ленинграде, а также механизмы их распространения. Пянкевич встраивает свою монографию в две историографические рамки — историографии блокады Ленинграда, а также исследований слухов в различные периоды российской истории (Б. И. Колоницкий, И. Б. Орлов, В. Б. Аксенов и др.). Специфика изучения слухов в блокадном Ленинграде, как показывает Пянкевич, в самой источниковой базе — исследование, в основном базируется на дневниках и — реже — воспоминаниях ленинградцев. Пянкевич справедливо отмечает, что запись слухов — это важное место в блокадных дневниках, а авторы отдельных дневников (А. Бардовский) даже «специализировались» на записи слухов.

Структура книги не следует хронологии блокады — книга разделена на те-

матические блоки, в которых поднимаются различные темы и практики неформального коммуникативного пространства Ленинграда. Так, в фокусе Пянкевича оказываются слухи о представителях центральной и местной власти, о немцах и евреях, о положении на фронте, о нормах выдачи продовольственных товаров и об эвакуации. В монографии Пянкевич показывает, что «возникновение и громадный рост стихийной коммуникации были отражением дефицита достоверной информации, ситуации крайней неопределенности» (Там же: 466). При этом, как показывает книга, слухи предлагали ленинградцам выход из состояния мучительной неопределенности и давали почву для общения, что позволяло уменьшить психологическое напряжение: «слухи блокадного Ленинграда были не следствием досужего любопытства, а условием выживания» (Там же: 468).

На основе дневниковых записей Пянкевич реконструирует процесс появления и распространения слухов. В основном они формировались из-за несоответствия официальных сообщений жизненному опыту, однако существовали и слухи, сформированные на основании информации, полученной из немецких листовок, — так они становились оружием вражеской пропаганды. Передача слуха, по мнению Пянкевича, повышала статус и авторитет говорящего в глазах потребителя слуха, так он самоутверждался и «обретал статус осведомленного обладателя недоступной другим информации» (Там же: 470). При этом, чтобы добавить веса высказыванию и одновременно обезопасить рассказчика,

распространитель слуха чаще всего ссылался на авторитетный источник (например, «один военный сказал»). Основными местами распространения слухов, как демонстрируется в книге, становились места массового скопления людей — в блокадном Ленинграде такими местами были преимущественно очереди.

«Люди жили слухами» — пример исследования, которое использует дневники как основные источники сюжетов слухов и контекста, в котором они существуют, однако не замыкается на одном типе источников. Почву для этого исследования в некотором смысле подготовил Н. А. Ломагин: В. Л. Пянкевич в своей монографии активно пользуется опубликованными в сборнике «В тисках голода» еще в 2000 г. документами спецслужб — НКВД, военной разведки Группы армий «Север», службы безопасности СД (Ломагин 2017). Основная проблема монографии Пянкевича — отсутствие какой-либо сравнительной рамки. Так же как и в подавляющем большинстве работ, посвященных истории блокады, Ленинград оказывается в ней отделенным от остального СССР, а также от практик более раннего времени. Остается вопрос — является ли модель неформального коммуникативного пространства заблокированного Ленинграда уникальной? Как и по каким причинам слухи формировались в более ранние периоды — например, в 1930-е гг.? Существует ли какая-либо преемственность между этими практиками? Так, А. Архипова и А. Кирзюк в кни-

ге «Опасные советские вещи» демонстрируют, как очереди становились источниками распространения слухов и «страшилок» в позднем Советском Союзе (Кирзюк, Архипова 2020).

В начале 2021 г. была опубликована книга, которая в будущем, скорее всего, станет одним из ключевых исследований по истории блокады Ленинграда. Книга американского историка и экономиста Джеффри Хасса «Страдание и выживание в военные годы» («Wartime Suffering and Survival») (Hass 2021) посвящена исследованию социальных практик и стратегий выживания во время блокады Ленинграда¹³. Хасс на протяжении десяти лет работал в архивах Санкт-Петербурга с блокадными эго-документами (в частности, с коллекцией, собранной Граниным и Адамовичем, и коллекцией Института истории ВКП(б)) и выработал уникальную для историографии блокады Ленинграда исследовательскую стратегию. Для Хасса дневник — это, прежде всего, источник знания об опыте ленинградцев, их представлениях о правилах и нормах в разных областях — от взаимоотношений с властью до рабочих отношений и отношений с близкими. Как социолога и экономиста Хасса интересует, прежде всего, вопрос причинности — как конкретное действие человека (описанное в дневнике) влечет за собой результат (Ibid.: 58). Для Хасса важно выяснить мотив этого действия — все вместе это представляет собой стратегию выживания. Исследователь указывает — и это отличает исследование Хасса от других, рассмотренных в этом обзоре, — что

¹³ Следует отметить, что о стратегиях выживания применительно к блокаде Ленинграда впервые заговорил Р. Бидлак (Bidlack 2002).

сама выборка документов вряд ли может считаться репрезентативной для всего Ленинграда, но выяснение социального и культурного бэкграунда каждого из авторов дневников помогает ему экстраполировать выводы о действиях конкретных людей на более широкие слои населения Ленинграда.

Книга Хасса состоит из трех частей. В первой он исследует поля власти (authority) и порядка — от поля силы (государственные институты и ВКП(б)) до сообщества и близкого круга. Хасс показывает, что лишения и угроза выживанию изменили традиционные формы порядка и лояльности. Эти перемены были вызваны изменением статуса и роли продовольственных продуктов: они оказались одновременно инструментом контроля, вознаграждением за труд, атрибутом выживания и доверия близким. Несмотря на угрозу социального хаоса, внутренний правопорядок сохранялся, поскольку самим ленинградцам было выгодно использовать государственные институты для получения продовольствия и денежного вознаграждения. Вторая часть книги посвящена практикам пола и класса. Хасс показывает, что неравное распределение ресурсов в блокадном Ленинграде привело к изменениям в классовом сознании — ленинградцы отчетливо ощущали собственную классовую идентичность, которая выражается в языке, описывающем привилегии и теневые рынки. Третья часть книги посвящена смерти и страданиям. В фокусе здесь находится отношение ленинградцев к мертвым телам: для власти стоял вопрос эффективности и контроля (уборка трупов, создание

крематориев и братских могил), для отдельных людей они могли быть источником обогащения (получать продовольствие по карточкам умерших) или источником моральных дилемм. Хасс вслед за С. Яровым демонстрирует, что стратегии выживания заставляли ленинградцев быть прагматичными и нередко трактовать в свою пользу нормы и устоявшиеся правила. Хасс завершает главу утверждением, что ленинградцы в военные и послевоенные годы сформировали особую, «рожденную в страдании» идентичность.

Книга Хасса поражает читателя (прежде всего, не знакомого с методологией и теоретической рамкой социологического исследования) постановкой исследовательского вопроса и самой идеей использования нарративных эго-документов в историко-социологическом и экономическом исследовании. Одно из ее несомненных преимуществ — подведение некоторых тезисов, выдвигавшихся в историографии блокады, но существующих как бы на уровне «здорового смысла», под серьезную «доказательную» базу. Книга Хасса обладает, вероятно, наиболее полной и хорошо описанной источниковой базой среди других исследований, использующих блокадные дневники. Одновременно книга Хасса, по всей видимости, станет в скором времени значительным проводником знания о блокаде и блокадных эго-документах в поле историко-социологических исследований.

Монографии, о которых шла речь в этом обзоре, вероятно, являются сегодня ключевыми работами по истории блокады Ленинграда. Как было показано в этой статье, основу

источниковой базы каждой из них составляют источники личного происхождения, преимущественно блокадные дневники. Этот факт говорит нам не только о новых конвенциях, которые принимаются в историографии блокады Ленинграда, но и о том, каким многогранным источником являются дневники: в каждом из исследований, представленном в этом обзоре, дневники (и воспоминания) рассматриваются с разных позиций. Для С. Ярова они становятся источником для реконструкции норм морали в блокадном Ленинграде, А. Пери исследует одновременно жанр блокадного дневника и субъективность жителя блокадного Ленинграда, В. Пянкевич реконструирует неформальное коммуникативное пространство Ленинграда, а Дж. Хасс демонстрирует многообразие стратегий выживания в блокированном городе.

По всей видимости, существует несколько важных причин такого сдвига в историографии. Первая — публикаторская деятельность, которая ведется историками и филологами параллельно с работой исследователей. За последние годы появилось несколько публикаций очень высокого текстологического качества, сопровождавшихся интересными вступительными статьями¹⁴, а Центр изучения эго-документов «Прожито» ЕУСПб, размещая в своем корпусе¹⁵ прежде не публиковавшиеся тексты, способствует упрощению доступа к ним и делает возможным использование методов корпусных исследований¹⁶.

Другая причина, скорее всего, кроется в особенностях практик коммеморации блокады Ленинграда — как показывают исследования, последние годы отмечены большим вниманием к индивидуальным нарративам и использованию так называемой свидетельской модели, а сам блокадный дневник все больше утверждается в качестве одного из центральных символов блокады Ленинграда (Павловская, Павловский 2021).

Можно предположить, что эти — новаторские — вопросы истории формулируют, прежде всего, при близком знакомстве с дневниками, т.е. что сами источники, фактическая информация, содержащаяся в них, и форма письма наталкивают исследователей на определенные вопросы. Так или иначе, каждый из этих исследователей в своих текстах сталкивается с проблемами репрезентативности выборки, соотношением реальных практик и их фиксации в эго-документах. К сожалению, как показывает этот обзор, не все исследователи с успехом решают эти задачи.

Во всех книгах есть существенное упущение — отсутствие широкой контекстуализации, сравнения, хотя бы минимального, синхронного или диахронического. Очевидно, что как минимум на уровне источников — дневников — такие сравнения возможны. Именно из-за отсутствия внимания к компаративным методам в историографии все еще остаются без ответа ключевые для истории

¹⁴ Например, (Шапорина 2017; Островская 2011; Мухина 2015).

¹⁵ Электронный корпус «Прожито». URL: <http://prozhitо.org>.

¹⁶ В частности, Дж. Хасс в своей книге активно пользуется документами, опубликованными в корпусе.

блокады вопросы: является ли опыт Ленинграда и его жителей (представления о морали, стратегии выживания, механизмы распространения слухов, жанровые особенности блокадных дневников) уникальным во всем, или в нем присутствуют какие-то универсальные черты? Какова степень преемственности между блокадным опытом и довоенным? Очевидно, что источниковый потенциал блокадных дневников не исчерпан, и в ближайшее время нас ожидают исследования, концентрирующиеся на новых вопросах и проблемах блокадного опыта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адамович, Гранин 2020 — *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. СПб.: Азбука, 2020.

Ван Баскирк 2020 — *Ван Баскирк Э.* Проза Лидии Гинзбург: реальность в поисках литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Варшавский, Рест 1985 — *Варшавский С., Рест Б.* Подвиг Эрмитажа. Документальная повесть. Л.: Лениздат, 1985.

Кирзюк, Архипова 2020 — *Кирзюк А., Архипова А.* Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Князев 2009 — *Князев Г.А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб.: Наука, 2009.

Ленинградцы в дни блокады 1947 — *Ленинградцы в дни блокады.* Л.: Лениздат, 1947.

Ломагин 2017 — *Ломагин Н.А.* В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах Ленинградцев. М.: Яуза, 2017.

Мухина 2015 — «Сохрани мою печальную историю...». Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб.: Азбука, 2015.

Николози 2017 — *Николози Р.* Апофатика и формализм. Блокадный нарратив в «Записках блокадного человека» Лидии Гинзбург // Блокадные нарративы / под ред. Р. Николози и П. Барсковой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 172–185.

Островская 2011 — *Островская С.К.* Дневник. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Павловская, Павловский 2021 — *Павловская А., Павловский А.* Блокадный дневник в культурной памяти: архив и канон эго-документа // «Я знаю, что так писать нельзя»: Феномен блокадного дневника / сост. А.Ю. Павловская, науч. ред. Н.А. Ломагин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 421–456.

Память о блокаде 2006 — *Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / под ред. М. Лоскутовой.* М.: Новое издательство, 2006.

Пянкевич 2014 — *Пянкевич В.* Люди жили слухами. Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб.: Владимир Даль, 2014.

Подвиг Ленинграда 1960 — *Подвиг Ленинграда.* Документально-художественная повесть. Л.: Лениздат, 1960.

Хелльбек 2017 — *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Шапорина 2017 — *Шапорина Л.В.* Дневник. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Яров 2021 — *Яров С.* Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде 1941–1942 гг. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2021.

Bidlack 2002 — *Bidlack R.* Survival Strategies in Leningrad // *The People's War: Responses to World War II in the Soviet Union.* Urbana: University of Illinois Press, 2002.

Hass 2021 — Hass J. *Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*. Oxford: Oxford University Press, 2021.

Peri 2017 — Peri A. *The War Within. Diaries from the Siege of Leningrad*. Cambridge: Harvard University Press, 2017.

Yarov 2018 — Yarov S. *Leningrad 1941–42: Morality in a City under Siege*. Oxford: Polity, 2018.

REFERENCES

Adamovich A., Granin D. *Blokadnaya kniga*. St. Petersburg: Azbuka, 2020.

Bidlack R. *Survival Strategies in Leningrad. The People's War: Responses to World War II in the Soviet Union*. Urbana: University of Illinois Press, 2002.

Hass J. *Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*. Oxford: Oxford University Press, 2021.

Hell'bek J. *Revoluciya ot pervogo lica: dnevniki stalinskoj epohi*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.

Kirzyuk A., Arhipova A. *Gorodskie legendy i strahi v SSSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.

Knyazev G. A. *Dni velikih ispytaniy. Dnevnik 1941–1945*. St. Petersburg: Nauka, 2009.

Leningradcy v dni blokady. Leningrad: Lenizdat, 1947.

Lomagin N. A. *V tiskah goloda. Blokada Leningrada v dokumentah germanskih spetsluzhb, NVKD i pis'mah Leningradcev*. Moscow: YAuz, 2017.

«Sohrani moyu pechal'nyu istoriyu...». *Blokadnyj dnevnik Leny Muhinoj*. St. Petersburg: Azbuka, 2015.

Nikoloz R. Apofatika i formalizm. Blokadnyj narrativ v «Zapiskah blokadnogo cheloveka» Lidii Ginzburg. *Blokadnye narrativy*, pod red. R. Nikoloz i P. Barskovoij. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. P. 172–185.

Ostrovskaya S. K. *Dnevnik*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.

Pavlovskaya A., Pavlovskij A. *Blokadnyj dnevnik v kul'turnoj pamyati: arhiv i kanon ego-dokumenta. Biblioteka «Prozhito»*. Blokada. T.1. Fenomen blokadnogo dnevnika. St. Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb, 2021 (v pechati).

Pamyat' o blokade: svidetel'stva ochevidcev i istoricheskoe soznanie obshchestva, pod red. M. Loskutovoj. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006.

Peri A. *The War Within. Diaries from the Siege of Leningrad*. Cambridge: Harvard University Press, 2017.

Pyankevich V. *Lyudi zhili sluhami. Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada*. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2014.

Shaporina L. V. *Dnevnik*. V 2 t. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.

Van Baskirk E. *Proza Lidii Ginzburg: real'nost' v poiskah literatury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.

Varshavskij S., Rest B. *Podvig Ermitazha. Dokumental'naya povest'*. Leningrad: Lenizdat, 1985.

Yarov S. *Blokadnaya etika: predstavleniya o morali v Leningrade 1941–1942 gg.* St. Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb, 2021.

Yarov S. *Leningrad 1941–42: Morality in a City under Siege*. Oxford: Polity, 2018.

«ВАРЯГИ И ХАЗАРЫ — ОБЩНОСТИ, С КОТОРЫМИ ЛЕТОПИСАНИЕ СВЯЗЫВАЕТ НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРИИ».

Интервью с В. Я. Петрухиным

Ведущий отечественный археолог и историк рассказывает об основных вехах своего творческого пути и основных аспектах своих исследований.

Ключевые слова: археология, Древняя Русь, путь «из варяг в греки», «Хазарский проект», «Советская энциклопедия».

Сведения об авторе: Петрухин Владимир Яковлевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор НИУ ВШЭ и РГГУ.

Контактная информация: vladimir.petrukhin@gmail.com.

“VARANGIANS AND KHAZARS — COMMUNITIES WITH WHICH THE ANNALS CONNECT
THE BEGINNING OF RUSSIAN HISTORY”.

Interview with V. Petrukhin

A leading domestic archaeologist and historian talks about the main milestones of his career and the main aspects of his research.

Key words: archeology, Ancient Russia, the path “from the Varangians to the Greeks”, “Khazar project”, “Soviet encyclopedia”.

About the author: Petrukhin Vladimir Yakovlevich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor at the National Research University Higher School of Economics and the Russian State Humanitarian University.

Contact information: vladimir.petrukhin@gmail.com.

© Историческая Экспертиза, 2022
DOI 10.31754/2409-6105-2022-1-000

Важнейшие работы В.Я. Петрухина: 1. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. (1995); 2. Древняя Русь. Народ. Князья. Религия (2000); 3. «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей:

историко-археологические очерки (2011); 4. Русь в IX–X веках: От призвания варягов до выбора веры (2013); 5. Русь христианская и языческая. Историко-археологические очерки (2018).

Беседовал Д. А. Боровков, кандидат исторических наук

Д. Б. Владимир Яковлевич, пожалуйста, расскажите, как начались ваши занятия археологией?

В. П. Я увлекся археологией в школе — это романтическое увлечение отдаляло от советской действительности. С 1964 г. занимался в Клубе юных археологов при Музее истории и реконструкции г. Москвы, которым руководил А. Г. Векслер, принимал участие в раскопках городища в Кунцево (тогда еще подмосковном); посещал открытые лекции в МГУ, где впервые увидел А. В. Арциховского.

Тогда я еще не мог себе представить всерьез, что окажусь на кафедре археологии, которую создал и которой руководил Арциховский, тем более что мне придется постоянно общаться с ним в редакции «Советской энциклопедии» — Артемий Владимирович был членом ее редакционного совета. Меня поразила тогда скрупулезность, с которой ученый относился к подготовке самых небольших статей (в частности, его волновала тогда статья «Цикруль»): он просчитывал объем (в соответствии с требованиями энциклопедической краткости) с точностью до знака!

Д. Б. Кого еще вы считаете своими наставниками в профессии?

В. П. В 1967 г. я поступил на истфак МГУ, собираясь заниматься древнерусской археологией. До официальной специализации на первом курсе кружок для археологов вел Д. А. Авдусин, общение с которым утвердило интерес к археологии Древней Руси. С 1969 г. я участвовал в работе Смоленской археологической экспедиции под руководством Д. А. Авдусина в самом Смоленске, но, предлагая тему для студенческой работы, Д. А. Авдусин заинтересовал меня погребальным обрядом гнездовских курганов в окрестностях древнего города. С тех пор я увлекся проблематикой скандинавских древностей и связанных с ними дохристианских представлений. Главным отечественным специалистом по архаическим культам был профессор С. А. Токарев, заведовавший кафедрой этнографии, расположенной по соседству с кафедрой археологии: Авдусин представил меня Токареву, и мне довелось сотрудничать с ним до конца дней этого замечательного ученого. Арциховского сменил на посту заведующего кафедрой археологии его ученик В. Л. Янин: он обладал удивительной способностью подходить к археологическим артефактам как к живым вещам, недаром в его книгах заговорили понятным языком и берестяные грамоты. На кафедре археологии и в экспедиции

на античном поселении «Чайка» (1968 г.) мне посчастливилось познакомиться с Д.С. Раевским, в то время аспирантом (а позже ведущим скифологом), увлекавшимся методически схожей и интересовавшей меня проблемой — он пытался понять скифский изобразительный материал, опираясь на письменные источники («Историю» Геродота).

В те годы на истфаке, гордо именовавшемся «идеологическим вузом №1», разразился скандал, связанный с изданием А.Я. Гуревичем книги «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» в качестве учебного пособия (М., 1970). Автора обвиняли в игнорировании марксистских установок на определяющую роль материального базиса, увлечение структурализмом и т.п. Книга во многом опиралась на скандинавский материал (Эдда и саги), что сделало ее необходимым пособием для моей работы; знакомство с А.Я. Гуревичем состоялось уже в годы моей аспирантуры.

Д.Б. К представителям какой научной школы вы могли бы себя отнести?

В.П. Работа с упомянутыми учеными разных специальностей, практиковавшими разные подходы к научным проблемам, со студенческой поры заставила искать пути соотношения методов и данных разных наук, что ныне именуется междисциплинарным синтезом. Главным стремлением остается понять свой источник, в области археологии — превратить немой вещественный материал в читаемый текст (в семиотическом смысле). С конца про-

шлого века, благодаря возросшему авторитету А.Я. Гуревича, получила признание «историческая антропология», ориентированная на антропологическое понимание источников. Связанный с этим направлением курс по начальной русской истории мне довелось читать в РГГУ в конце XX в.

Д.Б. Пожалуйста, расскажите о «Хазарском проекте».

В.П. Варяги и хазары — общности, с которыми летописание связывает начало русской истории. Роль тех и других в официозной науке принято было игнорировать, особенно после шовинистической истерии советских властей в середине XX в. Первые воспринимали в контексте «борьбы с реакционной норманнской теорией», принижающей исторические способности славян-автохтонов, вторых — в контексте борьбы с сионизмом, учитывающей «злополучный» выбор иудейской веры... Между тем объем материалов, характеризующих участие тех и других в русской истории, постоянно возрастал, и если с варягами официальная научная общественность готова была примириться (признали даже возможность скандинавского происхождения имени *русь*), то вторые (особенно в связи с историей еврейской диаспоры) оставались вне актуальных научных интересов. Ситуация изменилась с крушением советских догм, появлением институций и вузов, изучающих еврейскую историю. Важным событием в возобновлении этого (вполне традиционного) направления академической науки стало основание в 1990-е гг. Еврейского университета в Москве (ЕУМ)

и академического центра по изучению иудаики «Сэфер». На истфаке ЕУМа мне довелось читать курс древнерусской истории и начальной истории евреев в Восточной Европе — нельзя было обойтись без истории и археологии хазар. Тогда археологические исследования сосредоточились на поселениях хазарского времени, в том числе под Харьковом (на Украине, где был создан центр хазароведения), на Северном Кавказе (Кисловодск), наконец, на городище Самосделка в дельте Волги, где надеялись найти столицу Хазарии Итиль. В те годы и до начала 2000-х эти исследования, поименованные «Хазарским проектом», поддерживал Е.Я. Сатановский; с середины 2000-х по инициативе ведущего специалиста по хазарской археологии В.С. Флёрова исследования были сосредоточены на хазарских крепостях нижнего Дона, прежде всего — на рушащемся из-за водохранилища Правобережном Цимлянском городище (в спасательных раскопках принимали участие студенты полевых школ, организуемых центром «Сэфер», с 2017 г. — участники студенческой экспедиции НИУ ВШЭ). Именно исследование хазарских крепостей (очевидно участие в их строительстве Византии) проясняет роль Хазарии в геополитической ситуации эпохи сложения Русского государства в IX в.

Д. Б. В подготовке каких энциклопедических изданий вы принимали участие в годы работы редактором в издательстве «Советская энциклопедия»?

В. П. По окончании аспирантуры (и защиты кандидатской диссертации

в 1975 г.) мне посчастливилось обрести работу в редакции археологии и этнографии издательства «Советская энциклопедия»; её руководила археолог Г.П. Латышева, известная своими раскопками в Хорезме (тогда мне удавалось в отпускное время участвовать в работах хорезмийской экспедиции) и Москве. Везение было не только «формальным», в смысле получения работы по специальности: издательство приступило к подготовке знаменитой на исходе советского периода нашей истории энциклопедии «Мифы народов мира». Инициатором издания был Е. М. Мелетинский (он был первым оппонентом на защите моей диссертации), главным редактором — С. А. Токарев. Мне поручено было редактировать разделы, связанные с индоевропейской проблематикой, циклы статей по мифологии славян, балтов и финно-угров. Большую часть этих статей готовили Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, основатели легендарной уже в те времена московско-тартуской семиотической школы (Ю. М. Лотман также участвовал в работе над «Мифами»); статьи по финно-угорской мифологии готовил венгерский семиотик М. Хоппал, восполнять цикл с учетом русского материала довелось мне в соавторстве с лингвистом Е. А. Хелимским. Материалы и опыт, накопленные во время подготовки «Мифов», сделали возможным написание моих популярных книг по сравнительной мифологии («Мифы о сотворении мира», «Мифы о загробном мире»), по мифологическим традициям отдельных народов («Мифы древней Скандинавии», «Мифы финно-угров») и др. Уже для работы над «Мифологическим словарем» мной были

привлечены Н. И. и С. М. Толстые, чьи статьи по славянской низшей мифологии обогатили славянский материал, ориентированный на реконструкцию древних (праславянских) представлений. По приглашению Толстых мне довелось работать над создаваемым ими фундаментальным этнолингвистическим словарем «Славянские древности», уже будучи сотрудником Института славяноведения в 1990-е гг.

Д. Б. Пожалуйста, расскажите о вашем участии в подготовке к изданию исторических источников.

В. П. Официозные стереотипы в отношении начальной русской истории оставались самодовлеющими до середины 1980-х гг. Так называемая норманнская теория выставлялась (и выставляется до сих пор) как жупел, угрожающий потенциям самостоятельности славянской истории. Источники, характеризующие роль норманнов на Руси, представлялись тенденциозными и нерелевантными. Любое «автохтонное» созвучие имени *русь*, чаще всего — пограничная с миром степи речка Рось, признавалось предпочтительным по сравнению с давно признанным в лингвистике и подтверждающимся письменными источниками скандинавским происхождением этого названия. Рассмотрение альтернативных вариантов происхождения имени *русь* и роли норманнов в историографии противостояло этим стереотипам: допустимым для обсуждения представлялся подход к роли норманнов в становлении славянских государств, сформулированный в конце 1950-х польским академиком Хенриком Ловмянским, тем более

что в целом он разделял «антинорманистские» установки официозной историографии. Стереотипные установки, однако, расшатывались — обилел был новый материал по участию скандинавов в жизни славянских народов, особенно на Балтике. Поэтому в 1980-е гг. русское издание книги Х. Ловмянского решено было сопроводить подробным комментарием, призванным продемонстрировать основные тенденции и достижения в развитии современной науки. Книга вышла в 1985 г., накануне перестройки, под названием «Русь и норманны», под редакцией В. Т. Пашуто и В. Л. Янина, в сопровождении комментариев, составленных мной в соавторстве с историком и филологом-скандинавистом Е. А. Мельниковой. В комментариях впервые в послевоенной отечественной историографии всерьез обсуждались проблема происхождения имени *русь*, значение летописной легенды о призвании варягов, участие варягов в процессах формирования государственности в славянском мире.

Параллельно шла работа над обширным академическим комментарием к знаменитому трактату Константина Багрянородного «Об управлении империей»: редакторами издания этого важнейшего источника по началу русской истории (да и всемирной истории раннего Средневековья) были ведущий византист Г. Г. Литаврин, служивший в Институте славяноведения (и балканистики), и известный востоковед А. П. Новосельцев (сотрудник, а затем директор Института истории СССР). Комментариями по археологическим и древнерусским сюжетам довелось заниматься мне в соавторстве

с Е. А. Мельниковой, и обширный комментарий к 9-й главе трактата отражал современные представления о месте *Руси*, которую Константин отличал от славян-данников (с распространением там в середине X в., судя по приводимой им лексике, скандинавским языком), в истории Восточной Европы.

Первое издание трактата вышло в 1989 г., и комментарий доброжелательно был встречен научной общественностью, в том числе международной (положительную рецензию дал и Дж. Шепард, признанный специалист по русской истории из Кембриджского университета), но академику Г. Г. Литаврину дали понять, что официальные академические круги недовольны его содержанием. Он должен был продемонстрировать иную, «антинорманистскую» точку зрения на происхождение Руси, но аргументы К. А. Максимовича, призванного для этой демонстрации на общее заседание составителей комментария к трактату, наших коллег не убедили.

Работа в ЕУМе заставила обратиться к давно забытым еврейским источникам по русской истории. Едва ли не самым значимым из них, введенным в оборот еще основателем отечественной иудаики А. Я. Гаркави, был еврейский хронограф «Иосиппон», составленный в Италии в X в. и размещающий начальную *Русь* на Севере рядом с англами и саксами, в контексте, идентичном Повести временных лет (где *Русь* размещалась там же). Естественно, в основу курса о начальной истории евреев в Восточной Европе была положена и еврейско-хазарская переписка, из-

вестная в средние века и изданная в СССР П. К. Коковцовым в 1932 г. Эта традиционная источниковая база была расширена благодаря открытию в материалах каирской Генизы (собрания иудейских рукописей, перевезенного из Каира в Кембридж) так называемого Киевского письма. Этот документ в 1962 г. обнаружил чикагский гебраист Норман Голб, обратившийся к специалисту-тюркологу О. Прицаку с предложением о комментарии, ибо документ содержал упоминание нееврейских имен и тюркскую руническую надпись. Результат их работы, опубликованный в виде монографии в Англии в 1982 г., вызвал состояние, близкое шоку, в официозной науке: в письме, которое исследователи датировали X в., была упомянута еврейская община г. Киева, часть ее представителей носила тюркские или славянские имена — получалось, что еврейский документ оказывался древнейшим письменным текстом, происходящим из Руси, прямо из «матери городов русских». Уже во второй половине 1990-х гг. не было препон для публикации этой книги по-русски (по инициативе М. Гринберга, издательством с характерным наименованием *Гешарим* — «Мосты культуры»), я стал редактором перевода В. Л. Вихновича и автором комментария. С тех пор начались мое сотрудничество с Н. Голбом, с которым мне довелось регулярно общаться в Москве, Иерусалиме и в стенах Восточного института Чикагского университета, и полемика с евразийскими конструкциями О. Прицака, считавшего, что Киев находился под властью хазар в X в. Естественно, при этом подходе американский тюрколог должен был относиться

с недоверием к известиям Начальной летописи, свидетельствующей о власти русских князей над хазарами.

Д. Б. Как вы начали заниматься изучением древнерусского летописания?

В. П. Занятия археологией и постоянно возрастающее число источников, характеризующих роль варягов и хазар в Восточной Европе, заставляли отказаться от традиционно негативного отношения к достоверности первых летописных известий о власти варягов на славянском (и финском) севере и хазар на юге. Очевидной становилась и беспочвенность официозной историографической конструкции, настаивающей на формировании процессов классовообразования и государственных структур в VIII в. — до призвания варягов. Эта конструкция восходила к построению В. О. Ключевского, раскритикованного в советское время как буржуазный ученый, но парадоксальным образом прижившегося в силу того, что он некритически воспринял информацию о распространении монетного обращения в Восточной Европе уже в VIII в. (его начало относится к IX в.) — отсюда представления историка о раннем возникновении торговых городов (задолго до призвания варягов) и т. п. Нужно было объяснить и причины «бедности» материальной культуры славян (на которую обратил внимание еще Л. Нидерле) по сравнению с соседями, в погребения которых помещали оружие и другие свидетельства «богатства». Бросались в глаза и различия в содержании книжной культуры: в отличие от скандинавов, сохранивших

богатейшую «языческую» традицию, славянские хронисты не передавали языческих мифов.

Д. Б. Как вы представляете процесс формирования Начальной летописи?

В. П. Летописцы не начинали работу «с нуля»: историческая традиция была задана христианским книжникам Библией и византийской хронографией. Особое значение для понимания начала летописания имеет работа В. Н. Топорова о космологических истоках раннеисторических описаний, опубликованная в знаменитых тартуских «Трудах по знаковым системам» в 1973 г. Исследование структуры исторического текста сочеталось в ней со сравнительно-историческим подходом. Повесть временных лет воспроизводила архаическую структуру — в вопросно-ответной форме («откуда есть пошла Русская земля?»). Летописец должен был обратиться к внебиблейской традиции, ибо библейская «Таблица народов», использованная летописцем в контексте рассказа о славянах и *руси*, не содержала сведений об этих народах. Этот внебиблейский источник летописи был открыт великим исследователем летописания А. А. Шахматовым: то было кирилло-мефодиевское «Сказание о преложении книг на словенский язык», где говорилось не только о дунайской истории славян, но и о начальной *руси* (на «Сказание» опирался также упомянутый еврейский хронограф Иосиппон). Благодаря «Сказанию» славяне и *русь* были включены в библейский контекст — в число потомков Иафета.

Поскольку вопрос о Начальной летописи относился не только к народу,

но и к «Русской земле» — территориально-государственному образованию, необходимо было обратиться к собственно русской традиции о происхождении «княжений» и русских князей — Шахматов назвал эти предания, почерпнутые у русской элиты и домысленные самим летописцем (как доисторическое предание о Кие), Сказаниями о первых князьях. Рассказы о русских «княжениях», в соответствии с канонами византийской хронографии, составили основную часть Начальной летописи.

Д. Б. Пожалуйста, расскажите о вашей концепции развития древнерусской государственности.

В. П. Главный внешний источник, характеризующий Русское государство первой половины X в., — упомянутый трактат Константина Багрянородного — рисует это государство как «трибутарное»: иноязычная (скандинавская) *русь* собирает дань со славян, отправляясь в полюдь из Киева. Повесть временных лет описывает кризис трибутарного государства уже в середине IX в. (изгнание славянами собирающих дань варягов) и преодоление этого кризиса путем призвания варяжских князей. Эта традиция, обычно воспринимавшаяся в историографии как отражение тенденциозных домыслов летописца, оправдывающих княжескую власть, нашла подтверждение в данных нумизматики — истории распределения восточного серебра. С рубежа VIII и IX вв. это серебро поступает по речным путям в Восточную и Северную Европу (пути через Западную Европу были перекрыты для «викингов» империей

Каролингов); еще в советское время ленинградский нумизмат В. М. Потин обратил внимание на перерыв в поступлении серебра, наступивший в середине IX в. (конфликт с собирающими дань варягами?), и возобновление монетных находок с 60-х гг. этого же столетия. Показательно, что ранние клады этого времени обнаружены на Новгородском городище, где концентрируются скандинавские находки — там стояла варяжская дружина (призванного Рюрика?). Показательно, что ранние клады концентрируются не на пути «из варяг в греки» (он еще не функционировал), а на Донском пути, центральной магистрали Хазарии: он выходил через Оку — земли вятичей, славянских данников хазар, на Верхнюю Волгу, заселенную кривичами и мерей. Международная торговля была сосредоточена, по данным восточных источников, в руках купцов ар-рус. Судя по выпадению кладов на славянских территориях, проходившие по ним купцы должны были «делиться» с их обитателями, чтобы не подвергаться опасности нападений (на волоках) и рассчитывать на услуги, купленные звонкой монетой. Такая политика «обмена услугами» (*реципрокация* в терминах экономической антропологии) характерна для архаических трибутарных государств. Эти отношения способствовали возникновению «ряда» — договора о призвании князей на службу (гипотеза, высказанная в 1960-е гг. В. Т. Пашуто).

Еще один мотив начального летописания, считающийся едва ли не сказочным, — рассказ о трех братьях, призванных на княжение племенами севера Восточной Европы.

Историческая память сохранила экзотические скандинавские имена братьев Рюрика — Синеус и Трувор; имя старшего — Рюрика — сохранилось в княжеском ономастиконе, его братья остались «легендарными». Тем не менее традиция о легитимности именно братского княжеского рода на Руси утвердилась едва ли не для всего средневекового периода. Напомню, что эта традиция была характерна для раннесредневекового периода в Европе: три вполне исторических брата поделили империю Карла Великого.

Д. Б. Над какими проектами вы работаете в настоящее время?

В. П. В Институте славяноведения я продолжаю занятия «славянскими древностями» в широком смысле, включая проблемы начальной этнической истории славян и их соседей, славянской мифологией, ролью североевропейского и евразийского компонентов в ранней истории славянских народов.

В последние годы (с 2015) мне пришлось, по приглашению А. Б. Каменского, вернуться к археологической проблематике — читать общий курс археологии в Школе исторических наук НИУ ВШЭ, заниматься организацией археологической практики. Базой для практики стали родные для меня со студенческих времен Гнёздово и Смоленск: раскопки в Гнёздове, изобилующем скандинавскими древностями и многочисленными «импортами», привлекательны для студентов в силу «яркости» индивидуальных находок. С точки зрения собственно исторической значимости этих исследований существенна

давно обозначенная проблема хронологии соседних поселений — что возникло сначала: варяжское Гнёздово, с его ориентацией на путь «из варяг в греки», или Смоленск, упомянутый в летописи как «город кривичей». Современные геоморфологические исследования демонстрируют раннее освоение поймы Днепра (в VIII–IX вв.) в Гнёздове, последние раскопки в Смоленске открыли ранние напластования, относящиеся к культуре длинных курганов — кривичей. Каждый сезон прибавляет остроту в это «соревнование».

Историко-археологическое исследование, связанное с хазарской проблематикой, было поддержано НИУ ВШЭ в виде студенческой археологической экспедиции «По следам строителей Саркела» в рамках проекта «Открываем Россию заново». Главным объектом исследования стало Правобережное Цимлянское городище (ПЦГ), раскопки которого начал еще И. И. Ляпушкин, продолжили С. А. Плетнева и В. С. Флёров. Эта крепость, как и затопленный Цимлянским водохранилищем Саркел, контролировала важнейшую переправу через Дон, связанную с сухопутным маршрутом от Волги к Дону (по нему и протянулся в середине XX в. канал Волго-Дон). Флёров стал инициатором спасательных работ на ПЦГ, белокаменные стены которого разрушаются волнами Цимлянского «моря». Уже сейчас очевидно, что не только левобережный кирпичный Саркел, но и белокаменная крепость на правом берегу были построены греками: Византия стремилась укрепить Хазарию — своего стратегического союзника в Северной Евразии. Эти отношения

знаменитый византинист Д. Оболенский охарактеризовал как «Византийское содружество»: спасательные раскопки на гибнущем городище значительно продвинули наши представления о геополитической ситуации в средневековой Евразии. Русь была включена в эту систему отношений: ее первое упоминание «Бертинскими анналами» (под 839 г.) было связано с посольством хазарского хакана, просившим в Константинополе мастеров для строительства Саркела.

Естественным продолжением полевых исследований и исследований письменных источников является публикационная деятельность. С 2002 г. издается «Хазарский альманах», основанный украинскими коллегами в Харькове. Ныне (с 2015 г.) по моей инициативе альманах издается в Москве под грифами Института славяноведения РАН и Института востоковедения НАНУ и остается важным российско-украинским периодическим изданием. Регулярно переиздается и пособие, подготовленное мной совместно с Д. С. Раевским — мне приходится готовить исправленные и дополненные варианты пособия под названием «История народов России в древности и раннем средневековье» для издательства «Юрайт».

Важным для развития исторической науки в России представляется междисциплинарный научно-популярный журнал «Край Смоленский» (главный редактор — смоленский краевед Ю. Н. Шорин): при участии моих коллег-археологов в 2019 г.

был выпущен археологический номер, посвященный столетию со дня рождения учителя многих авторов этого выпуска Д. А. Авдусина, планируются регулярные тематические номера по смоленским древностям.

Монографические исследования (вопреки безумной чиновничьей установке министерства науки на отрицание их ценности) поддерживаются многими издательствами. С 1990-х гг. мне довелось сотрудничать, согласовав издательскую «политику», с московским издательством «Языки славянских культур» (издана пятитомная серия «Из истории русской культуры»); ныне издательство планирует подготовку к печати моей монографии «Русь в евразийском пространстве»; питерское издательство О. Абышко готовит дополненное издание монографии «Русь христианская и языческая» (первое издание вышло в 2019 г.).

Продолжаются международные проекты: международным коммуникациям, в том числе пути «из варяг в греки», посвящен шведский проект, который курирует авторитетный исследователь древностей эпохи викингов и Руси Ингмар Янссон. Евразийским аспектам развития восточнославянского и балканского миров посвящен болгарский проект, курируемый знаменитым специалистом по культуре Фракии проф. Нового Болгарского университета Иваном Маразовым.

Д. Б. Спасибо за интересную и содержательную беседу!

ВЕЛИКИЕ УЧЕНЫЕ КАК ОБЪЕКТ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Статья посвящена культу великих ученых как специфическому феномену русской культуры XX в. Указывается связь данного явления с биографической литературой, с задачами научной популяризации и политической идеологии. Делаются гипотезы о генезисе данного явления, прослеживается его связь с начавшимся в эпоху Ренессанса культом автора и культом писателя. Предполагается связь культа ученого с культом писателя как более ранней формой культа автора. Демонстрируются формы проявления культа великого ученого в советской художественной литературе. Высказывается гипотеза о том, что культ великого ученого органично связан с иерархической и централизованной системой управления в советской науке.

Ключевые слова: наука, ученый, гений, талант, великий ученый, популяризация, идеология, автор, культ, писатель, биография, биографическая литература, корифей науки.

Сведения об авторе: Фрумкин Константин Григорьевич, кандидат культурологии (Москва).

Контактная информация: ariel2@mail.ru.

K. G. Frumkin

GREAT SCIENTISTS AS AN OBJECT OF SOVIET CULTURAL MEMORY

The article is devoted to the cult of great scientists as a specific phenomenon of Russian culture of the twentieth century. The connection of this phenomenon with biographical literature, with the tasks of scientific popularization and political ideology is indicated. Hypotheses are made about the genesis of this phenomenon, its connection with the cult of the author and the cult of the writer, which began in the Renaissance, is traced. It is assumed that the cult of the scientist is connected with the cult of the writer as an earlier form of the cult of the author. The forms of manifestation of the cult of the great scientist in Soviet fiction are demonstrated. It is hypothesized that the cult of the great scientist is organically connected with the hierarchical and centralized management system in Soviet science.

Key words: science, scientist, genius, talent, great scientist, popularization, ideology, author, cult, writer, biography, biographical literature, the luminary of science.

About the author: Frumkin Konstantin G., candidate of culturology (Moscow).

Contact information: ariel2@mail.ru.

ИСТОРИЯ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Культ великих ученых — характерное явление культуры XX в. Его возникновение несомненно связано с двумя бурно развившимися в XX в. дискурсами: «историей науки» и, с другой стороны, посвященной ученым биографической литературой. Можно сказать, что великий ученый — это тот, кто остался в истории науки и кому посвящают биографические тексты.

Если говорить о формах бытования данных культурных явлений в советской культуре, то тут, прежде всего, нужно подчеркнуть, что история науки и биографические материалы о видных ученых выполняли функцию важной идеологической «скрепы» советского научного сообщества — тут мы видим примерно тот же идеологический механизм, который делал важнейшими нарративами христианства историю церкви и жизни святых, а важнейшими нарративами большевизма — историю партии и жизнеописания видных партийцев.

Взаимопроникновение между историей науки, самой наукой, ученой средой и тематизирующими науку сегментами популярной культуры было системным и многослойным.

Материалы, посвященные истории науки, и биографии ученых были

важнейшей составляющей русской научно-популярной литературы и вообще литературы «нонфикшн» на протяжении всего XX в. Выпуск этой литературы был отчасти стимулирован тем обстоятельством, что в СССР в рамках государственной идеологии история науки и биографии ученых часто рассматривались, во-первых, как часть атеистической пропаганды (в модусе борьбы с свободомыслием с религией и суевериями), а во-вторых, как предыстория формирования «научного», «материалистического» мировоззрения, противостоящего «идеализму». Начиная с конца 1940-х история отечественной науки стала также частью общей пропаганды национального превосходства СССР и России. И одновременно история науки считалась важной частью популяризации науки в собственно образовательных целях.

Кроме того, мы видим, что профессиональные исследователи часто сами посвящали свое время и отдавали свои силы истории науки, и здесь самым ярким примером, несомненно, является геолог В.И. Вернадский, уделявший много времени истории науки и по инициативе которого эта отрасль интеллектуальной истории была институционализована в рамках советской Академии наук. Немало сил на этом поприще потратил физик и глава Академии наук Сергей Вавилов, написавший биографию Ньютона и занимавшийся

реконструкцией биографии первого российского электротехника Василия Петрова — позже результаты этой реконструкции будут беллетризованы Даниилом Граниным в документальной повести «Размышления перед портретом, которого нет». При этом не было четкой грани между трудами по истории науки и воспоминаниями ученых о своих коллегах. Фраза «ученые об ученых» стала устойчивым выражением — так, в частности, в выходящих с начала 1960-х гг. сборниках «Пути в незнаемое» была рубрика «Ученые рассказывают о науке и о себе».

В художественной литературе в речи персонажей-ученых постоянно встречаются упоминания о различных эпизодах истории науки и, еще чаще, о различных обстоятельствах жизни и творчества великих ученых. Иногда это имело прямо просветительскую функцию. Так, например, первое погружение героини романа Вениамина Каверина «Открытая книга» в мир микробиологии начинается с того, что старый доктор Львовский рассказывает ей, еще ребенку, биографию А. ван Левенгука. Позже, когда героиня становится студентом-медиком, таким же «вводным мифом», услышанным на лекции, для нее становится биография И. М. Сеченова.

Но чаще эпизоды из жизни великих вспоминаются, чтобы сравнить с ними свою жизнь и извлекать из них некую ценную информацию, например, главный герой написанного в 1970-е гг. романа Бориса Бондаренко «Пирамида», опасаясь своей научной бесплодности, сравнивает себя с А. Эйнштейном и П. Дираком,

при этом вспоминая, что Л. Ландау сказал о Дираке («Дирак — дурак»).

Активной разработке, пропаганде и просто частому упоминанию материалов из истории науки способствовало совпадение интересов сразу нескольких значимых общественных сил. Для властей особым образом модифицированная история науки была нужна для обоснования и иллюстрирования некоторых важнейших нарративов правящей идеологии; для системы образования история науки была важным инструментом просвещения и дидактики; и, наконец, для самой ученой среды история науки была одновременно компонентом возникающего сословного мировоззрения и самоописания и, с другой стороны, пропагандистским средством, позволяющим повысить престиж профессии, средством увеличения символического капитала. Таким образом, три этих общественных силы использовали друг друга, выполняя заказы друг друга и побочно добиваясь собственных целей.

На фоне этого одним из проявлений активного освоения научных материалов в популярной культуре стал культ великих ученых — тема, достойная отдельного фундаментального исследования.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕНОМЕНА

Установить точные границы этого явления в истории мировой культуры трудно — поскольку в истории можно найти множество аналогов современного почитания крупных исследователей — античное почитание философов, древнееврейское по-

читание пророков, почитание мудрецов, магов, духовно просветленных людей и т. д. — все это позволило современным авторам довольно легко вписать имена античных и арабских мудрецов в историю науки. Все это, в свою очередь, является последствием древних и мощных «личностных» ориентаций человеческой культуры, порождавших то обожествление царей и императоров, то христианский культ святых.

Культ великого ученого в его современном виде, видимо, стоит рассматривать как производную культа автора, возникшего, прежде всего, в Италии в эпоху Возрождения — как культ поэта, писателя, художника, и затем интенсифицированного и распространенного на всю Европу в эпоху романтизма с присущим ему «культом гения» на рубеже XVIII и XIX вв. Будучи первоначально «младшим изводом» культа поэта, и вообще деятеля искусств, культ ученого стал усиливаться по мере того, как с развертыванием промышленной революции публике становилось все более очевидно значение научных открытий и изобретений для развития цивилизации.

Безусловно, важным показателем (и — по системе обратной связи — усилителем) культа личности всегда было создание литературных жизнеописаний. Для формирования новоевропейского культа автора этапными являлись такие литературные памятники, как появившаяся в XIV в. биография Данте, написанная Боккаччо, в XVI в. — «Жизнеописания» Вазари, в XVIII в. — «Жизнь поэтов» Самуэля Джонсона. Что особенно важно для нашей темы, биографии

«авторов», появившиеся в эпоху Ренессанса — в отличие от политических жизнеописаний той же эпохи, — сразу приобрели апологетический, «панегирический» оттенок. Это были биографии-восхваления. Книга Боккаччо о Данте так и называется — «Малый трактат в похвалу Данте». Что же касается знаменитой книги Вазари, то, как отмечает М. Б. Раренко, в ней впервые сближается жанр жизнеописания и похвального слова (Раренко 2017: 43). Родившись из апологии (включая «Апологию Сократа»), из похвального слова, биография ученого стала закономерно важнейшим литературным инструментом «сословной идеологии» научной среды.

Усилению культа ученого способствовал ряд социальных обстоятельств, например, формирование в средние века продолжавшей затем лишь развиваться академической иерархии со своими особыми рангами и званиями, поскольку общественное внимание всегда приковано к иерархическим отношениям и к лицам, находящимся на вершинах иерархий — не важно каких: церковных, военных или преступных. Немаловажно было появление государственных научных и учебных заведений, что открыло ученым доступ к чинам и наградам, предназначавшимся для военных и чиновников. Наверное, в формировании культа ученого сыграло свою роль и развитие патентной системы, которая, во-первых, привязывала определенное открытие к имени его автора и, во-вторых, создавала условия для авторской ренты. Еще одно немаловажное обстоятельство — близость науки к литературе в широком

смысле слова, способность науки информировать о своих достижениях «литературным» способом, т.е. через публикуемые тексты, смешение роли исследователя с ролью автора текста — смешение, с которым в форме проблемы публикуемости и цитируемости сейчас мучается мировое научное сообщество.

Помогала культу ученых и научно-популярная литература, которая имела массу пересечений с биографической.

Наконец, еще один источник культа (одновременно его последствие и усилитель) — учреждение для ученых особых наград и, прежде всего, Нобелевской премии.

В России культ Ломоносова являлся примером уникального и беспрецедентного культа ученого, возникшего чрезвычайно рано и долгое время не имевшего соперников и аналогов на русской почве. Биографические материалы о нем стали собираться и издаваться уже в XVIII ст. «Ломоносов — это величайшая заря новой русской культуры» (Вавилов 1946: 4), — пишет в 1946 г. Сергей Вавилов, не только ученый, но и энтузиаст научной популяризации и биографических изысканий. Однако возникает большой вопрос, сформировался ли культ Ломоносова так рано, если бы он был только ученым, а не создал бы еще себе и видное имя в истории русской поэзии. Ни в России, ни за рубежом в это время мы не видим большого, регулярного интереса к жизнеописаниям ученых, в то время как уже в 1772 г. Н.И. Новиков издает «Опыт исторического словаря о российских писателях». Возможно,

именно авторитет Ломоносова как поэта, теоретика поэзии и этапного автора в истории литературы стал тем «локомотивом», который обеспечил славу и его научным заслугам.

По всей видимости, условия для появления полноценного культа ученых в России возникли только к концу XIX в., когда стало очевидно, что Россия располагает исследователями, сопоставимыми по уровню с европейскими. С 1886 по 1904 г. издается «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» под редакцией С.А. Венгерова, таким образом, впервые слово «ученый» попадает в заголовок биографической серии — хотя, заметим, пока еще вслед за писателем как более приоритетным объектом и более закономерным героем биографического жанра. Первое известное реалистическое литературное произведение об ученых в русской литературе — «Скучная история» Чехова — начинается с рассказа о наградах и славе главного героя, в том числе и о его европейской славе, и, заметим, оно выходит в 1889 г. — т.е. практически одновременно с началом издания «Словаря» Венгерова. И тогда же, в 1890 г. начинает выходить «павленковская» серия «Жизни замечательных людей», в которой, наряду с прочим, появляются и пока еще не очень многочисленные книги об ученых: Дарвине, Кювье, Фарадее. Русская наука представлена, конечно же, именем Ломоносова (1892) — и еще астронома В. Струве (1893). Таким образом, рубеж 1880–1890-х гг. можно считать рождением русской биографической литературы об ученых — и, говоря шире, запуском культа ученого в русской культуре.

В XX в. количество биографических изданий будет расти, качественный же скачок произойдет в конце 1950-х гг., когда при Академии наук будет учреждена книжная серия «Научно-биографическая литература», в рамках которой с 1959 по 1998 г. выйдут 550 книг. Тут стоит обратить внимание на чисто сословный характер данного издательского проекта: серия издается ученым объединением, она посвящена ученым и среди ее авторов множество профессиональных ученых. Не будет большой ошибкой сказать, что, наряду с собственно научными и просветительскими задачами, эта книжная серия выполняла функцию самолюбования и самопрославления ученого сословия.

Биография была точкой соприкосновения мира науки и мира литературы, причем сразу в нескольких аспектах: поскольку биография была собственно литературным жанром, поскольку авторами биографии часто бывали профессиональные литераторы и поскольку сами писатели были куда более традиционными и частыми героями биографических книг: способностью к самопрославлению писательское сословие всегда превосходило ученое.

В этой связи стоит отметить любопытный феномен русской культуры первой половины XX в.: институциональное сближение науки и художественной литературы. Начало этому процессу было положено, видимо, в 1899 г., когда в Академии наук появился «Разряд изящной словесности». Наиболее выдающихся писателей избирали членами Академии наук: до революции — Льва Толстого и Чехова, после — Алексея Толстого

и Сергеева-Ценского. В первые годы революции писателей «подключали» к системе академических пайков, предназначенных для обеспечения ученых в рамках Комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). И, кроме того, существовали исследовательские общества, объединявшие писателей с представителями академической общественности: до революции — Религиозно-философское общество, после — ОПОЯЗ и ВОЛЬФИЛА.

ВЕЛИКИЙ УЧЕНЫЙ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ

В раннее советское время появились две очень специфических причины усиливать культ ученых. Во-первых, руководителям большевистской партии приходилось оправдываться перед собственными однопартийцами, почему они платят так много представителям научно-технической элиты и создают для них особые материальные условия. Эта коллизия сатирически изображается в «Собачем сердце» Булгакова, где крупный партийный деятель и пациент профессора Преображенского защищает его от уплотнения. Но и в материалах съезда РКП(б) 1919 г. можно найти оправдания — почему спецам приходится «переплачивать». В свою очередь, А. М. Горький, добившийся и добившийся к 1920 г. создания системы академических пайков, вложил в прославление ученых всю силу своего публицистического темперамента.

Вторая причина заключалась в том, что на фоне негативного отношения большинства ученых

к большевистскому режиму последний был вынужден «носиться» с теми, кто был к нему достаточно лоялен, и пытался переманить на свою сторону наиболее выдающихся из тех, кто не был прямым врагом. Примером последнего является судьба академика И.П. Павлова, получившего исключительные по советским меркам условия работы для себя и своих сотрудников. Примером первого стали взаимоотношения советской власти с К.А. Тимирязевым, ставшим культовой фигурой после своей смерти в 1920 г. — в 1923 г. ему ставят памятник на Тверском бульваре, в 1936 г. о нем снимают вполне апологетический фильм «Депутат Балтики». По мнению Е.А. Долговой, «именно с “Депутата Балтики” началось успешное тиражирование образа ученого-гиганта, “ученого-диктатора”, представителя научной элиты, чей научный, а часто и моральный авторитет был одинаково необходим и властям, и интеллигенции» (*Долгова 2020: 318*). Возможно, в кино это действительно так, но в художественной литературе изображение ученых-гигантов, агиографически рисуемых, но обладающих также и формальным признанием, началось с начала 1930-х гг. — и мы видим великого электротехника Скутаревского в одноименном романе Леонида Леонова и великого историка Бауэра в «Исполнении желаний» Вениамина Каверина.

Еще М.Е. Салтыков-Щедрин в «Господах ташкентцах» говорил, что табель о рангах является важнейшей составляющей русской ментальности, единственным «прочным» заимствованием у Запада. В 1930-е гг. культура СССР вообще сильно иерархизировалась, стала фокуси-

роваться на «вождях» во всех сферах деятельности. Культ личности не кончился Сталиным, или, говоря иначе, Сталин не был единственным действующим лицом того театра, который мы сегодня называем «культом личности». Он был только первым в целой иерархии вождей — пусть даже эти вожди, по слову Мандельштама, становились все более «тонкошеими». Впрочем, последнее замечание относится только к живым вождям, а культ мертвых — Ленина, Горького, Кирова — мог только возрастать. Кстати сказать, не только мертвых, ведь города и организации в это время называли и в честь живых людей, и один из самых крупных городов России называли «Горьким» еще при жизни писателя — в этом плане культовый (в буквальном и точном смысле слова) писатель даже обогнал Ленина, удостоившегося такой чести лишь после смерти.

Наука не могла оставаться в стороне, и, как пишет историк советской науки Н.Л. Кременцов, в это время происходила «фетишизация научных авторитетов», возникло понятие «корифей науки», шли поиски «культурного героя» — причем «культурный герой» обычно выбирался из числа умерших ученых. За теми из авторитетов, кто был еще жив, как академик Иван Павлов, ученики записывали каждое слово — итогом стало появление 6 томов «Павловских сред» (*Кременцов 1989: 2*). К середине 1930-х в каждой отрасли науки появилось по несколько утвержденных имен «отцов-основателей» (*Krementsov 1997: 50–51*).

Согласно данным сервиса Books Ngram Viewer, всплеск использова-

ния выражения «корифей науки» в письменных русскоязычных источниках приходится на конец 1940-х — начало 1950-х гг., когда власти начали интенсифицировать культ национальной науки, инициировали создание фильмов и книг о крупных российских ученых. Правда, само выражение «корифей науки» чаще применялось к идеологам марксизма — Марксу, Энгельсу, Ленину и Сталину. Но культы этих «пророков коммунизма» во многом были хотя и сильно интенсифицированными, но производными явлениями культа великих людей, характерного для западной культуры, — и стереотипная роль великих ученых была присвоена вождями коммунизма в готовом виде. Поскольку в культуре существовало представление о великом ученом, причем представление, бытовавшее и успешно функционировавшее независимо от способности публики вникать в тонкости научных достижений, то присвоение этой роли было простым делом: идеологам оставалось только вписать нужное имя.

И эту операцию можно было проделать не только с вождями и основателями марксизма, но и, скажем, с академиком Павловым или с Трофимом Лысенко. Крамов, главный антагонист романа Каверина «Открытая книга», как раз имитирует роль великого ученого и главы школы — все журналы полны упоминаний о нем как о главе школы, хотя реальных научных достижений у него нет. Тем самым обнажается тот факт, «что великий глава научной школы» — это во многом не производная таланта и заслуг, а некая социальная роль, которую можно занять, как занимают должность, и так же, как журналы то-

го времени полны заявлений о «мичуринской биологии» и об «учении Павлова», — по образцу этого могла появиться и «школа Крамова», для чего от Крамова потребовались не столько интеллектуальные, сколько организационные усилия.

«ТОТ САМЫЙ ВЕЛИКИЙ УЧЕНЫЙ»

Художественная литература добро-совестно отразила культ «корифеев науки», и, судя по ней, он не завершился и после того, как в политике элементы культа личности если не исчезли, то заметно ослабли.

Героев наукоориентированной прозы, когда они встречаются со своим кумиром, великим ученым, охватывает почти религиозный восторг — вполне, впрочем, объяснимый тем, что слава этого ученого с помощью различных «медиа» — от учебников до портретов в университетских аудиториях — бежит впереди самой персоны. Часто для описания отношения героя к своему кумиру используется выражение «тот самый».

«Все-таки очень трудно поверить, что это и есть тот самый Бауэр, историк, член Академии наук, который написал все свои толстые книги и портрет которого висел в университетской библиотеке», — так характеризуются чувства героя в каверинском «Исполнении желаний».

В «Иду на грозу» Даниила Гранина появляется прямо парарелигиозная терминология: «Почему никто не видит сияющего нимба вокруг головы Дана? Люди должны расступаться и кланяться. Среди нас идет гений,

человечество получило от него куда больше, чем от всех этих кинодеятелей, вместе взятых».

И даже к 1970-м гг., как мы узнаем из «Золотой нашей железки» Василия Аксенова, религиозный пыл энтузиастов не остыл:

«— Как?! — вскричали юноши. — Вы Великий-Салазкин?

— Это через черточку, — пояснил великий старик лукаво.

— Вот именно через черточку! ВЫ ТОТ САМЫЙ, КОТОРЫЙ!..

Да ведь мы вас еще в школе проходили!

Да ведь ваших трудов в Публичке полный стеллаж, да еще и переводы на всех живых языках!

Да ведь вы один из тех, что служить заставили людям мирный атом!

Значит, вас рассекретили?

Вы! Вы!

Особенно волновался Павел.

— Я читал ваши труды, я преклоняюсь перед вашей титанической...

— Кончай. Але, кончай, — сконфузился Великий-Салазкин».

Вот еще один пример «декларации восхищения» — из романа Михаила Колесникова «Атомград»:

«Институтские дрязги, наши научные потуги — все кажется мелкой

возней рядом с академиком Золотовым. Он стоит на пороге величайшего открытия за всю историю человеческого общества: он почти решил проблему управления термоядерными реакциями. Правда, пока в лабораторных условиях. Но ученым всего мира и этого достаточно, чтобы видеть в Золотове крупнейшего ученого века. Его интеллектуальная мощь не поддается учету. Природа словно сконцентрировала на нем все свои усилия, чтобы создать совершенный мозг, способный оплодотворять день за днем науку небывалыми идеями, дерзко ломать, казалось бы, навсегда установившиеся представления в физике. Даже великолепный Подымахов возле Золотова кажется лишь подмастерьем, чернорабочим. Природа, добиваясь совершенства, наградила Золотова необыкновенными организаторскими способностями. Это он заводит огромный механизм нашей многоотраслевой науки, следит, чтобы механизм работал бесперебойно... Они, гении, ходят среди нас, они вынуждены приспособливаться к нашим большим и маленьким слабостям, стараться во всем походить на нас. (О черт! Оказывается, в приличном обществе положено ходить в носках. А, что такое — приличное общество?) А наедине они остаются со своим холодным сверкающим умом...»

У литературного культа великих ученых, в том восхищении, которое проявляют и высказывают рядовые ученые, персонажи наукоориентированной прозы, есть несколько аспектов. Есть интеллектуальный аспект, когда подчеркивается гениальность кумира, как это мы видим в приведенной выше цитате из «Атомграда»,

есть «медийный» аспект, когда восхищает тот факт, что имя и портрет этого человека уже можно было видеть на разных «носителях информации», начиная с учебников. И есть еще культурно-исторический аспект культа — когда великие ученые видятся как бы сошедшими со страниц истории науки, где они обитали вместе с другими олимпийцами, где были друзьями других хрестоматийных великих, чьи имена известны из учебников.

О герое «Скучной истории» Чехова говорится: «По крайней мере за последние 25–30 лет в России нет и не было такого знаменитого ученого, с которым он не был бы коротко знаком».

Другой пример — в «Искателях» Гранина: «Со школьной скамьи образ этого человека сопровождал Андрея. И в общих курсах электротехники, и в газетных статьях, и в толстых научных журналах он читал о нем и о его работах. Переходя с курса на курс и потом, в аспирантуре, Андрей изучал его труды, всякий раз открывая для себя новое. Человек этот при жизни стал легендой. Круг его интересов охватывал всю электротехнику. Это был один из последних представителей старой гвардии электротехников, знавших Доливо-Добровольского, Попова, один из создателей плана ГОЭЛРО. От тех далеких лет, когда вся электротехника, вместе с радио и телефонией, умещалась в одном курсе лекций, он сохранил хозяйское чувство ко всему новому, что рождалось на его глазах.

Уже давно радиотехника выделилась в специальную науку, разветвилась на десятки новых отраслей, уже

специалисты по трансформаторам не могли оставаться универсалами и занимались либо малыми, либо большими трансформаторами, а Тимофей Ефимович, озабоченно постукивая своей знаменитой палкой, шагал из одного раздела в другой, уверенно распоряжаясь своими необъятными владениями. За что бы он ни брался, в какой бы области ни работал, он щедро давал смелые идеи, над которыми трудились и будут еще трудиться целые коллективы. Из тех, кто сегодня сидел в зале, многие были либо его учениками, либо учениками его учеников».

Опять в «Атомграде» — применительно уже к выступающему на международном конгрессе немецкому ученому:

«Мускулы лица неподвижны. Ученый стар, очень стар. С началами теории относительности я знакомился по его книгам. И не только я — большинство сидящих в зале. Он дружил с Эйнштейном, близко знал Минковского, Гильберта, Клейна. Этот человек, собственно, уже принадлежит вечности. И странно, что он, живой и еще полный скрытой энергии, находится среди нас, представителей иного поколения».

В «Золотой нашей железке» Аксенова экзотический автомобиль академика, который сам мог бы быть объектом восхищения со стороны любителей автомобилей, служит еще и каналом его связи с миром исторических личностей:

«Этот “Кадиллак” выпуска 1930 года со множеством мягких, но уже замшелых кресел, с подножками

и запасным колесом на переднем левом крыле, веером серебряных рожков на капоте был одной из легенд города Пихты. Говорили, например, что кар подарен Великому-Салазкину самим Эрнестом Резерфордом, но скептики решительно возражали и категорически утверждали, что Резерфорд не мог подарить В-С такой большой автомобиль иначе, как сложившись с Бором. На пару с Нильсом Бором они подарили “Кадиллак” Великому-Салазкину, так утверждали скептики».

В романе Бориса Никольского «Жду и надеюсь» упоминается, что великий ученый академик Левандовский — вымышленное лицо, персонаж романа — состоял в переписке с Ухтомским — подлинное лицо, известный физиолог.

Еще один аспект культа великих ученых можно было бы назвать «ренессансным» — в том смысле, что часто крупных ученых изображают как титанов Возрождения, т.е. обладателями многих способностей и талантов помимо собственно научного. Таков изображаемый в повести И. Грековой «На испытаниях» генерал Сиверс — его прообразом, по-видимому, был муж писательницы, специалист по артиллерии и сооснователь существовавшей в сталинское время Академии артиллерийский наук генерал-майор Дмитрий Вентцель. Сиверс — представитель дворянского рода, обладатель совершенно не характерной для окружавших его советских военных (в том числе военных инженеров) эрудиции, знаток языков, утомлявший и шокировавший окружающих своей эрудицией и чопорностью — иногда не вполне уместной

(«мало у нас с космополитизмом борются» — говорят офицеры).

Своеобразное обобщение образа великого ученого — образ, сконцентрированный до пародийности, как это бывает в бездарных литературных произведениях — можно увидеть в позднем научно-фантастическом романе Александра Казанцева «Купол надежды», главный герой которого — академик Анисимов — не просто выдающийся ученый (в тексте его называют «великим стратегом науки» и «обитателем научного Олимпа»), лично знакомый с академиком Иоффе, но еще и пишет стихи, лепит скульптуры, несмотря на преклонный возраст виртуозно катается на горных лыжах, по ходу дела соблазняет прекрасную героиню, которая бросает ради него мужа — но не решается подойти близко, потому, что он «во всем выше меня», заодно он открывает человечеству путь в будущее и сам руководит строительством подледного города в Антарктиде.

МЕЖДУ КУЛЬТУРОЙ И ВЛАСТЬЮ

За кулисами этой восхищенной риторики остается административная власть, которой великие ученые, как правило, обладают, но вообще они обладают слишком многим, они заполняют собой окружающее пространство, ставя всех в зависимость от себя. Последнее хорошо видно во всех цитированных выше произведениях, но, пожалуй, самую яркую иллюстрацию этого феномена — феномена, который можно было бы охарактеризовать как сюжетное последствие культа великих ученых, — мы можем

увидеть в фильме «Все остается людям» (реж. Г. Натансон, 1963, по мотивам одноименной пьесы Самуила Алешина). Главный герой фильма и пьесы, академик Федор Дронов является центром того мира, в котором живут персонажи, они зависят от него во всех отношениях — организационном, психологическом, духовном, моральном и интеллектуальном. Как депутат Верховного совета он решает коммунальные проблемы своих избирателей, ставит на место бюрократов, оставляет квартиру тем, кого из нее выселяют. Он возносит своего помощника Морозова на место директора НИИ (которое сам оставляет), но затем с него изгоняет; своего лучшего ученика Вязьмина он сначала «одадживает» гениальной идеей, а затем спасает от самоубийства — однако в итоге Вязьмин все-таки кончает с собой, поскольку его невеста влюбляется в Дронова — и, кажется, не только, она. Все персонажи влюбляются в Дронова, все заботятся о его здоровье. Он буквально является «центром вселенной», превращая других людей в планеты, которые вращаются вокруг него как звезды.

Нормативное отношение «простого человека» к гению, рядом с которым обыкновенный человек должен чувствовать себя ничтожным, хорошо иллюстрируется фрагментом из романа Бориса Никольского «Формула памяти», в котором отец и дочь беседуют о директоре института, куда дочь устраивается работать:

«— Ну, что я говорил! — торжествующе восклицает отец Леночки Вартамян, появляясь из соседней комнаты с большим томом энциклопедии в руках. — Я же говорил: не может

быть, чтобы его здесь не было, а ты спорила!.. Вот, пожалуйста, можешь убедиться: “Архипов Иван Дмитриевич, известный советский ученый, академик, автор многих работ в области психологии, экспериментальной медицины и биологии. Особенно значителен вклад Архипова в изучение механизма памяти...” Ну, что я говорил, а? — отец Леночки торжествует свою маленькую победу и радуется так, будто отыскал на страницах энциклопедии упоминание о своем близком родственнике.

Леночку же, честно говоря, только тяготит и даже страшит такая известность директора института, в котором ей предстоит работать. Она бы предпочла, чтобы он был и менее известен, и менее знаменит. А то она начинает чувствовать себя совсем ничтожной рядом со столь знаменитым ученым, чье имя уже при жизни запечатлено на страницах энциклопедии. И вообще, как-то не соединяются, не укладываются в ее представлении эти два человека: живой, реальный Иван Дмитриевич Архипов, от которого сейчас во многом зависит ее судьба, и другой Архипов — из энциклопедии, словно бы уже поднявшийся над повседневной, будничной жизнью, словно бы уже перешедший из этой повседневности в недостижимый, хрестоматийный ряд великих ученых».

Культ великих ученых чрезвычайно органично соответствовал важнейшим, отраженным в памятниках наукоориентированной культуры словесным представлениям советского ученого сообщества по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, он соответствовал столь характерной для культуры XX в/ антропологии

таланта и посредственности, «великий ученый» — он же «гений» — воспринимался как высшая степень таланта, как первая ступень в иерархии талантов, как интенсифицированный талант. Во-вторых, позиция «великого ученого» имела отношение к научной карьере, которая всегда воспринималась в двух измерениях — как карьера в обычном смысле слова, с получением должностей и новых источников дохода, и как увеличение символического капитала. Если членство в Академии наук и директорство в научном институте являлись верхней степенью научной карьеры в обычном смысле слова, то попадание в ряд «великих ученых», тех, кому посвящают биографические книги, и чьи имена произносятся с придыханием, является верхом второй, «невидимой» карьеры, связанной с авторитетом. Во всяком случае, карьера, истолковываемая как конвертация научных заслуг, в идеале должна закончиться попаданием в ряд «великих ученых», качество управления наукой можно легко оценивать, глядя на совпадение результатов карьер обоих типов — т.е., условно говоря, по тому, в какой степени Академия наук состоит из «признанных гениев».

Таким образом, культ великого ученого в СССР образовался на пересечении действия целого ряда разнородных, но усиливающих друг друга культурных факторов, и в итоге данный культ оказался симптомом скрытого представления об идеальной системе управления наукой, в которой гений — т.е. носитель максимальных научных способностей — одновременно обладает авторитетом, медийной известностью

и административной властью, а его жизнь воплощается в биографических литературных текстах, имеющих одновременно воспитательное, научно-популярное, историко-научное и «агиографическое» значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вавилов 1946 — *Вавилов С.И.* Советская наука на службе родине. М.: Издательство Академии наук СССР, 1946.

Долгова 2020 — *Долгова Е.А.* Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020.

Кременцов 1989 — *Кременцов Н.Л., Александров Д.А.* Опыт путеводителя по неизведанной земле // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 4.

Раренко 2017 — *Раренко М.Б.* Биография: Эволюция и гибридизация жанра: Аналитический обзор. М.: РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания, 2017.

Krementsov 1997 — *Krementsov N.L.* *Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

REFERENCES

Dolgova E.A. *Rozhdenie sovetskoy nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* Moscow: RGGU, 2020.

Kremencov N.L., Aleksandrov D.A. *Opyt putevoditelya po neizvedannoj zemle. Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1989, no. 4.

Krementsov N.L. *Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Rarenko M.B. *Biografiya: Ehvolyuciya i ГИБРИДИЗАЦИЯ zhanra: Analiticheskij obzor*. Moscow: RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. Yazykoznanija, 2017.

Vavilov S.I. *Sovetskaya nauka na sluzhbe rodine*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1946.

Н. Н. Морозов

БАЛКАНЫ РЕАЛЬНЫЕ И ВООБРАЖАЕМЫЕ. ЗАМЕТКИ О РЕГИОНЕ И ОСОБЕННОСТЯХ ЕГО ВОСПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ (ПО СТРАНИЦАМ СОВРЕМЕННОЙ ЭССЕИСТИКИ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

В обзоре предпринята попытка на основе анализа большого материала (не только научных публикаций, но в значительной мере эссеистики) оценить образ Балкан как в западном восприятии, так и в восприятии самих народов региона. Автор показывает, какие ассоциации вызывают само понятие «Балканы» и связанные с ним коннотации в исторической памяти балканских и небалканских народов, как реальные Балканы соотносятся с Балканами воображаемыми, т. е. со своим сконструированным образом.

Ключевые слова: Балканы, историческая память, региональная память, балканский миф, Юго-Восточная Европа в системе международных отношений.

Сведения об авторе: Морозов Николай Николаевич, кандидат филологических наук, корреспондент ТАСС в Румынии.

Контактная информация: morozovv1952@mail.ru.

N. N. Morozov

THE BALKANS REAL AND IMAGINARY. NOTES ON THE REGION AND THE PECULIARITIES OF ITS PERCEPTION IN THE CONTEXT OF RECENT HISTORY (THROUGH THE PAGES OF MODERN ESSAY AND ACADEMIC LITERATURE)

The review attempts to assess the image of the Balkans both in Western perception and in the perception of the peoples of the region themselves, based on an analysis of a large amount of material (not only academic publications, but largely essays). The author shows what associations the very concept of “Balkans” and the connotations associated with it evoke in the historical memory of the Balkan and non-Balkan peoples, and how the real Balkans relate to the imaginary Balkans, i.e. with its own constructed image.

Key words: Balkans, historical memory, regional memory, Balkan myth, South-Eastern Europe in the system of international relations.

About the author: Morozov Nikolay N., candidate of Philological Sciences, correspondent of News Agency TASS in Romania.

Contact information: morozovvv1952@mail.ru.

ПЛОХАЯ РЕПУТАЦИЯ БАЛКАН

У Балканского региона традиционно плохая репутация — «пороховая бочка», «мягкое подбрюшье», «задворки Европы». Балканы это — около десятка стран с неустойчивыми, непрерывно менявшимися на протяжении истории границами и отсталой по европейским меркам экономикой. Они населены народами различных языков и религий, которые постоянно вели между собой варварские, кровожадные войны. Время от времени балканские страны заключали между собой договоры, которые никогда не приводили к примирениям.

Известна крылатая фраза «железного канцлера» Отто фон Бисмарка, который заявил в 1876 г. в германском парламенте, что Балканы «не стоят волоска из головы померанского гренадера».

«На Западе широко распространено мнение, согласно которому Балканы —

это токсин, угрожающий здоровью Европы», — констатирует британский журналист Миша Гленни. Он приводит слова одного из турецких государственных деятелей, великого визиря Мехмеда Эмина Али-паши (1815–1871): «В Оттоманской империи живут 12–14 народов, и, к сожалению, из-за религиозной и этнической ненависти, которая разделяет в первую очередь христианское население, ни один из этих народов не хочет в реальности идти на справедливые и, впрочем, необходимые уступки» (*Glenny 2020*: 117). Гленни далее ссылается на утверждения о том, что «традиции враждебности были столь сильны и столь сильно укоренены на Балканах, что отпечатались в генетическом коде жителей региона». «Балканские народы, — продолжает он, — находились в лучшем случае лишь одной ногой в цивилизованной Европе, они прошли иной путь развития, на котором кровопролитие и месть были предпочитаемыми формами политической деятельности» (*Ibid.*: 24).

«Агрессивный характер политических споров, идея, что политические оппоненты обязательно враги, все это осталось отпечатанным в политических нравах балканских стран», — замечает, в свою очередь, французский ученый Поль Гард (*Garde* 2010: 133). «В результате исторического опыта неистовый национализм стал в балканских странах чертой как внутренней культурной жизни, так и внешнеполитического поведения, — считает американский профессор Роберт Ли Вольф. — <...> Ни у одной из них не было достаточной передышки, чтобы развить собственные прочные традиции демократического правления» (*Wolff* 1978: 8–9).

«Термин “балканизация” <...> стал синонимом возвращения к трайбализму, примитивизму, варварству», — напоминает американско-болгарская исследовательница, ученый с мировым именем Мария Тодорова. Суть дела в том, «что жители Балкан не хотят подчиняться стандартам поведения, которые считаются нормой в цивилизованном мире» (*Todorova* 2000: 15).

Балканизм как детонатор кризисов, пишет румынский эссеист Александру Палеологу, это «идея, которая ужасает Запад»: все сразу «вспоминают историю покушения в Сараево, которое привело к Первой мировой войне». И в более широком плане «Балканы воспринимаются как недостаточно европейский регион, как Европа второго сорта, если не хуже, отуреченная, смешанная со всякого рода левантинскими ферментами, мир, который не предоставляет гарантий, на который нельзя положиться в отношении ни стабиль-

ности, ни обязательств» (*Paleologu* 1997a).

Демонический образ Балкан нашел отражение и в художественной литературе. Это край, «где в жизни нет ни капли мягкости и сколько-нибудь утонченной цивилизации, где жизнь бедна, бесплодна и сурова», — сетовал югославский (сербско-боснийский) писатель, лауреат Нобелевской премии Иво Андрич. «Здесь на Балканах собачьей вони в земле по локоть, а человеческой крови — лишь на пядь», — усугублял негативы в восприятии региона другой писатель с мировым именем, серб Милорад Павич.

Известный шотландский беллетрист Брэм Стокер в свою очередь утверждал, что регион находится «в центре всех вихрей воображения», где «собираются все известные в мире суеверия». Правда, автор бессмертного «Дракулы» имел в виду не Балканы, а Карпаты, но это не так важно, поскольку тот же Бисмарк в 1878 г. на Берлинском конгрессе назвал регион «местом, о котором до этой войны (т.е. русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — *Н.М.*) никто не слышал».

«Балканы — это опера-буфф, написанная кровью», — резюмировала британская исследовательница Албании Мери Эдит Дарем (1863–1944), которую в этой стране называли «королевой горцев».

ЗЛОСЧАСТНОЕ НАСЛЕДСТВО

У всего должны быть причины, корни, истоки. Кому или чему обязаны Балканы своей экономической

отсталостью и традициями вражды? Экономический аспект осветил уже упомянутый Вольф. Балканские страны — это бедные крестьянские страны, пишет он. «Бедность балканского крестьянина проистекает отчасти из следующих факторов: неплодородная земля, преобладание мелких или раздробленных участков, нехватка техники и инструментов, неудовлетворительная инфраструктура, недостаточный капитал, предпочтение, отдаваемое зерновым культурам в ущерб товарным и кормовым, — объясняет американский профессор. — Эти предпосылки привели к слабой покупательной способности и низкому стандарту жизни». По мнению Вольфа, «все эти явления были симптомами большой центральной проблемы: слишком много людей жило на земле, которая производила слишком мало. Это была проблема перенаселенности» (Wolff 1978: 161).

Что касается формирования морально-психологического климата на Балканах, который привел к их превращению в «пороховую бочку», то корни очевидным образом уходят во времена Византийской и Османской империй. «Два ключевых исторических наследия придали форму полуострову на юго-востоке Европы, — пишет Тодорова. — Первое — это византийское тысячелетие <...>. Второе — это полтысячелетия османского владычества <...>. Османский элемент, или воспринимаемый как таковой, породил, прежде всего, эти стереотипы» (Todorova 2000: 29). «Главным об-

разом из-за продолжительной принадлежности Османской империи Балканы обременены историческим наследием нестабильности и экономической отсталости», — отмечает и Гард (Garde 2010: 91). «Долгие века господства Византийской империи и ее наследника — Османской империи сформировали многочисленные характерные черты балканских стран», — утверждает Вольф, добавляя, что «западники или латиняне не любят византийских греков, которых считают женственными и вероломными, тогда как греки, в свою очередь, считают латинян дикими, ненадежными и склонными к насилию» (Wolff 1978: 53).

Что все же означает, по сути, «византийский» или «османский»? «90% из нас, когда говорит “византийский”, “византийские нравы” или “левантийский менталитет”, автоматически подразумевают безответственное эпикурейство, двуличное коварство, повсеместную меркантильность, моральное убожество и даже мизофилию (сексуальные отклонения. — Н.М.)», — пишет румынский литературный критик Дан Константин Михэилеску, отмечая презрительное отношение к «византийской политике», которая воспринимается «как явное политиканство, т.е. лицемерие, предательство и т.п.» (Mihăilescu 1997).

«Фантастическая коррупция османской и фанариотской¹ администрации привела к твердой убежденности, что все продается, — отмечал, в свою очередь, Вольф. — Неудиви-

¹ Фанариоты — греки из стамбульского квартала Фанар, которые в 1711–1821 гг. назначались султаном правителями Молдовы и Валахии. — Н.М.

тельно, что "менталитет бакшиша" сохраняется. <...> Социальная ответственность — *noblesse oblige* — не расцвела в сердцах коренных румынских бояр, или обращенных боснийских аристократов, или албанских беев. По отношению к нижестоящим они были безжалостными угнетателями» (*Wolff* 1978: 67).

Многие черты балканских народов объясняются этими социально-экономическими условиями, которые своеобразным образом преломились в их психологии. «Преследования [властей] породили традицию нарушения закона, превратив разбойника в героя», — отмечает Вольф. «Государство воспринималось как хищник, а противостоявшие ему мятежники — славянские гайдуки или греческие клетты — вызывали восхищение, прославлялись в народных песнях, — замечает в той же связи Гард. — Сегодняшний феномен нелегальной торговли, преступности, коррупции и негражданского поведения [на Балканах] отчасти связан с этим прошлым. Он менее характерен для пребалканских [т.е. примыкающих к Балканам] регионов, которые были подчинены Габсбургам». «Среди крестьян [исторический] опыт породил глубоко укоренившееся недоверие к властям, — продолжает Вольф. — Правительство для них означало сборщиков налогов, солдат, расквартированных в их домах и насильничавших над ними и их семьями, злых чиновников, отнимавших урожай». При этом, отмечает он, в городах бытовал «миф о счастливой и беззаботной жизни крестьян, которые танцевали в живописных костюмах и приподнимали свои шляпы, когда начальники проходили

мимо, были довольны, что им можно не заботиться о сложных мировых проблемах, и с трогательной преданностью рассказывали заезжим иностранцам о мудрости своего великодушного правительства» (*Ibid.*: 67).

БАЛКАНЫ И РУМЫНИЯ

На Балканах все неопределенно, расплывчато и зыбко — принципы и нормы, законы и порядки, характеры и темпераменты, как отметил в одном из выступлений ведущий российский исследователь-югославист Леонид Гибианский.

Неопределенны, например, границы, причем не только балканских стран, но и Балкан в целом. Так, если северной границей полуострова считать Дунай, то Румыния, где пишутся эти строки, не балканская страна. Тем не менее многие авторы включают ее в свои монографии по балканской тематике, в частности, по той простой причине, что Балканские горы геологически являются продолжением Карпатских. Ну а руководитель австрийской дипломатии после Венского конгресса Клеменс Меттерних вообще, согласно известной легенде, утверждал, будто Балканы начинаются с Реннвег — улицы в Вене, которая ведет на юго-восток...

«Исторические соображения, — пишет Гард, — побуждают нас присоединить к Балканам земли, лежащие к северу [от Дуная], которые можно было бы назвать "пребалканскими", чьи широкие долины и узкие горы географически являются продолжением европейского рельефа» (*Garde* 2010: 10).

Столп румынской историографии Николае Йорга, 150-летие со дня рождения которого отмечается, кстати, в этом году, в 1930 г. в лекции в Кливленде разъяснял, что Румыния не является балканским государством (Iorga 1997). Десятилетием позже, однако, в лекции «Что такое Юго-Восточная Европа», как будто акцентируя относительность географических границ, он уточнял, что «страна принадлежит не месту, где находится, а цели, на которую смотрит» (Iorga 1940).

«Хотя Румыния географически относится к Балканскому полуострову лишь своей областью Добруджа, она принадлежит балканскому миру, или миру Юго-Восточной Европы, в силу исторических связей и единой судьбы с другими народами региона, — утверждает византинист и балканист Николае-Щербан Танашока, долгие годы возглавлявший бухарестский академический Институт исследований Юго-Восточной Европы. <...> — Миротворческая и цивилизующая балканская функция Румынии была признана в прошлом дипломатическими кругами как одна из важнейших международных функций румынского государства» (Tanasoca 1997).

И сегодня многие румыны очевидно не отделяют себя от балканских народов. Вот, например, слова одного из шлягеров популярной румынской рок-группы «Холограф», который так и называется: «Я балканец»:

«Я потерял безвозвратно, я балканец.
Я не завершаю то, что начал,
я балканец.
И я тону великолепно, чем
“Титаник”».

Я несерьезен, но это ничего, — ведь
я балканец.
У меня кровь кипит в жилах,
я балканец.
Я очень сильно обижаюсь, но у меня
быстро проходит.
Я непримирим, но и миролюбив.
Я лживый политик и совсем
не люблю работать.
У меня вулканический
темперамент, — ведь я балканец».

«БАЛКАНСКИЙ» КАК БРАННОЕ СЛОВО

Наряду с прилагательными «византийский» и «оттоманский», негативное значение с конца XIX в. приобрел, соответственно, и эпитет «балканский». Так, в Словаре румынского языка 1913 г. в статье «Балканский» указывается: «Касающийся более отсталого состояния культуры народов Балкан — отсталый, примитивный, нецивилизованный». «Термин “балканский” получил уничижительные коннотации, которых прежде не было, — отмечает Танашока. — Важнейшая из них касается определенных форм экстремистского национализма и политической агрессивности, проявившихся в конфликтах, которыми сопровождался “выход из неделимости” наследников Оттоманской империи, современных национальных государств Балканского полуострова» (Tanasoca 1997).

«Если говорят, что у кого-то балканский менталитет, — пишет в той же связи Гленни, — то это значит, что этот человек расположен обманывать, преувеличивать, и ему не стоит доверять» (Glenny 2020: 21). При этом, что характерно, эти балканские пороки не всегда есть желание

проецировать на себя: «забавно констатировать, что подлинными балканцами — сербы и болгары — называют “валашскими” пороки, которые румыны приписывают балканизму: двуличность, трусость, лень, лицемерие, раболепство, продажность, жуликоватость», — замечает Танашока (*Tanasoca 1997*).

А. Палеологу (и отнюдь не только он) отмечал существование «достаточно четкого различия между румынами Трансильвании и старого королевства (Молдовы и Валахии)», т.е. «румынами с Балкан» и «румынами из габсбургской Центральной Европы», в соответствии с пресловутой «линией Хантингтона». «Первые воспринимают других как левантйских, фривольных и ненадежных², — писал он. — В свою очередь, жители королевства считали, что трансильванцы отличаются имперской спесью, они слегка негибкие и напыщенные, слегка казенные и высокопарные, лишенные, во всяком случае, чувства относительности и юмора, плодovitой двусмысленности, которой характеризовался балканский мир старого королевства. <...> С тех пор осталась идея, что, к сожалению, мы — балканцы, и должны излечиться, или хотя бы скрывать этот порок» (*Paleologu 1997b*).

Вольф с характерной непринужденностью приводит в своей вышеупомянутой монографии любопытные описания национальных характеров балканских народов. Так, «румыны хитры и ловки: крестьяне демон-

стрируют значительную способность <...> уклоняться от нежелательных налогов. Городские интеллигенты показывают значительные способности во всех областях науки. В то же время румыны как будто ленивее, чем другие балканские народы: большая часть коммерческого и значительная часть индустриального развития в Румынии были в прошлом иницированы и поддержаны немцами, евреями, греками и армянами, но особенно евреями. Политически самой знаменитой чертой румын была коррупция, которая всегда мучила страну. <...> Контракты на строительство дорог, мостов, железных дорог и административных зданий традиционно приносили очень большие взятки в карманы счастливых подрядчиков и их политических друзей, которые устроили для них это дело, так что зачастую соответствующие работы попросту никогда не проводились, а деньги испарялись. Паспорта, лицензии, любые документы открыто и незаконно продавались в госучреждениях; по сути, с достаточными деньгами и знакомствами в стране не было ничего, что нельзя было бы купить».

Вместе с тем, по наблюдению того же американского исследователя, «румын характеризует веселость и обаяние, природная обходительность и гостеприимство, которые нравятся большинству приезжих. Румыны зачастую фривольны: даже самые серьезные вопросы служат поводом для шуток». Хотя существует и мнение, что они «менее склонны к насилию,

² Левант — в узком смысле Сирия, Ливан, Палестина; но в Толковом словаре румынского языка, в частности, прилагательному левантйский дается и такое значение: нечестный, лицемерный, интриган.

чем другие балканские народы», это, видимо, не так, поскольку «все же в предвоенные годы в Румынии стали обычными политические убийства <...>, а во время вторжения в Россию румыны совершали страшные жестокости».

Вольф называет именно коррупцию «главной социальной проблемой современной Румынии». По его словам, «Румыния была единственной из рассматриваемых стран (Румыния, Югославия, Болгария и Албания. — Н.М.), где при коммунистическом режиме сложилась привилегированная правящая группа — немногочисленная, но присвоившая богатство и власть, полностью коррумпированная и совершенно равнодушная к благосостоянию масс населения. Члены этого класса обладали иногда блестящими способностями, но часто были циничными, стремились главным образом удовлетворить свои собственные удовольствия. Эту социальную систему Румыния унаследовала от турецкого прошлого и бывших греческих правителей: национальный исторический опыт привел к появлению этой небольшой группы на одном конце социальной шкалы и миллионов нищих крестьян — на другом, с малоимущими румынами между ними» (Wolff 1978: 35–36).

«Сербы и, может быть, хорваты, но особенно сербы, впечатляют иностранцев своей переменчивостью, возбужденностью, живостью, склонностью к насилию, — полагает тот же автор. — Они относятся с глубокой подозрительностью к намерениям друг друга, но нередко обладают весьма достойной и благородной

внешностью». «Болгары выглядят намного скромнее, — продолжает он. — Это выносливый, бережливый, энергичный, молчаливый народ, часто суровый, упорный, устойчивый. <...> Хотя болгар трудно разозлить, однако их нелегко успокоить, если они все же выйдут из себя, и их политическая история полна страшных жестокостей. Они столь же смертельно серьезны, сколь легкомысленны румыны, и часто доводили свою страсть до крайности, особенно в вопросах кровной политической мести» (Ibid.: 41).

Описывая албанское общество, Вольф отмечает, что «низкая ценность человеческой жизни <...>, жалкое положение женщин, пренебрежение детьми, — все это отталкивало людей, воспитанных в более западных, менее примитивных правилах. Однако это были лишь менее привлекательные черты людей, которые жили еще в героической эпохе, утопали в нищете и были поражены болезнями. <...> Конечно, в этом обществе были и более привлекательные стороны: безупречное, открытое, щедрое гостеприимство и готовность сделать все возможное для удобства гостя». «Албанские храбрость и гостеприимство могли бы стать замечательной основой для развития здоровой страны в мире, который не был бы столь хищным, — трезво замечает он же. — Такой мир, однако никогда не существовал, и у албанцев никогда не было шанса» (Ibid.: 143).

Примечательно, что гостеприимство и вообще добросердечие присущи, с точки зрения многих представителей западных стран, скорее примитивным, «нецивилизованным» народам.

Автору этих строк довелось однажды на официальном обеде в Румынии сидеть рядом с американцем, который после третьего или четвертого блюда отодвинул тарелку и презрительно сказал: «Так [обильно] угощают только в бедных странах».

БАЛКАНЫ И РОССИЯ

В России существовало неоднозначное мнение о Балканах. «Проницательный русский посол в Константинополе [граф Николай] Игнатъев предсказал, что после того, как завершится борьба с турками, христианские народы будут воевать друг с другом», — отмечает Вольф (*Wolff* 1978: 78).

Довольно прозорливо о странах региона высказался в «Дневнике писателя» (1877) Федор Достоевский: «По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России... таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, как только Россия их освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! <...> Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью, напротив, что от властолю-

бия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта» (*Достоевский* 1995: т. 14, с. 352–358).

ВОЗМОЖНЫ ЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА НА БАЛКАНАХ?

Созданию «дурной репутации» Балкан способствовал не только субъективный фактор (национальный характер), но и объективное историческое развитие, которые вместе сформировали Балканы такими, какими они известны сегодня. Можно представить себе неумолимый, как замкнутый круг, механизм: психологические черты лидеров балканских народов вели к определенным военно-политическим решениям, а происходившие в результате события, в свою очередь, укрепляли и развивали эти психологические черты.

«На пороге XIX века оттоманские и австрийские Балканы были мозаикой населений различных языков и религий, соседствовавших на одних и тех же территориях, — справедливо отмечает Гард. <...> Нигде не было непрерывных линий, отделяющих одно население от другого» (*Garde* 2010: 96). «Начиная с 1878 года и особенно с 1912 года (начало первой балканской войны. — Н.М.) балканские страны постоянно увеличивались в размерах до тех пор, пока не стали соседствовать друг с другом, и соперничество между ними стало, по крайней мере, таким же острым, как их конфликт с прежним угнетателем».

Все дело в том, что «освободительные проекты каждого из этих народов <...> являются

несовместимыми, — справедливо пишет французский ученый. — Каждый предъявляет права на возможно большую территорию, опираясь на исторический период по своему выбору: это Великая идея греков, это проекты Великой Сербии, Румынии, Хорватии, Болгарии. Было подсчитано, что, если каждое государство получило бы территории, которые требовало, Балканы должны были бы занимать вдвое большую площадь, чем в реальности. Из 29 нынешних балканских границ по крайней мере 25 могли стать источником конфликта». Вообще «проект государства-нации предусматривает, что все члены этой нации (этнического типа) должны быть объединены в одном государстве, а некоторые также хотят, чтобы в этом государстве больше не было и чужих. Между тем этот фантазм “этнически чистого” населения, — по справедливому замечанию французского ученого, — противоречит наследству империй, которые были по своей природе неоднородными, терпимыми». Естественной тенденцией в развитии этих государств, однако, было непрерывное стремление к однородности и постоянное применение жестоких методов, которые привели к тому, что называется «этнической чисткой» (Ibid.: 117–119).

Истоки межэтнических конфликтов пытаются, конечно, осмыслить и ученые самих стран Юго-Восточной Европы. Румын Танашока, увязывая их, впрочем, и с западными влияниями, отмечает, что «строгое применение

выработанной на Западе модели национального государства в балканской среде с ее столь сложной и разнообразной этнической структурой, космополитическими традициями было революционной инновацией, которая вызвала беспрецедентное обострение этнических конфликтов. Стремясь обеспечить себе как можно большую часть оттоманского наследства, пытаясь в то же время легитимизировать свои территориальные претензии в терминах современной национальной идеологии, молодые балканские государства принялись выравнивать этническое содержание этих государств путем насильственной денационализации, занижения статистики о меньшинствах, прибегали к террористическим акциям и историческим фальсификациям, воевали друг с другом» (Tanasoca 1997).

БЕГСТВО С БАЛКАН

Из-за дурной репутации региона возник феномен своеобразного «бегства с Балкан»: многие не желают, чтобы их страны называли «балканскими», а предпочитают числиться, например, в Центральной Европе. Или прибегают к своеобразному эвфемизму, называя регион Юго-Восточной Европой³. Особенно этот феномен проявился после падения коммунизма в Восточной Европе, когда многочисленные обретшие вдруг свободу страны стали отчаянно искать себе место попрестижнее на геополитической карте континента.

³ Впрочем, эта позиция характерна не только для ученых самих балканских стран. Показательно, что международная ассоциация балканистов, периодически проводящая свои представительные конгрессы, называется Международной ассоциацией по изучению Юго-Восточной Европы. Отчасти это тоже может быть связано с дурной репутацией Балкан, оставляющей свой отпечаток на всех связанных с Балканами коннотациях (прим. отв. редактора ИЭ).

«Румыния не является и никогда не была <...> балканским государством, — гремел, например, в газете “Cotidianul” публицист Андрей Кэпушану. — Румыния всегда была страной в историческом центральноевропейском пространстве» (Carpusani 1998). Танашока объяснял «аллергию румынской интеллигенции к балканизму» историческими причинами, в частности, «болезненными воспоминаниями о репрессивном режиме турко-фанариотского господства и стремлением быстрее возвратиться в цивилизованное сообщество христианской Европы» (Tanasoca 1997). Как понимать это сообщество и какое место должна занять в нем Румыния, пытается разобраться политолог Алина Мунджиу-Пиппиди, которая писала в 1995 г. в корреспонденции из США, что «в настоящее время существуют три Европы, и судьба Румынии зависит от того, в какой из них она останется». Это — Западная Европа, Центральная Европа (Чехия, Словакия, Венгрия, Польша) и «европейский ад, темная часть континента». «Если первые две Европы — это проекты, то Балканы кажутся, на первый взгляд, урной для неудачных проектов», — довольно цинично резюмировала она (Mungiu-Pippidi 1995).

Конечно же, у этих споров всегда была политическая подкладка. Так, академик Рэзван Теодореску (кстати, один из многолетних руководителей Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы) уточнял, что корни «фантастической» концепции о принадлежности Румынии Центральной Европе «находятся в решении США эффектно отметить исчезновение

с карты реальности, которая, как они считали, является исключительным результатом Ялты» (т.е. раздела Европы на сферы влияния Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным на конференции в Ялте в феврале 1945 г. — Н.М.). Показательны слова всем известного Збигнева Бжезинского: «Сегодня Восточная Европа вновь стала Центральной Европой» — американский политик указывал, что с исчезновением советской империи бывшие страны-сателлиты вернулись в то пространство, где они «были пленниками более старого межвоенного раздела». Развивая эту тему, Теодореску замечает, что после 1989 г. американцы переосмыслили термин «Центральная Европа», теперь обозначающий для них все страны, которые долгие годы зависели от Москвы. «Так в результате алхимии, которая не превышает интеллектуального уровня лицеиста, вместо бывшей коммунистической Европы — “Европы от Бреста до Бухареста” — родился геополитический овцебык, которого и в ЕС называют “странами Центральной Европы”, включающий 15 государств <...>, хотя между ними нет ни традиционных, ни будущих связей». По определению самого румынского академика, «Румыния — страна Восточной Европы, точнее, того континентального подразделения, которое называется европейским Юго-Востоком» (Theodorescu 2000).

БАЛКАНЫ ВСЕ ЖЕ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ИХ РЕПУТАЦИЯ

В реальной жизни не бывает «хороших парней» и «плохих парней». Поэтому ряд исследователей и наблюдателей

вполне допускают, что Балканы лучше, чем их репутация.

Одни подчеркивают яркий балканский колорит, другие делают упор на спасательную функцию «балканизма», которая позволила народам полуострова выжить в неблагоприятных исторических условиях. «Вообще мы, румыны, не балканский народ, по той простой причине, что находимся к северу от Дуная, — писал Палеологу. — Но, к счастью, у нас есть много сильных и старых балканских влияний, которые дают [нам] всю соль и весь перец, тонкость, живость и всю эту изумительную силу интеллектуального метаболизма». Эссеист выделяет «балканскую линию» в румынской литературе — Антон Панн, Николае Филимон, Ион Гика, Караджале-отец (Ион Лука), Караджале-сын (Матею), Тудор Аргези, Ион Барбу. Затем — Панаит Истрати, Эуджен Барбу, Фэнуш Нягу и другие. «Это чрезвычайно плодотворная, богатая, с живыми и пряными пигментами линия, — подчеркивает Палеологу. — Будет жаль, если мы откажемся от нее или не сумеем принять ее как нашу» (*Paleologu 1997a*).

В другом месте эссеист развивает эти мысли: «В нашем валашском менталитете есть определенный балканский перец, аромат и релятивизация поведения с этической точки зрения, которая не доходит, однако, до аморальности, а лишь до определенного цинизма. Караджале был циником, но его цинизм был сократической позицией. Балканский цинизм — это необычайно живой и стимулирующий фермент в нашей культуре. Между тем многие с совершенно неуместным морализаторским па-

фосом отвергают этот потешный подход, ернический и циничный дух и снятие путем релятивизации исторических несчастий и катастроф. По моему мнению, мы должны сохранять ясность мысли и хороший вкус, ценить то, что является триумфом мудрости и артистизма. Хлесткая и сочная реплика придает литературе и обществу неповторимую и очень ценную ноту». Палеологу пытается определиться и с прародиной румын: «Мы забываем, например, о том, что румынская территория в XI–XII века называлась Кумания и что мы, несомненно, потомки куман (а еще дальше — печенегов), — отмечает он в заключение. — В этом нет никакого стыда, как нет никакого стыда и в том, чтобы сегодня называться балканцами, даже если, строго говоря, мы таковыми не являемся» (*Ibid.*).

С другой стороны, литературный критик Александру Джордже явно не приветствует «балканскую линию» в румынской литературе. «Открытое утверждение балканизма и его агрессивное провозглашение в духе кичливого афиширования убожества совершили писатели, и этот флаг до недавнего времени несли Эуджен Барбу, Марин Сореску и Фэнуш Нягу, — писал он. — Благодаря их художественному успеху, румын показан как аморальный и насмешливый, смысленный и вульгарный зубоскал и кутила» (*George 1997*). Иначе смотрит на балканские традиции культуролог Виктор Нойманн, который находит положительные стороны и в особом стиле балканской дипломатии: «Мы находим балканскую креативность <...> и в дипломатии, где заметно определенное положительное веро-

ломство, которое позволило нации выжить, вопреки турецкому, русско-му или австро-венгерскому господству» (Neumann 1999). Со своей стороны автор трехтомного труда «Румынский литературный балканизм» профессор Мирча Муту попытался дать полное и сбалансированное определение балканизма — «политическая и этническая реальность, порождающая военные конфликты» и «ощущение неустойчивого равновесия». «С точки зрения ментальности, это коллективная драма, сопровождаемая ее пародийной изнанкой — составной частью <...> необходимой философии выживания». И, наконец, это «форма, прежде всего, внутренней свободы в условиях авторитарического режима» (Muthu 2002).

СКРОМНОЕ ОЧАРОВАНИЕ БАЛКАН

Причудливым образом балканский регион притягивает и представителей «цивилизованного» мира, по крайней мере некоторых из них. Не исключено, что такие европейцы и американцы должны обладать особой чувствительностью к «скромному очарованию» Балкан или просто-напросто быть неудачниками в прежней жизни. Так или иначе, в литературе и в жизни можно найти немало примеров осевших в балканских странах выходцев с Запада, которые нашли себя именно здесь.

Упрощая, их можно разделить на две основные категории: романтики, ценящие первозданность балканской природы и нравов, и аферисты, колесящие по балканским странам то ли в поисках легкой наживы, то ли скрываясь от правосудия.

Уже упоминавшаяся Мери Эдит Дарем утверждала, что регулярно приезжает на Балканы, чтобы «забыть на время об убогой жизни дома». В 1907 г. на Балканы отправился американский историк и писатель Артур Дуглас Хоуден Смит. В Болгарии он присоединился к македонскому тайному революционному обществу, которое в литературе нередко называют террористической организацией (Внутренняя македонская революционная организация — IMRO), и потом рассказал о своих приключениях в книге «Сражаясь с турками на Балканах». «Для тех, кто там не был, Балканы — это край, полный тайны; для тех, кто их знает, они становятся еще более таинственными, — писал он. — <...> Интриги, заговор, тайна, храбрость, подвиги — все, что составляет душу настоящего рыцарского романа, сегодня это — Балканы».

В целом Восток, частью которого являются Балканы, пишет М. Тодорова, «представлял для Запада экзотический и воображаемый край, обитель легенд, сказок и чудес; в нем воплотились желанные и предлагаемые устремления, противоположные светскому и прозаичному Западу». Балканы, резюмирует она, стали «эскапистской мечтой богатых и романтических консерваторов» (Todorova 2000: 30).

Для некоторых жителей «цивилизованного мира», однако, балканские страны — это европейские банановые республики. Расслабленная атмосфера вседозволенности из фильмов Кустурицы и мелодий Бреговича как будто позволяет высвободить тайные порывы, которые в других местах



континента обузданы законом или моралью. Многие приезжают на Балканы, мечтая об острых ощущениях и запрещенных удовольствиях, к которым у себя дома не осмеливаются даже приблизиться. Ведь отсталых и бедных людей, по крайней мере теоретически, можно заставить удовлетворить самые необычные свои прихоти! Вот почему на Балканах столь велика и сегодня концентрация заезжих мафиози и жуликов, авантюристов и педофилов, всевозможных любителей эстетики безобразного и культуры треша, адептов прелестей дикости и сладострастия грязи. Респектабельные же и осторожные иностранцы предпочитают проводить отпуск в чистеньких Будапеште или Праге.

«Наряду с “восточной жестокостью”, в ориенталистских описаниях и изображениях был и другой, весьма привлекательный компонент — страсть», — пишет далее Тодорова,

которая приводит цитату из работы турецких историков: «Сцены с гаремами, банями и рынками рабов стали для многих западных художников предлогом, при помощи которого они могли удовлетворить болезненный интерес покупателей к эротическим темам. <...> Такие картины, естественно, представлялись европейцам в “документальном” виде, и с их помощью художники-ориенталисты могли удовлетворить спрос и в то же время освободиться от любой моральной ответственности, утверждая, что это были сцены из жизни языческого общества с другими моральными ценностями» (Семра Германер и Зейнеб Инанкур, «Ориентализм и Турция») (Ibid.: 31). Так, получила широкую известность серия из двенадцати литографий «Balkangreuel» («Балканский ужас»), изображающих турецких солдат, которые насилуют и убивают женщин. Литографии выполнены австрийским книжным иллю-

стратором Готтфридом Зибеном и впервые опубликованы в 1909 г. под псевдонимом Арчибалд Смит тиражом 550 экземпляров издательством Privatdruck der Gesellschaft Österreichischer Bibliophilen («Частное издательство Общества австрийских библиофилов»).

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Нередко можно услышать, что Балканы — это мутная вода, где ловят рыбу все, кому не лень. На Балканах может произойти все что угодно, и поэтому их легко использовать для всяких темных игр, они просто предназначены для этого. Если хочешь что-то замутить, брось туда камень... Непроходимое болото, гиблый омут, черная дыра.

Реального решения у многих балканских проблем просто нет. Балканы — это задача без решения. Это оселок для взаимного прощупывания великих держав, для обкатывания новых концепций, вроде гуманитарного вмешательства, ну и для продавливания геополитического влияния, зачастую не очень чистоплотными методами. Все здесь настолько запутано и противоречиво, что конечный результат любой комбинации никогда нельзя предвидеть и не стоит планировать — всегда возникнет какая-нибудь неожиданность...

Такой или примерно такой образ Балкан возник не вчера и не позавчера, таковы Балканы в представлении не только кокетничающих с историей обывателей, но и матерых политиков, реально участвующих в переустройстве мира.

Существует вопрос об ответственности за неудачную судьбу и дурную репутацию Балкан. Было предпринято немало попыток найти виноватого, возложить вину на другого. Однозначного ответа на этот вопрос, однако, нет.

«Балканские страны — продукты распада Османской империи в Европе и международной дипломатии, решившей заняться их развитием, — пишет Вольф. — <...> Они были неоднократно вовлечены в соперничество между европейскими великими державами и пережили различные формы и степени вмешательства в их внутренние дела» (Wolff 1978: 8). Балканские страны — это «театр соперничества великих держав», — вторит ему Гард. «Позади каждой балканской пешки [находился] один или несколько европейских игроков» (Garde 2010: 151). Гленни, в свою очередь, говорит о «модели, согласно которой политическая ориентация балканских стран определялась в отдаленных столицах великих держав». «В соответствии с этой моделью великие державы энергично вторгались в регион, либо иницируя, либо подстрекая к насилию, после чего уходили, умывая руки, от любой ответственности за последствия первоначального вмешательства», — пишет он (Glenny 2020: 691). Согласно Гленни, было три основных вмешательства великих держав на Балканах — Берлинский конгресс 1878 г., когда европейские дипломаты «выстроили на Балканском полуострове систему соперничающих союзов»; ультиматум, который Австро-Венгрия предъявила Сербии в 1914 г.; и третье вмешательство, начавшееся нападением Италии на Грецию в 1940 г. и завершившееся

установлением просоветских режимов в Болгарии и Румынии и прозападной администрации в Греции. «Великие державы поддерживали расширение национальных государств повсюду [на Балканах], где это отвечало их интересам, игнорируя в ходе этого процесса противоречивые национальные устремления, — утверждает автор. — <...> После Берлинского конгресса место сотрудничества [между великими державами] заняло состязание, гармонию заменили разногласия. Народы Балкан заплатили за эту перемену жестокую цену». Ведь «единственным постоянным принципом империалистической картографии было продвижение интересов великих держав, — констатирует Гленни. — Бисмарку никогда не приходило в голову, что другие этнические или религиозные группы могли иметь законные права или устремления» (Ibid.: 168).

Румынский историк, основатель бухарестского Института балканских исследований Виктор Папакостя также пишет об «империалистических тенденциях некоторых великих держав, которые притворялись, будто сражаются за освобождение угнетенных народов, но в реальности преследовали цель раздела полуострова на зоны влияния, подобно концессиям на цветных континентах». «Особенно Россия и Австрия проявляли почти с самого начала огромный аннексионистский аппетит, — считает он. — Одна хотела Дунай, проливы и Константинополь, другая — Салоники и эгейское побережье» (Papacostea 1997).

Вместе с тем невозможно отрицать, что немалая часть ответственности

за злосчастную судьбу региона лежит, конечно, и на самих балканских странах. На протяжении веков они пытались найти мощного покровителя, чтобы использовать его против соседей, а великие державы благодаря этому успешно натравливали балканские страны друг на друга. «В Берлине великие державы связали свои империалистические интересы с устремлениями поднимающихся балканских государств, — формулирует Гленни. — <...> Новые элиты с периферии Балкан выучили урок, который был им преподан на конгрессе: укрепить и расширить свое государство лучше всего можно при поддержке мощного спонсора, а не в сотрудничестве с соседними государствами» (Glenny 2020: 173). Впрочем, история свидетельствует, что так было не только на Балканах...

ДВУЛИЧИЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

На Западе несчастья Балкан редко воспринимаются как результат внешнего вмешательства. «Напротив, — пишет Гленни, — виновными считаются сами балканские государства, рассматриваемые как некие правонарушители, которые вынуждают иностранные державы к вмешательству в безнадежные местные конфликты без особого желания с их стороны». «Об этом воображаемом Балканском полуострове — мире, в котором люди мотивируются не рациональными соображениями, а таинственной природной кровожадностью, великие державы напоминают всякий раз, когда пытаются отказаться от ответственности за экономические и политические трудности этого региона из-за внешних вмешательств», —

отмечает автор (Glenny 2020: 692). В подтверждение вывода о большой коллективной психологии балканских народов обычно ссылались на необычайную жестокость первой и второй балканских войн 1912–1913 гг., а также на убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда 28 июня 1914 г.

В 1914 г. Международный фонд Карнеги за мир опубликовал доклад международной комиссии о причинах и ходе двух балканских войн. В 1993 г. фонд переиздал этот документ, снабдив его введением маститого дипломата Джорджа Кеннана, который утверждал, что главным мотивом этих войн был «агрессивный национализм». Этот национализм, писал он, «связан с более глубокими чертами характера, унаследованными, вероятно, из далекого трайбалистского (т.е. кланового. — Н.М.) общества. <...> И таким же он остается и сегодня». «Мы боремся с тем печальным фактом, — продолжал Кеннан, — что события древних времен, не только турецкого владычества, а некоторые еще более ранние, привели к развитию на южных границах европейского континента ростков неевропейской цивилизации, которая до сегодняшнего дня сохраняет свои характеристики». Отвечая же на вопрос: «Что делать?», Кеннан утверждал, что никто не желает заниматься «обезумевшим балканским регионом, укрощением его взбесившихся народов», пока они не успокоятся и «не начнут смотреть на свои собственные проблемы более упорядоченным образом».

Эти суждения проиллюстрированы в докладе комиссии Карнеги, распро-



странявшемся в Греции красочным постером, изображающим греческого эвзона, который держит обеими руками еще живого болгарского солдата и впиается зубами в лицо своей жертвы как хищный зверь. Гравюра называется «Vulgarophagos» («Пожиратель болгар») и должна была продемонстрировать, как далеко могла зайти взаимная ненависть между балканскими народами.

М. Тодорова называет такой подход «американской версией европейской аристократической парадигмы <...>, которая отражает эволюционистскую веру в превосходство систематизированной цивилизации над варварством, архаическими наклонностями, отсталостью, мелочными ссорами, мятежным и непредсказуемым поведением, другими словами, — «трайбализмом». Само использование слова «трайбл», — пишет она, — ставит Балканы на нижнюю

ступень цивилизации, где находятся в первую очередь африканцы, к которым оно обычно применяется» (*Todorova* 2000: 288).

О ВООБРАЖАЕМОМ

Бросается в глаза, что во многих текстах о Балканах нередко встречается слово «воображаемый». Другими словами, существует разница между Балканами реальными и Балканами воображаемыми, а также имеется удобный ярлык «балканский», который навешивается при необходимости «опустить» ту или иную страну региона. «Концепция балканизма сведена к измерению культурного/литературного воображаемого», — отмечал, например, М. Муту (*Muthu* 2002).

Полезными для понимания этого обстоятельства оказываются работы ученых последнего поколения французской школы «Анналов» в области такого подразделения истории ментальностей, как история воображаемого. «Мы живем в конкретном мире, а также в нашем собственном мире представлений, проекций и иллюзий, — пишет приверженец этого направления, румынский историк Лучиан Бойя в книге “За историю воображаемого”. — Воображаемое, в конце концов, говорит о человеке больше, чем традиционная история реальных фактов. В определенном смысле оно более реально, чем реальность. Действительно важные вещи находятся в нашем уме и в нашей душе» (*Voia* 2006). Далее ученый отмечает, что интерпретации исторических событий являются «относительно автономными конструкциями по отношению к прошлому, которое

они трактуют, и, с другой стороны, они зависят от структур воображаемого и воздействия идеологий». «История — это интеллектуальная конструкция, а не объективная данность», — заключает он (*Voia* 2013: 6).

Возможно, это — релятивистский в сугубо научной перспективе подход, но зато весьма удобный с точки зрения практической политики в эпоху fake-news и post-truth, когда значение настоящей реальности стремительно падает. Злоупотребляя этим подходом, армия западных политтехнологов сознательно разрабатывает нужную интерпретацию реальности, которая навязывается обществу мощнейшей пропагандистской машиной в определенных интересах. Эта искусственная картина мира должна побудить людей занимать определенную позицию и совершать определенные поступки в настоящей реальности (например, выходить на митинги, голосовать и т. п.).

КОРЫСТНАЯ ДЕМОНИЗАЦИЯ

Многие исследователи дают понять, что демонический образ Балкан не сложился исторически и спонтанно в результате определенных событий, а конструируется искусственно и сознательно с целью сыграть на слабостях уязвимого младшего партнера, превратив его путем давления и манипуляции в инструмент осуществления собственных интересов, а по сути — в колонию.

На Балканах живут 60 млн человек, формирующих в массе своей невежественный, бедный и больной народ, для которого Европа уже планирует

«сферы влияния», писал еще в 1945 г. известный афроамериканский общественный деятель, историк и писатель Уильям Эдуард Беркхардт Дюбуа (1868–1963)⁴. Демонизация Балкан принимает иной раз причудливые, поистине гротескные формы. «С бессмыслицами дошли до того, что утверждали, будто Гитлер заимствовал свои человеконенавистнические идеи у славянской диаспоры на окраинах Вены», — писал Нойманн (*Neumann* 1999). Автор имел в виду книгу «Призраки Балкан» американского журналиста Роберта Каплана, который утверждал: «Нацизм, к примеру, может претендовать на балканские корни. В венских ночлежках, этом рассаднике этнических обид, близких южному славянскому миру, Гитлер учился столь заразной ненависти» (*Kaplan* 1993: 18). Трудно не предположить, что подобные перлы представляют собой, по сути, усилия по достижению ясной, хотя и незаявленной цели — по формированию крайне негативного образа Балкан.

«Высокий чиновник Пентагона открыто сказал нам, — пишет в корреспонденции из США Мунджиу-Пиппиди, — что Вашингтон оставляет балканские проблемы на усмотрение Англии и Франции, которые считаются экспертами по этому региону, и что, по мнению этих стран, это проклятый регион, где ничего нельзя поделать, а можно только попытаться помешать распространению балканизма на Европу, ограничить негативные феномены (геноцид, гражданские беспорядки, межэтнические конфликты), словом, —

удержать Балканы на Балканах» (*Mungiu-Pippidi* 1995).

Неприглядный образ Балкан — «больше, чем стереотип», утверждает М. Тодорова (*Todorova* 2000: 287). Негативное клише Балкан, в целом сформировавшееся в период Первой мировой войны, на протяжении последующих десятилетий воспроизводилось без каких-либо изменений и сегодня функционирует как нагруженное определенным смыслом понятие. Балканы, принадлежащие Европе географически, с культурной точки зрения представляются как «Другой», пишет она. Они оказались способны впитать в себя многочисленные европейские комплексы, не имеющие отношения к самим Балканам.

«Балканизм стал удобным средством для эмоциональной разгрузки, избавляя Запад от обвинений в расизме, колониализме, европоцентризме и христианской нетерпимости по отношению к исламу», — отмечает далее Тодорова. Таким образом, Балканы служили своего рода «хранителем европейских отрицательных черт, в противовес которым был выстроен позитивный и самодовольный образ “европейца” и “Запада”. <...> Балканы остались в рабстве у Европы, ее alter ego, ее внутренней нецивилизованной темной частью» (*Ibid.*: 294).

Проще говоря, далеко не идеальные, конечно, Балканы стали для цивилизованной Европы выгребной ямой, в которую она сливает все дурное, что в себе находит. Фигурально, конечно, выражаясь...

⁴ Об уровне знания им европейской географии наглядно говорит причисление им к Балканам Венгрии наряду с Румынией, Болгарией, Югославией, Албанией и Грецией.

СОВРЕМЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Некоторые комментаторы, отмечает Тодорова, интерпретировали высказывания о неевропейском характере Балкан как основание для политики невмешательства Запада в дела региона. Однако это невмешательство, замечает она, весьма «проблематично».

Так, Запад «не был ни сдержан, ни равнодушен, ни пассивен» по отношению к войне в Югославии. Финальное вмешательство Запада в Югославии имело «практические мотивы», подчеркивает Тодорова. «В основе многих из этих мотивов, — пишет она, — лежали внебалканские соображения: ареал влияния и будущее НАТО, роль США как глобальной военной сверхдержавы, особенно их стратегические интересы в европейских делах и т. д.». «Если примеры из старины и служат чему-либо, — добавляет автор, — то, вероятно, самым ярким из них является поведение богов во время Троянской войны, когда, склоня чашу весов то на одну, то на другую сторону, они преследовали собственные цели, не притворяясь, будто делают что-то для людей. Но это все же были боги!» (Todorova 2000: 287).

Лидеры НАТО претендовали на то, что первое военное одностороннее «выездное» вмешательство альянса в Югославии было «моральной акцией, мотивированной не стратегическими или экономическими интересами членов, а защитой гуманитарных ценностей», пишет Гленни (Glenny 2020: 690). Он указывает, что в этой войне Сербия основывалась на традиционной концепции суверенитета, тогда как НАТО действовало на основе новой теории, соглас-

но которой «соображений гуманитарного порядка достаточно, чтобы оправдать войну». Гард отмечает, что в ходе конфликта в Боснии возникла редкая ситуация: «сложился достаточно общий консенсус внешних держав под единой гегемонией — США, чтобы навязать Балканам арбитраж, основанный более или менее правдоподобным образом на принципах, которые едва ли можно было оспаривать» (Garde 2010: 161–162).

«Создается достаточно ясная картина, — делал вывод после подписания в 1995 г. Дейтонского соглашения, положившего конец войне в Боснии, российский ученый, тогдашний директор Института славяноведения и балканистики РАН Владимир Волков. — Балканы превращаются в плацдарм НАТО в Европе за пределами границ военной ответственности этого альянса». Далее автор резюмировал: «Дейтонское соглашение все более приобретает характер операции прикрытия для оправдания постоянного пребывания войск НАТО на Балканах» (Волков 1997).

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ

Примечательно, что многие ученые из балканских стран скептически относятся к тому, что пишут о Балканах в странах Запада. Это объясняется главным образом тем, что труды западных авторов, за редким исключением, несут отпечаток интересов той или иной державы на Балканах, что влияет на их оценки, интерпретации и выводы. Западные авторы открыто или исподволь используют клише, с которыми не согласны их балканские коллеги, исходят из довольно

сомнительной предпосылки о доброй воле и цивилизующей миссии западных держав на Балканах, в их работах нередко проскальзывает покровительно-снисходительный тон.

Так, и американец Вольф очевидным образом трактует Балканы с позиции «старшего брата». «В мире, где великие державы построили эффективный механизм сохранения мира, — назидательно указывает он, — югославы, румыны, болгары и албанцы имели достаточно времени, чтобы забыть о соперничестве, подготовиться к встрече с индустриализованным западным обществом, заимствовать у богатых стран средства, чтобы повысить собственные стандарты жизни, не теряя ценностей своих богатых культур» (Wolff 1978: 188). Примерно в том же ключе, правда, с более теплым, патерналистским оттенком написана книга француза Гарда. «Путь к миру и процветанию, выбранный теми, кто вмешивался [в ситуацию на Балканах] извне, в принципе хорош: пытаться погасить ссоры путем интеграции всех стран полуострова в ЕС, предложив им тот же путь, который привел полвека назад к франко-германскому примирению», — пишет он (Garde 2010: 169).

На этом фоне выделяется, на наш взгляд, беспристрастностью мнение российского балканиста Л. Гибанского: «На Балканах нет правых и виноватых, а есть безвыходная ситуация, когда отдельные клочки земли оспариваются различными странами на протяжении столетий, — отмечает он. — С точки зрения России, учитывая ее огромное пространство, это — пустое, и мы относимся к этому спокойно».

Очень богата чрезвычайно интересными нюансами монография М. Тодоровой, очевидно потому, что эта исследовательница, благодаря ее болгарским корням и по ее собственным словам, «находится одновременно и внутри, и вне предмета исследования». Румынские ученые, как правило, не выходят за рамки политкорректности. «Считаю, что будущее этой части мира [Балкан] зависит в первую очередь от глобальных политических интересов, от целей и стратегий великих держав, — писал румын Танашока. — [Поэтому] балканская солидарность должна поддерживаться как прелюдия, а не альтернатива евроатлантической интеграции» (Tanasoca 1997).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Волков 1997 — Волков В. Дейтонское соглашение в действии: надежды и сомнения // Обозреватель. 1997. № 5–6.
- Достоевский 1995 — Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах, СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 352–358.
- Boia 2006 — Boia L. Pentru o istorie a imaginarii. București, Humanitas, 2006.
- Boia 2013 — Boia L. Jocul cu trecutul. Istoria între adevăr și ficțiune. București, Humanitas, 2013.
- Capusanu 1998 — Capusanu A. Romania este o țară latină și central-europeană // Curentul. 1998. 3 august.
- Garde 2010 — Garde P. Les Balkans, héritages et évolutions. Paris, Flammarion, 2010.
- George 1997 — George A. Romania la confluența a doua civilizații. Intre Balcani și Europa Centrală // Cuvintul. 1997. № 1.
- Glenny 2020 — Glenny M. Balcanii. Naționalism, război și Marile Puteri. 1804–2012. București, Trei, 2020.
- Iorga 1940 — Iorga N. Ce este Sud-Estul European. Conferința ținută pentru Institutul Sud-Est European. București, 1940.

Iorga 1997 — Iorga I. E oare România un stat balcanic? (conferința susținută la Universitatea din Cleveland) // *Secolul XX*. 1997. № 7–9.

Kaplan 1993 — Kaplan R.D. *Fantomel Balcanilor*. București, Antet, 1993.

Mihailescu 1997 — Mihailescu D. C. *Scara de incendiu* // *Dilema*. 1997. 18–24 aprilie.

Mungiu-Pippidi 1995 — Mungiu-Pippidi A. Vom ajunge «Fantomel Balcanilor» // *Romania libera*. 1995. 11 mai.

Muthu 2002 — Muthu M. Balcanismul — parte integranta dintr-o necesara filosofie a supravietuirii // *Ziua*. 2002. 15 iulie.

Neumann 1999 — Neumann V. *Balcanitatea Romaniei* // *Curentul*. 1999. 19 mai.

Paleologu 1997a — Paleologu A. *Balcanicul Socrate și socraticul Caragiale* // *Secolul 20*. 1997. № 7–9.

Paleologu 1997b — Paleologu A. *Romania la confluenta a doua civilizatii. Intre Balcani si Europa Centrala* // *Cuvantul*. 1997. № 1.

Papacostea 1997 — Papacostea V. *Balcania* // *Secolul XX*. 1997. № 7–9.

Tanasoca 1997 — Tanasoca N.S. *Definitii si asumari* // *Dilema*. 1997. 18–24 aprilie.

Theodorescu 2000 — Theodorescu R. «Utopia» *Romaniei* // *Curentul*. 2000. 24–25 septembrie.

Todorova 2000 — Todorova M. *Balcanii și balcanismul*. București, Humanitas, 2000.

Wolff 1978 — Wolff R.L. *The Balkans in our time*. New York, Norton, 1978.

REFERENCES

Boia L. *Pentru o istorie a imaginarului*. București, Humanitas, 2006.

Boia L. *Jocul cu trecutul. Istoria intre adevar și fictiune*. Bucuresti, Humanitas, 2013.

Capusanu A. *Romania este o țara latina și central-europeana*. *Curentul*, 1998, 3 august.

Dostoyevskiy F.M. *Sobraniye sochineniy v 15 tomakh*. St. Petersburg, Nauka, 1995 (t. 14, str. 352–358).

Garde P. *Les Balkans, héritages et évolutions*. Paris, Flammarion, 2010.

George A. *Romania la confluenta a doua civilizatii. Intre Balcani și Europa Centrala*. *Cuvantul*, 1997, no. 1.

Glenny M. *Balcanii. Naționalism, război și Marile Puteri. 1804–2012*. București, Trei, 2020.

Iorga N. *Ce este Sud-Estul European. Conferința ținuta pentru Institutul Sud-Est European*. București, 1940.

Iorga I. *E oare România un stat balcanic?* (conferința susținută la Universitatea din Cleveland). *Secolul XX*, 1997, no. 7–9.

Kaplan R.D. *Fantomel Balcanilor*. București, Antet, 1993.

Mihailescu D. C. *Scara de incendiu*. *Dilema*, 1997, 18–24 aprilie.

Mungiu-Pippidi A. *Vom ajunge «Fantomel Balcanilor»*. *Romania libera*, 1995, 11 mai.

Muthu M. *Balcanismul — parte integranta dintr-o necesara filosofie a supravietuirii*. *Ziua*, 2002, 15 iulie.

Neumann V. *Balcanitatea Romaniei*. *Curentul*, 1999, 19 mai.

Paleologu A. *Balcanicul Socrate și socraticul Caragiale*. *Secolul 20*, 1997, no. 7–9.

Paleologu A. *Romania la confluenta a doua civilizatii. Intre Balcani și Europa Centrala*. *Cuvantul*, 1997, no. 1.

Papacostea V. *Balcania*. *Secolul XX*, 1997, no. 7–9.

Tanasoca N.S. *Definitii și asumari*. *Dilema*, 1997, 18–24 aprilie.

Theodorescu R. «Utopia» *Romaniei*. *Curentul*, 2000, 24–25 septembrie.

Todorova M. *Balcanii și balcanismul*. București, Humanitas, 2000.

Volkov V. *Deytonskoye soglasheniye v deystvii: nadezhdy i somneniya*. *Obozrevatel'*, 1997, no. 5–6.

Wolff R.L. *The Balkans in our time*. New York, Norton, 1978.

ОТНОШЕНИЕ К ФРАНСИСКО ФРАНКО И ЕГО НАСЛЕДИЮ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ

В статье рассматривается вопрос отношения к франкистскому наследию в современной Испании. Недавнее прошлое было актуальной проблемой в стране в годы непосредственно после смерти Франсиско Франко в 1975 г. Однако тогда представители разных спектров политической жизни договорились о том, чтобы не преследовать никого за преступления прошлого. С середины 2000-х гг. этот консенсус перестает устраивать часть политического спектра. А в конце 2010-х политика в отношении исторической памяти выходит на первый план политической жизни. Правительство Испанской социалистической рабочей партии реанимирует закон об исторической памяти 2007 г., а также добивается выноса тела Франко из мемориального комплекса «Долина павших». Причины таких действий в значительной мере связаны с необходимостью консолидировать чрезвычайно фрагментированную политическую систему страны. Осуждение франкизма является одним из факторов, объединяющих не только левые общеспанские партии, но и региональные силы. Это позволяет добиваться взаимодействия прежде всего с сепаратистскими каталонскими партиями.

Ключевые слова: Испания, Франко, франкизм, историческая память, демократическая память.

Сведения об авторе: Филатов Георгий Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Контактная информация: georgefilatov@gmail.com.

G. A. Filatov

ATTITUDE TOWARD FRANCISCO FRANCO AND HIS LEGACY IN MODERN SPAIN

The article examines the issue of attitudes towards the Francoist heritage in modern Spain. The recent past was an urgent problem in the country in the years immediately after the death of Francisco Franco in 1975. However, then representatives of different spectra of political life agreed not to prosecute anyone for the crimes of the past. Since the mid-2000s this consensus ceases to

suit part of the political spectrum. And in the late 2010s, historical memory politics came to the fore in political life. The government of the Spanish Socialist Workers' Party is reviving the 2007 Law on Historical Memory, and is also seeking the removal of Franco's body from the Valley of the Fallen memorial. The reasons for such actions are largely related to the need to consolidate the country's extremely fragmented political system. The condemnation of Francoism is one of the factors uniting not only the leftist all-Spanish parties, but also regional forces. This makes it possible to achieve interaction primarily with the separatist Catalan parties.

Key words Spain, Franco, Francoism, historical memory, democratic memory.

About the author: Filatov Georgy A., PhD of historical sciences, PhD in history, senior research fellow at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: georgefilatov@gmail.com.

Испанское общество отличается значительной раздробленностью, как территориальной, так и политической. Эта фрагментированность нашла отражение в парламенте страны, где помимо четырех общеиспанских партий заседает 11 региональных. Еще одной границей, разделяющей испанцев, является отношение к своему недавнему прошлому, прежде всего к правлению диктатора Франсиско Франко и его наследию. Однако, как ни парадоксально, в данный момент этот вопрос скорее способен уменьшить раскол в испанском обществе.

Большинство историков, затрагивавших вопросы исторической политики в Испании, отмечают в первую очередь роль этой проблемы в разделении страны. В значительной мере это касается российских исследователей (*Гранцева 2018; Бухармедова 2017; Хенкин 2019*). Зарубежные ученые чаще концентрируют свое внимание на том, что подход к прошлому, избранный правительством социалистов, направлен на восстановление справедливости и сохранение памяти о жертвах франкизма (*Bernecker 2020; Fernández 2008; Mace*

2012; Soler Paricio 2019; Richards, Ealham 2005). Часть исследователей отмечают, что принимаемые меры явно недостаточны (*García de las Heras González 2019*). Некоторые авторы обращают внимание на то, что такой поход со стороны социалистов приводит к радикализации недовольных этой политикой (*Arroyo Menéndez 2020*). Во всех указанных работах обходится стороной тезис о том, что политика исторической памяти, какое бы наполнение она ни получала, приводит к консолидации групп внутри общества. Каким образом это происходит? Во-первых, появляется общая повестка, объединяющая людей независимо от их позиции. Во-вторых, хотя эта дискуссия приводит к появлению групп с разными точками зрения, в Испании, на наш взгляд, чрезвычайно фрагментированная политическая система в результате хотя бы отчасти оказывается двухполюсной. Чтобы доказать этот тезис, необходимо рассмотреть предысторию актуальной ситуации с исторической памятью, а затем проанализировать отношение политических партий к этой проблеме. Анализу следует подвергнуть политические про-

граммы, заявления лидеров партий, а также практику голосования по вопросам исторической памяти разных партий. Наиболее правильным был бы, конечно, анализ опросов общественного мнения и изменений в обществе в моменты обсуждения законов об исторической памяти, выносе тела Франко из монументального комплекса «Долина павших». Однако для того, чтобы получить информацию об изменении общественного мнения по этим вопросам, нужны опросы, проводимые по единой системе одним органом на протяжении длительного времени. К сожалению, в распоряжении исследователей таких данных нет. Главная социологическая служба Испании Центр социологических исследований (CIS — Centro de investigaciones sociológicas) не проводил регулярные опросы об отношении испанцев к наследию франкизма, ограничиваясь периодическими исследованиями. Последний подобный опрос датирован 2008 г. Он был приурочен к 30-летию принятия демократической конституции (Memorias 2008). В нашем распоряжении есть лишь отдельные опросы, проведенные разными организациями по заказу СМИ в связи с конкретными событиями или историческими датами. Основная проблема связана с тем, что каждый раз вопрос формулируется по-разному, что не дает возможности получить полноценную картину изменений. И тем не менее такие опросы позволяют составить общее представление о векторе изменений общественного отношения к Франко и его наследию.

Проблема исторической памяти не всегда стояла так остро в пост-франкистской Испании, как в кон-

це 2010-х гг. В первые десятилетия после смерти Франсиско Франко в элите общества сложился консенсус: преступления франкизма официально не обсуждались, к ответственности за них не привлекали, а взамен франкистская элита не мешала проводить демократизацию общества (Yeste 2010). С такой политикой умолчания согласились представители разных частей испанского политического спектра: и бывшие франкисты, и их заклятые враги — коммунисты. Некоторые историки называют эту ситуацию коллективной самоцензурой (Aguilar 2008: 35). Такой подход не нов. Идея взаимного забвения того, что было в годы гражданской войны, возникла еще во времена правления Франко. В 1956 г. Коммунистическая партия Испании выдвинула идею национального примирения, одновременно отказавшись от вооруженной борьбы с диктатурой (Rueda Laffond 2016). В 1960-е гг. уже сам франкистский режим принимал законы, которые снимали ответственность за сотрудничество с властями Республики перед войной и во время нее. Самым важным среди них была амнистия 1969 г. Она провозглашала истекшим срок давности по всем деяниям до 1 апреля 1939 г., когда гражданская война была официально закончена (Aguilar 2008: 173).

После смерти Франсиско Франко в 1975 г. практика отказа от преследования за преступления прошлого продолжилась. Главным постфранкистским законодательным актом, который определил официальное отношение к преступлениям, совершенным в годы диктатуры и войны, стал закон 1977 г. (Ley 1977). Он имел

двойкую направленность. С одной стороны, он амнистировал всех, кто был осужден или мог быть осужден за политические преступления в соответствии с франкистскими законами. С другой — не подвергались преследованиям и все государственные служащие, которые занимались наказанием испанских граждан по политическим мотивам. Политическая амнистия чрезвычайно волновала жителей страны в первые годы перехода от диктатуры к демократии. Согласно данным социологических опросов, которые приводятся в статистическом сборнике 1982 г., среди мер, которые испанцы в первую очередь ожидали от нового короля Хуана Карлоса I, амнистию на первое место ставили 61% респондентов (López Pintor 1982: 96). Опрос, опубликованный в сентябре 1977 г., накануне принятия закона об амнистии, демонстрирует широкую поддержку этого решения. 61% считали, что оно должно распространяться на все группы, которые отказались от насилия как средства политической борьбы (следует отметить, что в это время баскская организация ЭТА продолжала использовать террор). В то же время 33% опрошенных считали, что амнистию необходимо расширить (Indulto y Amnistía 1977). В этих опросах не поднималась проблема наказания за преступления франкистского режима. Поэтому вполне уместно интерпретировать такие данные именно как поддержку прекращения политических преследований, а не прощения тех, кто эти преследования осуществлял. Можно предположить, что в годы перехода от диктатуры к демократии для жителей Испании существовали более насущные проблемы, чем наказание

виновных в репрессиях. Вместе с тем необходимо признать, что достоверных статистических данных, подтверждающих этот тезис, у нас недостаточно, т.к. таких вопросов в те времена социологи не задавали.

Тем не менее у нас есть возможность представить, как менялось отношение к франкизму, благодаря нескольким опросам, которые проводились государственным Центром социологических исследований в 1985, 1989, 1994, 1995 и 2008 гг. В 1985 г. на вопрос о том, что они думают о периоде правления Франсиско Франко, 44% опрошенных ответили, что в это время было и хорошее, и плохое. 28% посчитали этот период только плохим, 17% — хорошим (Ciudadanos 1985). Опрос 1989 г. продемонстрировал схожие цифры: во франкизме было хорошее и плохое — 45%, только плохое — 27%. Уменьшилось, правда, количество тех, кто считал франкизм в общем хорошим периодом — 13% (Cultura política 1989). В исследовании 1994 г. вопросы были сформулированы иначе, поэтому их нельзя использовать для суждения о тенденциях (Barómetro 1994). Однако достаточно позитивным франкизм назвали 24%, малоопозитивным — 32%, а исключительно негативным — 21%. Варианта, что режим имел и положительные, и отрицательные стороны, в этот раз предложено не было.

Следующее исследование, 1995 г., приуроченное к 20-летию смерти Франко, снова включило в себя традиционный набор вариантов ответов. Оно демонстрирует более серьезные изменения. Количество опрошенных, полагающих, что у франкизма

были и хорошие, и плохие стороны, несколько выросло (48%). Тех, кто оценивал этот период положительно, стало еще меньше (11%). А вот число тех, кто считал это время исключительно отрицательным, выросло до 34% (Barómetro 1995). Таким образом, на протяжении 10 лет можно наблюдать увеличение доли тех, кто отрицательно относится к периоду диктатуры.

Наиболее разносторонним исследованием отношения испанцев к франкизму и его наследию стал опрос 2008 г. В нем, к сожалению, вопросы и варианты ответов были сформулированы иначе. И все же они позволяют сделать вывод, что среди испанцев усиливалось негативное отношение к франкистскому прошлому. Так, на вопрос о том, какие чувства в первую и во вторую очередь вызывает этот период в истории, 23,5% опрошенных отметили, что в первую очередь он вызывает гнев, 16% — грусть. В то же время 58% опрошенных заявили, что у франкизма были и хорошие, и плохие стороны (Memorias 2008).

2008 г. знаменовал важную веху в вопросе изменения отношения к Франко и его наследию в Испании. С этого года начал действовать закон об исторической памяти, одобренный испанскими кортесами в конце 2007 г. Произошел окончательный отказ от политики забвения, которая была принята при переходе от диктатуры к демократии. Документ признавал незаконным насилие, совершенное по идеологическим и политическим мотивам во время гражданской войны и в годы диктатуры. Жертвы франкистского режима получали ма-

териальную компенсацию и пенсии. Государство брало на себя обязательство помогать с поиском и идентификацией останков жертв, покоящихся в братских могилах. Закон также объявлял целью избавиться от символов франкизма, за исключением тех, что представляют культурную ценность (Ley 2007). Этот акт, принятый правительством социалистов, вызвал острую критику со стороны их основных противников — Народной партии. И в это время вопрос об отношении к франкизму стал частью предвыборной кампании. Так, глава Народной партии Мариано Рахой пообещал покончить с этим законом в случае победы на выборах, которые были назначены на 2008 г. (El País 2007). При этом в 2008 г. опрос общественного мнения показывал широкую поддержку этого закона: 41% респондентов считали его необходимой мерой и лишь 28% — несвоевременным решением, которое «воскрешает прошлое» (Memorias 2008). Уместно предположить, что это способствовало поражению Народной партии на выборах в 2008 г. Однако разразившийся в том же году мировой финансовый кризис позволил ей взять реванш на выборах в 2011 г. Мариано Рахой, возглавив правительство, исполнил свое обещание и действительно сократил расходы на претворение в жизнь закона об исторической памяти. И на протяжении его правления акт не функционировал, хотя и не был отменен (Junquera 2013). Ситуация резко изменилась в 2018 г., когда правительство Рахоя было отстранено от власти вотумом недоверия.

С этого момента вопросы исторической памяти оказались в центре

политической жизни Испании. Этому способствовал расклад сил в парламенте. После отставки Рахоя социалисты смогли сформировать правительство меньшинства, которое опиралось на широкую коалицию разношерстных сил. Вместе с ними против правого кабинета проголосовали левые популисты из «Унидас Подемос», а также почти все регионалистские партии за исключением двух: из Наварры (Союз наваррского народа) и Астурии (Форум граждан). Обе они тесно связаны с Народной партией (El País 2018). Это голосование было автоматическим избранием лидера социалистов Педро Санчеса главой правительства, т.к. по испанской Конституции (ст. 113) вотум недоверия включает в себя и кандидатуру нового премьер-министра. Тем не менее проблема заключалась в том, чтобы полученную власть удержать. Править можно было, только опираясь на широкую коалицию, поскольку большинство депутатов было у Народной партии. А разногласий внутри коалиции, которая ее отстранила от власти, было предостаточно.

Наибольшую проблему представляли каталонские партии, борющиеся за независимость своего региона. Однако именно их голоса определили успех социалистов в приходе к власти. Без их поддержки нельзя было принять ни одного закона. В этих условиях новый глава кабинета вынужден искать такие темы, которые бы объединяли столь разношерстные силы и не вызывали возражений у каталонских сил. То, что без поддержки партий из этого региона правительство социалистов не может править, было продемонстрировано

в феврале 2019 г. Тогда каталонские партии отказались проголосовать за новый бюджет, и это привело к необходимости провести новые выборы (El Periódico 2019).

Темой, способной объединить коалицию партий, стала политика исторической памяти, в первую очередь отношение к франкистскому прошлому. Неудивительно, что социалисты начали заниматься этой проблемой едва ли не в первую очередь. До этого прошлое не оказывалось в центре внимания, хотя и играло важную роль в риторике социалистов. Так, в программе Испанской социалистической рабочей партии (ИСПРП) 2015 г. раздел, в котором ставилась задача возобновить работу закона об исторической памяти, находился на 90-й странице из 270 (Programa electoral PSOE 2015).

Уже через месяц после формирования правительства, в июне 2018 г. на повестку дня был поставлен вопрос о том, чтобы перенести останки Франсиско Франко из мемориального комплекса «Долина павших» (Junquera 2018). В августе в рамках Министерства юстиции создается генеральная дирекция по исторической памяти (Dirección General para la Memoria Histórica), призванная следить за исполнением и реализацией положений закона об исторической памяти 2007 г. (Real Decreto 2018). Такое повышенное внимание к прошлому со стороны социалистов контрастирует с уровнем озабоченности испанцев этой темой, о чем свидетельствуют данные государственного Центра социологических исследований. Он регулярно изучает, какие проблемы опрашиваемые

считают наиболее актуальными (опросы «барометр общественного мнения» проводятся каждый месяц за исключением августа). За всю вторую половину 2010-х гг. и начало 2020-х гг. вопросы исторического прошлого ни разу не фигурировали среди возможных ответов. Необходимо отметить, что респондентам предлагается в среднем 45 вариантов, которые могут дополняться в зависимости от общественной ситуации. Так, с весны 2020 г. были добавлены варианты ответа, связанные с эпидемией коронавируса. Можно предположить, что исторические темы специально не добавляют в опрос из-за их деликатности, однако среди вариантов ответа присутствуют куда более деликатные опции. Так, в качестве актуальной проблемы можно выбрать вариант «монархия». Все это позволяет сделать вывод, что вопросы исторической памяти не входят в число наиболее значимых для испанцев.

Несмотря на это, вплоть до начала эпидемии коронавируса именно история, а точнее проблема отношения к франкизму стала одной из центральных тем испанской политической жизни. Максимального накала общественная дискуссия достигла в связи с переносом останков Франсиско Франко из Долины павших в октябре 2019 г. Отношение к этому акту вполне уместно считать отображением общего отношения к наследию Франко. Грандиозный мемориальный комплекс, возведенный в годы диктатуры, остается в значительной мере символом франкистского режима. Нахождение останков диктатора в нем воспринималось как прославление его режима и деятель-

ности. Об отношении испанцев к его перезахоронению мы можем судить лишь по данным частных социологических служб, собранных по заказу некоторых средств массовой информации, т. к. государственный Центр социологических исследований опросов по данной теме не проводил. Нам удалось найти шесть подобных исследований за период 2018–2019 гг.

Два опроса были проведены летом 2018 г. сразу после того, как социалисты, придя к власти, заявили о планах по перезахоронению диктатора. Они были сделаны агентством Sigma Dos для газеты El Mundo и Sociométrica для El Español. Оба продемонстрировали, что большинство опрошенных поддерживают планы правительства: 41 и 46% соответственно — за, 39 и 35% — против (*Lardiés* 2018; *Sanmartín* 2018). Новая серия опросов прошла уже непосредственно до и после эксгумации тела испанского диктатора в октябре 2019 г. Таких опросов было опубликовано четыре: в El Diario (подготовлено Celeste-Tel: 43% за, 35% против); El Periódico (GESOP: 55% за, 24% против); El Español (Sociométrica: 42% за, 42% против); El Mundo (Sigma Dos: 43% за, 33% против). Средний показатель поддержки переноса останков диктатора из Долины павших составил 46%, в то время как против выступили в среднем 34% опрошенных (*Cortizo* 2019; *Pascual* 2019; *Ramírez* 2019; *Carvajal* 2019). Эти данные позволяют сделать вывод, что большинство испанцев (чуть менее половины) одобрили действия правительства, хотя и число противников составило около трети населения страны.

О том, какие группы испанцев выступали за и против, мы можем судить лишь по исследованию агентства Sociométrica, опубликованному в газете El Español. В нем помимо стандартных данных об избирательных предпочтениях представлены и возрастные категории опрошиваемых. Эксгумация останков Франко находила наименьшую поддержку среди родившихся до 1950 г. (48% против, 40% за), в то время как среди более молодых, появившихся на свет после 1975 г., картина противоположная (45% за, 39% против). Таким образом, можно предположить, что положительно к Франко и его наследию относятся скорее представители старшего поколения.

Все вышеперечисленные опросы показали, что отношение к франкизму довольно четко коррелирует с политическими предпочтениями. Исследования обязательно представляли данные о том, за кого голосуют опрошиваемые. Странники перезахоронения Франко являлись приверженцами левых или региональных партий. Наибольшую поддержку, согласно всем опросам, это решение встретило у избирателей Унидас Подемос и региональных партий из Каталонии и Страны Басков, чуть меньшую — у сторонников ИСРП. А вот противники в основном заявляли себя сторонниками правых сил: Народной партии и радикально правой Вокс.

Останки Франсиско Франко были перезахоронены за несколько недель до парламентских выборов, уже вторых для 2019 г. Поэтому решение о выносе тела диктатора из Долины павших рассматривалось как часть

предвыборной кампании. По крайней мере, согласно одному из опросов, опубликованному газетой El Español, так считали 70% опрошенных (Ramírez 2019). Этот шаг социалистов имел определенный смысл в предвыборной борьбе. Теоретически он мог бы оттянуть часть голосов тех, кто поддерживал Унидас Подемос, т.к. среди избирателей именно этой партии, по опросам общественного мнения, было больше всего сторонников эксгумации останков Франко.

Тем не менее, согласно данным государственного Центра социологических исследований, перезахоронение Франко повлияло лишь на 5,7% опрошенных. Причем из них 77% укрепились в своем изначальном выборе и лишь 11% изменили решение. Это всего 0,6% от общего числа респондентов. Но, согласно опросу, в результате уровень поддержки социалистов действительно немного вырос. Так, среди тех 11%, которым эксгумация останков диктатора помогла определиться с выбором, 33,5% решили проголосовать за ИСРП, 29,9% — за Народную партию. При этом, скорее всего, ИСРП удалось отнять голоса у более радикальной левой Унидас Подемос, т.к. большинство колеблющихся выбрали между этими двумя партиями (Barómetro 2019). Тем не менее для левых результаты ноябрьских выборов были чуть менее удачными, чем апрельские. Они потеряли несколько мест в парламенте, хотя смогли сохранить большинство и в конечном итоге сформировать правительство. Правда, ИСРП пришлось допустить создание коалиционного правительства, куда были приглашены министры от Унидас Подемос.

Так как ИСРП и Унидас Подемос критически относятся к франкистскому прошлому, их результаты (а вместе они получили 38% голосов на ноябрьских выборах) можно интерпретировать как примерное количество испанцев, разделяющих это мнение. К этой цифре следует прибавить голоса, поданные за регионалистские партии из Каталонии (Левые республиканцы Каталонии — 4%, Вместе за Каталонию — 2%) и Страны Басков (Баскская национальная партия — 2%, Билду — 1%). Эти партии представляют регионы, которые в годы диктатуры в большей степени пострадали от репрессий, т.к. наряду с политическими преследованиями несогласных в них еще и шла борьба с проявлениями региональной самобытности (ограничение на использование местных языков, традиций, символов) (*Conversi 2000*). Поэтому эти политические силы традиционно негативно относятся к франкистскому наследию. Так, в предвыборной программе Левых республиканцев 2019 г. указывалось, что они выступают за республику, поскольку испанская монархия является наследницей франкистской диктатуры. Этим, среди прочего, обосновывались требования независимости для региона (*Programa electoral Esquerra Republicana 2019: 16*). Другая коалиция каталонских партий «Вместе за Каталонию» обещала избирателям «дефранкизацию институциональной, политической гражданской жизни испанского государства» (*Programa electoral de Junts per Catalunya 2019: 109*).

Таким образом, если рассматривать результаты выборов как голосование по вопросу, стоит ли осуждать фран-

кистское прошлое или нет, то «да» на него ответили около 41% пришедших на избирательные участки. Именно столько было подано бюллетеней за левые и регионалистские партии в ноябре 2019 г. И, по сути, коалиция этих сил (регионалы плюс левые) на данный момент правит Испанией, т.к. левым испанским партиям (ИСРП и Унидас Подемос) не хватает депутатских мандатов до абсолютного большинства. Его они могут получить только при поддержке региональных партий, а важнейшей объединяющей идеей для них является критика франкизма.

Выборы 2019 г. свидетельствовали не только об укреплении левых у власти, но и о серьезных сдвигах в среде правого электората. Главной неожиданностью и апрельского, и ноябрьского плебисцитов 2019 г. стало появление на общеиспанской политической сцене праворадикальной партии Вокс. Она была основана еще в 2013 г., но лишь в 2018 г. у нее начали появляться депутаты в региональных законодательных собраниях Испании. На всеобщих выборах в апреле 2019 г. она смогла провести 28 депутатов в Корте-сы, а в ноябре получила уже 52 места, превратившись в третью силу по числу представителей в Конгрессе. Причины ее успехов вызывают большой интерес среди исследователей. Чаще всего в их числе называют: каталонский кризис, по которому Вокс декларировала радикально антисепаратистскую позицию, антииммигрантскую риторику (*Ferreira 2019*). Однако нас в большей мере волнует отношение партии к франкистскому прошлому и влияние этой позиции на ее успехи.

Вокс с самого начала негативно относилась к закону об исторической памяти 2007 г. и обещала своим избирателям его отменить. Причем если в программе для региональных выборов соответствующий пункт находится на 30-м месте, то на общеиспанском уровне — уже на девятом (100 medidas б/д: 3). Однако Вокс отличалась от других правых сил: Народной партии и Граждан, которые тоже критиковали закон об исторической памяти 2007 г. Среди них только Вокс открыто и постоянно высказалась против перезахоронения останков Франко. Ее лидер Сантьяго Абаскаль писал об этом в своем «Твиттере» в день эксгумации (González 2018). Одновременно он обрушился с критикой не только на левых (ИСПП и Унидас Подемос), но и на правых: Народную партию и Граждан, которые во время голосования в Кортесах по этому вопросу воздержались. Чаще всего эти заявления рассматриваются в контексте избирательной кампании: Вокс таким образом пыталась получить голоса правых радикалов, голосующих обычно за совсем маргинальные партии. Тем не менее, согласно приведенным выше данным, которые подтверждаются более подробным анализом избирательных предпочтений испанского исследователя (Arroyo Menéndez 2020: 713), можно с уверенностью заявить, что вопросы эксгумации Франко из Долины павших имели незначительное влияние на голосование. Несмотря на это, Вокс на ноябрьских выборах 2019 г. получила 15% голосов. Такой результат позволяет предположить, что как минимум 15% избирателей тепло относятся к Франко и к его памяти. Так как именно среди избирателей Вокс, согласно указанным

выше данным опросов, больше всего было противников перезахоронения. К голосам, поданным за Вокс, можно прибавить результаты Народной партии, которая, конечно, не так ярко защищает Франко и его наследие, но все же, по сравнению с левыми, оценивает этот период более сдержанно. Эта политическая сила выступает за сохранение консенсуса в испанском обществе, который был достигнут во время переходного периода. В предвыборной программе 2019 г. Франко и франкизм ни разу не упоминаются. Однако острое критики направлено против закона об исторической памяти 2007 г., который, как указывается, «привел к расколу в стране и обществе» (Programa electoral Partido Popular 2019: 13). На выборах 2019 г. Народная партия получила 21% голосов. Таким образом, 36% испанцев проголосовали за партии, которые либо хорошо относятся к франкизму, либо считают, что сейчас не время пересматривать прошлое и беречь исторические раны. К этому можно было бы прибавить результаты партии Граждан, которые получили на последних выборах 7%, однако, согласно большинству имеющихся в нашем распоряжении опросов, сторонники этой партии в вопросе об отношении к перезахоронению Франко разделены примерно поровну. Так, два опроса показали одинаковое количество сторонников и противников (El Diario, El Periódico), а два продемонстрировали небольшое преобладание тех, кто эксгумацию не поддерживает (El Español, El Mundo). Так как однозначных данных нет, представляется некорректным рассматривать результаты этой партии как индикатор отношения к франкизму.

Таким образом, выборы 2019 г. подтвердили результаты, продемонстрированные опросами. Примерно 41 % испанцев выступают за то, чтобы осудить франкистское прошлое, в то время как около 36 % считает, что этого делать не надо. В эти 36 % входят как те, кто восторгается правлением Франко, так и те, кто считает, что нет необходимости пересматривать прошлое.

Казалось бы, после перезахоронения останков Франсиско Франко и выборов 2019 г. тема исторической памяти должна была уйти из активного политического дискурса, т. к. электропальной почвы для нее нет. Ведь, как показывают опросы, исторические проблемы не входят в список актуальных для испанцев. Тем не менее и после 2019 г. они остаются на повестке политической жизни страны. Сразу после выборов ИСРП приступила к подготовке реформирования закона об исторической памяти 2007 г., что она обещала в своей предвыборной программе (*Ahora progreso* б/д: 35). Тема не ушла из политической дискуссии, несмотря на кризис, вызванный эпидемией коронавируса. Уже к осени 2020 г. был подготовлен проект закона о демократической памяти, который уже более решительно осуждал франкистское прошлое. Он запрещает акты и символы, которые можно интерпретировать как апологию военного мятежа, гражданской войны и франкистской диктатуры. В документе содержится требование обновить образовательные программы таким образом, чтобы достаточно внимания в них уделялось франкистским репрессиям и защите демократических ценностей (*Anteproyecto* б/д: 14). Против

проекта закона сразу же выступили оппозиционные Вокс и Народная партия. Они заявили, что в случае прихода к власти постараются этот закон отменить или добиться того, чтобы он не исполнялся. Следует отметить, что в рядах правых все чаще слышны высказывания, которые раньше могли позволить себе лишь политические маргиналы. Например, на одном из публичных мероприятий Народной партии в городе Авила приглашенный на него министр времен переходного периода Игнасио Камуньяс заявил, что гражданская война началась не с военного мятежа, а с действий правительства Второй республики (*Tasca* 2021). Особое возмущение вызвало то, что присутствовавший при этом лидер Народной партии никак не отреагировал на эти слова, что было интерпретировано как их молчаливое одобрение. В этом можно усмотреть постепенный переход Народной партии на более радикальную позицию по отношению к вопросам прошлого в ответ на аналогичные процессы в стане левых, примером чего является подготовка закона о демократической памяти.

Однако активная работа над законопроектом отвечает интересам не только ИСРП. В программах ряда других партий закон 2007 г. называется недостаточным и требующим пересмотра. В первую очередь это касается Унидас Подемос, где вместе с призывами отстаивать демократическую память выдвигался лозунг о наказании франкистских преступников (*Programa de Podemos* 2019: 60–61). Для правительства социалистов важно, что такой же пункт присутствовал в программе главных

каталонских партий: Левых каталонских республиканцев (Programa electoral Esquerra Republicana 2019: 23) и блока «Вместе за Каталонию». Последние подробно перечислили восемь пунктов, которые необходимо внести в новый закон (Programa electoral de Junts per Catalunya 2019: 109). Все эти требования в том или ином виде отразились в законопроекте, предлагаемом ИСРП.

Таким образом, правительство социалистов, активно работая над законом о демократической памяти, стремится удовлетворить те требования, которые существуют в программах наиболее важных для их правления партий — каталонских. При этом активное продвижение закона о демократической памяти позволяет ИСРП выбить из рук каталонцев один из аргументов, которым они пользуются, требуя независимости. В программе Левых каталонских республиканцев существующая форма исторической памяти в Испании именуется «историческое беспамятство: испанская модель безнаказанности» (Programa electoral Esquerra Republicana 2019: 23). Утверждается, что в предполагаемой Каталонской республике такого не будет, поскольку она будет основана на справедливости и наказании виновных преступников (Ibid.: 29).

Все это позволяет заключить, что целенаправленный пересмотр консенсуса забвения, который был принят в годы переходного периода, преследует несколько целей. Поскольку, согласно опросам общественного мнения, испанцы не считают вопросы исторической памяти актуальными, ИСРП, придавая этой теме

чрезвычайную важность, пытается решить не саму проблему отношения к прошлому, а иные задачи, стоящие перед их правительством. Они связаны в первую очередь с чрезвычайной фрагментированностью испанского общества, которая отразилась в пестроте политических партий, представленных в парламенте. При этом ни одна из них не способна добиться абсолютного большинства для того, чтобы править страной. Социалистам для правления приходится формировать широкую коалицию, для которой необходимо искать общую базу. Таким объединяющим фактором является осуждение франкистского режима: оно объединяет не только левых, но и регионалистские партии. Одновременно можно рассматривать политику ИСРП как попытку создать фундамент новой общеиспанской идентичности, которая переживает кризис в связи с сепаратистскими тенденциями в Каталонии. Тем не менее эти шаги, сближающие левые силы с регионалистами, приводят к усилению конфронтации с правой частью испанского общества. Противоречия между ними всегда были, однако более жесткая и радикальная позиция социалистов приводит к ответной радикализации правого спектра. Одним из примеров этого являются успехи партии Вокс, а также признаки радикализации нарратива Народной партии. Одновременно это ведет к сближению правых сил, которых объединяет сдержанное или положительное отношение к франкизму. Можно сделать вывод, что в испанских условиях намеренное обострение ситуации вокруг вопросов исторической памяти, предпринятое социалистами, приводит к консоли-

дации испанского общества вокруг двух лагерей. Благодаря этому фрагментированность если не общества, то политического спектра уменьшается. Ценой же этого становится усиление общей радикализации исторического дискурса.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

100 medidas б/д — 100 medidas urgentes para España. URL: https://www.voxespana.es/biblioteca/espana/2018m/gal_c2d72e181103013447.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

Ahora progreso б/д — Ahora progreso. Programa electoral del PSOE: Elecciones generales, noviembre 2019. URL: <https://www.psoe.es/media-content/2019/10/Ahora-progreso-programa-PSOE-10N-31102019.pdf> (дата обращения: 27.02.2022).

Anteproyecto б/д — Anteproyecto de Ley de Memoria Democrática. URL: https://www.mpr.gob.es/servicios/participacion/Documents/APL_%20Memoria_%20Democr_%C3%A1tica.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

Barómetro 1994 — Barómetro de Diciembre 1994. Madrid, 1994. URL: http://www.cis.es/cis/opencm/ES/2_bancodatos/estudios/ver.jsp?estudio=1117 (дата обращения: 27.02.2022).

Barómetro 1995 — Barómetro de diciembre 1995. Madrid, 1995. URL: http://www.cis.es/cis/opencm/ES/2_bancodatos/estudios/ver.jsp?estudio=1191&cuestionario=1336&muestra=4233 (дата обращения: 27.02.2022).

Barómetro 2019 — Barómetro de diciembre 2019. Postelectoral elecciones generales 2019. Madrid, 2019. URL: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/3260_3279/3269/es3269mar.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

Carvajal 2019 — *Carvajal A.* Menos de la mitad de población aplaude la exhumación

de Franco y un tercio se muestra en contra // *El Mundo*. 07.10.2019. URL: <https://www.elmundo.es/espana/2019/10/07/5d9a385421efa084498b45e4.html> (дата обращения: 27.02.2022).

Ciudadanos 1985 — Ciudadanos y partidos políticos en el sur de Europa. Madrid, 1985. URL: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/1460_1479/1461/Es1461mar.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

Cortizo 2019 — *Cortizo G.* El 72,9% de los votantes del Partido Popular se muestra en contra de sacar a Franco del Valle de los Caídos // *El Diario*. 16.10.2019. URL: https://www.eldiario.es/politica/espanoles-muestran-exhumar-franco-frente_1_1306309.html (дата обращения: 27.02.2022).

Cultura política 1989 — Cultura política (II), 1989. Madrid, 1989. URL: http://www.cis.es/cis/opencm/ES/2_bancodatos/estudios/ver.jsp?estudio=780&cuestionario=889&muestra=24602 (дата обращения: 27.02.2022).

El País 2007 — Rajoy promete bajar los impuestos si gana las elecciones // *El País*. 16.07.2007. URL: https://elpais.com/elpais/2007/07/10/actualidad/1184055438_850215.html (дата обращения: 27.02.2022).

El País 2018 — Qué han votado los partidos y por qué en la moción de censura a Rajoy // *El País*. 01.06.2018. URL: https://elpais.com/politica/2018/06/01/actualidad/1527840121_792006.html (дата обращения: 27.02.2022).

El Periódico 2019 — Los independentistas tumban los Presupuestos y abocan a Sánchez a elecciones // *El Periódico*. 13.02.2019. URL: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20190213/congreso-independentistas-tumban-presupuestos-sanchez-elecciones-7301511> (дата обращения: 27.02.2022).

González 2018 — *González M.* Vox estalla contra la exhumación de Franco y acusa a Sánchez de “carroñero” // *El País*. 24.10.2018. URL: <https://>

elpais.com/politica/2019/10/24/actualidad/1571917516_344634.html (дата обращения: 27.02.2022).

Indulto y Amnistía 1977 — Indulto y Amnistía, 1977. URL: http://www.cis.es/cis/opencm/ES/2_bancodatos/es-estudios/ver.jsp?estudio=131&cuestionario=141&muestra=2739 (дата обращения: 27.02.2022).

Junquera 2013 — *Junquera N.* La promesa que Rajoy sí cumplió // El País. 05.10.2013. URL: https://elpais.com/politica/2013/10/05/actualidad/1380997260_542677.html (дата обращения: 27.02.2022).

Junquera 2018 — *Junquera N.* El Gobierno prepara la salida de Franco del Valle de los Caídos // El País. 17.06.2018. URL: https://elpais.com/politica/2018/06/16/actualidad/1529162410_486351.html (дата обращения: 27.02.2022).

Lardiés 2018 — *Lardiés A.* España dividida: el 46% apoya sacar a Franco del Valle y un 35% lo rechaza 2018 // El Español. 01.07.2018. URL: https://www.lespanol.com/espana/20180630/espana-dividida-apoya-sacar-franco-valle-rechaza/318968500_0.html (дата обращения: 27.02.2022).

Ley 1977 — Ley 46/1977, de 15 de octubre, de Amnistía // BOE. 17.10.1977.

Ley 2007 — Ley 52/2007, de 26 de diciembre // BOE. 27.12.2007.

Memorias 2008 — Memorias de la guerra civil y el franquismo. Madrid, 2008. URL: https://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2760_2779/2760/Es2760.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

Pascual 2019 — *Pascual R.* Sondeo: Los españoles avalan la exhumación de Franco // El Periódico. 03.11.2019. URL: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20191103/sondeo-exhumacion-franco-7711642> (дата обращения: 27.02.2022).

Programa de Podemos 2019 — Programa de Podemos: para un nuevo país. 2019.

URL: https://podemos.info/wp-content/uploads/2019/04/Podemos_programa_generales_28A.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

Programa electoral PSOE 2015 — Programa electoral PSOE. Elecciones generales 2015. URL: https://www.psoe.es/media-content/2015/11/PSOE_Programa_Electoral_2015.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

Programa electoral Esquerra Republicana 2019 — Programa electoral: Esquerra Republicana. Barcelona, 2019. URL: https://www.esquerra.cat/arxius/programes/e2019-2_programa.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

Programa electoral de Junts per Catalunya 2019 — Programa electoral de Junts per Catalunya. Eleccions Generals, 10 novembre 2019. Barcelona, 2019. URL: [https://media.tintul.com/media/pdecat/Programa %20Electoral %20Eleccions %20Generals %2010%20novembre %202019_2019114101701.pdf](https://media.tintul.com/media/pdecat/Programa%20Electoral%20Eleccions%20Generals%2010%20novembre%202019_2019114101701.pdf) (дата обращения: 27.02.2022).

Programa electoral Partido Popular 2019 — Programa electoral. Partido Popular. Elecciones generales, autonómicas y municipales, 2019. Madrid, 2019. URL: <https://www.pp.es/sites/default/files/documentos/programa-electoral-elecciones-generales-2019.pdf> (дата обращения: 27.02.2022).

Ramírez 2019 — *Ramírez D.* Empate sobre Franco: sólo hay mayoría a favor de la exhumación entre los nacidos tras su muerte // El Español. 23.11.2019. URL: https://www.lespanol.com/espana/politica/20191023/empeate-franco-mayoria-favor-exhumacion-nacidos-muerte/438736130_3.html#img_1 (дата обращения: 27.02.2022).

Real Decreto 2018 — Real Decreto 1044/2018 // BOE. 25.08.2018. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2018-11838> (дата обращения: 27.02.2022).

Sanmartín 2018 — *Sanmartín O.R.* El 54% opina que no es el momento de exhumar a Franco // El Mundo. 18.07.2018.

URL: <https://www.elmundo.es/espana/2018/07/15/5b4a2a39ca4741d7728b45ce.html> (дата обращения: 27.02.2022).

Tasca 2021 — *Tasca E.* Críticas al PP por el acto que organizó en el que un exministro negó que Franco diese un golpe de Estado // *El País*. 20.07.2021. URL: <https://elpais.com/espana/2021-07-20/criticas-al-pp-por-el-acto-que-organizo-donde-un-exministro-nego-que-franco-diese-un-golpe-de-estado.html> (дата обращения: 27.02.2022).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бухармедова 2017 — *Бухармедова Л. М.* Закон об исторической памяти: дань памяти или запоздалое возмездие // Ибероамериканские тетради. 2017. Выпуск 1(15). С. 25–33.

Гранцева 2018 — *Гранцева Е. О.* Возможно ли согласие? Историческая память о событиях XX в. в повседневной жизни и законодательстве современной Испании // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2018. № 19. С. 316–336.

Хенкин 2019 — *Хенкин С. М.* Испания: полемика вокруг исторической памяти // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 4. С. 72–87.

Aguilar 2008 — *Aguilar P.* Políticas de la memoria y memorias de la política. Madrid, 2008.

Arroyo Menéndez 2020 — *Arroyo Menéndez M.* Las causas del apoyo electoral a VOX en España // *Política y Sociedad*. 2020. Vol. 57. № 3. P. 693–717.

Bernecker 2020 — *Bernecker W. L.* La memoria histórica en España: un pasado más actual que nunca // *Versants. Revista Suiza De Literaturas románicas*, 2020. Vol. 3. № 67. P. 119–141.

Conversi 2000 — *Conversi D.* The Basques, The Catalans, and Spain: Alternative Routes to Nationalist Mobilisation. London, 2000.

García de las Heras González 2019 — *García de las Heras González M.* La impunidad de la

dictadura franquista: Notas sobre la represión y la memoria histórica en la España democrática // *Reflexión política*, 2019. № 43. P. 37–49.

Fernández 2008 — *Fernández P. A.* Políticas de la Memoria y Memorias de la Política. El caso Español en perspectiva comparada. Madrid, 2008.

Ferreira 2019 — *Ferreira C.* Vox como representante de la derecha radical en España: un estudio sobre su ideología // *Revista Española de Ciencia Política*. 2019. № 51. P. 73–98.

López Pintor 1982 — *López Pintor R.* La opinión pública: del franquismo a la democracia. Madrid, 1982.

Mace 2012 — *Mace J.-F.* Los Conflictos de Memoria en la España Post-franquista (1976–2010) entre Políticas de la Memoria y Memorias de la Política // *Bulletin Hispanique*. 2012. Vol. 114. № 2. P. 749–774.

Richards, Ealham 2005 — *Richards M., Ealham C.* History, Memory and the Spanish Civil War: Recent Perspectives // *Richards M., Ealham C. (Eds.) The Splintering of Spain: Cultural History and the Spanish Civil War 1936–1939*. New York, 2005. P. 1–20.

Rueda Laffond 2016 — *Rueda Laffond J. C.* El PCE y el uso público de la historia (1956–1978) // *Ayer*. 2016. № 101. P. 241–265.

Soler Paricio 2019 — *Soler Paricio P.* La memoria histórica de la Guerra Civil, la dictadura franquista, y la Transición, en España. Síntesis histórica e iniciativas legislativas recientes // *Cahiers de civilisation espagnole contemporaine*. 2019. № 23. URL: <https://journals.openedition.org/ccec/8857> (дата обращения: 27.02.2022).

Yeste 2010 — *Yeste E.* La transición española. Reconciliación nacional a cambio de desmemoria el olvido público de la guerra civil // *Historia Actual Online*. 2010. № 21. P. 7–12. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=3193650> (дата обращения: 27.02.2022).

REFERENCES

- Buharmedova L. M. Zakon ob istoricheskoy pamjati: dan' pamjati ili zapozdaloe vozmezdje. *Iberoamerikanskiye tetradi*, 2017, no. 1(15). P. 25–33.
- Grantseva E. O. Vozmozhno li soglasie? Istoričeskaja pamjat' o sobytijah 20 v. v povsednevnoj zhizni i zakonodatel'stve sovremennoj Ispanii. *Latinoamerikanskiy istoričeskij al'manah*, 2018, no. 19. P. 316–336.
- Henkin S. M. Ispanija: polemika vokrug istoricheskoy pamjati. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*, 2019, vol. 12, no. 4. P. 72–87.
- Aguilar P. *Políticas de la memoria y memorias de la política*. Madrid, 2008.
- Arroyo Menéndez M. Las causas del apoyo electoral a VOX en España. *Política y Sociedad*, 2020, vol. 57, no. 3. P. 693–717.
- Bernecker W. L. La memoria histórica en España: un pasado más actual que nunca. *Versants*, Revista Suiza De Literaturas románicas, 2020, vol. 3, no. 67. P. 119–141.
- Conversi D. *The Basques, The Catalans, and Spain: Alternative Routes to Nationalist Mobilisation*. London, 2000.
- García de las Heras González M. La impunidad de la dictadura franquista: Notas sobre la represión y la memoria histórica en la España democrática. *Reflexión política*, 2019, no. 43. P. 37–49.
- Fernández P. A. *Políticas de la Memoria y Memorias de la Política. El caso Español en perspectiva comparada*. Madrid, 2008.
- Ferreira C. Vox como representante de la derecha radical en España: un estudio sobre su ideología. *Revista Española de Ciencia Política*, 2019, no. 51. P. 73–98.
- López Pintor R. *La opinión pública: del franquismo a la democracia*. Madrid, 1982.
- Mace J.-F. Los Conflictos de Memoria en la España Post-franquista (1976–2010) entre Políticas de la Memoria y Memorias de la Política. *Bulletin Hispanique*, 2012, vol. 114, no. 2. P. 749–774.
- Richards M., Ealham C. History, Memory and the Spanish Civil War: Recent Perspectives. Richards M., Ealham C. (Eds.) *The Splintering of Spain: Cultural History and the Spanish Civil War 1936–1939*. New York, 2005. P. 1–20.
- Rueda Laffond J. C. El PCE y el uso público de la historia (1956–1978). *Ayer*, 2016, no. 101. P. 241–265.
- Soler Paricio P. La memoria histórica de la Guerra Civil, la dictadura franquista, y la Transición, en España. Síntesis histórica e iniciativas legislativas recientes. *Cahiers de civilisation espagnole contemporaine*, 2019, no. 23. URL: <https://journals.openedition.org/ceec/8857>.
- Yeste E. La transición española. Reconciliación nacional a cambio de desmemoria el olvido público de la guerra civil. *Historia Actual Online*, 2010, no. 21. P. 7–12. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=3193650>.

«БЫВШАЯ ЧЕХОСЛОВАКИЯ СОХРАНИЛАСЬ В ВИДЕ ОБЩЕГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА». СЛОВАЦКИЙ ВЗГЛЯД НА ОПЫТ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ С ЧЕХАМИ В ЕДИНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРОЕКТЕ В XX В.

Беседа с Мариной Завацкой
и Юраем Марушьяком

В беседе с историками Словакии излагается взгляд современной словацкой историографии на свою национальную историю в новейшее время, на чехословацкий проект и на опыт пребывания чехов и словаков в одном государстве. Затрагивается ряд ключевых проблем словацкой национальной памяти. Вопросы формулировали В. Никитин и А. Стыкалин (Институт славяноведения РАН).

Ключевые слова: образование чехословацкого государства, Томаш Масарик, межвоенная Чехословакия, Мюнхенское соглашение 1938 г., Словакия времен Второй мировой войны, социалистическая Чехословакия, чехословацкий 1968 г., бархатная революция 1989 г., распад чехословацкого государства.

Сведения об авторах: Марина Завацка¹, PhD, старший научный сотрудник Института истории Словацкой академии наук (САН); Юрай Марушьяк², PhD, старший научный сотрудник Института политических наук САН.

Контактная информация: ¹marina.zavacka@savba.sk; ²polimars@savba.sk.

Перевод со словацкого: Любор Матейко, PhD, доцент Университета имени Я. А. Коменского в Братиславе.

Контактная информация: lubor.matejko@gmail.com.

“THE FORMER CZECHOSLOVAKIA HAS BEEN PRESERVED AS A COMMON CULTURAL SPACE”. SLOVAK VIEW ON THE EXPERIENCE OF COEXISTENCE WITH THE CZECHS IN A SINGLE STATE PROJECT IN THE 20TH CENTURY.

A talk with Marina Zavatskaya and Yuray Marushyak

The view of contemporary Slovak historiography on the national history in the XX-th century, on the Czechoslovak project and on the experience of the stay of Czechs and Slovaks in one state is presented in a conversation with historians of Slovakia. A number of key problems of the Slovak national memory are touched upon.

Key words: formation of the Czechoslovak state, Tomas Garrigue Masaryk, interwar Czechoslovakia, Munich agreement of 1938, Slovakia during the Second World War, socialist Czechoslovakia, Czechoslovak 1968, Velvet Revolution of 1989, collapse of the Czechoslovak state.

About the authors: Marína Zavacká¹, PhD, Senior Researcher at the Institute of History of the Slovak Academy of Sciences; Juraj Marušiak², PhD, Senior Researcher at the Institute of Political Sciences of the Slovak Academy of Sciences (Slovakia).

Contact information: ¹marina.zavacka@savba.sk; ²plimars@savba.sk.

Interpreter: Lubor Matejko, PhD, Associate Professor at the Comenius University in Bratislava (Slovakia).

Contact information: lubor.matejko@gmail.com.

В. Н., А. С. Итак, в первой нашей беседе со словацкими историками, материалы которой были опубликованы в ИЭ в 2021 г. (№ 3), речь шла о ключевых проблемах истории вашего народа в региональном, имперском и общеевропейском контексте начиная с раннего Средневековья и до распада монархии Габсбургов. Но ваше (т. е. словаков) совместное бытие в едином проекте в XX в. с чехами заслуживает, конечно, отдельного разговора.

XX в. подарил словакам больше государственных образований на территории современной Словакии, чем существовало до этого. Это три Чехословацкие Республики, две Словацкие Республики, Чехословацкая Социалистическая Республика и Чешская и Словацкая Федеративная Республика. Затем,

примерно 30 лет тому назад, наступило время очередного развода, одного из самых мирных, спокойных и дружественных в современной истории, но все же развода — уже чешско-словацкого. К столетию образования Первой Чехословакии возникает вопрос: насколько проект Томаша Масарика в принципе (в соответствии со своим изначальным замыслом, независимо от ошибок в его практической реализации) способен был удовлетворить словаков, отвечая в тех условиях хотя бы в некоторой мере интересам их национального развития? Могли ли словаки найти для себя более благоприятную нишу в рамках этого проекта, что ослабило бы сильные центробежные тенденции в межвоенной демократической Чехословакии, представленные не только с немецкой и венгерской,

но и со словацкой стороны, в частности автономистским движением, возглавляемым А. Глинкой?

М.З. Может казаться некоторым парадоксом, хотя и достаточно понятным при более детальном рассмотрении, что в политическом контексте существующей уже четверть столетия демократической Словацкой Республики в 2018 г. отмечалась столетняя годовщина образования Чехословакии — причем в атмосфере, которая характеризовалась ослаблением «национальных» (в смысле этнических) мотивов дискурса об истории и перенесением внимания на его гражданские, демократические основы.

Если говорить об «этнизующей» точке зрения, то следует отметить также смещение акцентов в постановке вопросов: вместо вопроса «что республика должна была “дать” народу» наблюдается переход к оценке возможностей того, до какой степени вообще сам народ был в состоянии воспользоваться предоставленными ему возможностями. Результатом стала более взвешенная оценка реальных возможностей межвоенной Чехословацкой Республики при инвестировании в культуру, образование, здравоохранение, социальную политику, экономику, а также ее отношения к этническому разнообразию в этот чрезвычайно трудный период (например: *Benko, Dudeková Kováčová* 2020; *Hudek, Kopeček, Mergart* 2019).

Дело в том, что сегодня уже сами словаки, находясь в положении титульной нации в своем государстве, имеют свой собственный опыт и соб-

ственные проблемы с включением в словацкое общество (в образовательном, языковом и культурном плане) некоторых общин, которые воспринимаются как менее развитые, что делает более шаткими аргументы в пользу критики государственной политики Чехословацкой Республики, проводившейся сто лет назад, и — в свою очередь — делает более отчетливыми тогдашние успехи.

Например, в современной Словакии проживают тысячи детей из ромских (цыганских) семей, которые должны получить обязательное школьное образование, но в момент их поступления в школу они не владеют языком обучения. То есть государство по-прежнему не предоставляет им возможности получить образование на родном языке, хотя именно право ребенка получить образование на родном языке было одним из основных требований, выдвигавшихся словацким национальным движением с XIX в. В начале третьего десятилетия XXI в. общественному восприятию приходится свыкаться с образом отсутствия мыла в школьных туалетах в своем государстве.

Со временем достаточно условным стал и давний упрек в ошибочном и несправедливом слиянии политических и этнических понятий, который является составной частью нарративов о продвижении «чехословакизма», точно так же как раньше, до 1918 г., нарративов о преднамеренном смешении или взаимозаменяемости понятий «мадьярский» и «венгерский» (тогда последнее из названных понятий было более широким и распространялось как на этнических венгров, так и на всю

многоязычную «политическую нацию» Королевства Венгрия, на всех его подданных).

Если при переводе на английский язык используется терминологическая пара Slovak / Slovakian, так же как в русском различаются «русский» и «российский» или в английском English и British, то в самом словацком языке эта традиция пока не только не привилась. У нас не созданы термины, которые отражали бы различие между этнической и политической принадлежностью, т.е. между этническими словаками и «политическими словаками» (гражданами Словацкой Республики), причем во втором понятии должна приниматься во внимание, с одной стороны, реальность этнического разнообразия, а с другой — потребность зонтичного политического термина. Словацкий язык при толковании истории до 1918 г. последовательно различает термины «венгерский» (государственный) и «мадьярский» (этнический) и, соответственно, относительно периода после 1918 г. довольно аккуратно использует термин «чехословаки», который применительно к периоду после 1945 г. программно заменялся словосочетанием «чехи и словаки». Однако став с 1993 г. «государственным языком», он так и остается в этом отношении нечувствительным к собственным этносообществам, и пока в нем нет особого зонтичного неэтнического обозначения для граждан Словацкой Республики.

В этом контексте любая оценка того, насколько межвоенная Чехословакия создавала условия для национального, а также культурного, эко-

номического и социального развития словаков, оказывается в зеркале того, насколько способно сегодняшнее словацкое государство уравновесить шансы своих граждан и поддерживать развитие менее развитых регионов.

Еще одним источником изменения восприятия межвоенной ЧСР является практический опыт взаимодействия сегодняшних словацких граждан, в том числе историков, с политическим плюрализмом. Перестает действовать прежняя привычка, проникшая со временем в подсознание, сужать восприятие исторического процесса через призму программы одной (правящей) политической партии (автономистского движения партии Глинки, так называемых людаков, или же, позднее, коммунистического движения, ставившего во главу угла социальные, а не национальные задачи). В настоящее время в создаваемый историками образ «словацкого общества» включаются как равноправные элементы представители (и программы) других политических партий, зачастую даже в роли ведущих деятелей и политических сил. Наконец, в Словакии уже на первых парламентских выборах в 1920 г. победила чехословацкая социал-демократия. За двадцать лет существования межвоенной ЧСР в центральном правительстве работали более десяти министров-словаков из разных политических партий и в парламенте также находились десятки словацких депутатов. Один из них, Милан Годжа (Аграрная партия), стал на 3 года даже премьер-министром Чехословакии. Сегодняшний практический опыт политического плюрализма также

помогает понять функционирование тогдашней политической жизни, т. к. позволяет внедрить в общественное восприятие политики такие понятия, как коалиция, переговоры и необходимость политических компромиссов.

Указанное смещение фокуса в последние десятилетия привело к постепенному ослаблению роли рутинной апологетической историографии, ограничивавшейся в словацкой людацкой традиции «борьбой за автономию», а в коммунистической традиции — социальной борьбой. Это находит отражение в количественном и качественном усилении аналитически ориентированной историографии, которая среди прочего включает сравнительные исследования национализма (в том числе собственного) как повседневного явления современной истории. Значительный сдвиг наблюдается в исследованиях экономической истории, истории социальной защиты, здравоохранения и образования, отношений между гражданскими лицами и армией, истории досуга и т. д., причем во внимание принимаются более широкие региональные контексты, как минимум в рамках Центральной Европы.

Ю. М. Вопрос настолько гипотетический, что удовлетворительного ответа на него практически нельзя ожидать. В 1990-х гг. распались, помимо Чехословакии, еще две «славянские федерации» — централизованный Советский Союз с четко определенной иерархией отношений, а также в значительной мере децентрализованная Югославия. Если говорить о Чехословакии, то первоначальный

проект Масарика претерпел изменения еще до создания чехословацкого государства и позднее, в течение его существования. По-разному смотрели на государственное устройство Чехословацкой Республики словацкие (а также чешские) политики в пору дискуссий о принятии Конституции ЧСР в 1920 г., а с другой стороны, молодое поколение словацких политиков-аграриев и коммунистических интеллектуалов во второй половине 1930-х гг. Голоса, призывавшие к ликвидации чехословацкого (с октября 1938 г. уже чехо-словацкого) государства, были вплоть до критических моментов в истории существования этого государства в феврале — марте 1939 г. скорее маргинальным явлением. Если же говорить о правах меньшинств, то положение немецкого и венгерского меньшинств нельзя сравнивать со словаками, которые вместе с чехами принадлежали к титульной нации, равно как и с положением русинского/украинского населения Подкарпатской Руси, которое не считалось меньшинством, обладающим «внешней» родиной за пределами Чехословацкой Республики, поскольку в то время никакого украинского государства не существовало. Несмотря на имевшиеся недостатки, чехословацкая языковая политика в отношении меньшинств была по сравнению с соседними странами (например, Польшей или Венгрией) относительно благоприятной. Тем не менее центробежные тенденции стали в среде меньшинств преобладать. Важно иметь в виду, что успех и неудача чехословацкой государственности определялись не только внутренними, но и внешними факторами.

Однако я не думаю, что чехо-словацкий проект оказался всецело неудачным. По моему мнению, его успехом является хотя бы тот факт, что раздел Чехо-Словакии в 1992 г. произошел спокойно и мирно, а интенсивные связи между государствами-преемниками сохранились. Чехо-Словакия исчезла, но «бывшая Чехословакия» сохранилась в виде сети институциональных и межлических связей, постоянно присутствующего общего культурного пространства, по крайней мере с точки зрения массовой культуры, и наши государства не разделены непреодолимыми барьерами, ни физическими, ни ментальными.

В.Н., А.С. Следующие вопросы тесно связаны с предыдущими. Какие оценки доминируют сегодня в словацкой историографии при обращении к первой Чехословацкой Республике и ее историческому наследию? Идут ли какие-либо дискуссии? Каковы образы Первой республики в словацкой исторической памяти? И относится ли день 28 октября к почитаемым в Словакии датам, как это имеет место в Чехии?

М.З. Дата 28 октября как день возникновения Чехословацкой Республики с 2020 г. причислена парламентом к государственным праздникам. В связи со столетней годовщиной событий в 2018 г. был объявлен однократным государственным праздником сначала день 30 октября, поскольку тогда, не имея сведений о событиях в Праге 28 октября 1918 г., в городе Турчански Св. Мартин собралась представительная группа словацких элит и, несмотря на сохраняющуюся

угрозу со стороны венгерских властей, публично заявила о желании создать с чехами общую республику. В силу того, что официальные власти Чешской и Словацкой Республики в 2018 г. договорились совместно отмечать оба дня, можно говорить о фактическом возобновлении того способа празднования, который установился в первые годы существования Чехословакии. Таким образом, годовщина в то время воспринималась (именно в Словакии) как трехдневный праздник. В связи с годовщиной 2018 г. дипмиссии Чешской Республики и Словацкой Республики по всему миру координировали свою деятельность и организовывали совместные памятные мероприятия. Эти инициативы постепенно вылились в ряд совместных мероприятий, проведенных в 2020 г. в связи с празднованием окончания Второй мировой войны и участия в ней чехословацких войск (например: MAFCSV б/д).

В 2018 г. было интересно наблюдать за тем, как общественное несогласие с господствовавшим много лет «пренебрежением» традицией праздновать создание совместного государства проявилось в размахе культурных инициатив «снизу». Оказалось, что большинство словаков воспринимает ЧСР в целом положительно, причем эти симпатии находят отклик также среди молодежи, переплетаясь с нотками ностальгии и ретро. Можно вспомнить, например, кампанию по картографированию и восстановлению так называемых роц республики, посаженных в 1928 г. по случаю 10-летней годовщины провозглашения независимости, и обновление находящихся

в них мемориальных камней, тематические экскурсии с гидом по истории местной архитектуры времен Первой республики или студенческие вечера, посвященные поэзии межвоенного периода. Конечно, нельзя не отметить волну новых художественных произведений, особенно в области беллетристики, изобразительного искусства и театра, отражающих то время (Konzervativec б/д).

Ю. М. Для чешской стороны проект Чехословакии был прежде всего политическим союзом, направленным против имперских и потенциально ассимиляторских амбиций немецкого национализма, в то время как для словацкой стороны — против программы Великой Венгрии как монолитного национального государства. Эти факторы постепенно утратили свою актуальность после Второй мировой войны, причем ни чешская, ни словацкая сторона уже не проявляли достаточной готовности к достижению консенсуса по вопросу о государственном устройстве. Специфика ситуации современной Словакии в контексте Центральной Европы заключается в том, что раздел Чешской и Словацкой Федеративной Республики и создание независимой Словацкой Республики до сих пор воспринимаются как события, разделяющие общество, поскольку его часть, представляющая значительный интеллектуальный потенциал, воспринимает их как собственное политическое поражение, с которым до сих пор не смирилась. С другой стороны, та часть политического спектра, которая вышла победительницей из спора о независимости Словакии, не помогла «проигравшим» преодолеть эту травму.

Она не предложила им принять участие в управлении страной и, более того, еще долгое время после возникновения независимого государства в 1993 г. обвиняла их в «антисловацких» позициях и делегитимизировала их мнения, ссылаясь на тот факт, что они выступали против создания независимой Словакии. О том, что спор в словацком обществе все еще продолжается, свидетельствует история с государственными наградами, врученными президентом Андреем Киской по случаю 25-летия образования независимой Словацкой Республики. Часть политических деятелей высказала президенту претензии по поводу того, что в День образования Словацкой Республики, 1 января 2018 (как собственно и в предыдущие годы) он присвоил высшие государственные награды личностям, выступавшим когда-то, в 1990–1992 гг., против самостоятельности Словакии.

Как сказано выше, в 2020 г. годовщина основания Чехословакии, 28 октября, стала национальным праздником не только в Чешской Республике, но и в Словакии, хотя до этого словацкие политические элиты подобным инициативам сопротивлялись. С другой стороны, в словацком обществе существует консенсус относительно преимуществ и значения Чехословацкой Республики для Словакии. Согласно опросу общественного мнения, организованному братиславским аналитическим центром IVO, агентством Focus и Центром исследования общественного мнения АН Чешской Республики, материалы которого были опубликованы в октябре 2018 г., т. е. накануне празднования столетия

возникновения ЧСР, почти 71 % жителей Словакии согласились с утверждением, что благодаря ЧСР словаки выжили как нация, а 64 % респондентов согласились с тем, что первая ЧСР была «в свое время образцом демократии и развития». Почти 68 % респондентов в Словакии оценивали образование ЧСР положительно и скорее положительно, тогда как в Чехии — 83 %. Высокий рейтинг — 59 % — получила также «нежная революция» 1989 г. (в международном контексте известен скорее перевод чешской разновидности ее названия — бархатная). В Чехии по этому вопросу высказалось положительно 72 %. Таким образом, в данных вопросах позиции словацкой и чешской общественности близки. В то же время словацкое общество разделено по этническому признаку в вопросе оценки распада Австро-Венгрии: 29 % словаков и 47 % словацких венгров считают, что разрушение монархии было ошибкой. Однако, как это ни парадоксально, 55 % словаков и даже 63 % словацких венгров (!) считали, что первая ЧСР была справедлива по отношению ко всем проживавшим на ее территории народам и национальностям (*Bútorová, Mesežnikov* 2018: 22–36). Как бы то ни было, надо иметь в виду, что у части словацких граждан, относящихся к венгерской национальности, сохраняется «травма Трианона», так что эта словацко-венгерская проблема проявляется не только на межгосударственном уровне, но и в рамках внутренней политики.

Однако следует отметить, что, несмотря на в целом положительные воспоминания о Чехословакии, преобладающие в словацком обществе,

это государство все же распалось, хотя и не в одночасье. Хотя большинство населения, вероятно, не желало его конца и, соответственно, воспринимало происходившее с опасениями (что подтверждается большинством проводившихся в то время опросов общественного мнения). В Братиславе, в отличие от недавних событий в каталонской Барселоне, во второй половине 1992 г. не было массовых демонстраций с требованием сохранения единого государства. А среди представителей чешских и словацких элит, проживавших за границей или печатавшихся в самиздате, были авторы (например, Зденек Млынарж, Ян Млынарж и Петр Питхарт), которые указывали на необходимость переоценки формального выражения в государственном устройстве отношений между чехами и словаками. Таким образом, можно говорить скорее о постепенном отмирании чехословацкого государства. Полноценное признание собственной государственной независимости в глазах большей части словацкого общества состоялось уже после ее обретения. Оно было связано со вступлением Словакии в ЕС в 2004 г. Только тогда идея раздела чехословацкой федерации завоевала симпатии большинства населения (*Názory občanov* 2004). Если в 2003 г. лишь 49 % респондентов гордились тем, чего добилась Словакия как независимое государство, то в 2005 г. доля положительных ответов составляла уже 59 % (*Bútorová, Gyárfášová* 2011: 172).

В. Н., А. С. Невозможно не спрсить об образе в современной словацкой историографии Первой Словацкой Республики, в значительной

мере действовавшей под диктовку Третьего рейха, а также об образе Словацкого национального восстания 1944 г. При чтении словацких авторов появляются совершенно разные образы обоих этих феноменов. Одни историки изображают государство Й. Тисо как воплощение «чаяний словацкого народа» или, по крайней мере, попытку выжить в тогдашней непростой Европе, а национально-освободительную борьбу против фашистского ига называют предтечей коммунизма. Другие только разоблачают словацких фашистов, не принимая, скажем, во внимание более или менее самостоятельную политику в вопросе о геноциде еврейского населения, и в связи с этим восторгаются Словацким национальным восстанием. Возможно ли объединить эти два подхода в некую общую канву? Смогут ли словацкие историки, хотя бы в будущем, достигнуть в этом сложнейшем вопросе какого-то компромисса?

М. З. Можно сказать, что в некоторой степени в историческом сообществе уменьшилось количество разногласий при толковании тех событий — эти расхождения зачастую были вызваны просто недостатком информации. В 1990-е гг. относительно прочную позицию во внутреннем публичном дискурсе заняли разные «мифические» версии, основанные на подлинной пропаганде со времени людацкого режима и бытовавшие в историографии его послевоенной эмиграции. Ситуация 1990-х была обусловлена тем, что исследования словацкого государства 1939–1945 гг. были в коммунистический период в домашней, т.е.

в словацкой историографии крайне ограничены и подвергались цензуре по причине множества структуральных сходств между режимами, правившими с 1939 по 1945 г. и с 1948 по 1989 г. Но за последние тридцать лет многие из этих долгое время существовавших нарративов людацкой эмиграции потеряли силу и были фактически опровергнуты архивными данными, полученными благодаря свободным исследованиям. Имеются в виду, в частности, мифы о политической независимости словацкого государства (*Fiamová, Hlavinka, Schwarc 2014, Rogul'ová 2017*) и его экономических успехах (*Hallon 2015, Sabol 2015*), а также послевоенные апологетические версии, снимавшие с тогдашних политических элит их долю ответственности за Холокост (*Nižňanský, Kamenec 2003, Ward 2013, Hlavinka 2015*).

Ю. М. Учитывая нынешнее состояние исторических исследований, я не могу представить себе компромисс, который не предполагал бы минимального консенсуса, состоящего в осуждении и в отмежевании от политики режима Йозефа Тисо по отношению к политическим оппонентам, к гражданам еврейской и цыганской национальности, а также в признании ответственности тогдашних словацких властей за сотрудничество с нацистской Германией и за преступления против собственного населения. Современные исследования ясно показывают, что элиты вокруг Йозефа Тисо не только действовали под давлением нацистской Германии, но под ее покровительством реализовывали и свои собственные политические проекты, в том числе связанные с гонениями,

основанными на принципах расизма (Kamenec 2007; Hlavinka 2011; Fiamová 2015). Отношение к этому вопросу будет еще долгое время обусловлено идеологической позицией авторов, поэтому думать о компромиссе в данном вопросе считаю малопродуктивным. Значительно важнее — поставить исследования этой темы в контекст европейской истории того времени с точки зрения анализа правящей идеологии и политической системы. В этом отношении считаю большим вкладом публикации таких авторов, как Антон Хрубонь (Hrubon 2018), Милослав Сабо (Szabó 2019) и Якуб Драбик (Drábik 2019).

В. Н., А. С. Венгерские историки уделяют большое внимание процессам обмена населением между Венгрией и Чехословакией в первые годы после Второй мировой войны, указывая на то, что эквивалентный обмен населением между двумя странами был невозможен, поскольку в Словакии проживало как минимум 700 тыс. венгров, тогда как количество неассимилированных словаков в Венгрии было значительно меньшим. Акцент делается, соответственно, на то, что планы избавиться от венгров могли заведомо быть осуществлены только насильственным путем. Не так давно в Институте славяноведения РАН вышел сборник документов из российских архивов по этой теме (Мурашко 2017). Представленные в нем документы показывают, что официальная Москва, особенно в 1947–1948 гг., занимала в этом конкретном вопросе довольно нейтральную, компромиссную позицию, старалась примирить, насколько

ко это возможно, обе стороны. Эта тема привлекает сегодня внимание словацких историков и оставила какой-либо след не только в венгерской, но и в словацкой национальной памяти? И есть ли у словацких историков настрой дискутировать на этом поле с венгерскими историками?

М. З. По сравнению с венгерской историографией, тема обмена населением и принудительного переселения граждан внутри страны не привлекает большого внимания словацких исследователей. Сам факт этих процессов никоим образом не отрицается, но их отражение обычно рассматривается в более широких сравнительных рамках. В историографии и социальном дискурсе это интерпретируется в первую очередь как совершенно понятная реакция на насильственное изгнание словаков и чехов с южных территорий после вхождения их в Венгрию вследствие первого Венского арбитража 1938 г. и на этнический террор в отношении оставшихся на этих территориях словаков. Так, в кругах, связанных с Матицей словацкой, в 90-е гг. наблюдалось возрождение местного мученического культа восемнадцатилетней М. Кокошовой, убитой стрелой в 1938 г. в оккупированном городе Шураны во время демонстрации за использование словацкого языка в богослужении. Яркие воспоминания о жестоких издевательствах передавались также из поколения в поколение в семьях словаков, зачисленных в венгерскую армию. В круглые годовщины обычно публиковались документы о кровавых событиях, связанных с оккупацией города Кошице, особенно

тех, которые сопровождалась актами линчевания граждан и были связаны с режимом Салаши. Достаточно спокойное восприятие в Словакии неэквивалентного числа перемещенных лиц в условиях послевоенного обмена населением может объясняться и тем фактом, что позиция победителя в принципе всегда отличается от позиции побежденного в войне, а кроме того, в случае последней существование многочисленного национального меньшинства давало повод для выдвижения требований пересмотра границ. Надо осознавать и общую турбулентность эпохи 1940-х гг., когда Словакия пережила несколько волн принудительного переселения, которое затронуло также титульную нацию (деревни, сожженные на последних этапах войны; принудительная эвакуация населения на новые земли, в том числе в Судеты (после депортации немцев); выселения с территорий в целях реализации промышленных проектов; принудительное направление на работу в регионы по требованиям властей). Таким образом, припоминание подобного рода обид не является чем-то необычным и для титульной нации. Надо помнить и о том, что, в отличие от перемещенных из Судетской области немцев, которых в настоящее время на этой территории реально нет, на словацком юге по-прежнему проживает многочисленное венгерское меньшинство. И поскольку государство подходит к удовлетворению его культурных и образовательных потребностей с уважением, такое отношение способствует тому, что чувства старых несправедливостей не переносятся сильно на современность. Проблемой обмена населением и — шире — словацко-

венгерскими отношениями в целом занимаются в долгосрочной перспективе, например, историки из Института социальных наук Словацкой академии наук в Кошице и из местного университета (*Šutaj* 2012; *Šutaj* 2005; *Gabzdilová-Olejníková, Olejník, Šutaj* 2005), а также исследователи из института Forum в городе Комарно. Следует отметить, что исторический анализ состояния научных и медийных дискурсов, связанных с темой принудительных миграций в Центральной Европе, включая подраздел о словацко-венгерских отношениях, был предпринят (с опорой на обширную библиографию и публикацию подбора исторических документов) в рамках проекта мюнхенского института Collegium Carolinum в 2008 г. (*Haslinger, Franzen, Schulze-Wessel* 2008).

Ю.М. Восприятие проблемы, о которой идет речь, связано с характером словацко-венгерских отношений. В обществах Центральной и Восточной Европы после 1989 г. преобладает дискурс самовиктимизации, т.е. восприятие себя («нас») как жертв истории. Это также связано с тем, что политические изменения 1989 г., независимо от того, произошли они революционным путем или в форме переговоров, воспринимались общественностью не только как установление демократии и возможность строить экономику на рыночных принципах, но и как шанс для переформулирования концепции собственной государственности в условиях независимости от СССР (а в случае государств-правопреемников коммунистических федераций также как шаг к созданию национальных государств). Таким

образом, общественный дискурс об истории в значительной степени национализирован, что является препятствием не только для поиска согласованных отправных точек, но и для признания того, что другая сторона имеет право воспринимать фундаментальные события истории иначе. Дело в том, что словацкая коллективная память больше отражает вопросы, связанные с пересмотром границ в 1938–1939 гг., положением словаков в Венгрии в эпоху Хорти, но значительно меньше вопросы, связанные с позицией чехословацкого государства (в том числе словацких политических элит), занятой после войны по отношению к гражданам венгерской национальности. Причем следует отметить, что послевоенный «обмен населением» содержал трагическую составляющую и с точки зрения судьбы словаков, поскольку ускорил процессы ассимиляции в среде словацкого меньшинства в Венгрии до такой степени, что оно в настоящее время находится на грани исчезновения. Это связано с тем, что в Словакию переселились его потенциальные лидеры, которые могли бы более активно участвовать в словацкой культурной и интеллектуальной жизни в Венгрии.

В. Н., А. С. После непродолжительного существования Первой Словацкой Республики (1939–1945 гг.) в 1945 г. возникает послевоенная Чехословацкая Республика. Словацкие политики из Демократической партии в связи с этим ставят вопрос о последующем государственном устройстве Чехословакии, имея в виду место и положение словаков в этой стране. Коммунистический переворот февраля

1948 г. отложил на двадцать лет урегулирование этого вопроса. Только в 1968 г. в Чехословакии возникает федеративное устройство. Но после «бархатной революции» словаками вновь поднимаются вопросы об их статусе и положении уже в рамках новой федерации, в посткоммунистических условиях. Это приводит к распаду ЧСФР. Это все звенья одной цепи, дающие право историку сформировать тезис о продолжительной, многоэтапной борьбе словаков за право на реализацию собственной государственности?

М. З. В этом вопросе скрывается несколько отправных точек, которые хочется прокомментировать. Прежде всего, если иметь в виду международное право, международно признанная Чехословацкая Республика существовала непрерывно с 1918 по 1992 г. Только тогда она разделилась на два государства, Словацкую и Чешскую Республики, которые являются ее наследниками. После войны возвращается правительство Чехословакии на родину из эмиграции. Не возникает «новая» республика, под советским влиянием меняется лишь политическая система прежней республики: на место межвоенной демократии здесь, как и в других странах региона, приходит так называемая народная демократия. Итак, в связи с мартом 1939 г., имея в виду дальнейшее развитие, правильнее было бы говорить о декларации (которая не вызывает сомнений) автономным парламентом в Братиславе военного словацкого государства, нежели о его «возникновении» и «существовании», поскольку параллельное существование двух государств на одной территории юридически

невозможно. С другой стороны, если мы примем точку зрения, согласно которой критерием для существования государства является, помимо акта декларации, лишь определенный тип собственных правительственных структур, вооруженных сил и некоторое дипломатическое признание, тогда на историческое первенство может претендовать уже Словацкая Советская Республика, провозглашенная в 1919 г. в городе Прешов.

Таким образом, сегодняшняя Словацкая Республика является законным наследником чехословацкого государства, существовавшего непрерывно с 1918 по 1992 г., причем, если в качестве модели принять традиционную французскую нумерацию по принятым конституциям, тогда именно она является «Первой Словацкой Республикой», имея с 1993 г. ту же самую Конституцию.

Вторым проблемным вопросом является априорная интерпретация государства как института осуществления прав и развития наций или этносов, поскольку приоритетом демократического государства является обеспечение и развитие прав граждан. В этом смысле «национальный вопрос» можно рассматривать как классическую составляющую политического инструментария, используемого для продвижения различных внутренних и внешнеполитических программ. Четко прослеживается, например, то, как поколение молодых амбициозных словацких политиков в Коммунистической и Демократической партиях с 1945 г. осваивало национальную риторику и отмежевывалось от старших по воз-

расту «заслуженных» ветеранов сопротивления, причем это касалось в одинаковой степени старых кадров гражданского и коммунистического сопротивления, военнослужащих и представителей лондонской эмиграции. По сохранившимся документам, они последовательно настаивали на использовании этой риторики, не отказываясь даже от применения инструментов цензуры. Например, звучавшее в публичных выступлениях слово «чехословаки» исправлялось в подконтрольной Гусаку прессе на «чехи и словаки». Иной пример: в словацкой печати запрещалось печатать критические мнения местных читателей о бессмысленности, бесполезности или недееспособности институтов власти, полномочия которых ограничивались территорией Словакии и которые общественности представлялись как «национальное достижение».

Тема «равенства народов» органически присутствовала в публичном дискурсе после войны, но она была отнюдь не столь горячей, как это позднее представлялось в историографии времен правления Гусака. То же самое можно сказать и о «программе федерализации», которая не стала предметом хотя бы символического плебисцита «коммунистического типа», т. к. и в самой Словакии нельзя было рассчитывать в более свободных политических условиях второй половины 1960-х гг. на достаточное количество «подслушных» голосов «за». Эта модель, наконец, повторилась в начале 1990-х гг. Тогда победившая политическая партия В. Мечиара не декларировала своей целью независимость Словакии, но после того, как переговоры

по экономическим вопросам с победившей на выборах в чешских землях политической репрезентацией зашли в тупик, она освоила программу независимости и стала использовать риторику «тысячелетнего желания» народа жить в собственном государстве. Следует отметить, что такого рода изменения Конституция допускала лишь на основании референдума, проведения которого, кстати, требовали в петициях миллионы граждан (*Rychlík* 2002).

Однако анализ процессов, связанных с национализмом как социальным явлением, остается важным направлением исторических исследований. Можно сказать, что в этой области проявило себя наиболее концентрированным образом новое поколение коллег, адекватно ориентирующееся в исследовательских инструментах нескольких областей социальных наук — социальной и культурной антропологии, лингвистики и т.д. Символической вехой, датирующей вступление этого поколения в активную деятельность, можно считать совместный труд молодых (тогда) ученых, вышедший под названием «Как исследовать нацию» (*Drál, Findor* 2009), после которого, пожалуй, каждый из авторов издал собственную монографию. Важно также, что словацкий национализм остается не только предметом исследований словаков, но и стандартной темой международных исследований. Среди новейших работ можно упомянуть работу Роберта Зекера об аккультурации словацких иммигрантов в расистском дискурсе в Соединенных Штатах в начале XX в. (*Zecker* 2011) или книгу новозеландского историка Александра Максвелла о «по-

вседневном национализме» на территории Венгерского королевства в XIX в. с особым акцентом на Словакию (*Maxwell* 2009).

Ю. М. В первую очередь, с точки зрения международного права, следует отвергнуть тезис о преемственности между нынешней Словацкой Республикой и словацким государством, т. е. Словацкой Республикой периода 1939–1945 гг. Дискуссии о конституционном устройстве Чехословацкой Республики после Второй мировой войны велись в условиях консенсуса по вопросу признания непрерывного существования ЧСР и после ее фактического крушения в марте 1939 г. Послевоенным элитам словацкой политики нельзя приписывать цель построения независимой словацкой государственности, поскольку такой постулат по вопросу отношений между чехами и словаками в рамках ЧСР (ЧССР) не ставился: в период 1945–1968 гг. они стремились или к асимметричной модели внутреннего устройства ЧСР, или же, в 1968 г., к федеративному устройству. Исторические процессы не происходят в соответствии с заранее определенным планом, а являются результатом сочетания разных обстоятельств, разных межличностных и межгрупповых взаимодействий, возможностей и невозможностей, а также различных выборов, перед которыми стоят их участники.

В. Н., А. С. В связи с событиями 1968 г. нередко можно слышать от чешских историков (да и в более широком общественном мнении) упреки словакам в том, что они сумели извлечь некоторую выгоду для себя из чешской национальной

трагедии. При этом зачастую указывают на то, что политика гусаковской «нормализации» в словацких землях носила чуть более щадящий характер в сравнении с чешскими землями, во всяком случае по интеллигенции был нанесен менее мощный удар. А как сегодня словацкая историография трактует 1968 г., в том числе ввод иностранных войск в страну? Какое место занимают те события в словацкой исторической памяти? Как был отмечен в Словакии полувековой юбилей тех событий?

М. З. Как и десять лет назад, круглая дата вызвала появление нескольких академических публикаций, отражающих сдвиг в исторических знаниях по этой теме (*Londák, Michálek* 2018; *Matejko, Ivančík* 2020). Однако принципиальных изменений в трактовке событий нет. Вторжение остается вторжением, оккупация — оккупацией, а «пригласительное письмо» — действием нелегитимной политической репрезентации, не представлявшей в то время ни государство, ни руководство правящей партии. Нарратив о «более мягком» ходе послеавгустовских чисток в Словакии остается частью сюжета, но необходимо помнить о различиях между центром и периферией, что побуждает сравнивать ситуацию в словацких регионах не с Прагой, а с чешскими регионами, где динамика чисток также отличалась от столицы, полной центральных учреждений. На многообразии воспоминаний обо всем послевоенном периоде также повлияла стремительная модернизация Словакии, которая была заметна еще и в 1970-х гг. С другой стороны, как раз на востоке Слова-

кии, где войска находились ближе всего к советской границе, сохранилась память о спонтанных протестах населения. В самом городе Кошице семь человек погибли в результате стрельбы солдат в толпу граждан.

С точки зрения будущих исследований, особый интерес представляет изучение интерпретации последующих политических чисток на различных профессиональных уровнях. Классический нарратив включает образ «спрятанного» на работу в библиотеку словацкого коммуниста-интеллектуала, в то время как его чешский коллега из ЦК был вынужден взяться за лопату — однако при этом никто толком не задумался, откуда взялись вакансии в библиотеках. Другими словами, возникает вопрос, насколько в результате чисток в Словакии пострадал нижний слой беспартийных белых воротничков, которые вынуждены были «освободить места» для тех, кого верхушке пришлось спрятать.

Пока мало подвергался оценке также новый фактор, влияющий на изменения чешско-словацкого дискурса о нормализации, — тот, который олицетворяет бывший премьер-министр Чехии А. Бабиш, чья карьера имеет сходство с карьерами времен нормализации (диплом по экономике; кадровый статус, соответствующий критериям, позволяющим командировать его на Запад; связи с органами государственной безопасности) и чей язык, представляющий тип чешско-словацкого суржика, разительно напоминает столь часто пародируемую «гусаковщину». Тот факт, что в чешской среде сумел победить на свободных выборах именно он,

а также тот факт, что в чешском парламенте Коммунистическая партия имела своих депутатов вплоть до 2021 г., значительно подпортили представление чехов о самих себе как о нации, менее толерантной к коммунизму и его следам в коллективном менталитете.

Акценты юбилейных дискуссий о 1968 г. связаны также с некоторыми темами текущей внутренней политики. В современном образе тогдашних реформаторских экономических усилий отражается отношение к посткоммунистической экономической трансформации. В результате имеющиеся интерпретации, сравнивая тогдашний план постепенных изменений с «шоковой терапией» после 1989 г., либо подчеркивают его «чувствительность» и социальную ответственность, либо, напротив, его нереальность и обреченность на провал. В этих интерпретациях персонаж А. Дубчека предстает альтернативно — либо в положительном образе популярного политика «из народа», опытного коммунистического аппаратчика, вознесшегося на волне общественных ожиданий, или хорошего, но наивного человека, склонного принимать желаемое за действительность, либо в отрицательном образе труса или предателя, который после вторжения войск неоднократно предал самого себя прежнего. Ведь именно он уже в августе 1969 г. подписал так называемый закон о дубинках, позволявший органам безопасности применять силу против мирных демонстрантов. Такие образы ведут к дальнейшим спорам о политическом лидерстве. Изменения претерпевает также оценка «процесса возрождения» 1960-х гг.

как такового. Здесь можно заметить размышления и споры о значимости процессов, исходящих «снизу», об аутентичности общественных движений, о ценности неконформизма, гражданской храбрости, стойкости позиций в ситуации грозящей политической чистки, о ценности политического плюрализма, о возможностях принятия решений в рамках одного государства в более широком контексте конкретной международно-политической ситуации и т. п.

Общественный шок, вызванный в марте 2018 г. убийством словацкого журналиста Яна Куциака, который разоблачал коррупцию, затрагивающую самые верхи политики, также проявился в выявлении эмоциональной связи между поколениями протестовавших когда-то студентов 1968 и 1989 гг., ставших уже давно «взрослыми», и поколением сегодняшних студентов, в том числе через такие символы, как Ян Палах (совершивший в Праге самосожжение в начале 1969 г.) и Ян Куциак. При этом на первый план вышла (например, по сравнению с французскими образами уличных протестов 1968 г.) ценность ненасильственного сопротивления, мирных демонстраций как местной традиции.

Особенностью недавней пятидесятой годовщины вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию стал и заметный перенос этой исторической темы в общественную среду. Он сопровождался международными и республиканскими студенческими проектами (Prague Spring 68 б/д, *Matejko* 2019), инициативами по сбору воспоминаний бабушек и дедушек (*Spýtaj sa vašich.* б/д),

дипломатическими актами благодарности государствам и отдельным гражданам, которые позаботились о застрявших у них чехословацких туристах в августе 1968 г., а также сбором воспоминаний участников вторжения для анализа устной истории.

Ю.М. Феномен Словакии 1970-х и 1980-х гг. весьма чувствителен, т.к. относится к активной профессиональной деятельности многих представителей современной политической, экономической и интеллектуальной жизни. Тезис о более мягком характере «нормализации» в Словакии (по сравнению с Чехией) оправдан лишь отчасти. В словацкой среде «нормализацию» зачастую проводили люди, которые до вторжения войск Варшавского договора в августе 1968 г. считались ключевыми символами процесса реформ, включая самого Густава Гусака, избранного первым секретарем ЦК КП Словакии на внеочередном съезде КП Словакии (26–27 августа 1968 г.). Притом именно Г. Гусак сыграл решающую роль в аннулировании решений чрезвычайного, так называемого Высочанского съезда КП Чехословакии (22 августа 1968 г.), а также в ликвидации еженедельника словацких писателей «Kultúrny život». Таким образом, внеочередной съезд КП Словакии стал одновременно победой реформаторских сил в Словакии и первой победой политики «нормализации», «первым официальным форумом партийной и социальной консолидации в целом» (Štefanský 1992: 129). Тот факт, что «нормализация» встретила в Словакии не столь сильное сопротивление, как в Чешской Республике, объясня-

ется также меньшей интенсивностью давления общества на осуществление демократических изменений во время Пражской весны. Нельзя забывать, что силы, относившиеся к демократизации отрицательно, были в Словакии мощнее, и более слабое сопротивление создавало возможность того, чтобы и репрессии могли быть внешне более слабыми. Примером могут служить нередкие случаи, когда человека лишали руководящей должности, но ему позволяли работать по специальности. Некоторым интеллектуалам, попавшим в «черный список», было позволено в 1970-е и 1980-е гг. выступать публично, правда, им приходилось неоднократно доказывать свою лояльность правящему режиму. Интересный пример представляет собой случай писателя Доминика Татарки. Оказавшись в социальной изоляции, он, как один из немногих в Словакии, решился подписать «Хартию 77», но органы госбезопасности еще в 80-е гг. на него давили, чтобы он стал публиковаться официально в Словакии (т.е. не в самиздате или тамиздате) (Marušíak 2002: 138–153). Таким образом, ситуация в Словакии на самом деле отличалась от того, что можно было наблюдать в Чехии, но вряд ли ее можно трактовать как более либеральную.

С точки зрения общественного мнения важную роль сыграли несколько факторов. Постепенно, с 1950-х гг., Словакия стала более существенно трансформироваться в индустриальное общество, и процессы урбанизации стали ускоряться. Поскольку до 1948 г. в Словакии членов Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) было значительно меньше,

чем в Чехии, партия с целью создать здесь мощную поддержку режима проводила активный прием новых членов. Особенно со второй половины 1950-х гг. рост численности членов компартии в Словакии был быстрее, чем в Чехии. То есть партия стала открытой для людей, которые не выросли в среде коммунистических ценностей. Таким образом, членская база КПЧ в Словакии была «моложе» (с точки зрения партийного стажа), а также прагматичнее. Следовательно, более прагматически воспринимала не только «процесс возрождения» 60-х гг., но и грядущую «нормализацию». В конце концов, члены КП Словакии приняли также изменения 1989 г. В отличие от чешских коммунистов, они согласились, по крайней мере формально, отказаться от коммунистической идеологии и создали Партию демократических левых, основанную на программе социал-демократии (Marušiak 2008).

И наконец, созданию образа о более умеренном варианте «нормализации» способствовал еще один фактор — федерализация. Требование федерализации Чехословакии было предметом консенсуса реформных сил и сторонников «жесткой линии» в 1968 г. Создание национальных органов в области административного управления, культуры, образования и науки в начале 1970-х гг. в значительной степени удовлетворило амбиции представителей словацкой интеллигенции, а также молодежи. Вместе с отношениями между центром и периферией, на которые справедливо ссылается коллега Марина Завацка, это были важные факторы, в результате которых «нормализа-

ция» в Словакии не воспринималась столь негативно, как в Чехии, и, соответственно, независимые инициативы нашли в Словакии более слабую поддержку, чем в чешской части страны.

Однако очевидно, что граница между «официальным» и «независимым» в Словакии была более проницаемой, особенно в конце 1980-х гг. «Нормализаторам» достаточно легко удалось установить контроль над словацким обществом и также интегрировать людей, которые, может быть, оказались бы в чешских условиях вне официального публичного пространства. Отношения между «истеблишментом» и «другими» были здесь менее формальными, и доступ к структурам режима был в условиях Словакии более простым. Поэтому, например, Любомир Копечек говорит о «семейном» характере нормализационного режима в Словакии (Kopeček 2006: 149). Однако то, что, на первый взгляд, кажется большей «демократичностью», не свидетельствует ни о более позитивной политической атмосфере в Словакии, ни о спросе на действительно фундаментальные изменения.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Konzervativec. б/д — URL: <https://www.mestskadivadlaprazska.cz/inscenace/343/konzervativec/>; <http://dogmadivadlo.sk/divadlo/konzervativec-k-stemu-vyrociu-vzniku-csr/> (дата обращения: 19.06.2022).

MAFCSV б/д — URL: <https://www.mafcsv.co.uk/> (дата обращения: 19.06.2022).

Názory občanov 2014 — Názory občanov SR a ČR na rozdelenie spoločného štátu sa zmenili v prospech samostatnosti.

Братислава — Прага, 2004. URL: <https://www.ivo.sk/475/sk/vyskum/nazory-obcainov-sr-a-cr-na-rozdelenie-spolocneho-statu-sa-zmenili-v-prospech-samostatnosti> (дата обращения: 19.06.2022).

Prague Spring 68 б/д — URL: <https://project.praguespring68.eu> (дата обращения: 19.06.2022).

Spytaj sa vašich б/д — URL: <https://spytaj-savasich.sk> (дата обращения: 19.06.2022).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мурашко 2017 — Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944–1951 гг. / отв. редактор Г. П. Мурашко. М.: РОСС ПЭН, 2017.

Benko, Dudeková Kováčová 2020 — *Benko J., Dudeková Kováčová G. a kol. „S ľudom a pre ľud“: cesty k demokracii na Slovensku za monarchie a prvej republiky*. Братислава, 2020.

Bútorová, Gyárfášová 2011 — *Bútorová Z., Gyárfášová O. Verejná mienka*. // Kolár M., Mesežnikov G., Bútor M. (сост.). Slovensko 2010. Správa o stave spoločnosti a demokracie a o trendoch na rok 2011. Братислава, 2011. С. 170–199.

Bútorová, Mesežnikov 2018 — *Bútorová Z., Mesežnikov G. Osudové osmičky vo vedomí slovenskej verejnosti*. Братислава, 2018.

Drábik 2019 — *Drábik J. Fašizmus*. Братислава, 2019.

Drál', Findor 2009 — *Drál' P., Findor A.* (сост.) *Ako skúmať národ: deväť štúdií o etnicite a nacionalizme*. Брно 2009.

Fiamová 2015 — *Fiamová M. „Slovenská zem patrí do slovenských rúk“*. Братислава, 2015.

Fiamová, Hlavinka, Schvarc 2014 — *Fiamová M., Hlavinka J., Schvarc M. u kol.: Slovenský štát 1939–1945. Predstavy a realita*. Братислава, 2014.

Gabzdilová-Olejníková, Olejník, Šutaj 2005 — *Gabzdilová-Olejníková S., Olej-*

ník M., Šutaj. Š. Nemci a Maďari na Slovensku v rokoch 1945–1953 v dokumentoch. I, Прешов, 2005.

Hallon 2015 — *Hallon E. Slovensko v hospodárskom priestore Nemecka 1939–1945: (rokovania, prehľady, sondy, prípadové štúdie)*. Братислава, 2015.

Haslinger, Franzen, Schulze Wessel 2008 — *Haslinger P., Franzen E., Schulze Wessel M. Diskurse über Zwangsmigrationen in Zentraleuropa: Geschichtspolitik, Fachdebatten, literarisches und lokales Erinnern seit 1989*. Мюнхен, 2008.

Hlavinka 2011 — *Hlavinka J. The Holocaust in Slovakia. The story of the Jews of Medzilaborce district*. Будмерице, 2011.

Hlavinka 2015 — *Hlavinka J. “Kapitál má slúžiť národu...” Korupcia v arizácii podnikového majetku na Slovensku* // Šoltés P., Vörös L. (сост.). *Korupcia*. Братислава, 2015.

Hruboň 2018 — *Hruboň A. Alexander Mach. Radikál z povolania*. Братислава, 2018.

Hudek, Kopeček, Mervart 2019 — *Hudek A., Kopeček M., Mervart J.* (сост.) *Čečo/slovakismus*. Прага 2019.

Kamenec 2007 — *Kamenec I. On the trail of tragedy*. Братислава, 2007.

Kopeček 2006 — *Kopeček L. Demokracie, diktatury a politické stranictví na Slovensku*. Брно, 2006.

Londák, Michálek 2018 — *Londák M., Michálek S.* (сост.): *Alexander Dubček. The Symbol of Spring*, Берн, Братислава, 2018.

Marušiak 2002 — *Marušiak J. Slovenská spoločnosť za normalizácie*. // Pekník M. (сост.) *Česká a slovenská spoločnosť v období normalizace — Slovenská a česká spoločnosť v čase normalizácie*. Братислава 2002. С. 138–153.

Marušiak 2008 — *Marušiak J. The normalization Regime and its Impact on Slovak Domestic Policy after 1970*. // *Europe-Asia Studies*. 60/2008. № 10. С. 1805–1825.

Matejko, Ivančík 2020 — *Matejko L., Ivančík M.* (сост.) *Narratives of remembrance*.

1968: the past present and the present past. Братислава, 2020.

Matejko 2019 — *Matejko E.* Slovakia '68 Firsthand. Варна, 2019.

Maxwell 2009 — *Maxwell A.* Choosing Slovakia: Slavic Hungary, the Czechoslovak Language and Accidental Nationalism; Everyday Nationalism in Hungary: 1789–1867. Лондон, 2009.

Nižňanský, Kamenec 2003 — Nižňanský E., Kamenec I. (сост.). Holokaust na Slovensku 2. Prezident, vláda, Snem SR a Štátna rada o židovskej otázke (1939–1945). Dokumenty. Братислава, 2003.

Rogul'ová 2017 — *Rogul'ová J. u kol.* Dva režimy jednej krajiny. Братислава, 2017.

Rychlík 2002 — *Rychlík J.* Rozpad Československa. Česko-slovenské vzťahy 1989–1992. Братислава, 2002.

Sabol 2015 — *Sabol M.* Dejiny dopravy na Slovensku 1938–1948 (1950): jej hranice a limity. Братислава, 2015.

Szabó 2019 — *Szabó M.* Klérofašisti. Slovenskí kňazi a pokušenie radikálnej politiky. Братислава, 2019.

Štefanský 1992 — *Štefanský M.* Invázia, okupácia a jej dôsledky // Slovenská spoločnosť v krízových rokoch, zv. III. Братислава, 1992. С. 100–206.

Šutaj 2005 — *Šutaj Š.* Nútené presídlenie Maďarov do Čiech. Прешов, 2005.

Šutaj 2012 — *Šutaj Š.* Maďarská menšina na Slovensku v 20. storočí. Братислава, 2012.

Ward 2013 — *Ward J. M.* Priest, Politician, Collaborator: Jozef Tiso and the Making of Fascist Slovakia. New York 2013.

Zecker 2011 — *Zecker R. M.* Race and America's Immigrant Press: How the Slovaks were Taught to Think Like White People. New York, 2011.

REFERENCES

Benko J., Dudeková Kováčová G. и кол. „S ľudom a pre ľud“: cesty k demokracii na Slovensku za monarchie a projev republiky. Bratislava, 2020.

Bútorová Z., Gyarfášová O. Verejná mienka. // Kollár M., Mesežnikov G., Bútora M. (eds.). *Slovensko 2010. Správa o stave spoločnosti a demokracie a o trendoch na rok 2011.* Bratislava, 2011, pp. 170–199.

Bútorová Z., Mesežnikov G. *Osudové osmičky vo vedomí slovenskej verejnosti.* Bratislava, 2018.

Drábik J. *Fašizmus.* Bratislava, 2019.

Drál' P., Findor A. (сост.) *Ako skúmať národ: deväť štúdií o etnicite a nacionalizme.* Brno, 2009.

Fiamová M. „Slovenská zem patrí do slovenských rúk“. Bratislava, 2015.

Fiamová M., Hlavinka J., Schvarc M. и кол. *Slovenský štát 1939–1945. Predstavy a realita.* Bratislava, 2014.

Gabzdilová-Olejníková S., Olejník M., Šutaj Š. *Nemci a Maďari na Slovensku v rokoch 1945–1953 v dokumentoch. I.* Prešov, 2005.

Hallon E. *Slovensko v hospodárskom priestore Nemecka 1939–1945: (rokovania, prehľady, sondy, prípadové štúdie).* Bratislava, 2015.

Haslinger P., Franzen E., Schulze Wessel M. *Diskurse über Zwangsmigrationen in Zentraleuropa: Geschichtspolitik, Fachdebatten, literarisches und lokales Erinnern seit 1989.* München, 2008.

Hlavinka J. *The Holocaust in Slovakia. The story of the Jews of Medzilaborce district.* Budmerice, 2011.

Hlavinka J. “Kapitál má slúžiť národu...” Korupcia v arizácii podnikového majetku na Slovensku, Šoltés, P., Vörös, L. (сост.). *Korupcia.* Bratislava, 2015, 374–416.

Hruboň A. *Alexander Mach. Radikál z povolania.* Bratislava, 2018.

Hudek A., Kopeček M., Mervart J. (сост.) *Čecho/slovakizmus.* Praha, 2019.

Kamenec I. *On the trail of tragedy.* Bratislava, 2007.

Kopeček L. *Demokracie, diktatury a politické stranictví na Slovensku.* Brno 2006.

- Londák M., Michálek S. (сост.): *Alexander Dubček. The Symbol of Spring*. Bern – Bratislava 2018.
- Marušiak J. Slovenská spoločnosť za normalizácie, Pekník M. (ed.) *Česká a slovenská spoločnosť v období normalizácie – Slovenská a česká spoločnosť v čase normalizácie*. Bratislava 2002, pp. 138–153.
- Marušiak J. The normalization Regime and its Impact on Slovak Domestic Policy after 1970, *Europe-Asia Studies*, 60/2008, no. 10, pp. 1805–1825.
- Matejko E., Ivančík M. (сост.) *Narratives of remembrance. 1968: the past present and the present past*. Bratislava, 2020.
- Matejko E. *Slovakia '68 Firsthand*. Varna 2019.
- Maxwell A. *Choosing Slovakia: Slavic Hungary, the Czechoslovak Language and Accidental Nationalism; Everyday Nationalism in Hungary: 1789–1867*. London 2009.
- Nižňanský E., Kamenec I. (сост.) *Holokaust na Slovensku 2. Prezident, vláda, Snem SR a Štátna rada o židovskej otázke (1939–1945). Dokumenty*. Bratislava: 2003.
- Roguľová J. и кол.: *Dva režimy jednej krajiny*. Bratislava, 2017.
- Rychlík J. *Rozpad Československa. Česko-slovenské vzťahy 1989–1992*. Bratislava: Academic Electronic Press. 2002
- Sabol M. *Dejiny dopravy na Slovensku 1938–1948 (1950): jej hranice a limity*. Bratislava, 2015.
- Szabó M. *Klérofašisti. Slovenskí kňazi a pokušenie radikálnej politiky*. Bratislava, 2019.
- Štefanský M. Invázia, okupácia a jej dôsledky, *Slovenská spoločnosť v krízových rokoch, zv. III*. Bratislava, 1992, pp. 100–206.
- Šutaj Š. *Maďarská menšina na Slovensku v 20. storočí*. Bratislava, 2012.
- Šutaj Š. *Nútené presídlenie Maďarov do Čiech*. Prešov, 2005.
- Vengerskoe natsional'noe men'shinstvo v Chekhoslovakii v kontekste mezghosudarstvennykh otnoshenii. Dokumenty i materialy. 1944–1951 gg.*, otv. redaktor G. P. Murashko. Moscow: ROSSPEN, 2017.
- Ward J.M. *Priest, Politician, Collaborator: Jozef Tiso and the Making of Fascist Slovakia*. New York, 2013.
- Zecker R. *Race and America's Immigrant Press: How the Slovaks were Taught to Think Like White People*. New York, 2011.

«НЕЛЬЗЯ С СЕГОДНЯШНИМИ МЕРКАМИ ПОДХОДИТЬ К СОБЫТИЯМ ДРУГОГО ВРЕМЕНИ». Интервью с Владимиром и Риттой Коллонтай

В интервью внук Александры Коллонтай, Владимир Михайлович Коллонтай, и его жена Ритта Александровна рассказывают о своем общении с Александрой Коллонтай, о ее жизни в Москве после возвращения с дипломатической работы, о круге ее интересов и общения. Владимир и Ритта Коллонтай делятся размышлениями о времени 1940–1950-х гг. и о сегодняшнем восприятии этого времени.

Ключевые слова: Александра Коллонтай, воспоминания, Советский Союз, Сталин, дипломатическая работа, Швеция, Вторая мировая война, дефицит, историческая память, Восьмое марта, МГИМО.

Сведения об авторах: Коллонтай Владимир Михайлович, историк, доктор экономических наук, профессор; внук А. М. Коллонтай; Коллонтай (Поповкина) Ритта Александровна, историк, кандидат экономических наук, востоковед; жена Владимира Коллонтая.

“YOU CANNOT APPROACH TODAY’S STANDARDS TO EVENTS FROM ANOTHER HISTORICAL PERIOD”: interview with Vladimir and Ritta Kollontaj

Alexandra Kollontaj’s grandson, Vladimir, and his wife Ritta speak about their conversations with Aleksandra Kollontaj in this interview, describing her life and social environment in Moscow after her coming back from diplomatic work she was doing abroad. Vladimir and Ritta Kollontaj also speak about 1940–1950s and about nowadays’ perception of this epoch.

Key words: Alexandra Kollontaj, memoir, Soviet Union, Stalin, diplomatic work, Sweden, Second World War, historical memory, the 8th of March, MGIMO.

About the authors: Kollontai Vladimir Mikhailovich, historian, doctor of economic sciences, professor; grandson of A. M. Kollontai; Kollontai (Popovkina) Ritta Alexandrovna, historian, candidate of economic sciences, orientalist; wife of Vladimir Kollontai.

Беседовал Константин Морев. Интервью взято 23.12.2019.

К. М. В какие периоды вы больше всего общались с Александрой Михайловной?

В. К. Поскольку мой отец работал во Внешторге, он часто выезжал в загранкомандировки. Таким образом, я родился в Берлине в 1927 г. В 1930 г. его перевели в Соединенные Штаты. Когда мы отправлялись пароходом на родину, отец всякий раз старался проехать через Швецию, чтобы увидеть свою мать, Александру Михайловну, которая была там нашим послом. Позже, с 1940 г., мы жили в Швеции, отец стал работать заместителем торгпреда. В 1944 г., окончив школу, я уехал поступать в институт в Москву. Бабушка вернулась в Москву в 1945-м и оставалась здесь до своей смерти. Так что я с ней общался в основном во время жизни в Швеции и позже — в Москве. Ритта познакомилась с ней в 1947 г., поженились мы в 1949-м и уже более семидесяти лет вместе. В последующем Ритта принимала большое участие в издании трудов Александры Михайловны.

К. М. Александра Михайловна, будучи на дипломатической службе, осознавала, что ситуация в Советском Союзе изменилась в сторону диктатуры? Говорила ли она что-то об этом?

В. К. Она не только осознавала, но прекрасно знала обо всем, что происходит.

Р. К. Когда, вы считаете, «ситуация изменилась»? Уже на заре советской власти Александра Михайловна испытала на себе, что значит иметь свое мнение, расходящееся с мнением руководства партии. Это было в 1918 г., когда она вышла из правительства в знак несогласия с Брестским миром, и в 1921 г., когда была сторонником «Рабочей оппозиции». Тогда она подверглась резкой критике на X и XI съездах партии и фактически была отстранена от какой-либо партийной деятельности. В 1922 г. она написала письмо в ЦК о том, что хочет быть полезной партии здесь, в России. Ленин тогда уже был болен, а Сталин предпочел отправить ее на дипломатическую работу за рубеж, как и многих других видных революционных деятелей и партработников. В 1937–1938 гг., в период обострения репрессий, Александра Михайловна тяжело переживала (по словам ее сына Михаила Владимировича, с нами она об этом никогда не говорила) расстрел многих людей, с которыми она делала революцию, и ее друзей — Павла Дыбенко, Александра Шляпникова и других

Сама Коллонтай в то время работала за рубежом. Ее предостерегали: не стоит сейчас появляться в Москве — могут арестовать. Но в 1938 г. она отправилась в СССР во время первого визита шведского министра иностранных дел Рикарда Сандлера. Его принимали там на высшем

уровне, Ворошилов и, кажется, даже Сталин. И вот она приехала, сопровождая Сандлера, и затем благополучно вернулась в Швецию. Был бы международный скандал, если бы ее арест произошел во время визита такого высокого гостя. А потом Сталин, видимо, посчитал, что в условиях надвигающейся войны работа Коллонтай за рубежом, учитывая ее авторитет в международных дипломатических кругах (она уже тогда была членом советской делегации в Лиге Наций), была бы более полезна для страны.

К. М. Насколько она сама воспринимала дипломатическую деятельность как ссылку?

Р. К. Она так это не воспринимала. Перед ней стояло несколько очень масштабных задач, прежде всего — признание Советской России за рубежом. Когда эта задача в отношении Норвегии была выполнена, она планировала вернуться на работу в Москву. Но Сталин направил ее послом в Мексику, а потом в 1927 г. опять в Норвегию, а затем в Швецию. Ее заграникомандировка продлилась в общей сложности 23 года — вплоть до окончания войны. Думаю, столь длительное удержание Коллонтай за границей было не случайным. Оно устраивало тогдашнее руководство партии. В России она оставалась еще долго очень авторитетным человеком — прежде всего, среди рабочих и женщин. Она считала, что построение советского социалистического строя не будет иметь успеха без подъема женского движения. Однако когда партия упразднила женотделы, практически перестала интересоваться женским вопросом, Александра Михайловна поняла,

что, работая на дипломатическом поприще, она сможет принести стране больше пользы.

К. М. После возвращения в Москву Александра Михайловна занималась какой-то работой?

Р. К. Что значит «какой-то»? Она была назначена советником министра иностранных дел с окладом 3000 рублей. По приезде ей была предоставлена квартира в доме Совета министров на [Большой] Калужской улице, дом 11. Там сейчас находится ее мемориальная доска (ныне дом по адресу Ленинский проспект, 11с1. — *Прим. ред.*).

С МИДом регулярно велась переписка. Связь осуществлялась в основном через курьерскую почту. Приходили чиновники с различными поручениями. Сотрудничество было налажено в основном с V Европейским отделом, ведавшим скандинавскими странами, который возглавлял Александр Никитич Абрамов.

Александра Михайловна принимала иностранных дипломатов. Первой, кто ее навестил по приезде, была Пандит Виджая Лакшми Неру — сестра Джавахарлала Неру, ставшая в 1947 г. первым послом Индии в России. Часто у нее бывали Стела Благоева (дочь Димитра Благоева), которая тоже стала послом в России, Василь Коларов — тогда торгпред, а потом премьер-министр Болгарии, посол Чехословакии Иржи Горак, посол Швеции Рольф Сульман, Отто Куусинен и др. Всех не упомянешь.

В свободное от служебных обязанностей время, обычно в ранние у-

ренные часы, садилась за работу над своими мемуарами. Она также много писала очерков, статей для различных газет и журналов.

Александра Михайловна много читала. У нее была своя хорошая библиотека. Ее любимыми книгами были книги по древней истории, о путешествиях, о знаменитых женщинах. Чтение откладывалось обычно на вечер. Эми Генриховна Лоренсон, секретарь и подруга Коллонтай, часто читала ей вслух. Она тоже хорошо знала иностранные языки. Бывало, сегодня приезжаешь — у них одна книжка открыта, например, на немецком. Приедешь через несколько дней — уже другая, на французском или шведском языке.

Так что деятельность Александры Михайловны в последние годы ее жизни была очень насыщенной.

К. М. Какие эпизоды из общения с Александрой Михайловной вам особенно запомнились?

В. К. Помню, когда мы приехали в Швецию, бабушка настаивала на том, что нужно обязательно учить иностранные языки. Она говорила: «Скорее начинай учить шведский, здесь ты должен знать его очень хорошо». Она просила Эми читать мне книги и разговаривать только на шведском языке, покупала мне различные учебные пособия, граммофонные пластинки для изучения шведского, и не только шведского, но и французского, испанского и других языков. Видимо, от бабушки у нас в семье какой-то культ иностранных языков. Мой отец знал немецкий, английский, французский, шведский,



норвежский. Мама также хорошо владела этими языками. Я к шестнадцати годам знал немецкий, который учил в школе, а также с мамой, знал английский, шведский и начал учить французский. Потом уже я как-то спросил у бабушки, почему она так настаивала на изучении иностранных языков. Она объяснила: «Потому что именно язык тебе дает ключ к пониманию всего: культуры, истории, экономики народа. Знание языка позволяет проникнуть в психологию и человека, и общества». И добавила: «Хотя бывает, что люди даже с одним языком могут развиваться в две разные нации, как было с англичанами и американцами».

Еще вспоминаю, как бабушка, несмотря на свою занятость и большие трудности, сумела во время войны наладить занятия в нашей советской школе в Швеции. Дело в том, что летом 1941 г. многие сотрудники, в том числе и наши учителя, уехали

в отпуск в Союз. Началась война, и они уже не смогли вернуться обратно. Надо было искать им замену на месте. К преподаванию были привлечены сотрудники, их жены, которые имели либо педагогическое образование, либо нужную в школе специальность. Так, например, моя мать взялась преподавать немецкий язык и биологию. Старые учебники кое у кого были, а также нам приходилось широко пользоваться различными справочными материалами, книгами, энциклопедическими словарями, журналами. В дальнейшем в жизни это очень пригодилось.

А бабушка сумела нам найти еще замечательных учителей: из интернированных в Швеции русских военных. Дело в том, что в порту Гавра немцы широко использовали русских пленных для погрузки судов. В Швецию оттуда приходило много барж, груженных углем. В них иногда находили людей. Они бросались в трюм вместе с углем, рассчитывая как-то выбраться из Германии. Некоторые из них выживали, некоторые нет.

Когда баржи приходили в Стокгольм, мы, русские ребята, должны были следить (обычно мы сидели с удочками недалеко от порта), подъехали ли машины скорой помощи. Если они были, мы сообщали об этом в посольство. Шведы интернировали спасенных, помещали их в специальный лагерь. Наше посольство добивалось возвращения русских на родину. Среди интернированных были капитаны кораблей, летчики, механики, люди очень образованные и разных профессий. Бабушке удалось договориться, чтобы их от-

пускали из лагеря для преподавания в нашей школе. Можно представить, как интересно было на уроках, когда их вели капитаны и летчики!

Нас, молодежь, также привлекали для издания и распространения Бюллетеня Совинформбюро, который по инициативе посольства стал переводиться на шведский. Мой отец, инженер, вместе с другими товарищами сконструировал аппарат для печати. Давать правдивую информацию о ходе войны, особенно когда наши войска перешли в наступление, было очень важно — поскольку шведская пресса, опираясь на западную, искажала и замалчивала успехи советских войск. Мы, школьники, радовались, что нам доверили такую важную работу и что мы хоть чем-то можем помочь родине.

В Швеции был еще один эпизод, который мне хорошо запомнился. Однажды позвонила Эми и попросила меня приехать к бабушке. Та сказала: «Приходи вечером. Ты будешь сопровождать меня в очень важной поездке. Но об этом никому ни слова». Я прибыл к назначенному часу. Мы с шофером усадили бабушку в машину, погрузили ее кресло и поехали. По длительности поездки и по пейзажу за окном я понял, что мы едем за город. Когда остановились, было совсем темно. Впереди можно было лишь угадать очертания большого здания, в нем ни одного освещенного окна. К нам побежал человек и провел нас в комнату, где уже находились какие-то люди. Все окна были завешаны тяжелыми шторами. Одна тусклая лампочка светилась в углу. Меня попросили подождать в соседнем помещении. Усевшись в уютное кресло,

я тщательно боролся со сном, но вскоре заснул. Когда меня разбудили, уже светало. Домой мы ехали молча. Уже потом я узнал, что как бы косвенно присутствовал при большом историческом событии. Проходили секретные переговоры между послом Советского Союза Александрой Коллонтай и Юхо Кусти Паасикиви, представителем финского государства, по поводу выхода Финляндии из войны.

Одно из самых ярких впечатлений от общения с бабушкой уже в Москве — парад Победы на Красной площади. Бабушке прислали пропуск. Но сама она не смогла пойти и отдала его мне с условием, что я тут же приду и расскажу ей все подробно. Я был в восторге! И действительно, это было небывалое зрелище. Несравнимый ни с чем подъем радости и всеобщего ликования. Как только кончился парад, я побежал на Калужскую. Захлебываясь от волнения, стал рассказывать бабушке, как бросали немецкие знамена к мавзолею (я стоял совсем рядом), как на Красной площади шли наши герои, советские солдаты с мужественными, но немного уставшими и мокрыми от дождя лицами. Несмолкаемые крики «Ура». Гремит военный оркестр. На трибунах не протиснуться. И наши, и иностранцы восторженно машут флажками, букетами цветов, обнимаются, поздравляют друг друга. Я все рассказываю, а в то же время на Калужскую все прибывают и прибывают гости. В квартире уже не помещаются, стоят на лестнице и делятся впечатлениями. Много военных, при параде, с орденами. Подходят к бабушке, дарят цветы, благодарят за тот большой вклад, который она внесла в общее дело Победы.

В Москве, когда я приходил к бабушке, мне было интересно присутствовать при многих ее беседах с посетителями. Вспоминаю, например, такой случай с дипломатами. Приходим мы с друзьями-студентами к бабушке, а там сидят Максим Максимович Литвинов и Иван Михайлович Майский. И один из моих приятелей говорит: «У нас недавно был семинар на тему, какими качествами должен обладать хороший дипломат. Давай спросим у сидящих здесь корифеев...» Майский сразу ответил: «Хороший дипломат — это человек, который умеет убедительно, глубоко аргументированно довести до сознания представителей страны пребывания позицию своего государства». Литвинов: «Ну да... Это важно. Но вообще-то говоря, важно и другое — важно, чтобы дипломат знал нужды и интересы своей страны и нужды и интересы страны пребывания настолько хорошо, чтобы найти точки соприкосновения и сближения». Бабушка сидит и молчит. Мой друг обращается к ней: «Александра Михайловна, а вы как к этому подходите?» Бабушка ответила: «Согласна с мнением моих друзей, но также очень важно, чтобы дипломат, покидая страну пребывания, оставил после себя там как можно больше искренних, понимающих и любящих его страну людей».

Я вспомнил эту фразу бабушки, когда оказался спустя много лет на конференции в Мексике. В газете промелькнуло, что там находится в составе делегации Коллонтай (то есть я). И вдруг мне звонят из гостиницы: «Тут двое мужчин хотят с вами поговорить. Местные». Какие местные? Ну, хорошо... Пускай

придут. Пришли старики-рабочие. «Вы сеньор Коллонтай? Вы случайно не родственник той Коллонтай, которая была у нас послом?» Я отвечаю, что да, я ее внук. «Вы знаете, мы хотели прийти к вам и сказать, что мы хорошо помним ее. Мы помним, как она нам рассказывала про вашу революцию, когда мы здесь проводили свою революцию. Она специально выучила наш язык, чтобы нам было легче понимать друг друга. И как мы друг друга понимали! У нас больше никого такого не было!» Я предлагаю: «Давайте чаю попьем». Они отказываются: «Нет, спасибо, у нас скоро автобус на Куэрнавака последний отходит, нам надо спешить, адьос!» Вот и все. Я был потрясен. Прodelать такой дальний путь и через много, много лет, чтобы с благодарностью вспомнить советского посла Александру Коллонтай, которая так много сделала для их страны! Да, она действительно оставила много друзей в Мексике. До сих пор там переводятся ее книги, издают биографии, публикуют статьи о ней.

Или вот еще один эпизод из разговоров с бабушкой, когда у нее сидели дипломаты. Они рассуждали о том, что в последнее время послам все труднее принимать самостоятельные решения быстро, причем решения даже по самым простым проблемам. Встал вопрос: как бороться с бюрократией? Литвинов ответил: «Я обычно делал так — описывал существующую проблему, предлагал ее решение и посылал шифровку в центр и добавлял “Если не получу иных инструкций в такой-то срок, буду действовать соответственно”. Как правило, чиновники, занятые своей большой работой, не успевали ответить вовремя.

Тогда я мог принять решение на месте». Остальные дипломаты сказали, что они поступали так же.

Р.К. Приехав из Швеции, Александра Михайловна сразу же постаралась установить связь со своими старыми знакомыми по работе в России. С некоторыми можно было только переписываться или разговаривать по телефону из-за их плохого самочувствия. Это Владимир Бонч-Бруевич, Глеб Кржижановский, Мария Федоровна Андреева (жена Горького), академик Генрих Осипович Графтио, пионер отечественной гидроэнергетики, строитель Волховстроя, создатель плана ГОЭРЛО.

Кто был помоложе из «старых» знакомых, приезжали к Александре Михайловне сами. У нее бывала жена Карла Либкнехта Софья Борисовна Рысс, которая жила в Москве. Они вспоминали, как помогали интернированным в Германии русским выехать на родину, когда была объявлена Первая мировая война. Вспоминали о трагической гибели Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Частыми посетителями на Калужской были женщины. Приходили старые друзья, последовательницы Александры Михайловны и молодые активистки женского движения. В квартиру на Калужской было настоящее паломничество людей, занимавшихся вопросами женщин и детей внутри страны. В основном это педагоги школ, вузов, воспитатели детских садов, ясель, медработники. Просили совета, выступить на празднике среди молодежи, написать ответственное письмо и т.д. Также приходили журналисты, писатели,

научные работники, связанные с проблемами женщин и детей. Просили написать статью, рецензию на книгу, отзыв о диссертации. Помню, Вера Львовна Бильшай много раз бывала по поводу своей диссертации «О положении женщины в СССР».

Но с наибольшей радостью Александра Михайловна всегда встречала своих старых знакомых, с которыми ее связывала многолетняя дружба и совместная работа.

В Москве у Александры Михайловны были две подруги юности, с которыми она познакомилась еще задолго до революции. Это Татьяна Львовна Щепкина-Куперник и Елена Дмитриевна Стасова. Татьяна Львовна была писательницей, поэтессой, известной переводчицей пьес Шекспира и Лопе де Веги. С Александрой Михайловной ее объединяла любовь к писательству и русской литературе. Муж Татьяны Львовны был известным в Петербурге адвокатом, богатым и очень успешным. Сама она происходила из рода Михаила Щепкина, основателя русского театра. Несмотря на свой аристократический образ жизни, она была очень прогрессивным человеком, боролась за реформы в области образования и за права женщин. Она сочувствовала и помогала революционерам. Не один раз спасала Александру Михайловну от полиции, прятала ее в своей роскошной квартире. Почему так? Поскольку она была вне всяких подозрений. Когда Александре пришлось уехать за границу во избежание ареста, Танечка (как она ее называла) привозила к ней на каникулы сына и служила надежным курьером всей пересылаемой кор-

респонденции. Татьяна Львовна бережно хранила письма Александры Михайловны. В ее архиве в ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства, ныне РГАЛИ. — *Прим. ред.*) находится их несколько сотен.

С Еленой Дмитриевной Стасовой Александра Михайловна познакомилась в ранней юности в просветительском музее известного библиофила Николая Рубакина. Но уже тогда Леля (так звала ее Александра Михайловна) состояла в подпольных марксистских кружках и вовлекала туда свою подругу — Шуру Домонтович (девичья фамилия А.М. Коллонтай. — *Прим. ред.*). Вступив в партию в 1898 г., Елена Дмитриевна в дальнейшем стала ее видным деятелем, избиралась несколько раз в ЦК, с 1917-го была секретарем ЦК партии. По партийной работе их деятельность с Александрой Михайловной пересекалась много раз: и по работе в Коминтерне и международных организациях, и по женскому вопросу. С Александрой Михайловной они обычно вспоминали своих друзей юности, обсуждали партийные дела, но нас в них не посвящали.

Елена Дмитриевна Стасова жила в «Доме на набережной», а Татьяна Львовна жила вместе с дочерью Маргаритой Ермоловой в доме на Тверском бульваре, где теперь находится музей этой знаменитой актрисы. Нам с Володей приходилось бывать у одной и другой со всякими небольшими поручениями от Александры Михайловны: принести или взять книгу, письмо, журнал, рукопись и т.д. Эти две подруги Александры Михайловны были очень разными

и по внешнему облику, и по складу характера. Татьяна Львовна — небольшого роста, полненькая, с горделивой осанкой. Мы, как правило, заставляли ее за письменным столом, печатающей что-то на машинке. Елена Дмитриевна была высокой, худощавой, строгой на вид, всегда в пенсне, с довольно грубоватым голосом. Но они обе были очень приветливы и добры с нами. Всегда угощали чем-нибудь вкусным.

К. М. Они не утратили веру в социализм?

Р. К. Ни в коем случае! Все друзья, которых мы встречали у Александры Михайловны, были твердо убеждены, что, несмотря на трудности, страна, которую они начинали строить, будет успешной и процветающей.

К. М. А что-то современное они обсуждали?

Р. К. Да, Александра Михайловна всегда интересовалась современностью, выписывала основные газеты и журналы. Покупала много книг, что-то привозили ей из-за границы. Она старалась поделиться интересными новинками с русскими читателями. Например, способствовала тому, чтобы на русский язык был переведен «Кон-Тики» Тура Хейердала, попросив «по дружбе» знакомых переводчиков перевести с норвежского эту книгу. Она получала много современной информации от своих гостей, дипломатов, журналистов, писателей. Вера Павловна Лебедева, занимавшая пост директора Института усовершенствования врачей Минздрава, могла ответить на все актуальные вопросы в области

медицины. Молодые иностранцы — коммунисты, приехавшие на работу в Россию переводчиками в радиокомитет, в издательство иностранной литературы, на телевидение, — часто бывали в гостях у Александры Михайловны, делились самыми свежими новостями. Все эти новости Александра Михайловна обсуждала со своими друзьями.

К. М. Расскажите, пожалуйста, об истории с изъятием архива Коллонтай в Швеции. Как это произошло и как его удалось вернуть?

Р. К. Александра Михайловна с детства вела дневники, продолжала делать это всю жизнь, и уже давно на тот момент она начала приводить их в систему, имея в виду написать книгу своих воспоминаний. Во время войны в Швеции у Александры Михайловны было очень напряженное время, поскольку она была целиком поглощена работой и не могла, несмотря на плохое состояние здоровья, откладывать срочные дела, встречи, переговоры. В результате у нее случился инсульт. Она попала в больницу, затем в санаторий. Почувствовав себя немного лучше, она попросила своего секретаря Эми Генриховну принести очередную главу из дневника для обработки. Но очень расстроилась, когда узнала, что архив исчез. Она поняла, что это дело рук резидентов, которые во время войны были особенно бдительными, и что спорить о чем-то бесполезно. Обладая большой выдержкой, написала письмо, поблагодарив за заботу о сохранности ее архива. Используя оставшееся свободное время, она по памяти стала писать свои воспоминания детства. В 1954 г.

они вышли на шведском языке, потом на норвежском и др. Когда Александра Михайловна вернулась в Москву, она первым делом запросила у МИДа и других организаций эти дневники. Но ей сказали, что ее архив был эвакуирован вместе с общим архивом МИД в Куйбышев (Самару). Она делала запросы еще и еще, но их никак не могли найти. Тогда она написала письмо Сталину, где говорила о том, что этот архив имеет большое значение не только как ее личный архив, но и как важный источник по изучению истории партии. И уже через несколько дней...

В. К. Ну, не через несколько дней — через две-три недели...

Р. К. ...в квартиру позвонили двое крепких парней, которые держали два чемодана с этими архивами.

К. М. Позднесталинское время — в моем понимании — это время диктатуры. Ощущалась ли как-то напряженность в конце 1940-х гг.?

Р. К. Да, это время действительно было очень напряженным.

В. К. Но современные суждения о той эпохе, которую мы, старшее поколение, сами пережили, являемся ее очевидцами, кажутся нам неверными и сильно искаженными. Современные люди плохо представляют себе, что было тогда в действительности.

К. М. Вот я и хочу понять, как это было.

Р. К. Страна была разрушена. Люди устали, истощены, измучены длительной войной и огромными поте-

рями. Но, несмотря на голод, и неустроенность, жизненные трудности, лишения, эйфория от победы была настолько велика, что это было несравнимо ни с чем. Наступил мир, появилась возможность заняться созидательным трудом — восстанавливать страну, учиться, заниматься детьми, поднимать заброшенные поля, строить и ремонтировать жилье. Народ был охвачен этим энтузиазмом.

Да, о репрессиях люди знали, это касалось многих. Даже у нас в МГИМО арестовали нескольких студентов. Ходили слухи, что они были членами какого-то подпольного кружка. Люди исчезали, но никакой информации о причинах ареста не было. Думали, может быть, они в чем-то виноваты, но нам это неизвестно. В то же время после войны было большое доверие к власти и победителю — Сталину. Настрой был такой — надо прежде всего восстанавливать страну, а потом во всем разберутся и справедливость непременно торжествует.

Может быть, это парадокс, но самыми большими энтузиастами по скорейшему восстановлению страны наравне с молодежью оказались люди старшего поколения, которых прежде всего и коснулись репрессии. Они были идейными вдохновителями и оказались самыми стойкими борцами. Это была плеяда людей, марксистов, которые были убеждены, что построение социализма в СССР — неоспоримое дело. Они считали, что до войны уже был пройден значительный путь в этом направлении. Война помешала, теперь надо удвоить усилия для достижения

этой цели. Отсюда такой энтузиазм и их полная самоотверженность.

К.М. Но Сталин ведь отличался от них в этом плане. Насколько я знаю, его уже в 1920-е гг. многие большевики считали посредственной личностью. Известно, например, что до революции, находясь в ссылке, он не выучил ни одного иностранного языка — в отличие от других большевиков.

В.К. Что же, сейчас превалирует точка зрения, что Сталин был посредственным человеком? Но это не так!

Р.К. Сталин еще до революции был фигурой очень авторитетной среди рабочих. Он был самоучкой. Он был практиком. Многие революционеры в основном были теоретиками. Другое дело, что Сталин хотел безоговорочно гнуть свою линию, считая, что любые колебания вредят достижению цели. А что касается знаний иностранных языков, то их имели в основном те революционеры, которые могли их получить либо в детстве, либо потом за границей.

В.К. Революционеры жили, находясь во враждебном окружении, всегда находясь в зоне риска, опасаясь не только врагов, но и предательства своих. Отсюда постоянная настороженность, порой болезненное ощущение страха. Особенно это обостряется в периоды вооруженной борьбы. Русская революция переживала бесконечные войны: Первую мировую, Гражданскую, Финскую, Отечественную. Были и диверсии, и предательства (власовцы, бандеровцы и др.). Эпоха была кровавой

и жестокой. Требовалось огромное напряжение сил всего народа ради спасения и выживания своего государства. В такие моменты характерны жестокость и насилие. Как утверждают историки, без насилия развитие человеческого общества, создание государств, цивилизаций никогда не обходилось. Даже в демократической Древней Греции, а также в Америке оно присутствовало.

Когда страна в опасности (война, голод, эпидемии, стихийные бедствия и т.д.), к гражданам предъявляются более жесткие требования. И нашему поколению, поскольку мы почти и не вылезали из этих чрезвычайных условий, эти требования были понятными. Современным людям, прожившим жизнь в основном в мирных условиях, кажутся многие поступки людей и власти совершенно неприемлемыми. Видимо, для того чтобы их понять, надо самим все пережить или по крайней мере хорошо знать историю. Нельзя подходить с сегодняшними мерками к событиям и людям другого времени. А сейчас у современников той эпохи складывается впечатление, что вся действительность прошлого искажается, видится как бы в кривых зеркалах.

Для человека нынешней эпохи характерно требование к государству соблюдать, прежде всего, его права, но о том, что у него есть гражданские обязанности, он предпочитает не вспоминать. Раньше, например, в Афинах, гражданство, прежде всего, подразумевало обязанности, а потом уже права.

К.М. Да, я понимаю насчет прав и обязанностей. Но это не отменяет

того, что многие были расстреляны и репрессированы.

В. К. Оправдывать этого я не буду. Но я присутствовал при разговоре бабушки с академиком Тарле по поводу того, почему «революция пожирает своих детей». Действительно, существует такая закономерность — плодами революции пользуются преимущественно уже не те люди, которые ее совершали.

К. М. Насколько в поздние годы Александры Михайловны касалась проблема, например, дефицита? Был ли у нее доступ к Кремлевской столовой или к каким-то закрытым заказам?

Р. К. Купить что-либо или, как тогда говорили, достать было сложно. По соседству с их домом был продуктовый магазин. Но не в любом магазине ты мог что-то купить. До 1947 г. существовали еще карточки. Они прикреплялись к определенному магазину, и только там ты мог «отовариться». Иногда можно было что-то достать в коммерческих магазинах, но цены там были заоблачные.

Для того чтобы обеспечить своим работникам какое-то дополнительное питание, многие солидные учреждения, где были крупные профсоюзы, — фабрики, заводы — создавали свои подсобные хозяйства, санатории, столовые. Для чиновников ЦК, Совмина тоже были организованы столовые. Особо важные персоны прикреплялись к «Кремлевке». В этой столовой можно было брать обеды на дом.

В Кремлевскую столовую ходила домработница Александры Михай-

ловны. Она ходила туда с судками — это когда вставляют одну в другую несколько кастрюль со специальной ручкой. Сейчас люди просто не знают, что это такое. А тогда без судков было не обойтись. Там в них клали порцию первого и порцию второго и компот. Хлеб, по-моему, не давали. Эти обеды не были бесплатными, за них платили. А вначале требовались и карточки. По праздникам полагалась баночка шпрот или других консервов. Несколько раз в неделю Александра Михайловна просила эти кремлевские обеды отнести сыну. Тогда Эми готовила что-то сама.

Вообще, чиновники жили в те времена довольно скромно. Кто жил хорошо — это торговцы, учитывая, что они могли продавать свою продукцию «налево». Военных тоже хорошо снабжали.

К. М. Владимир Михайлович, расскажите немного о себе, о вашей жизни, вашей работе.

В. К. Моя жизнь сложилась во многом под влиянием того, что заложили в нее родители и бабушка. И все это я понял только под конец жизни. Как я уже говорил, к шестнадцати годам я знал четыре иностранных языка. Это мне в будущем очень помогло. В молодости я хотел получить техническое образование, стать инженером, к чему меня готовил мой отец — инженер. Я мечтал строить самолеты. В 1944 г. по окончании десятого класса в Швеции приехал в Москву сдавать экзамены в Академию Жуковского, все экзамены сдал на отлично, но не прошел медкомиссию, и меня не приняли. Встал вопрос о том, что делать дальше,

куда поступать. Посоветоваться было не с кем, родители и бабушка оставались еще в Швеции. Я пошел в МИД в отдел кадров за свидетельством, что я окончил советскую школу в Швеции. Видя мою растерянность после неудачи с Академией Жуковского, мне предложили попробовать поступить в МГУ на новый факультет международных отношений. Туда с моим дипломом нужно было сдать только экзамен по иностранному языку. А у меня было такое тяжелое настроение, что я ответил: «Хорошо, мне теперь плавать, куда идти». Они удивились: «Ничего себе, у нас конкурс — пятнадцать человек на место, а он — “плавать”!»

В итоге я все же поступил в МГУ. Я учился на историческом отделении факультета международных отношений. Когда я завершал учебу, факультет был уже преобразован в институт (МГИМО), который я окончил с красным дипломом — и меня рекомендовали в аспирантуру.

Была возможность писать диссертацию по истории или по экономике. Выбор мне помогла сделать бабушка. Я пришел к ней тогда и спросил: «Мне предлагают два варианта направления в аспирантуре — экономика или история. Куда пойти?» Она не ответила прямо, но сказала: «Володя, ты знаешь, я всегда исходила из того, что нужно знать юриспруденцию, поскольку если ты хочешь что-то менять в обществе, то надо знать его законы. Но если говорить об истории и экономике, то в моей дипломатической работе большую роль сыграл не столько мой политический опыт революционера, сколько знания в области экономики,

которые я приобрела в Цюрихском университете». В результате я выбрал экономику. Защитил кандидатскую диссертацию и стал научным сотрудником Института экономики АН СССР.

Когда на базе этого института был создан новый институт — Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО), я стал одним из первых его сотрудников. Там я проработал практически всю жизнь, до 2019 г. — за исключением 1970–1978 гг., когда я находился в Организации Объединенных Наций в Женеве, и 1978–1982 гг., когда был заведующим лабораторией Института системных исследований АН СССР. В 1966 г. защитил докторскую диссертацию с присвоением вскоре звания профессора. На тот период был самым молодым доктором наук в ИМЭМО. Я также состоял членом ученого совета Института Африки АН СССР и Института Латинской Америки АН СССР, занимал пост председателя экономической комиссии советского комитета афро-азиатской солидарности. Писал книги, научные статьи, читал лекции. Моими основными темами исследований были проблемы развития развивающихся стран, проблемы глобализации.

К. М. Бывало ли такое, что фамилия Коллонтай помогала вам или мешала?

В. К. Было по-всякому. Например, моему тестю, который работал в отделе кадров МИД, однажды сделал замечание: «Как вы допускаете, что ваша дочь позволяет ухаживать за ней внуку человека, который

в истории партии числится в оппозиции?» И наоборот, от многих людей, когда они узнавали, что я внук Александры Михайловны, я слышал столько похвал и благодарностей в ее адрес.

К. М. Как вам кажется, в достаточной ли мере сохраняется память об Александре Коллонтай, прежде всего как об организаторе женского движения?

Р. К. Хочу сказать, что Александра Коллонтай не только известна как организатор женского движения в России, но до сих пор ее чтят в мире как теоретика женского вопроса. Это фигура международного масштаба. Ее труды популярны за рубежом до сих пор. Не так давно у нас были женщины из Европы и Латинской Америки, которые делают фильм и книгу об Александре Михайловне, о ее влиянии на современное женское движение в Латинской Америке. Ее труды переведены на многие языки мира. В 1910 г. Александра Коллонтай была делегатом на Копенгагенском конгрессе II Интернационала и II международной женской конференции (мандат ей был выдан Петербургским союзом текстильщиков). Там по ее инициативе от России, а также по инициативе Клары Цеткин от Германии было принято решение праздновать 8 марта как День международной женской солидарности, как способ одновременно во всех странах привлечь внимание к проблемам женщин.

Для Александры Михайловны всегда этот день — восьмое марта — был очень значителен. Борьбу за права

женщин, за их благополучие в обществе она считала важнейшим делом всей своей жизни. Когда этот праздник раньше отмечали в России, он всегда был связан с ее именем. В этот день она получала поздравления со всех концов страны и из многих стран мира. Приходили правительственные телеграммы, письма, открытки от друзей, различных организаций. Дом был полон гостей и цветов, обычно в этот день показывали фильмы о достижениях советских женщин, хроники о них, а позже появились фильмы о самой Александре Михайловне. Выходили в журналах и ее собственные статьи, и статьи о ее деятельности, связанные восьмым марта.

А что произошло потом? Во-первых, память о том, что Александра Михайловна стояла у истоков этого праздника, была утрачена. Никто не вспоминает о ее заслугах в международном социалистическом движении, в том числе женском движении — как будто бы этого просто не было, как будто Россия вообще в этом движении не участвовала. Почему-то часто в этой связи называют Розу Люксембург. Это такая неграмотность и несправедливость! Жаль, что мы отдаем заслуги наших людей в мировом лидерстве чужим.

И второй момент: восьмое марта как день солидарности у нас не сохранился. Этот праздник был выхолощен — весна, подарочки, цветы... Из него ушла цель борьбы женщин за свои права. Но ведь раньше мы отмечали «международную солидарность», как и во всем мире. А теперь, исключив этот формат, мы уже не являемся лидерами этого движения.

Тем не менее в других странах оно продолжается. Тысячам зарубежных женщин еще бы пригодился опыт нашей страны. Ведь именно Коллонтай проводила первые декреты о том, чтобы появились государственные родильные дома, бесплатные акушерки, чтобы появились детские сады, декретные отпуска, высшее образование для всех женщин.

К.М. Вы знаете, сейчас есть феминистские движения, которые настаивают именно на изначальной трактовке этого праздника!

Р.К. Это очень радует!

К.М. Спасибо большое за интервью!

И. С. Кремер

«МЫ СТРОИМ МОСКОВСКУЮ ЛИНИЮ МАЖИНО». К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИДНОГО ИСТОРИКА

К 100-летию со дня рождения И. С. Кремера, видного специалиста по истории международных отношений, ИЭ публикует фрагмент его воспоминаний.

Ключевые слова: И. С. Кремер, канун и начало Великой Отечественной войны, движение ветеранов войны, мемуары по истории Великой Отечественной войны.

I. S. Kremer

"WE ARE BUILDING THE MOSCOW MAGINOT LINE". TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A PROMINENT HISTORIAN

To the 100th anniversary of the birth of Ilya S. Kremer, a prominent specialist in the history of international relations, the Historical Expertise publishes a fragment of his memoirs.

Key words: Ilya S. Kremer, eve and beginning of the Great Patriotic War, movement of war veterans, memoirs as the source on the history of the Great Patriotic War.

В конце января 2022 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Ильи Семеновича Кремера (28.01. 1922 — 23.03.2020), доктора исторических наук, профессора, видного германиста и специалиста по истории международных отношений.

И.С. Кремер в 1939 г. поступил на исторический факультет Ленинградского университета, а в 1940 г. перевелся на 2-й курс исторического факультета МГУ. С начала войны — участник строительства оборонительных рубежей. Затем работал



на авиазаводе токарем, контролером отдела технического контроля. С июля 1943 г., по окончании 3-го курса исторического факультета МГУ, служил в Красной армии. С лета 1944 г. — на первом Белорусском фронте (Хелм — Люблин — Варшава — Познань — Берлин) в должности командира зенитного орудия. С конца апреля 1945 г. — переводчик в составе оперативной группы штаба 5-го зенитно-артиллерийского корпуса в Берлине.

Илья Семенович участвовал в качестве переводчика в допросах начальника противовоздушной обороны Берлина полковника Ганса Веллермана, а также переводил техническую документацию и описание немецкой ракеты «Фау-2». Немецкий образец ракетной техники стал первым в истории искусственным объектом, совершившим суборбитальный космический полет. После войны именно исследование переведенных доку-

ментов и описания военного трофея группой советских инженеров под руководством С.П. Королева послужило началом освоения космоса в СССР.

После войны восстановился на историческом факультете, успешно окончив истфак в 1948 г. Работал в Госполитиздате, преподавал в техникуме, был сотрудником Института истории АН СССР, зав. сектором в Институте международного рабочего движения АН СССР, состоял профессором Института общественных наук при ЦК КПСС. Почти три десятилетия был профессором кафедры теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета, вплоть до последних недель жизни выступая научным руководителем дипломных и диссертационных работ.

И.С. Кремер — автор ряда книг и более 150 научных работ, опубликованных на русском, английском, немецком и датском языках (в том числе один из авторов 13-томной «Всемирной истории» и английского издания «Всемирная история в 100 выпусках»). Автор учебников для высших учебных заведений: «История новейшего времени стран Европы и Америки» (в соавторстве с Л.С. Белоусовым, И.В. Григорьевой), «Очерк истории внешней политики СССР (1917–1963 гг.)» (в соавторстве с А.О. Чубарьяном), «История международных отношений в XX — начале XXI века» (в соавторстве с А.А. Сагомояном, А.М. Хазановым).

Научную и преподавательскую деятельность профессор И.С. Кремер

всегда сочетал с большой общественной работой на международном уровне. Он был членом Советского комитета за европейскую безопасность, членом Президиума Советского (а затем Российского) комитета ветеранов войны. Начиная с 1970-х гг. представлял Советский (а позже Российский) комитет ветеранов войны в руководстве Международной федерации борцов Сопротивления — Союз антифашистов (ФИРСА), был секретарем, в 1990-е гг. генеральным секретарем и до конца жизни почетным членом президиума этой организации. Участвовал во многих конгрессах этой организации, в конференциях интеллигенции за европейскую безопасность, Всемирном конгрессе ученых за мир и т. п. От имени советского (российского) комитета ветеранов войны многократно выезжал за рубеж для поддержания контактов с ветеранскими организациями Европы, США и Израиля. Совсем недавно, в 2018 г. Илья Семенович Кремер был гостем I Международной научной конференции «Победа в Великой Отечественной войне как историческое событие в жизни еврейского народа». А в феврале 2019 г. по удаленной связи выступал на конференции, проходившей в РГГУ.

В мае 2021 г. в стенах МГЛУ состоялась встреча памяти ученого с участием представителей науки, высшей школы, дипломатии и общественных организаций России и других стран. В распространенном по случаю встречи пресс-релизе отмечалось: «И. С. Кремер, преимущественная часть творческой деятельности которого пришлась на советскую эпоху, оставил нам образец честного научного творчества в области истории

и политологии, что особенно важно в период наступления новой ангажированности. Оставаясь с нами в своих научных работах, мемуарах, интервью, профессор Кремер может не только по-прежнему быть кладом научной эрудиции, но и служить нравственным камертоном, образцом для подражания — как для зрелых людей, так и для учащейся молодежи. Илья Семенович Кремер — фронтовик, участник Великой Отечественной войны, расписавшийся в мае 1945 г. на Рейхстаге, — остался в нашей памяти как скромный и мудрый человек, до последних своих дней говоривший о важности борьбы за мир. В этом качестве он был живой альтернативой многим нездоровым тенденциям, набирающим в последние годы новую силу. Как член Советского, а затем Российского комитета ветеранов, отвечавший за сотрудничество с рядом западноевропейских стран, Илья Семенович много сделал для того, чтобы поверх барьеров осуществлялась связь советских и зарубежных ветеранов Второй мировой войны и антифашистского Сопротивления. В своей деятельности И. С. Кремер стремился к тому, чтобы участие России в ветеранских организациях не угасло вместе с поколением фронтовиков, чтобы их наследники и ученые-историки, исследователи Второй мировой войны и Сопротивления нацизму занимали активную, ответственную и независимую общественную позицию. Доброе имя профессора И. С. Кремера может стать основой для начинаний в области народной дипломатии».

Илья Семенович был награжден Орденом Великой Отечественной войны 2-й степени, «Знаком Почета»,

Орденом Дружбы народов; медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», награжден Почетной медалью Совета Мира, а также почетным дипломом памяти М. Ванденборга (героя Европейского Сопротивления) и отмечен множеством других наград.

Интервью с И. С. Кремером, подготовленное в рамках проекта ИЭ «Время историка», было опубликовано в № 1 за 2021 г.

Публикуемый материал представляет собой компьютерную распечатку с рукописной правкой автора. Хранится в архиве Комнаты боевой и трудовой славы исторического факультета МГУ. Фонд «Кремер».

Накануне войны в моей жизни произошли коренные перемены — я был впервые влюблен. В декабре 1940 г. комитет комсомола исторического факультета МГУ послал меня, студента 2-го курса, проверять работу комсорга одной из групп на первом курсе. Комсорг оказалась очень красивой девочкой, проверка ее работы закончилась быстро и благополучно. Дочь старых большевиков к своей работе относилась очень серьезно, и проверка завершилась двумя походами в Большой театр¹.

У меня, правда, возникла проблема — идти мне было не в чем, черная толстовка с пояском была моим единственным костюмом. На помощь пришел мой знакомый — курсант военной академии Борис Натухин. Он был большим франтом, имел целую стайку девушек, и я с завистью наблюдал, как легко он с ними общается. В его штатском гардеробе был красивый дорогой костюм, мы долго примеряли его на меня, одергивали, оглаживали и в конце концов пришли к выводу, что заметные недочеты в одежде вполне могли быть и виной портного. То ли я, то ли костюм произвели нужное впечатление на мою избранницу, но с этих дней мы фактически не расставались. Поздно ночью я уезжал из дома возле Моссовета в общежитие на Стромынку, в темноте отыскивал в огромной комнате свою кровать среди шестнадцати других.

Утром перед населением общежития вставала задача — попасть в переполненный трамвай, шедший к метро «Сокольники». Мощным тараном историков был Арчил Джапаридзе², сын одного из 26 бакинских комиссаров, крупный и сильный парень.

А дальше — Моховая, лекции, встречи с моей любимой в перерывах, совместная еда за один рубль в студенческой столовой и прогулки

¹ Речь идет о Ходош Инессе Александровне (15.02.1922, Минск — 29.04.1995, Москва), российском историке и библиографе. В 1946 г. она окончила Московский университет. В 1946–1953 гг. референт Ф. Ротштейна; также работала в секретариате гл. редакции «Истории Гражданской войны». С 1953 г. — в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (с 1964 г. — заместитель директора). Участвовала в организации ИНИОН АН СССР (в 1968–1987 гг. — заместитель директора по научной работе). Автор работ по истории международных отношений и проблемам информации в области общественных наук.

² Джапаридзе Арчил Дмитриевич — студент истфака 1937 г/п. Окончил войну офицером. После войны работал в вузах.

по Александровскому саду. Вечер мы проводили дома у Инессы, где в двухкомнатной (переделанной ее родителями в четырехкомнатную) неуютной квартире кроме нее жили отец, мать, 15-летний брат, овчарка с отвратительной манерой класть мне лапы на грудь при встрече.

Хотя в своем городке в Брянской области я считался способным парнем, печатал революционные стихи в местной газете «Труд» и школу кончил с «золотым аттестатом» (медалей тогда не было), очень важные уроки жизни я получил именно в эти месяцы до войны. Убеденный комсомолец, я одобрял все, что делалось в стране, помню лишь, что в дневнике, который я вел, в разгар террора появилась фраза — «кому же теперь можно верить?». Это относилось, кажется, к осужденным маршалам. Но поскольку всегда на месте оставался великий руководитель, который воплощал в себе все наше будущее, включая и близкую мировую революцию, я был спокоен. Инесса впервые открыла мне глаза на то, что происходило, по крайней мере — в столице. До 18 лет она жила в «Доме на набережной», где случались странные и страшные события,

где родители ее соучеников и просто соседи исчезали каждую ночь. Никто из них никогда не возвращался. Впечатлительная девочка, очень привязанная к отцу, не спала ночами, прислушиваясь, на каком этаже останавливается лифт с посланцами Лубянки. Некоторые квартиры меняли своих хозяев 2–3 раза. В эти же дни из других домов исчезали родные дяди Инессы (один из них на известной фотографии 1919 г. идет рядом с Лениным на параде войск Всевобуча), самый близкий друг ее отца, автор истории партии Вилли Кнорин³, родители друзей. Собственные родители (отец вступил в партию еще в марте 1917 г.) оправдывали все. На вопросы девочки — мог ли дядя Вилли стать врагом народа, отец отвечал: «Неужели ты не понимаешь, что члена ЦК не арестуют просто так? Раз такого человека арестовали, значит, он виноват».

Из-за близких дружеских и родственных связей с «врагами» родители Инессы начали терять свои служебные позиции (мать, Полина Розовская, директор финансового института Госплана, была исключена из партии и уволена с работы, отец перестал быть членом коллегии

³ Кнорин Вильгельм Георгиевич (1890–1938) — советский партийный и государственный деятель, историк-публицист. Член Коммунистической партии с 1910 г. Окончил учительскую семинарию. Сотрудничал в латышских социал-демократических газетах в Петербурге, Риге и Либаве. После Февральской революции 1917 г. участвовал в организации Минского совета рабочих и солдатских депутатов и создании большевистских организаций на Западном фронте. С мая 1917 г. — секретарь Минского совета, затем редактор большевистской газеты «Звезда». В октябрьские дни 1917 г. — член Минского временного революционного комитета. В 1918–1922 гг. находился на руководящей партийной и советской работе в Смоленске, Минске и Вильно. В 1922–1925 гг. работал в ЦК ВКП(б) заместителем заведующего учраспредотделом и заведующим информационным отделом, затем заведующим агитпропом МК ВКП(б). В 1926–1927 гг. — заведующий агитпропотделом ЦК ВКП(б). На VI конгрессе Коминтерна избирался кандидатом в члены ИККИ; в 1928–1935 гг. работал в Исполкоме Коминтерна. С 1932 г. — директор Историко-партийного отделения Института красной профессуры. В 1932–1934 гг. — член бюро редколлегии «Правды». С 1935 г. работал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Доктор исторических наук (1935). Автор ряда работ по истории партии. Расстрелян, реабилитирован посмертно.

Министерства финансов). Теперь проживание в «Доме правительства» («Дом на набережной») им было уже не по чину, и их переселили в новый дом на ул. Горького. Оказалось, что у них нет никакой собственности, в старом жилье все обставлялось за казенный счет, теперь в квартире постепенно появлялись стулья, кушетки и даже раскладушки.

Похоже, что я пришелся по сердцу отцу Инессы, до революции — полуграмотному столяру, а в 1917 г. — одному из организаторов советской власти в Минске (много лет спустя мы видели его портрет в музее белорусской столицы). Он был человеком прямым, доброжелательным и сразу понял, что наш роман с его дочерью — дело серьезное.

Помню, как вечером, в канун 1 мая 1941 г., когда мы с ним вышли в Елисеевский магазин за продуктами, он вдруг сказал мне: «Зачем тебе каждый вечер ехать так далеко? Ночуй у нас». Не сразу, но постепенно я стал пользоваться этой привилегией и спал в «общей» комнате, где семья обычно питалась. Мы ни разу не говорили о браке, но в подсознании уже складывалось желание никогда не расставаться.

Между тем вокруг нас в мире многое происходило. В апреле немцы вторглись в Югославию, разбили югославскую армию, вошли в Грецию, спустились к югу и с воздуха захватили Крит. В первые дни мая И. В. Сталин выступил в Кремле перед выпускниками военных академий. В газетах,

как всегда в то время, была помещена лишь небольшая формальная информация, но по столице ходили слухи, что речь была тревожной и в ней что-то якобы говорилось о возможной близкой войне.

Однажды воскресным утром к нам на ул. Горького заехал мой земляк из г. Клинцы и сосед по комнате в общежитии на Стромынке Эммануил Гафт⁴. Первое, что нас поразило — он был острижен наголо. «Поехали, ребята, в Парк культуры, возьмем лодку, покатаемся, я вам все расскажу». В то время на лодочной станции недалеко от Крымского моста можно было взять на пару часов лодку и кататься хоть по середине реки.

Когда мы отъехали подальше от берега, Эммануил сказал, что у него в Москве есть родственник, занимающий высокий пост в военной иерархии. Генерал по секрету сообщил ему, что после разгрома Югославии и Греции немцы перебрасывают войска к советской границе. А главное — генерал сам слушал Сталина 2 мая в Кремле. Офицерам было сказано, что у них нет времени на «раскачку» и освоение в своих частях, ибо не исключено, что война уже на носу.

Много лет спустя мне довелось беседовать с еще одним участником кремлевского собрания — генералом армии Николаем Григорьевичем Лященко, уже успевшим до большой войны поехать в Испанию и окончить военную академию. К слову сказать, Н. Г. Лященко был одним из немногих знакомых мне гене-

⁴ Гафт Эммануил Хаимович (1922, г. Гомель, Белоруссия — пропал без вести 04.1942) — студент истфака 1939 г/п. С началом войны — комсорг батальона на строительстве оборонительных рубежей.

ралов, кто не простил Сталину ни истребления офицерского корпуса в 1937–1941 г., ни просчетов в начале и в ходе войны. Рассказывая, что несколько тысяч выпускников больше часа ждали опаздывавшего вождя, он неожиданно заметил: «Наконец, в глубине сцены открылась какая-то дверь и появилась эта рябая сволочь».

Хотя первая часть речи Сталина была посвящена успехам перевооружения Красной армии, появлению в частях новой техники, которую выпускники академий должны освоить, во второй ее части действительно содержались не только привычные призывы к «бдительности», но говорилось и о дефиците времени.

А что же было дальше? Маршал Тимошенко, близко знавший генерала Лященко, рассказал ему, что Г. К. Жуков, сменивший на посту начальника Генштаба арестованного К. А. Мерецкова, был, похоже, тоже очень встревожен, ибо имел детальную информацию о положении на границах Прибалтики, Белоруссии и Украины. В середине мая 1941 г. он направил руководству страны докладную записку с предложением расстроить с помощью сильного превентивного удара Красной армии уже явно спланированный удар по Советскому Союзу. Начальник Генштаба не мог не знать, что перевооружение Красной армии находится в начальной стадии, что заложены, но еще не вступили в строй новые авиазаводы, что старая оборонительная линия — у Минска — разрушена, а новая — в районе Буга — еще не построена. Но, по-видимому, калькулируя «за» и «против» того

или иного развития событий, Жуков считал, что риск немецкого наступления превосходит риск упреждающих сражений на территории Польши, которые он предлагал.

В своей докладной записке Жуков приложил подробные схемы действий Красной армии. Ответа от руководства страны не было. Тогда, по словам Н. Г. Лященко, Жуков стал настойчиво просить Тимошенко (как и другие выходцы из 1-й Конной армии, нарком обороны пользовался определенным доверием у вождя еще с царицынских времен) договориться со Сталиным о подробном докладе по поводу ситуации на границе.

В конце мая или в первых числах июня Тимошенко и Жуков были приглашены на заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Они приехали немного раньше назначенного времени, укрепили на стене карты и схемы.

Наконец, за столом появились вожди — Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян и другие. Вошел Сталин, спросил, кто будет докладывать — Тимошенко назвал начальника Генштаба. Жуков с указкой в руках начал подробно объяснять критическое положение, сложившееся на западной границе, и заявил, что Красная армия не должна пассивно ждать мощного удара трех группировок противника. Сталин во время доклада Жукова не сел за стол, а ходил по комнате. Неожиданно он остановился перед Жуковым и буквально тыча трубкой ему в лицо, стал в большом раздражении говорить: «Вам что, мало чинов и орденов, которые мы вам дали? Захотелось поиграть в войну?» И — повернувшись

в сторону Тимошенко: «Посмотрите на этого человека. Какой большой человек и какая маленькая голова. Если бы я не знал Тимошенко еще со времен гражданской войны, я бы решил, что перед нами сидит провокатор. Я предупреждаю вас обоих — если вы будете провоцировать немцев, передвигать свои дивизии туда-сюда, головы ваши полетят». После этого Сталин покинул комнату. До начала войны оставалось около 20 дней.

Катаясь в середине мая на лодке по Москве-реке, мы с Инессой ничего этого знать не могли. Тревожно звучали только слова моего друга. «Сегодня я постригся наголо. Если начнется война, я в ту же минуту побегу в военкомат. Я не буду прятаться и знаю, что с этой войны я не вернусь». Он не вернулся. Но через неделю после начала войны мы оба оказались под Рославлем, на р. Двина, где энергия многих тысяч студентов была использована для строительства глубокой «противотанковой» траншеи. Когда мы вернулись в середине августа в Москву, Гафт (как и другой мой друг — Лазарь Керженевич⁵) ушел в армию.

В 1943 г. я зашел на исторический факультет (в здание на Моховой попала бомба, и историки учились в бывшей школе на Большой Бронной). Я ожидал звонка на перерыв в пустом коридоре, по которому бодро вышагивал один человек — охранник Светланы Сталиной, слушавшей в это время лекцию в аудитории. Что-

бы убить время, я подошел к стенной газете «Историк-марксист». В правой полосе было напечатано письмо с фронта. Командир части, в которой воевал мой дорогой друг и земляк, сообщал руководству университета, что бывший студент-историк Эммануил Гафт храбро сражался, но во время последнего боя, когда часть отражала атаку танков, он, связав несколько гранат, бросился под фашистский танк и погиб смертью героя.

Я сравнительно поздно попал на фронт из-за сильной близорукости. Один глаз требовал линзу с -5 диоптриями, другой — с $-3,5$. Похоже, что провинциальный мальчик, запоем читавший при керосиновой 8-линейной лампе, успел к 18 годам здорово испортить зрение. Да к тому же мои глаза каким-то образом, не будучи косыми, смотрели не под нужным углом, что называлось красивым, но непонятым словом «астигматизм». Первый раз я был забракован осенью 1941 г. в Москве, когда набирали отряды лыжников для защиты города.

Это было вскоре после нашего возвращения с реки Десна. Как уже было сказано, там, недалеко от Рославля, мы, студенты МГУ и других московских институтов, многие тысячи молодых людей строили линию обороны — глубокий ров на несколько сот километров, 3 метра глубиной и 3,5 — шириной по верхнему обрезу. Из историков, помимо упомянутых в этой статье, помню В. Карасева, В.

⁵ Керженевич Лазарь Иосифович (р. в 1922 г.), студент истфака 1940 г/п. Участник строительства оборонительных рубежей. Воевал на Западном и Калининском фронтах. После ранения остался в Казани. Заслуженный учитель Татарстана.

Александрова, Г. Раевского, Г. Цявловского, Б. Каневского, Р. Лаврова⁶ и других. Жесткие нормы, установленные прорабами — нужно было «выбросить» на бровку не меньше 6 кубометров земли в смену, нередко с большой глубины, приводили в отчаяние городских мальчишек, первый раз в жизни державших лопату в руках. Недалеко от историков трудились математики и среди них сын многолетнего наркома иностранных дел — Миша Литвинов. Между тем по «трассе» прошел слух, что за невыполнение нормы будут наказывать «по законам военного времени». Это вызвало новый подъем трудового энтузиазма у будущих интеллигентов. 23 июля десятки тысяч студентов вообще трудились «со слезами на глазах» — по траншеям разнесся слух, что Москву накануне бомбили. Почти у всех кто-то оставался в столице — отец, мать, любимая девушка. Настроение было тяжелым. Слух оказался правдой. Помню, как перед нами, студентами младших курсов, выступил Михаил Гефтер, занимав-

ший какой-то пост в штабе великой студенческой стройки. Именно он был одним из тех ораторов в Коммунистической аудитории на Манежной площади поздно вечером 22 июня, кто говорил, что финская война не дала нам раскрыть свою силу, а вот начавшаяся война с немецкими фашистами позволит нашему народу развернуться во весь рост. Теперь, месяц спустя, он сохранял всю свою бодрость и силу убеждения очень способного, харизматического человека, и нам всем стало как-то легче после его речи. Бомбежки Москвы не были слухом, но слухов было полно. Уже в начале июля мы «узнали», что наш «первый красный офицер», один из двух уцелевших в 1938 г. маршалов — К. Е. Ворошилов, выступил по радио из занятого нашими войсками Хельсинки, что наша армия идет вперед.

Между тем дела на фронте шли все хуже. По ночам, лежа в шалаше, я и мои друзья-историки — Лазарь (Зоря) Керженевич и Анатолий Миркинд⁷ прислушивались к гулу

⁶ Имеются в виду студенты истфака МГУ разных курсов:

Лавров Ростислав Александрович (26.07.1920, Устюг Вологодской обл. — 26.06.1989, Москва) — студент истфака 1937 г/п. Летом 1941 г. работал на строительстве оборонительных рубежей в районе Брянска. Учился в Львовском пехотном училище, с 1943 г. — в действующей армии. Был командиром пулеметного взвода, с 1944 г. — помощник начальника штаба с.д. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени. Войну закончил в звании подполковника.

Александров Вадим Александрович (29.11.1921, г. Москва — 13.02.1994, г. Москва) — студент истфака 1939 г/п. После войны — исследователь русской истории XVII — начала XX в., д.и.н., профессор. Лауреат Государственной премии РФ.

Каневский Борис Петрович — студент истфака 1939 г/п. В январе — сентябре 1942 г. был на курсах комвзводов, затем — РКК. В январе 1943 г. — мае 1945 г. воевал на Южном, 4-м Украинском, 2-м Прибалтийском фронтах: январь 1943 г. — февраль 1944 г. — комвзвода по сбору трофейного оружия, март 1944 г. — июнь 1945 г. — заместитель начальника трофейного отдела. Воевал на Украине, в Крыму, в Прибалтике. Войну закончил в звании ст. лейтенанта.

Цявловский Георгий Александрович (1922, Москва — 02.12.1942, похоронен в г. Волгограде). Племянник известного пушкиниста Мстислава Александровича Цявловского (1883–1947). Студент 1939 г/п. Участвовал в строительстве оборонительных рубежей. Погиб под Сталинградом.

⁷ Миркинд Анатолий Морицевич (1922–1983) — студент истфака 1939 г/п. Участник строительства оборонительных рубежей. С 1-го курса исторического факультета ушел в РККА. Войну окончил в звании лейтенанта. Работал в СВАГ. После войны — преподаватель, позже профессор Кишиневского университета. Большую подборку памяти А. М. Миркинда см. в ИЭ, 2019. № 1.

самолетов, летевших на Москву, и к бомбовым ударам по крупному аэродрому под Брянском. Работать днем стало опасно, и нам приказали днем спать, а ночью — от темноты до рассвета, копать свою линию Мажино. Тут надо сказать, что пицца наша тоже не соответствовала тяжелому физическому труду. Меню состояло из одного блюда — тарелки пшенной каши, которую мы получали днем. О каких-либо витаминах и думать было нечего. Это сыграло тяжелую роль в судьбе Александра Каждана⁸, будущего византиниста с мировой известностью. Он почти ослеп и, подобно Зиге, не выходил из соседней избы.

Где-то недели через три село стала покидать советская власть — все работники сельсовета, руководители колхоза, их родственники. В телегу запрягались еще сохранившиеся лошади, а к перекладинам привязывали коров, в саму телегу ставили какие-то железные ящики из сельсовета, а по бокам рассовывали детей. Вся деревня вышла на площадь провожать своих добрых и недобрых начальников. Слышали ли вы когда-нибудь, как плачет деревня? Это был тяжелый, надрывный стон, в который вплетались и мотивы страха пе-

ред близкой оккупацией и «на кого вы нас покидаете»?

Как выяснилось, их покидали на меня. Село недолго оставалось без власти. Где-то за несколько километров от Снопоти, там, где помещался «штаб трассы», в тот же вечер решилась моя судьба. Я был назначен «комендантом села Снопоть» и должен был теперь сидеть у телефона в сельсовете, принимать распоряжения еще не отовсюду сбежавшей власти. В случае необходимости я должен был собрать по избам все вещи студентов и обеспечить быструю эвакуацию оставшихся при мне инвалидов — Зиги Шмидта⁹, Саши Каждана, Саши Ревзина¹⁰, Виктора Хайцмана¹¹ и других.

В память запали 2–3 эпизода этих мрачных августовских дней. В сельсовет зашел милиционер, отступавший самостоятельно, но не терявший выправки и достоинства. Он был увешан оружием. На плечах висели две винтовки, в двух кобурах — пистолеты. За пояс засунуты три или четыре танковые гранаты. Его широкая русская душа не могла терпеть, чтобы советская власть в Снопоти оставалась без защиты, и он торжественно подарил мне одну гранату

⁸ Каждан Александр Петрович (Александр Пейсахович, англ. Alexander Kazhdan; 1922, Москва — 1997, Думбартон-Окс, США) — студент истфака 1939 г/п. Участник строительства оборонительных рубежей. После войны — историк-византинист, один из крупнейших специалистов по Византии, д.и.н., профессор. С 1978 г. жил за границей, работал в Центре изучения Византии в Думбартон-Окс и вел курс лекций в Принстонском университете.

⁹ Шмидт Сигурд Оттович (15.04.1922 — 22.05.2013, Москва) — студент истфака 1939 г/п. После войны — историк-источниковед, д.и.н., профессор, председатель Археографической комиссии АН СССР — РАН, академик РАО.

¹⁰ Ревзин Александр Беркович (Борисович) (1923 г., г. Гомель, Белорусская ССР — пропал без вести 22.06.1942) — студент истфака 1939 г/п. Лейтенант, ком. взвода 278 сд. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883, № 1933.

¹¹ Хайцман Виктор Моисеевич — студент истфака 1937 г/п. После войны — д.и.н., работал в ИИ (затем ИРИ) АН СССР — РАН.

с длинной деревянной ручкой. И чудо — я почувствовал себя как-то увереннее.

Странно вел себя телефон. К нему подключались какие-то русские голоса и сообщали, что с. Снопоть уже обойдено немцами, и что нам очень повезет, если мы успеем оттуда сбежать. Но уйти без приказа мы не могли — многолетнее воспитание не позволяло об этом и думать. Лично я всегда был убежденным патриотом, очень сочувственно и даже с жалостью относился ко всем, кто не живет в СССР, и плакал в дни поражения испанских республиканцев. В школе я был членом комитета комсомола и председателем совета старост — старостата. Еще совсем маленьким я был облечен особым доверием школьного руководства — мне поручили в каком-то революционном скетче под названием «Смерть вождя» сыграть роль великого Ленина — в очередную годовщину Октябрьской революции я лежал в гробу (предполагалось, что в Колонном зале), закрыв глаза и в лысом парике, а вокруг меня в слезах ходили потрясенные трудящиеся, в том числе обе мои младшие сестры. Хотя мои родители, находившиеся среди зрителей, считали, что я играл хорошо, это был единственный и последний успех, как говорили великие режиссеры, «на театре».

Одним из ярких впечатлений августовских дней 1941 г. был провод через село группы из 30–40 немецких пленников, сброшенных на парашютах и захваченных нашими солдатами. В касках, аккуратно одетые, загорелые и сытые, они спокойно шли под охраной 3 или 4 конных конвоиров.

Ни мы, ни сельские жители не проносили ни одного слова, никак не реагировали на это событие. Война только начиналась и еще не произвела того ожесточения в душах, которое пришло позже. Мимо нас шли даже не враги, а противники, потерпевшие этой ночью неудачу. Интересно сравнить эти чувства с тем, что я испытывал 3 или 4 мая 1945 г. в Берлине, когда оставленный один ночевать в центре города в бывшей немецкой казарме (в зенитном бункере), я дрожал от ночного холода, но не мог заставить себя укрыться немецким солдатским одеялом, которые там лежали десятками. В это время «немецкое» означало — фашистское, грязное, оскверненное, вызывавшее брезгливость.

Но вернемся в Снопоть. Мои товарищи перестали приходить «с трассы» на ночевку в село, ибо, как уже сказано, ночью работали, а днем кое-как отдыхали на еловых ветках в лесу. Между тем канонада все приближалась. Мы не знали, что противник уже так близко подошел к нашей гигантской «канаве», не знали, что бои уже идут в Смоленске. Позднее, как мне рассказали, наш «Западный вал» не задержал немецкое наступление на Москву. Мы еще тогда, в августе, удивлялись, что никто не появляется, чтобы построить укрепления вдоль рва — доты или другие сооружения. Никаких инженерных частей мы не видели, и подозрение о бессмысленности нашей работы появлялось в наших головах. Правда, большинство из нас жило с убеждением, что нацистские танковые авангарды не дотянутся до нас, что они будут где-то остановлены. Но канонада становилась все громче. Я начал всерьез

опасаться, что меня с несколькими моими инвалидами просто забудут.

Но однажды вечером произошли неожиданные события. К сельсовету подкатила полуторка, и шофер сообщил, что я должен с помощью больных собрать по домам все студенческие вещи, погрузить в эту машину, и нам предписано всем вместе срочно покинуть Снопоть и выехать в восточном направлении. Едва только я успел направить свою инвалидную команду по хатам, как увидел на улице бегущую к сельсовету женщину. Задыхаясь от бега, она нервно, срываясь на крик и истерику, сообщила, что ее семью односельчане из соседней деревни не выпускают, удерживают силой, не позволяя эвакуироваться. «Немцы сейчас войдут в деревню, может быть уже вошли, пока я бежала, а нас не пускают». Я подозвал своего однокурсника — Сашу Ревзина. «Саша, сходи с этой женщиной, всего два километра, помоги семье уехать, я задержу грузовик». Появился Зига Шмидт, увешанный ботинками и брюками наших товарищей, другие больные, забросили все в машину и сели возле сельсовета, ждем Сашу. Шофер нервничает: «Попаду я с вами в беду. Темнеет уже. Говорят, много десантов немцы бросают». Я что-то рассказываю, отвлекая ребят, себя самого и водителя от страха, и вместе с тем тяну время. Нервничаяу страшно. Как же уехать без Саши?

Решаю, что если машина с ребятами уйдет, я должен остаться и ждать. Наконец, терпение шофера иссякло, он сел в кабину, мотор затарахтел. «Вы как хотите, я поехал!»

В этот критический момент в конце улицы появился клубок пыли, а через минуту нарисовался Саша. Мы вскарабкались в кузов и поехали. Саша рассказал, что сделать ничего не смог. Речь шла о семье, которая годами «стучала» на односельчан, не одна семья потеряла своего главу из-за «бдительности» активного соседа. А теперь крестьяне говорят: «Никуда мы этих гадов не пустим. Сдадим их немцам. Может, хоть они найдут управу на сволочей». Я был счастлив, что Саша вернулся, и нам не придется пешком пробираться вдвоем — куда, мы и сами не знали.

Через 2 дня во главе сорока человек меня отправили в Москву. По дороге к какому-то полустанку, куда мы шли целый день, несколько снарядов просвистело над нашей головой. В телеге ехали те, кто уже не мог идти. Наконец, вечером подошел короткий поезд, мы сели и утром на рассвете вышли на площадь Киевского вокзала. Было 12 августа 1941 г. Тарелки громкоговорителей передавали последние известия. Мы уловили фразу: наши войска оставили город Смоленск.

И. И. Баринов

АЛЕКСАНДР БАРЧЕНКО: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье приводятся неизвестные документы о жизни Александра Барченко, раннесоветского ученого-экспериментатора и оккультиста. Его деятельность традиционно связывают с изучением паранормальных явлений советскими спецслужбами и попытками советского проникновения в Тибет. Во время Большого террора Барченко был репрессирован, его архив исчез, а личностная биография со временем обросла легендами и домыслами. Настоящая публикация предполагает закрыть некоторые пробелы из ранней жизни Барченко, которые до этого момента оказывались вне исследовательского фокуса биографов, порождая новые мифы.

Ключевые слова: А. В. Барченко, оккультизм, паранаука, гипноз, Петербург, Первая мировая война, ГПУ, СССР 1920-х гг., биографическая реконструкция.

Сведения об авторе: Баринов Игорь Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Контактная информация: barinovnoble@gmail.com.

I. I. Barinov

ALEXANDER BARCHENKO: NEW DOCUMENTS OF HIS LIFE AND WORK

The article contains unknown documents about the life of Alexander Barchenko, an early Soviet experimental scientist and occultist. His activities are traditionally associated with the study of the paranormal by the Soviet special services and Soviet attempts to penetrate Tibet. During the Great Terror, Barchenko was repressed, his archive disappeared, and his personal biography

over time was overgrown with legends and speculation. This publication assumes to close some gaps from the early life of Barchenko, which until that moment were outside the research focus of biographers.

Key words: A.V. Barchenko, occultism, parascience, hypnosis, Petersburg, World War I, GPU, USSR of 1920s, biographical reconstruction.

About the author: Barinov Igor I., Candidate of historical sciences, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

Contact information: barinovnoble@gmail.com.

Имя Александра Васильевича Барченко (1881–1938) хорошо знакомо тем, кто интересуется развитием паранаук и деятельностью эзотерических сообществ в Советском Союзе. Хотя еще до революции Барченко успел получить определенную известность как автор приключенческой и научно-фантастической литературы, значительная часть его жизни была так или иначе связана с оккультизмом. С легкой руки биографа Барченко, петербургского историка и востоковеда Александра Андреева, за ним закрепилось прозвище «оккультист страны Советов» (Андреев 2004).

Личность Барченко, масштаб которой, несмотря на ряд публикаций о нем, еще до конца не оценен, присутствует и в более широком культурном контексте. Так, он стал прототипом одного из главных героев в романе Дмитрия Быкова «Остров, или Ученик чародея». В огромном количестве околонучной и популярной литературы, появившейся за последние тридцать лет, Барченко выступает в качестве главного действующего лица неких структур внутри советских спецслужб, которые, как считается, изучали аномальные явления и сверхспособности человека. С деятельностью Барченко связывали советские экспедиции в Тибет и интерес к обнаружению

легендарной Шамбалы. Его имя стоит в одном ряду не только с Яковом Блюмкиным, но в то же время (в силу его интереса к Шамбале и Тибету) и с человеком совершенно иного плана — Николаем Рерихом.

Обросшие массой легенд и домыслов, сюжеты, связанные с деятельностью Барченко, тем не менее возникли не на пустом месте. 1920-е гг. стали неповторимым временем для множества экспериментальных направлений, причем грань между наукой и паранаукой в ту пору была очень тонкой. При официальном главенстве материалистической идеологии аппарат тотального контроля над научной сферой еще не сформировался, а нестандартность исследования всегда можно было оправдать его «революционностью». В указанный период в советской России действовало Русское евгеническое общество (Николай Кольцов), проводились опыты по омоложению через переливание крови (Александр Богданов), разбирались психические основы гениальности (Григорий Сегалин). Дух времени нашел отражение в ряде произведений Михаила Булгакова и Александра Беляева.

Барченко в этом контексте становится одной из центральных фигур. По сути, он стремился стать ученым «нового типа», совместив «традици-

онную» науку с нетрадиционными практиками. Барченко действительно сочетал в себе черты серьезного исследователя, увлеченного искателя и мистического гуру. Он сплотил вокруг себя кружок последователей, живших коммуной на Малой Посадской улице в Петрограде, в котором осуществлялись опыты по передаче мыслей и спиритические сеансы. Одновременно Барченко пытался синтезировать тайное знание, зашифрованное в различных символах и религиозных учениях. Это, однако, нисколько не мешало его работе в академических учреждениях.

Несмотря на наличие достаточно полной работы Андреева, некоторые этапы жизненного пути Барченко до сих пор не изучены, что создает питательную почву для мифотворчества. То и дело всплывают новые документы, связанные с его личностью (*Кудрявцев* 2006: 279–282). Как недавно выяснили краеведы в его родном Ельце, будущий оккультист не был родным ребенком своего отца, нотариуса Василия Ксенофоновича Барченко, а был усыновлен им уже в подростковом возрасте. После окончания гимназического курса в 1901 г. Александр Васильевич, как следует из источников, один год проучился в петербургской Военно-медицинской академии, откуда в 1902 г. перешел в Казанский университет. С октября 1904 по декабрь 1905 г. Барченко находился в Юрьевском университете, причем сперва он учился на юридическом факультете, а на медицинском по документам числился лишь в осеннем семестре 1905 г. (ЕАА 3: Л. 49).

Хотя Андреев подробно останавливается на духовных исканиях

Барченко в «юрьевский» период, мы почти ничего не знаем о его повседневной жизни. Некоторый свет на это проливают материалы Эстонского исторического архива в Тарту. Из них, в частности, мы узнаем, что учебу в академии Барченко бросил, а из Казанского университета был отчислен в январе 1904 г. как «не записавшийся на лекции осеннего полугодия 1903 г.», хотя до этого завершил первый курс успешной сдачей экзаменов (ЕАА 2: Л. 2). Андреев указывает, что Барченко обучался в Казани два года, после его сразу перевелся в Юрьев (*Андреев* 2004: 38). В реальности мы не знаем, где Барченко находился почти весь 1904 г. Постоянная смена адресов в Юрьеве и отчисление из университета в конце 1905 г. могут указывать на денежные проблемы студента, у которого к тому моменту уже были жена и сын (родился в Юрьеве 23 августа 1904 г.) (ЕАА 4: Л. 39 об.). С необходимостью содержать семью связана кратковременная служба Барченко в местном отделении Лифляндского акцизного управления Министерства финансов, где он продержался до апреля 1906 г. (ЕАА 1: Л. 10) (Андреев ошибочно относит его к отъезду из Юрьева в Петербург) (*Андреев* 2004: 42).

Еще раз на территории нынешней Эстонии, в Нарве (тогда она входила в состав Петербургской губернии) Барченко появился в 1910 г. Там с апреля того же года он издавал газету «Нарвская жизнь». По своей стоимости и бульварному характеру она, по сути, копировала петербургскую «Газету-копейку». Адрес редакции постоянно менялся, а издатель указывал, что в случае необходимости

готов принимать посетителей даже ночью. Судя по содержанию, четырехполосное издание по большей части (если не полностью) наполнялось под разными псевдонимами его владельцем. Наряду с откровенно «желтыми» материалами Барченко печатал в «Нарвской жизни» различные популярные очерки под общей рубрикой «таинственное в природе и жизни». При оформлении годичной подписки издатель гарантировал бесплатное получение брошюр на эту тему. Тем не менее трехкратный рост цены и увеличение количества рекламы показывает, что газета себя не окупала. Ее издание прекратилось в середине августа 1910 г. на 33-м номере. Впоследствии в местной прессе упоминалось, что в связи со своей журналистской деятельностью Барченко должен был выступать ответчиком по делу о клевете (Ревельские известия 1911).

Куда более туманной до последнего момента представляла служба Барченко в русской армии. Хотя еще в ноябре 1902 г. медицинская комиссия в родном Ельце отправила его в запас (ЕАА 1: Л. 3), впоследствии он все же прошел срочную службу на правах вольноопределяющегося в Пскове. После начала войны с Германией первыми призывали тех, кто уже имел опыт армейской службы. Из-за этого Барченко опасался, что пойдет в армию нижним чином (*Кудрявцев 2006: 281*).

Прояснить дальнейшие подробности нам позволяет личное дело Александра Васильевича Барченко, которое сохранилось в Военно-историческом архиве в Москве. Как следует из послужного списка, составленного

21 апреля 1915 г., Барченко упредил события. 26 августа 1914 г. он был принят на военную службу «охотником» (т. е. добровольцем) на правах вольноопределяющегося и зачислен в 1-й пехотный запасный батальон, стоявший в Петрограде, на Малой Охте. В графе об образовании упоминалось лишь окончание 2-й Петербургской гимназии. Этого, однако, оказалось достаточно для получения офицерского звания. Уже 1 октября Барченко был произведен в унтер-офицеры, 31 октября выдержал экзамен на чин при управлении 19-й пехотной запасной бригады и 15 ноября был произведен в прапорщики. 22 ноября он вернулся в батальон и занял должность младшего офицера 1-й роты. В качестве годичного содержания ему было положено 732 рубля жалования, 120 рублей добавочных и 308 рублей 50 копеек квартирных «по городу Петрограду». При этом в документе было указано, что Барченко был «женат первым браком» на Наталье Варфоломеевне Лобач, и у него не было детей (РГВИА: Л. 15–19), хотя это была его вторая жена, а сыну от первого брака к тому времени исполнилось 10 лет.

Как оказалось, поспешность военного ведомства, которое призывало всех, кто ранее был в армии, оказалась чрезмерной. В указанной биографии Андреев пишет, что Барченко уже в 1915 г. «после тяжелого ранения возвращается в Петербург», не давая ссылки на источник (*Андреев 2004: 71*). Согласно послужному списку, 12 января 1915 г. Барченко действительно был направлен с маршевой ротой в действующую армию, однако уже месяц спустя, 25 февраля, он оказался в психиатрическом

отделении Николаевского военного госпиталя в Петрограде. 18 марта Барченко был освидетельствован представительной комиссией врачей во главе с заведующим отделением, которая установила, что он страдает «душевной болезнью в форме слабоумия на фоне органического поражения головного мозга» и «совершенно неспособен к несению военной службы». Диагноз был утвержден начальником Петроградского окружного военно-санитарного управления (РГВИА: Л. 3–4). Это заключение соотносится с прошением жены Барченко в Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, написанным ею в июле 1915 г. В нем она упоминает, что ее супруг, вернувшись с фронта, «заболел тяжелой формой острого мозгового заболевания и был помещен в Николаевский военный госпиталь на испытание». После признания негодным «он был выписан из госпиталя не выздоровевшим» и «не получает никакого содержания» (Кудрявцев 2006: 281).

В сложившейся ситуации 20 апреля 1915 г. Барченко подал прошение на высочайшее имя, где просил освободить его от армейской службы. В представлении на увольнение, поступившем в Главный штаб на следующий день, было указано, что прапорщик Барченко «взысканий не имел, под следствием и дознанием не состоял» и со времени подачи прошения проживает «у себя на квартире Пушкинская улица № 26» (РГВИА: Л. 1 – 1 об.). 30 ноября 1915 г. было формально утверждено производство Барченко в прапорщики, а 26 декабря он был уволен из армии. Согласно выданному еще

в августе того же года отношению, проситель, «как страдающий душевной болезнью», имел право на пенсию по сокращенному сроку службы (РГВИА: Л. 12). Очевидно, именно эти выплаты финансово поддерживали Барченко в следующие годы и позволили ему вернуться к работе. Так, в октябре 1915 г. в популярном журнале «Мир приключений» появился его рассказ «Фольварк Червонный», написанный по фронтовым впечатлениям. В течение 1916 г. Барченко работал над повестью «Океан-кормилец» (увидела свет в Петрограде в 1917 г.).

После революционных событий Барченко постепенно отошел от писательской работы, полностью погружившись в свои исследования. Старый интерес бывшего беллетриста к передаче мыслей на расстоянии и соответствующие разработки привели его сначала в Институт мозга, а затем во Всесоюзный институт экспериментальной медицины. Параллельно с этим Барченко продолжал свои исследования в области парапсихики и эзотерики, которые, как он полагал, помогут понять загадки человеческого естества. До определенного момента ему удавалось совмещать эти направления. Интерес к гипнозу, телепатии и даже воскрешению умерших доходил до самых верхних эшелонов — ими, в частности, активно интересовались нарком Леонид Красин и высокопоставленный чекист Глеб Бокий, впоследствии ставший покровителем Барченко.

Тем не менее постепенная стандартизация всех научных областей под эгидой советского государства и их возмраставшая политизация

не оставляли Барченко шансов для дальнейшей деятельности. В мае 1937 г. он был арестован и обвинен в создании «конспиративно-заговорщической организации восточных мистиков-масонов», используемой англичанами для подрыва мощи советского государства. Менее чем через год Барченко был расстрелян в московской Лефортовской тюрьме, а его архив исчез. После этого личность Барченко на долгие годы пропала из поля зрения, а его реальная жизнь, как часто бывает в таких случаях, по прошествии десятилетий оказалась скрыта под слоем мифов.

В этом отношении представляется важным реконструировать биографию человека, многообразная деятельность которого не только вызывает неподдельный интерес, но и подвергается неоднозначным трактовкам, давая широкое пространство для возникновения догадок и предположений. Так, мы по-прежнему не знаем, что Барченко делал в перерывах между писательскими и журналистскими опытами и чем именно его разработки заинтересовали академика В. М. Бехтерева. Данная проблема требует дальнейшего исследования. Несмотря на ореол таинственности, окружавший жизнь и деятельность Барченко, сведения о них мы черпаем из сухих строк сохранившихся официальных документов. Их выявление помогает не только дополнить его биографию, но и рассмотреть его личность в непривычном для него самого повседневном свете.

Документы воспроизводятся с сохранением особенностей оригиналов.

² В оригинале в указанных фрагментах выделено красным.

№ 1

Его превосходительству
господину декану медицинского
факультета
Императорского Юрьевского уни-
верситета

Студента Александра Барченко

Прошение

Состоя студентом Императорского Казанского университета, по медицинскому факультету, в мае 1903 года был переведен, по выдержании полкурсовых испытаний, переведен на второй курс медицинского факультета. Выйдя из Казанского университета, я в осеннем полугодии минувшего 1904 года был зачислен в число студентов юридического факультета Императорского Юрьевского университета.

В настоящее время, желая вернуться на медицинский факультет, я почтительнейше ходатайствую перед Вашим превосходительством не отказать мне в *зачете испытаний*, выдержанных мною в Казанском университете и зачислении меня с осеннего полугодия сего года в *число студентов 3-го семестра*² медицинского факультета. При сем прилагаю свидетельство Казанского университета от 13-го января 1904 года за № 63.

Жительство имею в городе Юрьеве по Узкой улице в доме № 15.

Студент А. Барченко

г. Юрьев, 1905 года февраля 10-го дня.

[Штамп: Прочитано в заседании от]
24 февраля 1905 г.

[Штамп: Постановлено:] согласить-
ся, с осени 1905 г.

Декан: [подпись]

Эстонский исторический архив.
Ф. 402. Оп. 1. Д. 1497. Л. 1.

№2

Свидетельство № 63

От Императорского Казанского университета дано сие свидетельство Александру Васильевичу Барченко, потомственному почетному гражданину, вероисповедания православного, родившемуся 25 марта 1881 г., в том, что он, Барченко, по аттестату зрелости С.-Петербургской второй гимназии от 9 июня 1901 г. за № 521 20 августа 1902 г. поступил в число студентов медицинского университета Императорского Казанского университета и слушал лекции в этом факультете первого и второго семестров в течение 1902–1903 учебного года, при чем на полукурсовом испытании из первой части в мае месяце 1903 года оказал успехи: в богословии, неорганической химии, минералогии, зоологии с сравнительной анатомией и ботанике — отличные (5), физике — хорошие (4) и аналитической химии — удовлетворительные (3). С 1 сентября 1901 года по 28 мая 1902 года он Барченко, состоял студентом первого курса Императорской Военно-медицинской академии, откуда был уволен согласно прошению при поведении отличном. По постановлению правления университета от 23 октября 1903 года, он, Барченко, из числа студентов Импе-

раторского Казанского университета уволен, как не записавшийся на лекции осеннего полугодия 1903 года. За время пребывания в числе студентов университета г. Барченко был поведения весьма хорошего. Так как он, Барченко, полного курса в университете не окончил, то и не может пользоваться правами, Высочайше дарованными окончившим полный курс университетского образования. Казань, 1904 года, января 13 дня.

Ректор университета [Дубяго]

Секретарь по студенческим делам

[Гурьев]

Эстонский исторический архив.
Ф. 402. Оп. 1. Д. 1497. Л. 2.

№3

Всепресветлейший державнейший великий Государь император Николай Александрович Самодержец Всероссийский, Государь всемилостивейший

Просит прапорщик 1-го пехотного запасного батальона Александр Васильевич Барченко о нижеследующем:

Расстроенное здоровье лишает меня возможности продолжать военную Вашего Императорского величества службу, и потому всеподданнейше прошу: дабы повелено было уволить меня от службы. К сему прилагаю свидетельство о болезни выданное из комиссии, учрежденной при Петроградском Николаевском военном госпитале от 18го апреля 1915 года за № 22992.

Город Петроград апреля месяца 20 дня 1915 года

Сие прошение со слов просителя писал старший писарь старшего разряда 1-го пехотного запасного батальона Тимофей Игнатьев Матюхин, к прошению 1-го пехотного запасного батальона

[автограф: Прапорщик Александр Васильевич Барченко руку приложил]

РГВИА. Ф. 409. П/с 301–624 (1915 г.). Л. 2.

№4

Свидетельство № 22992

Вследствие резолюции главного врача Петроградского Николаевского военного госпиталя на рапорте *прапорщика 1-го пехотного запасного батальона* Барченко от 10 марта 1915 года за № 14, мы нижеподписавшиеся освидетельствовали состояние здоровья вышеназванного прапорщика *на предмет определения годности к продолжению службы*³, причем оказалось:

Прапорщик 1-го пехотного запасного батальона Александр Барченко, 34 лет от роду, среднего роста, хорошего питания, с сильно развитым подкожно-жировым слоем; сердечный толчек⁴ не прощупывается, границы сердечной тупости немного увеличены. Тоны сердца глуховаты. Со стороны органов дыхания отступлений

от нормы нет. Кожа чистая. Печень и селезенка не увеличены и не болезненны. Дермографизм резко усилен. Коленные сухожильные рефлексы слегка повышены. Зрачки равномерны, на свет и аккомодацию реакция не совсем живая.

Со стороны психической сферы прапорщик Барченко за время пребывания в *психиатрическом отделении*⁵ с 25 февраля 1915 г. обнаружил следующие болезненные явления:

он не достаточно⁶ ориентируется в окружающей его обстановке, не отдает себе отчета в своем положении. На вопросы отвечает очень охотно, многоречив, в суждениях отражается ослабление интеллекта. Во время разговора сильно волнуется, начинает плакать без достаточного к этому повода. По временам впадает в состояние оцепенения: как бы не слышит обращенных к нему вопросов, веки полуопущены, лицо не выразительно. Память сильно ослаблена, особенно по отношению к текущим впечатлениям.

В анамнезе больного *сифилис*⁷, а в последний год несколько эпилептоид[ной] формы припадков.

На основании изложенных данных мы приходим к заключению, что прапорщик 1-го пех[отного] запасного батальона Александр Барченко страдает душевной болезнью в форме *слабоумия на фоне ор-

³ В оригинале в указанных фрагментах выделено синим.

⁴ Так в документе.

⁵ В оригинале выделено красным.

⁶ Так в документе.

⁷ В оригинале выделено красным.

ганического поражения головного мозга (*Dementia e laesione cerebri organica*)* и согласно *п[ункту] 1* росписания⁸ болезней, объявленных в приказе по Военному ведомству 1907 года за № 436 совершенно *не-способен к несению военной службы*⁹. Что подписями с приложением казенной печати удостоверяется.

Петроград, марта 18 дня 1915 года
Ординаторы психиатрического отделения Петроградского Николаевско-го военного госпиталя
[подписи]

Заведывающий психиатрическим отделением Петроградского Николаевского военного госпиталя действительный статский советник
[Розенбах]

Помощник врача Петроградского Николаевского военного госпиталя статский советник
[Дейкун-Мочаленко]

При освидетельствовании присутствовал:
депутат

[автограф: 8-й пешей Псковской дружины прапорщик Ризников]

РГВИА. Ф. 409. П/с 301–624 (1915 г.).
Л. 3 – 3 об.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409. Оп. 1, п/с 301–624.

ЕАА 1 — ЕАА. Ф. 402. Оп. 1. Д. 1496.

ЕАА 2 — ЕАА. Ф. 402. Оп. 1. Д. 1497.

ЕАА 3 — ЕАА. Ф. 402. Оп. 12. Д. 62.

ЕАА 4 — ЕАА. Ф. 1980. Оп. 1. Д. 249.

Ревельские известия. 1911. № 75.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреев 2004 — Андреев А. И. *Оккультист Страны Советов: тайна доктора Барченко*. М.: Яуза, 2004.

Кудрявцев 2006 — Кудрявцев Э. Новое об оккультисте Страны Советов // *Нева*. 2006. № 12.

REFERENCES

Andreev A. I. *Okkul'tist Strany Sovetov: taina doktora Barchenko*. Moscow: Iauza, 2004.

Kudriavtsev E. *Novoe ob okkul'tiste Strany Sovetov*. *Neva*, 2006, no. 12.

⁸ Так в документе.

⁹ В оригинале в указанных фрагментах выделено красным.

М. И. Вебер

К ВОПРОСУ ОБ ОТПРАВНОЙ ТОЧКЕ ОДИССЕИ ОТРЯДА КОРНЕТА Б. К. ФОРТУНАТОВА

В статье опровергается распространенное в научной литературе представление о том, что отправной точкой для одиссеи отряда Бориса Fortunatov, дезертировавшего из колчаковской армии, послужил город Березов Тобольской губернии. В научный оборот вводятся достоверные сведения о том, откуда на самом деле начался этот поход, а также о составе и численности отряда Fortunatov.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточный фронт, Комуч, эсеры, Каппель.

Сведения об авторе: Вебер Михаил Игоревич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург).

Контактная информация: mikeveber@mail.ru.

M. I. Weber

RETURNING TO THE QUESTION OF THE STARTING POINT OF ODYSSEY OF CORNET B. K. FORTUNATOV'S SQUADRON

The article refutes the idea that has spread in academic literature that the starting point for odyssey of the squadron of Boris Fortunatov, who deserted from the army of Admiral Kolchak, was the city of Berezov in Tobolsk province. The article presents reliable information about where this campaign actually began, as well as about the structure and number of Fortunatov's squadron.

Key words: Russian Civil war, Eastern front, Komuch, socialist-revolutionaries, Kappel.

About the author: Weber Mikhail I., PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg).

Contact information: mikeveber@mail.ru.

«Он шел на Одессу, а вышел к Херсону...»

Эсер Борис Константинович Фортунатов, депутат Учредительного собрания от Самарской губернии, член Комуча — один из ярких, но сравнительно малоизвестных широкой публике политических и военных деятелей Гражданской войны в России. Волею судеб Борису Фортунатову довелось повоевать в рядах Народной армии Комуча, Западной армии Колчака, а на излете Гражданской войны он даже командовал полком Красной армии во время похода на Варшаву. В августе 1919 г. Б.К. Фортунатов, к тому моменту полностью разочаровавшийся в правительстве Колчака, во главе большого отряда дезертировал из колчаковской армии — это стало отправной точкой долгого и опасного путешествия, закончившегося на берегу Каспийского моря и приведшего, в конце концов, к переходу Фортунатова из антибольшевистского лагеря в стан красных. Вне всякого сомнения, эта одиссея стала одним из ключевых и уж точно одним из самых запоминающихся эпизодов биографии Бориса Фортунатова.

Между тем в научной литературе распространилось ошибочное представление об отправной точке этой одиссеи. Исследователь С.С. Балмасов в своем очерке о кавалерийских частях 1-го Волжского армейского корпуса В.О. Каппеля ввел в научный оборот дневник офицера из от-

ряда Б.К. Фортунатова¹, в котором упоминалось, что их отряд выступил в поход из населенного пункта Березов. Балмасов идентифицировал этот населенный пункт как город Березов — административный центр одноименного уезда Тобольской губернии (ныне — поселок городского типа в Ханты-Мансийском автономном округе) (Балмасов 2003: 505). На основании этого Балмасов сделал вывод, что отряд корнета Фортунатова «прошел более трех тысяч километров, чтобы попасть на территорию Уральского казачьего войска» (Там же: 523–524).

Биограф Фортунатова историк Я.В. Леонтьев в более ранней своей работе о нем писал, что отряд Фортунатова дезертировал из колчаковской армии в районе города Кустаная (Леонтьев 2006: 77). Однако затем, под влиянием очерка С.С. Балмасова, изменил свою точку зрения и тоже стал писать, что Фортунатов и его сторонники покинули ряды колчаковской армии в городе Березове — знаменитом месте ссылки фаворита Петра Великого князя А.Д. Меншикова (Леонтьев 2018: 767–768).

Однако версия о том, что одиссея отряда Фортунатова началась в городе Березове, на севере Тобольской губернии, противоречит элементарному здравому смыслу. Дело в том, что Отдельный Волжский конноегерский дивизион Б.К. Фортунатова входил в состав 1-го Волжского

¹ По мнению историка Я.В. Леонтьева, это дневник самого Б.К. Фортунатова.

армейского корпуса (в конце мая 1919 г. реорганизованного в Волжскую группу войск). Волжская группа войск оперировала на крайнем левом фланге 3-й армии Колчака, а город Березов находился на крайнем правом фланге 1-й армии — фактически волжане Каппеля и Березов находились на противоположных краях Восточного фронта. Если бы Фортунатов и его соратники дезертировали в городе Березове Тобольской губернии, то им пришлось бы, двигаясь на юг, пересечь пути отступления частей сперва всей 1-й и 2-й (ранее составлявших единую Сибирскую) армий, затем всей 3-й (бывшей Западной) армии. Естественно, это быстро закончилось бы окружением и поимкой беглецов. Да они и сами не рискнули бы дезертировать при таких условиях.

Так где же тогда началась одиссея отряда корнета Фортунатова? В 2019 г. автор данных строк опубликовал сборник документов колчаковской контрразведки (Фронт и тыл... 2019). В одном из документов сборника можно найти исчерпывающий ответ на этот вопрос. Интересующие нас сведения содержатся в информационной сводке Контрразведывательного отделения штаба 3-й армии о настроении войск за период с 15 по 31 августа 1919 г.:

«В связи с продолжающимся отходом вера в конечный успех Народной армии значительно пала. Наиболее ярким примером, характеризующим упадок этой веры, является самовольный уход конно-егерского дивизиона с корнетом Фортунатовым и присоединившимися к нему драгунами и солдатами других частей,

всего около 600 человек с 16 офицерами и казначеем, военным чиновником Раевским. (Конных из дивизиона — 150, пеших — 300, драгунского полка — около 200, офицеров дивизиона — 7 и драгунского полка — 9.) Ушедшими “фортунатовцами” увезено 3 пулемета дивизиона и 9 пулеметов драгунского полка, 150 шт. запасных винтовок, 250 седел, почти все обмундирование, белье и офицерские вещи даже не ушедших офицеров дивизиона и около 450 000 руб. денег Драгунского полка. Отряд ушел от с. Куртамыш в ночь на 12-е августа и около 20 августа находился в районе озер Кулукуль, Танды и зимовок к юго-востоку от ст. Звериноголовской. Почти все ушедшие — добровольцы Поволжья. Уход вызван нашими неудачами и изменой солдат-сибиряков. Целью его является пробиться в Южную армию, а оттуда — в армию генерала Деникина» (Там же: 52).

Таким образом, место, откуда начался поход отряда корнета Фортунатова — это район села Куртамыш Челябинского уезда Оренбургской губернии (ныне — город Куртамыш — административный центр одноименного района Курганской области).

Из процитированного документа можно также получить достоверные сведения о составе отряда. Во-первых, с Фортунатовым из рядов колчаковской армии дезертировал не только подчиненный ему Отдельный Волжский конно-егерский дивизион, но и большая часть Волжского драгунского полка Отдельной Волжской кавалерийской бригады, причем драгуны прихватили с собой

полковую кассу и запасы оружия и военного снаряжения из полкового обоза. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что с уходом отряда Фортунатова Волжская группа войск лишилась лучшей части своей кавалерии.

Однако дезертирство корнета Фортунатова и его соратников затронуло не только конные части, но и пехоту Волжской группы войск. По данным колчаковской контрразведки, в 1-м Волжском полку 1-й Самарской стрелковой дивизии после ухода отряда Фортунатова «Настроение ухудшилось. Дисциплина внешняя почти отсутствует, да и внутренняя слабовата; командный состав не обращает на это должного внимания. Многие симпатизируют “фортунатовщине” и, если бы полк был извещен о времени ухода Фортунатовского отряда, то многие последовали бы за ним. Всего ушли из полка 20 человек. Случаи перехода к красным часты. Как боевая единица по своей малочисленности и отсутствию дисциплины полк малочислен» (Там же: 52–53).

Отразился уход отряда Фортунатова и на 3-й Симбирской стрелковой дивизии Волжской группы войск, в которой, по данным колчаковских контрразведчиков, было «много сочувствующих Фортунатову и часть людей ушла с ним. Как боевая единица дивизия, благодаря своей малочисленности и сильному утомлению, не является крупной величиной. 3-й Симбирский отдельный конный дивизион, многие из солдат которого ушли с Фортунатовым, находится в периоде формирования» (Там же: 54). Фактически для восстановле-

ния боеспособности этого конного дивизиона в него пришлось вливать не только пополнение из новобранцев, но и обученных солдат из других частей. В информационной сводке Контрразведывательного отделения штаба 3-й армии о настроении войск за период с 15 по 30 октября 1919 г. отмечалось, что в конном дивизионе 3-й Симбирской стрелковой дивизии «Около 100 всадников. Один эскадрон сформирован из остатков солдат после ухода Фортунатова и из переведенных из 22[-го Златоустовского] полка, другой – из башкир Уфимской губернии» (Там же: 116–117).

Стоит отметить, что данные колчаковской контрразведки о составе отряда Фортунатова подтверждаются и другими источниками. В донесении начальника штаба Волжской группы войск 3-й армии полковника С. Н. Барышникова № 627/6 от 19 августа 1919 г. сообщалось, что под руководством корнета Фортунатова из состава Волжской группы ушли «полностью конно-егерский дивизион, 60 солдат конного дивизиона [3-й] Симбирской дивизии с 1 пулеметом и частью обоза, 24 человека [1-й] батареи Симбирского артдивизиона, 1-й эскадрон, пулеметная команда и лучшая часть драгунского полка, всего до 450 солдат, из них 85 % конные, 7 пулеметов и до 50 повозок» (РГВА: Л. 300).

Дезертирство настолько большой и хорошо организованной группы добровольцев вызвало немалый переполох в верхах колчаковской армии. Колчаковские генералы лихорадочно пытались вернуть ушедших с Фортунатовым бойцов обратно

в строй. Так, 18 августа 1919 г. командующий Волжской группой войск генерал-майор В.О. Каппель обратился к своему непосредственному начальнику, командующему 3-й армией генерал-майору К.В. Сахарову, с просьбой о поимке беглецов при содействии частей соседней Южной армии: «Прошу Вашего распоряжения о задержании и разоружении в районе Южной армии партизанского отряда корнета Фортунатова, самовольно ушедшего из состава Волжской группы. Всех задержанных прошу направить со всем их военным имуществом во вверенную мне группу. Представленное при № 592/б с нарочным поручиком Братко в копии письмо ген[ерал-]майора Перхурова корнету Фортунатову указывает на важность их совместного движения на юг. № 31/с» (РГВА: Л. 299). Однако все было тщетно.

Оценивая значение этого инцидента для дальнейшего хода военной кампании, можно согласиться с мнением исследователя С.С. Балмасова, отметившего, что уход отряда корнета Фортунатова, состоявшего из закаленных в боях добровольцев, резко ослабил Волжскую группу войск В.О. Каппеля и стал одной из основных причин «того, почему Волжский корпус в значительной степени утратил свою боеспособность еще накануне проведения Тобольской наступательной операции и не смог проявить себя так же ярко, как в 1918 г.» (Балмасов 2003: 524).

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать, что корнет Борис Фортунатов, его Отдельный Волжский конно-егерский дивизион

и примкнувшие к ним многочисленные добровольцы Волжской группы войск дезертировали из рядов колчаковской армии не из города Березов Березовского уезда Тобольской губернии, а из района села Куртамыш Челябинского уезда Оренбургской губернии.

Тогда что же за Березов упомянут в дневнике офицера отряда Б.К. Фортунатова? Думаю, что речь идет о селе Березово, расположенном в Челябинском уезде Оренбургской губернии (ныне — в Куртамышском районе Курганской области). Оно находится в 24 км к юго-востоку от Куртамыша, о котором идет речь в процитированной выше информационной сводке Контрразведывательного отделения штаба 3-й армии за 15–31 августа 1919 г. По данным земской статистики, в 1916 г. в этом селе было 262 двора и проживало 1290 жителей (Список... 1916: 13). В селе имелись православная церковь, часовня, церковно-приходская школа и фельдшерский пункт, а также 4 торговых лавки (Там же). Южнее и юго-восточнее села Березово находятся села Прорывное и Боровское, следуя через которые отряд корнета Фортунатова и вышел к уездному городу Кустанай. Впереди их ждал тяжелейший переход через степи — их одиссея началась.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

РГВА — РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 32.

Список... 1916 — Список населенных мест Челябинского уезда. Челябинск: издание Уездного земства, 1916. 215 с.

Фронт и тыл... 2019 — Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 — март

1920 г.). Сборник документов / сост. М.И. Вебер. Екатеринбург: УрО РАН, 2019. 272 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Балмасов 2003 — *Балмасов С.С.* Боевой путь конных подразделений отдельной Волжской кавалерийской бригады и отдельного Волжского конно-егерского дивизиона корпуса генерала В.О. Капшеля // Капшеля и капшелевцы. М.: Посев, 2003. С. 448–528.

Леонтьев 2006 — *Леонтьев Я.В.* Фартовый корнет Фортунатов // Родина. 2006. № 7. С. 75–78.

Леонтьев 2018 — *Леонтьев Я.В.* Борис Фортунатов. Красные флаги белого пар-

тизана // Красные. М.: Молодая гвардия, 2018. С. 734–789.

REFERENCES

Balmasov S. S. Bolevoj put' konnyh podrazdelenij ot del'noj Volzhskoj kavalerijskoj brigady i ot del'nogo Volzhskogo konno-eger skogo divizion a korpusa generala V. O. Kapshelya. *Kapshel' i kapshel'evcy*. Moscow, 2003. P. 448–528.

Leont'ev Ya.V. Boris Fortunatov. Krasnye flagi belogo partizana. *Krasnye*. Moscow, 2018. P. 734–789.

Leont'ev Ya.V. Fartovyj kornet Fortunatov. *Rodina*. 2006, no 7. P. 75–78.

И. Д. Саблин

О БЕДНОМ УЧЕНОМ... МЭННИХ VS ХАНС ЗЕДЛЬМАЙР

Размышления над книгой: Männig M. Hans Sedlmayrs Kunstgeschichte. (Eine Kritische Studie.) Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2017. 309 S.

В статье на примере опубликованного недавно исследования системы научных взглядов австрийского искусствоведа и историка культуры Ханса Зедльмайра (1896–1984) рассмотрено характерное для многих современных западных интеллектуалов отношение к научной традиции, анализ которой сводится к выяснению партийной принадлежности ученого.

Ключевые слова: историография, венская школа, формальный метод, экспрессионизм, модернизм, национал-социализм.

Сведения об авторе: Саблин Иван Дмитриевич, кандидат искусствоведения, доцент СПбГУ, ст. н. с. РИИИ.

Контактная информация: Sablin@eu.spb.ru.

I. D. Sablin

FOR THE POOR RESEARCHER... MÄNNIG VS SEDLMAYR

Reflections on the book: Männig M. Hans Sedlmayrs Kunstgeschichte. (Eine Kritische Studie.) Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2017. 309 S.

Using the example of a recently published study of the system of scholarly views of the Austrian art critic and cultural historian Hans Sedlmayr (1896–1984), the article examines the attitude towards the scientific tradition characteristic of many contemporary Western intellectuals, where the analysis degrades to finding out the party affiliation of the researcher.

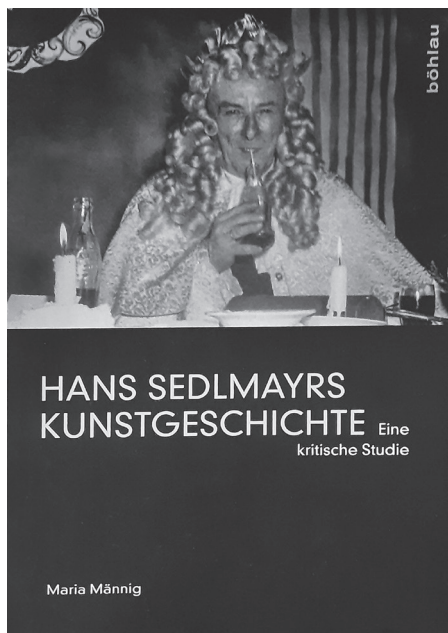
Key words: Historiography, Viennese School, Formal Method, Expressionism, Modernism, National Socialism.

About the author: Sablin Ivan D., PhD of art history, Assistant professor of SPbSU, Research assistant of RIAH.

Contact information: Sablin@eu.spb.ru.

Редко когда направленность какой-либо монографии (при самом нейтральном заголовке¹) оказывается столь точно выражена уже в дизайне обложки — как если бы автор и/или издатели опасались, что их неправильно поймут. Логично, конечно, предпослать книге о ком-то изображение этого человека, пусть даже все читатели знают героя в лицо. Вот крайний пример: выпуская новейшее жизнеописание Гитлера, оное, вероятно, имеет смысл снабдить портретом фюрера — ни в коем случае не карикатурой, более чем уместной при жизни злодея, но не сейчас.

Кто ничего не знает о Хансе Зедльмайре, должен удивиться — при чем здесь Гитлер? Никакой ученый-гуманитарий не причинил людям столько вреда, сколько способен нанести даже и не самый безумный политик. Что ж, может быть, и сгодилась бы карикатура, коль скоро для автора предмет изучения — зло, но при этом зло мелкое, неопасное. Нет карикатуры? Сойдет любительский снимок — как, например, фото Хайдеггера с незастегнутой ширинкой или Ле Корбюзье голышом, весьма востребованные их нынешними ниспровергателями.



Ровно так и действует М. Мэнних. С обложки ее труда смотрит на нас сущий клоун... но то лишь эпизод прощального банкета в университете Мюнхена (герра профессора провожают на новое место, в Зальцбург), банкета, стилизованного под XVII в. Ученый², наряженный королем-солнцем, снял очки, притом ко рту подносит бутылочку кока-колы... Несложная мысль, что нахождение *внутри* современности есть непременно условие всякой критики и что

¹ «История искусства по Хансу Зедльмайру. Критическое исследование».

² Автор сетует на недостаток снимков (Männig 2017: 245) — Зедльмайр-де фотографироваться не любил, тем ценнее эта редкая находка! Заметно лукавство: во-первых, фотопортреты ученого достаточно хорошо известны, а во-вторых, цели проиллюстрировать жизнь героя у автора как раз и не было, оттого других портретов в этой книге и нет.

любой пассивист и ретроград — всецело продукт того времени, в котором живет, тривиальна и не слишком остра. Лучше если о том же скажет вот такой недружеский шарж. Если же неискушенный читатель задастся вопросом: зачем вообще вспоминать столь несуразную личность? — его поспешат убедить (посредством аннотации), что у этого ученого таки имелась своя система взглядов — притом чудовищно устаревшая, требующая критического разбора. Но для начала просто посмеемся над изображением на обложке.

Искусствоведам, в принципе, монографические исследования посвящают нечасто. Сказываются общий недостаток интереса к истории науки — о котором, собственно, и хотелось бы в первую очередь здесь говорить, — и банальные сложности маркетинга. Ведь, в отличие от статьи или диссертации, книгу нужно продать, убедив читателя, что тому необходимо оный труд поставить себе на полку. Увы, представители нашей науки в большинстве своем люди неяркие, к авантюрам и скандалам не склонные — уверен, даже личность Винкельмана не вызывала бы сейчас такого ажиотажа, когда б не трагический загадочный финал. Вот и книга о Г. Фоссе (в той же серии (*Iselt* 2010)) представляет его со-

ветником Гитлера по разграблению музеев Европы, а вовсе не кабинетным ученым — но, к слову, портрет на ее обложке вполне себе парадный.

Тем не менее следует признать: интерес к классике искусствознания существует, и интерес этот весьма специфический. По словам самой Мэнних: «...критическое изучение его (Зедльмайра. — *И. С.*) политического прошлого... началось не ранее рубежа веков» (*Männig* 2017: 270; ср.: *Levy* 2010: 236). И тому немало подтверждений!³ В прежние времена оппоненты (а в них Зедльмайр недостатка никогда не испытывал) спорили о всяческих теоретических тонкостях и мелочах⁴, обходя почему-то вниманием факт членства ученого в NSDAP. Не потому что об этом «не знали», ведь его отставка с должности профессора Венского университета (в 1945 г.) случилась именно в ходе денацификации. Наверное, знали они⁵, не в последнюю очередь, и о каких-то сопутствующих обстоятельствах, поскольку жили в одно с Зедльмайром время — нынешним авторам чуждое и малопонятное.

Как тут не вспомнить басню Крылова «Сочинитель и разбойник», героя которой, философа (подразумевается Вольтер) с каждым годом поджаривают в аду все сильнее, тогда

³ Самые яркие примеры: (*Aurenhammer* 2002, *Ottenbacher* 2001, *Sauerländer* 2003), подробная история вопроса в: (*Männig* 2017: 13).

⁴ В первую очередь необходимо упомянуть окончившего Мюнхенский университет при Зедльмайре Л. Диттманна, исключительно важная монография которого, посвященная методологическим вопросам истории искусства (*Dittmann* 1967), — к вящему удивлению Мэнних (*Männig* 2017: 117) — отчего-то не пользуется теперь популярностью у коллег. Да она и сама на эту книгу практически не ссылается! А ведь у исследовательницы была, наверное, возможность встретиться лично с этим совсем недавно почившим ученым (†2018).

⁵ В преимущественно апологетическом ключе написаны в прежние времена две биографические статьи: (*Schneider* 1990, *Frodl-Kraft* 1991).

как некий душегуб — в котле по соседству — уже почти не несет наказания. Дело в том, что память о преступлениях разбойника со временем притупилась, дурные же писания философа продолжают отравлять юные души, и зла от них все больше. Если заменить теперь французского просветителя каким угодно носителем диаметрально противоположных взглядов, то вот ровно такой ад на земле оказывается уготован для него современными критиками⁶ — теми, по поводу которых справедливо замечено, что словосочетание «левый интеллеktуал» давно уж стало тавтологией. Эти сравнительно молодые ученые ратуют теперь, по существу, за *окончательную* денацификацию, ибо прежняя, 1940-х, осталась, по их мнению, категорически не завершенной.

Некогда Х. Лютцелер, коллега Зедльмайра, так характеризовал опыт жизни под диктатурой нацистов: «сопротивление было совершенно невозможно» (*Kunsthistoriker* 1990: 233),

оправдывая тем самым собственную «внутреннюю эмиграцию»⁷. Однако теперешним критикам ближе роль судьбы из фильма «Нюрнбергский процесс», что с апломбом сына свободной страны вопрошал, отчего же *эти* не противились столь явному злу, предпочитая не видеть насилия? Ответ (не из фильма) предлагается такой: потому что сочувствовали, ибо сами были *такими*, и в текстах своих оставили немало улик, позволяющих их теперь изобличить. Чем и заняты соратники фрау Мэнних, на публикации которых та то и дело ссылается в такой примерно форме: «как доказал недавно Х, ученый/художник Y тоже придерживался близких национал-социализму взглядов». И тут уж, как говорится, нет здоровых, есть недообследованные...

Рожденным в Советском Союзе членство ученого в (единственной легальной⁸) партии не должно бы казаться чем-то ужасным⁹, помним, что вступать могли и карьеры ради, и дабы сохранить вверенную

⁶ Только такой оригинальный мыслитель, как Д. Каспит, из этой традиции выпадает (см.: *Kuspit* 1982). Но он принадлежит все же другому поколению (*1935).

⁷ Лютцелер также жаловался на искажение его текстов издателями, вставлявшими туда высказывания в духе господствующей идеологии (*Kunsthistoriker* 1990: 229). Что это, малоубедительная попытка оправдать себя? Или мы напрасно недооцениваем такую возможность — постороннее вмешательство в авторский текст (не только Лютцелера)?

⁸ Соглашусь, что детали первого, непродолжительного пребывания Зедльмайра в партии (в 1930–1932 гг.), как и причины выхода (до официального запрета ее австрофашистами), остаются белым пятном биографии ученого (ср.: *Levy* 2010: 252).

⁹ Полного сходства, впрочем, не было. Ни в малейшем мере не идеализируя того режима, отметим некоторые парадоксы, дающие представление об идеологическом давлении на университетскую среду: скажем, в книге А. Е. Бринкманна (в ходе денацификации безвозвратно уволенного) «Дух наций» (*Brinckmann* 1938) фюрер назван лишь однажды, что позволило безболезненно переиздать ее в 1948 г.; более радикальный текст Г. Шраде «Судьба и нужность искусства» (*Schrade* 1936) (тщательно изученный Мэнних на предмет близости Зедльмайру) содержит упоминания «национал-социалистов» без каких-либо имен и одну лишь ссылку на А. Розенберга. Невообразимая, по привычным нам меркам, ситуация. Где цитаты из «руководящих и направляющих» документов очередного партсъезда? В конечном счете верна и мысль о *добровольном* неприятии современного искусства некоторыми представителями академической науки (кстати, и Г. Вельфлином, и Э. Пан-офским!), на которых никто слишком сильного внешнего давления в этом плане не оказывал.

институцию и коллектив, и если искренне заблуждались (как, скажем, радовавшийся аншлюсу Зедльмайр с его пангерманизмом). Помним, кстати, и то особенное двоемыслие, когда, разоблачая очередного носителя «чуждых нам идей», ученые, пробормотав пару дежурных фраз, спешили перейти к скрытой апологетике... Замечу, Мэнних и иже с ней, напротив, счастливы жить в полном согласии с собой, так что какой-либо пропаганды учения Зедльмайра под обложкой-карикатурой ждать не стоит, ее там и нет. Похоже, то, за что чаще всего нападали на австрийца — требование «правильной установки», сформулированное им в 1930-е (*Зедльмайр* 2000: 80 и далее) — по существу, никого в наши дни не задевает. Вот только установка у него была категорически *неправильной*, но ее, к счастью, можно теперь заменить на другую, стопроцентно верную.

Конечно, Зедльмайр в своих заблуждениях не был одинок — новомодный дискурс никого не щадит. К примеру, К.-М. Свобода (*Männig* 2017: 98, 193–194), коим Зедльмайра заменили в Вене, ничем не лучше... Однако интереснее преемников¹⁰ их предшественники и учителя. Тут в первую очередь разоблачить следует Ю. ф. Шлоссера, прежде, по признанию Мэнних (*Männig* 2017: 98), недооцененного — именно с точки зрения вредности воззрений. Есть, к счастью, фотография, сделанная

незадолго до смерти (сразу после аншлюса), где ученый позирует со свастикой на рукаве, такое ведь не могло быть случайностью! С другой стороны, в известном методологическом очерке (*Schlosser* 1935) Шлоссер столь удачно (и неожиданно созвучно Мэнних с ее аллюзиями к Данте) называет «своим Вергилием», что вывел его из темного леса модных заблуждений, философа Б. Кроче, который вроде бы всегда считался убежденным антифашистом... или мы чего-то не знаем? Не знает и Мэнних, а потому в этом направлении разысканий не продолжает.

Кроме того, наставник Зедльмайра в историю вошел еще и жестким противостоянием с Й. Стшиговски, что возглавлял в Вене альтернативный Институт истории искусства (*Schlosser* 1934) — вот этот-то человек был, вне всякого сомнения, национал-социализма не чужд, по крайней мере, сотворил собственный вариант *расовой* теории/мифологии (*Strzygowski* 1923; 1941). Что (как и ничем не прикрытый антисемитизм) никак не отменяет для внимательного читателя потрясающих прозрений этого исключительно оригинального мыслителя, который, однако, сделал все от него зависящее, чтобы на фоне его трудов любой другой представитель классической науки об искусстве показался совсем уж безобидным¹¹. Впрочем, задача современных разоблачителей со-

¹⁰ Например, ученик Л. Китчельт — злостный нацист (*Männig* 2017: 193–194), ученица В. Мерсманн — аферистка (*Ibid.*: 182) и т. д.

¹¹ Нельзя не отметить честную попытку разобраться как в самом конфликте Шлоссера (а до него А. Ригля и М. Дворжака) со Стшиговски, так и в противоречивой личности этого последнего, предпринятую ученицей Зедльмайра Э. Фродль-Крафт (*Frodl-Kraft* 1989). Читателю ее текста могло даже показаться, наверное, что дело идет к нормализации всей научно-политической полемики первой половины XX в., что вроде бы вполне уместно спустя столько-то лет. Как бы ни так!..

стоит в том, чтобы доказать, что это не так¹².

Шлоссера выдает осторожный намек на неких не слишком профессиональных гамбургских ученых (*Schlosser* 1934: 173), которым тот желал бы противопоставить пропагандируемые им традиции венской школы. А так как, начиная с А. Варбурга, гамбургцы эти были почти сплошь еврейского происхождения, то пренебрежительное высказывание в их адрес, наконец-то, срывает маску с мнимо нейтрального ученого (*Männig* 2017: 104)!

Кстати, антисемитом был, как пытаются доказать, и его ученик. Избран безошибочный ход: одно дело придерживаться каких-то устаревших взглядов, скажем, верить в возможность нормативной эстетики или просто не любить современное искусство, другое же — разделять худшие заблуждения нацистов. Узнав о таком, теперешний читатель просто обязан поставить на горе-ученом крест — вот даже портрет Ле Корбюзье с почтовых марок Швейцарии убрали, как всплыла вся его подноготная... (Но не с денег, с денег не убрали.)

Разоблачить якобы погромные настроения Зедльмайра выпало со-

временному автору, изучившему переписку австрийца с М. Шапиро (*Levy* 2010). Известный американский искусствовед встречался с Зедльмайром в начале 1930-х, опубликовав затем (не столь, кстати, и критическую) рецензию (*Schapiro* 1936) на главное детище Зедльмайра предвоенных лет (вовсе не упомянутое Мэнних), альманах «Искусствоведческие исследования», в издании которого важную роль сыграл близкий Зедльмайру О. Пехт (см. *Pächt* 1977) — кстати, в дальнейшем критик «гамбургца» Э. Панофского (*Pächt* 1956), при всем том, с точки зрения идеологов Рейха, тоже недо- человек.

Ну хорошо, антисемиты ведь любят выставлять напоказ свою дружбу с «некоторыми евреями», но зачем в частной переписке (и в то же время ни в едином опубликованном — до и после — тексте) обнаруживать юдофобию, зная, что адресату такое, мягко говоря, не понравится? Пожалуй, в этом парадоксальном конфликте (а их отношения действительно закончились полным разрывом) справедливо усмотреть трагедию двух ученых, искренне пытавшихся найти точки соприкосновения и потерпевших неудачу, ибо старания — того и другого¹³ — абстрагироваться

¹² Замечу, что Стшиговски и его школа и в Третьем рейхе оставались маргиналами, не вписавшись ни в культурную, ни в какую-либо иную политику — полагаю, что, будь его голос услышан, выставку «Дегенеративного искусства» (вероятно, под несколько иным названием) открывали бы, как это ни парадоксально, произведения Микеланджело... Так что для Мэнних персонаж этот (при всей своей одиозности) не вполне подходящий, и соотнести с ним Зедльмайра едва ли получится — пусть даже в послевоенных текстах последнего встречается позитивная оценка трудов покойного коллеги (*Sedlmayr* 1967; *Männig* 2017: 99). А вот в письме 1934 г., адресованном М. Шапиро, он всячески убеждает того в неприемлемости взглядов Стшиговски (не забывая упомянуть и его национал-социалистские симпатии — от которых сам, таким образом, *дистанцируется*) (*Levy* 2010: 251).

¹³ Позицию *другого* можно реконструировать. Но письма Шапиро (за исключением одного черновика) не сохранились (*Levy* 2010: 237), что придает истории особый драматизм, ведь мы не слышим

от политических реалий оказались тщетными. Как видно, абстрагироваться от них невозможно и в наши дни...

Ключевым здесь видится признание Зедльмайра в антикоммунизме (Levy 2010: 244) (надо ли напоминать о диаметрально противоположных взглядах американца?) — а так ли оно ужасно, с точки зрения и нашего времени, и, скажем, 1950-х гг.? И как должны были воспринять подобную декларацию советские ученые — Н. И. Брунов и М. В. Алпатов, с которыми австрийцу удалось легко установить контакт? Важно повторить, все проявления подобных предрассудков (безусловно, достойные осуждения), которые только и удалось найти у Зедльмайра, относятся к сфере частной переписки, за ее пределы они вынесены лишь в наши дни исследователями.

Впрочем, всё ли мы правильно понимаем? Стоит привести характерный фрагмент «Утраты середины», книги, изданной в годы, когда свою «истинную сущность» Зедльмайру, как и многим другим, приходилось всячески скрывать:

«Из старых церквей, замков, дворцов с конца XVIII века истекают целые толпы произведений искусства, обломки когда-то собиравшего их во-

едино контекста. Эти творения были вырваны из материнской почвы и заброшены в безродность художественного рынка, в роскошные ночлежные дома общественных и частных музеев»¹⁴ (Зедльмайр 2008: 104).

Уважаемый читатель видит здесь антисемитизм? И я не вижу. А он есть. И ключевое слово «рынок» (спасибо Мэнних за интересное наблюдение) (Männig 2017: 230). Теперь, если кто критикует рыночные отношения (неужели и Фр. Бэкон с его «идолами рынка»?!), то следует понимать правильно: истинный объект его нападок — они, евреи.

Кроме того, в вину ученому ставится то, что отчего-то он крайне неохотно признавал связь своего метода с психоанализом З. Фрейда (Ibid.: 133); в 1930-е же, ссылаясь на гештальт-психологию, пропускал имена ученых-евреев (Ibid.: 113). Почему? Логично предположить: потому что в тех условиях не мог, а в случае с Фрейдом, по всей вероятности, еще и принципиально не хотел. Неужели же все, кто не принимает психоаналитический метод (притом может в чем-то с ним случайно сблизиться) — антисемиты? Не могу не упомянуть в таком контексте К.-Г. Юнга, оказавшегося тоже — вот беда! — антисемитом, что до предела усложняет картину¹⁵.

голос оппонента Зедльмайра. Увы, в своем опыте воссоздания отсутствующих высказываний современный автор явно пытается (неубедительно) представить Шапиро невинной жертвой манипуляций и только.

¹⁴ «Ночлежные дома», разумеется, из Ф.-Т. Маринетти... который тоже фашист, что не упомянуто — досадное упущение.

¹⁵ Путаницы добавляет сама Мэнних, когда в (столь ожидаемых) рассуждениях о повальном антисемитизме консервативной университетской науки 1920-х, из-за которого не мог найти работу по специальности исследователь революционного классицизма Э. Кауфманн, повлиявший на Зедльмайра (ср.: Vidler 2008: 45), тут же упоминает 12-летний поиск работы уже ее главным

Еще хуже дело обстоит с М. Нордау, с одной стороны, не просто евреем, но активным участником сионистского движения, с другой (и Мэнних вынуждена это признать (Ibid.: 42)) — автором той концепции *вырождения*, что идеально подошла вождям рейха¹⁶. Правда, на него в ту пору тоже нельзя было ссылаться, ну а если бы ссылались, стало б от этого кому-то легче?

Вернемся, однако, к искусствоведам. Наряду с Шлоссером, другим учителем Зедльмайра нередко объявляют М. Дворжак, умершего, правда, вскоре после того, как молодой Ханс оказался в числе многих, кого привлекли его яркие лекции (среди них, между прочим, был и Э. Гомбрех (Kunsthistoriker 1990: 67)). Мэнних проявляет поначалу малопонятную заинтересованность в выяснении вопроса о степени влияния Дворжак на героя ее труда (Männig 2017: 68), лишь позднее раскрывая истинную причину... Оказывается, Дворжак — фигура более чем подозрительная, и важнейшее слово здесь: «экспрессионизм» (Ibid.: 174).

Наивные люди, кто склонен верить, что раз уж с точки зрения нацистского мейнстрима искусство сие — стопроцентно дегенеративное¹⁷, то в гонениях на него должно видеть своего

рода презумпцию не просто невиновности, но и актуальности. Однако статус экспрессионизма в наши дни более чем спорный — нынешний мейнстрим, представленный хотя бы авторами «Искусства с 1900 г.» (Искусство 2015), его преимущественно игнорирует. Как выражался (практически по любому поводу) один преподаватель истфака времен моей молодости: «Все это хорошо, но, к сожалению, приводит к фашизму...», причем пример Э. Нольде настолько вопиющ, что его можно лишней раз не упоминать. Эх, когда бы только он!..

Так, Дворжак понапрасну отошел от формального метода (по Мэнних, направления, более-менее пристойного — ср. далее об А. Ригле) и увлекся экспрессионизмом (Männig 2017: 250), опасно тематизирующим, к примеру, национальный вопрос. Однако ввиду ранней смерти большого вреда этот ученый не нанес (но дело его, очевидно, продолжил Зедльмайр).

Конечно, всякое обращение к теме экспрессионизма в искусствознании неизбежно подводит исследователя к незаурядной личности В. Воррингера — и Мэнних не исключение. Парадокс! — этому-то автору в «Искусстве с 1900 г.» место как раз нашлось

героем (Männig 2017: 75, Fn. 322). Но ведь Зедльмайр евреем не был! — как, кстати, и В. Воррингер, долго прозябавший без места (ср.: Grebing 2004). Может быть, не брали на работу в те годы не только по «пятому пункту»?..

¹⁶ Отголоски его теорий заметны и в радикальных выступлениях А. Лооса — тоже деятеля искусства с еврейскими корнями.

¹⁷ Да и то с оговорками — так, Мэнних отмечает факт изъятия с печально известной выставки «Дегенеративного искусства» картины Фр. Марка (которому совершенно неслучайно симпатизировал и Зедльмайр (см. Sedlmayr 1951)) по требованию ветеранской организации, ведь тот героически сражался и погиб за правое дело (Männig 2017: 226, Fn. 436). Для таких, как он, современный швейцарский исследователь Б. Висс предлагает обозначение «духовный фашист» (Ibid.: 226).

(Искусство 2015: 85–89), причем почетное — он представлен в качестве человека, оказавшего влияние на В. В. Кандинского (а через него и на все современное искусство). Факт широко известный, как и то, что Воррингера такая репутация всю жизнь тяготила (см.: *Воррингер* 2000), ибо теоретиком художественного авангарда ученый уж точно становиться не хотел. Кандинский через экспрессионизм, конечно, оказывается лишь в паре рукопожатий от Гитлера, но через Баухаус и В. Гропиуса (как известно, экспрессионизм преодолевших), вероятно, стоял все же ближе к каким-то вполне политкорректным явлениям минувшего века. По крайней мере, ничего порочащего имя нашего великого соотечественника пока не найдено¹⁸. Подождем.

Иное дело Воррингер. Мэнних, прежде всего, важно показать его близость герою книги, что фактами биографии того и другого не подкрепляется — пускай Зедльмайру и выпало произнести на похоронах коллеги речь (которую много лет спустя опубликовали¹⁹). Не только проблематика «Утраты середины» тому не близка (*Grebing* 2004: 239), но, с другой стороны, и в текстах Зедльмайра о готике ровным счетом ничего от воззрений этого немецкого ученого нет (*Sedlmayr* 1950: 531).

Не так давно в свет вышло исследование жизни и творчества Воррингера (*Grebing* 2004), правда, не само-

го по себе, но в формате семейной истории, так что равное внимание уделено там супруге ученого, Марте, художнику весьма посредственному, хотя и ни в каком смысле не официальному. Автор этой книги, вопреки отмеченной выше тенденции, героев своих не обличает, напротив, всячески поддерживает миф «внутренней эмиграции» — недаром ведь Воррингер, при нацистах вполне успешно преподававший, тем не менее ничего не печатал (и, судя по всему, не писал).

Нет проблем! — Мэнних компенсирует сей недостаток, убедительно, как кажется ей, демонстрируя ту «ненаучную» (а наука для нее ожидаемо сводится к позитивизму (*Männig* 2017: 177)), апеллирующую к темным национальным инстинктам теорию, которую сотворили этот и другие представители экспрессионизма — конечно, она просто обязана была привести их к фашизму! По моему скромному разумению, Зедльмайр от экспрессионизма категорически далек, представляя то следующее поколение ученых, которое скорее уж возвращалось к приемам формализма в пику непосредственным предшественникам, нежели продолжало их линию. Доказательством чему служит не столько критический текст о Дворжаке, созданный после войны (*Зедльмайр* 2000: 113–133), сколько тот факт, что призыв «вернуться к отдельному произведению искусства», прозвучавший

¹⁸ Подскажу направление дальнейших поисков: вот и К. С. Мельников оказался вдруг антисемитом... стало известно, как сеговал он в кругу семьи по поводу передачи Б. М. Иофану права представлять СССР на известной выставке в Париже: мы же знаем, кто правит миром (*Udovicki-Selb* 2012: 26, fn. 34). Тайное всегда становится явным.

¹⁹ Статью эту (*Sedlmayr* 1981) Мэнних ошибочно принимает за некролог (*Männig* 2017: 178) — Воррингер ушел из жизни в 1965 г., вовсе не в 1981 г.

из уст Зедльмайра еще в 1930-е (Там же: 77), направлен был именно против Воррингера и Дворжака, в своих рассуждениях о готике, к примеру, принципиально избегавших упоминания каких-то конкретных памятников (Worringer 1911, Дворжак 2001).

Неожиданно легко эту новую денацификацию проходит А. Ригль (Männig 2017: 106), воззрения которого Зедльмайр, конечно, пытался апроприировать, но вместе с Воррингером и др. лишь извратил (Ibid.: 108). А «гамбургцы» Э. Панофски и Э. Винд, разве они не исказили учение Ригля, тоже перетолковывая его по-своему (см.: Panofsky 1920; Wind 1925)? Сказываются утвердившиеся в последние годы — на мой взгляд, совершенно ложные — представления о Ригле как чуть ли ни предшественнике авангарда, который-де в трудах своих доказал, что «плохих стилей не бывает» (см.: Smith 2001), а это уже прямо противоречит любой концепции *дегенерации* (в том числе и под знаком «утраты середины»). Что это не так, доказать непросто, ведь большинство современных поклонников Ригля трудов его не читали...²⁰ К счастью, в рамках настоящего исследования можно от этого единичного оправдательного приговора абстрагироваться. Забавно, однако, что, объявляя Ригля чуть ли не единственным достойным представителем старой науки, Мэнних затем активно эксплуатирует его теорию, которую, по всей видимости, одну только и допустимо в наши

дни применять, так что пара *оптический-зантический* не раз — к месту и не к месту — еще всплывет по ходу ее рассуждений (к примеру, Männig 2017: 143).

За учеными должен был настать черед художников. И вот тут обнаруживается один весьма курьезный момент. Но обо всем по порядку.

В прежние времена довоенные воззрения Зедльмайра можно было объяснить отчасти оппортунизмом, отчасти амбициями начинающего исследователя, искавшего «строгой научности» то в гештальт-психологии, то в трудах Дворжака и Ригля. Исток же его последующей деятельности, которую характеризует, прежде всего, критическое отношение к модернизму, столь естественно было видеть в обращении к католицизму — во время и *вследствие* войны. Вот только взгляд этот устарел категорически! Отмечая отсутствие религиозных мотивов в публикациях Зедльмайра 1930-х (Ibid.: 135), Мэнних стремится представить именно годы с 1938 по 1945 вершиной деятельности ученого, в том смысле, что лишь тогда он мог дать волю своим истинным взглядам (да и то так, что их приходится ныне всячески вычитывать из текстов или даже, напротив, «вчитывать» в них), но, только помня о них, мы можем *правильно* интерпретировать вообще всю его систему, и тогда католичество, по Мэнних, окажется на периферии, в пресловутой же *середине* — именно национал-социализм. (Сами

²⁰ При всем том внимания достоин факт перевода основных трудов Ригля на английский как раз во второй половине XX в., тогда как, скажем, Воррингера, как и Зедльмайра, по-английски не издавали уже давно.

догадаться, что за *утрату* он в таком случае оплакивал в 1948 г.)

Но почему в основе консервативных воззрений кого бы то ни было нужно непременно видеть проявления коричневой чумы?! Наверное, потому что национал-социалисты не любили модернизм. В самом деле, авторы «Искусства с 1900 г.» доходят до того, что объявляют: Гитлер уничтожил в Германии всякую *modernity*²¹ (Искусство 2015: 522), как если бы пол-Европы были завоеваны с луком и стрелами... Привычно считать: раз фашизм — абсолютное зло, то модернизм в целом (как экспрессионизм в частности), с которым это боролось, абсолютное благо. Отнюдь! Так можно было утверждать в послевоенные годы, пока не перечитали внимательно некоторые тексты того же Марка (*Männig* 2017: 225–227). Вот раньше А. Шпеер²² только заикнулся о своих симпатиях к такому предшественнику современной архитектуры, как Булле, как сразу в ответ звучало резкое осуждение (*Vogt* 1970), теперь же его лайт-шоу в Нюрнберге²³ охотно относят к модернизму, видя в этом близость последнего к фашизму (*Männig* 2017: 185). Тут уж вспоминают и про то, что Баухаус, по сути,

подготовил немало специалистов для промышленности рейха, и про повальный антисемитизм первоходцев современного искусства — вспомним хотя бы Ле Корбюзье.

В книге Мэнних именно швейцарский зодчий — крайне важная фигура, потому она пытается доказать его связь с Зедльмайром на основании частых, но всегда, разумеется, критических упоминаний одного другим (при том что Корбю о существовании австрийского искусствоведа, скорее всего, не догадывался). Этот зодчий, правда, в отличие от вполне уважаемого американца Ф. Джонсона, лично с фюрером не встречался (*Ibid.*: 203), а его коллаборационизм, полагаю, — тоже не что иное, как чистой воды оппортунизм. Мэнних, однако, не может простить архитектору, что тот не вернулся на свою нейтральную родину, предпочитая остаться в вишистской Франции (*Ibid.*: 206)²⁴. Почему? Да ведь он, оказывается, был расист (*Ibid.*: 205). Так, известная метафора «белых соборов» (*Le Corbusier* 1937) означает, на самом деле, «соборы для белых»²⁵. Поразительная находка! Сродни обнаружению (*Ibid.*: 175) у Воррингера и Зедльмайра (о чем далее) свастики...

²¹ Парадоксальный эффект этого высказывания в русском издании смягчен заменой «*modernity*» на словосочетание «современная культура», что, конечно, некорректно.

²² Кстати, раскаявшийся и отбывший наказание, но все равно не прощенный, так что можно предположить, что и каяться бесполезно.

²³ Мэнних сопоставляет это действие со знаменитой обложкой манифеста «Баухауса» 1919 г., гравиурой работы Л. Фейнингера, помещая то и другое явление в контекст «световой метафизики» Зедльмайра (см. далее) (*Männig* 2017: 183).

²⁴ Опять же показательно, что в свое время Ч. Дженкс, затрагивая тему коллаборационизма Корбю, никаких далеко идущих выводов из этого аспекта биографии зодчего (*Jencks* 1975) не делал — швейцарец оставался для него непререкаемым авторитетом (ср.: *Jencks* 1973).

²⁵ Зедльмайр открывает свое исследование средневекового зодчества (*Sedlmayr* 1950: 23–29) подробным разбором того, что соборы были *не* белыми, но полихромными; на известный текст швейцарского зодчего он ссылается, дабы опровергнуть распространенное заблуждение относительно «мрачной» или «темной» готики, что Мэнних, конечно, из внимания упускает.

Что ж, ниспровергнут еще один мнимо прогрессивный деятель культуры... К счастью, в отличие от какого-то полузабытого искусствоведа, у великого зодчего наверняка найдутся защитники, так что в этом смысле можно лишь приветствовать бесконечную экспансию денацификации — быть может, как раз многочисленных поклонников Ле Корбюзье заинтересует когда-нибудь и скромный австрийский ученый, раз уж их имена зачем-то связали?.. При всем том два этих человека — совершенные антиподы, непонятно, как можно вообще говорить об их скрытом родстве, если, конечно, не ставить во главу угла именно реальный или мнимый антисемитизм, якобы всё объясняющий.

Но вот что действительно важно. Создавая во второй половине 1940-х гг. свой главный текст, посвященный критике современного искусства, «Утрату середины» (Зедльмайр 2008), Зедльмайр ведь тоже указывал на вину модернизма в событиях Второй мировой. Мэнних не может этого не видеть, и возражения ее того характера (Ibid.: 100, 205–206), что до Б. Гройса и Б. Висса²⁶ к подобным выводам Зедльмайр прийти, разумеется, мог лишь случайно, желая попросту переложить ответственность с больной головы на здоровую (вернее, менее больную). Никто, конечно

же, не смел критиковать модернизм *справа*, следовало дожидаться вызревания его критики *слева*.

Тут у наивного читателя возникнет, наверное, вопрос: хорошо, Марк, Ле Корбюзье, наши конструктивисты, все они виновны, все плохие. Но кто тогда хороший? Во имя кого ведется борьба с мировым злом, и что здесь добро? В глобальном плане задавать такой вопрос современным левакам — занятие, наверное, небезынтересное, и их ответы могут нас удивить, но в случае с Мэнних — уверен, не только с ней! — все гораздо проще. По ходу чтения всего ее труда не покидает чувство, что собственные познания автора в сфере истории искусств более чем скромны²⁷. Или скажем иначе: что лично ее не занимает ни готика, ни барокко, ни — даже! — модернизм. Иначе не приписала бы она авторство Института Ленина Эль Лисицкому (Ibid.: 79)...

Едва ли уместно сводить даже рецензию, не говоря уж о более свободном изложении мыслей по поводу современной ситуации в гуманитарной науке (а именно таким мне хотелось бы представить данный текст) к поиску мелких огрехов²⁸. Скорее уточнения требуют более запутанные вопросы, к примеру, кто такой Дж. Терраньи? Прислужник фашистского режима с его мегаломанской

²⁶ Последний указал на скрытый тоталитаризм авангарда на Западе, так же как это сделал в отношении советской культуры Гройс.

²⁷ В этом как раз и проявляется опасность забвения ценности *отдельного произведения* искусства в пользу каких-то отвлеченных конструкций — чему всю свою жизнь противостоял Зедльмайр. К чему добавляется и другая угроза — «чистой» историографии, вызванной к жизни не интересом к истории какого-либо частного вопроса (готика, барокко, модернизм, любой другой стиль в этом смысле, тоже *частные* вопросы), но призванной разоблачать «неправильную установку».

²⁸ К примеру, венская выставка проектов Ле Корбюзье, которую когда-то Зедльмайр рецензировал (Sedlmayr 1926), представляла «лучезарный город», вовсе не «план Вуазен» (Männig 2017: 161);

культурной политикой (Ibid.: 20)²⁹ или — как вроде бы все еще принято считать — один из ведущих зодчих XX в. (ср.: *Бэнэм* 1980: 90–93)? Мэнних-то он нужен лишь для оформления заставок к трем разделам книги (*Männig* 2017: 2, Abb. 21, 137, Abb. 17, 239, Abb. 39). Вероятно, прежде чем она отыскала поистине забвенный проект «Дантеума», место этого зодчего в истории искусства ее могло и вовсе не занимать. Что ж, и зодчий не остался в долгу, замысел его, парадоксальным образом напоминающий нашего А. Л. Витберга, — трехуровневый храм, вдохновленный «Божественной комедией», — в силу как раз стопроцентно модернистского минималистского языка оказывается *категорически неспособен* представить три сферы инобытия сколь-нибудь различными! Что ж, и штаб-квартира фашистской партии в Комо едва ли чем-то принципиально отличается от здания театра Дэвида Коха в Нью-Йорке, если только не встать на ту позицию, что и этот последний объект призван выражать тоталитарную идеологию, в данном случае, вероятно, маккартизма (ср.: *Jencks* 1973: 184). А его автор — Ф. Джонсон — между прочим, когда-то приветствовал взятие немцами Варшавы...³⁰

Главное. Фрау Мэнних, по существу, лишь выполняет простое и понятное задание: с высоты теперешних пози-

ций разгромить учение Зедльмайра, никакой позитивной программы у нее нет. Хотя, как явствует из информации, доступной в Интернете, дипломная работа ученой и была посвящена средневековому (декоративно-прикладному) искусству, это никак на общий подход к явлениям прошлого не влияет, так что чуть ли ни единственное место, где звучит, наконец, искренне увлеченный голос исследовательницы, — это совершенно необязательный в данной книге рассказ о бесчеловечных опытах Ж.-М. Шарко (*Männig* 2017: 35–38) — необязательный хотя бы потому, что уличить Зедльмайра еще и в мизогинии пока не удается.

Кардинальная вина ученого — в том, что он противопоставил мрачному настоящему прекрасное прошлое — именно тогда, когда параллельно с довольно скромной по объему (изданной к тому же без картинок) книжкой «Утрата середины» в те же 1930–1950-е гг. работал над величественным и глубоко оригинальным «Возникновением собора» (*Sedlmayr* 1950) (конечно, гораздо менее известным, в силу хотя бы отсутствия английского перевода).

Картина же мира, созданная Мэнних со товарищи, выходит какой-то уж совсем беспросветной, ибо все в ней в итоге приходит к фашизму — разрушению, ужасу, гибели. И то прав-

тот же проект использован и в фотоколлаже (Ibid.: 213, Abb. 32), а уж рисунки столь популярного ныне Х. Феррисса (там же) стоило бы узнать и не приписывать их швейцарцу...

²⁹ Даже Данте не избежал высокомерной критики современного автора — правда, не сам по себе, но как инструмент фашистской партии, маскировавшей свои грязные дела в числе прочего и культом великого поэта.

³⁰ Мэнних упоминает «Хрустальный собор» зодчего в Гарден-грове 1980-х (*Männig* 2017: 203), но почему-то вовсе не касается личности Л. Миса ван дер Роз! А ведь этот кумир американского зодчего (и один из создателей современной Америки) встречался с Геббельсом...

да, прошлое на взгляд нашего современника совершенно кошмарно, непонятно, как вообще мог так кто-то жить — без гаджетов, без соцсетей, без прав человека... Было там, конечно, некое искусство, но оно-то большинству носителей такой критической мысли не интересно в принципе.

Соответственно, высказать что-либо по существу концепции средневекового зодчества в текстах Зедльмайра Мэнних не может — и то верно, как сравнительно молодой ученой спорить с человеком, до восьмидесяти с лишним лет сохранявшим ясность ума и твердость памяти — и это помимо иных бесспорных достоинств, сквозящих в каждой строчке, оставленной им! Впрочем, позднее творчество Зедльмайра она из своего рассмотрения исключает, фокусируя внимание на «середине земной жизни» героя — его национал-социалистском акме с последующим разоблачением и уходом в «подполье». Хотя, что значат семь лет при Гитлере против стольких предшествующих и особенно последующих десятилетий? Средневековой архитектурой, как и творчеством И.-Б. Фишера фон Эрлаха, Зедльмайр занимался всю жизнь — с тех пор, как, по собственному признанию, в окопах Первой мировой прочитал книжку (экспрессиониста, а в дальнейшем «фашиста», поможем Мэнних) В. Пиндера (*Pinder* 1912), а затем своими глазами увидел Айя-Софию (*Ottenbacher* 2001).

Впрочем, там, где ей надо, автор за временные рамки (1933 г. + 20 лет) иногда выходит — скажем, в случае с картинкой на обложке (из 1964 г.). Готика же и барокко становятся са-

мостоятельными разделами книги, вот только категорический недостаток собственных знаний приводит к тому, что вместе эти главы оказываются по объему меньше первой, модернистской главы. Как отмечалось, Данте (вкуче с Терраньи) призваны придать всему повествованию претенциозной формат — ад (или наше время) в таком случае логично занимает больше места. Но если барокко — рай, отчего же готике досталась функция *чистилища*? Ведь основной идеей книги Зедльмайра о соборах было именно отождествление готического храма с *образом рая на земле*?

Мэнних высокомерно называет такую точку зрения ересью (согласно средневековой теологии) (*Männig* 2017: 235) — увы, не дочитала она «Собор», ибо если есть в чем готическое искусство, по Зедльмайру, упрекнуть, так это в дерзновенном стремлении его творцов приблизить небо к земле, сделав рай осязаемым, зримым — к этой мысли и подводит читателя он (*Sedlmayr* 1950: 510–511). Важно понять, что в сложной картине мира искусства, сотворенной ученым, каждый последующий стиль, каждая последующая эпоха — воистину шаг к гибели, и всякое достижение осуществляется лишь ценой колоссальных потерь. Но ровно так и должен воспринимать действительность верующий христианин! Следовательно, барокко не может быть *ближе* к раю, нежели более ранняя готика, напротив, эпоха эта непосредственно предшествует современности, неизбежно принимая на себя ее отпечаток. В таком случае подлинный рай — это уж скорее Св. София.

М. Гозебрух — автор исключительно сложный, со своей изощренной методологией (см.: *Gosebruch* 1970), и скорее противник, нежели сторонник модернизма (*Gosebruch* 2007), в своей рецензии на эту книгу Зедльмайра (*Gosebruch* 1954) отмечает, что отождествление собора с небесным Иерусалимом неубедительно, ибо в средневековых изображениях Града небесного виден всегда еще и храм, стало быть, часть не может изображать целое (*Männig* 2017: 188). Но это лишь фрагмент разностороннего и местами весьма апологетического текста, причем единственное место у Мэнних, где она приводит хоть какую-то критику представлений Зедльмайра о Средневековье по существу, а ведь специалисты в большинстве своем не приняли его идей, высказав немало ценных контраргументов (см.: *Gall* 1951, *Simson* 1951, *Ueberwasser* 1951, *Frankl* 1960). Разумеется, всякий серьезный исследователь творчества Зедльмайра должен подробно изучить этот вопрос. Хотя верно, что в популярное сознание идея «готический собор — образ рая на земле» вошла довольно прочно (*Männig* 2017: 168), еще прочней, чем словосочетание «утрата середины». Но избавить науку от подобного наследия одним лишь указанием на отвратительные политические взгляды автора не получится. Массовое культурное сознание не проникает дальше подобных штампов — как и подозрений в фашизме. Иное дело профессионалы...

Тот же Гозебрух восторженно отозвался о разделе книги, где проводятся параллели готики с кельтской культурой (*Gosebruch* 1954). Автор настоящего текста, вспоминая собственный опыт прочтения «Собора», может такой восторг только разделить — если где-то в нашей науке и возможна гениальность, то где, если не здесь? Мэнних, однако, не склонна восхищаться чем-либо, и вердикт ее донельзя прост: как известно (ибо кто-то где-то сие уже доказал), отсылки к кельтской мифологии играли немаловажную роль в культурной политике нацизма (ср. Аненэрбе) (*Männig* 2017: 186). Так вот откуда кельты у Зедльмайра! Того же порядка и утверждение, что всякая апелляция к солнцу (ср.: метафизика света у Зедльмайра (*Sedlmayr* 1960)) напрямую связана... нет, не с Дионисием Ареопагитом, но тоже с Гитлером (*Männig* 2017: 179): вспомним колонны света на поле Дирижаблей в Нюрнберге. Сюда же отнесем и святой Грааль, и Р. Вагнера, и В. Фуртвенглера (*Ibid.*: 199).

Ну и вишенкой на торте мысль о готической розе. Для Зедльмайра это солярный символ (не только, конечно, но Мэнних занимает лишь эта параллель), а что еще может служить символом солнца? Правильно, свастика (*Ibid.*: 181). Итак, Зедльмайр подводит читателя к мысли, что в средневековом соборе над входом красовалась свастика³¹. Ну не прямо, но так, что и теперешние читатели могут догадаться. В такие мгновения

³¹ Самое время задать провокационный вопрос: что плохого в свастике как таковой? Символ индуизма, украшающий, к примеру, правительственный комплекс в Чандигархе — отнюдь не вследствие нацистских симпатий Ле Корбюзье... Если сводить весь смысл преступлений гитлеризма к свастикам, рунам и т. п. декоративным мотивам, то, полагаю, истинные причины этого явления останутся и не понятыми, и не преодоленными.

хочется воскликнуть: да полноте, это, вероятно, какой-то тонкий околоначучный стеб, можно ли утверждать такое на полном серьезе?!

Поразительно, но именно вторая глава (чистилище) представляется самой резкой; автор здесь просто исходит злобой по поводу своего героя и соучастников его многочисленных преступлений.

Требуется, по всей видимости, показать: если «плохой» модернизм все-таки хотя бы отчасти нам близок (и критикуя его, в конечном итоге Зедльмайр просто нападает на нас и наше время), то его «хороший» собор есть не что иное, как храм новой религии национал-социализма — образ будущего, которое, к счастью, не наступило, утопия «белых» зданий со свастикой на фасаде. Может быть, поэтому роль (псевдо)рая в книге досталась барокко, которое Мэнних попросту безразлично?

Начинается-то этот раздел мирно — перечнем широко известных фактов возросшего интереса к готике в XIX в., когда был достроен, в частности, кельнский собор, в Вене же появилась неоготическая церковь Обета. Эта последняя расположена близко к университету, более того, по словам Мэнних, многие туристы принимают ее за Штефансдом (Ibid.:

172) — таков, вероятно, и собственный опыт автора... Но нет, это Зедльмайр допустил нелепую ошибку, когда писал про средние века, а выходило про *неоготику* (Ibid.: 237), сфальсифицированный, лживый стиль, ведущий — вот ведь незадача! — к фашизму...³² Надо ли напоминать, что далеко не все соборы были достроены в Новое время, хотя и нет ни одного памятника (какой бы то ни было эпохи), который не нес бы на себе отпечаток руки реставратора, со всеми вытекающими отсюда проблемами? И что доказывает утверждение: Зедльмайр смотрел на Средневековье глазами человека XX ст.? А как иначе он мог на него смотреть? Вот мы смотрим теперь уже из следующего века, так неужели это стародавнее явление оказывается нам ближе? И лишь потому что у нас критический взгляд и (политически) «правильная установка»?

Следует примечательный интеллектуальный кульбит: как известно, избыточно просторную площадь перед церковью Обета некогда критике подверг видный теоретик градостроительства К. Зитте (появляющийся в данной книге, надо заметить, совершенно неожиданно), предлагавший ее сузить³³ (Zimme 1991: 201–203). А вот, кстати, и Зедльмайр в 1930-е тоже желал реконструировать, правда, уже всю Вену, дабы

³² Автор неоднократно по ходу книги упоминает чуждость «истинно арийскому» искусству южной классики и Ренессанса, приводя суждения разных авторов относительно того, «в каком стиле строить» в новом рейхе. Но ведь именно классицизм (разбавленный модернизмом) стал официальным стилем гитлеровского режима! Даже если самому фюреру вроде бы импонировало южно-немецкое барокко, и в Сети несложно отыскать вполне открыточный вид Карлскirche в Вене, созданный Гитлером в юности (а вот Мэнних позабыла указать «истинную» причину интереса Зедльмайра к этой церкви). Но где барокко или готика в Германии 1930-х?

³³ Вообще-то, по образцу Зальцбурга (с его собором позднего Возрождения), но Мэнних этого не знает.

сделать этот город достойным новой власти (*Sedlmayr* 1939). И проект его, разумеется, предлагал уничтожить *getto*, хотя прямо он об этом не говорил (*Männig* 2017: 156).

Какое все это имеет отношение к готике?.. Непонятно. Тут же следует обращение к мнимому *alter ego* Зедльмайра, Ле Корбюзье, который тоже предлагал реконструировать старые города, любил соборы и, как доказывают некоторые исследователи, не любил евреев (план Вуазен призван был в первую очередь уничтожить район Маре — бывшее парижское гетто³⁴). При этом говорить, что начинал он как последователь Зитте (*Ibid.*: 212), — явная натяжка, ибо в своих зрелых текстах Корбю над австрийским градостроителем лишь насмеялся (*Ле Корбюзье* 1933).

Как видно, собственно о соборах современному исследователю сказать-то нечего. Потому отвлекается она беспрестанно, то на световую архитектуру Шпеера, то на план Вуазен. На все то, что действительно имеет отношение к современности. В случае же с барокко жительница Вены обнаруживает какое-то уж совершенно катастрофическое безразличие к стилю, этот город во многом сформировавшему. По сути, для нее великий зодчий Фишер фон Эрлах — лишь герой карикатуры начала века, где тот натывается на дом Лоса (напоминая Зедльмайра с кока-колой), и еще статуи работы «фашиста» Й. Торака (*Männig* 2017: 260). Заказали ему этот памятник в после-

военные годы — время, когда Зальцбург утверждался в роли *культурной столицы* Австрии. Кстати, и Моцартовский фестиваль рассматривается Мэнних в качестве элемента такой, как несложно догадаться, скрыто *реванистской* политики, вопреки всем тем, кто наивно полагал, что это только про музыку (*Ibid.*: 257).

Отчего же барокко — рай?

Под конец книги автор обращается вдруг к детским воспоминаниям Зедльмайра, написанным в годы войны, опубликованным же только после смерти (*Sedlmayr* 1986). Этот замечательный документ, лишней раз напоминающий о несомненном литературном даровании ученого, похоже, пленил и такого сурового судию, как Мэнних (*Männig* 2017: 240–243). Ничего плохого об этом сочинении сказать она не может, впрочем, ничего оттуда и не заимствует. Ведь никаких подробностей, собственно, *жизни* Зедльмайра в ее книге нет — к примеру, читатель так никогда и не узнает, как звали родителей ученого. Чего-либо биографического, т.е. человеческого, в книге такого рода быть не должно (как, скажем, детских или юношеских фотографий, которые, в самом деле, хотелось бы увидеть — неужели их и вправду нет?). Упомянута же автобиография для того, чтобы увязать первые детские переживания с архитектурой барокко (увиденной Зедльмайром в имении Эстергази в нынешней Хорватии, где служил управляющим отец).

³⁴ Надо ли пояснять, что плотно застроенные районы бедноты и этнических меньшинств уничтожались повсеместно, ввиду их несоответствия современным санитарным нормам? Но если в Риме Муссолини это варварство (*Männig* 2017: 162), почему же в Сент-Луисе нет?..

Следует итог. Рай — это поздние годы исследователя в Зальцбурге, когда Зедльмайр сосредоточился на градозащитной деятельности (см.: *Sedlmayr* 1967; 1970), за что его и чтят там по сей день — пусть местные леваки и оговариваются (на своем сайте): да, он защитил наш город, но все равно... не простим (*Männig* 2017: 263)! Звучат голоса и других несогласных, автором, к счастью, не услышанные — так, по мнению Т. Цаунширма, превращение Зальцбурга в туристский аттракцион — вина именно таких, как Зедльмайр (*Zaunschirm* 1987). От себя добавлю, облик этого города слишком мало зависит от приемов барокко, отчего и не получается увязать борьбу за его сохранение с интересом ученого к «государственному стилю» (*der Reichstil*), как он его определял. Скорее уж венский Ринг — порождение барокко, но какого-либо возвращения к реконструкции австрийской столицы в этом месте книги не происходит. Опять же, к счастью.

Иное дело то, что без внимания оставлены три книги, посвященные Фишеру фон Эрлаху (*Sedlmayr* 1925; 1956; 1976), изучение наследия которого сопровождало весь жизненный путь Зедльмайра, увенчавшись третьей, поистине образцовой монографией. Вообще же, к концу повествования градус авторской озлобленности спадает, проклятий по адресу криптофашистов мы больше не слышим, ограничивается она легкой иронией по поводу «иммерсивного»

метода ученого (*Männig* 2017: 264) — не разъяснив толком, что это такое. Все видение истории искусства Зедльмайром сводится к фрагменту Венеции, некогда построенному на венском Пратере (*Ibid.*: 268–269) (можно было бы приплести сюда и замки Людвига, но нет). Методологические сочинения Зедльмайра, скажем, его замечательная полемика с К. Бадтом (см. *Badt* 1960), вовсе оказываются вне поля зрения ученой — собственно, теорию Зедльмайра она характеризует как «расплывчатую»³⁵ (*Männig* 2017: 236). Одно лишь великолепное исследование, посвященное П. Брейгелю старшему (вдохновенное все тем же Кроче) (*Sedlmayr* 1934), кратко рассмотрено в первой главе — в качестве примера поисков модернизма в маньеризме (*Männig* 2017: 101).

Даже у Мэнних нет-нет да и проскачат некоторые позитивные замечания по поводу мастерства слова, коим герой исследования, несомненно, обладал... притом, что все это, конечно же, ненаучно и приводит понятно к чему. Но в том-то главная проблема современного автора! Зедльмайра будут читать — не по наивности, а просто потому, что это увлекательно и интересно, местами убедительно, местами не очень, но и хорошо, ведь провоцирует полемику. А вот книгу Мэнних до конца, полагаю, осият немногие, кое-кто, хочется верить, споткнется уже на обложке, оскорбившись за талантливого человека, выставленного здесь в столь жалком виде.

³⁵ Ей невдомек, к примеру, что Зедльмайр (*Zedlmayr* 2000: 38–65) и его учитель, Шлоссер (*Schlosser* 1935) в понятие «история стиля» (*die Stilgeschichte*) вкладывали диаметрально противоположные значения (ср.: *Männig* 2017: 266).

Но если в теперешней ситуации Зедльмайру и не суждено быть по-настоящему услышанным и понятым, то лишь потому, что таких, как Мэнних, слишком много, ведь, в сущности, вещает она не от своего лица. Множество заурадных высказываний способно, увы, создать тот шумовой фон, что заглушит и самую пронзительную идею. Зедльмайр — блестящий оратор, но ведь и это категорически недопустимо с точки зрения современных стандартов преподавания, где уже не диктатор провозглашает с высокой кафедры высокие истины, суггестивно воздействуя на неокрепшие умы, а скромный модератор предлагает свободным людям в свободном мире высказываться по поводу прочитанного накануне. Что иногда называется *либеральным образованием*, цель которого в идеале — лекции и вовсе запретить, заменив их бесконечными семинарами. Как следствие, на смену ярким, рискованным, провокационным идеям приходит вялый обмен банальностями.

Так, когда при появлении Зедльмайра на Дармштадтских беседах в 1950 г.³⁶ кто-то выкрикнул фашистское приветствие, остальные присутствующие восприняли произошедшее как, само собой разумеется, хулиганство — ученый же с достоинством парировал, что придерживался тех же взглядов как до, так и после Гитлера (*Menschenbild* 1951: 59) (тем хуже, замечает Мэнних (*Männig* 2017: 100)). Теперь кричат уже все кому не лень, наивно пола-

гая, что таким путем можно снять любую проблему, в том числе и *настоящего* фашизма/нацизма. Более того, стало в порядке вещей карябать на постаментах монументов — нет, не лично Зедльмайра, памятника он не сподобился, но всей научной традиции — оскорбительные лозунги, демонстрируя тем самым, вероятно, собственное свободолюбие (не станем вспоминать тут еще одну басню Крылова).

Спорить с Зедльмайром почти невозможно. И фрау Мэнних допускает явный просчет, предоставив обвиняемому последнее слово! Видимо, вынесла она из университетских занятий, что публикация неизданных документов (в данном случае радиотранскрипции) способна придать всякому исследованию только больший вес. Но этот ответ ученого критикам «Утраты середины» (*Ibid.*: 276–280) оказывается гораздо убедительней всех предыдущих диатриб Мэнних & Со. Так что поверженный было ретроград в итоге торжествует — как когда-то на Дармштадтских беседах. Постамент же науки, кем-то зачем-то испачканный свастикой и прочими мерзостями, становится памятником современному невежеству и прискорбной практике навешивать ярлыки, уж слишком похожей на иные ритуалы того самого фашизма...

Что ж, предоставим и мы в завершении слово ученому, пусть это будет даже отчасти цитата *другой* цитаты — ведь Зедльмайр как никто преуспел

³⁶ Мероприятию, призванном создать позитивный образ современного искусства в Западной Германии, куда ученого пригласили на роль мальчика для битья, явно не ожидая, что его столь убедительное выступление возымеет успех (*Männig* 2017: 246).

в творческой интерпретации чужих высказываний, всякий раз изысканно вполетая их в авторский текст:

«...Когда я думаю о тотальном молчании, которым встретили этот мой призыв (к дискуссии о современном искусстве. — *И. С.*), мне вспоминается невольно, как начинает свою превосходную книгу “Истощенное время” (*Il tempo esaurito*) Энрико Каstellи... Когда Ричард III перед битвой при Босворте... пожелал вызвать герцога Клостерского на поединок, герольд трижды в полный голос повторил вызов. Герцог не ответил. Наступило Новое время» (цит. по: *Ibid.*: 279).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бэнэм 1980 — *Бэнэм Р.* Взгляд на современную архитектуру: Эпоха мастеров. М., 1980.

Воррингер 2000 — *Воррингер В.* Об искусстве XX века. (Выступления разных лет.) // *Метафизические исследования*. Вып. 13. Искусство. СПб., 2000. С. 252–297.

Гройс 1993 — *Гройс Б.* Утопия и обмен. (Стиль Сталин. О новом. Статьи). М., 1993.

Дворжак 2001 — *Дворжак М.* Идеализм и натурализм в готической скульптуре и живописи // *Дворжак М.* История искусства как история духа. СПб., 2001.

Зедльмайр 2000 — *Зедльмайр Г.* (Sic!) Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. СПб., 2000.

Зедльмайр 2008 — *Зедльмайр Х.* Утрата середины. Революция современного искусства. Смерть света. М., 2008.

Зитте 1991 — *Зитте К.* Художественные основы градостроительства. М., 1991.

Искусство 2015 — *Искусство с 1900 г.: Модернизм. Антимодернизм. Постмодернизм.* М., 2015.

Ле Корбюзье 1933 — *Ле Корбюзье.* Планировка города. М., 1933.

Aurenhammer 2002 — *Aurenhammer H.H.* Hans Sedlmayr und die Kunstgeschichte an der Universität Wien: 1938–1945 // *Kunstgeschichte an den Universitäten im Nationalsozialismus.* Göttingen, 2002. S. 161–194.

Badt 1960 — *Badt K.* Modell und Maler von Jan Vermeer: Probleme der Interpretation. (Eine Streitschrift gegen Hans Sedlmayr.) Köln, 1960.

Brinckmann 1938 — *Brinckmann A.E.* Geist der Nationen: Italiener, Franzosen, Deutsche. Hamburg, 1938.

Menschenbild 1951 — *Das Menschenbild in unserer Zeit.* /1. Darmstädter Gespräch. 1950. Darmstadt, 1951.

Dittmann 1967 — *Dittmann L.* Stil. Symbol. Struktur. (Studien zu Kategorien der Kunstgeschichte.) München, 1967.

Frankl 1960 — *Frankl P.* The Gothic: Literary Sources and Interpretation through Eight Centuries. Princeton, 1960.

Frodl-Kraft 1989 — *Frodl-Kraft E.* Eine Aporie und der Versuch ihrer Deutung: Josef Strzygowski — Julius v. Schlosser // *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte.* Bd. 42. 1989. S. 7–52.

Frodl-Kraft 1991 — *Frodl-Kraft E.* Hans Sedlmayr (1896–1984) // *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte.* Bd. 44. Nr. 1. 1991. S. 7–46.

Gall 1951 — *Gall E.* Hans Sedlmayr: Die Entstehung der Kathedrale // *Kunstchronik.* 1951 (Jhg. 4). S. 14–21, 330–332.

Gosebruch 1954 — *Gosebruch M.* Hans Sedlmayr. Die Entstehung der Kathedrale. (Rezension.) // *Göttingische Gelehrte Anzeigen.* Bd. 208. Nr. 3 (1954). S. 236–243.

Gosebruch 1970 — *Gosebruch M.* Methodik der Kunstwissenschaft // *Enzyklopädie der geisteswissenschaftlichen Arbeitsmethoden.* 6. Lieferung: Methoden der Kunst- und Musikwissenschaften. München; Wien, 1970.

Gosebruch 2007 — *Gosebruch M.* Wolfgang Klähn und die Krise der Moderne. Leipzig, 2007.

Grebing 2004 — *Grebing H.* Die Worringers: Bildungsbürgerlichkeit als Lebensinn. (Wilhelm und Marta Worringer. 1881–1965.) Berlin, 2004.

Iselt 2010 — *Iselt K.* “Sonderbeauftragter des Führers”: Der Kunsthistoriker und Museumsmann Hermann Voss (1884–1969). Köln; Weimar; Wien, 2010.

Jencks 1973 — *Jencks Ch.* Modern Movements in Architecture. London; N.Y.: Penguin Books, 1973.

Jencks 1975 — *Jencks Ch.* Le Corbusier and Tragic View of Architecture. London, 1975.

Kunsthistoriker 1990 — Kunsthistoriker in eigener Sache (Zehn autobiographische Skizzen.) Berlin: Dietrich Reimer, 1990.

Kuspit 1982 — *Kuspit D.B.* Authoritarian Aesthetics and the Elusive Alternative // Journal of Aesthetic and Art Criticism. 1982–1983. 41. Nr. 3. P. 271–280.

Le Corbusier 1937 — *Le Corbusier.* Quand les cathédrales étaient blanches: Voyage au pays des timides. Paris, 1937.

Levy 2010 — *Levy E.* Sedlmayr and Schapiro Correspond. 1930–1935 // Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte. Bd. 59. 2010. S. 235–263.

Männig 2017 — *Männig M.* Hans Sedlmayrs Kunstgeschichte. (Eine Kritische Studie.) Köln; Weimar; Wien, 2017.

Ottenbacher 2001 — *Ottenbacher A.* Kunstgeschichte in ihrer Zeit: Zu Hans Sedlmayrs “abendländischer Sendung” // Kritische Berichte. Bd. 29. Nr. 3. 2001. S. 71–86.

Pächt 1956 — *Pächt O.* Panofsky E. Early Netherlandish Painting. Review // The Burlington magazine. 98. 1956. P. 110–116, 267–279.

Pächt 1977 — *Pächt O.* Methodisches zur kunsthistorischen Praxis. (Ausgewählte Schriften.) München, 1977.

Panofsky 1920 — *Panofsky E.* Der Begriff des Kunstwollens // Zeitschrift für Äs-

thetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 1920. Bd. 14. Heft 4 (1920). S. 321–339.

Pinder 1912 — *Pinder W.* Deutscher Barock: Die großen Baumeister des 18. Jahrhunderts. Königstein a. Taunus, 1912.

Sauerländer 2003 — *Sauerländer W.* Der Münchener Protest gegen die Berufung Hans Sedlmayrs im Frühjahr 1951 // 200 Jahre Kunstgeschichte in München: Positionen — Perspektiven — Polemik (1780–1980). München; Berlin, 2003. S. 182–198.

Schapiro 1936 — *Schapiro M.* Kunstwissenschaftliche Forschungen. II. Review // The Art Bulletin. Vol. 18. No. 2 (June 1936). P. 258–266.

Schlosser 1934 — *Schlosser J. v.* Die Wiener Schule der Kunstgeschichte: Rückblick auf ein Säkulum deutscher Gelehrtenarbeit in Österreich // Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung. Ergänzungs-Bd. 13. Nr. 2. 1934. S. 145–210.

Schlosser 1935 — *Schlosser J. v.* “Stilgeschichte” und “Sprachgeschichte” der bildenden Kunst // Sitzungsberichten der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Nr. 1. 1935. S. 1–39.

Schneider 1990 — *Schneider N.* Hans Sedlmayr (1896–1984) // Altmeister moderner Kunstgeschichte. Berlin, 1990. S. 267–288.

Schrade 1936 — *Schrade H.* Schicksal und Notwendigkeit der Kunst. Leipzig, 1936.

Sedlmayr 1925 — *Sedlmayr H.* Fischer von Erlach der Ältere. München, 1925.

Sedlmayr 1926 — *Sedlmayr H.* Der absolute Städtebau. I: Stadtbaupläne von Le Corbusier. (Anlässlich einer Ausstellung im Wiener Künstlerhaus, März–April 1926.) // Die Baupolitik. 1926. S. 16–21.

Sedlmayr 1934 — *Sedlmayr H.* Die “Macchia” Bruegels // Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen in Wien. NF. Bd. 8 (1934). S. 137–159.

Sedlmayr 1939 — *Sedlmayr H.* Wien: Stadtgestaltung und Denkmalschutz (1) // Deutsche Kunst und Denkmalpflege (1939/40). S. 151–161.

Sedlmayr 1950 — *Sedlmayr H.* Die Entstehung der Kathedrale. Zürich, 1950.

Sedlmayr 1951 — *Sedlmayr H.* Franz Marc oder die Unschuld der Tiere // Wort und Wahrheit. 6. (1951) S. 430–438.

Sedlmayr 1956 — *Sedlmayr H.* Johann Bernhard Fischer von Erlach. Wien, 1956.

Sedlmayr 1960 — *Sedlmayr H.* Das Licht in seinen künstlerischen Manifestationen // Studium Generale. 13 (1960). S. 313–324.

Sedlmayr 1965 — *Sedlmayr H.* Die demolierte Schönheit: Ein Aufruf zur Rettung der Altstadt Salzburgs. Salzburg, 1965.

Sedlmayr 1967 — *Sedlmayr H.* Östliche Romanik: Das Problem der Antizipationen in der Baukunst Transkaukasiens // Festschrift Karl Oettinger zum 60. Geburtstag am 4. März 1966. Erlanger Forschungen. Reihe A. Bd. 20 (1967). S. 53–70.

Sedlmayr 1970 — *Sedlmayr H.* Stadt ohne Landschaft: Salzburgs Schicksal morgen? Salzburg, 1970.

Sedlmayr 1976 — *Sedlmayr H.* Johann Bernhard Fischer von Erlach /Grosse Meister, Epochen und Themen der Österreichischen Kunst. Barock. Wien, 1976.

Sedlmayr 1981 — *Sedlmayr H.* Wilhelm Worringer // Pantheon. 39. (Mai/Juni 1981) S. 182.

Sedlmayr 1986 — *Sedlmayr H.* Das Goldene Zeitalter: Eine Kindheit. München; Zürich: R. Piper, 1986.

Simson 1951 — *Simson O. v.* Hans Sedlmayr: Die Entstehung der Kathedrale // Kunstchronik. 1951 (Jhg. 4). S. 78–84.

Smith 2001 — *Smith K. A.* “Eine kleine Welt”: Riegl, Expressionism, and the Recovery of Painting // Brown Working Papers in the Arts and Sciences. 2001. Nr. 6. P. 1–9.

Strzygowski 1923 — *Strzygowski J.* Die Krisis der Geisteswissenschaften: Vorgeführt am Beispiele der Forschung über bildende Kunst. Wien, 1923.

Strzygowski 1941 — *Strzygowski J.* Europas Machtkunst im Rahmen des Erdkreises: Eine grundlegende Auseinanderset-

zung über Wesen und Entwicklung des zehntausendjährigen Wahnes... Wien; Leipzig, 1941.

Udovicki-Selb 2012 — *Udovicki-Selb D.* Facing Hitler's Pavilion: The Uses of Modernity in the Soviet Pavilion at the 1937 Paris International Exhibition // Journal of Contemporary History. 2012. 47. P. 13–47.

Ueberwasser 1951 — *Ueberwasser W.* Zu Sedlmayrs Kathedralenbuch // Kunstchronik. 1951 (Jhg. 4). S. 84–92, 329–330.

Vidler 2008 — *Vidler A.* Histories of the Immediate Present: Inventing Architectural Modernism. Cambridge; London, 2008.

Vogt 1970 — *Vogt A.M.* Revolutionsarchitektur und Nazi-Klassizismus // Argo. Festschrift für Kurt Badt. Köln, 1970. S. 354–363.

Wind 1925 — *Wind E.* Zur Systematik der künstlerischen Probleme // Zeitschrift für Aesthetik und allgemeine Kunstwissenschaft. Bd. 18. Heft 4 (1925). S. 438–486.

Worringer 1911 — *Worringer W.* Formprobleme der Gotik. München: R. Piper, 1911.

Wyss 1996 — *Wyss B.* Der Wille zur Kunst: Zur ästhetischen Mentalität der Moderne. Köln: DuMont, 1996.

Zaunschirm 1987 — *Zaunschirm Th.* Die demolierte Gegenwart: Mozarts Wohnhaus und die Salzburger Denkmalpflege. Klagenfurt: Ritter, (1987).

REFERENCES

Aurenhammer H.H. Hans Sedlmayr und die Kunstgeschichte an der Universität Wien: 1938–1945. *Kunstgeschichte an den Universitäten im Nationalsozialismus*. Göttingen, 2002. P. 161–194.

Badt K. *Modell und Maler von Jan Vermeer: Probleme der Interpretation. (Eine Streitschrift gegen Hans Sedlmayr.)* Köln, 1960.

Banham R. *Vzglyad na sovremennuyu arkhitekturu: Ehpokha masterov*. Moscow, 1980.

Brinckmann A.E. *Geist der Nationen: Italiener, Franzosen, Deutsche*. Hamburg, 1938.

- Das Menschenbild in unserer Zeit.* /1. Darmstädter Gespräch. 1950. Darmstadt, 1951.
- Dittmann L. *Stil. Symbol. Struktur. (Studien zu Kategorien der Kunstgeschichte.)* München, 1967.
- Dvořák M. Idealizm i naturalizm v gotičeskij skulpture i zhivopisi. Dvorzhak M. *Istoriya iskusstva kak istoriya dukha.* St. Petersburg, 2001.
- Frankl P. *The Gothic: Literary Sources and Interpretation through Eight Centuries.* Princeton, 1960.
- Frodl-Kraft E. Eine Aporie und der Versuch ihrer Deutung: Josef Strzygowski – Julius v. Schlosser. *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte.* Bd. 42. 1989. S. 7–52.
- Frodl-Kraft E. Hans Sedlmayr (1896–1984). *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte.* Bd. 44. Nr. 1. 1991. P. 7–46.
- Gall E. Hans Sedlmayr: Die Entstehung der Kathedrale. *Kunstchronik.* 1951 (Jhg. 4). P. 14–21, 330–332.
- Gosebruch M. Hans Sedlmayr. Die Entstehung der Kathedrale. (Rezension.) *Göttingische Gelehrte Anzeigen.* Bd. 208. Nr. 3 (1954). P. 236–243.
- Gosebruch M. Methodik der Kunstwissenschaft. *Enzyklopädie der geisteswissenschaftlichen Arbeitsmethoden.* 6. Lieferung: *Methoden der Kunst- und Musikwissenschaften.* München; Wien, 1970.
- Gosebruch M. *Wolfgang Klähn und die Krise der Moderne.* Leipzig, 2007.
- Grebing H. *Die Worringers: Bildungsbürgerlichkeit als Lebenssinn. (Wilhelm und Marta Worringer. 1881–1965.)* Berlin, 2004.
- Groys B. *Utopiya i obmen. (Stil' Stalin. O novom. Stat'i).* Moscow, 1993.
- Iselt K. *„Sonderbeauftragter des Führers“: Der Kunsthistoriker und Museumsmann Hermann Voss (1884–1969).* Köln; Weimar; Wien, 2010.
- Iskusstvo s 1900 g.: *Modernizm. Antimodernizm. Postmodernizm.* Moscow, 2015.
- Jencks Ch. *Le Corbusier and Tragic View of Architecture.* London, 1975.
- Jencks Ch. *Modern Movements in Architecture.* London; N. Y.: Penguin Books, 1973.
- Kunsthistoriker in eigener Sache (Zehn autobiographische Skizzen.)* Berlin: Dietrich Reimer, 1990.
- Kuspit D. B. Authoritarian Aesthetics and the Elusive Alternative. *Journal of Aesthetic and Art Criticism.* 1982–1983. 41. Nr. 3. P. 271–280.
- Le Corbusier. *Quand les cathédrales étaient blanches: Voyage au pays des timides.* Paris, 1937.
- Le Korbyuz'e. *Planirovka goroda.* Moscow, 1933.
- Levy E. Sedlmayr and Schapiro Correspond. 1930–1935. *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte.* Bd. 59. 2010. P. 235–263.
- Männig M. *Hans Sedlmayrs Kunstgeschichte. (Eine Kritische Studie.)* Köln; Weimar; Wien, 2017.
- Ottenbacher A. Kunstgeschichte in ihrer Zeit: Zu Hans Sedlmayrs „abendländischer Sendung“. *Kritische Berichte.* Bd. 29. Nr. 3. 2001. P. 71–86.
- Pächt O. *Methodisches zur kunsthistorischen Praxis. (Ausgewählte Schriften.)* München, 1977.
- Pächt O. Panofsky E. Early Netherlandish Painting. Review. *The Burlington magazine.* 98. 1956. P. 110–116, 267–279.
- Panofsky E. Der Begriff des Kunstwollens. *Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft.* 1920. Bd. 14. Heft 4 (1920). P. 321–339.
- Pinder W. *Deutscher Barock: Die großen Baumeister des 18. Jahrhunderts.* Königstein a. Taunus, 1912.
- Sauerländer W. Der Münchener Protest gegen die Berufung Hans Sedlmayrs im Frühjahr 1951. *200 Jahre Kunstgeschichte in München: Positionen – Perspektiven – Polemik (1780–1980).* München; Berlin, 2003. P. 182–198.
- Schapiro M. Kunstwissenschaftliche Forschungen. II. Review. *The Art Bulletin.* Vol. 18. No. 2 (June 1936). P. 258–266.

Schlosser J. v. "Stilgeschichte" und "Sprachgeschichte" der bildenden Kunst. *Sitzungsberichten der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*. Nr. 1. 1935. P. 1–39.

Schlosser J. v. Die Wiener Schule der Kunstgeschichte: Rückblick auf ein Säkulum deutscher Gelehrtenarbeit in Österreich. *Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung*. Ergänzungs-Bd. 13. Nr. 2. 1934. P. 145–210.

Schneider N. Hans Sedlmayr (1896–1984). *Altmeister moderner Kunstgeschichte*. Berlin, 1990. S. 267–288.

Schrade H. *Schicksal und Notwendigkeit der Kunst*. Leipzig, 1936.

Sedlmayr H. *Das Goldene Zeitalter: Eine Kindheit*. München; Zürich: R. Piper, 1986.

Sedlmayr H. Das Licht in seinen künstlerischen Manifestationen. *Studium Generale*. 13 (1960). P. 313–324.

Sedlmayr H. Der absolute Städtebau. I: Stadtbaupläne von Le Corbusier. (Anlässlich einer Ausstellung im Wiener Künstlerhaus, März–April 1926.) *Die Baupolitik*. 1926. P. 16–21.

Sedlmayr H. Die "Macchia" Bruegels. *Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen in Wien*. NF. Bd. 8 (1934). P. 137–159.

Sedlmayr H. *Die demolierte Schönheit: Ein Aufruf zur Rettung der Altstadt Salzburgs*. Salzburg, 1965.

Sedlmayr H. *Die Entstehung der Kathedrale*. Zürich, 1950.

Sedlmayr H. *Fischer von Erlach der Ältere*. München, 1925.

Sedlmayr H. Franz Marc oder die Unschuld der Tiere. *Wort und Wahrheit*. 6. (1951) P. 430–438.

Sedlmayr H. *Johann Bernhard Fischer von Erlach /Grosse Meister, Epochen und Themen der Österreichischen Kunst*. Barock. Wien, 1976.

Sedlmayr H. *Johann Bernhard Fischer von Erlach*. Wien, 1956.

Sedlmayr H. Östliche Romanik: Das Problem der Antizipationen in der Baukunst

Transkaukasiens. *Festschrift Karl Oettinger zum 60. Geburtstag am 4. März 1966*. / Erlanger Forschungen. Reihe A. Bd. 20 (1967). P. 53–70.

Sedlmayr H. *Stadt ohne Landschaft: Salzburgs Schicksal morgen?* Salzburg, 1970.

Sedlmayr H. Wien: Stadtgestaltung und Denkmalschutz (1). *Deutsche Kunst und Denkmalpflege (1939/40)*. P. 151–161.

Sedlmayr H. Wilhelm Worringer. *Pantheon*. 39. (Mai/Juni 1981) P. 182.

Simson O. v. Hans Sedlmayr: Die Entstehung der Kathedrale. *Kunstchronik*. 1951 (Jhg. 4). P. 78–84.

Smith K. A. "Eine kleine Welt": Riegl, Expressionism, and the Recovery of Painting. *Brown Working Papers in the Arts and Sciences*. 2001. Nr. 6. P. 1–9.

Strzygowski J. *Die Krisis der Geisteswissenschaften: Vorgeführt am Beispiele der Forschung über Bildende Kunst*. Wien, 1923.

Strzygowski J. *Europas Machtkunst im Rahmen des Erdkreises: Eine grundlegende Auseinandersetzung über Wesen und Entwicklung des zehntausendjährigen Wahnes...* Wien; Leipzig, 1941.

Udovicki-Selb D. Facing Hitler's Pavilion: The Uses of Modernity in the Soviet Pavilion at the 1937 Paris International Exhibition. *Journal of Contemporary History*. 2012. 47. P. 13–47.

Ueberwasser W. Zu Sedlmayrs Kathedralenbuch. *Kunstchronik*. 1951 (Jhg. 4). P. 84–92, 329–330.

Vidler A. *Histories of the Immediate Present: Inventing Architectural Modernism*. Cambridge; London, 2008.

Vogt A. M. Revolutionsarchitektur und Nazi-Klassizismus. *Argo. Festschrift für Kurt Badt*. Köln, 1970, p. 354–363.

Vorringer V. Ob iskusstve XX veka. (Vystupleniya raznykh let.) *Metafizicheskie issledovaniya*. Vyp. 13. Iskusstvo. St. Petersburg, 2000. P. 252–297.

Wind E. Zur Systematik der künstlerischen Probleme. *Zeitschrift für Aesthetik und*

allgemeine Kunstwissenschaft. Bd. 18. Heft 4 (1925). P. 438–486.

Worringer W. *Formprobleme der Gotik*. München: R. Piper, 1911.

Wyss B. *Der Wille zur Kunst: Zur ästhetischen Mentalität der Moderne*. Köln: DuMont, 1996.

Zaunschirm Th. *Die demolierte Gegenwart: Mozarts Wohnhaus und die Salzburger Denkmalpflege*. Klagenfurt: Ritter, (1987).

Zedl'majr G. *Iskusstvo i istina: Teoriya i metod istorii iskusstva*. St. Petersburg, 2000.

Zedl'majr KH. *Utrata serediny. Revolyuciya sovremennogo iskusstva. Smert' sveta*. Moscow, 2008.

Zitte K. *Khudozhestvennye osnovy gradostroitel'stva*. Moscow, 1991.

В. В. Тихонов

ФОЛК-ИСТОРИОГРАФИЯ

Рец.: *Володихин Д. М.* Русский историк Михаил Николаевич Тихомиров. М.; Севастополь: ИПО «Радетель», «Шико-Севастополь», 2018. 148 с.

Рецензируется книга Д. М. Володихина, посвященная выдающемуся историку М. Н. Тихомирову. Делается вывод, что автор стремится вписать биографию ученого в неопочвенническую мифологию. В итоге получилось политически ангажированное издание, в котором содержится множество необоснованных утверждений.

Ключевые слова: М. Н. Тихомиров, история советской исторической науки, Д. М. Володихин.

Сведения об авторе: Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории России РАН (Москва).

Контактная информация: tihonovvitaliy@list.ru.

V. V. Tikhonov

FOLK HISTORIOGRAPHY

Rev: Volodikhin D. M. Russkij istorik Mikhail Nikolaevich Tikhomirov. Moscow; Sevastopol': IPO «Radetel'», «Shiko-Sevastopol'», 2018. 148 p.

Review is dedicated to the book by D. M. Volodikhin about the outstanding historian M. N. Tikhomirov. It is concluded that the author seeks to fit the biography of the scientist into the mythology of the *neo-pochvennichestvo*. As a result, it turned out to be a politically biased publication, which contains many unsubstantiated allegations.

Key words: M. N. Tikhomirov, history of Soviet historical science, D. M. Volodikhin.

About the author: Tikhonov Vitaly V., doctor of historical sciences, leading research fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow).

Contact information: tihonovvitaliy@list.ru.

Новая книга известного историка, популяризатора и писателя Д. М. Володихина посвящена биографии академика М. Н. Тихомирова. Если верить аннотации, то «издание рассчитано на аудиторию профессиональных ученых, а также на всех тех, кто искренне интересуется судьбами отечественных историков, их творчеством и мировоззрением». Впрочем, для профессионального историка предложенный текст оказывается слишком незамысловатым. Здесь нет новых сведений, нельзя найти и сколь-нибудь заметные теоретико-методологические новации. Перед нами простой пересказ уже известных фактов, а собственные мысли автор высказывает в формате «50 оттенков серого», т. е. пытается уточнить какие-то уже прозвучавшие когда-то оценки: мол, вот один автор утверждает, что это серое, а на самом деле это слегка темнее (или светлее). Разве что в глаза бросается политическая и ценностная позиция автора. Он не скрывает своей ненависти к советской системе («советская орда», «мутная, лукавая власть» и т. д.) и отчетливо проявляет себя как русский национал-патриот-государственник.

Получается, что жанр книги скорее можно определить как популярную историографию. На этом можно было бы и остановиться. Какой же спрос с популярной книги? Но, во-первых, автор все же претендует на какие-то обобщения, чтобы просто так от него отмахнуться. Во-вторых, давно не выходило книг о М. Н. Тихомирове. Наконец, в-третьих, труд Володихина вписывается в довольно специфическое направление историографических текстов, почти всегда

имеющих приставку «русский историк». И такая приставка появляется неспроста, она несет значительную смысловую нагрузку и имеет устойчивую связь с традициями (пост)советского неопочвенничества. Дело в том, что одним из направлений подспудной критики коммунистического интернационализма в среде неопочвенников в 1960–1970-е гг. являлась критика «антипатриотической» концепции истории, ассоциировавшейся с так называемой школой М. Н. Покровского. В частности, в статье С. Семанова «О ценностях относительных и вечных» (1970), которую традиционно рассматривают в качестве одного из «манифестов» русских национал-патриотов, можно найти острую критику реабилитации М. Н. Покровского, проходившей в годы оттепели. По мнению автора, в этой фигуре воплощается антипатриотический, нигилистический взгляд на отечественную историю. Противоположностью должен был стать настоящий «русский историк», носитель национально-патриотической традиции.

В 1990–2000-е гг. в условиях активизации политической жизни в стране, болезненной трансформации социально-экономического уклада, потери страной статуса сверхдержавы и т. д. появляется целая серия историографических книг, в которых отчетливо прослеживается стремление представить историю исторической науки как борьбу патриотических «русских национальных интеллектуальных сил» с «антинациональными» (коммунистами-интернационалистами, либералами-космополитами, причем нередко все это в традициях позднесоветского нео-

почвенничества сдабривалось антиеврейскими или антинацменовскими полунамеками). В свое время на поток такие издания были поставлены петербургским историком В. С. Брачевым, выпустившим книги о «русских историках» С. Ф. Платонове, А. Е. Преснякове, И. Я. Фроянове. Отдельные книжки были посвящены «травле русских историков» и «университетской школе русских историков». Венчала эту серию книга о «русском историке» В. С. Брачеве (Пыхалов 2012). В последнее время словосочетание «русский историк» активно используется в работах, посвященных историографии русского зарубежья (Дворниченко 2017; Базанов 2018). Здесь акцентируемая русскость должна подчеркивать связь историка с его национально-культурными корнями, несмотря на эмигрантский статус.

В принципе, словосочетание «русский историк» использовалось в до-революционном научном сообществе, но тогда оно означало антитезу «всеобщему историку», т. е. специалисту по западной (преимущественно) истории. Попав в новый культурно-идеологический контекст борьбы «либералов» и «государственников», понятие «русский историк» заиграло новыми красками. Таким образом, книга Д. М. Володихина вписывается в устойчивый поток современной историографической литературы (который, кстати, требует особого исследования). Но вернемся к самому изданию.

Его открывает «Напутствие» профессора МГУ Г. Р. Наумовой, в котором она благословляет новую книгу и ее автора «отправиться в путь

к читательским берегам». Возможно, такие морские метафоры были навеяны тем, что «напутствие», если судить по подписи, родилось в Севастополе.

Из введения, написанного уже самим Д. М. Володихиным, читатель узнает, что в основу книги положена статья, подготовленная для коллективной монографии по истории кафедры источниковедения исторического факультета МГУ, но «строго официальный характер» того издания заставил «изъять острые моменты». В данной книге автор получил долгожданную свободу и сконструировал дорогого его сердцу «русского историка», часто гонимого советской властью, в душе религиозного человека. В творческом порыве автор рождает истинные шедевры. Цитирую: «Это был настоящий “народный академик”. Русская масса безошибочно вычисляла в нем “своего” и отвечала почтительной заинтересованностью. На фоне крупных дарований своих коллег-современников, даже на фоне великих предшественников императорского времени Тихомиров все равно выглядел как настоящий мастодонт среди историков» (с. 15). Почему-то при словосочетании «народный академик» вспоминается Т. Лысенко. Немного обидно и за «русскую массу». Вряд ли понравилось бы Тихомирову сравнение с мастодонтом. Впрочем, не будем додумывать за покойного классика.

Как уже говорилось выше, читателю не стоит ждать от книги концептуальных изысков. Свою задачу автор видит в создании образа М. Н. Тихомирова как «просто ученого — не более того, но и не менее». Собственно,

перед нами довольный устойчивый формат описания научной биографии известного ученого, отдаленно напоминающий житие. Жизнь максимально депроблематизируется, втискиваясь в канон жизнеописания благородного богатыря науки. Факты подбираются или отбрасываются в зависимости от их соответствия этому канону. Собственно агиографический характер сочинения и не скрывается. Книга завершается таким пассажем: «Ушел “государь от науки”. Да покоится с миром! Трудолюбивый, честный, одаренный русский человек. Тихомиров тянул воз, сколько мог. А потом Бог дал ему отдохнуть. Добрая память о нем огромна» (с. 134).

Фактической основой текста стали уже опубликованные и хорошо известные книги о М. Н. Тихомирове. В первую очередь речь идет о монографии Е. В. Чистяковой (*Чистякова* 1987) и авторском сборнике С. О. Шмидта (*Шмидт* 2012). Часто Д. М. Володихин ссылается на кандидатскую диссертацию В. В. Ковели «М. Н. Тихомиров и его научное наследие: развитие научных концепций и влияние политико-идеологического фактора» (защищена в 2017 г.). Немало автор обращается и к воспоминаниям А. А. Зимины, которые почему-то в ссылках указываются как «Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века». Вообще-то так называется сборник работ разных историков (а не только А. А. Зимины), подготовленный А. Л. Хорошкевич, куда и вошли воспоминания А. А. Зимины, озаглавленные «Храм

науки (Размышления о прожитом)». Разумеется, достаточно обильно цитируются опубликованные труды М. Н. Тихомиров. С архивными материалами хотя бы личного фонда М. Н. Тихомирова в Архиве РАН Д. М. Володихин не работал. А зря. Думаю, что обращение к архивным документам не только позволило бы автору лучше понять своего героя, хоть что-то новое добавить к уже известным фактам, но и проблематизировать нарисованный образ. Например, Володихин опирается на указания В. И. Буганова о том, что Тихомиров был глубоко верующим человеком, хотя и не выставившим это напоказ. Насколько можно судить, степень веры Тихомирова определить довольно затруднительно. Его ученики догадывались об этом по каким-то косвенным признакам. Но для Володихина этого достаточно, чтобы говорить о глубоком «русском национальном и христианском вероисповедальном чувстве» историка. Между тем все несколько сложнее. Обратимся к его неопубликованному дневнику. Запись от 9 августа 1952 г.: «Старухи надеялись на открытие церкви. Увы, я давно стою не на их стороне. Теперь лучше МТС и больницы. Старая Русь ушла и жалеть о ней не приходится»¹. Можно и нужно порассуждать о том, насколько искренен был М. Н. Тихомиров в процитированных записях, но даже эта небольшая цитата заметно расходится с житийным образом, представленным Д. М. Володихиным.

Еще интереснее вопрос об отношениях М. Н. Тихомирова к совет-

¹ Архив РАН. Ф. 693 (М. Н. Тихомиров). Оп. 6. Д. 3. Л. 86 об.

ской власти, особенно к сталинизму. По мнению Д.М. Володихина: «Не видно, чтобы историк проявлял когда-нибудь восторженное отношение к “системе”, к партии и правительству, к торжествующей идеологии марксизма... время от времени он проговаривал в своих публикациях вещи, которые заходят далеко за пределы стандартной самостоятельности мышления, дозволенного советскому историку. Но диссидентом, открытым борцом с властью Тихомиров никогда не был и громких антисоветских заявлений не делал» (с. 35). Но, как говорится, все опять гораздо сложнее, чем это пытается представить Володихин. Вообще трудно объяснить, почему такой «несоветский» историк (как нас уверяет Д.М. Володихин) оказался на вершине советской академической пирамиды и прочно вошел в пантеон классиков советской исторической науки. Почему верующему человеку, потерявшему репрессированного брата, и самому однажды бывшему под следствием, оказалось во многом по пути с советской властью? Думается, что ответ в том консервативном повороте, который произошел в СССР в середине 1930-х гг. и пиком которого оказалось послевоенное десятилетие. Тихомирову пришлось по вкусу русоцентричная идеология «позднего сталинизма», его помпезный монументализм (воплощением которого стал юбилей 800-летия Москвы) и консервативные ценности. То, что Тихомиров был умеренно консервативным государственным, сомнений не вызывает. Думаю, что Тихомиров является неплохим примером идейной составляющей так называемой большой сделки между советским режимом и интеллек-

туальной элитой. Для многих ученых оказались важны не только, как это обычно акцентируется, материальные преференции, посыпавшиеся в послевоенное время, но и идейный поворот власти от радикального революционизма к более традиционным ценностям, понятным многим тогда уже немолодым ученым, натерпевшимся в «революции 20-е».

«Выходы» М.Н. Тихомирова за пределы дозволенного, на что регулярно указывает Володихин, также являются элементом конструирования нужного образа духовного «антисоветчика». Но проблема в том, что никаких критериев этих пределов дозволенного не указывается. Между тем советская идеология была достаточно динамична, изменчива и даже прагматична. Где критерии дозволенного, не всегда знали даже контролирующие органы. Пожалуй, только диктатор Сталин мог устанавливать эти пределы или разрушать старые. В то же время и его идеологические ходы были ситуативны, прагматичны и часто противоречивы. Существовали многочисленные «идеологические пустоты». В этих условиях для ученых и деятелей культуры оставалось немало места для лавирования. Не стоит забывать и характерную для сталинской и особенно постсталинской системы «многоподъездность», т.е. существование внутри партийной элиты различных идейных группировок, противостояние различных научных институций, ведомственные интересы и т.д. Это также серьезно размывало «рамки дозволенного», а внутри интеллектуальной элиты можно было обнаружить немало идейно различных и конкурирующих групп. Уместнее

говорить, что никакие дозволенные рамки М. Н. Тихомиров не ломал, а являлся участником сложного и динамичного процесса «идеологических поворотов», в результате которых гораздо чаще оказывался в выигрыше, чем подвергался критике.

Сомнения вызывает и ряд общеисторических утверждений Д. М. Володихина. Например, он считает, что «первые годы (как минимум до 1942-го) “советский патриотизм” не имел ярко выраженного специфического русского оттенка» (с. 27. Ссылка 14). Между тем еще до войны русский язык стал обязательным для изучения в школах (1938 г.) и РККА, произошел отказ от латинизации алфавитов и переход к кириллице. В официальной идеологии русские стали «первыми среди равных», а в историческом образовании комплиментарность в описании русского народа заметно усилилась и т. д. (*Бранденбергер* 2017). Не подтверждается современными исследователями и то, что репрессии 1930-х гг. были (как это пишет Д. М. Володихин) «боем “внутриэлитного” характера». Подобное заявление в свое время сделал, в частности, В. В. Кожин, но оно опровергается источниками, показывающими всеохватывающий характер террора, направляемого лично Сталиным (*Хлевнюк* 2015).

Совсем уж странно читать о том, что послевоенные идеологические кампании являлись «этническими чистками» русских (со ссылкой на книгу В. Д. Кузнецевского «Ленинградское дело»). «Иными словами, этнически русскому сектору элиты был нанесен страшный удар. М. Н. Тихомиров — русский беспартийный исто-

рик в высоких чинах, и он должен был испытать горечь из той же чаши, что и народ его», — пишет Д. М. Володихин (с. 87). Действительно, в кругах русских националистов существует стремление представить «Ленинградское дело» как жестокую борьбу с нарождающимся русским патриотизмом, что является неимоверным преувеличением ряда действительных фактов (*Бранденбергер* 2015; *Болдовский, Бранденбергер* 2019; *Болдовский, Бранденбергер, Пивоваров* 2019). Тем более нелепо смотреть на послевоенные идеологические кампании и процессы как на «геноцид русских». Как-то автор умалчивает, что в их горниле больше пострадали евреи, да и послевоенные депортации целых народов забывать не стоит. Такие, вполне ангажированные утверждения Д. М. Володихина выдают не только отчетливую направленность его представлений о советской истории, но и ставят под сомнение адекватность описания им контекста жизни и научной деятельности М. Н. Тихомирова.

Трудно согласиться и с рядом утверждений Д. М. Володихина касательно собственно биографии М. Н. Тихомирова. Так, он считает, что историку избежать реального наказания по так называемому Академическому делу позволило то, что он являлся «малозначительной» фигурой. В этой связи возникает вопрос: почему «малозначительность» не позволила избежать реальных сроков Л. В. Черепнину, Б. А. Романову и др. Как это ни парадоксально, но чем ниже был академический статус участника мифической антибольшевистской организации, тем суровее были наказания. В отношении более ста-

тусных обвиняемых были вынесены более мягкие приговоры (как правило, ссылка), что учитывало их академическое положение, известность за рубежом и возраст. В «Академическом деле» до сих пор много загадок, ждущих своих исследователей.

Сомнительны рассуждения Д. М. Володихина и о том, что Тихомиров являлся «стихийным неокантианцем». Интересно, что в советское время для методологической «реабилитации» того или иного классика дореволюционной исторической науки могли назвать «бессознательным» или тем же «стихийным» марксистом. Времена поменялись, но стиль остался. Утверждение Володихина строится на интересе Тихомирова к «единичному, особенному в истории». По мнению автора: «Из этого стихийного неокантианства вытекают четыре особенности тихомировского научного метода: во-первых... приоритетность конкретно-исторической исследовательской практики над выходами к обобщенному знанию; во-вторых, высокая оценка “антикварного” знания, включая сюда источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины; в-третьих, нелюбовь к “проблемному” подходу, т. е. решению крупных социально-исторических вопросов, предпочтение подхода описательного; наконец, в-четвертых, обращенность к современникам, к образованной части общества, для диалога с которой и предназначалась “продукция” историка...» (с. 63–64). Не знаю, каким образом четвертая особенность вытекает из «стихийного неокантианства» Тихомирова, но предыдущие три вполне характерны для классического позити-

визма, запечатленного в книге Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» (1898). Думаю, что «фактопоклонничество» Тихомирова и его описательная манера говорят нам о том, что перед нами не историк-теоретик, а фактограф, предпочитающий индукцию, хорошо владеющий конкретно-историческими методами, источниковед. То есть разговор здесь не об осознанной методологической модели, а о методах. Если остановиться на этом, то не понадобится создавать никаких «стихийных неокантианцев» или «бессознательных марксистов», кому кто больше нравится.

Таким образом, назвать удовлетворительную рецензируемую работу (пусть даже если считать ее научно-популярной) нельзя. Перед нами яркий образчик того, как даже историографические тексты оказываются, как говорил Михаил Николаевич, но не Тихомиров, а Покровский, «политикой, опрокинутой в прошлое». Д. М. Володихин стремится вписать биографию М. Н. Тихомирова в историческую мифологию «русской партии». Получается своеобразная фолк-историография.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Базанов 2018 — *Базанов П. Н.* «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018. 511 с.

Болдовский, Бранденбергер 2019 — *Болдовский К. А., Бранденбергер Д.* Обвинительное заключение «Ленинградского дела»: контекст и анализ содержания // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 4. С. 993–1027.

Болдовский, Бранденбергер, Пивоваров 2019 — Болдовский К.А., Бранденбергер Д., Пивоваров Н.Ю. За что расстреляли руководителей-блокадников? // Родина. 2019. № 6. С. 130–133.

Бранденбергер 2015 — Бранденбергер Д. О Роли РКП(б) в «Ленинградском деле» // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: РОССПЭН, 2015. С. 17–24.

Бранденбергер 2017 — Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 405 с.

Дворниченко 2017 — Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 724 с.

Пыхалов 2012 — Пыхалов И.В. Долг русского историка: жизненный путь и труды В.С. Брачева. СПб.: Астерион, 2012. 239 с.

Хлевнюк 2015 — Хлевнюк О.В. Сталин: жизнь одного вождя. М.: Corpus, 2015. 461 с.

Чистякова 1987 — Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М.: Наука, 1987. 160 с.

Шмидт 2012 — Шмидт С.О. Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. М.: Языки русской культуры, 2012. 462 с.

REFERENCES

Bazanov P.N. «Petropol'skij TaciT» v izgnanii: Zhizn' i tvorchestvo russkogo istorika Ni-

kolaya Ul'yanova. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2018. 511 p.

Boldovskij K.A., Brandenberger D. Obvinitel'noe zaklyuchenie "Leningradskogo dela": kontekst i analiz sodержaniya. *Novjeshaya istoriya Rossii*. 2019, vol. 9, no. 4, p. 993–1027.

Boldovskij K.A., Brandenberger D., Pivovarov N.YU. Za chto rasstrelyali rukovoditelej-blokadnikov? *Rodina*, 2019, no. 6, p. 130–133.

Brandenberger D. O Roli RKP (b) v «Leningradskom dele». *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* Materialy VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Tver', 4–6 dekabrya 2014 g. Moscow: ROSSPEHN, 2015. P. 17–24.

Brandenberger D. *Stalinskij russocentrizm: Sovetskaya massovaya kul'tura i formirovaniye russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.)*. Moscow: Politicheskaya ehnciklopediya, 2017. 405 p.

Chistyakova E.V. *Mikhail Nikolaevich Tikhomirov (1893–1965)*. Moscow: Nauka, 1987. 160 p.

Dvornichenko A.YU. *Russkij istorik Georgij Vernadskij. Puteshestviya v mire lyudej, idej i sobytij*. St. Petersburg: Evraziya, 2017. 724 p.

Khlevnyuk O.V. *Stalin: zhizn' odnogo vozhdya*. Moscow: Corpus, 2015. 461 p.

Pykhalov I.V. *Dolg russkogo istorika: zhiznennyj put' i trudy V.S. Bracheva*. St. Petersburg: Asterion, 2012. 239 p.

Shmidt S.O. *Moskovskij istorik Mikhail Nikolaevich Tikhomirov*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 2012. 462 p.

Н. П. Таньшина

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ГЕРЦОГ» МУРАТА КУРИЕВА¹

Рец.: *Куриев М. М.* Железный герцог. М.: У Никитских ворот, 2021. 408 с.

В статье рецензируется научно-популярная книга российского историка и писателя М. М. Куриева, посвященная жизненному пути известного английского военного и политического деятеля герцога Артура Веллингтона. В статье анализируется специфика жанра популярной исторической литературы как таковой и делается вывод о ее важности для популяризации исторического знания.

Ключевые слова: герцог А. Веллингтон, Наполеон Бонапарт, Наполеоновские войны, международные отношения, история Великобритании первой половины XIX в., историография.

Сведения об авторе: Таньшина Наталия Петровна, д.и.н., профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского педагогического государственного университета (Москва).

Контактная информация: nata.tanshina@mail.ru.

N. P. Tanshina

MURAT KIRIYEV'S THE IRON DUKE

Rev.: *Kuriev M. M.* Zheleznyj gercog. Moscow: U Nikitskih vorot, 2021. 408 p.

The article reviews a book by the Russian historian and writer M. M. Kuriev, dedicated to the life of the famous English military and politician the Duke of Wellington. The article analyzes the specifics of the genre of popular historical literature and non-fiction literature. In general, the conclusion is made about

© Н. П. Таньшина, 2022

DOI 10.31754/2409-6105-2022-1-219-224

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

the importance of non-fiction literature for the popularization of historical knowledge.

Key words: Duke of A. Wellington, Napoleon Bonaparte, the Napoleonic Wars, international relations, the history of Great Britain in the first half of the XIX century, historiography.

About the author: Tanshina Nataliya P., Dr. Hab. (History) professor of the Universal History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University (Moscow).

Contact information: nata.tanshina@mail.ru.

На рубеже XX–XXI вв. в исторической науке шли серьезные дискуссии об очередном методологическом повороте, вызове или кризисе, на сей раз постмодернистском, и историки бурно обсуждали вопросы о том, возможна ли история как объективная наука или она обречена на субъективность и постоянное переписывание, а историй ровно столько, сколько историков, поскольку история — конструкт воображаемого.

Многие тогда ушли в проблемы методологии и историософии, многие вообще ушли из науки и преподавания, и лишь некоторые в науку вернулись. К.и.н. Мурат Магомедович Куриев — один из них. Автор многочисленных учебников и хрестоматий по новой истории, специалист по истории Великобритании XIX в., автор работ, посвященных проблематике Наполеоновских войн, писатель, преподаватель исторического факультета МПГУ и блестящий лектор, ушел на телевидение и двадцать лет посвятил себя этой сфере деятельности, работая сначала на канале НТВ, а потом 11 лет являлся руководителем программы «Неделя» на РЕН ТВ. Вернулся, можно сказать, по-наполеоновски, поскольку одной из недавних книг стала работа о Наполеоне Бонапарте под названием «Это

Н», опубликованная издательством «У Никитских ворот» в 2020 г. И вот теперь — книга о победителе Наполеона «железном герцоге» Артуре Веллингтоне. Это уже вторая работа М. М. Куриева о «железном герцоге» (первая была издана в 1995 г.), но это не второе издание, а совершенно новая книга, существенно переработанная и обновленная.

Еще в ходе дискуссий о способах выхода из методологического кризиса одним из вариантов обновления исторической науки виделось возвращение к старой, проверенной временем идее: соединению истории и художественной литературы. Если невозможно создать объективную историю, то можно ярко, образно, но в то же время с соблюдением принципов научности и историзма о прошлом рассказать.

Именно такой подход, сочетающий художественность и яркость изложения и в то же время научность, характерен для книг М. М. Куриева и, в частности, для его работы о герцоге Веллингтоне. И именно с позиций этого жанра и следует оценивать эту книгу, четко понимая, что есть научно-исследовательские монографии, опирающиеся на солидную источниковую базу, в которых вводятся

в оборот новые источники, в том числе неопубликованные, а есть работы, написанные профессиональными историками, но носящие научно-популярный характер, имеющие цель популяризации истории и рассчитанные на широкую читательскую аудиторию самой разной степени подготовки. Именной такой и является новая книга М. М. Куриева.

Писать работу о Веллингтоне сразу после работы над книгой о Наполеоне — невероятно сложно. Даже для профессионального историка и знатока эпохи. Ведь Наполеон Бонапарт, хотим мы того или нет, даже для историка является персонажем очень трудным, амбивалентным, притягивающим и отталкивающим, но не оставляющим равнодушным. И сохранить объективность (насколько это возможно), беспристрастность, переключившись на анализ деятельности его победителя, это, конечно, необыкновенно сложно, но М. М. Куриеву, на мой взгляд, это в полной мере удалось.

Старейшина французского наполеоноведения, известный историк Жан Тюлар отмечал: «Историк не может любить своего героя, иначе он не историк». Любить, может, и не должен, хотя, каюсь, я люблю своих героев. Но сопереживать, думаю, историк должен. Чтобы получился живой человек, а не истукан, даже если он «железный герцог». Герцог Веллингтон в книге, конечно, железный. Он и был таким. И при этом автор показал его человеком со всеми его сильными и слабыми сторонами.

Очень удачен, на мой взгляд, эпиграф, слова самого герцога: «Единственная

вещь, которой я боюсь, — это испугаться чего-нибудь». А в тексте книги читатель видит слезы герцога ночью после битвы при Ватерлоо, которые почувствовал на своей руке главный армейский хирург, когда писал под диктовку стоявшего рядом победителя Ватерлоо. Победителя, который не любил вспоминать об этой победе. «Оставьте Ватерлоо в покое. Таким, каким оно было» (отмечу, что в 2019 г. М. М. Куриев опубликовал книгу о Ватерлоо под названием «Ватерлоо. Битва ошибок»).

Исследователь, на мой взгляд, должен быть сопричастен герою, чтобы понять его. Не оправдать его, не обелить, а понять. В том числе и его ошибки. И автор признает ошибки Веллингтона, демонстрируя тем самым свою исследовательскую честность.

Честность проявляется, например, в отношении к Байрону. Казалось бы, великим поэтом полагается возторгаться. А М. М. Куриев откровенно заявляет: «Не люблю Байрона, злобный он человек и несправедливый... Байрон великий, но к истории относился с редкой предвзятостью, а люди верят талантам». Это очень справедливое замечание, достаточно вспомнить имена Толстого, Дюма, Гюго, Золя — обычные люди верят зачастую им, великим писателям, а не историкам. И не только обыватели, но и исследователи, поскольку художественное восприятие и образ, сформированный литераторами, влияют и на профессиональный исторический взгляд, достаточно вспомнить, например, Варфоломеевскую ночь, классическая концепция которой была заложена именно

литераторами: А. Дюма, Г. Манном, П. Мериме. Или вспомнить Вальтера Скотта, по книге которого англичане изучали историю Наполеона, не говоря уже о французских романтиках, сформировавших легендарный образ Наполеона, который настолько плотно вошел в историческую память, что теперь уже трудно отделить реального человека, Наполеона Бонапарта, от Наполеона как художественного образа.

В этой книге Веллингтон — это совершенно не художественный образ, это реальный человек, военный и политик, но выписанный очень точно, психологично, ведь главное желание автора — понять и объяснить поступки своего героя. Что особенно важно, перед нами — не просто военный, победитель Ватерлоо. Ведь прежде всего имя герцога ассоциируется с этой битвой. Но ведь после Ватерлоо у герцога было еще сорок лет жизни. «Если бы сразу после Ватерлоо он отошел от дел, то был бы бессмертен, а так — просто знаменит», — это высказывание одного из современников Веллингтона, приводимое в книге (а здесь очень много метких и ярких цитат!), сразу стало афористичным.

Ватерлоо, на мой взгляд, является некоторым водоразделом, разделившим жизнь герцога на «до и после», на «войну и мир». Как, например, жизнь Томаса Джефферсона оказалась разделенной «Декларацией независимости», затмившей даже его президентство. Аналогично — жизнь Веллингтона. Не просто крупного полководца, фельдмаршала, победителя Наполеона, командующего оккупационными силами союзников

во Франции, а ведущего английско-го политика, дважды становившегося главой правительства. И, как политик, он отказывался провести реформу избирательного права. Ту самую, которую провело правительство Чарльза Грея в 1832 г. и которую англичане называли Великой. Но почему Веллингтон не был готов пойти на реформу? Потому что для него реформы ассоциировались с революцией. Парламентская реформа для него — покушение на основы основ, а это и есть революция. Кстати, французские либералы-орлеанисты, прежде всего Ф. Гизо, рассуждали аналогичным образом, поэтому тоже отказывались от реформ. И этот отказ привел Францию к очередной революции в 1848 г. Хотя, как известно, французы идут в революцию так же легко, как в кабачок. Им особые причины не нужны.

Веллингтон ошибался, отказываясь от реформы, и М. М. Куриев это признает. Однако тот факт, что герцог проигрывал, но, как истинный солдат, не собирался сдаваться — это вызывает у автора книги восхищение! Историк признает ошибки своего героя, не оправдывает его, но восхищается его стойкостью — в этом, на мой взгляд, и заключается честность исследователя. Перед самим собой и перед своими читателями.

«История — это лишь версия событий прошлого, с которой люди решили согласиться». Это слова Наполеона Бонапарта, приводимые в аннотации книги М. М. Куриева об императоре французов. Наполеон был очень умным человеком и создателем своей собственной легенды, творцом своей собственной версии

событий прошлого. М. М. Куриев создает свою версию истории герцога Веллингтона, у которой может быть много сторонников и много несогласных.

Такое допущение многозначности, вариативности вовсе не является следствием постмодернистской свободы творчества, вспомним роман Германа Гессе «Степной волк», а именно сцену у профессора, к которому пришел в гости главный герой Гарри Галлер и увидел стоявший на столике портрет Гете, расходившийся с его представлением о том, как должен был выглядеть великий поэт. Гарри Галлера эта «приторная, пошлая и лживая картинка» привела в негодование, и только потом с помощью Германы главный герой понимает, что и профессор, и художник, и он сам имеет право на свое представление о Гете, умершем столет назад.

Но великого поэта я вспомнила еще вот почему. Гете так говорил о степени мастерства: «Сперва мы пишем просто и плохо, потом сложно и плохо, затем сложно и хорошо и только под конец просто и хорошо».

Историки пишут много книг, сейчас даже очень много. Но порой пишут на своем языке, «птичьим». Понятным им и их нескольким коллегам. Это как в известном анекдоте: «Уверен, что ваша книга найдет своего читателя. Может быть, даже двух».

Книга М. М. Куриева, безусловно, относится к совершенно другому жанру (книжные магазины определяют его как «современную прозу», хотя это вряд ли). Популярная исто-

рическая книга, написанная «просто и хорошо». Книга узнаваема по фирменному стилю М. М. Куриева: точному, лаконичному, емкому. В тексте нет ни одной лишней фразы. Каждое слово продумано и находится на своем месте. Никакой «воды», только по делу, только логика. Железная, я бы сказала. А иначе и не может быть в книге о «железном герцоге». Такая структура текста, на мой взгляд, конечно, является следствием опыта работы на телевидении и работы над сценариями: фразы должны быть отточены, конкретны, укладываться в регламент времени. А еще это является следствием большого преподавательского опыта. С одной стороны, соглашусь с мнением одного читателя, отметившего на презентации книги М. М. Куриева, что читать ее можно абсолютно с любого места, как постмодернистский роман. В то же время здесь нет никакой «деконструкции текста» и «смерти автора». Автор — тут. Он постоянно разговаривает с читателем, направляет его мысль, расставляет акценты на важном, помогает понять. «Запомнили?» — так порой Мурат Магомедович обращается к читателю. А это — от преподавания, от чтения лекций и необходимости не просто донести информацию до студенческой аудитории, но показать закономерности, вывести причинно-следственные связи. Это мастерство, которым надо обладать и которое присутствует на каждой странице этой книги. А погрузиться в эпоху читателю помогают прекрасные иллюстрации, выполненные художником Алексеем Темниковым, блестящим эрудитом и знатоком эпохи. Помещенные в конце разделов книги или предваряющие их, они воспринимаются как

изящные дидактические материалы для закрепления изученного или для введения в тему.

Книга о «железном герцоге» воспринимается не как роман, а как рассказ, беседа, когда автор рассказывает слушателям о том, как оно было. Рассказывает просто, увлекательно и достоверно. Но за этой легкостью и простотой стоит гигантская работа. Чтобы знать мельчайшие детали и подробности, которыми изобилует книга, надо прочесть гору литературы и источников. И не просто прочесть, а прекрасно владеть материалом, сделать его «своим». Но при этом относиться к нему критически, неизменно держа в голове «золотое правило» историка: «Никому нельзя верить».

А для меня герцог Веллингтон — это давний знакомый нетитулованной королевы европейской дипломатии, княгини Дарьи Христофоровны Ливен. Настолько знакомый, что она попросила герцога быть крестным отцом одного из своих сыновей и даже назвала его в честь герцога, Артуром. А другого сына назвала Георгием, в честь короля Георга IV. Который тоже был крестным ее сына.

А потом, когда княгиня Ливен разругалась в пух и прах с другим своим давним знакомым, князем Клеменсом Меттернихом, и потребовала, чтобы тот вернул все ее письма, в роли посредника выступил герцог. И на его глазах княгиня Ливен в течение двух часов тщательно пересчитывала свои двести семьдесят девять писем. А герцог терпеливо ждал. В общем, во всех отношениях он был «железным» человеком.

Как-то на недавней Школе молодых ученых член-корреспондент РАН д.и.н. П. Ю. Уваров справедливо заметил: «Мы никогда не узнаем, как люди относились к Варфоломеевской ночи. Мы узнаем, как историки относились и относятся к Варфоломеевской ночи». Мнение современников о герцоге Веллингтоне нам известно гораздо лучше. Как отмечает М. М. Куриев, «его боготворили в 1815-м, ненавидели в 1832-м, а в 1850-м — обожали». А историки создавали и создают свои образы этого полководца и политика. Герцог Веллингтон М. М. Куриева, конечно, «железный». Но при этом — живой и всегда остававшийся самим собой. И ставший национальным героем.

Е. В. Миськова

Рец.: *Эльза-Баир Гучинова*. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР. Slavic-Eurasian Research Center. Hokkaido University. Sapporo, 2016. 220 p.

Книга Эльзы-Баир Гучиновой «Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР» посвящена образам исторической и культурной травмы в графических воспоминаниях японских военнопленных о пребывании в лагерях на территории СССР. Работа представляет особый интерес для исследователей коллективных репрезентаций трагического опыта. Она ценна как содержащимся в ней описанием и анализом уникального исторического источника, так и тем, что поднимает множество методологических вопросов о теории и концепции травмы как таковых.

Ключевые слова: историческая травма, культурная травма, коллективные репрезентации трагического, сообщества утраты.

Сведения об авторе: Миськова Елена Вячеславовна, кандидат исторических наук, магистр психологии, с.н.с. Центр медицинской антропологии Института этнологии и антропологии РАН.

Контактная информация: milenk2@gmail.com.

E. V. Miskova

Rev.: *El'za-Bair Guchinova*. Risovat' lager'. Iazyk travmy v pamiati iaponskikh voennoplennykh o SSSR. Slavic-Eurasian Research Center. Hokkaido University. Sapporo, 2016. 220 p.

The book of Elsa-Bair Guchinova analyzes the images of historical and cultural trauma in the drawings and engravings with commentaries of Japanese officers and soldiers of Kwantung Army during their stay in the camps for prisoners of war on the territory of the USSR. The book is of particular interest to researchers of different issues of collective representation of tragic experience. It is raising many methodological questions about the theory and concept of trauma as such. Among them such issues as how the discourse of trauma stigmatizes the fundamental gender differences that underlie the social order.

Key words: historical trauma, cultural trauma, collective representation of tragic experience, communities of loss.

About the author: Miskova Elena, Cand. In History, Institute of Ethnology and Atropogy, RAS, senior researcher.

Contact information: milenk2@gmail.com.

Книга Эльзы-Баир Гучиновой «Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР» посвящена образам исторической и культурной травмы. Эта проблематика стала популярной в социальных исследованиях довольно давно. Российские ученые включились в ее обсуждение с некоторым опозданием, но зато актуализировали ее в контексте нового реванша героического метанарратива Истории в современной России. В первую очередь речь идет об истории Второй мировой войны и Великой Отечественной в ее рамках.

Герои книги — японские военнослужащие Квантунской армии, оставившие многочисленные мемуарные свидетельства о своем пребывании в лагерях для военнопленных на территории СССР в форме рисунков, картин, гравюр с комментариями.

Эти свидетельства поражают своей многочисленностью: более 2000 бывших военнопленных поделились изобразительными воспоминаниями. Ни советские военные, прошедшие через немецкие лагеря, ни немцы, находившиеся в плену в СССР, не свидетельствовали о своем трагическом опыте в таком массовом порядке. Тем более мало осталось изобразительных свидетельств. В советском наследии они исчисляются единицами, наибольшую известность получили мемуары Евфросинии Керсновской «Сколько стоит человек» в форме альбома рисунков с пространственными комментариями (Керсновская 2021).

В исследованиях коллективной исторической травмы одним из самых сложных является анализ влияния

культурного контекста на онтологию и дискурс травмы. Большинство работ по данной тематике посвящены исследованию геноцидов и в первую очередь Холокоста. Собственно, вся теория исторической травмы в ее культурологическом измерении сосредотачивалась поначалу на анализе памяти об уничтожении нацистами евреев и отталкивалась от европейской моральной философии и критики. В психологии о различных послевоенных синдромах начали писать еще после Первой мировой войны, и среди первых исследователей были люди, сочетавшие психологическую и антропологическую проблематику, например Уильям Риверс или Абрам Кардинер (см.: Херман 2021). Но лишь после войны во Вьетнаме, разного рода «ветеранские синдромы» подвигли социальных исследователей активно присоединиться к медикам и психологам в попытке оценки различий в онтологии и эпистемологии травмы в зависимости от ее культурного контекста (Van der Kolk 2021). Последний дает возможность посмотреть на особенности социальной и культурной утраты, которая принимает самые разные образы. Эти образы на протяжении многих поколений определяют не только мировоззрение, разделяемое группой, но и принимаемые или отвергаемые ею образцы поведения и жизненные стратегии. При этом внутрикультурные различия, как и межкультурные, играют огромную роль.

В книге Э.-Б. Гучиновой несколько культурных фокусов травмы. Во-первых, это особенности отношения к травматическому опыту японцев определенного поколения, гендера, рода деятельности и соци-

ального происхождения. Во-вторых, особенности «культуры лагеря» в послевоенном СССР: сам лагерь для военнопленных, его сибирское окружение — жители советских сел и деревень, советская машина идеологической индоктринации и др. Но оптика становится еще и тройной за счет изобразительной формы мемуаров — мы буквально видим картинку с множеством визуальных рядов и кодов.

Э.-Б. Гучинова анализирует и расширявает эти коды в главах книги, посвященных разным составляющим опыта плена. Он представлен двумя форматами рисунков выживших — постлагерным рисунком, созданным мемуаристами уже дома, в Японии, после освобождения, и тем, который Гучинова называет поднадзорным рисунком — изображениями в альбомах, письмах, открытках, созданными в лагере и служившими целям индоктринации.

Одна из ключевых особенностей мемуаров японских военнопленных, которую отмечает автор книги, — это отказ от героизации опыта плена в пользу самоиронии и объективной доброжелательности по отношению к простым советским людям. Укорененное в японском мировоззрении и мужском кодексе чести восприятие поражения и плена (пусть и по рескрипту императора) как бесчестия и унижения обусловило невозможность репрезентации опыта плена только как опыта жертв трагедии. Оно же в значительной мере препятствовало успехам советской индоктринации — разворачиванию лагерными властями «демократического движения», которое должно было

питаться чувством ненависти бывших рядовых к тоталитарному руководству армии и милитаристской Японии в целом. Такого рода «высокие чувства» казались пленникам, размышлявшим, как, вернувшись домой, они войдут в дом с «заднего хода» и не смогут сразу поднять глаза на близких, слишком высокими и не соответствовавшими их положению. Как гласит подпись к одному из рисунков: «Для солдата проигравшей страны полная луна слишком красива» (Гучинова 2016: 85).

Детальное изображение повседневных лагерных практик было основным содержанием как поднадзорных изображений и подписей к ним («пишем к вождю», специальных альбомов, самодельных открыток к советским праздникам), так и последующих мемуарных рисунков с комментариями. Только в первом случае изображения подчеркивали странность и чуждость (до абсурдности) тематики, языка и стиля, а во втором демонстрировали поразительную честность в фиксации самых грубых физиологических деталей лагерной жизни.

Эльза-Баир Гучинова причисляет японских военнопленных к разряду моральных свидетелей трагедии. Конечно, военнопленные — неоднозначные жертвы, поскольку были причастны к созданию условий, при которых это пленение в принципе стало возможным. Они — безусловно жертвы злодеяния, но злодеяния, в котором сами участвовали. Их истории действительно не создают Истории, будучи негативным откровением о пережитом стыде и унижении, но одновременно сама

рефлексия этого стыда является частью процесса переосмысления исторических событий. В этом смысле их истории — часть нарратива кризиса послевоенной Истории и Культуры.

Несколько спорным или, скорее, смущающим представляется частое сравнение воспоминаний японских военнопленных с мемуарами узников ГУЛАГа. Правомерно ли оно? С одной стороны, условия травматического опыта и складывания травматической памяти схожи — речь идет о сталинском лагере со всеми присущими ему атрибутами подчинения, насилия, пропагандистской лжи. С другой — сами пленники и их внешнее окружение не раз свидетельствовали о том, что японцы были на особом положении. Их использовали как вывеску преимуществ советского строя, которые они должны были экспортировать после интернирования в капиталистическую Японию. Они питались лучше не только заключенных ГУЛАГа, но и вольного населения окружающих сел и городов после войны, о чем японцы не раз вспоминали сами. Им, особенно после действительно страшного первого года плена, в дальнейшем оказывалась хотя бы минимальная медицинская помощь. На их вовлечение в «демократическое движение» тратились значительные человеческие и временные ресурсы: лекции, кинофильмы, политинформация, обсуждения и т. п. Наконец, советские люди не питали к ним ни той ненависти, которую справедливо испытывали к немецким военнопленным, поскольку японцы не участвовали в военных действиях на территории СССР, ни тех параноидной подозри-

тельности и суеверного страха, которые пронизывали отношение к «врагам народа» — жертвам сталинского террора.

В этой ситуации опыт лагерей ГУЛАГа и ГУПВИ (Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР) существенно различается, как и сформированная им оптика в отношении разных сторон жизни в сталинском Советском Союзе. Например, можно ли сравнивать отношение к труду японских военнопленных и заключенных ГУЛАГа? Японцы относились к работе как к делу чести даже в плену, а гулаговцы считали бессмысленной работу по жестокому принуждению на репрессивную государственную машину. В основе такого отношения лежал совершенно разный долагерный опыт. Или способность японских военнопленных восхищаться природой, не утраченная даже в условиях лагеря, и отсутствие каких-либо сентиментальных реминисценций в отношении сибирской природы в мемуарах гулаговцев?

Вероятно, можно не сравнивать, а именно сопоставлять для рассмотрения того, как обусловлена та или иная оптика на трагическую ситуацию и поведение в ней культурным контекстом, и что эта оптика обнаруживает в другом, непривычном культурном окружении.

Например, в связи с отношением к труду обращают на себя внимание язык и образы так называемой нормы — ключевого понятия советской экономики и биополитики. Этот, как мы сказали бы сегодня, мем — «Да-

вай норма!» — присутствует во многих рисунках и комментариях военнопленных. Японцы с готовностью отдавали себя труду, даже самому тяжелому, но явно не могли понять, как «норма» — то, что просчитано как оптимальное соотношение используемых ресурсов, трудозатрат и результатов — одновременно может быть чем-то невыполнимым (до нормы никогда «не дотянуть») и существовать только для того, чтобы быть нарушаемой («норму» всегда надо «перевыполнять»)? А между тем советское «двоемыслие» по отношению к труду как к плакату на сталинском лагере — «Труд в СССР — дело чести, славы, доблести и геройства» — вытекает из такого парадокса советской «нормы» (Там же: 41–57).

Или, например, в «поднадзорном рисунке», который должен был «говорить» языком советской идеологии и которым японцы не могли овладеть в совершенстве по объективным причинам, весь абсурд пропаганды буквально запечатлен: немислимое нагромождение советских символов на воротах лагеря — серп и молот, красная звезда, портреты Маркса, Энгельса и Ленина, абрис Кремля и пр. Комментарии к изображениям, альбомы благодарности Советской стране и письма Сталину пестрят оборотами, которые, конечно, являются результатом плохого знания русского языка, но одновременно разоблачают ложь и абсурд лагерной «перековки»: «мы объявляем борьбу против цепей самодержавия, кнута угнетения, заговоров эксплуатации и обмана... Мы запишем слова новорождения и составим нижеследующий альбом»; «Столовая была в полном украшении и чистоте как дворец...

Перевыполнившая 100% бригада пришла с работы. У ребят большая охота есть. Они восклицают: “Как вкусно!” и “Ой как вкусно!” Они едят досыта. Один из них сказал в радостном настроении: когда мы вернемся в Японию, пожалуйста, мы не сможем есть такого вкусного»; «мы весело проводим время без эксплуатации» (Там же: 89–105).

В каком-то смысле военнопленные могли выступать пародийным зеркалом советской репрессивной машины, а заключенные ГУЛАГа — нет. Это всегда нужно иметь в виду при сопоставлении различий в языке памяти и опыта.

Множество осталось воспоминаний узников ГУЛАГа о страшных условиях труда на лесоповале и о его жертвах, но даже после всех них фраза одного из японских мемуаристов вонзается в память: «Адрес лесоповала — первая улица в аду» (Там же: 47). Она остраивает знакомую по воспоминаниям реальность и с помощью употребления ярлыка для ужасного и неопишуемого — «ад» — демонстрирует, как язык травмы изобилует лакунами. В нем много того, что нельзя, не получается высказать. И тут на помощь японским военнопленным приходят художественные образы памяти. Это опять тот взгляд со стороны, который позволяет резче и четче увидеть то, что знакомо, и деконструировать то, что искажено метафоризацией — неважно, работает она на возвышение или понижение статуса описываемого.

Э.-Б. Гучинова обращает внимание на то, что японцы даже в лагере оставались верны традиции любования

природой и быстротечностью жизни, и сравнивает это с советским лагерным нарративом: *«Миллионы советских людей прошли лагеря, из сотен их воспоминаний, в которых немало лиричных страниц, любование красотой природы по дороге на работу или с работы, во время долгой проверки встречается не часто»* (Там же: 84–85). Тем более отсутствует практика поэтизации отхожего места как локуса одиночества и отрешенности, необходимых для любования природой. И этот вроде бы курьезный момент на самом деле вновь высвечивает различия в этосе: японские военнопленные вспоминают, как смотрели на звездное небо, пока водили туда своих товарищей, страдающих куриных слепотой. При этом низкое и высокое в описании этого места соседствуют, и в комментариях к другим рисункам указывается, как приходилось рубить топором наросты заледеневших на морозе фекалий, которые осколками покрывали одежду и, оттаивая в бараке, погружали все вокруг в страшное зловоние.

Анализируя язык травмы, автор книги фокусирует внимание на ее образах и механизмах деперсонализации. Особенно интересен аспект демаскулинизации, или процесс столкновения и присвоения мужчиной своего тела в его униженном и страдающем виде. Япония времен Второй мировой — это патриархальное и тоталитарное государство, образ коллективного тела которого — это образ мужской, жесткий и иерархичный, приверженный традиции и долгу по отношению к разного рода фигурам отца — нации (императора), семьи, командира. Этот образ структурирует маскулинность, в которой не остается места для про-

явления слабости и иных форм подчинения, кроме подчинения старшему, а также сентиментальности, кроме формализованного возвышенного — восхищения красотой природы. Такое коллективное тело отчуждает мужчину от его индивидуальности. В ситуации же плена происходит отпадение от коллективного тела и присвоение индивидуального в качестве страдающего и униженного.

И здесь тоже просматриваются две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, налицо эмаскуляция — временная утрата потенции в результате переживания особо унижительных манипуляций, когда, например, женщина-врач осматривает голого заключенного и, оттягивая кожу на ягодицах, проверяет, есть ли еще мышечная масса или можно ставить диагноз «дистрофия». В данном случае, как пишет Э.-Б. Гучинова, *«жизнь вопреки собственной воле, по необсуждаемым законам, в языке травмы вызывала ассоциации с теми, кто всегда так жил и живет, воспринимаемая установленные другими правилами игры как норму: с женщинами и детьми»* (Там же: 135). С другой стороны, потребность «провалиться в «тело» социума» и посоревноваться в нормативной коллективной субъектности приводит к формированию внутреннего паноптикона. Гучинова, вслед за мемуаристами, пишет и о внутренней дедовщине, перенесенной в лагерь из квантунской армии, и о слежке даже за цветом и составом испражнений друг друга, чтобы определить, не нашел ли кто-то скрытый источник продуктов.

Книга Эльзы-Баир Гучиновой представляет особый интерес для иссле-

дователей, работающих в области анализа культурной и исторической травмы. Она ценна как содержащимся в ней описанием и анализом потрясающего исторического источника, так и тем, что поднимает множество методологических вопросов о теории и концепции травмы как таковых. Например, как дискурс травмы стигматизирует коренные гендерные различия, лежащие в основе социального порядка, насколько в нем отчуждаются и редуцируются проблемы угнетения, подчинения и многое другое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Van der Kolk 2021 — *Van der Kolk* B. Тело помнит все. Какую роль психологическая травма играет в жизни человека и какие техники помогают ее преодолеть. М.: Бомбора, 2021.

Гучинова 2016 — *Гучинова* Э.-Б. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских

военнопленных о СССР. Slavic-Eurasian Research Center. Hccaido University. Sapporo, 2016.

Керсновская 2021 — *Керсновская* Е. Сколько стоит человек. М.: КоЛибри, 2021.

Херман 2021 — *Херман* Дж. Травма и исцеление. Последствия насилия — от абьюза до политического террора. М.: Бомбора, 2021.

REFERENCES

Guchinova E.-B. *Risovat' lager'. Yazyk travmy v pamyati yaponskikh voennoplennykh o SSSR*. Slavic-Eurasian Research Center. Hccaido University. Sapporo, 2016.

Kersnovskaya E. *Skol'ko stoit chelovek*. Moscow: KOLibri, 2021.

Kherman Dzh. *Travma i iscelenie. Posledstviya nasiliya — ot ab'yuzo do politicheskogo terrora*. Moscow: Bombora, 2021.

Van der Kolk B. *Telo pomnit vse. Kakuyu rol' psikhologicheskaya travma igraet v zhizni cheloveka i kakie tekhniki pomagayut ee preodolet'*. Moscow: Bombora, 2021.

Б. В. Соколов

СВЕТ И ТЕНИ ГЕНЕРАЛА ЯРУЗЕЛЬСКОГО

Рец.: *Черемушкин П. Г.* Ярузельский: испытание Россией. Изд. 2-е, расшир. и дополн. М.: АИРО-XXI, 2021. 394 с.

Рецензируется биография генерала Ярузельского, принадлежащая перу российского автора П. Г. Черемушкина. Рецензент дискутирует с мнением, согласно которому польский лидер может быть поставлен в ряд крупных политических фигур XX в. Ведь введение им военного положения в Польше в декабре 1981 г. не придало жизнеспособности коммунистическому режиму и лишь отсрочило на 8 лет его крах.

Ключевые слова: Польша, СССР, польско-советские отношения, Брежнев, генерал Ярузельский, события 1980–1981 гг. в Польше, движение «Солидарность», введение военного положения в Польше.

Сведения об авторе: Соколов Борис Вадимович, доктор филологических наук, историк, публицист.

Контактная информация: borddav@hotmail.com.

B. V. Sokolov

LIGHT AND SHADOWS OF GENERAL JARUZELSKI

Rev.: *Cheremushkin P. G.* Jaruzel'skii: ispytanie Rossei. lzd. 2-e, rasshir. i dopoln. Moscow: AIRO-XXI, 2021. 394 p.

The biography of General Jaruzelsky, written by a Russian author, is reviewed. The reviewer discusses the opinion according to which the Polish leader can be placed among the major political figures of the 20th century. After all, his introduction of martial law in Poland in December 1981 did not give viability to the communist regime and only delayed its collapse by 8 years.

Key words: Poland, USSR, Polish-Soviet relations, Brezhnev, General Jaruzelski, events of 1980–1981 in Poland, the Solidarity movement, the imposition of martial law in Poland.

About the author: Sokolov Boris V., Dr. Hab. in Filology, historian, publicist.

Contact information: borddav@hotmail.com.

© Б. В. Соколов, 2022

DOI 10.31754/2409-6105-2022-1-232-242

Книга журналиста и историка Петра Черемушкина посвящена последнему коммунистическому лидеру Польши генералу Войцеху Ярузельскому. Автор книги хорошо знает польский язык, многократно бывал в Польше еще со студенческих лет. В 2004 г. он лично встречался с Войцехом Ярузельским, брал интервью, опубликованное в еженедельнике «Профиль». А всего они встречались трижды. В предисловии к книге историк Вадим Волобуев, автор биографии Иоанна Павла II (*Волобуев* 2020), важным достоинством книги считает то, что «она показывает Ярузельского обычным человеком, со своими слабостями и пристрастиями. И в то же время не забывает изображать всю панораму событий, на фоне которых довелось действовать генералу» (с. 8) Но вот оценка Ярузельского автором предисловия как политика «мирового масштаба» представляется мне завышенной и из книги Черемушкина никак не следует, хотя своему герою Черемушкин искренне симпатизирует. Тем не менее он тоже утверждает: «Деятельность генерала Ярузельского на посту главы государства поставила его в ряд выдающихся политических фигур XX века» (с. 389).

Вот с этим можно поспорить. Оставил ли после себя Ярузельский какое-то наследие, которое актуально в сегодняшней Польше? Нет, такого наследия нет, ни одна польская политическая сила не обращается к фигуре Ярузельского. Были ли у него какие-то достижения как у политического деятеля? Самым заметным политическим событием, связанным с его именем, стало введение в декабре 1981 г. военного положения

в Польше, что почти на 8 лет отсрочило падение коммунистического правления в стране и приход к власти «Солидарности». Но назвать это достижением язык у меня не поворачивается, учитывая, чем все это кончилось. Иногда в заслугу Ярузельскому ставят, что он организовал круглый стол с оппозицией и мирную передачу власти «Солидарности» в 1989 г. Но спрашивается, а не был ли упущен шанс сделать это уже в 1981 г. вместо введения военного положения? Вот если бы переговоры и свободные выборы состоялись тогда, то Ярузельский действительно вошел бы в историю как выдающийся политик, первым в истории добровольно пошедшим на мирную передачу власти от коммунистов некоммунистической оппозиции. Но он предпочел пойти по пути введения военного положения (конечно, в условиях сильного советского давления). Вспомним также, что в течение семи лет Ярузельский был практически единоличным правителем Польши, но ничем выдающимся в этом качестве не запомнился. Модернизировать коммунистическую систему и вновь сделать ее жизнеспособной ему не удалось. Скорее всего, эта задача в Польше 80-х гг. прошлого века была нерешаема в принципе. Но в любом случае ничего выдающегося как политик Ярузельский не совершил. Тот образ своего героя, который создал Черемушкин, наверняка придется по душе тем, кто поддерживал Ярузельского и симпатизирует ему, и вызовет неприятие у противников последнего коммунистического лидера Польши.

П. Черемушкин подробно излагает основные факты его биографии,

делая упор на Второй мировой войне, послевоенной службе в Войске Польском и политической карьере в 80-е гг. Книга написана живо и интересно, перемежая цитаты из мемуаров и документов собственными воспоминаниями о Польше и поляках. Образ генерала получился очень объемный и привлекательный. Российские читатели узнают из книги много нового не только о Войцехе Ярузельском, но и о Польше, начиная с периода после Второй мировой войны и кончая нашими днями, поскольку фигура генерала и сегодня остается предметом полемики историков и публицистов.

Автор книги не исключает, что Ярузельский, возможно, предотвратил «кровавую преждевременную революцию, которая в начале 1980-х вряд ли могла рассчитывать на победу» (с. 346). Однако в возможность такой революции трудно поверить. «Солидарность» использовала только ненасильственные методы борьбы. А в случае если бы Ярузельский отказался от введения военного положения, альтернативой мог быть только компромисс с оппозицией, примерно такой, какой был реально осуществлен в 1989 г. Ведь, по свидетельству идеолога «Солидарности» Адама Михника, большинство руководства «Солидарности» выступали за «достойный компромисс с ПОРП» (с. 242).

Как отмечает Черемушкин, сторонники генерала «заявляли, что попытки очернить Ярузельского, представить его личность исключительно в черном свете бросают тень на всех, кто служил Польше в советские времена» (с. 36). Здесь и лежит причи-

на того, что на защиту Ярузельского в то время, когда власти пытались привлечь его к судебной ответственности за введение военного положения, встала значительная часть польского общества. Те, кто так или иначе был связан с властью в коммунистической Польше (а их были многие миллионы), воспринимали осуждение государственной деятельности генерала как косвенное осуждение их собственного сотрудничества с режимом.

Автор книги полагает, что «ставшие доступными документы Политбюро ЦК КПСС свидетельствуют о том, что в 1981 году (не в 1980-м) в высшем политическом руководстве Советского Союза господствовало острое и практически единодушное нежелание вводить войска в Польшу. Однако Ярузельского и других польских руководителей вполне могли об этом не информировать в то время и продолжать блефовать наличием такой угрозы, добиваясь от поляков действий собственными силами» (с. 12). Однако на самом деле это не так. Доступные документы, цитируемые в книге, как раз свидетельствуют: Ярузельский был в достаточной мере информирован о том, что он должен вводить военное положение своими силами и что советские войска на помощь ему не придут. Дезинформировать польского лидера на этот счет было не только бессмысленно, но и опасно. Если бы Ярузельский не был уверен в своей способности ввести военное положение с помощью только собственных силовых структур, вопрос о том, сможет ли он опереться на помощь советских войск, стал бы для польского лидера ключевым. И в зависимости

от ответа на него он мог бы избрать ту или иную политическую тактику. Ошибка с его стороны, например, в оценке степени лояльности коммунистическому правлению силовых структур могла бы погрузить Польшу в хаос. Если бы Ярузельский не знал, что советской военной помощи не будет, а пошел бы на введение военного положения, не будучи уверен, что справится самостоятельно, и при этом проиграл бы, то смена власти в Польше приобрела бы хаотический характер, что меньше всего устроило бы Кремль. По сравнению с таким сценарием компромисс с «Солидарностью», вроде того, что был достигнут в 1989 г., был бы для Москвы не самым худшим вариантом.

П. Черемушкин цитирует слова Юрия Андропова на заседании Политбюро 29 октября 1981 г.: «Польские руководители поговаривают о военной помощи со стороны братских стран. Однако нам нужно твердо придерживаться своей линии — наши войска в Польшу не вводить» (с. 12). Как справедливо замечает Черемушкин: «Брежневу очень не хотелось, чтобы в результате каких-то советских действий непредсказуемые поляки стали бы взрывать нефтепроводы» (с. 259). На заседании Политбюро 10 декабря 1981 г. было решено советские войска в Польшу не посылать, а предложить польским товарищам разобраться с «Солидарностью» самостоятельно. Наиболее развернуто эту позицию выразил, с санкции Брежнева, Юрий Андропов: «...что касается проведения операции “Х” (введение военного положения. — Б.С.), то это целиком

и полностью должно быть решением польских товарищей, как они решат, так тому и быть. Если т. Куликов (главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора. — Б.С.) действительно сказал о вводе войск, то я считаю, он сделал это неправильно. Мы не можем рисковать. Мы не намерены вводить войска в Польшу. Это правильная позиция, и нам нужно ее соблюдать до конца. Я не знаю, как будет обстоять дело с Польшей, но если даже Польша будет под властью “Солидарности”, то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия» (с. 372–373). И секретарь ЦК КПСС Константин Русаков довел соответствующую информацию до Ярузельского (Мастеров 2009). Черемушкин так пишет о сообщении Русакова: «Аношкин докладывал: маршал Куликов узнал от советского посла в Варшаве Бориса Аристов, что по распоряжению Ярузельского ему позвонил секретарь ЦК ПОРП Мирослав Милевский и спросил: “Можем ли мы рассчитывать на помощь по военной линии со стороны СССР (о дополнительном вводе войск)?” Аристов связался с секретарем ЦК КПСС Константином Русаковым и, как утверждает Аношкин, получил ответ: войска вводиться не будут. Для поляков это казалось страшной новостью. Оказалось, что после продолжавшихся полтора года

разговоров о вводе войск все отпало» (с. 365–366). Наверное, здесь правильнее говорить не о поляках, а о польском коммунистическом руководстве. Черемушкин, признавая, что советское руководство не собиралось вводить войска в Польшу в декабре 81-го и сообщило об этом Ярузельскому, который, напротив, просил о вводе советских войск, пытается оправдать своего героя: «Понятно, что генерал Ярузельский не мог знать о подробностях этого заседания (Политбюро 10 декабря. — Б. С.), равно как и не мог не принимать во внимание позицию советских военных, которые наверняка имели план “Б” на случай провала операции под руководством самих поляков» (с. 366). Но советские военные самостоятельной роли в системе власти в СССР не играли и никаких военных планов без указания политического руководства не разрабатывали и уж тем более не вводили их в действие. И Ярузельский не мог об этом не знать, тем более что, как подчеркивает автор книги, генерал «обладал обширными знаниями о советской военной системе» (с. 382). В контексте всей этой информации довольно странно выглядит, на мой взгляд, утверждение о том, что в день введения военного положения «дивизии Советской Армии стояли наготове как на территории самой Польши, так и на ее границах на тот случай, если властям не удастся взять ситуацию под контроль собственными силами» (с. 258) На самом деле Ярузельский знал, что на помощь ему эти дивизии не придут.

Таким образом, даже приход к власти «Солидарности» в Москве считался меньшим злом по сравнению

с неизбежным ужесточением западных санкций в случае советской военной интервенции в Польше. И накануне введения военного положения первому секретарю ЦК ПОРП и главе правительства генералу Войцеху Ярузельскому сообщили, что в случае неудачи с введением военного положения он не сможет рассчитывать на помощь советских войск, о привлечении которых он сам просил. И хотя Ярузельский в итоге справился с введением военного положения и интернированием руководства «Солидарности» своими силами, это была пиррова победа.

П. Черемушкин упоминает рабочий дневник генерала Виктора Аношкина, в 1981 г. — адъютанта маршала Куликова, из которого «следует, что 9 декабря 1981 года Ярузельский просил советских партнеров ввести в Польшу войска, но получил уклончивый ответ. Подлинность этого документа подтверждает и директор Центра изучения холодной войны Гарвардского университета (США) Марк Крамер» (с. 14). Но тогда получается, что все утверждения Ярузельского о том, что он ввел военное положение только для того, чтобы не допустить ввод в Польшу советских войск, не стоят и ломаного гроша. И тогда непонятно, почему Черемушкин, судя по книге, доверяет этим утверждениям. Тогда ему надо было бы каким-то образом поставить под сомнение свидетельство Аношкина, но он это не делает. Вот уличающее Ярузельского место из дневника Аношкина: «Забастовки являются для нас лучшим вариантом. Рабочие остаются на месте. Будет хуже, если они покинут предприятия и начнут разорять партийные комитеты, ор-

ганизовывать демонстрации. Если это перекинется на всю страну, то вы будете должны нам помочь. Сами мы не справимся», — якобы с такими словами Ярузельский обратился к Куликову за четыре дня до введения военного положения. Он также пригрозил, что Польша может выйти из Варшавского договора, что в тех условиях вряд ли произвело на советское руководство хоть какое-то впечатление (Мастеров 2009).

Черемушкин же утверждает, что ему ближе всего позиция Адама Михника, полагавшего, что политика Ярузельского спасла Польшу от советского вторжения на рубеже 1981 и 1982 гг. (с. 35). Однако факты говорят, что генерал Ярузельский не только не был противником такого вторжения, но сам просил о вводе советских войск. Здесь мы наблюдаем весьма распространенное среди историков явление, когда исследователь, следуя принципу научной честности, приводит свидетельство, безусловно опровергающее его теорию, но все равно оказывается не в силах отказаться от дорогой его сердцу теории.

В то же время Черемушкин признает, что, «по мнению польских историков, военное положение было введено не из-за заботы Ярузельского о судьбе страны, а для спасения коммунистического режима» (с. 27–28). Он также полагает, что советские руководители «никогда бы не пошли на то, чтобы отпустить Польшу из Варшавского договора» (с. 13). Тут необходимо заметить, что в случае прихода к власти «Солидарности» в начале 80-х гг. членство Польши в Организации Варшавского

договора стало бы сугубо формальным и принципиального значения не имело бы. Вспомним, что в начале 60-х гг. руководство Албании порвало все связи с СССР, вплоть до разрыва дипломатических отношений, но до 1968 г. Албания оставалась членом ОВД. Да и после реального прихода к власти «Солидарности» в 1989 г. Польша оставалась членом ОВД до 1 июля 1991 г., когда в Праге Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия подписали протокол о полном прекращении действия Варшавского договора 1955 г. Советское руководство наверняка беспокоило возможность вступления некоммунистической Польши в НАТО, а уж останется она формальным членом ОВД или нет, не было для него первостепенным вопросом.

П. Черемушкин дает понять, что считает суд над Ярузельским нарушением морально-этических норм. Он выдвигает гипотезу, согласно которой суд над генералом не мог состояться, пока был жив папа римский Иоанн Павел II, и в связи с этим утверждает: «В Ватикане меняется власть, и никто больше не мог погрозить полякам пальчиком, если считал, что они переходят моральные границы, или призвать польских политиков к соблюдению этических правил» (с. 367). Трудно, однако, понять, какие моральные границы и этические нормы нарушило привлечение к суду Ярузельского за введение военного положения (в итоге он был исключен из числа подсудимых по состоянию здоровья). И связано это было скорее не со смертью Иоанна Павла II, а с приходом к власти в лице партии «Право и справедливость»

более радикальных антикоммунистических сил, не связанных компромиссом, достигнутым Ярузельским и руководителями «Солидарности». Как представляется, в позиции Черемушкина большую роль играет эмоциональный момент. Автор книги создал настолько привлекательный образ Ярузельского, что просто не может себе представить, как такого человека могут предать суду. Он пишет про Ярузельского, что «от деятелей советского блока он отличался иностранным флером, каким-то абсолютно несоветским содержанием» (с. 42). Автор книги восторженно пишет о своем герое: «...подлинный государственный муж, человек, знающий цену и себе, и своей позиции в истории и политике, которую не зря называют искусством возможного» (с. 47). Но тут опять проявляется противоречие между авторской декларацией и теми фактами, которые присутствуют в книге. Ярузельский всю оставшуюся жизнь стремился доказать, что его главная (а по сути — единственная) заслуга перед Польшей заключается в том, что введением военного положения он предотвратил советскую военную интервенцию в конце 1981 г. Однако приводимые в книге факты заставляют прийти к выводу, что угрозы советской военной интервенции в то время не существовало и Ярузельский это знал. Так какой же он государственный муж? Более того. Как известно, политическая карьера Ярузельского началась после того, как он занял пост министра обороны в 1968 г. Это предопределило его последующее восхождение к вершинам власти и его роль во введении военного положения. Но, как пишет Черемушкин, «впоследствии

Ярузельский признавал, что согласие занять должность министра было одной из самых больших его ошибок. “Если бы я тогда окончательно отказался, мне бы не пришлось пройти через все то, через что пришлось пройти потом. Это повышение стало переломным моментом в моей биографии. Это был момент, который предопределил все”» (с. 129). Но тогда получается, что сам генерал сожалел о том, что сам же ставил себе в заслугу. Думаю, что в данном случае он был искренен. Постфактум Ярузельский в глубине души сожалел о введении военного положения, которое не спасло коммунизм в Польше, а его самого подвело под суд. А началось все с его прихода на пост министра обороны. Но, с другой стороны, не было бы этого — и Ярузельский не вошел бы в историю, а остался бы одним из многих генералов Войска Польского, о которых забыли сразу после выхода в отставку.

Черемушкин делает один принципиально верный общий вывод, хотя, пожалуй, и преувеличивает политические способности своего героя: «В наши дни, когда Россия оказалась в конфронтации со многими соседями на Западе, как ближними, так и дальними, возникает соблазн заявить: существовавшая в советские времена система отношений, иерархия подчиненности окраин империи Центру были оптимальными для взаимодействия с такими странами, как Польша. Однако весь жизненный путь генерала Ярузельского не позволяет согласиться с таким мнением. Его политическая биография показывает, насколько сложными и неоднозначными были эти отношения, какими многочисленными фактора-

ми они определялись и как непросто складывались. По многим причинам повторить такую модель отношений уже не удастся хотя бы потому, что не осталось подобных Ярузельскому кадров, способных на такую ювелирную, до мелочей просчитанную политику. Да и России сегодня следует гораздо больше сосредотачиваться на внутренних проблемах, нежели на внешних» (с. 388).

Очень интересно определение, данное Черемушкиным Ярузельскому: «аристократ, которого жизненные передраги превратили в верного слугу Советской империи» (с. 26). Советской империи он служил вынужденно, но верно. Также автор книги отмечает, что «образ жизни лидера Польши и высшего военного лица отличался бросавшейся в глаза скромностью» (с. 384). В то же время «Ярузельский был “человеком своего времени” и действовал в рамках допустимого, тщательно стремясь, с одной стороны, не нарушить советские табу, а с другой, защитить интересы своего народа максимально доступными методами» (с. 386). Но сразу встает вопрос, а что именно понимал генерал под интересами польского народа. Судя по книге, он видел их в построении в Польше социалистического общества и в дружбе с Советским Союзом. Но сейчас большинство поляков явно не в этом видят свои интересы, хотя значительная часть населения Польши все же и теперь относится к России с определенной симпатией. Хотя, с другой стороны, вряд ли Ярузельскому могли нравиться такие порядки, когда даже на похоронах матери он, под угрозой выговора по службе, не мог войти в костел, где происходило отпевание (с. 118–119).

На наш взгляд, Ярузельский, успешно сделавший не только военную, но и политическую карьеру в коммунистической Польше, обладал определенными политическими способностями. Однако он оказался во главе Польши в тот момент, когда вывести из кризиса коммунистический режим было уже невозможно. Черемушкин делает верный вывод о том, что в коммунистической Польше Ярузельский «сразу понял “секреты новой политической культуры в ее разнообразных формах”, быстро усвоил иерархию общественных институтов, в которые следовало вписаться» (с. 90). Черемушкин также совершенно справедливо пишет, что в бытность маршала Рокоссовского министром обороны Польши Войско Польское все больше походило на Советскую армию: «организационная структура принимает идентичное состояние, происходит унификация военной техники, даже военная форма подобна советской. В инструкциях, поступавших сверху, подчеркивалось, что военное образование будет строиться в духе дружбы и союзнической верности в отношении СССР, любви и преданности “вождю прогрессивного человечества” Иосифу Сталину, “братства по оружию” с Советской Армией» (с. 96). Все это, конечно, не могло не отразиться на Ярузельском, который на первый план должен был ставить лояльность Советскому Союзу. Эту лояльность СССР, а потом России, как показано в книге, генерал сохранил до самого конца, что Черемушкин ставит ему в заслугу.

Есть в книге отдельные частные неточности. Так, Черемушкин пишет в связи с расстрелом НКВД польских

офицеров и представителей интеллигенции весной 1940 г.: «На Украине (Быковня), в Белоруссии (Куропаты) и на территории нынешней России в Катыни (Смоленская область), Медном (Тверская область) и Козельске (Калужская область) ныне находятся могилы тысяч убитых поляков» (с. 22). Однако могилы поляков, расстрелянных по постановлению Политбюро от 5 марта 1940 г. в апреле и первой половине мая того же года, не могли находиться в Козельске. Там был лагерь польских военнопленных, но расстреливали их в Катынском лесу. Что же касается Быковни и Куропат, то до сих пор нет доказательств, что там захоронены поляки, расстрелянные весной 1940 г. (теоретически там могли хоронить расстрелянных поляков из числа гражданских лиц, взятых из тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии). Зато Черемушкин не упоминает вполне реальное место захоронений жертв весенних расстрелов — поселок Пятихатка (Пятихатки) в городской черте Харькова.

Черемушкин характеризует Россию как страну, «за счет захвата территорий которой в XVI и XVII веках росла польская империя Речь Посполитая» (с. 19–20). Но эта фраза, строго говоря, бессмысленна. В то время России еще не было, а была Московская Русь, которая вела войны с Великим княжеством Литовским в XV–XVI вв. за целый ряд пограничных территорий. В ряде из этих войн Литву поддерживала Польша, а после того, как в 1569 г., чтобы противостоять московской угрозе, эти два государства объединились в Речь Посполитую, Московскому государству пришлось воевать уже с ней.

Пытаясь доказать, что при Брежневе и Хрущеве Польша была под менее жестким советским контролем, чем при Сталине, Черемушкин ссылается на бывшего первого секретаря ЦК ПОРП Станислава Каню, вспоминавшего, что, «несмотря на то что Брежнев кричал на него и предъявлял претензии, Кане позволялось высказывать свое мнение и пытаться убеждать советское руководство в верности своей точки зрения» (с. 377). Наверняка так оно и было, но я с трудом представляю себе, что Сталин не разрешал высказать свое мнение Болеславу Беруту или тогдашнему министру обороны Польши маршалу Рокоссовскому, что, конечно, не означало, что он с этим мнением всегда соглашался.

Иногда автор бросает в адрес своего героя патетические фразы, которые вообще-то трудно понять: «Войцех Ярузельский прошел испытание Россией до конца и с честью. И выдержал проверку временем, что история подтвердит еще не раз» (с. 385). Что имеется в виду под «испытанием Россией»? Депортация в Сибирь? Или назначение министром обороны и главой ПОРП с одобрения советского руководства? И что означало бы, что Ярузельский этого испытания не выдержал? Умер в ссылке или присоединился к армии Андерса? И каким образом Ярузельский выдержал «проверку временем»? Ведь никакого наследия, ни военного, ни политического, он не оставил, а введение им военного положения, чем он, собственно, и вошел в историю, оказалось в конечном счете бесплодным. Да и сам Черемушкин, применительно к военному положению в Польше, признает, что «ни

в одном государстве невозможно решить внутренние проблемы насильем, каким бы изощренным способом оно ни разрабатывалось» (с. 387).

Довольно странно звучит утверждение о том, что «основным источником по проблеме “введут или не введут” (советские войска в Польшу в 1981 г. — Б.С.) остаются мемуары советских генералов Владислава Ачалова и Виктора Дубынина» (с. 45). И это при том, что сам Черемушкин обильно цитирует в книге и протоколы заседаний Политбюро, и дневник генерала Аношкина, источники вполне документальные, из которых становится ясно, что ввод советских войск исключался, и никакого плана «Б» на случай неудачи Ярузельского, на который Черемушкин ссылается вслед за Ачаловым и Дубыниным, не было. Да и по своему тогдашнему положению оба генерала никак не могли быть осведомлены о решениях высшего политического руководства.

Автор книги сообщает: «В марте 1949 года Берут лично обратился к Сталину с просьбой командировать в ряды Войска Польского советских генералов. В Кремле к его просьбе отнеслись с пониманием» (с. 94–95). Тут все же стоило бы дать комментарий насчет того, что такого рода просьбы все же обычно сперва доводились Сталиным до Варшавы, а потом уже, оформленные как просьбы польского руководства, возвращались в Москву.

Черемушкин пишет, что «ночью с 15 на 16 июня 1958 года, в Венгрии после тайного суда был осужден и расстрелян премьер-министр Имре

Надь» (с. 112). Однако широко известно, что Надь был не расстрелян, а повешен.

Несколько странно звучит утверждение о том, что в правление Эдварда Герека, т. е. в 70-е гг., произошел подлинный творческий взрыв польской кинематографии, давший миру таких режиссеров, как Анджей Вайда, Кшиштоф Занусси, Роман Полански и многих других. Крупнейшей фигурой мировой литературы стал такой автор, как Ярослав Ивашкевич (с. 163). Вайда еще до 1970-х гг. снял такие признанные шедевры, как «Канал», «Пепел и алмаз», «Пепел», «Все на продажу», «Пейзаж после битвы», «Березняк». Также и Занусси уже в 1969 г. снял свой первый полнометражный фильм «Структура кристалла», который сразу обратил на себя внимание критики и стал лауреатом ряда фестивалей. Полански же снимал фильмы в Польше только в 60-е гг. Что же касается Ивашкевича, то он уже в 1970 г. стал лауреатом Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Но при этом никак нельзя сказать, что он когда-либо воспринимался как «крупнейшая фигура» мировой литературы, и по всемирной популярности Ярослав Ивашкевич значительно уступал тому же Генрику Сенкевичу.

П. Черемушкин склонен верить Ярузельскому в том, что его поездка в августе 1960 г. на Олимпийские игры в Рим, во время которой он нашел время посетить беднейшие кварталы Неаполя, укрепила его во мнении о превосходстве социализма над капитализмом и привела к признанию: «Все, что я слышал или читал

о капитализме, эксплуатации человека человеком, нищенских условиях жизни рабочего класса в странах Запада, оказалось правдой». Его, дескать, поразили вид обшарпанных домов и детей-попрошаек (с. 113–114). Это выглядит слишком уж наивно. Понятно, что члены польской делегации в 1960 г. перемещались только по заранее утвержденной программе, и посещение неаполитанских трущоб наверняка было ее частью. И трудно поверить, что в коммунистической Польше Ярузельскому не довелось наблюдать обшарпанных домов и нищих во второй половине 40-х и в первой половине 50-х гг., когда он еще был простым офицером Войска Польского, не входил в высшую военную номенклатуру и непосредственно общался с народом. Просто в некоммунистической Польше (да и в коммунистической тоже) признаться в том, что он не ве-

рил в преимущество социализма над капитализмом, означало бы также признание в том, что Ярузельский служил коммунистическому режиму из чисто карьерных соображений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волобуев 2020 — *Волобуев В.В.* Иоанн Павел II: поляк на Святом престоле. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Мастеров 2009 — *Мастеров В.* Генеральская тетрадь // *Время новостей*. 2009. № 229, 11 декабря. URL: <http://www.vremya.ru/2009/229/5/243546.html>.

REFERENCES

Masterov V. General'skaya tetrad'. *Vremya novostej*, 2009, no. 229, 11 dekabrya, URL: <http://www.vremya.ru/2009/229/5/243546.html>.

Volobuev V.V. *Ioann Pavel II: polyak na Svyatom prestole*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.

Д. А. Боровков

ЗАВЕЩАНИЕ ЯРОСЛАВА I В УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ: ОТ «СПРАВОЧНОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ» ДО «БОЛЬШОЙ РОССИЙСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

В статье рассматриваются интерпретации летописного рассказа о разделе русских городов между сыновьями киевского князя Ярослава I (1054) в отечественных универсальных энциклопедических изданиях, прослеживается зависимость этих интерпретаций от «парадигмальных теорий», господствовавших в русской исторической науке XIX–XX вв.

Ключевые слова: Ярослав I, энциклопедии, Брокгауз-Ефрон, Гранат, Южаков.

Сведения об авторе: Боровков Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Контактная информация: brancalone85@mail.ru.

D. A. Borovkov

TESTAMENT OF JAROSLAV I IN UNIVERSAL ENCYCLOPEDIA EDITIONS: FROM THE
“REFERENCE ENCYCLOPEDIA DICTIONARY” TO THE “GREAT RUSSIAN ENCYCLOPEDIA”

The article is considered the interpretations of the Russian chronicle about the division of Russian cities between the sons of the Kiev prince Yaroslav I (1054) in Russian universal encyclopedic editions, is traced the dependence of these

interpretations on the “paradigmatic theories” that dominated Russian historical science of the 19th–20th centuries.

Key words: Yaroslav I, encyclopedias, Brockhaus-Efron, Granat, Yuzhakov.

About the author: Borovkov Dmitry A., candidate of historical sciences, independent researcher.

Contact information: brancaleone85@mail.ru.

Настоящая статья посвящена проблеме интерпретации завещания (ряда) Ярослава I в отечественных энциклопедических изданиях, но, учитывая многообразие такого рода литературы, ограничивается рассмотрением наиболее крупных энциклопедических изданий (преимущественно XIX–XX вв.), содержащих биографическую статью о Ярославе I или обзорную статью по истории России.

Поскольку «Энциклопедический лексикон» А. Плюшара, опубликованный в 1835–1841 гг., доведен лишь до буквы «Д» и вследствие банкротства издателя остался незавершенным, мы начнем наш обзор со «Справочного энциклопедического словаря» (1847–1855). В XII томе этого издания опубликована биографическая статья «Ярослав I (Юрий или Георгий) Владимирович», составитель которой, в духе абсолютистских историографических стереотипов XVIII – первой половины XIX в., представляя князя «повелителем всей Руси, кроме Полоцка», писал, что «чувствуя приближение смерти, Ярослав призвал своих сыновей и в надежде предупредить между ними всякий повод к распре, сам назначил каждому особый удел: старшему из них Изяславу киевский престол с титулом вел. князя; Святославу Чернигов, Всеволоду Переяславль (южный), Вячеславу Смоленск, Игорю Владимир Волынский» (СЭС. Т. 12: 521, 522).

В общем обзоре истории России, помещенном во второй части IX тома того же словаря, говорилось, что Ярослав «довершил безотчетное дело предков своих – основание Русской державы», но после смерти Ярослава в 1054 г. характер русской истории изменяется, т.к. происходит «раздробление Руси на несколько союзных княжеств». «Внешнее расширение норманнской стихии прекращается; его заменяет продолжительное внутреннее борение: споры за уделы, Ярослав на смертном одре разделил Русскую землю между сыновьями на 5 уделов: старшему, Изяславу, дал княжества Киевское и Новгородское, присвоил ему титул великого князя, Святославу Черниговское, Всеволоду Переяславское, Вячеславу Смоленское, Игорю Владимирское (на Волыни)», после чего «враждою старших поколений с младшими» начались междоусобия (СЭС. Т. 9. Ч. 2: 180, 181). В терминологии, использованной составителем этой статьи, можно заметить влияние Н.А. Полевого, писавшего о распаде в 1054 г. русского государства на «союзные княжества», и, в несколько большей степени, Н.Г. Устрялова и К.Д. Кавелина, связывавших с рядом Ярослава начало периода уделов.

Если в «Справочном энциклопедическом словаре» содержание статьи отвечало повествовательному принципу подачи фактического материала,

то в соответствующем разделе статьи «Россия» «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона, вышедшего в 1890–1907 гг., изложение материала было ориентировано на освещение социально-экономических процессов, так что упоминанию завещания Ярослава места в тексте не нашлось. Вместо этого автор раздела по русской истории А. А. Кизеветтер под влиянием теории родового быта и общинно-вечевой теории интерпретировал процесс развития «Приднепровской Руси IX–XII вв.» в духе концепции своего учителя В. О. Ключевского как политический синтез славянских и варяжских княжеств, в котором рядом с интересами представителей рода Рюриковичей, наследовавших княжеские столы согласно принципу «лестничного восхождения» по старшинству, сосуществовали земско-вечевые интересы, обеспечивавшие в качестве основания политического строя «дуализм княжеской и вечевой власти» (Брокгауз-Ефрон. Полутом 55: 448, 449). В биографической статье «Ярослав I Владимирович Мудрый», в целом богатой фактическим содержанием, этот пробел компенсирован не был: там сообщалось лишь о том, что князь разделил русскую землю между сыновьями, оставив завещание, в котором «предостерегал сыновей от междоусобиц и убеждал жить в тесной любви» (Брокгауз-Ефрон. Полутом 82: 831). Лаконичное упоминание о том, что Ярослав завещал вместе с киевским столом старшинство между князьями старшему сыну, есть в биографической статье об Изяславе Ярославиче (Брокгауз-Ефрон. Полутом 24: 896) и в статье о Киевском княжестве, где уточняется, что Ярослав вместе со старшинством

получил от отца полянскую и древлянскую земли (Брокгауз-Ефрон. Полутом 29: 263). До определенной степени этот пробел компенсируется имеющей реферативный характер статьей Г. Лучинского «Теория родового быта в русской истории» (Брокгауз-Ефрон. Полутом 64: 908–911).

Несколько иначе трактуется этот вопрос в «Большой энциклопедии» под редакцией С. Н. Южакова, которая была опубликована в 1900–1909 гг. В статье «Россия», в разделе, посвященном древнему периоду русской истории (до XV в.), дана социальная сторона эволюции древнерусской государственности и раскрывается эволюция междукняжеских отношений. «Ярослав делит свою землю между сыновьями и с этого времени устанавливается представление о принадлежности русской земли всему княжескому роду. Создается целая система владения областями русской земли. Во главе рода стоит старший в роде — великий князь, которому принадлежит самая богатая и сильная область киевская. Остальные области распределяются между членами княжеского рода по старшинству и, как только умирает один из членов рода, все остальные передвигаются за ним один на место другого, восходят “лествицею”. Но такая система могла существовать только в теории, на практике порядок наследования столов постоянно нарушался» (Южаков. Т. 16: 514). Нетрудно заметить, что эта интерпретация также дана в рамках родовой теории, близкой к трактовке В. О. Ключевского.

Биографическая статья о Ярославе Владимировиче в «Большой энциклопедии» С. Н. Южакова, не уступая

по информативности аналогичной статье из «Энциклопедического словаря» Брокгауза — Ефрона, содержала информацию о том, что Ярослав скончался в 1054 г., положив начало удельному порядку на Руси: «умирая, он разделил русскую землю между оставшимися в живых 5 своими сыновьями — Изяславу отдал Киев, Новгород и Туров, Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяславль Южный, Вячеславу — Смоленск, Игорю — Владимир Волынский» (*Южаков*. Т. 20: 794). Однако самой информативной статьей о Ярославе Мудром (единственной, где летописный текст ряда был приведен полностью) стала статья в «Русском биографическом словаре» (РБС. Т. 25: 180).

В «Настольном энциклопедическом словаре» братьев А.Н. и И.Н. Гранат (который выдержал 6 изданий с 1894 по 1903 г.) биографическая статья о Ярославе Мудром, значительно уступавшая по объему и фактическому содержанию статьям из «Энциклопедического словаря» Брокгауза — Ефрона и «Большой энциклопедии» Южакова, не содержала упоминания о произведенном Ярославом разделе (НЭС Гранат. Т. 8: 5349), в то время как в соответствующем разделе обзорной статьи по истории России говорилось, что после смерти Ярослава Мудрого установился своеобразный порядок престолонаследования, способствовавший постоянному переходу князя и дружины из города в город, поскольку княжеские столы замещались в порядке старшинства в роде (НЭС Гранат. Т. 7: 4303).

С 1910 г. выходило 7-е «совершенно переработанное» издание «Энцикло-

педического словаря Гранат», которое было завершено уже в советское время, в 1948 г. Впрочем, 56-й том словаря, где должна была находиться статья о Ярославе Мудром, издан так и не был, а в историческом разделе 36-го тома (часть III), посвященного истории России (где составителем очерка истории Киевской Руси был Б.Д. Греков), вопрос о разделе 1054 г. не освещался, поскольку, в соответствии с марксистской идеологической парадигмой, приоритет был отдан рассмотрению социально-экономических аспектов и факторов феодализации (ЭС Гранат. Т. 36. Ч. III: 325–366).

Этот пробел до некоторой степени компенсировался тем, что о разделе 1054 г. кратко говорилось в статье о Киевском великом княжестве, написанной Н.П. Василенко: «Умирая, Ярослав I в 1054 г. распределил свои волости между сыновьями. Киевская волость была дана старшему сыну Изяславу. Отношение старшего сына к братьям, по завещанию Ярослава приравнялось отношению отца к детям. На самом деле согласия между братьями не было. Изяслав был даже изгнан, и на киевский стол был посажен брат его Святослав (1073–1076)» (ЭС Гранат. Т. 24: 262–263). Несмотря на то, что Н.П. Василенко уделил внимание не только политическому и социально-экономическому развитию Киевского княжества, он не объяснил порядка междукняжеских отношений с позиций какой-либо теории.

В энциклопедических изданиях советского периода прослеживается ярко выраженная тенденция интерпретировать политику Яросла-

ва Мудрого в рамках феодальной парадигмы социального развития. Как, например, в биографической статье о Ярославе Мудром («Ярослав I Владимирович»), помещенной в 65-м томе 1-го издания «Большой советской энциклопедии» (1926–1947), где утверждалось, что Ярослав «крупный феодал, видный участник борьбы за феодальное первенство», который, умирая, «разделил свои владения между многочисленными сыновьями, предостерегая их в своем завещании от междоусобий» (БСЭ 1. Т. 65: 771–772). Аналогичные формулировки в кратком виде были воспроизведены в соответствующей статье 1-го издания «Малой советской энциклопедии» (МСЭ. Т. 10: 449) — хотя в советской историографии на протяжении 1930-х гг. дискуссии о существовании феодального уклада в Древней Руси продолжались.

В дополнительном томе 1-го издания БСЭ, посвященном СССР, где соответствующий исторический раздел подготовлен под редакцией Н. Л. Рубинштейна, княжение Ярослава было отнесено к периоду установления феодального строя, однако в тексте уже не было жестких классовых характеристик князя. Речь шла лишь о том, что «расцвет Киевского государства укрепил сознание внутреннего единства русского народа», но «политическое единство оказалось менее прочным». О самом разделе говорилось следующее: «Со смертью Ярослава в 1054 Киевское государство стало распадаться на ряд отдельных княжеств, первоначально между пятью его сыновьями: Изяслав получил Киевское княжество и Новгородскую землю, Святослав — Черниговское княжество, Всево-

лод — Переяславское (с разделением между ними Волго-Окского края), Игорь — Владимиро-Волыньское, Вячеслав — Смоленское». При этом подчеркивалось, что политическое раздробление Киевского государства «было результатом окончательного установления феодального строя» и «если Ярославу все же удалось восстановить политич. единство Русской земли, то сам же он окончательно закрепляет ее разделение в своем завещании». Тем не менее это «не упадок Киевской Руси, как представляла себе старая дворянско-буржуазная историография, а развитие государственной организации, ограниченной в сфере своего распространения, но значительно более богатой по содержанию; это — переход от “варварского” к феодальному государству. Именно поэтому политич. раздробление сочетается с ростом сознания внутреннего народного единства Руси, охватывающего все земли восточного славянства, с началом общерусской культуры и развитием общерусского письменного языка, отмечаемым советской историографией» (БСЭ 1. Доп. том СССР, 315–317). По всей видимости, появление этих характеристик связано с изменением после 1945 г. идеологической конъюнктуры, усилением пропаганды возвеличивания русского народа с подачи И. В. Сталина (*Дубровский* 2017: 396–398, 430–431).

В биографической статье из 2-го издания БСЭ (1950–1958) Ярослав Мудрый характеризовался как «крупный государственный деятель Древней Руси», после смерти которого в 1054 г. «Русская земля была поделена между его пятью сыновьями, и наметившиеся при Я. М. признаки политич.

раздробления государства вскоре стали очевидными» (БСЭ 2. Т. 49: 646, 647). В то же время в этой статье не конкретизировалось содержание междукняжеского раздела, а в вышедшем в том же году томе «СССР», где автором раздела по истории периода феодализма был А.М. Сахаров (заведовавший во 2-м издании БСЭ редакцией истории СССР), этот вопрос был обойден молчанием, поскольку составитель ограничился общими замечаниями о том, что княжение Ярослава пришлось на период феодализации древнерусского общества, а в середине XI в. в Древней Руси «стали отчетливо обнаруживаться признаки начавшегося дробления государства» и «наступил период феодальной раздробленности, что было закономерным этапом в истории страны» (БСЭ 2. Т. 50: 127, 131).

Эта же тенденция была продолжена в третьем издании БСЭ (1969–1978), где соответствующий раздел по истории Киевской Руси в томе «СССР» написал А.М. Сахаров, хотя ключевые социально-политические характеристики были несколько изменены. Так, утверждалось, что «в 10 – первой пол. 11 вв. раннефеод. Киевское гос-во достигло наивысшего расцвета», а при Ярославе Мудром Киевская Русь стала «крупнейшим государством» средневековой Европы, но после его смерти, во второй половине XI в., проявилась «активная тенденция к феодальной разобщенности», которую, однако, удавалось сдерживать вплоть до княжения Владимира Мономаха (1113–1125) и Мстислава Великого (1125–1132), после смерти которого Киевское государство «окончательно распалось» и на его месте образовалось около

полутора десятков «фактически самостоятельных» государств (БСЭ 3. Т. 24. Кн. 2: 90). Как видно из текста, о разделе 1054 г. не было сказано ни слова, так же как и в биографической статье о Ярославе, где на сей раз отсутствовали его характеристики: говорилось лишь о том, что в его княжение феодальные отношения в Киевской Руси достигли значительного развития (БСЭ 3. Т. 30: 554).

Этот пробел присутствовал и в «Советской исторической энциклопедии» (1961–1976), где биографическая статья о князе содержала утверждение о том, что внутри страны Ярослав Мудрый «сумел добиться укрепления феод. отношений введением Русской правды» (СЭИ. Т. 16: 985), но ничего не сообщала о произведенном им разделе княжений. А в соответствующем разделе очерка по истории СССР (одним из авторов которого также был А.М. Сахаров) факторы феодализации древнерусского общества и развития феодальной раздробленности в XI–XII вв. излагались без всякого отношения к деятельности киевских князей (СЭИ. Т. 13: 520, 525).

Эти особенности репрезентации исторического материала в главных советских энциклопедических изданиях можно объяснить влиянием доминировавшей историографической тенденции, ориентированной, с одной стороны, на объективизацию исторического процесса, а с другой стороны, на нивелирование исторического значения ряда Ярослава как не вписывавшегося в концепцию раннефеодальной монархии IX–XII вв., усилившуюся в исторической науке второй половины XX в.

На фоне советской энциклопедической традиции резко выделяется характеристика ряда Ярослава I в «Большой российской энциклопедии» (2004–2017), где биографическая статья о князе и раздел, посвященный истории древнерусского государства IX–XIII вв., во вводном томе «Россия» были написаны А. В. Назаренко и, по сути дела, являются концентрированным изложением его концепции «родового сюзеренитета» Рюриковичей над Русью (Назаренко 2000: 500–519). Рассказ о разделе Ярослава открывает параграф о начале раздробленности Древнерусского государства, при этом автор не только перечисляет все владения Ярославичей, полученные в 1054 г., но и констатирует соединение в созданной ими политической системе сеньората с «триумvirатом» (БРЭ. Том «Россия», 268, 269). В биографической статье о Ярославе этот политический режим назван «сложным разделом», который преследовал «цель создания стабильного сеньората (усвоение определенных политич. прерогатив в общегосударств. масштабе за старшим из Ярославичей — киевским кн. Изяславом Ярославичем), что стало началом отхода от обычной практики равных разделов» (БРЭ. Т. 35: 768).

Подводя итог обзору, куда мы не включаем энциклопедические издания 1990–2010-х гг., которые вследствие своей многочисленности могут стать объектом отдельного исследования, следует подчеркнуть: большинство энциклопедических статей, содержащих информацию о завещании Ярослава Мудрого, несут концептуальную нагрузку доминирующей в историографии «пара-

дигмальной теории» (для второй половины XIX — начала XX в. это была теория родового быта, для большей части XX в. — феодальная теория), имея отпечаток концептуальной субъективности, особенно заметный в энциклопедической литературе советского периода. Стоит отметить, что ни в одном из рассмотренных энциклопедических изданий не поднимался вопрос об историкоисторической достоверности завещания Ярослава I.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Брокгауз-Ефрон — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского: В 86 томах. СПб., 1890–1907.

БРЭ — Большая Российская энциклопедия [В 35 томах] / пред. науч.-ред. совета Ю. С. Осипов. М., 2004–2017.

БСЭ 1 — Большая Советская энциклопедия: В 65 томах (1-е изд.) / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М., 1926–1947.

БСЭ 2 — Большая Советская энциклопедия: В 51 томе (2-е изд.) / гл. ред.: Н. И. Вавилов, Б. А. Введенский. М., 1950–1958.

БСЭ 3 — Большая Советская энциклопедия: В 30 томах (3-е изд.) / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1969–1978.

Дубровский 2017 — *Дубровский А. М.* Власть и историческая мысль в СССР. М., 2017.

МСЭ — Малая Советская Энциклопедия: В 10 томах / под ред. Н. Л. Мещерякова. М., 1928–1932.

Назаренко 2000 — *Назаренко А. В.* Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь) / сост. В. Я. Петрухин. М., 2000.

НЭС Гранат — Настольный энциклопедический словарь Гранат: В 8 томах. 2-е изд. стереотип. СПб., 1896–1901.

РБС — Русский биографический словарь: В 25 томах / под ред. А. А. Половцова. СПб., 1896–1918.

СИЭ — Советская историческая энциклопедия: В 16 томах / гл. ред. Е. М. Жуков. М., 1961–1976.

СЭС — Справочный энциклопедический словарь: В 12 томах / изд. К. Крайя. СПб., 1847–1855.

Южаков — Большая энциклопедия. Общедоступный словарь по всем отраслям знаний под редакцией С. Н. Южакова: В 20 томах. СПб., 1900–1909.

ЭС Гранат — Энциклопедический словарь Гранат: В 58 томах. СПб., М., 1910–1948.

REFERENCES

Bol'shaia entsiklopediia. Obshchedostupnyi slovar' po vsem otrasliam znanii pod redaktsiiei S. N. Iuzhakova: V 20 tomakh. St. Petersburg, 1900–1909.

Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia [V 35 tomakh]. Pred. nauch-red. soveta Iu. S. Osipov. Moscow, 2004–2017.

Bol'shaia Sovetskaia entsiklopediia: V 30 tomakh (3 ed.). Gl. red. A. M. Prokhorov. Moscow, 1969–1978.

Bol'shaia Sovetskaia entsiklopediia: V 51 tome (2 ed.) Gl. red. N. I. Vavilov, B. A. Vvedenskii. Moscow, 1950–1958.

Bol'shaia Sovetskaia entsiklopediia: V 65 tomakh (1 ed.). Gl. red. O. Iu. Schmidt. Moscow, 1926–1947.

Dubrovskii A. M. *Vlast' i istoricheskaia mysl' v SSSR*. Moscow, 2017.

Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza — I. A. Efrona. Pod red. I. Je. Andrejevskogo, K. K. Arsen'jeva i F. F. Petrushevskogo: V 86 polutomakh. St. Petersburg, 1890–1907.

Entsiklopedicheskii slovar' Granat: V 58 tomakh. St. Petersburg, Moscow, 1910–1948.

Malaia Sovetskaia Entsiklopediia: V 10 tomakh. Pod red. N. L. Meshcheriakova. Moscow, 1928–1932.

Nastol'nyi entsiklopedicheskii slovar' Granat: V 8 tomakh. 2-je izd. stereotip. St. Petersburg, 1896–1901.

Nazarenko A. V. Poriadok prestolonaslediia na Rusi X–XII vv.: nasledstvennyje razdely, sen'orat i popytki designatsii (tipologicheskiye nabludeniia). *Iz istorii russkoi kul'tury*. Vol. 1 (Drevniaia Rus'). Sost. V. Ia. Petrukhin. Moscow, 2000.

Russkii biograficheskii slovar': V 25 tomakh. Pod red. A. A. Polovzova. St. Petersburg, 1896–1918.

Sovetskaia istoricheskaia entsiklopediia: V 16 tomakh. Gl. red. Je. M. Zhukov. Moscow, 1961–1976.

Spravochnyi entsiklopedicheskii slovar': V 12 tomakh. Izd. K. Kraya. St. Petersburg, 1847–1855.

А. А. Непомнящий

ИНФОРМАТИВНЫЙ СПРАВОЧНИК ДЛЯ ШТУДИЙ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

Рец.: *Раздорский А. И.* Печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: сводный каталог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 975 с.

Показана источниковедческая и библиографическая ценность для исследователей нового справочного пособия, подготовленного крупным российским библиографом и археографом Алексеем Раздорским. Продемонстрировано значение использования печатных отчетов для дальнейших исторических разысканий.

Ключевые слова: А. И. Раздорский, всеподданнейшие отчеты, источниковедение, библиография.

Сведения об авторе: Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Симферополь).

Контактная информация: dr.aan@mail.ru.

А. А. Nepomniachshiy

INFORMATIVE GUIDE FOR RESEARCH IN THE FIELD OF HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Rev.: *Razdorskij A. I.* Pечатnye vsepoddannejšie otchety namestnikov, general-gubernatorov, gubernatorov i gradonachal'nikov Rossijskoj imperii, 1845–1916: svodnyj katalog. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2020. 984 p.

The article shows the source and bibliographic value for researchers of a new reference manual prepared by a leading Russian bibliographer, archaeographer Alexey Razdorsky. On the example of the Crimea, the significance of the reference book for further historical research is demonstrated.

Key words: A. I. Razdorsky, the most comprehensive reports, source studies, bibliography.

About the author: Nepomniachshiy, Andrey A., Doctor of Sciences in History, Professor, Department of Archeology and World History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Leading Researcher of the Crimean Scientific Center of the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Simferopol).

Contact information: dr.aan@mail.ru.

Все больший интерес в связи с расширением тематики исследований, выделением для изучения конкретных сюжетов вызывают библиографические ресурсы, связанные с историческим регионоведением. За последние десятилетия появились указатели различного уровня и разного охвата материала. Привлечение собранных там обширных данных позволит более объективно и разносторонне освещать актуальные аспекты истории страны и ее регионов (*Непомнящий 2019*). В этой связи обращение к так называемым незаезженным источникам всегда приветствуется. Для краеведческих сюжетов, раскрывающих историю досоветской России, особую важность имеют всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников. Вот почему подготовленный кандидатом исторических наук, ведущим научным сотрудником, заведующим группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки Алексеем Игоревичем Раздорским фундаментальный сводный каталог печатных отчетов сразу вызвал большой интерес в среде специалистов и источниковедов, и библиографов (*Раздорский 2020*).

Ежегодные отчеты генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников в Российской империи составлялись для личного рассмотрения императора. Отсюда и их наименование — всеподданнейшие. Они содержат разнообразную, для сегодняшнего дня — уникальную информацию о всех сторонах жизни конкретных регионов империи, в том числе экономическом развитии, социально-политической ситуации, народонаселении. Названные документы составлялись для внутриведомственного оборота и не подлежали разглашению для широкой аудитории. Документы составлялись по установленной программе (сведения о состоянии сельского хозяйства, промышленности, транспорта, торговли, финансов, медицины, народного образования, населения (национальный, сословный состав, конфессии), антиправительственные выступления, деятельность политических партий). Особенный интерес данных исторических источников состоит в том, что в них четко прослеживается отношение высшей региональной элиты России ко всем процессам, происходившим в общественно-политической и социально-экономической жизни государства.

В справочнике А. И. Раздорского объектом библиографического учета и источниковедческого анализа стали печатные версии этих документов, тиражированные в типографском исполнении в центре или на местах с рукописных или машинописных оригиналов. До середины 80-х гг. XIX ст. отчеты составлялись в основном в рукописном виде. Так как эти документы носили секретный характер, их публикация изначально не предусматривалась. Вместе с тем А. И. Раздорским установлено, что в период с конца 40-х до середины 80-х гг. XIX в. 24 отчета были напечатаны на местах. Всего в рецензируемом сводном каталоге учтен 2301 печатный и 8 гектографированных всеподданнейших отчетов за период с 1845 по 1916 г. по одному наместничеству, 12 генерал-губернаторствам, 74 губерниям, 22 областям, 8 градоначальствам, 2 военным губернаторствам и одному обер-полицеймейстерству. Все издания описаны de visu за исключением одного.

Сводный каталог состоит из двух частей. В первой — представлены библиографические описания 85 отчетов по Кавказскому наместничеству и 12 генерал-губернаторствам, а во второй части — библиографические описания 2224 отчетов по 107 губерниям, областям, градоначальствам, военным губернаторствам и Варшавскому обер-полицеймейстерству. В приложениях помещены три библиографических списка: перечень хранящихся в РНБ экземпляров печатных отчетов столичных обер-полицеймейстеров Москвы (1831–1847 гг.) и Санкт-Петербурга (1832–1843 гг.); перечень 32 печатных личных отчетов наказных

атаманов 9 казачьих войск империи за 1896–1911 гг.; перечень печатных отчетов губернаторов Великого княжества Финляндского на шведском языке. Записи про всеподданнейшие отчеты логично сгруппированы в алфавите наместничеств, губерний, областей, градоначальств, военных губернаторств, обер-полицеймейстерств, а внутри каждого раздела — в хронологии. К сожалению, такую же систему автор приложил и к списку сокращений, что затрудняет работу со справочником. Логичнее и удобнее для пользователей аббревиатуры всех учреждений и названий было бы выстроить в алфавите.

Автор представил обзор учета данных источников в различных региональных справочниках и пришел к логичному выводу, что печатные отчеты губернаторов и градоначальников в масштабах всей империи до сих пор не являлись объектом отдельного источниковедческого анализа и библиографического учета. На примере библиографии кримоведения можно говорить о полном отсутствии в печатных каталогах информации про данные издания (*Непомнящий* 2001; 2015).

Представляет несомненный интерес источниковедческая характеристика отчетов, представленная автором в предисловии: история появления всеподданнейших отчетов, разработка для этого типа служебных записок особой программы, информация о регулярности подачи отчетов. Прослежены и этапы работы с этими документами руководителей страны — сохранившиеся на полях документов резолюции, замечания

и комментарии императора — «высочайшие отметки», выделения им вертикальной линией и подчеркивания — «высочайшие отчерки». Автор привел интересные примеры реакции царя на отдельные сюжеты в текстах отчетов губернаторов и градоначальников. Для Крыма, например, до сих пор актуальна проблема водоснабжения. О проблемах с пресной водой сообщал севастопольский градоначальник И. М. Лавров в 1893 г.: «источники, питающие городской водопровод, года от года оскудевают, а местному населению не хватает воды даже для питья и варки пищи» (Раздорский 2020: 25). На полях этого документа государь дал указания по решению вопроса. А читая отчет за следующий год и не найдя там информации о состоянии водоснабжения, спросил на полях: «Что сделано на счет снабжения города водою?» (Там же). Каждая внесенная царем собственноручная отметка рассматривалась в Комитете министров (с 1 ноября 1905 г. — Совете министров). Экземпляр отчета отправлялся в Министерство внутренних дел, где их рассмотрением с 1834 по 1917 г. занимался Совет министра внутренних дел. Отчеты поступали в Центральный статистический комитет и Статистический совет МВД.

Благодаря изучению корпуса документов в РГИА автор восстановил возможные пути тиражирования отчетов, что происходило большей частью в Санкт-Петербурге в Государственной типографии. Степень заинтересованности в таких текстах на местах была достаточно высока, несмотря на секретный характер данных документов. Полезной представляется и приведенная автором

информация о публикации отчетов губернаторов в более поздние периоды представителями местных ученых архивных, археографических комиссий.

Особую ценность представляет информация о местах хранения печатных всеподданнейших отчетов. Наиболее полная коллекция их оригиналов выявлена в РГИА в двух фондах: 1263 (Комитет министров) и 1276 (Совет министров). В данном случае имеются в виду рукописные и машинописные оригиналы отчетов, которые смотрел царь. А печатные копии отчетов можно найти в трех собраниях РГИА. Два собрания в НСБ РГИА и одно в читальном зале РГИА (формально относится также к НСБ РГИА). Ряд отчетов по отдельным регионам хранится в фондах Комитета по устройству Закавказского края (ф. 1268), Комитета по делам Царства Польского (ф. 1270), фондах Департамента общих дел МВД и Канцелярии МВД (ф. 1284, 1282). Автор дает подробную характеристику имеющимся собраниям данных документов в Научно-справочной библиотеке РГИА. Помимо РГИА издания, включенные в сводный каталог, выявлялись А. И. Раздорским в 50 хранилищах 28 городов Российской Федерации, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Литвы, Узбекистана, Украины и Финляндии. В книге содержится подробная роспись просмотренных дел и выявленных отчетов губернаторов и градоначальников в различных хранилищах и библиотеках названных государств.

Книга, безусловно, позволит воспользоваться новым содержательным мас-

сивом информации значительному корпусу отечественных и зарубежных исследователей. Перед библиографами и источниковедами теперь определяется новая важная следующая задача — составление сводного каталога рукописных и машинописных всеподданнейших отчетов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Непомнящий 2001 — *Непомнящий А.А.* История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII — начало XX века). Симферополь: Доля, 2001. 816 с.

Непомнящий 2015 — *Непомнящий А.А.* История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 936 с. (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).

Непомнящий 2019 — *Непомнящий А.А.* Источники библиографической информации по историческому крымоведению // Библиография и книговедение. 2019. № 4. С. 64–71.

Раздорский 2020 — *Раздорский А.И.* Печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: сводный каталог. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 984 с.

REFERENCES

Nepomnyashchij A. A. *Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (konets XVIII — nachalo XX veka)*. Simferopol': Dolya, 2001. 816 p.

Nepomnyashchij A. A. *Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (1921–1945)*. Simferopol': Antikva, 2015. 936 p. (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 25).

Nepomnyashchij A. A. Istochniki bibliograficheskoj informacii po istoricheskomu krymovedeniyu. *Bibliografiya i knigovedenie*, 2019, no. 4, p. 64–71.

Razdorskij A. I. *Pечатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: сводный каталог*. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2020. 984 p.

А. В. Гринёв

ТЕМА РУССКОЙ АМЕРИКИ НА СТРАНИЦАХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ

Статья посвящена критическому анализу работ специалистов юридического профиля о различных правовых документах и проблемах, относящихся к истории российских колоний в Америке (XVIII в. — 1867 г.). До сих пор юридическая историография в основном игнорировалась отечественными историками. Со своей стороны, правоведаы обычно используют (если вообще используют) крайне ограниченный круг научных трудов и источников по истории Русской Америки, что существенно обедняет их сочинения и обесценивает научную значимость юридической литературы, нередко приводя к различным неточностям и ошибкам. В целом автор статьи с сожалением вынужден констатировать удручающе низкий научный уровень значительной части юридической периодики, связанной с историческим прошлым российских владений в Новом Свете.

Ключевые слова: юридическая литература, историография, колониальное право, Русская Америка, Российско-американская компания.

Сведения об авторе: Гринёв Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор СПбПУ.

Контактная информация: agrinev1960@mail.ru.

A. V. Grinëv

THE THEME OF RUSSIAN AMERICA ON THE PAGES OF THE LEGAL JOURNALS

The article is devoted to a critical analysis of the works of legal specialists on various legal documents and problems related to the history of the Russian colonies in America (XVIII — 1867). Until now, legal historiography has been largely ignored by Russian historians. For their part, legal scholars usually use (if at all use) a very limited range of scientific works and sources on the history of Russian America, which significantly impoverishes their writings and devalues the scientific significance of legal literature, often leading to various inaccuracies and errors. On the whole, the author of the article regretfully has to state the depressingly low scientific level of a significant part of the legal periodicals related to the historical past of Russian possessions in the New World.

© А. В. Гринёв, 2022

DOI 10.31754/2409-6105-2022-1-256-285

Key words: legal literature, historiography, colonial law, Russian America, Russian-American company.

About the author: Grinëv Andrei V., doctor of historical sciences, Professor of SPbPU.

Contact information: agrinev1960@mail.ru.

Побудительным стимулом для обращения к заявленной теме стала огромная статья (очевидно, не менее 3 а.л.) доктора юридических наук Н.Д. Литвинова и трех его соавторов, опубликованная в 2021 г. в петербургском журнале «Юридическая наука: история и современность» (Литвинов и др. 2021). Подробнее об этой статье мы поговорим ниже, а пока отметим, что юридическая литература, связанная с российскими колониями в Америке, еще ни разу не была объектом специального изучения как в отечественной, так тем более в зарубежной историографии.

Традиционно тема Русской Америки (это бывшие колонии России на Аляске, Алеутских островах и в Калифорнии) привлекала в первую очередь историков и этнографов, гораздо реже лингвистов, географов и представителей иных научных дисциплин. В частности, с начала XXI в. стали все чаще выходить работы юристов, посвященные Русской Америке, а в 2018 г. была даже защищена диссертация по теме «Политико-правовые и идеологические основания договорной уступки Аляски» с одновременным выходом соответствующей монографии (Беляков 2018б; Беляков, Биюшкина 2018). Через год была издана хрестоматия «История Русской Америки» за авторством доктора и кандидата юридических наук (Небратенко, Литвинова 2019), и, наконец, в 2021 г. была подготовлена еще одна кандидатская

диссертация, связанная со статусом Аляски в государственно-правовой системе России (Степанова 2021б). Поскольку подробный разбор диссертаций, монографии и пособия потребовал бы написания специальных рецензий или дополнительной большой статьи, ограничусь лишь анализом юридической периодики.

Основное внимание отечественные юристы уделяют, естественно, правовым вопросам и документам, связанным с Русской Америкой, хотя изредка они обращаются к собственно историческим сюжетам. Однако их труды до сих пор мало интересовали историков: в недавно изданной обзорной статье о современной научной литературе по Русской Америке не упомянуто ни одной работы российских юристов, хотя их опубликовано уже не менее трех десятков (см.: Иерусалимский и др. 2020). Впрочем, правоведа обычно не менее последовательно игнорируют подавляющую часть трудов российских историков.

Между тем знание правовых источников необходимо профессиональным историкам не меньше, чем знание исторических реалий юристам, поскольку слабое знакомство с юридическими актами может приводить к неверным выводам. Например, главный научный сотрудник ИВИ РАН доктор исторических наук А. Ю. Петров неоднократно указывал в своих работах, что Российско-американская компания (РАК),

с 1799 г. управлявшая колониями империи на Аляске до их продажи США в 1867 г., была первой монопольной акционерной компанией в России и само ее появление было уникальным явлением в истории страны конца XVIII — начала XIX в. (Петров 2000: 119; 2006: 51; Petrov 2015: 9). Подобная мысль прослеживается и в статье Л. А. Муравьевой об экономической жизни Русской Америки в XVIII в. (Муравьева 2009: 78). На самом деле первые монопольные акционерные компании возникли в России еще во второй половине 1750-х гг. — Темерниковская, Персидская и Среднеазиатская (официальное название: «Торгующая в Хиву и Бухару компания»), а их уставные документы зафиксированы в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ). При этом ряд нормативных положений этих актов был впоследствии воспроизведен в уставах РАК, на что до сих пор не обращали внимание ни историки, ни юристы. Так, Темерниковская компания находилась под особой «протекцией» государства (как затем и РАК); ей была разрешена свободная продажа акций стоимостью 500 руб. всем, кроме иностранных подданных; управление компании сосредотачивалось в руках четырех директоров; она имела право на получение казенных кредитов и т. д. (ПСЗРИ 1830: IV: 726–733). Впрочем, все три монопольных объединения просуществовали на юге России относительно недолго и в начале 1760-х гг. были упразднены, причем в указе императора Петра III от 28 марта 1762 г. был специально подчеркнут негативный опыт функционирования Персидской компании из-за различных злоупотреблений и потому все

подобные монопольные объединения подлежали немедленной ликвидации (ПСЗРИ 1830: XV: 963–964).

Надо сказать, что отечественные историки касаются юридических проблем не слишком часто, как правило в рамках рассмотрения какой-то более общей темы. Например, при описании образования Российско-американской компании, возникшей в 1799 г., уже упомянутый московский историк А. Ю. Петров произвел краткую оценку ее уставных документов (Петров 2000: 114–119). Иногда объектами изучения историков выступают отдельные юридические источники. Так, в свое время академик Н. Н. Болховитинов опубликовал текст Контракта Российско-американской компании с Компанией Гудзонова залива (КГЗ) от 25 января (6 февраля) 1839 г. с небольшой пояснительной запиской (Болховитинов 2004). В 2010 г. кемеровский историк А. Н. Ермолаев выпустил статью о подготовке Третьего устава РАК (Ермолаев 2010). Однако больше всего работ по юридической тематике, связанной с Русской Америкой (более полутора десятков докладов, тезисов и небольших статей), издал кандидат исторических наук, заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения И. В. Савельев из Северного (Арктического) федерального университета (Савельев 2001; 2006; 2012; 2019 и др. раб.). Им же была детализирована концепция «колониального права», представляющего совокупность правовых норм, сложившихся в ходе освоения Сибири и Русской Америки. В 2015 г. он в соавторстве с А. Ю. Петровым и митрополитом Климентом (Капалиным) обнаружил большую статью «Становле-

ние колониального права в Русской Америке» в одном из центральных исторических журналов — «Российская история» (Петров и др. 2015), а в 2016 г. на страницах электронного научно-образовательного журнала «История» увидела свет совместная статья А.Н. Ермолаева и И.В. Савельева на ту же тему — «Становление и развитие колониального права в Русской Америке в XVIII — начале XIX вв.» (Ермолаев, Савельев 2016). Поскольку обе ключевые статьи представляют интерес для нашей темы, охарактеризую их более подробно.

Несмотря на неплохое качество публикации А.Ю. Петрова, И.В. Савельева и митрополита Климента (2015), она содержит некоторые неточности, а иногда довольно странные утверждения: «Продвижение частных русских экспедиций вдоль гряды Алеутских островов регулировалось путем включения духовенства в состав правительственных экспедиций...» (Петров и др. 2015: 104). Нельзя не отметить и случай плагиата. Так, авторы пишут: «Как и в других подобных случаях, государство передало частному капиталу те сферы экономики, где оно не могло и не желало заниматься руководством и контролем, а, возможно, просто казенные издержки оказались слишком значительными...» (Там же: 105). Сравните: «Как и в других подобных случаях, государство оставляло частному капиталу те сферы экономики, где оно не могло или не желало заниматься управлением и регулированием или в которых казенные издержки, по крайней мере на первых порах, были слишком велики» (Гринев 2002: 438). Ряд утверждений А.Ю. Петрова, И.В. Савель-

ева и митрополита Климента никак не подкреплен ссылками на источники; с другой стороны, сделанные ссылки иногда даны на работы и источники, не связанные с излагаемым материалом (см. сноски 8, 13, 15, 24). Наконец, в статье вообще ничего не сказано ни о специфике российского государства XVIII в., ни о законодательстве того времени, которое колониальное право должно было дополнять и расширять. В статье лишь дается отсылка к ряду работ, частично связанных с этой проблематикой, причем авторы выпускают из виду фундаментальную монографию М.Ф. Владимирского-Буданова по общей истории развития государства и права в России (Владимирский-Буданов 1888). Это же замечание в полной мере приложимо к юридической литературе, о которой речь пойдет далее.

Что касается статьи А.Н. Ермолаева и И.В. Савельева (2016), то она частично повторяет предыдущую работу (иногда — дословно), но имеет некоторые отличия — она заметно крупнее, охватывает больший исторический период и написана более основательно, хотя и в ней также не обошлось без мелкого плагиата, цитирую: «Вопрос о соотношении государственного и частного начала в промысловом освоении Русской Америки привлекал внимание исследователей и остается дискуссионным до сих пор. Мнения некоторых ученых порой являются диаметрально противоположными. Так, с точки зрения С.Б. Окуня, развитие пушного промысла на Тихом океане, а, следовательно, и создание РАК было продуктом целенаправленной деятельности государства и удобным

орудием колониальной экспансии на Тихоокеанском Севере» (Ермолаев, Савельев 2016: 6). Сравните: «Эта проблема уже неоднократно привлекала внимание исследователей и продолжает оставаться дискуссионной до сих пор. Ученые придерживаются порой диаметрально противоположных взглядов на ту роль, которую играло государство в деле образования Российско-Американской компании (РАК), под управлением которой с 1799 по 1867 г. находились российские колонии на Аляске и в Калифорнии (“Русская Америка”). Так, с точки зрения профессора С.Б. Окуня, РАК была продуктом целенаправленной деятельности государства и удобным орудием колониальной экспансии на Тихоокеанском Севере» (Гринев 2002: 437). И далее в том же абзаце А.Н. Ермолаев и И.В. Савельев опять занимаются неэтичными заимствованиями. Но в целом, несмотря на эти досадные нарушения авторского права, их статья весьма добротная и хорошо фундированная, в том числе архивными источниками. Основное внимание авторов сосредоточено на анализе эволюции элементов колониального права, связанных с освоением Русской Америки, начиная с царских указов, инструкций, распоряжений центральных и сибирских властей, валовых контрактов купеческих компаний в XVIII в. и до принятия уставных документов Российско-американской компании (1799, 1821 и 1844). Последние, однако, воспринимаются достаточно некритично с правовой точки зрения, хотя еще государственный аудитор деятельности РАК С.А. Костлицивцов в начале 1860-х гг. неоднократно комментировал несо-

вершенство устава компании, принятого в 1844 г. (Костлицивцов 1863: 10–11, 35, 69 и др.). Как и в случае с юридической литературой, в статье А.Н. Ермолаева и И.В. Савельева почти ничего не сказано о практике правоприменения в российских колониях на Аляске, а равным образом и об издававшихся колониальной администрацией подзаконных актах.

После этого краткого экскурса, связанного с обзором основных работ историков по различным правовым аспектам, можно приступить к собственно юридической периодике, относящейся к Русской Америке. Начнем со статьи профессора кафедры теории, истории, философии права и государственно-правовых дисциплин Сахалинского гос. университета Г.И. Кучеркова «Продажа Русской Америки: историко-правовое измерение сделки», опубликованной в «Ленинградском юридическом журнале» в 2006 г. Вообще тема уступки Аляски США лидирует по популярности среди других на страницах юридической литературы, и статья Г.И. Кучеркова стала в данном отношении едва ли не первой «ласточкой». В ней автор после предварительного подробного историко-юридического анализа продажи Аляски приходит к однозначному заключению, что «с правовой точки зрения не было и нет никаких оснований для пересмотра, оспаривания, отмены или аннулирования этой сделки» (Кучерков 2006: 186). С этим можно, безусловно, согласиться, и в целом статья Г.И. Кучеркова производит весьма благоприятное впечатление: он использовал не только свежие на тот момент работы историков, но и материалы архив-

ных и опубликованных за рубежом документов. Кроме того, следует отметить сбалансированность подхода и основательность выводов автора — это, пожалуй, лучший образчик юридического сочинения по Русской Америке среди известных мне в настоящий момент.

Через три года после выхода работы Г.И. Кучеркова появилась статья кандидата юридических наук А.Г. Палкина (2009), посвященная все той же проблеме уступки Аляски США. Написанная с ура-патриотических позиций, работа местами способна поставить в тупик мало-мальски сведущего специалиста. Так, автор утверждает, что в начале XIX в. русские закрепились на Гавайских и Маршалловых островах, но были оттуда выбиты (не уточняется кем); в 1825 г. российский министр иностранных дел К.В. Нессельроде якобы подарил Англии несколько сот километров американского побережья, а уступка Аляски была капитуляцией, замаскированной под торговую сделку (Палкин 2009: 40). На самом деле русские лишь пытались закрепиться в 1816–1817 гг. на одном из гавайских островов, а не на всех островах Гавайского архипелага, причем их не выбили, а выдворили с гавайской территории; на Маршалловых островах русских колоний вообще не было, и русских оттуда никто не «выбивал». Глава МИД К.В. Нессельроде не «раздаривал» сотни километров американского побережья, на которые претендовала Россия после царского указа 1821 г. (от 55° до 51° с.ш.), поскольку никаких русских поселений в этом районе никогда не существовало и этот участок американского берега не мог

принадлежать России даже по праву первооткрытия, несмотря на заверения директоров РАК, пролоббировавших указ 1821 г. (см.: Гринев 2016: 299–300, 324–328, 334, 343–344). Естественно, что продажа Аляски никакой капитуляцией не являлась — это была добровольная сделка, и никто на Россию не оказывал давления в момент ее заключения.

Далее в тексте статьи А.Г. Палкина снова встречаются спорные и ошибочные утверждения, включая концепцию «заговора» высших сановников с целью продажи американских колоний: согласно автору, «официальный секретный план продажи русских земель» созрел к 1857 г. (Палкин 2009: 42). В реальности же в этом году брат царя великий князь Константин впервые выдвинул идею отказа от американских владений, но какого-то специального «секретного» и одновременно «официального» плана просто не существовало. Остается добавить, что вопрос об уступке колоний впервые был поднят не Константином, а Российско-американской компанией еще в середине 1840-х гг. (РАК 2010: 314; Гринев 2016: 486).

Как полагает в своей статье А.Г. Палкин, договор 1867 г. с США имел ряд юридических пробелов, которые позволяют современной России признать его ничтожным, следовательно, потребовать вернуть Аляску и возместить некую арендную плату (?) за годы, прошедшие с момента отречения Николая II от престола, тем более что, по мнению А.Г. Палкина, США так сполна и не расплатились с Россией за купленную территорию (Палкин 2009: 42–43). Вряд ли все

это нуждается в серьезных комментариях. К сожалению, автор анализируемой статьи не потрудился ознакомиться с основательной монографией академика Н.Н. Болховитинова о продаже Аляски, где более подробным образом рассматриваются все детали этой сделки (см.: *Болховитинов* 1990). Единственное, в чем, пожалуй, можно согласиться с А.Г. Палкиным, так это в том, что сделка с Соединенными Штатами нарушила постановления самого царского правительства 1865 и 1866 гг. о продлении монопольных привилегий РАК еще на 20 лет (до 1887 г.), а также имущественные права компании (ПСЗРИ 1867: XL: 1–13; ПСЗРИ 1868: XLI: 328–329). Но это было внутреннее дело России, никак не затрагивающее США. Весьма спорно и утверждение А.Г. Палкина о том, что «продажа Аляски в 1867 г. правительством России США от начала до конца являлась предательством интересов России», а сам заключенный договор был «позорным» (*Палкин* 2009: 45). **На самом деле ничего позорного в договоре 1867 г. не было: заключая договор с Соединенными Штатами, царское правительство решало сразу несколько текущих политических и экономических проблем. Правда, получив некоторые тактические выгоды, оно допустило крупный стратегический просчет** (*Гринев* 2016: 493–507).

Через три года после публикации А.Г. Палкина на страницах журнала «Мир юридической науки» увидела свет статья соискателя кафедры государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета Г.Б. Козаевой «Правовые

основы государственного контроля за деятельностью Российско-американской компании (1799–1867 годы)». Первое же предложение данной работы способно вызвать шок у специалиста, когда ее автор пишет: «Российско-американская компания была основана купцом Григорием Ивановичем Шелиховым в 1799 г. и являлась основным инструментом колонизации, исследования и освоения Нового Света» (*Козаева* 2012: 43). Дело в том, что известный купец Г.И. Шелихов умер еще летом 1795 г., т.е. за четыре года до образования РАК, и принимать участие в ее основании не мог ни при каких обстоятельствах.

Далее Г.Б. Козаева со ссылкой на монографию профессора С.Б. Окуня сообщает, что «вся деятельность главного правления (РАК. — А.Г.) уже с первого дня создания этой частной по форме компании контролировалась и направлялась правительством» (см.: *Окунь* 1939: 90). Это было не так, поскольку РАК возникла в Иркутске вдали от центральной власти, которая первоначально в основном воздерживалась от вмешательства в дела компании и лишь в 1814 г. по ее просьбе учредила орган правительственного надзора в виде специального Совета из трех уполномоченных чиновников при Главном правлении (ГП) РАК в Петербурге, причем все они были избраны на общем собрании из числа акционеров самой же компании (ПСЗРИ 1830 XXXII: 748). Вообще Г.Б. Козаева излишне доверяет выводам С.Б. Окуня и использует слишком узкий круг научной литературы, обойдя вниманием ряд работ отечественных и зарубежных

историков, которые имеют прямое отношение к рассматриваемой ею проблеме. По непонятной причине автор доводит свое изложение только до 1814 г. (вопреки названию статьи), тогда как на самом деле правительственный контроль нарастал и в последующие годы, что особенно ярко проявилось в Уставе РАК 1844 г. (ПСЗРИ 1845: 612–638).

Почти одновременно с работой Г. Б. Козаевой в том же 2012 г. появилась статья аспиранта кафедры теории и истории государства и права Нижегородского гос. университета Д. А. Белякова о причинах продажи Аляски (Беляков 2012). Фактически эта работа представляет собой переложение-компиляцию моей статьи 2000 г. на ту же тему. Для иллюстрации процитирую начало статьи Д. А. Белякова: «Проблема уступки Аляски Соединенным Штатам в 1867 году уже неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных историков, причем интерес к этой теме не утрачен до сих пор» (Там же: 105). А вот источник: «Проблема уступки Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. уже неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных историков, причем интерес к этой теме не утрачен до сих пор, о чем свидетельствует целая серия работ ведущего отечественного американиста академика Н. Н. Болховитинова» (Гринев 2000: 17). И далее можно в том же духе продолжать цитировать и сопоставлять тексты обеих статей. При этом проблема плагиата решается Д. А. Беляковым методом, к которому прибегали многие авторы до него, а именно: берется чужой текст, его отдельные фрагменты или

слова меняются местами, опускаются или добавляются новые, а вместо ссылки на первоисточник используются ссылки, взятые из самого первоисточника. В связи со сказанным, анализировать «труд» Д. А. Белякова как самостоятельную научную работу не имеет ни малейшего смысла, а равным образом и следующую его статью, вышедшую в 2013 г. все на ту же тему и все с теми же проблемами (Беляков 2013).

В 2014 г. Д. А. Беляков издал уже две статьи, связанные с продажей Аляски. Первая из них появилась, впрочем, в журнале неюридического профиля — «Инновации и инвестиции». В ней автор в самом начале пишет: «Многие историки (к примеру, академик Нарочницкий А. Л.) указывают на главенствующую роль политаризма в Российской империи, как на один из основных факторов, повлекших впоследствии отчуждение Аляски Соединенным Штатам. Все объясняется тем, что “Россия в XVIII–XIX вв. представляла собой не феодальное, как это принято считать в нашей историографии, а политарное государство, с наличием, правда, двух социально-экономических подукладов — феодального и постепенно набиравшего силу капиталистического”» (Беляков 2014а: 91). Данную в конце этого отрывка закавыченную цитату Д. А. Беляков снабжает ссылкой на статью академика А. Л. Нарочницкого, впрочем, без указания страницы (Нарочницкий 1953). Полагаю, что на самом деле академик никогда даже не слышал термина «политаризм», введенного в научный оборот видным отечественным этнологом Ю. И. Семеновым для обозначения строя, который

К. Маркс именовал «азиатским способом производства» (Маркс 1959: 7; Семенов 2016). Откуда же Д. А. Беляков позаимствовал «цитату Нарочницкого» о политаризме? Все отсюда же — из моей статьи о продаже Аляски (Гринев 2000: 17), как и основную часть материала своей работы.

Другая статья Д. А. Белякова, появившаяся в 2014 г., озаглавлена так: «Текстуально-правовое оформление соглашения об уступке Аляски». В ней автор утверждал, что, цитирую, «непосредственно само соглашение об уступке Аляски (далее — “Соглашение”) до настоящего момента не было должным образом оформлено на русском языке, то есть не имеет официального перевода на русский язык» (Беляков 2014б: 3). Заявление, прямо скажем, удивительное, учитывая то, что в действительности договор с Соединенными Штатами был опубликован 9 (21) октября 1867 г. в газете «Русский инвалид» (№ 279, с. 1), вслед за указом Сената от 6 (18) октября того же года о распечатке и распространении текста соглашения с США по всем подведомственным местам, естественно, на русском языке. Кроме того, текст официального договора был напечатан в Полном собрании законов Российской империи, что было бы нелишне знать профессиональному юристу (ПСЗРИ 1871: XLII: 421–424).

В 2015 г. Д. А. Беляков порадовал читателей новой статьей о продаже Русской Америки под немного загадочным заголовком «Практическая реализация процесса уступки Аляски». В ней автор на первой же странице выступил с очередным удивительным заявлением о том,

что «подготовка и непосредственная реализация процесса отчуждения Русской Америки не являлись предметом специального историко-правового исследования, за небольшим исключением» (Беляков 2015: 116). Оказывается, этим единственным «исключением» является статья самого Д. А. Белякова, написанная в соавторстве с его научным руководителем доктором юридических наук Н. И. Биюшкиной и изданная в том же 2015 г. В ней авторы пишут, что «российское правительство, так или иначе, всегда трепетно относилось к гражданам США, даже если они откровенно нарушали российские порядки, проводя в отношении Вашингтона политику подобострастия и требуя от Российско-американской компании избегать каких-либо конфликтов» (Беляков, Биюшкина 2015: 91). Утверждение, мягко говоря, довольно спорное. На протяжении XIX в. Россия рассматривала США как дружественную страну, геополитический противовес Великобритании, но никакого подобострастия никогда не наблюдалось. Российский МИД действительно требовал от РАК уклоняться от конфликтов, но не только с гражданами США, но и с подданными Великобритании, по причине заключения с этими державами конвенций в 1824 и 1825 гг., в которых говорилось о мирном разрешении возможных противоречий на северо-западе Америки (ПСЗРИ 1830: XXXIX: 251–253; XL: 72–74).

Нельзя не привести еще более странное утверждение соавторов статьи, когда они пишут, что во время Гражданской войны в США «Россия поддержала повстанцев и содействовала победе Федерального Союза»

(Беляков, Биюшкина 2015: 91). Видимо, это просто описка, т.к. Петербург, стараясь сохранить единство США как противовес Великобритании, поддерживал официальный Вашингтон против мятежников-конфедератов («повстанцев») рабовладельческого Юга.

В своей статье Д.А. Беляков и Н.И. Биюшкина ни словом не упомянули фундаментальную монографию академика Н.Н. Болховитинова (1990) и его статьи о предпосылках продажи Аляски, работы других специалистов, зато перечислили в списке литературы собственные сочинения в количестве пяти, из которых никакого отношения к теме не имели три за авторством Н.И. Биюшкиной. Игнорируя многие важные работы, оба автора сделали две ссылки на сомнительную публикацию харьковского любителя-историка, литератора и публициста А.Н. Зинухова «Преступная сделка. Как продали Аляску» в далеко не академической газете «Совершенно секретно» (Зинухов 2000). Общий вывод безрадостен: ничего нового совместная статья Д.А. Белякова и Н.И. Биюшкиной не содержала, помимо нескольких малоудачных утверждений.

Это была не единственная статья данного творческого тандема: в том же 2015 г. они издали еще пару работ, но эти статьи не имели прямого отношения к Русской Америке, которая лишь косвенно упоминалась в них. Зато в 2017 г. Д.А. Беляков опять обратился к теме продажи Аляски и опубликовал в электронном научном журнале «Наука. Общество. Государство» статью «Классификация и правовая характеристика

договора об отчуждении Аляски» (Беляков 2017). Она лучше предыдущих, т.к. автор наконец-то сослался на ПСЗРИ и попытался провести постатейный анализ соглашения с США 1867 г., сделав вывод о том, что условия сделки были продиктованы американской стороной (в целом так и было). Но, как и прежде, вместо использования серьезных научных работ и источников Д.А. Беляков опять обращается к далеко не академической литературе, в том числе историческому роману В. Рокота о последнем правителе Русской Америки (Рокот 2007), статье А.Н. Зинухова о «преступной сделке», повторяя вслед за ним нелепые сведения о том, что Россия якобы получила за Аляску всего 5,4 млн долларов вместо 7,2 млн (Зинухов 2000: 27). Со ссылкой на монографию И.Б. Миронова, написанную в конспирологическом ключе, Д.А. Беляков сообщает о том, что «соглашение об отчуждении Русской Америки не было широко обнародовано на территории Российской империи. Его текст был напечатан только спустя год на французском языке в закрытом издании» (см.: Миронов 2017: 189). Приходится снова повторить, что это совершенно неверно. Что касается общих выводов статьи, то они не отличаются оригинальностью и содержат уже давно известную информацию.

В 2018 г. Д.А. Беляков защитил кандидатскую диссертацию и в том же году издал вместе с Н.И. Биюшкиной монографию с близким названием и содержанием — «Особенности правового регулирования договорной уступки Аляски» (Беляков, Биюшкина, 2018), после чего, очевидно, решил завершить публикационную

эпопею, связанную с Русской Америкой.

Конечно, Д. А. Беляков и Н. И. Биюшкина — не единственные юристы, посвятившие в середине 2010-х гг. свои работы проблеме продажи Аляски: в 2014 г. кандидат юридических наук, доцент Уральского института ГПС МЧС России Т. Н. Петухова также выпустила свое историко-правовое исследование по этой теме. При знакомстве с ее статьей бросается в глаза крайне незначительный, если не сказать убогий, список литературы (Петухова 2014: 11). В нем всего три пункта: 1) интернет-публикация блога Георгия Судовцева в прохановской газете «Завтра» (№ 39 (723) от 26 сентября 2007 г.), в котором дается небольшая рецензия на книгу И. Б. Миронова о продаже Аляски; 2) Договор о продаже Аляски (даны только эти три слова и предлог без каких-либо дополнительных библиографических деталей); 3) интернет-адрес <http://hronos.km.ru/dokum/alyaska1867.html> (если попробуете пройти по ссылке, то попадете на Первый мультипортал КМ.RU на текущий день). Подобный список использованной литературы мог представить разве что шестиклассник в школьном сочинении по истории, но доцент Т. Н. Петухова, наверное, полагает, что даже этот перечень избыточен, поскольку оставила ряд абзацев с информацией о событиях 150-летней давности без всяких ссылок на источник. Остается предположить, что она сама была непосредственным свидетелем эпизодов, описанных в ее статье. Без сносок обходится и несколько прямых цитат, приводимых в тексте, что уже не удивляет. Но все же есть приятное

исключение: ссылка № 2 («Договор о продаже Аляски») была использована в конце цитаты из монографии академика Н. Н. Болховитинова вместо ссылки на эту книгу (см.: Болховитинов 1990: 92). Вероятно, в исходной версии статьи список литературы был все же больше, т. к. в тексте временами встречаются цифры ссылок в квадратных скобках вплоть до десяти, но в итоговый перечень попало, как сказано, всего три. Куда делись остальные семь, остается загадкой. При таком «бережном» подходе к источникам трудно ожидать как-либо существенных научных открытий. Естественно, они отсутствуют, т. к. статья Т. Н. Петуховой состоит фактически из компиляций материалов, позаимствованных у других авторов, с кратким пересказом текста договора с США 1867 г.

Через два года после рассмотренной выше работы еще два юриста — доктор юридических наук Г. Г. Небратенко и кандидат юридических наук Ю. И. Литвинова — решили в совместной статье ознакомить ученую публику с государственно-правовым развитием Русской Америки. Как и у предыдущего автора, набор источников для раскрытия темы у них оказался не слишком широк — всего девять наименований, в том числе книга-альбом «Душа зовет к забытым берегам. Русская Америка глазами русских путешественников» (Имтосими, Портнягин 2013) и популярное сочинение А. Б. Широкограда об утраченных землях России, где немного сказано и об Аляске (Широкоград 2012). Еще три работы из списка использованной литературы вообще не имеют отношения к Русской Америке — это книга Д. Н.

и Н. И. Никитиных о покорении Сибири, монография Н. Н. Смирнова о забайкальских казаках, а также статья Г. Г. Небрatenко о становлении службы правопорядка на территории Донского казачьего войска (*Никитины* 2016; *Смирнов* 1999; *Небрatenко* 2003). В сухом остатке имеются всего четыре источника: монография А. В. Зорина о русско-индейском конфликте на Аляске в 1802–1804 гг. (*Зорин* 2016), переиздание (2013) уже упомянутой монографии И. Б. Миронова (*Миронов* 2007), небольшой сборник статей «Россия + Америка = 200 лет. К юбилею Российско-Американской компании» (Россия 1999) и, наконец, ПСЗРИ (сделано целых 3 (!) ссылки из 14). Постоянно обращаю внимание на слабую фундированность юридических статей неслучайно, т. к. от этого напрямую зависит их качество. Доказать это несложно, для чего обратимся к статье Г. Г. Небрatenко и Ю. И. Литвиновой как частному случаю.

Начало Русской Америки авторы относят к далекому 1648 г., когда состоялась морская экспедиция Семена Дежнева от устья Колымы через Берингов пролив в Тихий океан (*Небрatenко, Литвинова* 2016: 11). Но тогда никакого открытия и освоения американских земель не произошло, поэтому выбранная соавторами дата представляется, мягко говоря, не совсем удачной, поскольку в реальности русские подошли к берегам Аляски только в 1732 г., а начало колонизации ближайших к Камчатке Алеутских островов началось с 1745 г., причем никаких постоянных русских поселений там в 1770-х гг. не возникало, о чем ошибочно сообщают Г. Г. Небрatenко

и Ю. И. Литвинова (см.: *Гринев* 2016: 98, 109, 144–145). Согласно их датировке, в 1799 г. заканчивается предыдущий «промыслово-первопроходческий период» и после образования РАК «под покровительством Павла I и с коммерческим участием других Романовых» начинается «коммерческо-казенный» этап, продолжавшийся до 1844 г. (*Небрatenко, Литвинова* 2016: 12). Здесь уточню, что Романовы не участвовали в коммерческих операциях РАК, а лишь приобрели акции компании: в руках царской семьи находилась 71 акция, или менее 1% их общего количества (РАК 2005: 188–193). Далее Г. Г. Небрatenко и Ю. И. Литвинова пишут: «В 1801 г. Главное правление компании во главе с директором учредили в Санкт-Петербурге, а главный правитель российскими владениями с 1802 г. размещался в Ново-Архангельской крепости, расположенной на острове Баранова Александровского архипелага. Формально Русская Америка являлась частью Сибирского генерал-губернаторства (затем Восточно-Сибирского), имевшего в Иркутске административный центр, где также находилась штаб-квартира еще одного главного правителя американскими владениями» (*Небрatenко, Литвинова* 2016: 12). Опять же приходится уточнять, что ГП РАК не учредили в Петербурге, а перевели сюда из Иркутска по указу Павла I, где никакого второго главного правителя американских владений не было и быть в принципе не могло, а осталась лишь Иркутская контора РАК (ПСЗРИ 1830: XXVI: 348). Главный правитель Русской Америки не мог размещаться в Ново-Архангельской крепости с 1802 г. по одной простой причине: Ново-Архангельск

был основан только через два года, в 1804 г. (см.: *Гринев* 2016: 261–168). Можно и далее продолжать подобным образом анализировать статью Г. Г. Небрatenко и Ю. И. Литвиновой, которые утверждают даже, что текст договора об уступке Аляски отсутствует в ПСЗРИ и, цитирую, «заслуживает историко-правовой переоценки на предмет легитимности и соблюдения всеми сторонами взятых обязательств» (*Небрatenко, Литвинова* 2016: 14). Таким образом, перед нами красноречивый и закономерный результат пренебрежения предшествующей историографией и отсутствия элементарного знания юридических (!) источников.

В 2017 г. Г. Г. Небрatenко уже в соавторстве с Н. В. Поповым из Южно-Российского института управления РАНХиГС издал еще одну статью: «Формально-юридическое исследование российских северо-американских владений (XVIII в.)», где уже в аннотации утверждал: «Наличие собственных владений в Северной Америке делало Россию транс-континентальным государством, надежно защитившим Дальний Восток от притязаний извне» (*Небрatenко, Попов*, 2019: 55). Невольно возникает вопрос: каким образом несколько мелких колоний, возникших лишь в конце XVIII в. на заокеанской Аляске, могли способствовать защите Дальнего Востока от иностранных притязаний? Впрочем, и эта статья, как и предыдущая, несмотря на зримые недостатки, обрела немалую популярность среди юристов, опубликовавших несколько докладов в сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции «Государственные и поли-

тические интересы России в Азии и Северной Америке: история и современность», напечатанном в Иркутске силами Восточно-Сибирского института МВД России в 2019 г. Детально анализировать все эти доклады не имеет смысла из-за их невысокого качества, банальности выводов и нулевого вклада в науку. Так, доценты И. А. Крыгина и Е. А. Жуков из Ростовского юридического института МВД России, опираясь только на две (!) статьи Г. Г. Небрatenко (в соавторстве с Ю. И. Литвиновой и Н. В. Поповым), берутся разбирать правовое обеспечение политического суверенитета Российской империи над Алеутскими островами (*Крыгина, Жуков* 2019: 78–80). Мало того, что они полностью игнорируют ПСЗРИ и предшествующую историографию, так еще умудряются трактовать указ Сената от 3 июля 1779 г., связанный с открытием Медвежьих островов вблизи устья Колымы, как документ об установлении суверенитета России над Алеутскими островами, что следует из названия их доклада. Им, вероятно, и невдомек, что первые шесть Алеутских островов были присоединены к России по указу Екатерины II еще в 1766 г. (ПСЗРИ XVII: 606–604). И именно этому указу следовало дать правовую оценку.

Аналогичный случай подмены анализа одного документа другим содержится в том же сборнике в докладе адъюнкта Восточно-Сибирского института МВД России Е. Е. Степановой о формально-юридическом анализе указа Екатерины II от 22 декабря 1786 г. «О сохранении права России на земли и острова, открытые русскими мореплавателями в Тихом

океане» (Степанова 2019в). Вместо рассмотрения данного документа, предыстории его появления, правовых и политических последствий автор фактически излагает содержание части царского указа от 4 сентября 1821 г., ошибочно приписывая его Павлу I, хотя на самом деле он увидел свет при Александре I (см.: ПСЗРИ XXVII: 823–832).

Следует сказать, что этот доклад Е.Е. Степановой далеко не единственное ее произведение, посвященное Русской Америке. Еще в 2018 г. она частично под фамилией Кряжева (вероятно, до замужества) опубликовала две журнальные статьи и шесть небольших докладов и тезисов по этой тематике в различных сборниках. Не думаю, что стоит останавливаться на них подробно, поскольку им присущи все те же недостатки: они написаны на основании слишком узкого круга источников, включают не всегда достоверную информацию, их выводы, как правило, довольно тривиальны, а порой не всегда адекватны. Так, Е.Е. Степанова в заключении одной из статей сообщает: «В ходе разработки и принятия Устава 1844 года прослеживается двоякое отношение правительства к Российско-американской компании. РАК была признана правительственной организацией, которая находилась под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством но, в то же время, не получила многие дополнительные привилегии и преимущества, направленные на сращивание Компании с государственными структурами» (Степанова 2018: 36). Каким образом РАК, согласно Е.Е. Степановой, признанная «правительственной организацией»

(о чем ни словом не сказано в Уставе 1844 г. (см.: ПСЗРИ 1845: 612–638)), одновременно находилась вне государственных структур? Или правительство — это не часть гос. аппарата?

Тем не менее позитивной стороной работ Е.Е. Кряжевой/Степановой является периодическое использование ПСЗРИ, а также эпизодически работ историков, а не только Г.Г. Небратенко, труды которого, правда, почти всегда присутствуют во всех библиографических списках ее публикаций, вероятно, в силу профессиональной солидарности. Со ссылкой на его работы Е.Е. Кряжева (Степанова) заявляет о мирном освоении заселенных туземцами территорий русскими землепроходцами, включая Русскую Америку, и о том, что, «по мнению Г.Г. Небратенко, становление российских владений в Северной Америке произошло в XVIII столетии» (Кряжева 2018: 16). Последний вывод на редкость банален и не нуждается в каких-либо ссылках, особенно на мнение Г.Г. Небратенко. Что касается «мирного освоения» русскими землепроходцами Сибири и Аляски, то автору было бы полезно ознакомиться хотя бы с парочкой серьезных монографий, где критически переосмысливается подобное утверждение (Никитины 2016; Гринев 2016).

В 2019 г. Е.Е. Степанова снова издает целую подборку своих произведений: одну статью и шесть маленьких докладов. Устраивать их детальный обзор нецелесообразно, т.к. они написаны примерно на том же уровне, что и опубликованные в предыдущем году. Приведу в качестве

доказательства лишь несколько примеров из доклада «Правовой статус территорий, принадлежащих Российской империи в Северной Америке». В нем Е.Е. Степанова пишет со ссылкой на ставшую для нее культовой статью Г.Г. Небратенко, что к Русской Америке относились Гавайские острова. Очень смелое заявление, но, к сожалению, глубоко ошибочное. «В 1747 по 1795 годы, — сообщает далее Е.Е. Степанова, — были созданы первые русские форты в Северной Америке. Первым губернатором новых стран был Александр Андреевич Баранов, который руководил Русской Америкой с 1790 по 1818 год». Опять же, согласно Е.Е. Степановой, первый русский торговый поселок был заложен на алеутском острове Уналашка в 1772 г., а РАК основал, разумеется, Г.И. Шелихов (см.: *Степанова* 2019б). Не буду утомлять читателя опровержением этой целиком ложной информации. С другой стороны, замечу, что мои упреки в адрес юристов и конкретно Е.Е. Степановой по поводу слабого знакомства с предшествующей историографией все же не всегда справедливы. Так, она пишет в докладе, цитирую: «Как отметил американский историк Дж.С. Гэлбрейт, дипломатическая борьба за Указ 1821 г. (так в тексте. — А.Г.) касалась не только границ и свободы судоходства у побережья северо-западной Америки, но и фактически отражала конфликт между двумя основными монополиями (РАК и КГЗ. — А.Г.) из-за потенциальных ресурсов пушнины. Фактически, разделение спорных территорий было сделано исключительно “на будущее”, поскольку ни британцы, ни русские не имели

поселений на спорных территориях, многие из которых все еще оставались “белыми пятнами” на географических картах». Напрасно читатель будет искать ссылку на монографию Дж.С. Гэлбрейта в конце этой цитаты, ссылки вообще нет никакой, хотя ее все же следовало бы сделать, чтобы избежать обвинений в плагиате. Цитирую текст источника: «Как отмечал американский историк Дж.С. Гэлбрайт, дипломатическая борьба, развернувшаяся вокруг указа 1821 г., велась не просто вокруг границ и свободы мореплавания у берегов Северо-Западной Америки, но фактически отражала конфликт между двумя великими монополиями за потенциальные пушные ресурсы еще неосвоенных территорий. Действительно, дележ спорных территорий велся исключительно “на перспективу”, так как ни англичане, ни русские не имели никаких поселений на спорных землях, многие из которых представляли собой еще “белые пятна” на географических картах того времени» (*Гринев* 1999: 155; см. также: *Galbraith* 1957: 120).

Аналогичным образом нельзя дать лестную характеристику и изданной в 2019 г. статье Е.Е. Степановой «Органы управления Российско-американской компании», опубликованной в «Научном вестнике Омской академии МВД России». Эта статья вопреки всякой логике почему-то начинается с проблемы регулирования государственных границ, не имеющей никакого отношения к органам управления РАК. Далее автор начинает пересказывать положения уставов РАК, зачастую в ущерб заявленной в заголовке теме. Опять-таки, возникают вопросы

к выводам статьи, поскольку сначала Е. Е. Степанова пишет: «Внутренний же государственный контроль, основанный на влиянии Правительства на дела РАК, не получил своего развития». И тут же сообщает, противореча сама себе, что компания «имела свой административный аппарат, назначаемый Правительством» (Степанова 2019а: 48). На самом деле административный аппарат в колониях и метрополии формировался не правительством, а за счет избрания или назначения служащих РАК на собраниях акционеров компании, ее директорами в Петербурге и высшей колониальной администрацией на Аляске. Правда, все главные правители Русской Америки с 1818 г. были из числа морских офицеров, которых с 1820-х гг. утверждал на этом посту лично император (с 1832 г. это правило касалось и их помощников (ПСЗРИ 1832: 60)), а потому внутренний государственный контроль посредством офицеров флота все же имел место.

Пытаясь анализировать органы управления РАК, Е. Е. Степанова ни словом не сообщает о большой статье американского историка Бэзила Дмитришина об административном аппарате компании (*Дмитришин* 1993), которая посвящена фактически той же теме, хотя все же делает одну ссылку на его работу, которая дана в списке использованной литературы с серьезными библиографическими огрехами. Всего же в этом списке числится только пять пунктов — Е. Е. Степанова свято соблюдает традицию экономии на историографических источниках. В нем, помимо двух привычных статей Г. Г. Небрятенко с соавторами

и статьи Б. Дмитришина, указана кандидатская диссертация А. Н. Ермаолаева, хотя у него также есть несколько работ, имеющих прямое или косвенное отношение к теме статьи. Наконец, в списке литературы, которую использовала Е. Е. Степанова, числится монография: «Болховитинов Н. Н. История Русской Америки (1732–1867). Том III: Основание Русской Америки (1732–1799). Глава 11: Продажа Аляски (1867). Передача Русской Америки Соединенным Штатам. М., 1997». Глядя на эту запись, понимаешь, что автор порой испытывает значительные трудности с правильным оформлением пристатейной библиографии. Во-первых, Н. Н. Болховитинов не являлся автором трехтомной коллективной монографии «История Русской Америки» (История Русской Америки 1997, 1999), а был лишь ответственным редактором и автором нескольких глав, включая главу 11 в третьем томе этого издания, которая показана почему-то с добавлением названия раздела («Передача Русской Америки Соединенным Штатам»). Во-вторых, сам третий том был напечатан в 1999, а не в 1997 г.

В 2020 г. мир познакомился с новой порцией произведений Е. Е. Степановой, правда, в количественном отношении их было меньше, чем в предыдущие годы, видимо, она бросила основные силы на подготовку кандидатской диссертации. Поскольку принципиальных изменений качества работ Е. Е. Степановой в лучшую сторону так и не произошло, опущу разбор ее творений, создаваемых, судя по всему, просто «для галочки». Проиллюстрирую эту мысль одной цитатой из ее очередного доклада:

«С начала XVIII века русские купцы активно проводили колонизацию Северной Америки, основывали постоянные русские поселения на Аляске, Алеутских островах, на территориях современных провинций Юкон, Британской Колумбии, американских штатах Вашингтон, Орегон, Калифорния, которые постепенно были юридически оформлены» (Степанова 2020: 88). Если бы это было так, России в 1867 г. пришлось продавать не Аляску, а огромные территории всей западной части Северной Америки. И, кстати, каким образом русские купцы могли активно проводить колонизацию Америки с начала XVIII в., если Аляска была официально открыта только в 1741 г. 2-й Камчатской экспедицией Витуса Беринга?

В том же 2020 г. Е. Е. Степанова уже в соавторстве со своим научным руководителем, доктором юридических наук О. А. Авдеевой выпустила еще одну статью, название которой является шедевром псевдонаучного бюрократического новояза: «Теоретико-методологические аспекты реализации правовой политики в сфере территориальной организации государственной власти в условиях колонизации северо-западных территорий Северной Америки» (Авдеева, Степанова 2020). Содержание этой статьи приводит в недоумение, поскольку вопреки названию ее основная часть не имеет никакого отношения к российской колонизации Америки, а посвящена различным теоретико-методологическим аспектам абстрактной государственно-территориальной политики. Лишь в конце статьи мы находим, наконец, немного материала об освоении рус-

скими Нового Света. Так, касаясь промысла пушнины на Алеутских островах и Аляске, авторы пишут: «Например, только в период с 1743–1799 гг. в ходе 89 экспедиций было добыто пушнины на сумму 7 млн 828 тыс. 647 рублей» (Там же: 15). Эта статистика дана со ссылкой на статью О. А. Авдеевой (Авдеева 2013: 41). Но в последней работе нет ни слова о российской колонизации, т. к. она посвящена совершенно другой проблеме. Кроме того, нет совпадения страницы ссылки (41) и страниц статьи О. А. Авдеевой (46–50), на которую сделана ссылка, что однозначно свидетельствует о том, что статистическая информация о пушном промысле была взята из какого-то другого источника, о котором авторы статьи скромно умалчивают. И куда только смотрели редакторы «Вестника Восточно-Сибирского института МВД России», где опубликована совместная статья О. А. Авдеевой и Е. Е. Степановой? Журнал, между прочим, входит в перечень ВАК.

Выводы анализируемой статьи способны вызвать некоторое недоумение. «Основопологающим принципом правовой политики по освоению северо-западных территорий Северной Америки следует признать принцип гуманизма», — пишут О. А. Авдеева и Е. Е. Степанова и добавляют: «Особенность правовой политики России заключалась в мирном характере колонизации северо-западных территорий Северной Америки» (Авдеева, Степанова 2020: 16). Эти заявления не подкреплены ни примерами, ни ссылками на документы или иные источники, поэтому остается поверить авторам на слово. За мечу только, что правовая политика

мало влияла на колониальную практику, по крайней мере до 1820-х гг., а освоение русскими промышленниками Алеутских островов и Южной Аляски по своей жестокости временами напоминало испанскую конкисту Мексики и Перу (см.: *Гринев* 2016: 129–134).

В 2021 г. Е. Е. Степанова представила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Правовой статус северо-западной территории Северной Америки в государственно-правовой системе России (1719–1867 гг.)», а также новую статью — «Историко-правовое значение управления российским государством северо-западными территориями Северной Америки». Если вы думаете, что в ней пойдет речь о значении государственного управления Аляской, то жестоко ошибаетесь. В начале статьи автор для чего-то вспоминает поражение России в Крымской войне, ее борьбу за отмену Парижского трактата, дружеских русско-американских отношениях после продажи Аляски США. Далее идет материал собственно о продаже и ее причинах, изложенных достаточно сумбурно и далеко неполно. Затем Е. Е. Степанова пишет: «В ходе проведенного исследования установлено, что “золотые прииски” были обнаружены российским государством за пять лет до продажи колоний» (*Степанова* 2021а: 45). И обрывочно излагает, хотя и со ссылкой на архивный документ, эпопею с открытием золота в верхнем течении реки Стахин в 1862 г. Уточню, что российское государство не имело ни малейшего отношения к обнаружению золотых приисков, которые разрабатывали канадские и амери-

канские старатели на Стахине вне российской территории, впервые намыв там золото в 1861 г. (см.: *Гринев* 2003: 150–154). При следовании иностранных старателей на прииски происходили грабежи и убийства, сообщает Е. Е. Степанова, и завершает этот сюжет бессвязным абзацем, процитирую его целиком: «Главный правитель российских колоний в Северной Америке был убежден, что “удержать иностранцев от таких нарушений Конвенций” не представлялось возможным. Соединенные Штаты получили богатую природными ресурсами территорию, с нефтью и золотом. Недаром в США “позолоченным веком” называли последнюю треть XIX века» (*Степанова* 2021а: 45). Возникает вопрос: автор вообще понимает, что она пишет? И чем занимаются редакторы журнала, в котором появляются подобные «перлы»?

Но это еще не все, т.к. Е. Е. Степанова продолжает в том же духе: «Историко-правовое значение существования северо-западных территорий Северной Америки можно классифицировать на две группы: имеющее отрицательное и положительное значение для России» (Там же). Желаящие могут ознакомиться с этими группами более детально, статья находится в открытом доступе в Интернете. Спрашивается: а где же историко-правовое значение управления российским государством «северо-западными территориями»? Но вместо раскрытия провозглашенной в заголовке темы Е. Е. Степанова пишет о чем угодно — о природных ресурсах Аляски, численности ее населения, роли РПЦ и о православных приходах, о необходимости

создать музей «Русская Америка» и т. д. Как водится, немало упомянутой в статье информации обходится без каких-либо ссылок на источники, хотя, в отличие от многих предыдущих произведений Е. Е. Степановой, библиографический список в данной статье на редкость велик и насчитывает целых пятнадцать (!) пунктов. И тут нас ждет еще одна неожиданность: автор едва ли не впервые отказался от постоянных ссылок на статьи Г. Г. Небрatenко — их место прочно заняли произведения Д. А. Белякова, коих упомянуто целых четыре, т. е. почти четверть всей библиографии. Правда, нельзя сказать, что замена работ Г. Г. Небрatenко на труды Д. А. Белякова позитивно сказалась на содержании статьи Е. Е. Степановой. Здесь можно добавить, что среди работ, попавших в библиографический перечень, подавляющая часть не имеет никакого отношения к теме управления российским государством территориями в Северной Америке. В основном Е. Е. Степанова цитирует работы о продаже Аляски и ее последующем существовании в рамках США. В частности, в библиографии была упомянута статья доктора юридических наук А. В. Петрова об уступке российских колоний и историко-правовых последствиях этого акта. Остановимся на ней чуть более подробно.

В самом начале своей статьи А. В. Петров пишет о том, что проблема отчуждения Аляски «заслуживает огромного внимания и вызывает интерес со стороны ученых и общественности даже в XXI веке» (Петров 2019: 79). Но вместо перечня научных работ, где затрагивается эта пробле-

ма, он дает только ссылку на статью Г. Г. Небрatenко как главного эксперта по истории Русской Америки в глазах отечественных юристов. Далее автор приводит совершенно банальное мнение некоего Н. М. Коркунова, который, цитирую, «утверждал, что Российское государство расширяло территориальные границы на западе и востоке по политическим причинам, обеспечивая себе независимость и могущество» (Там же). Кто такой этот таинственный господин Н. М. Коркунов, читатель должен догадываться сам (возможные ассоциации — коробки конфет с данной фамилией), потому что А. В. Петров не сообщает о нем ровным счетом ничего и не дает ссылку на его произведение, откуда он позаимствовал столь ценную информацию. И далее А. В. Петров по сложившейся среди юристов традиции тщательно экономит ссылки на источники, оставляя без них целые абзацы. Но бывает иначе: ссылка есть, но она не отражает смысл или содержание страницы цитируемой работы (см. ссылка 3, с. 119; 8, с. 177; 11, с. 173; 3, с. 177; 9, с. 103). Закономерно возникает вопрос: а ознакомился ли А. В. Петров должным образом с цитируемыми им произведениями? Что касается общих выводов его работы, то они ничем принципиально не отличаются от тех, к которым пришел 13 лет тому назад Г. И. Кучерков, а именно: с юридической точки зрения договор об уступке Аляски не подлежит пересмотру, отмене или аннулированию. Был ли смысл писать о том же самом новую статью?

Перейдем, наконец, к завершению обзора юридической периодики, рассмотрев упомянутую в самом

начале статью доктора юридических наук Н.Д. Литвинова и трех его соавторов с интригующим заголовком «Изгнание России из Аляски, как спецоперация Соединенных Штатов». Первая часть названия невольно навеивает ассоциации с церковным «изгнанием бесов», а вторая — с шпионским детективом. Любопытно отметить, что ниже аннотации к статье редколлегия журнала предусмотрительно указала: «Редакция не во всем согласна с мнением авторов данной статьи». Как увидим ниже, подобное заявление появилось неслучайно.

Следует сказать, что, в отличие от подавляющей части юридической периодики, базирующейся на весьма скудной библиографической базе, статья Н.Д. Литвинова и его коллег содержит в списке литературы 107 (!) наименований. Из них небольшая часть (23 работы, или 21,5%) является научными произведениями, имеющими отношение к продаже Аляски или истории Русской Америки (упомянуты монографии С.Б. Окуня, Н.Н. Болховитинова и др.). Однако используются эти работы не всегда адекватно, например, на сочинение старожилы Русской Америки Кирилла Хлебникова (*Хлебников* 1985) авторы статьи сделали четыре ссылки в тексте, где говорится о различных статистических показателях РАК в 1850-х гг. В этом не было бы большой беды, но К.Т. Хлебников скончался в 1838 г. и потому в принципе не мог принять участия в составлении подобной статистики. Таким образом, использование научных трудов по истории Русской Америки носит иногда чисто декоративный характер.

Что же собой представляет основная библиография (почти 80%), задействованная Н.Д. Литвиновым и его соавторами при написании статьи? Здесь представлен очень широкий спектр различных произведений, начиная от чисто юридических работ, связанных, к примеру, с принципом суверенности государственно-правовой идеологии и философии права, и заканчивая интернет-материалами типа «Англия — невидимый враг № 1», «Андрей Кобыла: первое упоминание, происхождение, основатель рода Романовых», «Самый красивый русский царь. Немецкие жены русских царей» и т.д. Ряд наименований библиографического списка имеет отношение к отдельным царским сановникам, а поскольку в заголовке статьи говорится о спецоперации, в списке использованной литературы фигурируют работы шпионского жанра, например, две книги директора ЦРУ Аллена Даллеса (№ 31 и 32) и другие творения подобного типа (см. № 14, 100, 105). Кроме того, основной автор статьи Н.Д. Литвинов не усомнился в пользе упоминания в библиографии шести своих работ, посвященных главным образом драматическим происшествиям с членами царской фамилии («Николай II: царь России, сбегавший с трона», «Покушения на императора Всея Руси Александра II на объектах железнодорожного транспорта» и т.д.). Видимо, эти произведения каким-то мистическим образом все же имеют отношение к изгнанию России из Аляски в результате спецоперации. При этом удивительным образом авторы статьи забыли конспирологическую книгу И.Б. Миронова о роковой сделке по передаче Аляски США (*Миронов* 2007), что является

для них непростительным упущением. С другой стороны, абсолютным фаворитом по числу ссылок (целых 25!) в тексте статьи выступает интернет-публикация юриста и публициста С. П. Пыхтина о продаже Аляски, причем эта работа дважды зафиксирована в библиографическом перечне (под № 40 и 79) (в печатном виде эта публикация появилась в журнале «Москва» (*Пыхтин 2005*)). Возможно, столь высокая оценка интеллектуальных достоинств произведения С. П. Пыхтина в глазах Н. Д. Литвинова и его коллег определяется националистическими фантазиями, которые они охотно цитируют в своей статье: «Территорию от Урала до Камчатки Россия вообще не завоевывала, не направляла туда войска. Туда инициативно проникали казаки и “вольные люди”. Вот почему, современные исследователи пришли к выводу, что “продвижение российской государственности на восток осуществлялось не силой оружия и даже не силой слова Божьего. Штыку и кресту прокладывали дорогу русское любопытство и русская предприимчивость, русская удаль и русский размах. Позже было подсчитано: они расширили территорию России в 400 раз”. Одно из достоинств Российской империи заключалось в том, что она не мешала своим подданным проявлять творческую инициативу, в том числе, в познании мира и окружающих народов» (*Литвинов и др. 2021: 134*). Оставляя без комментариев измышления по поводу свободы проявлять творческую инициативу в познании мира в царской России и тому подобное, отмечу лишь, что у С. П. Пыхтина и Н. Д. Литвинова с товарищами наблюдаются явные нелады с гео-

графией и математикой. К завоеванию (именно к завоеванию!) Сибири Ермак и его казаки приступили, когда Московская Русь простиралась от Новгорода до Каспия и не хватило бы всего земного шара, чтобы увеличить ее территорию в 400 раз.

Если теперь переходить к критическому анализу содержания статьи Н. Д. Литвинова и его коллег, то придется сразу отказаться от этой затеи ввиду огромного числа неточностей, искажений, ошибок и некорректных высказываний, допущенных в этой работе. Чтобы просто прокомментировать их, потребуется, вероятно, отдельная статья, не уступающая по объему той, с которой читатель знакомится в данный момент. Нет ни одной страницы произведения Н. Д. Литвинова и его соавторов, где не было бы разного рода ошибок и заблуждений, либо же текст вообще не имеет никакого отношения к Русской Америке. Приведу в качестве примера страницу 158. На предыдущей авторы пишут, что 16 декабря 1866 г. в парадном кабинете МИДа по инициативе министра Горчакова состоялось закрытое заседание по вопросу продажи Аляски, а на интересующей нас странице дается объяснение этой дислокации: «В самом Зимнем Дворце была сильна агентура III Отделения, спецслужбы России. Поэтому, во избежание утечки информации экстренное заседание было проведено в здании МИДа, в “парадном кабинете”». Возникает вопрос: неужели III Отделение контролировало царя и его министров или, наоборот, было целиком на содержании иностранных спецслужб? За правильным ответом, боюсь, придется обращаться непосредственно к авторам. Между тем в перечне лиц, принявших участие

в закрытом совещании 16 декабря 1866 г., Н. Д. Литвинов и его коллеги почему-то особо выделили морского министра Н. К. Краббе, причем в статье дважды дословно продублировали его биографическую справку, не забывая каждый раз сообщить, что «отдельные авторы считают, что его мамой была армянская еврейка» (Там же: 146, 158). Видимо, авторы статьи посчитали, что это каким-то образом повлияло на изгнание России из Аляски.

А дальше идет чистая конспирология, когда Н. Д. Литвинов и его коллеги дают волю воображению: «На наш взгляд, в заседании могли принять участие и посторонние лица, представители международных тайных организаций, королевского дома Виндзоров и др. Которые могли выдвинуть царю обычный ультиматум. Судя по всему, вопрос о передаче Аляски был уже решен. Ибо, заседание было кратковременным, вопрос обсуждался менее часа. Царь моментально отказался от своей убежденности в необходимости сохранения Аляски и РАК, что демонстрировал незадолго до этого» (Там же: 158). Ну как можно всерьез это комментировать?

Но продолжим анализ текста на странице 158. Со ссылкой на С. П. Пыхтина авторы пишут, что «стенограммы заседания не обнаружено, да и вряд ли ее в тот день вели. Не сохранились и дневниковые записи великого князя Константина как раз за ноябрь–декабрь 1866 года». На самом деле эта информация взята из монографии академика Н. Н. Болховитинова, много лет работавшего с архивными документами (Болховитинов 1990: 195). Но, по мнению Н. Д. Литвинова и его коллег, ссылку следует дать

на более «авторитетную» работу публициста С. П. Пыхтина. Они полагают также, что отсутствие протокола заседания от 16 декабря 1866 г. говорит не только о высоком уровне секретности, но «о боязни участников заседания суда истории» (Литвинов и др. 2021: 158). Можно повторить, что авторам трудно отказать в богатом воображении.

Далее Н. Д. Литвинов и его коллеги, опять же со ссылкой на С. П. Пыхтина, пишут, что сделку по продаже Аляски осуществлял в Вашингтоне посланник императора Стокль, который «был уроженцем Бельгии неизвестной национальности», причем этот двойной агент «уже доказал свою преданность Вашингтону тем, что постоянно подталкивал Россию к продаже Аляски США» (Там же). Вслед за этим пассажем авторы слегка путаются в хронологии событий, но мы не будем обращать внимания на такие мелочи. Общий итог малоутешителен: статья Н. Д. Литвинова и его коллег представляет собой типичное псевдонаучное произведение.

Читая подобную юридическую периодику о Русской Америке, невольно приходишь к мысли, что последнее, о чем заботились авторы при написании статей и докладов, это их собственная научная репутация. Пренебрежение отечественной (тем более зарубежной) историографией, опора на ничтожный круг работ зачастую сомнительного качества, слабое знакомство с российским законодательством (ПСЗРИ) и частое нежелание указывать источник информации приводят к тому, что значительная часть статей отечественных юристов по данной теме

представляет собой некачественную компиляцию порой с элементами плагиата, нередко подкрепленную дурно оформленным библиографическим аппаратом. Фактически имеет место просто имитация научной деятельности. И то, что почти все юристы избегают обращаться к предшествующей историографии, очевидно, неслучайно, ведь в таком случае выяснится, что многие сюжеты были уже исследованы до них и потому ничего нового они в науку не вносят. А поскольку вместо серьезных источников информации используются более чем сомнительные, в силу вступает закон информатики, известный по английской аббревиатуре GIGO (*garbage in, garbage out* — «мусор на входе — мусор на выходе»), означающий, что при неверных входящих данных будут получены неверные результаты, даже если сам по себе алгоритм будет правильным. Отдельно стоит отметить недостатки методики и тематики: в трудах юристов обычно отсутствует основательный анализ предыстории принятия того или иного законодательного акта, практики правоприменения, правовых последствий, нет обзора подзаконных актов колониальной администрации и т. д. В результате приходится с сожалением констатировать удручающе низкий научный уровень подавляющей части работ отечественных специалистов в области юриспруденции, посвященных проблемам Русской Америки.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Тт. I–XLV. СПб., 1830.

ПСЗРИ 1832 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание второе. Т. XIX. СПб., 1832.

ПСЗРИ 1845 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание второе. Т. XIX. СПб., 1845.

ПСЗРИ 1867 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание второе. Т. XL. СПб., 1867.

ПСЗРИ 1868 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание второе. Т. XLI. СПб., 1868.

ПСЗРИ 1871 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание второе. Т. XLII. СПб., 1871.

РАК 2005 — Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М., 2005.

РАК, 2010 — Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867: сб. док. / сост. Т. С. Федорова, А. Ю. Петров, А. В. Гринёв; отв. ред. А. Ю. Петров. М., 2010.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авдеева 2013 — Авдеева О. А. Основные направления новеллизации российского федерализма // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 2.

Авдеева, Степанова 2020 — Авдеева О. А., Степанова Е. Е. Теоретико-методологические аспекты реализации правовой политики в сфере территориальной организации государственной власти в условиях колонизации северо-западных территорий Северной Америки // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3.

Беляков 2012 — Беляков Д. А. Исследование и анализ причин продажи Аляски США в 1867 году // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 19.

Беляков 2013 — Беляков Д.А. Политаризм как один из факторов отчуждения Аляски // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22.

Беляков 2014а — Беляков Д.А. Социально-политические факторы, повлиявшие на продажу Аляски США в 1867 году // Инновации и инвестиции. 2014. № 11.

Беляков 2014б — Беляков Д.А. Текстуально-правовое оформление соглашения об уступке Аляски // ДНК права. 2014. № 2.

Беляков 2015 — Беляков Д.А. Практическая реализация процесса уступки Аляски // Правовое поле современной экономики. 2015. № 10.

Беляков 2017а — Беляков Д.А. Классификация и правовая характеристика договора об отчуждении Аляски // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2017. Т. 5, № 1 (17) <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (дата обращения: 10.11.2021).

Беляков 2017б — Беляков Д.А. Политико-правовые и идеологические основания договорной уступки Аляски: дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2017.

Беляков, Биюшкина, 2015 — Беляков Д.А., Биюшкина Н.И. Специфика договорных отношений Российской империи и США по поводу уступки Аляски // Мир политики и социологии. 2015. № 10.

Беляков, Биюшкина, 2018 — Беляков Д.А., Биюшкина Н.И. Особенности правового регулирования договорной уступки Аляски. М., 2018.

Болховитинов 1990 — Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990.

Болховитинов 2004 — Болховитинов Н.Н. Контракт Российско-Американской компании (РАК) с Компанией Гудзонова залива (КГЗ) от 25 января (6 февраля) 1839 года и ликвидация колонии Росс в Калифорнии // Американский ежегодник 2002. М., 2004.

Владимирский-Буданов 1888 — Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1888.

Гринёв 1999 — Гринёв А.В. Россия, Великобритания и США на Тихоокеанском Севере в середине XIX в.: соперничество и сотрудничество // История Русской Америки (1732–1767): В 3-х тт.: Т. III. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1999.

Гринёв 2000 — Гринёв А.В. Причины продажи Русской Америки США в отечественной историографии // Клио. 2000. № 2.

Гринёв 2002 — Гринёв А.В. Роль государства в образовании Российско-Американской компании // Русское открытие Америки. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Николая Николаевича Болховитинова. М., 2002.

Гринёв 2003 — Гринёв А.В. Золото Русской Америки: несостоявшийся Клондайк // Американский ежегодник 2001. М., 2003.

Гринёв 2016 — Гринёв А.В. Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). М., 2016.

Дмитришин 1994 — Дмитришин Б. Административный аппарат Российско-американской компании, 1798–1867 // Американский ежегодник 1993. М., 1994.

Ермолаев 2010 — Ермолаев А.Н. Разработка и принятие третьего Устава Российско-Американской компании в 1840–1844 гг. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1.

Ермолаев, Савельев 2016 — Ермолаев А.Н., Савельев И.В. Становление и развитие колониального права в Русской Америке в XVIII — начале XIX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Выпуск 4 (48) [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840001434-6-1/> (дата обращения: 23.10.2021).

- Зинухов 2000* — *Зинухов А.Н.* Преступная сделка. Как продали Аляску // Совершенно секретно. 2000. № 4 (131).
- Иерусалимский и др. 2020* — *Иерусалимский Ю.Ю., Давыдов В.В., Коскина М.М.* Актуальные проблемы изучения Русской Америки в современной отечественной исторической литературе // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66.
- Имтосими, Портнягин 2013* — *Имтосими В.П., Портнягин А.Д.* Душа зовет к забытым берегам. Русская Америка глазами русских путешественников: книга-альбом. Кисловодск, 2013.
- История Русской Америки 1997, 1999* — *История Русской Америки (1732–1767): В 3 т. / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1997, 1999.*
- Козаева 2012* — *Козаева Г.Б.* Правовые основы государственного контроля за деятельностью Российско-Американской компании (1799–1867 годы) // Мир юридической науки. 2012. № 1.
- Костлищев 1863* — *Костлищев С.А.* Отчет по обозрению Русских Американских колоний в 1860 и 1861 г. Действительного Статского Советника Костлищева // Приложения к докладу Комитета об устройстве Русских Американских колоний. СПб., 1863.
- Крыгина, Жуков 2019* — *Крыгина И.А., Жуков Е.А.* Правовое обеспечение политического суверенитета Российской империи над Алеутскими островами // Государственные и политические интересы России в Азии и Северной Америке: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2019.
- Кряжева 2018* — *Кряжева Е.Е.* Установление в Северной Америке суверенитета Российской империи // Вестник ДВЮИ МВД России. 2018. № 2.
- Кучерков 2006* — *Кучерков Г.И.* Продажа Русской Америки: историко-правовое измерение сделки // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2.
- Литвинов и др., 2021* — *Литвинов Н.Д., Даржанов А.А., Нудин А.В., Петров П.А.* Изгнание России из Аляски, как спецоперация Соединенных Штатов // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 2.
- Маркс 1959* — *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. М., 1959.
- Миронов 2007* — *Миронов И.Б.* Роковая сделка: как продавали Аляску. М., 2007.
- Муравьева 2009* — *Муравьева Л.А.* Экономическая жизнь Русской Америки в XVIII веке // Финансы и кредит. 2009. № 17.
- Нарочницкий 1953* — *Нарочницкий А.Л.* Экспансия США на Дальнем Востоке в 50–70-е годы XIX века // Исторические записки. 1953. Т.44.
- Небратенко 2003* — *Небратенко Г.Г.* Становление службы правопорядка на территории Донского казачьего войска (середина XVIII — начало XX вв.) // Государство и право. 2003. № 5.
- Небратенко, Литвинова, 2016* — *Небратенко Г.Г., Литвинова Ю.И.* Государственно-правовое развитие Русской Америки // История государства и права. 2016. № 21.
- Небратенко, Литвинова, 2019* — *Небратенко Г.Г., Литвинова Ю.И.* История Русской Америки. Ростов-на-Дону, 2019.
- Небратенко, Попов, 2019* — *Небратенко Г.Г., Попов Н.В.* Формально-юридическое исследование российских северо-американских владений (XVIII в.) // История государства и права. 2017. № 22.
- Никитины 2016* — *Никитин Д.Н., Никитин Н.И.* Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI — начала XVIII века. М., 2016.
- Окунь 1939* — *Окунь С.Б.* Российско-Американская компания. М.; Л., 1939.
- Палкин 2009* — *Палкин А.Г.* К вопросу о территориальных претензиях США // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 9. 2009. № 40 (178).

Петров 2019 — *Петров А.В.* Уступка российских владений США и ее историко-правовые последствия // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Т. 19. № 4.

Петров 2000 — *Петров А.Ю.* Образование Российско-американской компании. М., 2000.

Петров 2006 — *Петров А.Ю.* Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежных рынках (1799–1867). М., 2006.

Петров и др. 2015 — *Петров А.Ю., Савельев И.В., митрополит Климент.* Становление колониального права в Русской Америке // Российская история. 2015. № 4.

Петухова 2014 — *Петухова Т.Н.* Продажа Аляски: историко-правовое исследование // Международный фонд правовых исследований «Аспекты права». 2014. № 4.

Пыхтин 2005 — *Пыхтин С.П.* Как продавали Русскую Америку: темная сторона истории русско-американских отношений с 1824 по 1867 год // Москва. 2005. № 8.

Рокот 2007 — *Рокот В.* Князь Русской Америки. Д. П. Максудов. М., 2007.

Россия 1999 — Россия + Америка = 200 лет. К юбилею Российско-Американской компании. М., 1999.

Савельев 2001 — *Савельев И.В.* Государственное регулирование процесса освоения Русской Америки во второй половине XVIII в. // XIII Ломоносовские чтения: [сб. ст.]. Архангельск, 2001. С. 130–136.

Савельев 2006 — *Савельев И.В.* Правовое регулирование деятельности купеческих промысловых компаний в Русской Америке во второй половине XVIII века // Современные проблемы экономики, управления и юриспруденции. Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы экономики, управления и юриспруденции» — электрон. текст подг. ФГОУВПО

«МГТУ» [Электронный ресурс]. Мурманск, 2006.

Савельев 2012 — *Савельев И.В.* Роль российского колониального права в освоении Аляски // Геоисторические и геотноткультурные образы и символы освоения арктического пространства. Материалы VII Поморских чтений по семиотике культуры. Выпуск 6 (Поморские чтения по семиотике культуры). Архангельск, 2012.

Савельев 2019 — *Савельев И.В.* Разграничение владений России, США и Великобритании в Северной Америке и его международно-правовое оформление // Государственные и политические интересы России в Азии и Северной Америке: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 25 апреля 2019 года. Иркутск, 2019.

Семенов 2016 — *Семенов Ю.И.* Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М., 2016.

Смирнов 1999 — *Смирнов Н.Н.* Забайкальские казаки в отношениях России с Китаем и Монголией (1645–1895). Краткий исторический очерк. Волгоград, 1999.

Степанова 2018 — *Степанова Е.Е.* Общая характеристика правил и привилегий Российско-Американской компании 1844 года // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5.

Степанова 2019а — *Степанова Е.Е.* Органы управления Российско-Американской компании // Научный Вестник Омской Академии МВД России. 2019. № 1.

Степанова 2019б — *Степанова Е.Е.* Правовой статус территорий, принадлежащих Российской империи в Северной Америке // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции (6 июня 2019 года, г. Иркутск). Иркутск, 2019.

Степанова 2019в — Степанова Е.Е. Формально-юридический анализ указа Екатерины II от 22.12.86 Коллегии иностранных дел «О сохранении права России на земли и острова, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане» // Государственные и политические интересы России в Азии и Северной Америке: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2019.

Степанова 2020 — Степанова Е.Е. Российские североамериканские владения, их историко-правовое значение // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 5.

Степанова 2021а — Степанова Е.Е. Историко-правовое значение управления российским государством северо-западными территориями Северной Америки // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3.

Степанова 2021б — Степанова Е.Е. Правовой статус северо-западной территории Северной Америки в государственно-правовой системе России (1719–1867 гг.): дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2021.

Хлебников 1985 — Хлебников К.Т. Русская Америка в «Записках» Кирилы Хлебникова: Ново-Архангельск / сост., предисл., коммент. и указ. С.Г. Федоровой. М., 1985.

Ширококорд 2012 — Ширококорд А.Б. Утерьянные земли России XIX–XX вв. М., 2012.

Galbraith 1957 — Galbraith J.S. The Hudson's Bay Company as an Imperial Factor, 1821–1869. Berkeley; Los Angeles, 1957.

Petrov 2014 — Petrov A.Iu. Russia, the United States, and Great Britain on the Pacific Northwest at the End of the Eighteenth and Beginning of the Nineteenth Centuries // New Perspectives on Russian-American Relations / Ed. by W. B. Whisenhunt, N. E. Saul. London and New York, 2015.

REFERENCES

Avdeyeva O. A. Osnovnye napravleniya novellizatsii rossiiskogo federalizma. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 2013, no. 2.

Avdeyeva O. A., Stepanova E. E. Teoretiko-metodologicheskie aspekty realizatsii pravovoi politiki v sfere territorial'noi organizatsii gosudarstvennoi vlasti v usloviyakh kolonizatsii severo-zapadnykh territorii Severnoi Ameriki. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 3.

Belyakov D. A. Issledovanie i analiz prichin prodazhi Alyaski SSHA v 1867 godu. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2012, no. 19.

Belyakov D. A. Politarizm kak odin iz faktorov otchuzhdeniya Alyaski. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2013, no. 22.

Belyakov D. A. Sotsial'no-politicheskie faktory, povliyavshie na prodazhu Alyaski SSHA v 1867 godu. *Innovatsii i investitsii*, 2014, no. 11.

Belyakov D. A. Tekstual'no-pravovoe оформление soglasheniya ob ustupke Alyaski. *DNK prava*, 2014, no. 2.

Belyakov D. A. Prakticheskaya realizatsiya protsessa ustupki Alyaski. *Pravovoye pole sovremennoi ekonomiki*, 2015, no. 10.

Belyakov D. A. Klassifikatsiya i pravovaya kharakteristika dogovora ob otchuzhdenii Alyaski. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»*, 2017, vol. 5, no. 1 (17) <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (accessed: 10.11.2021).

Belyakov D. A. *Politiko-pravovye i ideologicheskie osnovaniya dogovornoj ustupki Alyaski*. Diss. na soisk. uch. st. kand. jur. nauk. Nizhniy Novgorod, 2017.

Belyakov D. A., Biyushkina N. I. Spetsifika dogovornykh otnoshenii Rossiyskoi imperii i SSHA po povodu ustupki Alyaski. *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, no. 10.

Belyakov D.A., Biyushkina N.I. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya dogovornoj ustupki Alyaski*. Moscow, 2018.

Bolkhovitinov N.N. *Russko-amerikanskije otnosheniya i prodazha Alyaski. 1834–1867*. Moscow, 1990.

Bolkhovitinov N.N. Kontrakt Rossiysko-Amerikanskoi kompanii (RAK) s Kompaniei Gudzonova zaliva (KGZ) ot 25 yanvarya (6 fevralya) 1839 goda i likvidatsiya kolonii Ross v Kalifornii. *Amerikanskii ezhegodnik 2002*. Moscow, 2004.

Dmytryshyn B. Administrativnyi apparat Rossiysko-amerikanskoi kompanii, 1798–1867. *Amerikanskii ezhegodnik 1993*. Moscow, 1994.

Ermolaev A.N. Razrabotka i prinyatie tret'ego Ustava Rossiysko-Amerikanskoi kompanii v 1840–1844 gg. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2010, vol. 9, issue 1.

Ermolayev A.N., Savel'ev I.V. Stanovlenie i razvitie kolonial'nogo prava v Russkoi Amerike v XVIII — nachale XIX vv. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. 2016, vol. 7, issue 4 (48). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840001434-6-1/> (accessed: 23.10.2021).

Galbraith J.S. *The Hudson's Bay Company as an Imperial Factor, 1821–1869*. Berkeley; Los Angeles, 1957.

Grinëv A.V. Rossiya, Velikobritaniya i SSHA na Tikhookeanskom Severe v seredine XIX v.: sopernichestvo i sotrudnichestvo. *Istoriya Russkoi Ameriki (1732–1767): V 3-kh tt.*: T. III. *Russkaya Amerika: ot zenita k zakatu (1825–1867)* / Otv. red. N.N. Bolkhovitinov. Moscow, 1999.

Grinëv A.V. Prichiny prodazhi Russkoy Ameriki SSHA v otechestvennoy istoriografii. *Klio*, 2000, no. 2.

Grinëv A.V. Rol' gosudarstva v obrazovanii Rossiysko-Amerikanskoy kompanii. *Russkoe otkrytie Ameriki. Sbornik statey, posvyashchennyy 70-letiyu akademika Nikolaya Nikolayevicha Bolkhovitina*. Moscow, 2002.

Grinëv A.V. Zoloto Russkoi Ameriki: nesostoyavshiisya Klondaik. *Amerikanskii ezhegodnik 2001*. Moscow, 2003.

Grinëv A.V. *Alyaska pod krylom dvuglavogo orla (rossiyskaya kolonizatsiya Novogo Sveta v kontekste otechestvennoi i mirovoi istorii)*. Moscow, 2016.

Ierusalimskii Yu.Yu., Davydov V.V., Koskina M.M. Aktual'nye problemy izucheniya Russkoi Ameriki v sovremennoi otechestvennoi istoricheskoi literature. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2020, no. 66.

Imtosimi V.P., Portnyagin A.D. *Dusha zovet k zabytym beregam. Russkaya Amerika glazami russkikh puteshestvennikov: kniga-al'bom*. Kislovodsk, 2013.

Istoriya Russkoi Ameriki (1732–1767): V 3-kh tt. / Otv. red. N.N. Bolkhovitinov. Moscow, 1997, 1999.

Khlebnikov K.T. *Russkaya Amerika v «Zapiskakh» Kirila Khlebnikova: Novo-Arkhangel'sk*. Moscow, 1985.

Kostlivtsov S.A. Otchet po obozreniyu Russkikh Amerikanskikh kolonii v 1860 i 1861 g. Deistvitel'nago Statskago Sovetnika Kostlivtsova. *Prilozheniya k dokladu Komiteta ob ustroistvoe Russkikh Amerikanskikh kolonii*. St. Petersburg, 1863.

Kozaeva G.B. Pravovye osnovy gosudarstvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu Rossiysko-Amerikanskoi kompanii (1799–1867 gody). *Mir yuridicheskoi nauki*, 2012, no. 1.

Kryazheva E.E. Ustanovlenie v Severnoi Amerike suvereniteta Rossiyskoi imperii. *Vestnik DVYUI MVD Rossii*, 2018, no. 2.

Krygina I.A., Zhukov E.A. Pravovoe obezpechenie politicheskogo suvereniteta Rossiyskoi imperii nad Aleutskimi ostrovami. *Gosudarstvennye i politicheskie interesy Rossii v Azii i Severnoi Amerike: istoriya i sovremennost': materialy Vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Irkutsk, 2019.

Kucherkov G.I. Prodazha Russkoi Ameriki: istoriko-pravovoe izmerenie sdelki. *Leninogradskii yuridicheskii zhurnal*, 2006, no. 2.

- Litvinov N.D., Darzhanov A.A., Nudin A.V., Petrov P.A. *Izgnanie Rossii iz Alyaski kak spetsoperatsiya Soedinennykh Shtatov. Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremenost'*, 2021, no. 2.
- Marks K. K kritike politicheskoi ekonomii. *Marks K., Engel's F. Soch.*, vol. 13. Moscow, 1959.
- Mironov I.B. *Rokovaya sdelka: kak prodavali Alyasku*. Moscow, 2007.
- Murav'eva L.A. Ekonomicheskaya zhizn' Russkoi Ameriki v XVIII veke. *Finansy i kredit*, 2009, no. 17.
- Narochitskiy A.L. Ekspansiya SSHA na Dal'nem Vostoke v 50–70-ye gody XIX veka. *Istoricheskie zapiski*, 1953, vol. 44.
- Nebratenko G.G. Stanovlenie sluzhby pravoporyadka na territorii Donskogo kazach'yego voiska (seredina XVIII — nachalo XX vv.). *Gosudarstvo i pravo*, 2003, no. 5.
- Nebratenko G.G., Litvinova Yu.I. Gosudarstvenno-pravovoe razvitie Russkoi Ameriki. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2016, no. 21.
- Nebratenko G.G., Litvinova Yu.I. *Istoriya Russkoi Ameriki*. Rostov-na-Donu, 2019.
- Nebratenko G.G., Popov N.V. Formal'no-yuridicheskoe issledovanie rossiiskikh severo-amerikanskikh vladenii (XVIII v.). *Istoriya gosudarstva i prava*, 2017, no 22.
- Nikitin D.N., Nikitin N.I. *Pokorenie Sibiri. Voiny i pokhody kontsa XVI — nachala XVIII veka*. Moscow, 2016
- Okun' S.B. *Rossiisko-Amerikanskaya kompaniya*. Moscow, Leningrad, 1939.
- Palkin A.G. K voprosu o territorial'nykh pretenziyakh SSHA. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, issue 9, no. 40(178).
- Petrov A.V. Ustupka rossiiskikh vladenii SSHA i ee istoriko-pravovye posledstviya. *Vestnik YUUrGU. Seriya «Pravo»*, 2019, vol. 19, no. 4.
- Petrov A.Yu. *Obrazovanie Rossiisko-amerikanskoi kompanii*. Moscow, 2000.
- Petrov A.Yu. Rossiisko-amerikanskaya kompaniya: deyatel'nos' na otechestvennom i zarubezhnykh rynkakh (1799–1867). Moscow, 2006.
- Petrov A.Iu. Russia, the United States, and Great Britain on the Pacific Northwest at the End of the Eighteenth and Beginning of the Nineteenth Centuries. *New Perspectives on Russian-American Relations* / Ed. by W.B. Whisenhunt, N.E. Saul. London and New York, 2015.
- Petrov A.Yu., Savel'yev I.V., mitropolit Kliment. Stanovleniye kolonial'nogo prava v Russkoi Amerike. *Rossiiskaya istoriya*, 2015, no. 4.
- Petukhova T.N. Prodazha Alyaski: istoriko-pravovoe issledovanie. *Mezhdunarodnyi fond pravovykh issledovaniy «Aspekty prava»*, 2014, no. 4.
- Pykhtin S.P. Kak prodavali Russkuyu Ameriku: temnaya storona istorii rusko-amerikanskikh otnoshenii s 1824 po 1867 god. *Moskva*, 2005, no. 8.
- Rokot V. *Knyaz' Russkoi Ameriki. D.P. Maksutov*. Moscow, 2007.
- Rossiya 1999 — Rossiya + Amerika = 200 let. K yubileyu Rossiysko-Amerikanskoy kompanii*. Moscow, 1999.
- Savel'ev I.V. Gosudarstvennoe regulirovanie protsessa osvoeniya Russkoi Ameriki vo vtoroi polovine XVIII v. *XIII Lomonosovskiy chteniya*: [sb. st.]. Arkhangel'sk, 2001.
- Savel'ev I.V. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti kupecheskikh promyslovykh kompanii v Russkoi Amerike vo vtoroi polovine XVIII veka. *Sovremennyye problemy ekonomiki, upravleniya i yurisprudentsii. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Sovremennyye problemy ekonomiki, upravleniya i yurisprudentsii»*. Murmansk, 2006.
- Savel'ev I.V. Rol' rossiiskogo kolonial'nogo prava v osvoenii Alyaski. *Geoistoricheskie i geoetnokul'turnye obrazy i simvol'y osvoeniya arkticheskogo prostranstva. Materialy VII Pomorskikh chtenii po semiotike kul'tury*. Vypusk 6. Arkhangel'sk, 2012.
- Savel'ev I.V. Razgraniichenie vladenii Rossii, SSHA i Velikobritanii v Severnoi Ameri-

ke i ego mezhdunarodno-pravovoe oformlenie. *Gosudarstvennye i politicheskie interesy Rossii v Azii i Severnoi Amerike: istoriya i sovremennost'. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 25 aprelya 2019 goda.* Irkutsk, 2019.

Semenov Yu.I. *Politarnyi («aziatskii») sposob proizvodstva: sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii. Filosofsko-istoricheskie ocherki.* Moscow, 2016.

Shirokorad A.B. *Uteryannye zemli Rossii XIX–XX vv.* Moscow, 2012.

Smirnov N.N. *Zabaykal'skie kazaki v otnosheniyakh Rossii s Kitaem i Mongoliei (1645–1895). Kratkiy istoricheskiy ocherk.* Volgograd, 1999.

Stepanova E. E. Obshchaya kharakteristika pravil i privilegii Rossiisko-Amerikanskoi kompanii 1844 goda. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, 2018, no. 5.

Stepanova E. E. Organy upravleniya Rossiisko-Amerikanskoi kompanii. *Nauchnyi Vestnik Omskoi Akademii MVD Rossii*, 2019, no. 1.

Stepanova E. E. Pravovoi status territorii, prinadlezhashchikh Rossiiskoi imperii v Severnoi Amerike. *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: sbornik materialov XXIV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (6 iyunya 2019 goda, g. Irkutsk).* Irkutsk, 2019.

Stepanova E. E. Formal'no-yuridicheskii analiz ukaza Ekateriny II ot 22.12.86 Kollegii inostrannykh del «O sokhranении prava Rossii na zemli i ostrova, otkrytye russkimi moreplavatelyami v Tikhom okeane». *Gosudarstvennye i politicheskie interesy Rossii v Azii i Severnoi Amerike: istoriya i sovremennost': materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Irkutsk, 2019.

Stepanova E. E. Rossiyskie severoamerikanskies vladeniya, ikh istoriko-pravovoe znachenie. *Nauchnyi daydzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 5.

Stepanova E. E. Istoriko-pravovoye znachenie upravleniya rossiiskim gosudarstvom severo-zapadnymi territoriyami Severnoi Ameriki. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2021, no. 3.

Stepanova E. E. *Pravovoi status severo-zapadnoi territorii Severnoi Ameriki v gosudarstvenno-pravovoi sisteme Rossii (1719–1867 gg.).* Diss. na soisk. uch. st. kand. jur. nauk. Yekaterinburg, 2021.

Vladimirskii-Budanov M. F. *Obzor istorii russkogo prava.* St. Petersburg, Kiev, 1888.

Zinukhov A. N. Prestupnaya sdelka. Kak prodali Alyasku. *Sovershenno sekretno*, 2000, no. 4 (131).

В. А. Китаев

ЧТО ТАМ, В «ДРУГОЙ РОССИИ»?

Рец.: Будницкий О. Другая Россия: Исследования по истории русской эмиграции. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 632 с. (Серия Historia Rossica)

Анализируется книга О. В. Будницкого «Другая Россия: Исследования по истории русской эмиграции» (М., 2021), подводящая итог его многолетним штудиям в этой области. В ряду фигурантов его исследований представлены как политики и деятели культуры, так и представители предпринимательского слоя. Книга оценивается как заметное явление современной отечественной историографии, посвященной истории русского зарубежья. При этом сборник, по мнению рецензента, еще раз продемонстрировал возможность органической связи между авторским нарративом и автономным существованием источника (прежде всего эпистолярного).

Ключевые слова: Россия, революция 1917 г., русская эмиграция, Вторая мировая война, В. А. Маклаков, Б. А. Бахметев, В. Л. Бурцев, О. О. Грузенберг, Б. Л. Гершун, А. А. Гольденвейзер, А. А. Кизеветтер, А. В. Тыркова.

Сведения об авторе: Китаев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород).

Контактная информация: vlakit2@mail.ru.

V. A. Kitaev

WHAT IS THERE IN "ANOTHER RUSSIA"?

Rev.: Budnitskiy O. Drugaya Rossiya: Issledovaniya po istorii russkoy emigratsii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 632 p. (Seriya Historia Rossica)

The book by O. V. Budnitsky "Another Russia: Research on the history of Russian emigration" (Moscow, 2021) is reviewed, which sums up many years of his

studies in this area. Among the subjects of his research are both politicians and cultural figures, as well as representatives of business stratum. The book is assessed as a notable phenomenon in modern Russian historiography of the Russian diaspora. At the same time, the collection, in the opinion of the reviewer, once again demonstrated the possibility of an organic connection between the author's narrative and the autonomous existence of a source (primarily an epistolary one).

Key words: Russia, revolution of 1917, Russian emigration, World War II, V. A. Maklakov, B. A. Bakhmetev, V. L. Burtsev, O. O. Gruzenberg, B. L. Gershun, A. A. Goldenveizer, A. A. Kizevetter, A. V. Tyrkova.

About the author: Kitaev Vladimir A., doctor of historical sciences, professor of the Department of Information Technologies in the Humanities, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod).

Contact information: vlakit2@mail.ru.

Библиография трудов О. В. Будницкого в ее книжной части приросла еще на одну запись. Увидел свет том, куда вошли авторские тексты и документальные публикации 1992–2018 гг. по его главной исследовательской теме — истории русской эмиграции. Всего лишь три из двадцати материалов, собранных в книгу, появляются впервые. Большинство же из обнародованных ранее исследований, по признанию самого автора, «существенно доработано с учетом новых архивных материалов и публикаций» (с. 10). Сборник, таким образом, облегчает читателю знакомство с весомой частью нарабатанного Будницким научного капитала, которая воплотилась в «малых формах».

Уместным будет вспомнить здесь, что Будницкий является автором монографий: «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото, 1918–1957» (2008) и «Русско-еврейский Берлин (1920–1941)» (2013, в соавторстве с А. Полян). Кроме того, исследователю удалось осуществить в 2001–2015 гг. публикацию переписки В. А. Маклакова с Б. А. Бахметевым, В. В. Шульгиным и М. А. Алдановым (это пять впечатляющих своим объемом томов).

О. В. Будницкий не очень обеспокоен точностью в обозначении жанровой принадлежности собранных в книге материалов. В «предупреждении» он поначалу сообщает, что до сегодняшнего дня «довольно регулярно публиковал статьи и документы преимущественно личного происхождения», затем, чуть ниже переименовывает эти публикации в «“эмигрантские” тексты» (с. 9–10). Тексты, как утверждает тут же автор, организованы в книге «по тематическому принципу». Правда, это обещание все-таки не выдерживается.

В заглавии последнего раздела появляются «очерки и портреты», и, таким образом, Будницкий заставляет строгого ревнителя логики задуматься о жанровой природе предшествующих текстов. Оставляем за собой право на определение их видовых особенностей, если в этом возникнет необходимость. А пока заметим, что практически все они, независимо от тематической принадлежности,

основательно нагружены эпистолярным. Пять же из них представляют прямую публикацию писем. Наполнение книги, как нам кажется, отражает особенность исследовательского почерка Будницкого, где неразрывно присутствуют аналитическое и публикаторское начала.

Уже в авторском «предуведомлении» Будницкий обозначил собственные приоритеты в изучении эмигрантской темы. Он начинает здесь с объяснения смысла своего отказа от привычных определений феномена русской эмиграции — «Русское зарубежье», «Вторая Россия» — в пользу «Другой России». «Другая Россия» для него — не просто еще один синоним, а нечто более существенное. Как бы ни были значимы культурные достижения России в изгнании, он хорошо чувствует недостаточность идущего еще от Марка Раева культуранализма в ее изучении (Раев 1994). Будницкий вырывается из «традиционного круга тем и набора имен», выходит навстречу «людям другой России: юристам, дипломатам, предпринимателям, военным, политикам, писателям». Писатели, заметим, оказываются в этом перечне на последнем месте. «Проблемы, волновавшие как эмигрантских нотаблей, так и, разумеется “рядовых” эмигрантов, — пишет он, — касались способов заработать на жизнь, трудоустройства, получения виз и видов на жительство, финансирования эмигрантских учреждений» (с. 7). В то же время «эмигрантских интеллектуалов» не отпускали «вопросы преодоления большевизма, методов восстановления России после хаоса и разрушений после

революции и Гражданской войны». Разумеется, одним из главных для политически активной части эмиграции был вопрос о том, какой должна стать будущая, постбольшевистская Россия. Понятно, что единство в ответе на этот вопрос было заведомо невозможно в силу идейной неоднородности той части российского общества, которая оказалась за границей.

Знакомясь с работами О. В. Будницкого по истории русской эмиграции, нельзя не обратить внимания на то особое место (и даже первенствующее положение), которое занимает среди использованных в них источников личная переписка. По его собственному признанию, она стала для него «настоящим открытием», которое он совершил, трудясь в зарубежных архивах. Это, прежде всего, Архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете и Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры при Батлеровской библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета. К американским надо добавить и архивы Великобритании: Рукописный отдел Бодлианской библиотеки в Оксфорде, Русский архив в Лидсе.

Эмигрантский эпистолярный поразил его высотой интеллектуализма, степенью откровенности, литературным блеском. Эти качества переписки ставят ее, по мнению Будницкого, выше мемуаров и публицистики тех же авторов. И хорошо понятна грустная констатация автором факта умирания жанра в эпоху Интернета, оброненная в «предуведомлении».

Как уже было сказано, основная часть книги структурируется пятью рубриками. Четыре из них сформированы по тематическому принципу, отражая не только исследовательские предпочтения автора, но и, что является главным, на его взгляд, недостаточно изученные стороны истории эмиграции. К числу последних он относит тему поисков путей преодоления большевизма и одновременно создания образа новой России. Еще одна немаловажная проблема жизни русской эмиграции — деньги, которых остро не хватало на всех ее социальных этажах и всем эмигрантским институциям. Наконец, одна из важнейших тем книги — русская эмиграция и Вторая мировая война.

А роль общего введения выполняет пространная «историческая справка» «Эмиграция из России (XVI–XX вв.)». Она готовилась для «Большой российской энциклопедии» (том «Россия») и увидела свет в 2004 г. Первая волна пореволюционной эмиграции, таким образом, получает свое историческое обрамление, погружена в контекст всей истории исхода из России и СССР.

Каково же видение автором общей картины истории русской эмиграции?

Одним из базовых в российском эмигрантоведении является, как известно, понятие «волны» («волна эмиграции»). С его помощью, прежде всего, решается вопрос периодизации процесса массового исхода из России. Специалистами-эмигрантоведами уже признавался факт венаучного, литературного происхождения это-

го термина (Семочкина 2014), тем не менее его употребление привычно в работах по истории эмиграции.

Характеризуя эмиграцию из России до 1917 г., О.В. Будницкий не находит в ней признаков волнообразности. О трех эмигрантских «волнах» он говорит только применительно к пореволюционному периоду. Эмиграция же XIX — начала XX в. подразделяется у него на трудовую (экономическую), национальную, религиозную и политическую. Между тем в современной литературе можно встретить и другие схемы. Их отличие от того, что предлагается О.В. Будницким, состоит в обнаружении эмигрантских волн в дореволюционной России (от одной до четырех) (Пушкарева 1996; Сабенникова 2009: 10).

Интересно было бы знать, как оценивает Будницкий эту историографическую разногласицу, как аргументирует он собственную позицию. Энциклопедическая статья, правда, — жанр, отторгающий погружение в литературу вопроса и развернутое обоснование своего понимания проблемы. Но при всем том на этапе подготовки книги оставалась возможность реализовать заявленное автором право на «существенные дополнения», хотя бы в виде примечаний. Ведь со времени написания статьи прошло почти два десятилетия. К сожалению, Будницкий не посчитал нужным сделать это.

«Дипломатия в изгнании» — таково название, которое получила первая рубрика книги, куда включены портретные характеристики В.А. Маклакова и Б.А. Бахметева. Оба эти

представителя эмигрантской политической элиты оказались за рубежом в качестве послов Временного правительства, т. е. до начала массовой эмиграции после прихода большевиков к власти.

Будницкий начинает прорисовку портрета Василия Алексеевича Маклакова с констатации его незаурядности, «нетипичности» во всех общественно значимых проявлениях: на адвокатском поприще, в качестве одного из лидеров кадетской партии, в роли депутата трех Государственных дум, а затем как одного из вождей эмиграции, литератора и публициста, «настоящего явления русской культуры». С присущим автору литературным мастерством охарактеризованы все этапы политической деятельности Маклакова по 1945 г. включительно. Наиболее выпукло, конечно, представлен эмигрантский период.

В определении особенностей политических взглядов Маклакова Будницкий идет по пути, намеченному в свое время М. М. Карповичем в статье «Два типа русского либерализма. Маклаков и Милоков». Здесь ранний Маклаков представлен как умеренный либерал «земской» формации, последовательно оппонировавший Милокову, который воплощает, в свою очередь, более радикальный либерализм «групп свободных профессий» (Карпович 1997: 389). Будницкий не сомневается в истинности подобного взгляда. Не исключено, что в данном случае могло быть уместным и сопоставление политических взглядов Маклакова с консервативным либерализмом позднего Б. Н. Чичерина.

Как утверждает автор, *idée fixe* Маклакова — политического мыслителя эмигрантской поры «было уяснить — для себя и для истории, как и почему с Россией случилось то, что случилось? Где и когда свернула она на путь, ведущий к катастрофе? И, разумеется, кто виноват в том, что произошло?» (с. 103). Считая революцию «абсолютным несчастьем» не только для России, но и для всех стран, Маклаков, по наблюдению автора, возлагал вину за российскую катастрофу, начавшуюся с Февраля, на левых либералов, т. е. на кадетскую партию. Они попытались осуществить «правильные идеалы неправильными методами», «взяли» к тому же неоправданно высокий «темп», не сумев осознать неготовность народа к либеральным преобразованиям. Бесспорной же оказалась правда бюрократов и консерваторов, которые лучше знали страну и лучше владели механизмами управления. «Либералы, — передает Будницкий мысль Маклакова, — раскачали лодку, будучи уверенными, что справятся с течением, — и не сумели удержать руль; выброшенными за борт оказались все» (с. 107). Временное правительство, пытавшееся «внедрять демократию» в народную жизнь, имело дело не со свободными людьми, а всего лишь с «взбунтовавшимися рабами». Автор отмечает и еще одну особенность политической позиции своего героя. Критикуя либералов, Маклаков предпочитал не ввязываться в полемику с революционерами. По словам М. В. Вишняка, он видел в них всего лишь «безумцев или преступников».

Идея революции оказалась неприемлемой для Маклакова не только в ее

осуществленном большевистском, но и в антибольшевистском варианте. «Он делал ставку на разложение, на эволюцию большевизма, — пишет Будницкий. — Казалось, что война послужит началом осознания коммунистической властью ее национальных задач; казалось, что режим изменится; казалось, что победоносная армия будет той силой, которая обуздает кремлевских властителей. <...> Очень быстро Маклаков понял, что ошибся» (с. 101–102).

«Нетипичный Маклаков» — таково название статьи в ее первоначальной редакции. Сейчас автор отказался от него в пользу «Парижского губернатора». Разумеется, он волен в своем решении, но вот что вызывает вопрос. Слово «губернатор», ставшее основой второго варианта названия, заимствовано у стойкого оппонента Маклакова — П. Н. Милюкова. Его зафиксировал в своей книге о Маклакове Г. В. Адамович (она вышла в Париже в 1959 г.). Эта лапидарная характеристика сдобрена очевидной иронией. Да и сам Будницкий оценивает замечание Милюкова как «забавное» (с. 100). Так стоило ли тогда повторять вслед за Милюковым аттестацию, нацеленную им на снижение образа своего противника? Впрочем, наш комментарий может восприниматься как исключительно субъективный, вкусовой.

Фигуре Маклакова суждено было стать центральной, сквозной в книге О. В. Будницкого. Это объясняется, прежде всего, значимостью его личности, статусом, который он получил после прекращения посольских обязанностей в Париже (глава Офиса по делам русских беженцев при Ми-

нистерстве иностранных дел Франции, председатель Эмигрантского комитета), высокой политической активностью и, наконец, богатством оставленного литературного наследства (прежде всего его эпистолярной части).

Маклаков совсем не эпизодически присутствует еще в двух разделах книги: «В поисках выхода» и «Русская эмиграция и Вторая мировая война». В первом случае публикуется его переписка с еще одним корифеем российской адвокатуры — О. О. Грузенбергом (она относится к 1933 г.). Во втором анализируется «новый курс» Маклакова в отношении Октябрьской революции и СССР, провозглашенный в июне 1944 г., и рассказывается о посещении его «группой» советского посольства в Париже 12 февраля 1945 г.

В эпистолярном диалоге Маклакова — Грузенберга, который предвзвращается, как всегда у Будницкого, содержательной вводкой, прозвучали мотивы перерождения большевизма и его изживания страной, скепсис в отношении к эмиграции. Весьма примечательны, конечно, вскрывшиеся здесь расхождения корреспондентов в оценках Февраля и Октября.

Если же говорить о большой статье «1945 год и русская эмиграция (Попытка примирения)», то здесь особенно важным представляется констатация факта радикальной переоценки Маклаковым значения Октябрьской революции. Теперь она знаменовала для него начало «мирового социального сдвига к более полному пониманию задач

и обязанностей государства в устройении жизни людей». Более того, по убеждению Маклакова, в России еще до войны начался процесс «изживания революции» и «возвращения к правовому порядку на новых началах». Он обнаруживал, по его же словам, «идейную пропасть между революционной программой 1918 года с ее призывами к истреблению классов и конституцией 1936 года, несмотря на ее недостатки» (с. 444–445).

Как и в случае с Маклаковым, автор начинает характеристику второго героя раздела «Дипломатия в изгнании» Бориса Александровича Бахметева с обозначения главной, на его взгляд, черты характера этой личности. Не раз указывается здесь на присущую ему «скрытность». Именно ею Будницкий объясняет нежелание Бахметева публиковать при жизни мемуары. Он ограничился всего лишь диктовкой воспоминаний в конце жизни, и распечатка их, насчитывающая более 600 страниц, стала, по признанию автора, «пожалуй, главным источником» для воссоздания биографии Бахметева. Хотя и в роли мемуариста, как полагает исследователь, он «предпочел многое опустить».

В личности и биографии Бахметева автор обнаруживает немало такого, что заметно отличает его от парижского коллеги по дипломатическому поприщу. Это — политическая левизна, обернувшаяся вхождением в ЦК РСДРП от меньшевиков, но все-таки преодоленная за несколько лет до революции. Это — и профессиональный фундамент героя: будучи по образованию инженером-гидротехни-

ком, он поднялся до профессорства в Санкт-Петербургском политехническом институте, а впоследствии читал лекции по гидравлике уже в Колумбийском университете. Бахметеву, кроме того, сопутствовала удачливость в бизнесе, начатом в США уже в 1922 г. по окончании дипломатической карьеры. Наконец, перед нами — один из основателей Архива русской и восточноевропейской культуры при Батлеровской библиотеке Колумбийского университета, который носит сегодня имя Бахметева. И при всем том он успел заявить о себе как «крупный политический мыслитель», что отчетливо прочитывается в его письмах В. А. Маклакову.

Будницкий подмечает немало число особенностей в работе Бахметева как посла в США в сравнении с тем, чем пришлось заниматься в Париже Маклакову. Главная же его задача заключалась в оказании дипломатической и материальной поддержки Белому движению. Будницкий собрал немало доказательств того, что, вопреки распространенному мнению, Бахметев не был его противником и только после поражения Деникина утратил веру в возможность низвержения большевизма посредством «военных движений». Первостепенной для Бахметева стала другая проблема — предотвратить признание Америкой большевистского правительства. И только после того, как в 1933 г. это все-таки произошло, он, «по его уверениям», совершенно прекратил свою политическую деятельность, а в 1934 г. принял американское гражданство. К этому времени относится затухание диалога между Бахметевым и Маклаковым.

Но именно в их переписке, которая как дружеская началась в 1919 г., наиболее полно открываются результаты работы политической мысли Бахметева и, разумеется, его парижского корреспондента.

В анализе переписки Будницкий не мог, понятно, концентрироваться только на фигуре Бахметева. Рядом с ним, оппонируя и соглашаясь, неизменно присутствовал его конфидендент Маклаков. Обратимся же к тем фактам, которые автор книги открыл для себя, работая с этим «уникальным», по его определению, историко-литературным памятником и неопубликованными пока воспоминаниями русского посла в Вашингтоне.

В отличие от Маклакова, Бахметев принял Февральскую революцию, веря в новую, демократическую Россию. А причина краха Временного правительства крылась, как он полагал (правда, уже в конце жизни), в отказе новой власти от заключения мира. Главная причина неудачи антибольшевистских движений виделась Бахметеву в отсутствии внятной идеологии. Он попытался ответить на этот вызов, сформулировав уже в начале 1920-х гг. основные положения новой доктрины для России. Не обошлось в данном случае и без участия Маклакова. Вот как ее представляет О. В. Будницкий: «Собственность, народоправство, демократизм, децентрализация и патриотизм — вот идеи, “около которых уже выкристаллизовывается мировоззрение будущей национальной России”, — считал русский посол в Вашингтоне. Основой экономической жизни, полагал он, будет “частная инициатива, энергия и капитал.

К покровительству им, к охране их приспособится весь правовой и государственный аппарат; в помощи частной инициативе будет заключаться главная функция правительства”» (с. 171).

Как выясняется, окружавшая Бахметева американская действительность повлияла на его представление о будущей, бесспорно буржуазной России. Он желал для нее американского варианта капитализма, заметно отличающегося, на его взгляд, от варианта европейского (по Марксу). В основе первого лежала идея равных возможностей, тогда как европейский капитализм покоился на идее эксплуатации.

Бахметев находил черты сходства между Россией и Америкой, мечтал о будущем сотрудничестве двух стран, которое должно стать «господствующим фактором будущих международных отношений». В основе же российско-американского союза должна была находиться «демократическая державность». «Американизм» Бахметева, по наблюдению автора, вовсе не отменял его патриотизма и национализма в государственном смысле. Во взглядах Бахметева Будницкий обнаруживает «под пленкой западничества» не вызывающее сомнений славянофильство.

Разумеется, Бахметева и Маклакова не отпустил вопрос о возможности внутренней эволюции большевизма и способности эмиграции как-то влиять на этот процесс. Нэп вселил некоторую надежду. Бахметев не боялся «Колупаевых и Разуваевых», а также их правительства, которому

суждено было стать «началом прочного благосостояния и процветания». Но последовавшее свертывание нэпа не оставило надежд на то, что крестьянство как господствующий экономический класс (опять же по Марксу) сможет одержать победу над большевиками. Но даже если бы она и состоялась, ничего, кроме «перспективы анархии и гибели немногочисленных культурных элементов страны», она бы с собой не принесла. Окончательное же торжество Сталина и большевиков как еще одна альтернатива означало бы установление их бессрочной диктатуры.

Позволим себе здесь небольшое отступление от собственно бахметевской темы. Следя вместе с автором за движением мысли двух русских интеллектуалов, начинаешь осознавать еще одно значение понятия «другая Россия», которым открывается книга. За ним стоит не только констатация существования русской эмиграции. Это одновременно — указание на образ будущей, свободной от владычества большевиков Родины, живший в сознании властителей дум той части русского общества, которая оказалась за рубежом. Ведь не случайно Будницкий, адресуясь к сегодняшнему читателю, с полным на то основанием говорит в завершение очерка, что размышления Бахметева об исторических судьбах России и возможных путях ее преобразования «звучат по-прежнему свежо и современно» (с. 185).

С полным основанием можно говорить о большой творческой победе автора в создании парного портрета «Маклаков — Бахметев». Несколько озадачивает только пробел, наличие

существующий во второй его части. Здесь, к сожалению, не сказано ни слова о восприятии Бахметевым событий Второй мировой войны. А почему?

Нельзя не адресовать автору и еще один вопрос. Среди героев последнего раздела «Очерки и портреты» есть две персоны, которые с полным основанием могли бы претендовать на место в «дипломатической» компании. Но им в этом почему-то отказано, хотя мы имеем дело с дипломатами достаточно высокого ранга. Это — Е. В. Саблин и Н. А. Базили. Первый с 1919 г. руководил российским посольством в Лондоне в качестве поверенного в делах, второй исполнял должность советника посольства в Париже при В. А. Маклакове. Так по какой причине материалам о них не нашлось места в разделе «Дипломатия в изгнании»? Сыграла ли здесь свою роль несопоставимость, как могло показаться автору, масштабов этих фигур с такими «звездами», как Маклаков и Бахметев? Или же свою роль сыграли скромные форматы материалов о Саблине и Базили (9 и 6 страниц соответственно при том, что Маклаков и Бахметев удостоились 69 и 68 страниц)? Остается только строить догадки.

Вместе с людьми в эмиграции оказались и немалые деньги. История их перемещения за границу уже давно интересует О. В. Будницкого, и читатель сразу же после знакомства с двумя деятелями от дипломатии погружается в тему «русских денег за рубежом» (воспроизводим название второго раздела). Для того, кто уже сумел прочитать его монографию о «колчаковском золоте» 2008 г., настоящим открытием станет статья

«Генералы и деньги (“Врангелевское серебро”)). Она была опубликована в 2004 г. в альманахе «Диаспора: Новые материалы», не рассчитанном на широкий круг читателей. Задача автора заключалась здесь в раскрытии судьбы Петроградской ссудной казны, оказавшейся в 1922–1924 гг. в руках врангелевского правительства. Решить такую задачу можно было, только кропотливо изучая материалы фонда Врангеля, находящегося в Гуверовском архиве Стэнфордского университета.

Безусловно, ценны по своей фактуре две другие статьи раздела. В них развенчана эмигрантская легенда о «царском наследстве» за рубежом и рассказано о судьбе той части «колчаковского золота», которая была вывезена за пределы России.

Антибольшевизм как доминирующее настроение русской эмиграции 20–30-х гг. все-таки не стал основой ее идейного сплочения. Разногласия в решении важнейших политических вопросов давала знать о себе на всем протяжении этого периода. И она хорошо слышится в письмах к легендарному революционеру и историку революционного движения, разоблачителю провокаторов в его рядах, наконец, издателю журнала «Былое» и газеты «Общее дело» В.Л. Бурцеву. Их публикацией открывается следующий раздел — «В поисках выхода». Здесь всего семь писем (включая одно бурцевское). Вряд ли нуждается в особом представлении пятерка корреспондентов Бурцева: А.И. Деникин, П.Н. Врангель, Л.Н. Андреев, И.А. Бунин, Е.Д. Кускова. И, конечно, трудно уйти от соблазна передачи сказанного здесь этими известней-

шими людьми о народе, революции, большевиках, судьбе постбольшевистской России. Но оставим возможность знакомства с этими открытиями читателям книги — лучше все-таки погружаться в содержание опубликованных писем напрямую, без посредников.

Буквально из ряда вон выходящей выглядит в этом разделе фигура С.А. Соколова (литературный псевдоним «Сергей Кречетов»), создателя фантомной террористической организации «Братство Русской Правды» и ее литературного органа — журнала «Русская Правда» (1923–1933 гг.). Он удостоился отдельной статьи. Гремучая смесь пропаганды антисемитизма и терроризма как наиболее эффективного средства борьбы с большевиками, которую преподносил Соколов как публицист, мистификация читателей «клюквой» относительно «успехов» террористов-«братчиков» в России имела, как выясняется, немалый успех у определенной части эмигрантов. Будницкий объясняет его «мифологизмом мышления определенной части русской эмиграции» (с. 319). Впрочем, экстремизм «Брата №1», как показывает он, совмещался с выставлением таких «общерусских лозунгов», которые могли вполне удовлетворить и либерально-демократически настроенную часть эмиграции (с. 296).

Как неожиданное (и даже недостаточно корректное) может восприниматься наблюдение о сходстве «моделей» «Народной воли» и литературно-политического проекта Соколова. Но не будем забывать, что оно принадлежит исследователю,

глубоко погружавшемуся в тему истории терроризма в России (*Будничский* 2000).

Вслед за статьей о Соколове-Кречетове идет публикация переписки В. А. Маклакова и О. О. Грузенберга, относящейся (всего лишь за одним исключением) к 1933 г. Ею завершается раздел «В поисках выхода». К уже сказанному об их диалоге выше необходимо добавить следующее. Грузенбергу был абсолютно чужд тот критицизм в отношении русского народа и его истории, которым были пронизаны откровения его русского собеседника. Этот факт отмечает и Будничский (с. 352).

Еще одной катастрофой после Октября стала для эмиграции Вторая мировая война. К ее кануну и времени самого события относится содержание следующего, самого большого раздела книги. Герои первой публикации здесь — известные юристы Б. Л. Гершун и А. А. Гольденвейзер. Их переписка 1938–1940 гг., безусловно, интересна тем, как ее участники реагируют на происходящее в Германии, на начало войны, на то, как выстраивается внешнеполитический курс сталинского СССР. Конечно, здесь не могли не найти отражения настроения еврейской части эмиграции в этот период и начавшийся исход ее в США. Гершун, между прочим, весьма скептически отзывался об избыточном, неестественном, с его точки зрения, русофильстве Грузенберга.

Очередь дошла теперь до важного эпизода истории эмигрантской журналистики. В конце апреля 1942 г. вышел первый номер нью-йоркско-

го «Нового журнала», пришедшего на смену парижским «Современным запискам». Это событие стало результатом напряженной подготовительной работы, проделанной одним из ведущих прозаиков русского зарубежья М. А. Алдановым и историком М. М. Карповичем. Они-то и выведены на авансцену Будничким — благо сохранилась переписка двух основателей, проливающая свет на трудности, с которыми им пришлось столкнуться.

Выше уже говорилось о статье «1945 год и русская эмиграция (Попытка примирения)». Здесь же надо добавить к сказанному, что 25 мая 1945 г., т. е. через три с половиной месяца после «примирительного» посещения Маклаковым с группой авторитетных соотечественников советского посольства, появилась его статья «Советская власть и эмиграция». Как отмечает Будничский, автор статьи решительно заявлял здесь о своем нежелании идти на примирение с большевистским государством, ибо так и не увидел в нем защитника «интересов и прав человека» (с. 467–468).

В завершение «военного» раздела публикуются письма Н. Н. Берберовой, М. А. Алданова и М. В. Вишняка 1945–1947 гг., а также два письма Берберовой и письмо Вишняка, относящиеся к осени 1965 г. Они проливают свет на проблему политической ориентации русской эмиграции в период немецкой оккупации Франции. Центральной фигурой оказывается Нина Николаевна Берберова, прилагавшая немало усилий к тому, чтобы вернуть прежнюю репутацию в глазах эмигрантского сообщества.

А она была поколеблена подозрениями в симпатиях к нацистам и даже в сотрудничестве с ними.

Персонажи, не вписавшиеся в проблемные рубрики, собраны в заключительном разделе «Очерки и портреты». Населенность его, в сравнении с предшествующими, более плотна, но объемы текстов — заметно скромнее. Однако и здесь находится место для осуществления публикаторской миссии автора. Мы не будем представлять каждого из действующих лиц финала книги. Ограничимся указанием на некоторые его особенности.

В ряду фигурантов, подрывая привычную для историографии темы монополию политиков и деятелей культуры, появляются, наконец, представители «весьма тонкого слоя предпринимателей». Это Н.Е. Пармонов и его династия. Буквально вслед за ними шествует выдающийся русский историк, «наследник Ключевского» А.А. Кизеветтер. Соседство, конечно, неожиданное и весьма контрастное. Но такова воля автора. Зазвучали, наконец, в полную силу голоса женщин русской эмиграции (сестра Ю. Мартова Л. О. Дан с ее совсем не ортодоксальными характеристиками личности Ленина; «первая леди лондонской эмиграции», как ее представляет Будницкий, А.В. Тыркова; и, наконец, внучка американского президента У. Гранта Ю. Кантакузен-Сперанская, жизнь которой стала «захватывающей историей»).

Попробуем теперь суммировать наши впечатления от новой книги О.В. Будницкого. Они, самокритично признаемся, представляют собой

не рецензию в обычном понимании этого жанра. Получились, скорее всего, «заметки на полях», которые делались читателем, небезразличным к ходу изучения темы и заинтересованным в успехе состоявшегося издания как в кругу специалистов, так и у публики, «не отвыкшей читать книжки». А наши немногочисленные вопросы автору работают исключительно на укрепление его заслуженного научного авторитета.

Книга Будницкого представляет собой, несомненно, значительное явление современной историографии истории русской эмиграции. Было бы большим заблуждением воспринимать ее всего лишь как «повторение пройденного», теперь уже в большом формате. Непосредственное соседство рассеянных до того материалов обладает здесь несомненным эффектом новизны. И он будет, конечно, прочувствован и оценен во всех читательских эшелонах.

Сборник еще раз продемонстрировал возможность органической связи между авторским нарративом и автономным существованием источника (прежде всего эпистолярного). Прежде всего именно через личную переписку Будницкий прорывается к человеку русского зарубежья. Огромная работа по разысканию эпистолярных материалов и их подготовке к публикации не может не вызвать восхищения и благодарности (чего только стоит расшифровка почерка в письмах Маклакова!).

Демонстрируя мастерское владение академическим письмом, Будницкий в то же время на «ты» с приемами популяризации. Не отказывает он

себе и в репликах публицистического свойства. Они всегда ненавязчивы и лаконичны. Нельзя не обратить внимания на переключку авторских отступлений 90-х гг. и нынешнего дня на тему непреходящей актуальности эмигрантских помыслов о «новой, неведомой» России. Она, как считает Будницкий, «и сейчас только маячит на горизонте».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Будницкий 2000 — *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX-начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.

Карпович 1997 — *Карпович М.М.* Два типа либерализма. Маклаков и Милуков // *Опыт русского либерализма. Антология.* М.: Канон, 1997. С. 387–404.

Пушкарёва 1996 — *Пушкарёва Н.Л.* Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // *Отечественная история.* 1996. № 1. С. 53–69.

Раев 1994 — *Раев М.* Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939. Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.

Сабенникова 2009 — *Сабенникова И.В.* География общественной мысли Русского зарубежья // *Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия.* М.: РОССПЭН, 2009. С. 9–72.

Семочкина 2014 — *Семочкина Е.И.* Волны российской эмиграции как историографическая проблема современного отечественного эмигрантоведения // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки».* 2014. № 1 (1). С. 77–83.

REFERENCES

Budnickij O.V. Terrorizm v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.). Moscow: ROSSPEHN, 2000. 399 p.

Karpovich M. M. Dva tipa liberalizma. Maklakov i Milyukov. *Opyt russkogo liberalizma.* Antologiya. Moscow: Kanon, 1997. P. 387–404.

Pushkareva N. L. Vozniknovenie i formirovanie rossijskoj diaspory za rubezhom. *Otechestvennaya istoriya,* 1996, no. 1. P. 53–69.

Raev M. *Rossiya za rubezhom: istoriya kul'tury russkoj ehмиграции. 1919–1939.* Per. s angl. Moscow: Progress-Akademiya, 1994. 296 p.

Sabennikova I. V. Geografiya obshchestvennoj mysli Russkogo zarubezh'ya. *Obshchestvennaya mysl' russkogo zarubezh'ya: Ehn-ciklopediya.* Moscow: ROSSPEHN, 2009. P. 9–72.

Syomochkina E. I. Volny rossijskoj ehмиграции как историографическая проблема современного otechestvennogo ehмигратоведения. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»,* 2014, no. 1 (1). P. 77–83.

В.Э. Молодяков

«ИЗУЧЕНИЕ БИОГРАФИИ БРЮСОВА НЕ ВХОДИТ В НАШУ ЗАДАЧУ...»

Рец.: *Карпачева Т.С.* «Мой недопетый гимн весне»: жизнь и творчество Надежды Львово-вой / Надежда Львова. Письма В.Я. Брюсову (1911–1913). Старая сказка. Стихотворения. М.: Водолей, 2021. 508 с.

В статье анализируется монография Т.С. Карпачевой о жизни и творчестве поэтессы Надежды Львово-вой (1891–1913) и о ее личных и литературных отношениях с Валерием Брюсовым, которые закончились ее самоубийством. Рецензент отмечает ценность впервые публикуемых в книге материалов, прежде всего писем Льво-вой к Брюсову и применение междисциплинарного подхода к анализу ее личности. В то же время рецензент как историк и биограф Брюсова критикует автора за предвзятое отношение к Брюсову, использование сомнительных источников и недоказанность ряда выдвинутых тезисов.

Ключевые слова: Валерий Брюсов, Надежда Львова, мемуары, поэзия, мировоззрение, самоубийство, моральная ответственность, юридическая вина.

Сведения об авторе: Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор университета Такусёку (Токио, Япония).

Контактная информация: dottore68@mail.ru.

V. E. Molodiakov

“THE STUDY OF BRYUSOV'S BIOGRAPHY IS NOT A PART OF OUR TASK...”

Rev.: *Karpacheva T.S.* «Moi nedopetyi gimn vesne»: jizn' i tvorchestvo Nadezhdy Lvovoi. Nadezhda Lvova. Pis'ma V.Ya. Bryusovu (1911–1913). Staraya skazka. Stihotvoreniya. Moscow: Vodoley, 2021. 508 p.

The article analyzes T. S. Karpacheva's monograph on the life and work of the poet Nadezhda Lvova (1891–1913) and her personal and literary relations with Valery Bryusov, which ended with her suicide. The reviewer notes the value of the materials published in this book for the first time, especially Lvova's letters to Bryusov, and the use of an interdisciplinary approach while analyzing her personality. At the same time, the reviewer as a historian and Bryusov's biographer criticizes the author for her biased attitude towards Bryusov, the use of dubious sources and the lack of proof for some theses put forward.

Key words: Valery Bryusov, Nadezhda Lvova, memoirs, poetry, worldview, suicide, moral responsibility, legal guilt.

About the author: Molodiakov Vassili E., LL.D. in Political Science, PhD in History, Professor, Takushoku University (Tokyo, Japan).

Contact information: dottore68@mail.ru.

Трагический любовный роман между Валерием Брюсовым и поэтессой Надеждой Григорьевной Львовой (1891–1913), закончившийся ее самоубийством 24 ноября 1913 г., давно привлекал внимание исследователей, но лишь как эпизод биографии знаменитого поэта. В рецензируемой книге внимание сосредоточено на личности и творчестве Львовой, и такой подход, нацеленный на заполнение лакун, заслуживает одобрения.

Около тридцати лет назад пишущий эти строки с молодым задором решил написать книгу об этой истории, ранее известной исключительно по мемуарам. Замысел разбился о невозможность получить письма Львовой к Брюсову (ответные не сохранились, кроме одной открытки), которые сохранившая их И. М. Брюсова передала в составе архива мужа в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Когда я заказал письма, меня пригласил в свой кабинет заведующий сектором Отдела рукописей В. И. Лосев (ныне покойный) и стал

расспрашивать о причинах интереса к ним со стороны студента (к студентам в «главной библиотеке страны» тогда относились недоброжелательно, но Отдел рукописей являл собой счастливое исключение), к тому же востоковеда. После того, как я рассказал о своих интересах и планах, связанных с Брюсовым, Лосев показал мне папку с письмами Львовой, лежавшую на его столе, и сказал, что их «никому не выдают» и «еще долго не будут выдавать» (позже я узнал, что это не так), что «публиковать их нельзя», но когда-нибудь они будут напечатаны и «оправдают» Брюсова (цитирую по памяти, но ручаюсь за точность передачи услышанного). Теперь эти сто двенадцать писем с приложенными к ним стихами опубликованы в книге Т. С. Карпачевой (*Карпачева 2021: 297–385*) и являются ее наиболее ценной частью. Подлинное открытие!

Достоинством книги являются републикация единственного сборника Львовой «Старая сказка» (1913) по второму, посмертному изданию (1914), дополненному по сравнению с первым (Там же: 387–502), и публикация неизданных стихотворе-

ний по автографам. Ознакомившись с ними, читатель может составить представление о творчестве «поэтки» (ее собственное слово) и оценить высказывания о нем других лиц.

Перейдем к главному — к исследованию Карпачевой. В нем два ключевых тезиса. Первый: «Литературоведческий анализ ее лирики позволяет убедиться в том, что Надежда Львова — поэт со своим уникальным голосом и дарованием, и даже то немногое, что ею оставлено, безусловно имеет культурно-историческое значение» (Там же: 507 (аннотация); вариант: 275–276). Второй: Брюсов виноват в самоубийстве Львовой, причем «говоря здесь о категории, мы имеем в виду понятие юридическое, а не только вину нравственную», т. е. совершил уголовно наказуемое преступление (Там же: 8).

Тезисы не новые. Приведенные автором отзывы современников о поэзии Львовой содержат немало похвал, но в основном посмертных. Ее друг Вадим Шершеневич полагал: «Если бы при жизни Львовой была написана хоть сотая часть похвал, которые прозвучали после смерти, может, оборвавшаяся любовь была бы заменена работой» (цит. по: Там же: 246–247). Оценка стихов и поэтического таланта — дело тонкое. Критерии размыты, их часто заменяет личный вкус, вплоть до «нравится / не нравится». Карпачевой нравятся стихи Львовой. Она хвалит их и осуждает Брюсова за вмешательство в ее творчество, но литературоведческий анализ сводится к «разговору о вкусе коньяка». Впрочем «коньяк», т. е. стихи — рядом, под той же обложкой. Каждый может попробовать сам.

О вине Брюсова в самоубийстве Львовой открыто говорили после ее смерти (Борис Садовской, Софья Парнок) и после смерти Брюсова (Владислав Ходасевич). Высказывания перечисленных авторов, а также Зинаиды Гиппиус относятся к числу ключевых литературных (неархивных) источников книги Карпачевой. Люди известные, посвященные во многие подробности истории, но все как на подбор недоброжелатели, если не прямые ненавистники Брюсова — «хейтеры», выражаясь на современном волапоке, милом сердцу автора книги. Из цитируемых ей свидетелей постфактум доброжелательно или нейтрально писали о Брюсове только Шершеневич и Илья Эренбург. «Одержимый» Гиппиус, «Брюсов» Ходасевича и «Герой труда» Марины Цветаевой (писавшей в основном о себе) — краеугольные камни «черной легенды» о Брюсове, подхваченной празднопишущими и дожившей до наших дней, несмотря на доказательства фактической недоверности и прямой лжи Гиппиус и Ходасевича (причины этого — отдельная тема (Успенский 2014: гл. 1; Молодяков 2020: 214–216; 2022)). Пользоваться этими текстами как источниками в исследовании нельзя. Нельзя обойти стороной и факт их существования, а также поэмы Садовского «Наденька», по жанру представляющей собой пасквиль. К ней следует добавить яростные антибрюсовские выпады, в том числе в связи с гибелью Львовой, в книге статей Садовского «Озимь» (1915), где Карпачева могла бы почерпнуть немало ярких цитат. Повествование, основанное только на таких «источниках», в наши дни смотрится, мягко

говоря, необедительно, как очерки Юрия и Анны Безелянских или Тани Танк (автора книги «В постели с абьюзером»): Карпачева приводит их как «глас народа» (кавычки автора), в котором «слышится прямой укор Брюсову, а порой и безапелляционное обвинение его в гибели поэтессы» (Карпачева 2021: 10). Работа самой Карпачевой основана на солидной архивной базе, хотя фразы вроде: «Наиболее проникновенно история любви и смерти Львовой изложена В. Ф. Ходасевичем в книге воспоминаний “Некрополь”»¹ (Там же: 8), — не лучшим образом характеризуют автора как ученого.

Скажу сразу: книгу Карпачевой отличает не просто предвзятое, но откровенно недоброжелательное, враждебное отношение к Брюсову как человеку и поэту, с личности которого «исследование жизни и смерти поэтессы помогает <...> снять “лоск”» (Там же: 275). Цель заявлена прямо и откровенно! Сурова Карпачева и к брюсоведам (включая пишущего эти строки), которые, по ее утверждению, «из благоговения перед памятью “мэтра” всячески стараются обелить его, поэтому упражняются в “виктимблейминге” — обвинении жертвы, зачастую наделяя Львову вовсе не свойственными ей качествами, а то и медицинскими диагнозами» (Там же: 238). Исключение она сделала для М. В. Орловой как автора, демонстрирующего «иной — добрый и человеческий — взгляд на ее (Львовой. — В. М.) личность» (Там же: 238).

Начнем с интерпретации Карпачевой творчества обоих поэтов, уверенной и бескомпромиссной. «Брюсов считал своим прямым долгом перед литературой запечатлеть и зарифмовать каждое свое переживание, вплоть до мельчайших интимных подробностей. Это была его литературная позиция — он был убежден, что читателю все это интересно» (Там же: 262). «Львова, с ее “скрытностью” и внутренней культурой, гораздо более тонко (чем Брюсов. — В. М.) чувствует художественное слово» (Там же: 262). Эти утверждения основаны исключительно на читательских пристрастиях говорящего. Характеристика стихотворения Брюсова «Запах любимого тела...» как «неприличного, даже на сегодняшний день, для цитирования» (Там же: 263) тоже является личным оценочным суждением, вводящим читателя в заблуждение. Это, скажем прямо, не являющееся шедевром вкуса произведение стало причиной цензурного запрета сборника «Семь цветов радуги» (1915): страницу с ним пришлось вырезать и заменить на другой текст. Читатель может найти его (Брюсов 1998: 33) (Карпачева ссылается на примечания к нему в указанном издании, но не на сам текст) и самостоятельно вынести вердикт. Добавлю, что в автографе, по которому стихотворение напечатано, оно датировано «декабрь 1912», а не «1913», как у Карпачевой (Карпачева 2021: 263).

«Черты соборного сознания — “страдание обо всех”, отмеченное кри-

¹ Высчитывая срок «с момента событий до написания “Некрополя”» (Карпачева 2021: 204), автор ориентируется на отдельное издание 1939 г. Напомню, что очерк «Брюсов» написан в конце 1924 г., сразу после смерти героя, и опубликован в 1925 г.

тикой в лирике поэтессы, неизъяснимая тоска по здешнему миру и в то же время жизнеутверждающий “гимн весне”, то есть красоте и гармонии Божьего мира — все это в высшей степени характерно для ее поэзии и русской поэзии вообще. Лирика Львовой органично вписывается в аксиологию русской литературы, в отличие от творчества ее “литературного гуру”, которое вступает в резкое противоречие с ней» (Там же: 275). Поверим автору, читающему студентам курс «Евангельский текст русской литературы», на слово?

«Можно с уверенностью утверждать, что дарование Львовой вполне могло развиваться и без Брюсова» (Там же: 111). С такой же уверенностью можно утверждать, что без Брюсова Львова не смогла бы столь быстро и успешно войти в литературные круги и печататься в престижных изданиях, дебютировав сразу в «Русской мысли», особенно в условиях «пучины стиховной» начала 1910-х гг., когда все редакции были завалены рукописями начинающих стихотворцев. Карпачева как будто игнорирует это, но Львова уже в первом обращении к Брюсову весной 1911 г. писала: «Я не хочу обивать пороги редакций — мне кажется, это не имеет смысла» (Там же: 299). Поэтому тот факт, что Львова «стала известной в литературных кругах, выпустила книгу, писала литературно-критические статьи» (Там же: 239), говорит не только о ее таланте (определять место Львовой в русской поэзии

по ранжире я не берусь), но и о значении помощи Брюсова, благодаря которой все осуществилось в столь короткий срок.

Ни один из пишущих об отношениях Брюсова и Львовой не может пройти мимо его экспериментальной книги-мистификации «Стихи Нелли» (1913), до сих пор, к сожалению, не переизданной. Подлинное авторство анонимного издания было «секретом Полишинеля». Посвященные в него или догадывавшиеся о нем критики сравнивали «Стихи Нелли» со стихами Львовой и других поэтесс. Попытки сблизить с Львовой мнимого автора и лирическую героиню книги восходят к известному утверждению Ходасевича, что «этим именем Брюсов звал Надю без посторонних». Это, очевидно, очередная сплетня, до которых Ходасевич был охотник², ибо откуда еще он мог это знать. Исследование «Стихов Нелли» и их незавершенного продолжения «Новые стихи Нелли», предпринятое А. В. Лавровым, показало, что литературный замысел не был детерминирован отношениями Брюсова с Львовой, хотя посвящение ей «Стихов Нелли» вовлекало реальную поэтессу в игру с придуманной. В жизни именем «Нелли» называла себя другая брюсовская возлюбленная тех лет — Елена Сырейщикова (Львова знала об их отношениях), черты которой отразились в маске «Нелли» (Лавров 1987; 2007: 154–198).

Утверждение Карпачевой: «“Навязывание” Львовой образа “Нелли”,

² Немногие обратили внимание на то, что Ходасевич — прототип сплетника Владислава Феликсовича Грабовецкого / Грабовского, персонажа неоконченного «романа из современной жизни», над которым Брюсов работал в 1914–1917 гг. (Брюсов 1976: 114–164).

не соответствующего ее мировоззрению и идеалам, и привело к внутреннему конфликту, который в том числе стал причиной трагедии» (*Карпачева* 2021: 200), — бездоказательно. Во-первых, нет оснований говорить о «навязывании», даже в кавычках, этого образа Львовой. Во-вторых, нельзя отождествлять личность и взгляды Брюсова с личностью и взглядами «Нелли» как автора «Стихов Нелли». Эта маска является для Брюсова не лирической, а ролевой героиней. Карпачева, похоже, не понимает, что такое литературная игра и ролевой герой, отличающийся от лирического героя. Напомню, что понятие о ролевом герое было разработано Б. О. Корманом (*Корман* 1964; 1978), а для анализа поэзии рассматриваемого нами периода успешно применено В. А. Дроздовым (*Дроздов* 2014).

Говоря о коллективной работе над переводом книги стихотворений Жюль Лафорга «Феерический собор», Карпачева заявляет: «Брюсов, надо полагать, сам не переводил, а лишь “руководил процессом”, переводили Шершеневич и Львова» (*Карпачева* 2021: 179). На чем основано это утверждение, не подкрепленное никакими ссылками на источники? В книге четко указано, кто из троих какие произведения перевел. В профессиональных вопросах Брюсов был щепетилен, и в присвоении чужого литературного труда его, насколько мне известно, до сих пор не обвиняли.

Указывая на разночтения между текстами «Посмертных стихотворений»

во втором издании «Старой сказки» и рукописями Львовой, Карпачева допускает, что их мог изменить Брюсов (Там же: 110–111) — «с учетом их взаимоотношений и вообще отношения Брюсова к стихам молодых поэтов, доверившихся ему как “мэтру”» (Там же: 79). Опираясь на известный факт переделки Брюсовым чужих стихов для сборников «Русские символисты» в 1894–1895 гг., Карпачева, ничтоже сумняшеся, распространяет эту «практику нарушения авторских прав» (Там же: 111) на всю его литературную деятельность, хотя в подтверждение приводит лишь переработку стихов его возлюбленных Е. А. Сырейшиковой³ и А. Адалис (со слов Цветаевой) (Там же: 105), что делалось явно с их согласия. При жизни Львовой Брюсов исправлял ее стихи в том числе для печати — это факт, но его недостаточно для утверждения о том, что он «воспринимал Львову как свой “литературный проект”» (Там же: 111). Использование в качестве аргумента выражений вроде «а кроме него некому» (Там же: 107), «если не Брюсов, то кто?» (Там же: 109) (напоминает популярный мем наших дней), «больше просто некому» (Там же: 111) вызывает в памяти бессмертное «потому что как же иначе?». Была ли это правка к лучшему или к худшему, я, в отличие от Карпачевой, судить не берусь за недостатком объективных критериев (соответствие/несоответствие «духу» русской литературы» (Там же: 200) таковым не считаю). Предположение автора о возможной правке Брюсовым стихов Львовой после

³ Ссылка автора на (*Брюсов* 1998: 23) в связи с переделанным Брюсовым стихотворением Сырейшиковой (*Карпачева* 2021: 105) неверна: исправленный текст напечатан (*Брюсов* 1998: 205), первоначальный вариант (*Брюсов* 1998: 309).

ее смерти подводит нас к более важному вопросу, который в книге даже не поставлен: кто готовил второе издание «Старой сказки», отбирал для него посмертные стихи и определял их порядок, написал предисловие? Ясно, что не Брюсов, но кто? Вот тема для будущего исследования.

Перейдем к истории личных отношений Брюсова и Львовой, которая в книге Карпачевой изложена по многим, в первую очередь архивным, источникам. Помимо публикации писем Львовой автор заслуживает признательности за пространные цитаты из переписки Брюсова с Анной Шестеркиной — важной героиней романа. В письмах Брюсова к ней, частично уже опубликованных (Лавров 1993; 2007: 199–208; Орлова 2017), есть ценнейшие признания, которые я использовал во втором издании его биографии и вернусь к ним при подготовке переиздания. При этом вне поля зрения автора почему-то осталась другая важная героиня — Иоанна Брюсова, знавшая о «романе» мужа и резко не одобрявшая его. Публикуемые источники — украшение книги. Однако собственные высказывания Карпачевой зачастую не просто безапелляционны и бездоказательны, но и отличаются тоном, неподходящим научному исследованию, которое претендует на строгость как в следовании фактам, так и в формулировках.

«Надя бросается с головой то в омут революции, то в омут Брюсова: второй оказался губительнее» (Карпачева 2021: 43).

«На этот раз “мэтр” решил “не упустить добычу” и пошел в атаку» (Там

же: 65). Как следует из текста, речь идет о приглашениях на литературные собрания.

«Приемами обольщения и удержания женщин он владел еще задолго до встречи с Львовой» (Там же: 72). «Брюсов владел приемами обольщения барышень вполне» (Там же: 91).

«Для опытного ловеласа Брюсова уже все очевидно и вопрос обольщения “барышни”, видно, давно решен» (Там же: 76).

«Брюсов же продолжает ухаживания: в январе 1912 г. Львова довольно сдержанно благодарит его за цветы. Заметим, что цветы были присланы посреди зимы, что в начале XX в. было весьма затратно и проблематично. Вероятно, хоть благодарность была выражена односложно и сдержанно, эти цветы уже “подтопили” сердце молодой поэтессы» (Там же: 82).

«В конце 1911 — начале 1912 гг. Брюсов активно ухаживал, и Львова никак не могла принять решение — сделаться ли его любовницей или отказать знаменитому ловеласу» (Там же: 83–84). В таких выражениях Карпачева описала выбор, перед которым стояла «воспитанная в традиционных ценностях» (Там же: 91) барышня. И как традиционные ценности совмещались с участием в революционном подполье?

Здесь необходимы уточнения. Судя по письмам Львовой (напомню, брюсовские до нас не дошли), до лета 1912 г. их отношения оставались в пределах дружеского литературного знакомства. Показания Брюсова: «К весне 1912 г. я заметил, что

увлекаюсь серьезно и что чувства Н. ко мне также серьезнее, чем я ожидал. Тогда я постарался прервать наши отношения. Я перестал бывать у Н., хотя она усердно звала меня. Мы стали встречаться очень редко. За все лето виделись два раза» (цит. по: *Лавров* 2007: 208). Летом 1912 г. Львова настойчиво просила Брюсова приехать к ней в Подольск (*Карпачева* 2021: 324–328), где он уже побывал в марте — возможно, для «объяснений». Брюсов не приехал, отговариваясь нездоровьем и «делами», причем, опять же судя по ее письмам, избегал встреч с Львова и в Москве. Первым дошедшим до нас «объяснением»: «Я Вас совсем просто и совсем по-детски любила. <...> И что Вы сделали с моей любовью? <...> И все-таки я Вас люблю», — стало ее послание от 9 сентября 1912 г. (Там же: 328–330). Начиная с него содержание и тональность писем Львова резко меняются — что послужило триггером? Они становятся экзальтированными, с явными проявлениями невротических потребностей: «Все умерло. Все умерли. И я умираю. Мне совсем страшно» (Там же: 339); «Сегодня я чувствую себя обиженным ребенком. Мне хочется плакать» (Там же: 342) и т. д.

«Осень — зима 1912 г., судя по письмам Львова, — “пик” их романа. Львова поддалась соблазну, которому не поддаться было трудно» (Там же: 93). При этом «практически все осенне-зимние письма Львова 1912 г. говорят о сильном душевном волнении: девушке понятно, что она на свою беду связалась с Брюсовым» (Там же: 93). Однако ср. в письме от 12 сентября 1912 г.: «Разве, еще

давно, не сказала я Вам: если нужно, берите мою жизнь и делайте, что хотите!» (Там же: 330).

«Заполучив Львова в качестве своей любовницы и убедившись в ее привязанности к нему...» (Там же: 93).

«“Идеал” девушки на глазах рушится: “большой поэт” оказался стареющим развратником и морфинистом, оправдывающим свою беспорядочную жизнь призрачной философией “мига”» (Там же: 198). Тема наркомании Брюсова в письмах Львова не фигурирует, хотя она, вероятно, знала об этом.

«Брюсов выглядит сродни герою Достоевского Свидригайлову (Карпачевой написан ряд статей о романе «Преступление и наказание». — В. М.). <...> Соблазнив девушку, сделав своей любовницей, постоянно удерживая ее около себя обещаниями “когда-нибудь” все решить и прийти к ней “совсем”, он эмоционально выматывает ее, доводит до решения совершить суицид, предоставляет револьвер, тем самым “одобряя” ее намерение» (Там же: 227–228).

Произведение какого жанра мы читаем? Ошибки нет — «все мужики сво...», публицистика на темы «о том, что на сегодняшнем языке называется “абьюзом” (этого термина до середины 10-х гг. XXI в. не знали)» (Там же: 157). Недаром Петр Баргнев говорил: «Иностранные слова оттого, что писатель заимствует *мысль* у иностранных писателей; кто ясно сознал *свою* мысль, тот выскажет ее по-русски» (*Брюсов* 1927: 49; запись от 12 сентября 1898).

Заявив, что «изучение биографии Брюсова не входит в нашу задачу» (Карпачева 2021: 97), Карпачева с обычной уверенностью высказывается о ее различных сторонах, не связанных с Львовой. Однако историю жизни Брюсова она знает поверхностно и остается в плену чужих суждений, уже опровергнутых или существенно скорректированных.

«При всей его деятельной натуре, духовно он (Брюсов. — В.М.) абсолютно пуст, абсолютно “мертв”. Именно нравственно Брюсовым был мертв давно, поэтому он и несет смерть окружающим его (незадолго до истории с Львовой он, как известно, отправил умирать за границу большую и зависимую от наркотиков Нину Петровскую, которая так и не оправится после расставания с ним и тоже, как и Львова, покончит с собой)» (Там же: 133–134). Относительно первой части утверждения следует спросить у автора, какой профессиональной квалификацией она обладает для вынесения диагноза «нравственно мертв». Во второй части (текст в скобках) все поставлено с ног на голову: источник — мемуары Ходасевича. Самоубийство Петровской в 1928 г., через четыре года после смерти Брюсова, никак с ним не связано. В воспоминаниях, полностью опубликованных лишь в 1990 г., она постаралась написать о Брюсове с максимальной объективностью и даже доброжелательностью, за что заслужила упрек со стороны считавшегося ее другом Ходасевича (Молодяков 2020: 236).

В одном месте Карпачева походя пишет о «безрелигиозности» Брюсова (Карпачева 2021: 85), в другом

утверждает, что, «по всей видимости, Брюсов был категорически настроен против колоколов и вообще небес, даже “забытых”» (Там же: 106), в третьем называет его «ярким богоборцем» (Там же: 251). Так, без аргументов и с чужих слов (такая интерпретация (Абрамович 2001) не получила поддержки), заболтан сложный и деликатный вопрос о религиозных и мистических взглядах Брюсова, о его отношении к религиям, включая христианство. Эти взгляды менялись с течением жизни и по-разному отразились в его произведениях (некоторые стихотворения Брюсова включались в антологии «душеполезного чтения»), что давало пищу и для серьезных дискуссий, и для досужих толкований. Принимая сказанное выше за аксиому или установленный факт, Карпачева заявляет, что Брюсов «собственной “цензурой” “не пропускает в печать” стихи (Львовой. — В.М.) православной тематики» (Карпачева 2021: 110; с вариантами повторено: Там же: 251). С учетом сказанного выше об «аксиологии русской литературы» это явная попытка отрицательно охарактеризовать Брюсова с точки зрения «духовных скреп».

«Брюсов, как известно, многократно заигрыва[л] с дьяволом при помощи сеансов магии и спиритизма» (Там же: 155). Утверждение, мягко говоря, некорректное, с учетом материалов на тему «Брюсов и спиритизм», опубликованных Н. А. Богомоловым (Богомолов 1999: 279–310) и С. М. Шаргородским (Брюсов 2020; Шаргородский 2011 [перепечатана: Брюсов 2020]) (в списке литературы Карпачева указала только последнюю работу). «Дьяволопоклонничество

Брюсова нашло отражение и в его творчестве» (Карпачева 2021: 155), — заявляет автор. Даже игнорируя понятие «ролевой герой», следует вспомнить знаменитое стихотворение Саши Черного «Критику» («Когда поэт, описывая даму...»). В стихотворении Брюсова «Записка самоубийцы», по мнению Карпачевой, «недвусмысленно прослеживается положительное отношение к суициду» (Там же: 188), хотя очевидно, что и здесь мы имеем дело с ролевым героем.

С творчеством Брюсова она также знакома поверхностно, относится к нему предвзято и оценивает с чужих слов. «Не нужно быть профессиональным литературоведом, чтобы заметить нивелирование в мировоззрении и творчестве Брюсова общечеловеческих ценностей: сострадания, сочувствия, веры, наконец, самой жизни» (Там же: 188–189). Из сочинений брюсовских «хейтеров» хотя бы только первой половины 1910-х гг. — Юлия Айхенвальда, Виктора Буренина, Анатолия Бурнакина, Николая Лернера и того же Садовского — можно составить куда более «благоуханный» букет. Вместо подобных пассажей следовало бы обратить внимание на связанный с гибелью Львовой поэтический диалог Брюсова и Вячеслава Иванова «Лира и Ось» (сюжет разобран в (Молодяков 1994; 2020: 323–325)), на неоконченный роман «Юпитер поверженный» и повесть «Рея Сильвия», в женских образах которых можно усмотреть воспоминания о Львовой (сюжет требует изучения). Добавим, что не идентифицированный Карпачевой сонет Брюсова о «хирурге», который упоминает Львова в письме от 29 декабря 1911 г. (Карпаче-

ва 2021: 310), — это «Так повелел всесильный Демидург...» (23 декабря 1911), впервые опубликованный в 1935 г. и включенный в собрание его сочинений (Брюсов 1974: 310).

«Правовой анализ самоубийства Львовой, которое автор квалифицирует как «криминальный суицид», а ее саму как «жертву преступления», и заявление о вине Брюсова как «понятии юридическом» — смысловой центр книги. Привлечение для этого методологии, данных и понятийного аппарата специальной научной дисциплины суицидологии можно только приветствовать как расширение поля исследования. Пространно цитируя отечественные работы по суицидологии, автор, в частности, критикует высказывания о Львовой пишущего эти строки, отметив, что тот «не имеет специального медицинского образования» (Карпачева 2021: 238). «Конечно, брюсоведы имеют право не знать о “прорыве” в суицидологии, но в любом случае ставить диагноз — не дело гуманитария» (Там же: 240). Согласен и учту некоторые замечания в новом издании биографии Брюсова. Но какова профессиональная квалификация в данной области самой Карпачевой? Как известно из открытых источников, она, помимо занятий русской литературой, является аспирантом кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия и опубликовала статьи о тоталитарных сектах, т.е., несмотря на начитанность в научной литературе по суицидологии, тоже «не имеет специального медицинского образования».

Парфразируя вопросы, которые суд на процессе по обвинению Льво-

вой в революционной деятельности (публикация материалов о ней — тоже достоинство книги) задал при- сяжным, спросим себя и постараемся ответить непредвзято:

Доказано ли автором, что «Брюсов не просто не мешает самоубийству Львовой — он способствует его совершению» (Там же: 194)? Первое («не мешает»): скорее да. Второе («способствует»): нет, при полном отсутствии мотива. Ведь сам автор- обвинитель утверждает: «Львова была нужна Брюсову» (Там же: 194).

Доказано ли автором, что Брюсов, «предоставив ей револьвер, мог и должен был предвидеть, что она расценит это как одобрение своего суицидального намерения» (Там же: 194)? Нет, хотя факт предоставления им револьвера Львовой по ее просьбе бесспорен.

Доказано ли автором, что решение Львовой о самоубийстве «было спровоцировано Брюсовым» и «без Брюсова не было бы реализовано» (Там же: 239)? Первое и второе: нет.

Доказано ли автором «склонение Брюсовым поэтессы к суициду» (Там же: 275)? Нет, при полном отсутствии мотива. Утверждение Ходасевича: «Брюсов систематически приучал ее к мысли о смерти, о самоубийстве», — намеренная ложь (*Молодяков* 2020: 320).

Доказано ли автором, что у Львовой «реакция психалгии (острой душевной боли) была вызвана, во многом даже намеренно, также Брюсовым» (*Карпачева* 2021: 275)? Первое: да (что, впрочем, вину Брюсова

не доказывает). Второе («намеренность»): нет.

Настойчивое повторение тезиса о виновности Брюсова в самоубийстве Львовой доказательством не является. Как гласит восточная пословица, «сколько ни говори “халва”, во рту слаще не станет».

Почему обвинение, построенное на вроде бы солидной доказательной базе, оказалось несостоятельным и, во всяком случае, неубедительным? Во-первых, из-за заявленного автором предвзятого отношения к Брюсову. Его личность сведена до «стареющего развратника» (к моменту самоубийства Львовой ему не исполнилось и 40 лет), взгляды и творчество — до «системы антиценностей» (Там же: 237), деятельность — до «обольщения» Львовой (и Сырейщиковой), как будто ничем иным он не занимался. Во-вторых, из-за опоры на показания предвзятых к Брюсову людей, не говоря о лжесвидетеле Ходасевиче, который был бы дискредитирован в ходе судебного слушания. Карпачева не знает или не придает значения тому, что в окружении Львовой — говорим лишь о литературных знакомых — было немало людей, враждебных Брюсову. Искавшие его содействия в литературных делах и почтительные к нему в печати Садовской и Ходасевич в переписке наперебой сплетничали и злословили о «мэтре». Борис Лавренев (Сергеев) в 1912 г. написал о нем хамское стихотворение, которое пустил по рукам (опубликовано по автографу из моего собрания (*Молодяков* 2020: 436)). В-третьих, из-за трактовки любых свидетельств в пользу Львовой,

поскольку автор не только обвиняет Брюсова, но и защищает ее.

Главный козырь обвинения-защиты — данные суцидологии, которыми Карпачева побивает брюсоведов, о ней не слыхавших (что верно). Эту полезную часть ее работы по крайней мере один брюсовед без специального медицинского образования принимает на вооружение — учиться никогда не поздно. «Чаще всего суициды и суицидальные действия совершаются психически здоровыми лицами в состоянии социально-психологической дезадаптации личности в условиях микросоциального конфликта» (Карпачева 2021: 241). Будем считать Львову психически здоровой, без «диагноза», но с высокой степенью психологической дезадаптации. Будем считать, что повторение темы самоубийства осенью 1913 г.: «В письмах Львова с завидным постоянством продолжает вновь и вновь возвращаться к нереализованному суицидальному замыслу» (Там же: 193), — это не «мания суицида» (отказываюсь от такого определения, но не от признания наличия у Львовой суицидальных наклонностей), но «сигналы бедствия» (Там же: 194). Добавим к этому загадочную фразу из письма Шестеркиной к Брюсову про то, что после смерти Львовой в ее бумагах нашлись некие записи о том, что «над ней, над ее душой производят какие-то эксперименты» (Там же: 93). Что за «эксперименты»? Кто их производил? Видимо, не Брюсов, иначе Карпачева поставила бы это ему в вину. Впрочем, Львова в письме от 9 сентября 1912 г. заявила Брюсову, что тот «экспериментировал» с ее любовью, «рассчитывая каждый шаг» (Там же:

329). Оставим сюжет дальнейшим исследователям.

Теперь о социальной дезадаптации. Львова понимала, что успешным вхождением в литературный мир и большинством, если не всеми литературными заработками обязана исключительно Брюсову. Это могло тяготить ее (говорим предположительно). Недоброжелатели Брюсова и любители позлословить на его счет в ее окружении могли подогревать эти настроения (опять предположительно). Трагическим фоном эпохи и частью ее социальной атмосферы была «эпидемия самоубийств» (выражение Г.И. Чулкова), особенно среди молодежи, что признает и Карпачева (Там же: 222–224). Но главным фактором социальной дезадаптации Львовой я считаю опыт пребывания в революционном подполье, ареста, следствия и суда, травматический эффект которого Карпачева игнорирует. Дело не в идеологии, от которой Львова отошла. «Надя любила Блока, но жила она книгами Чернышевского, Ленина, Плеханова, явками, “провалами”, суровым климатом революционного подполья», — утверждал ее бывший товарищ Эренбург (цит. по: Там же: 273). «Это, конечно, совсем не так, — обрывает мемуариста Карпачева, которой, очевидно, доподлинно известно, что было “так”. — Никакими “явками” и “провалами” после окончания истории с гимназической подпольной организацией Львова уже давно не жила. С 1911 г., с тех пор, как она написала Брюсову о том, что поэтическое творчество “представляется” ей “наиболее ценным”, и до своей гибели, она жила и “горела”, кроме своей разрушительной любви, только

литературой» (Там же: 273). Однако окончательное судебное слушание по делу Львовой состоялось только 30 сентября 1911 г., когда ее оправдали.

С опытом революционного подполья связаны еще два обстоятельства, о которых, однако, можно говорить лишь гипотетически. Первое. Мы ничего не знаем о нелитературном окружении Львовой во время ее отношений с Брюсовым, в том числе о связях с бывшими товарищами, кроме А. Ф. Родина, оставившего воспоминания о ней. Имею в виду связи не политические (говорить о таких нет оснований) и не любовные, но дружеские или могущие иметь отношение к судебным перипетиям, которые продолжались до конца сентября 1911 г., так что «суровый климат революционного подполья» долго не отпускал ее. Чем она была постоянно «очень занята» в Москве (об этом она часто писала Брюсову), имея лишь один частный урок? Кто, из какой среды был ее «жених», которого она называла «Рубек»? Кто, из какой среды была «подруга», которая, по словам Брюсова, «приносила ей, по ее просьбе, цианистый кали[й], который [он] также видел» (цит. по: *Лавров* 2007: 207)? Второе. В подполье Львова могла познакомиться с огнестрельным оружием. Не у бывших ли товарищей достала она другой револьвер, который показывала Брюсову (Там же: 207)?

Значит ли все сказанное, что Брюсов ни в чем не виноват? Разумеется, нет. Он сам признал свою вину в письмах к брату Львовой и к Шестеркиной, в разговорах с Мережковским и Гиппиус вскоре после трагедии.

«Был ли Брюсов так виноват, как это ощущал? Нет, конечно! Но он был *пронзен* своей виной, смертью этой девушки...» (*Гиппиус* 1991: 270) — вспоминала Гиппиус, кажется, единственный раз найдя для него подобие доброго слова. Брюсов виноват в адюльтере (в котором по счету?), в том, что не объяснил Львовой, что никогда не оставит свою жену насовсем, и при этом не порывал отношения, в том, что не был достаточно внимателен к ней и, видимо, не отвечал на письма («Больше молчать ты не смеешь, не имеешь права» (*Карпачева* 2021: 370)), в том, что не воспринял всерьез «сигналы бедствия» осенью 1913 г. («Я знаю, что где-то в последней глубине в мою смерть ты не веришь» (Там же: 372)), в том, что не принял меры для предотвращения самоубийства и исполнил ее просьбу о возвращении револьвера.

Последнее — единственный материальный факт его вины, о чем ему прямо и жестко написал брат покойной. «Человек, решившийся на самоубийство, всегда найдет для этого средства», — ответил ему Брюсов (цит. по: *Лавров* 2007: 207). Карпачева называет это «глубоко ошибочным суждением о суициде» и поясняет, что современная суицидология исходит из того, что «суицидент хочет жить даже больше, чем вы. Он просто не знает, как это делать» (этим должны руководствоваться консультанты «телефонов доверия» экстренной психологической помощи) (*Карпачева* 2021: 194). Не будем спорить с этим, но Брюсов думал так, как было принято думать в его время, и думал искренне. Судить его, исходя из современных представлений, — значит нарушать принцип

историзма. Доказательно установить вину Брюсова в сознательном доведении Львовой до самоубийства Карпачева не смогла. Предпринятая ей попытка перенести дело из морального в «правовое поле» едва ли убедила бы суд и присяжных, особенно при квалифицированной защите.

«Оправдывают» ли Брюсова письма Львовой? От наветов Ходасевича, Садовского и иже с ними — да. От моральной ответственности за трагический финал — нет. Из писем ясно, что Львова полюбила не просто с молодой горячностью, страстно и искренне (одними «приемами обольщения и удержания женщин» этого не объяснить), но максималистично: «для меня <есть?> только две возможности: или быть с Вами, или совсем не быть» (Там же: 335). Брюсов не предвидел, чувство какой силы он вызовет у Львовой (мог ли опыт отношений с Петровской сделать его более осмотрительным?). Он не был способен ответить на него с той же силой, даже будучи искренним в увлечении, ибо «ловелас» — слишком примитивное объяснение его поведения. Письма Львовой вызывают сочувствие, но в них, особенно в 1913 г., очевидно то, что психология называет психологическим/эмоциональным шантажом, т. е. попытки манипулировать любимым человеком. Брюсов, которого обвиняли в попытках манипулировать другими людьми, мог воспринимать письма Львовой именно в этом качестве и «закрыться» от их воздействия, поскольку при всей внешней сдержанности не был лишен эмоций. Если бы письма Брюсова дошли до нас, мы могли бы гораздо лучше понять и точнее оценить его поведение.

В рецензируемую книгу вложено много авторского труда, но отсутствие редактуры портит общее впечатление. Редактор убрал бы неловкое выражение «объявления о самоубийстве» (Там же: 214, 218) — речь идет о газетных сообщениях или заметках. Брат Львовой назвал Брюсова «человеком фразы (и только фразы)», конкретно имея в виду нарушенное обещание не возвращать ей отобранный револьвер, поэтому предложение Карпачевой «фразой считать в том числе и строки художественных произведений» (Там же: 230) здесь совершенно не к месту. Неуместны и вдобавок непонятны вне контекста слова Владимира Соловьева о стихотворении Брюсова «Золотистые феи...», вырванные из известной рецензии на «Русских символистов», которую автор почему-то цитирует по книге К. В. Мочульского (Там же: 231). Редактор убедил бы отказаться от фразы: «Человек рубежа веков уже считал дуэли пережитком прошлого» (Там же: 231), — напомнив о несостоявшихся дуэлях Брюсова и Белого, Сергея Кречетова и Белого в 1905 г., не говоря о состоявшейся дуэли Гумилева и Волошина. Неверно называть Брюсова «двое- и троеженцем» (Там же: 236), используя правовые понятия в бытовом значении. Знающий историю улыбнется над словами о том, что адвокат Б. А. Подгорный «был человеком умным и начитанным», потому что в речи памяти Ф. Н. Плевако «неоднократно цитирует Библию и опирается на художественные образы из лирики Пушкина и Некрасова» (Там же: 56), — тогдашние адвокаты отличались от нынешних. Отчество владельца издательства «Альциона», выпустившего «Старую сказку»,

А. М. Кожебаткина — Мелетьевич, так что Львова написала его правильно (Там же: 355). Непереведенная французская фраза из письма Львовой приведена с искажением (Там же: 344) и должна читаться: «Abandon paisible de la sœur»; дословно: «Тихая/кроткая непринужденность сестры». Это цитата из стихотворения П. Верлена «Усталость» (сборник «Сатурнические поэмы»); как раз в 1911 г. был опубликован его перевод, выполненный Брюсовым.

Подведем итог. Открыто предвзятое отношение к Брюсову (личностное и литературное), использование недостоверных источников, бездоказательные утверждения, пристрастие к личным оценочным суждениям сослужили автору дурную службу, вызывая недоверие к ее методам и ставя под сомнение не только тезисы и выводы, но даже доказательную базу. Написанная объективно, с лучшим знанием биографии и творчества Брюсова книга о его отношениях с Львовой и о ее творчестве стала бы ценным приращением научного знания. В нынешнем виде это тенденциозное публицистическое произведение, хотя и содержащее необходимые для дальнейшего исследования источники. Вместо того чтобы беспристрастно изучить историю отношений Брюсова и Львовой (упрек может быть адресован многим авторам, включая пишущего эти строки), Карпачева мстит Брюсову за Львову. «Я мстил за Пушкина под Перекопом».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Брюсов 1927 — *Брюсов В.* Дневники. 1891–1910. М., 1927.

Брюсов 1974 — *Брюсов В.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3. М., 1974.

Брюсов 1976 — Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976.

Брюсов 1998 — *Брюсов В.* Неизданное и несобранное. М., 1998.

Брюсов 2020 — *Брюсов В.* Спиритический дневник. Медииумизм и эзотерика / составление, подготовка текстов и комментарии С. Шаргорордского. Б.м., 2020 (электронная книга).

Гиппиус 1991 — Одержимый. О Брюсове // *Гиппиус З.* Стихотворения. Живые лица. М., 1991.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамович 2001 — *Абрамович С.Д.* Богоборчество как сквозной мотив творчества В.Я. Брюсова // Брюсовские чтения 1996 года. Ереван, 2001

Богомолов 1999 — *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999.

Дроздков 2014 — *Дроздков В.А.* Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014.

Карпачева 2021 — *Карпачева Т.С.* «Мой недопетый гимн весне»: жизнь и творчество Надежды Львовой // *Львова Н.* Письма В.Я. Брюсову (1911–1913). Старая сказка. Стихотворения. М., 2021.

Корман 1964 — *Корман Б.О.* Лирика Н.А. Некрасова. Воронеж, 1964.

Корман 1978 — *Корман Б.О.* Лирика Н.А. Некрасова. 2-е изд., перераб. и доп. Ижевск, 1978.

Лавров 1987 — *Лавров А.В.* «Новые стихи Нелли» — литературная мистификация Валерия Брюсова // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1985. М., 1987.

Лавров 1993 — *Лавров А.В.* Вокруг гибели Надежды Львовой. Материалы из архива

Валерия Брюсова // *De visu*. 1993. №2 (3). С. 5–11.

Лавров 2007 — Лавров А. В. Русские символы. Этюды и разыскания. М., 2007.

Молодяков 1994 — Молодяков В. Э. Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов: окончание диалога (1914–1924) // *Collegium* (Киев). 1994. №2–3. С. 85–100.

Молодяков 2020 — Молодяков В. Валерий Брюсов. Будь мрамором. М., 2020.

Молодяков 2022 — Молодяков В. Э. «От полуправды к неправде»: как сделан «Одержимый» Гиппиус (в печати).

Орлова 2017 — Орлова М. В. Еще раз вокруг гибели Надежды Львовой // Октябрь. 2017. №4. С. 171–179.

Успенский 2014 — Успенский П. Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917). Tartu, 2014.

Шаргородский 2011 — Шаргородский С. М. Тайны Офиэля: три оккультных эпизода Серебряного века // *Toronto Slavic Quarterly*. 2011. №38. С. 59–109.

REFERENCES

Abramovich S. D. Bogoborchestvo kak skvoznoi motiv tvorchestva V. Ya. Bryusova. *Bryusovskie chteniya 1996 goda*. Erevan, 2001.

Bogomolov N. A. *Russkaya literatura nachala XX veka i okkultizm. Issledovaniya i materialy*. Moscow, 1999.

Drozdov V. A. *Dum spiro spero. O Vadime Shersheneviche, i ne tol'ko. Statyi, razyskaniya, publikatsii*. Moscow, 2014.

Karpacheva T. S. «*Moi nedopetyi gimn vesne*»: jizn' i tvorchestvo Nadezhdy Lvovoi. *Nadezhda Lvova. Pis'ma V. Ya. Bryusovu (1911–1913)*. *Staraya skazka. Stihotvoreniya*. Moscow, 2021.

Korman B. O. *Lirika N. A. Nekrasova*. 2-e izd., pererab. i dop. Izhevsk, 1978.

Korman B. O. *Lirika N. A. Nekrasova*. Voronezh, 1964.

Lavrov A. V. “Novye stikhi Nelli” — literaturnaya mistifikatsiya Valeriya Bryusova. *Pamyatniki kultury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'*. *Iskusstvo. Arheologiya. Ezhegodnik*. 1985. Moscow, 1987.

Lavrov A. V. *Russkie symbolisty. Etudy i razyskaniya*. Moscow, 2007.

Lavrov A. V. Vokrug gibely Nadezhdy Lvovoi. Materialy iz archiva Valeriya Bryusova. *De visu*, 1993, no. 2 (3), p. 5–11.

Molodiakov V. *Valeryi Bryusov. Bud' mramorom*. Moscow, 2020.

Molodiakov V. E. “Ot polupravdy k nepravde”: kak sdelan “Oderzhymyi” Gippius (forthcoming).

Molodiakov V. E. Valeryi Bryusov i Vyacheslav Ivanov: okonchanie dialoga (1914–1924). *Collegium* (Kiev), 1994, no. 2–3, p. 85–100.

Orlova M. V. Esche raz vokrug gibely Nadezhdy Lvovoi. *Oktyabr'*, 2017, no. 4, p. 171–179.

Shargorodskiy S. M. Tainy Ofielya: tri okkultnyh epizoda Serebryanogo veka. *Toronto Slavic Quarterly*, 2011, no. 38, p. 59–109.

Uspenskiy P. *Tvorchestvo V. F. Khodasevicha i russkaya literaturnaya traditsiya (1900-e gg. — 1917)*. Tartu, 2014.

Н. А. Заяц

Рец.: Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории: сб. материалов международной научной конференции / сост. В. И. Голдин, Г. С. Рогозин. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. 368 с.

В рецензии рассматривается сборник статей, посвященный истории интервенции и Гражданской войны на Севере России, дается характеристика наиболее ярким статьям, анализируются дискуссионные вопросы, поднимаемые в сборнике.

Ключевые слова: Гражданская война, Русский Север, интервенция, «военный коммунизм».

Сведения об авторе: Заяц Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания СОШ № 1430 г. Москвы.

Контактная информация: nikza91@yandex.ru.

N. A. Zayats

Rev.: Mezhdunarodnaia interventsii i Grazhdanskaia voina v Rossii i na Russkom Severe: kli-uchebye problemy, istoricheskaia pamiat' i uroki istorii: sb. materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sost. V. I. Goldin, G. S. Rogozin. Moscow: Piaty Rim (OOO "Bestseller"), 2020. 368 p.

This paper reviews a collected volume on the history of the Civil War and Allied intervention in the Russian North, describes the most outstanding articles, and analyzes the controversial issues raised in the reviewed volume.

Key words: Russian Civil War, Russian North, Allied intervention, “military communism”.

About the author: Zayats Nikolay A., Candidate of Historical Sciences, teacher of history and social studies, Moscow Secondary School No. 1430.

Contact information: nikza91@yandex.ru.

Рецензируемый сборник явился результатом научно-практической конференции, прошедшей 9–11 июня

2020 г. в Архангельске. Она была проведена при сотрудничестве властей Архангельской области, РВИО,

а также ряда исследователей. В первую очередь надо назвать выпускающего редактора сборника В.И. Голдина, одного из наиболее заметных исследователей и историографов этого периода, который курирует Ассоциацию исследователей гражданской войны в России, объединяющую в информационном плане исследователей этого направления. Несмотря на то, что в конференции приняли участие представители разных регионов России, а также Украины и Норвегии, наибольшее количество статей сборника дали специалисты по истории событий 1917–1920 гг. на Русском Севере. Этой тематике посвящены 14 из 32 статей. В других статьях затрагиваются малоизвестные события тех лет на Кавказе, Урале, Сибири, Северо-Западе, Юге России.

Статьи можно условно разделить на два типа. Первый — с упором на фактологию. Ряд статей рассматривает малоизученные темы этого периода, уточняя и реконструируя конкретные события. Так, в работе В.В. Михайлова предпринята попытка разобраться в сути «Шамхорского инцидента» — кровопролитной стычки русских солдат на Кавказе в феврале 1918 г. с азербайджанцами, которую нередко трактуют как акт геноцида с обеих сторон. Статья А.Е. Моисеева описывает самый первый этап деятельности Архангельской ЧК до прихода интервентов. В сборнике присутствуют также статьи о боевых действиях на отдельных фронтах, некоторыми авторами предпринято изучение на микроуровне региональных революционных процессов, при этом представлены интересные воспоминания

и свидетельства современников, которые показывают их отношение к происходящей революции. В книгу включен также ряд биографических исследований.

Некоторые работы носят скорее обобщающе-популяризаторский характер, представляя читателям развитие определенных явлений и событий этой войны. К ним относятся, например, краткое описание развития вооруженных сил РСФСР в первый период, очерк деятельности комсомола, очерк Н.Е. Быстровой о международной политике РСФСР, представляющий, по сути, выжимку из ее монографии (*Быстрова* 2016), и т.д. Некоторые такие работы ценны тем, что в них изучены на региональном материале общероссийские тенденции. Так, статья А.В. Саблина об уравнительном земельном переделе в северной деревне показывает, что в результате реализации земельной политики под натиском желаний крестьян на селе почти исчезла частная собственность — почти все земли стали принадлежать общинам и индивидуальным хозяйствам в их составе. Прирост земель при этом в среднем на хозяйство был минимален — 3,2%, поэтому увеличение дворов вело только к измельчению землепользования, замыкая его в рамках натурального производства. Сделанные на региональном материале автором выводы во многом соответствуют и ситуации в целом по стране.

Второй тип представленных в сборнике исследований — это попытка в формате статьи произвести теоретическое обобщение малоразработанных сюжетов, касающихся данного периода. Так, статья В.И. Голдина,

открывающая сборник, посвящена итогам изучения и современному состоянию проблем Гражданской войны. Кратко охарактеризовав состояние историографии и последние мероприятия в области изучения Гражданской войны, автор предлагает свои решения в целях проведения в жизнь политики коммеморации с целью примирения и консолидации исследователей «на основе адекватного восприятия исторической памяти». По мнению автора, «сами историки вряд ли смогут примирить людей, придерживающихся разных идейно-политических взглядов, но их задача заключается в том, чтобы объяснить произошедшую драму отечественной истории и предостеречь от ее повторения».

Стоит отметить статью В.В. Кондрашина, пытающегося разобраться в истоках экономической политики советской власти в годы войны. Позиция автора заключается в том, что политика «военного коммунизма» была порождена в основном объективными обстоятельствами военного времени и являлась жизненно необходимой в данных условиях, в то время как идеологический фактор был второстепенным. При том что в своей политике большевики вынужденно следовали прежней линии, исходившей из необходимости централизации и мобилизации, которая была ими унаследована еще со времен Первой мировой войны. Эта во многом плодотворная позиция перекликается с результатами исследований экономической политики в условиях военного времени — можно назвать, например, труды П. Холквиста (*Holquist 2002*). К сожалению, ни формат статьи, ни источниковая

база (в основном опубликованные документы советских властей с обращением также и к историографии вопроса), ни специализация исследователя (крестьяноведение) не позволили ему более подробно обосновать свою позицию. Между тем В.В. Кондрашин недооценил, на наш взгляд, немаловажную роль идеологического фактора на последнем этапе войны, когда большевистское правительство и особенно В.И. Ленин с крайне большой неохотой и с осторожностью переходили от военнo-коммунистических мер к нэпу, а сам вождь большевиков не раз объяснял характер «военного коммунизма» попыткой форсированного введения коммунистических отношений (*Сырых 2017: 229–240; Есиков 2010: 25–29*). Исследователям еще только предстоит подробно изучить, какую именно роль играли объективные и субъективные факторы в этом процессе и где проходит золотая середина между двумя этими сторонами.

Другим примером теоретического обоснования поставленной проблемы является совместная работа двух исследователей Гражданской войны на Юге России — М.Е. Разинькова и О.М. Морозовой — посвященная малоизученному вопросу союзничества и диалога в условиях революции. Она исходит из понимания М.Е. Разиньковым революции не только как вооруженного конфликта, но и как сотрудничества различных политических и социальных общностей (эта позиция нашла отражение и в других его работах (*Разиньков 2018: 116–148*)). Как в советской, так и в постсоветской историографии не всегда акцентируется должное внимание на то, что

революция начиналась с объединения всех слоев общества против монархии ради решения общенациональных задач. На первых порах этот потенциал сотрудничества разных социальных и политических сил был достаточно силен. Но даже после социально-политического раскола он не исчерпал своих возможностей: все противоборствующие стороны объединяли достаточно различные слои и вынуждены были, так или иначе, вырабатывать свою политику, считаясь с необходимостью укрепления единства, выстраивания отношений с союзниками, завоевания популярности у населения и т. д. В силу этого необходимо изучение революционных процессов на основании более широкой методологической базы.

При всей ценности и многообразии представленного в сборнике материала, высоком уровне аргументации авторов многих статей, политическая ангажированность не миновала отдельных работ. Особенно этим отличается статья М.И. Козлова, которая рассматривает войну на Севере «в контексте классового противоборства» и выдержана в ортодоксально-коммунистическом духе с понятными ввиду ангажированности автора издержками. А статья Т.А. Санакиной о крестьянстве Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в 1917–1919 гг., напротив, довольно неожиданно завершается резким антибольшевистским выпадом, хотя к этому нет никаких предпосылок — из представленного материала видно, что отношение населения к советской власти было достаточно лояльным даже в разгар Гражданской войны, а интервенция вызвала прилив добровольцев и доб-

росовестно проведенную мобилизацию в целях дать ей отпор. Много сомнительных утверждений высказывает С.В. Холяев, историк из Ярославля, оценивая большевиков и белых как своего рода «меньшинства» в Гражданской войне, посредством которых «широкое народное море выражало недовольство» (с. 298). Он явно (и очень сильно) преувеличивает степень колонизаторских устремлений Антанты в ходе революционных событий в России, спорно также его мнение, что эсеры могли бы составить широкую антибольшевистскую коалицию, если бы их не оттеснили белые. Поскольку история эсеровской партии хорошо изучена, достоверно известно, что она в 1918 г. пребывала в процессе деградации, так и не сумев воспользоваться кризисом советской власти. Попытки организации эсеровских правительств провалились практически повсеместно, и во всех случаях эсеры держались у власти лишь вооруженной силой офицеров и интервентов, в то время как даже широкие народные слои в целом эсеров как раз не поддержали.

Думается, что ввиду столь глубоких разногласий между исследователями надежды на окончательное примирение взглядов и консолидацию позиций историков, занимающихся изучением Гражданской войны (в соответствии с пожеланием, высказанным во вступительной статье В.И. Голдиным), еще долго будет оставаться благим пожеланием. Однако в той мере, в какой среди специалистов-историков все же формируется согласованное и единое мнение по ряду конкретных вопросов, его необходимо сде-

вать достоянием более широкого читателя. Сборник станет хорошим подспорьем для специалистов, преподавателей, студентов и просто интересующихся данной проблематикой благодаря сочетанию высокого уровня научного анализа в ряде статей, введения в научный оборот ценных источников и широкого охвата тематики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Быстрова 2016 — Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы / Ин-т российской истории РАН. М.: Ин-т российской истории РАН; центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с.

Есиков 2010 — Есиков С. Российская деревня в годы НЭПа: к вопросу о сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОСС-ПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. С. 25–29.

Разиньков 2018 — Разиньков М.Е. Политическое сотрудничество в революционном процессе 1917–1920 годов (по материалам Воронежской губернии) //

Historia Provinciae. Журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 4. С. 116–148.

Сырых 2017 — Сырых В.М. Неизвестный Ленин. Теория социалистического государства. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 229–240.

Holquist 2002 — Holquist P. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge (Mass.), 2002.

REFERENCES

Bystrova N.E. «*Russkij vopros*» v 1917 — nachale 1920 g.: *Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy*, In-t rossijskoj istorii RAN. Moscow, 2016.

Esikov S. *Rossijskaya derevnya v gody NE-Pa: k voprosu o stalinskoj kollektivizacii (po materialam Central'nogo Chernozemya)*. Moscow, 2010.

Holquist P. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge (Mass.), 2002.

Razin'kov M.E. Politicheskoe sotrudnichestvo v revolyucionnom processe 1917–1920 godov (po materialam Voronezhskoj gubernii). *Historia Provinciae*. 2018, vol. 2, no. 4.

Syryh V.M. *Neizvestnyj Lenin. Teoriya socialisticheskogo gosudarstva*. Moscow, 2017.

М. М. Минц

Рец.: *Измозик В. С.* Государственный политический контроль за населением советской России (1917–1928). СПб.: СПбГУТ, 2021. 278 с.

Рецензируемая монография посвящена механизмам политического контроля в Советской России и СССР в годы Гражданской войны и в период нэпа. Автор прослеживает эволюцию системы политического контроля, описывает порядок работы соответствующих органов, проводит источниковедческий анализ доступных архивных документов, а также показывает общую картину повседневной жизни и политических настроений в стране по документам политического контроля.

Ключевые слова: РСФСР, СССР, внутренняя политика, политическая система, политический контроль, политические настроения, повседневная жизнь, источники.

Сведения об авторе: Минц Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Контактная информация: <https://michael-mints.ru>.

М. М. Mints

Rev.: *Izmozik V. S.* Gosudarstvennyi politicheskii kontrol' za naseleniem sovetskoi Rossii (1917–1928) [State political control over the population of Soviet Russia]. St. Petersburg: SPbGUT, 2021. 278 p.

The book under review deals with the mechanisms of political control in the Soviet Russia and the Soviet Union in the years of the Civil War and in the period of the New Economic Policy. The author investigates the evolution of various governmental bodies involved in political control over the population (including party committees, secret police, political bodies at the Red Army etc.), provides a detailed evaluation of the documents of political control as primary sources and an overview of everyday life and of political mood in the country during the period under review based on those documents.

Key words: Soviet Russia, Soviet Union, internal policy, political system, political control, political mood, everyday life, primary sources.

About the author: Mints Mikhail (Michael) M., candidate of historical sciences (Ph. D. in history), senior researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION RAN, Moscow).

Contact information: <https://michael-mints.ru>.

Разветвленная система контроля над населением и его политическими настроениями характерна для любого тоталитарного режима. Не был исключением и Советский Союз, тем более что большевистское руководство изначально ставило перед собой цель вырастить и воспитать человека нового типа, а это по определению предполагало прямое вмешательство во все сферы деятельности граждан вплоть до частной жизни. После распада СССР и начала «архивной революции» документы советского политического контроля стали доступны для историков, по крайней мере частично. Важным шагом в их изучении была книга д-ра ист. наук Владлена Семеновича Измозика (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени профессора М. А. Бонч-Бруевича), первое издание которой вышло в свет еще в 1995 г. (*Измозик* 1995) и с тех пор успело стать библиографической редкостью. По настоянию коллег автор подготовил ее второе издание, основательно переработанное и дополненное с учетом многочисленных исследований и документальных публикаций, появившихся за последние четверть века. Цель своей работы он определяет как изучение «возникновения и существования политического контроля властей за населением России в первое десятилетие советского государства» (с. 11). Выбранные хронологические рамки (1917–1928 гг.) обусловлены тем, что в период нэпа большевистский режим еще не претендовал на столь

жесткое подчинение себе всех сторон жизни общества, как в годы сталинской диктатуры, т. е., по мнению автора, еще не являлся, строго говоря, тоталитарным. Кроме того, применительно к описываемому периоду еще можно говорить о возможных альтернативных сценариях развития страны, последние из которых были отвергнуты на рубеже 1920–1930-х гг. с началом сталинского «великого перелома» (с. 11).

Под «политическим контролем» в монографии имеется в виду «система регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций» (с. 11). Следует отметить, что в определении данного понятия автор допускает некоторую двусмысленность: предполагается, что политический контроль включает в себя в числе прочих элементов политический сыск и политические репрессии, однако буквально в следующем же предложении политический контроль рассматривается уже как альтернатива репрессиям, как стремление властей по крайней мере частично заменить прямое насилие теми или иными профилактическими мерами и выстроить обратную связь с обществом (с. 11). Отмечается также, что политический контроль позволяет властям не только отслеживать динамику общественных

настроений и выявлять среди граждан своих реальных или потенциальных политических противников, но и оказывать обратное воздействие на население, формируя «нужные режиму представления у различных социальных слоев» (с. 12). При таком определении понятие политического контроля перекрывается с агитацией и пропагандой, однако вопрос о разграничении этих явлений в книге не рассматривается. Сам В. С. Измо- зик в ходе своей работы стремился проанализировать прежде всего то, как в РСФСР/СССР реализовались основные функции политического контроля — наблюдение за настроениями граждан и борьба с оппозиционными группировками.

Монография основана на довольно обширной источниковой базе, включая документы девяти архивов (в основном ГАРФ, РГВА, РГАСПИ и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, в меньшей степени — еще трех региональных архивов, а также отдельные документы из архивов ФСБ). Помимо этого, автор анализирует также материалы периодической печати, сочинения Ленина и Сталина, многочисленные документы высших партийных и государственных органов, источники личного происхождения.

Структура книги выстроена в общем вполне логично, но, как ни странно это звучит, не вполне удачно оформлена. Первая часть содержит четыре главы, из которых в первой описывается работа царской охранки, а также военной цензуры во время Первой мировой войны. Следующие три главы посвящены политическому кон-

тролю в годы Гражданской войны (вторая глава — партийные органы, третья — политический контроль в вооруженных силах, четвертая — органы ВЧК). Вторая часть из трех глав охватывает период нэпа (пятая глава — контроль по линии партийных организаций и государственных учреждений, шестая — деятельность ОГПУ, седьмая — взаимодействие между ОГПУ и партийным руководством). Третья часть воссоздает картину настроений в обществе и повседневной жизни советских граждан на основе документов политического контроля. В отличие от первых двух частей она разбита не на главы, а на три нумерованных раздела, которые не отображаются в оглавлении, хотя по сути являются такими же главами, как и предыдущие семь.

Подводя в заключении к книге итоги своего исследования, автор приходит к выводу, что «в 1918–1928 гг. в советской России возникла мощная конспиративная система сбора внутривнутриполитической информации, постоянно вторгавшаяся в частную жизнь граждан и не имевшая никакой законной основы. Она имела своего предшественника в лице тайной политической полиции и органов перлюстрации дореволюционной России и использовала их опыт и кадры» (с. 253). Основными каналами сбора сведений являлись партийные организации и органы ВЧК — ОГПУ (в период Гражданской войны — также армейские структуры). В числе прочих методов активно применялись перлюстрация писем и вербовка информаторов — практики, унаследованные от дореволюционной эпохи. Важнейшим отличием этой системы от соответствующих служб, действующих

в демократических странах, являлся ее чрезвычайный характер: сбор информации был тщательно засекречен и не ограничивался никакими правовыми рамками. От царской охранки советский политический контроль отличался прежде всего своим размахом, поскольку большевистское руководство пыталось отслеживать настроения всех общественных групп, не только в городах, но и на селе, тогда как до революции охранные отделения интересовались настроениями лишь отдельных, довольно узких категорий населения. Отчасти такая смена масштаба объяснялась тем, что в условиях подавления свободы слова и независимой общественной активности политический контроль в Советской России и позже в СССР вынужден был выполнять функции, которые в правовом государстве осуществляют свободная пресса, социологические службы и институты гражданского общества.

Автор выделяет ряд важных особенностей советской системы политического контроля. Так, с окончанием Гражданской войны секретный сбор сведений о настроениях в обществе не только не был упразднен, но и стал еще более регулярным и всеобъемлющим — и это при том, что в годы войны «многие большевики, в том числе в верхних эшелонах власти, искренне верили в недолговечность существования ВЧК, обосновывая этим ее не конституционность» (с. 252). Более того, с течением времени ОГПУ, как и любая другая крупная бюрократическая структура, всё в большей степени действовала в соответствии со своими собственными корпоративными интересами — отсюда, в частности, стремление преувеличить уро-

вень угрозы правящему режиму, обосновывая тем самым необходимость существования самих «органов». Как замечает автор, «и хотя безусловным руководителем системы политического контроля и сыска выступал ЦК РКП(б) — ВКП(б), положение ОГПУ в этой системе превращало постепенно данное учреждение в “хвост, который вертит собакой”» (с. 253).

Поскольку партийное руководство стремилось контролировать практически все основные сферы жизни общества вплоть до поведения граждан в быту, сохранившиеся материалы политического контроля представляют собой ценнейший источник сведений о повседневной жизни и массовых настроениях в изучаемый период. Вместе с тем автор отмечает, что использовать такие материалы следует с большой осторожностью, поскольку сам характер советского политического контроля зачастую приводил к заметным искажениям собираемой информации. Если партийные структуры, как правило, стремились приукрасить ситуацию на местах, то органы ОГПУ в своих донесениях, напротив, делали акцент прежде всего на негативных явлениях. На оценках поступающих первичных данных сильно сказывались классовые предубеждения; кроме того, в системе политического контроля практически отсутствовала серьезная аналитическая работа, так что в итоговых сводках единичные факты нередко выдавались за тенденцию. При этом политические решения принимались с учетом поступающей информации, тогда как составители всевозможных сводок и обзоров, в свою очередь, подгоняли свои выводы под предполагаемые

представления вышестоящего руководства. Как следствие, большевистские лидеры всё в большей степени действовали в виртуальной реальности, которая могла сколь угодно сильно расходиться с объективным положением дел. Созданный ими режим тотальной секретности и подозрительности, таким образом, постепенно обернулся против них самих.

Наконец, даже с учетом всех этих обстоятельств, доступные на сегодня документы подтверждают, по мнению автора, что в 1920-е гг., невзирая на успехи нэпа, «коммунистическое руководство не имело безусловной поддержки большинства населения» (с. 252). Это порождало среди советских «вождей» постоянное чувство угрозы своей власти и стало одной из причин резкого ужесточения политического режима в последующий период.

Монография в целом вызывает безусловно благоприятное впечатление, автор проработал значительный объем документального материала, причем довольно подробно и внимательно. Крайне важно, что в тексте книги он не только излагает собранные при этом фактические сведения, но и дает источниковедческий анализ различных видов и категорий документов политического контроля, тщательно увязанный с историей соответствующих органов и служб на разных отрезках изучаемого периода. Эта информация будет существенным подспорьем для будущих исследователей при работе с источниками подобного рода. Наиболее ценными автор считает материалы, передающие прямую речь советских людей того времени, — например, выдержки

из перлюстрированных писем. Книга написана довольно взвешенным языком, в тексте содержатся многочисленные цитаты из использованных источников, что позволяет читателю лучше представить и прочувствовать атмосферу эпохи. Возможные замечания к работе носят скорее технический характер. Помимо отдельных моментов, упомянутых выше, стоит отметить довольно небрежную редактуру и корректуру: в тексте встречаются не только явные опечатки, но и несогласованные предложения.

Исследование В.С. Измозика, безусловно, не является исчерпывающим, но он и сам отмечает, что его работа «продолжает, но не закрывает огромную по своим историческим масштабам и крайне важную по своему научному значению тему», требующую дальнейшего изучения (с. 254). С момента выхода в свет первого издания монографии появилось уже немало научных работ, посвященных советской системе политического контроля, в том числе на материалах отдельных регионов и применительно к отдельным социальным группам; хочется надеяться, что эта работа будет продолжаться и дальше.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Измозик 1995 — *Измозик В.С.* Глаза и уши режима: (Государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 годах). СПб.: СПбУЭФ, 1995. 164 с.

REFERENCES

Izmozik V. S. Glaza i ushi rezhima: (Gosudarstvennyj politicheskij kontrol' za nasele-niem sovetskoy Rossii v 1918–1928 godakh). St. Petersburg: SPBUEHF, 1995. 164 p.

М. Мачь

Рец.: Armand Goșu — Rusia, o ecuație complicată (Арман Гошу. Россия — сложное уравнение). Iași: Editura Polirom, 2021, 435 p.

В 2021 г. в Румынии вышла книга интервью историка Армана Гошу «Россия — сложное уравнение». В книге прослеживается эволюция политической ситуации в четырех странах (России, Белоруссии, Украине и Молдавии) с учетом отношения Румынии к этим событиям. Это мир, где консерватизм власти сталкивается с массовыми движениями, вызванными сменой поколений и технологической модернизацией.

Ключевые слова: авторитарный выборный режим в России, протесты в Белоруссии, кризисный период российско-украинских отношений, падение олигархического режима в Молдавии.

Сведения об авторе: Мачь Михай, историк и философ, преподаватель университета города Орадя (Румыния).

Контактная информация: mihaimaci@yahoo.com.

М. Maci

Rev.: Armand Goșu — Rusia, o ecuație complicată. Iași: Editura Polirom, 2021, 435 p.

In 2021, a book of interviews by historian Armand Goșu “Russia — a complex equation” was published in Romania. The book traces the evolution of the political situation in four countries (Russia, Belarus, Ukraine and Moldova), taking into account the attitude of Romania to these events. This is a world where the conservatism of power clashes with mass movements caused by generational change and technological modernization.

Key words: authoritarian electoral regime in Russia, protests in Belarus, the crisis period of Russian-Ukrainian relations, the fall of the oligarchic regime in Moldova.

About the author: Maci Mihai, historian and philosopher, lecturer at the University of Oradea (Romania).

Contact information: mihaimaci@yahoo.com.

Перевод с румынского С. Е. Эрлиха.

Необходимость в подобной книге становится очевидной уже при чтении первого из составивших ее интервью.

Дискуссия между историком, аналитиком и публицистом Арманом Гошу и редактором интернет-издания

Contributors.ro журналистом Лучианом Попеску начинается с рассуждений о том, как румыны воспринимают Россию с исторической и институциональной точек зрения. Делается вывод, что в Румынии, несмотря на долгое соседство и наличие связующего моста в виде бессарабских румын, ничтожно мало знают о русском мире. Это не может не удивлять, учитывая, что наши отношения не ограничиваются географическим соседством, исторически наши страны неоднократно взаимодействовали: мы обязаны русским, прежде всего генералу П.Д. Киселеву, началом нашей модернизации, хотя объединение Дунайских княжеств смогло осуществиться, после того как влияние России, проигравшей Крымскую войну, ослабло; мы обрели независимость, воюя вместе с русскими против турок в 1877–1878 гг., после чего, вопреки конвенции от 4 (16) апреля 1877 г., согласно которой Россия обязалась соблюдать территориальную целостность Румынии, потеряли юг Бессарабии; мы сражались на одной стороне с Россией в ходе Первой мировой войны и против нее большую часть Второй мировой; в 1916 г. мы доверили русским золотой запас Национального банка, а после 1944 г. платили за нанесенный ущерб, всего за три века русская армия пересекала наши границы более 10 раз. Бессарабия с 1812 г. входила в состав Российской империи, в 1918–1940 гг. была частью Румынии, с 1940 г. находилась в составе СССР, с 1991 г. обрела независимость. Поэтому было бы естественным, если бы выходцы из Бессарабии образовали бы в Румынии корпус экспертов по русским вопросам для консультирования институтов (в первую очередь Министерство

иностраннных дел), ответственных за двусторонние отношения. Этого, увы, не произошло. В отличие от других стран, расположенных по соседству с Российской империей, с СССР и, теперь, с Российской Федерацией, в Румынии никогда не существовало признанных институтов экспертизы по русским вопросам. Да и исторические исследования русскоязычных стран у нас чрезвычайно редки. Главная причина этого удручающего обстоятельства объясняется тем, что наши политики, похоже, не особенно заинтересованы в консультациях экспертов по проблемам восточного пространства. Поэтому, исключая несколько случаев (1877, 1916, 1944), Румыния предпочитала взаимодействовать с великим соседом на востоке через посредников, прежде всего из стран нынешнего Европейского союза. С того момента, когда вестернизация сменила православие в качестве основы национальной идентичности, румыны обратились к Западу и утратили интерес к русскому миру.

Основная часть книги посвящена недавним событиям от парламентских выборов 2016 и президентских выборов 2018 до 2021 — года парламентских выборов. В своей книге Гошу все время возвращается к проблеме всех типов выборов, хотя персональный характер власти в России неминуемо ведет к тому, что в центре анализа оказываются президентские выборы. Румынский историк считает, что политическая система, созданная Владимиром Путиным, может быть определена как «авторитарный выборный режим». В его рамках каждый раунд выборов приобретает характер плебисцита о легитимности власти. В связи с этим ставится за-

дача получить от 60 до 80% голосов. Поддержка в 80%, которая скорее встречается на периферии — на Кавказе, а также, как увидим далее, в «союзном государстве Беларусь», может считаться зоной «авторитарного комфорта». Чтобы достичь необходимого уровня поддержки, московский «центр» предоставляет свободу маневра местным руководителям, побуждая их конкурировать в ходе «выполнения плана». Доказывая свою лояльность, они, по мнению Гошу, фальсифицируют результаты выборов в пределах 10–15% голосов. Тем не менее, в отличие от режима Лукашенко, который, несомненно, приобрел диктаторский характер, Путин продолжает опираться на итоги выборов, которые только «корректируются», но не фальсифицируются полностью.

Чрезвычайная персонализация власти в сочетании с ее несменяемостью в высшей степени осложняют картину российских выборов, которая немало озадачивает внешних наблюдателей. Прежде всего, начиная с 2000 г. любые выборы приобретают характер «пакта» между Путиным и российскими гражданами: в обмен на доверие политикам, со всеми их теневыми и серыми схемами, и с тягой к секретомании, так присущей выходцам из спецслужб, дорвавшимся до власти, граждане получают блага, разумеется различного размера, от роста экономики, который сочетается с (ре)централизацией власти. Под этим подразумевается своевременная выплата зарплат и пенсий, гарантия ряда более или менее качественных услуг населению и поддержание усилий по модернизации инфраструктуры страны. Выполнение

обязательств этого пакта стало возможным не столько благодаря установлению контроля над основными отраслями промышленности, которые были «отпущены на свободу» при Ельцине, сколько по причине роста цен на углеводороды в 2000-е гг. Экономическое восстановление России после катастрофического десятилетия, сопровождавшего коллапс коммунизма, и партнерство с Западом, прежде всего с США, в борьбе с терроризмом сделали Путина уважаемым деятелем международной политики. Война с Грузией (2008) и особенно аннексия Крыма (2014) и незатихающий конфликт на Донбассе, в сочетании с несменяемой властью российского президента и вручением основных рычагов политического и экономического контроля его бывшим коллегам из спецслужб, стали причинами того, что доверие населения начало утрачиваться. Ухудшение имиджа Путина также связано с падением в тот период цен на нефть и газ, в связи с развитием технологий добычи сланцевого газа в Америке. Если ко всему этому добавить еще и международные санкции, вводимые после 2014 г., становится очевидным, что у Москвы существуют большие сложности для выполнения условий «общественного договора» начала 2000-х.

По этой причине пропаганда, следуя в какой-то мере старой советской логике, придает все большее значение личности Путина. Уже с конца 1980-х и на всем протяжении 1990-х недостаточная поддержка СССР и потом России, которая согласилась на все условия, предложенные бывшим противником времен холодной войны, воспринималась как «предательство

Западом» бывшей коммунистической империи. Поскольку Путин профессионально сформировался в годы службы в КГБ СССР и в период его административной работы в Санкт-Петербурге сразу после развала СССР, он рассматривает это событие как «величайшую трагедию XX века», как момент слабости перед «врагом», который сохранил свои силы и способность действовать. Такое впечатление действительно могло возникнуть в связи с приемом бывших стран из «зоны безопасности» СССР, включая три бывшие советские прибалтийские республики, в Европейский союз и особенно в НАТО. Продвижение этих международных альянсов на восток является для Путина не выбором народов, желающих интегрироваться в институциональную архитектуру Запада, а геополитической игрой великих держав, стремящихся окружить Россию и оказать на нее давление. Это своеобразное возвращение к мышлению категориями «осажденной крепости» или «капиталистического окружения», которое присуще российскому президенту, везде видящему врагов и подрывные операции.

В связи с этим коллективное сознание мобилизуется в период выборов с помощью разнообразных пропагандистских средств, а в перерывах между ними — при помощи переписывания истории, которая приобретает «патриотический» характер сопротивления «вечной» агрессии западных держав. В связи с этим, отмечает Гошу, в конце 2017 г. в стране практически не отмечалось столетие Октябрьской революции, т. к. Путин, подобно другим авторитарным правителям, озабочен стабильностью

своей власти и поэтому страшится упоминания любых революций. Поэтому торжественные мероприятия были перенаправлены на память о Великой Отечественной войне, на парад на Красной площади 7 ноября 1941 г. С другой стороны, отчаянное сопротивление в годы той войны, спасшее, благодаря тотальной мобилизации населения вокруг вождя, коммунистическое государство, представляет архетипическую модель для современной российской власти, которую она актуализирует в периоды кризисов. В этом контексте Сталин, преступления которого публично разоблачались при Горбачеве и Ельцине, вновь прославляется как великий вождь, спасший народ в драматический момент истории. Единственное, что может спасти русских от «коварного» (нео)колонистского Запада — это «непоколебимое единство всего народа вокруг верховного руководителя». Именно поэтому любое сотрудничество с иностранцами в такие времена, особенно после аннексии Крыма, когда, по утверждениям пропаганды, Россия подверглась «наступлению» Запада, является наиболее опасным преступлением. Именно в этом Путин упрекает НПО, которые занимаются мониторингом различных сторон общественной жизни в России и получают финансирование с Запада. Это становится поводом для запрета многих из них. В период, который власть объявляет кризисным, любое сотрудничество с иностранцами становится, как в сталинские времена, преступлением.

Показательной фигурой, против которой была направлена политика «противодействия вмешательству

в наши внутренние дела», является Алексей Навальный, пришедший в политику извне, что может служить как преимуществом, так и недостатком. Это харизматик, который умеет работать с медиа и учитывать запросы публики в различных контекстах, поэтому он стал чрезвычайно влиятельной фигурой на публичной сцене России. Говоря о российских выборах, надо отметить, что на них доминирует пропрезидентская партия «Единая Россия», тем не менее, по соображениям «уважительного отношения» к демократии, в политической жизни присутствуют и другие партии, среди них коммунисты и «националисты» Жириновского. В первые годы президентства Путина в политике участвовало гораздо больше партий, представлявших различные силы, боровшиеся за власть в девяностые годы. Одна из них, Республиканская партия России — Партия народной свободы (РПР-ПАРНАС) Бориса Немцова носила отчетливо оппозиционный характер. Рассматривая любое соперничество как подрывное действие, Путин постепенно удалил из электоральной гонки, чаще путем «административных мер», влиятельные оппозиционные партии и их лидеров. Таким образом, в России существуют два типа оппозиции: терпимая властью «системная оппозиция», которой позволено участвовать в выборах и даже умеренно критиковать недостатки общественного устройства; и другая оппозиция, включая Навального, которая эффективно критикует режим президента Путина и поэтому может реально приобрести симпатии граждан, она не получает возможности участвовать в политической жизни и терпит нынешней властью ис-

ключительно из «педагогических соображений», чтобы все видели, какова участь «несогласных». Даже в этих обстоятельствах Алексей Навальный использует минимальную свободу, позволяемую режимом «управляемой демократии», побуждая соотечественников участвовать в «умном голосовании», под которым подразумевается голосование за любого кандидата, имеющего шансы победить представителя пропрезидентской «Единой России». В итоге «умное голосование» преподнесло некоторые электоральные сюрпризы. Поэтому борьба с Навальным, имя которого Путин суеверно никогда не произносит, приобрела для последнего личный и радикальный характер.

Покушение на убийство с помощью запрещенных международным правом токсических веществ, а также многочисленные, но при этом несогласованные объяснения этого факта российскими властями достаточно ясно продемонстрировали современное состояние этого личного конфликта. Только своевременное приземление самолета при появлении признаков отравления и дальнейшее лечение в Германии спасли жизнь Навальному. Кроме драматизма этого события изумляют еще два эпизода, случившиеся после частичного восстановления популярного блогера. Прежде всего, его телефонный разговор с одним из сотрудников спецслужб, который участвовал в отравлении. «Человек-невидимка», не подозревая, с кем беседует, откровенно рассказал о попытке убийства и причинах ее «неудачи». Это новое после «пятен» радиоактивного полония, оставленных во многих европейских городах отравителями

бывшего офицера КГБ Литвиненко, свидетельство профессиональной деградации российских секретных служб, стремящихся запугать оппонентов. Еще больше удивляет решение Навального вернуться, вопреки всем рискам, в Россию. Самолет, на котором он летел, был перенаправлен в другой аэропорт, не в тот, где его ждали сторонники. Навальный был арестован прямо в аэропорту и приговорен к содержанию под стражей прямо в отделении полиции. Он был обвинен в том, что, находясь в состоянии комы в немецкой клинике, не явился вовремя для очередной регистрации, которая обязательна для всех условно осужденных. Для оправдания этого маскарада правосудия Григорий Явлинский, во многих отношениях разумный и интересный политик, написал текст, направленный на дискредитацию «ярого националиста» Навального. Это было написано не по приказу из Кремля, а из соображений профессиональной ревности. Явлинский считает, что Навальный, который поддержал аннексию Крыма и является более авторитарным политиком, чем Путин, не заслужил права считаться лидером оппозиции ни в настоящем, ни в будущем, поскольку борьба с коррупцией рискует выродиться вначале в популизм, а потом, как это и произошло в Белоруссии, в диктатуру. Цель этого текста — не только дискредитировать Навального, но привлечь внимание к собственной персоне. Выступая с таким заявлением, Явлинский объективно выступил на стороне Кремля.

Рассуждая о России, Гошу также обращается к проблемам Белоруссии. И это не случайно. С одной стороны,

президентские выборы 2020 г. в этой стране привлекли внимание международной прессы. С другой — «закручивание гаек» в «последней диктатуре Европы» чрезвычайно сближает ее с Москвой. Что касается седьмых по счету выборов с участием Александра Лукашенко, они с самого начала были отмечены репрессивными мерами, направленными на устранение оппозиционных кандидатов, которые имели реальные шансы. Удивительным образом Светлане Тихановской, жене одного из арестованных потенциальных кандидатов, было позволено стать контркандидатом «последнего диктатора Европы». Следуя патриархальной логике пренебрежительного отношения к женщине, Лукашенко допустил ее до выборов, но при этом поставил задачу обеспечить ему «легитимную» победу в итоге «выборов», с результатом не менее 80% голосов, что и стало поводом для выхода на улицы множества протестующих. Лукашенко не учел, что с момента его прихода к власти в 1994 г. выросло поколение, сытое по горло государственным авторитаризмом, который основан на относительном благоденствии, позволяющем ему балансировать между Западом и Востоком, и эти люди хотят иной системы управления. Силы порядка, верные президенту, реагировали с избыточной жесткостью, присущей всем режимам, где запрещены публичные протесты. В результате появились убитые и произошло расширение протестов, которые захватили и рабочих, рассматриваемых режимом в качестве своей опоры. Лукашенко прибег к языку жертвы, обвинив оппозицию и международные медиа в попытке государственного переворота

и манипуляции общественным мнением. Вместе с тем внутри страны он укрепил доверие к себе со стороны сотрудников силовых структур, а на международной арене получил поддержку Путина. Российский президент, с одной стороны, испытывает негативные чувства к «цветным революциям», с другой — он воспользовался ситуацией, чтобы поставить белорусского диктатора в еще большую зависимость от своей поддержки. Для России важно иметь сухопутный проход к своему анклаву — Калининградской области, месту для доступа своих сил к атлантической зоне, через территорию Белоруссии и польский город Сувалки. Уличные манифестации стали утихать после выдворения из страны, с приключениями в духе Рокамболя, Светланы Тихановской. Несмотря на достигнутую после «утверждения» Лукашенко в президентской должности видимую стабильность, напряжение, после того как массовые протесты впервые охватили широкие круги населения, сохраняется. Обратной стороной авторитарных попыток удержать власть является возможность новых возмущений.

Украина также привлекла внимание Гошу, т. к. последние два года отмечены значимыми событиями, которые ставят под сомнение возможность урегулировать в «Нормандском формате» конфликт по поводу Крыма и Донбасса, возникший в 2014 г. Речь идет, с одной стороны, о провозглашении автокефалии Украинской православной церкви, а с другой — о выборах, в результате которых президентом стал Владимир Зеленский. По традиции, возникшей после падения Константинополя и провозгла-

шения доктрины «Москва — третий Рим», Россия рассматривает себя покровительницей всех восточных христиан, которая выполняет миссию религиозного характера по «возрождению» мира, «развращенного» западным материализмом. Эта государственная идеология Российской империи подхвачена Путиным. В этом контексте православная церковь является поставщиком государственной идеологии, а государство является гарантом развития церкви и даже расширения ее влияния. После роспуска СССР в 1991 г. Русская православная церковь сохранила свои митрополии в бывших советских республиках вместе с определенным доверием населения, что является немаловажным фактором внешнеполитического влияния Москвы. Поэтому проблема канонического права воспринимается в России с геополитической точки зрения. Более того, поскольку нынешняя территория Украины до монгольского вторжения 1237–1240 гг. была ядром так называемой Киевской Руси, она рассматривается как «духовная колыбель» всей России и по этой логике не может быть отделена от государственного «тела» со столицей в Москве. В свою очередь президент Петр Порошенко решил, что в противостоянии с Россией по поводу Крыма и Донбасса будет полезно использовать образованную в 1992 г. Украинскую православную церковь Киевского патриархата. Таким образом, отзыв архиепископом Константинополя — Нового Рима и вселенским патриархом Варфоломеем указа (томоса) от марта 1686 — 17 октября 1687 г. о присоединении киевской митрополии к Московской патриархии стал точкой раскола

в православном мире. На одной стороне оказалась экуменическая Константинопольская патриархия с ее экзархатами и митрополией Греции, на другой — Русская православная церковь и находящиеся под ее влиянием патриархии Грузии, Болгарии и Сербии, что привело к конфликту внутри православия. Румынская православная церковь не приняла участия в этом конфликте, который явился еще одним заметным шагом по высвобождению Украины из «объятий» старшего русского брата.

Президентские выборы марта — апреля 2019 г. на Украине привели к власти нетипичного президента. Зеленский пришел из медиа. Он запомнился публике как главный герой сериала «Слуга народа» и участник развлекательных программ. С одной стороны, избиратели отождествляли его с героем сериала, с другой — существовал запрос на смену власти, продемонстрировавшей свою несостоятельность перед лицом российской агрессии 2014 г. Выборы в Киеве сопровождались, как обычно, массированными кампаниями по дезинформации. Впервые в истории украинских выборов в финале столкнулись два кандидата, противостоящие интересам Москвы. Сам факт смены власти путем выборов рассматривается московской пропагандой как угроза «стабильности». С другой стороны, очевидно, что такие факторы, как уже уходящие в прошлое личные контакты олигархов двух стран, экономическая зависимость и нерешительность Запада по поводу территориальной целостности Украины, делают ситуацию намного сложнее, чем о ней можно

судить по публичным декларациям, особенно делаемым с вершины власти. Свежеизбранный президент Зеленский доказал, что является хорошим переговорщиком, поскольку сумел избежать капканов, расставленных Путиным, в том числе прямых контактов с лидерами сепаратистов с востока страны, которые придали бы им некоторую легитимность, и добился, чтобы западные державы стали гарантами переговоров с Россией. В то же время ему хватило мудрости напрямую договариваться с Москвой по поводу транзита русского газа на Запад. Без сомнения, такие его действия не «оправдали» ожиданий украинских правых, которые настроены на жесткий ответ Путину, что на самом деле никак не способствовало бы решению проблем, возникших в 2014 г. В любом случае ситуация на востоке Украины создала проблему для президента Путина, из которой он не знает как выйти. Он обязан действовать в том или ином смысле, но за любое действие (то ли наступательного характера, то ли уступки, либо откладывание ситуации на потом) ему придется платить как в материальном выражении (поддержание военных расходов и местного населения), так и своим имиджем.

Последний раздел книги посвящен проблемам Республики Молдова. Вопреки многочисленным заявлениям о братстве отношение Бухареста к Кишиневу скорее можно назвать холодным. Это объясняется, прежде всего, непониманием того, что ситуация в маленькой Молдавии чрезвычайно сложна в сравнении с Румынией по причине советского наследия. Кроме того, сказывается

частью наивный, частью корыстный нарратив европейской интеграции и возникающая вследствие него формула о двух соседних государствах, говорящих на одном языке. Жизнь республики в период, охватываемый книгой, отмечена двумя событиями: падением летом 2019 г. олигарха Владимира Плахотнюка, который в качестве «кукловода» более десятилетия заправлял молдавской политикой, и президентские выборы конца 2020 г., на которых, к удивлению многих, победила Майя Санду. Плахотнюк, можно сказать, стал жертвой собственной чрезмерной гибкости. Более десяти лет он контролировал политическую жизнь Молдавии, ловко лавируя между Евросоюзом и Россией. Он выступал гарантом лояльности маленькой страны сразу двум «империям». Это неминуемо привело к тому, что он дискредитировал себя в глазах и одних, и других. В конце концов, все поняли, и, пожалуй, Бухарест в меньшей мере, что олигарх работает не на них, а на себя. Этим объясняется возникновение «монструозной коалиции» (Россия, США и Евросоюз), которая пришла к пониманию, что удаление «кукловода» из молдавского политического театра, где его все ненавидели, пойдет на пользу всем трем участникам. Удивительным образом большой выигрыш от устранения Владимира Плахотнюка приобрел Владимир Путин; оказалось, что российский президент оседлал волну общественного мнения, дав в противоположность с ситуацией относительно Крыма доказательства того, что может успешно работать совместно с западными партнерами. Румыния, к несчастью, оказалась в данном случае в самом глупом положении, т. к.

не приняла никакого участия в смене молдавской власти. Одна из причин этого состоит в том, что на различных уровнях внешнеполитической экспертизы и особенно двусторонних румыно-молдавских отношений находится очень много прямых либо завуалированных стипендиатов Плахотнюка. С другой стороны, румынский МИД оказался недостаточно информированным по поводу ситуации, сложившейся у ближайшего соседа. Первые противоречия в рядах возникшей в итоге правительственной коалиции с премьер-министром Санду, составившейся из Блока «реформаторов» АКУМ и Партии социалистов, проявились во время местных выборов, в первую очередь в кишиневскую мэрию в октябре 2019 г. На них победил социалист Ион Чебан, прежде всего потому, что следствием исчезновения Плахотнюка с политической арены стало распыление голосов унионистов и сторонников прозападной ориентации, кроме того, социалисты в ходе выборов сделали ставку не на идеологию, а на профессиональную компетентность. Благодаря этой победе, социалисты восприняли попытку Санду изменить закон о выборах генерального прокурора как *casus belli* и вынесли вотум недоверия в парламенте, что привело к падению ее правительства. Несомненно, на этом решении сказались электоральные соображения. Президент Игорь Додон решил накануне президентских выборов конца 2020 г. сосредоточить в своих руках все рычаги управления. Тем не менее смена правительства, во главе которого встал Ион Кику, не решила ни проблемы распыления политических сил в результате бегства из страны Плахотнюка, ни

блокирования политических оппонентов. Экономические последствия этих процессов ударили по населению и привели к недовольству избирателей. Под давлением экономического кризиса, массового исхода населения из страны и проблем, вызванных пандемией ковида, президент Додон и его правительство не сумели предложить эффективных мер по улучшению положения граждан. В этом контексте российская пропаганда и активность агитпропа социалистов по запугиванию избирателей страшными сценариями, вроде замены православных ценностей «западными нормами ЛГБТ», не сумели склонить избирателей отдать голоса за Додона в ноябре 2020 г. Напротив, агрессивная кампания социалистов, основанная на мизогинии и «утках» из российских информационных источников, побуждала значительную часть электората голосовать за Санду. За нее голосовали не только внутри страны, большинство молдавской трудовой эмиграции также отдало свои голоса молодому политику, прошедшему подготовку на Западе. Додон не сумел овладеть «искусством комбинаторики» по созданию электоральных «коалиций», которым в совершенстве владел Плахотнюк. Неспособность Додона эффективно вести политическую борьбу разочаровала его московских покровителей, и весьма возможно, что в будущем они поставят на другого восходящего политика, например Иона Чебана. В то же время у Санду (имеется в виду ситуация на конец 2020 г.) появились хорошие шансы объявить досрочные парламентские выборы, в результате которых должен появиться парламент и, следо-

вательно, правительство, способные всерьез двигаться по пути реформ.

Мы имеем дело не с трактатом по истории Восточной Европы, а с серией интервью Армана Гошу, данных им Лучиану Попеску, которые должны быть продолжены с учетом всех деталей и «горячей» динамики этого региона. Речь идет, прежде всего, о двух больших проблемах: с одной стороны, о консерватизме, выступающем под видом «стабильности», президента Путина и, с еще большей негибкостью, Лукашенко, с другой — о мобильности восточноевропейских обществ (большинство избирателей в них родились уже после исчезновения СССР), эти люди способны непрерывно порождать непредсказуемые ситуации, такие как выборы на Украине и в Молдавии, а также уличные протесты в Белоруссии. Проблема всех этих стран состоит в централизации власти, концентрации национального богатства в руках ограниченного круга «олигархов», хрупкости институтов, которая не позволяет регламентировать отношения между общественным недовольством и ответственностью власти перед гражданами. Стремления молодого поколения вступают в нарастающий конфликт с экономической стагнацией и бедностью бывших советских республик, а также с идеологической структурой, которая теряет доверие людей, поскольку опирается, прежде всего, на распространение коллективных страхов и газетных уток. Все это приводит к хронической нестабильности в данном регионе, в результате чего история ближайших лет и десятилетий остается для них открытой.

**П. В. Башарин, П. И. Тахнаева,
Ш. Ш. Шихалиев**

НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ НА ГРАНИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ НА ФИЛОСОФСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

Рец.: *Караев Т. М.* «Яфетический» Кавказ: историко-философское многообразие и единство. Азербайджан / Философский факультет МГУ; Кафедра стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ. М.: МАКС Пресс, 2019. 412 с.

Статья представляет собой подробную рецензию на монографию Т. М. Караева «Яфетический» Кавказ: историко-философское многообразие и единство. Азербайджан». Заявленная проблематика требует фундаментальных знаний по истории Кавказа и философии, особенностей ислама и христианства, мусульманского мистицизма. Однако книга полна чудовищных ошибок, граничащих с фальсификацией истории. Не менее вопиющие ошибки содержатся в истории философии, ислама и суфизма. Автор не только защищает положения давно отвергнутой яфетической теории Н. Я. Марра, но и протаскивает лженаучную концепцию извечного великого Азербайджана, принятую в официальной историографии современной Азербайджанской Республики, но не признанную в мировой и российской науке. Кроме того, книга оправдывает колониальные стереотипы об отсталости и хищничестве кавказских горцев. Утверждения автора оскорбляют религиозные чувства верующих мусульман и память героев освободительного движения времен кавказских войн XIX в., способствуют разжиганию межконфессиональной и межнациональной розни. Важно отметить, что рецензируемая книга — учебное пособие доктора наук, профессора кафедры русской философии Московского университета. Она дословно повторяет текст докторской диссертации, защищенной в МГУ в 2002 г. Налицо не только профанация науки, но и дискредитация кавказоведения в старейшем российском вузе.

На взгляд рецензентов, необходимо поднять в академическом сообществе вопрос о законности присвоения автору рецензируемой монографии научной степени доктора наук и звания профессора.

Ключевые слова: кавказоведение, Кавказ, ислам, суфизм, антиколониальное освободительное движение, лженаука, фальсификация истории, колониальные стереотипы.

Сведения об авторах: Башарин Павел Викторович, кандидат философских наук, доцент РГГУ; Тахнаева Патимат Ибрагимовна, кандидат исторических наук, заведующая сектором Кавказа ИВ РАН; Шихалиев Шамиль Шихалиевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДФИЦ, старший научный сотрудник ИВ РАН и Амстердамского университета.

Контактная информация: pbasharin@yandex.ru; ptakhnaeva@gmail.com; shihaliev74@mail.ru.

P. V. Basharin, P. I. Takhnaeva, Sh. Sh. Shikhaliev

INCOMPETENCE BORDERING ON FALSIFICATION OF HISTORY AT THE FACULTY OF PHILOSOPHY OF MOSCOW UNIVERSITY

Rev.: Karaev T. M. "Iafeticheskii" Kavkaz: istoriko-filosofskoe mnogoobrazie i edinstvo. Azerbaidzhan, Filosofskii fakul'tet MGU; Kafedra stran Tsentral'noi Azii i Kavkaza ISAA MGU. Moscow: MAKS Press, 2019. 412 p.

The article is a detailed review of Taymuraz M. Karaev's monograph "*Japhetic*" *Caucasus: Historical and Philosophical Diversity and Unity. Azerbaijan*. The topics raised in the book require fundamental knowledge in history of the Caucasus and philosophy, familiarity with religious past and present of Islam and Christianity, Muslim mysticism. However, the book is full of grave mistakes bordering on falsification of history. No less egregious errors are committed in history of philosophy, Islam and Sufism. The author shares the so-called Japhetic theory of late Nickolas Marr, which have been rejected for a long time. Moreover, he is pushing through a pseudoscientific concept of the eternal great Azerbaijan, proclaimed in the official historiography of nowadays Republic of Azerbaijan, but not accepted in international scholarship. In addition, the book justifies colonial stereotypes of Caucasian highlanders' backwardness and predation. The author's statements offend religious feelings of Muslim believers and the memory of the heroes of the anti-colonial liberation movement during the nineteenth-century Caucasian wars; contribute to growth of inter-confessional and ethnic tensions. It is noteworthy that the reviewed monograph is textbook written by Professor Doctor of Sciences who lectures at Moscow State University. It literally repeats the text of his doctoral dissertation defended at Moscow State University in 2002. It does not only defile science, but also discredits Caucasus studies in the oldest Russian university. In our opinion, it is necessary to raise among the academic community the question of the legality of assigning the author of the reviewed monograph the scientific degree of Doctor of Sciences and the title of professor.

Key words: Caucasus studies, Caucasus, Islam, Sufism, anti-colonial liberation movement, pseudoscience, falsification of history, colonial stereotypes.

About the authors: Basharin Pavel V., PhD in Philosophy, Assistant Professor, Moscow State University for the Humanities (RGGU); Takhnaeva Patimat I., PhD in History, Caucasus Chair, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Shikhaliev Shamil Sh., PhD in History, Leading Research Fellow, Institute of History, Archeology, and Ethnography, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, University of Amsterdam.
Contact information: pbasharin@yandex.ru; ptakhnaeva@gmail.com; shihaliev74@mail.ru.

Мы с коллегами давно и профессионально занимаемся кавказоведением, много писали о Северном и Восточном Кавказе до и после присоединения региона к Российской империи, в СССР, в особенности по истории суфизма и связанного с ним имамата Горного Дагестана и Чечни. Чтобы осмыслить собранные материалы, важна концептуальная рамка и методика исследования. Поэтому стараешься читать всю новую не только специальную, но общую теоретическую литературу. Недавно в каталоге Российской государственной библиотеки на глаза нам попала книга под интригующим названием *«Яфетический» Кавказ: историко-философское многообразие и единство. Азербайджан*, опубликованная в 2019 г. в Москве Т.М. Караевым. В заголовке ее настораживали замшелые позднесоветские штампы о «единстве» и «многообразии», не говоря про анахроничное понятие «яфетический», вызывающее в памяти печальные для науки времена классового большевистского языкознания. Однако оно справедливо поставлено автором в кавычки, да и сам автор вроде бы внушал доверие своими титулами — это доктор философских наук, профессор фи-

лософского факультета и Института стран Азии и Африки МГУ, получается — философ и востоковед в одном лице, да еще и кавказовед с большим стажем. Правда, нас несколько смутило то, что его имя и работы абсолютно неизвестны среди кавказоведов. Ссылок на его работы нет. Даже в подробнейшем словаре отечественных востоковедов (и кавказоведов) С.Д. Милибанд имени его не значится (*Милибанд 2008; Жарехина и др. 2014*)¹. Нас окрылила надежда — неужели мы открыли новое имя в кавказоведении?

С немалым трудом мы достали экземпляр монографии, не доступной ни в одной библиотеке Москвы кроме РГБ и МГУ, прочли и дали почитать его нашему коллеге — исламоведу, иранисту и специалисту по раннему суфизму П.В. Башарину. Результаты чтения монографии оказались столь ошеломляющими, что мы не могли молчать и написали статью-рецензию о ней, а возможно, будем действовать дальше. На наш взгляд, эта книга отражает некоторые общие серьезные проблемы современной отечественной науки, о которых нельзя молчать. На этих страницах мы втроем решили поделиться

¹ Ни в последнее издание словаря в 2 томах в 2008 г., ни в дополнение к нему 2014 г. Т.М. Караев, в отличие от многих коллег-кавказоведов, не вошел, хотя еще в 2002 г. защитил докторскую диссертацию по «теоретическому кавказоведению». Справочник Милибанд составлен по принципу наличия у ученых значимых публикаций по ориенталистике, включая кавказоведение.

с читателем своими впечатлениями от чтения монографии Караева, отрецензировав каждый наиболее известную ему область знания, представленную в ней.

Рецензируемая монография определена автором как исследование на стыке ряда смежных гуманитарных и общественных дисциплин — истории философии, интеллектуальной истории, культурологии, востоковедения, включая такие его непростые направления, как кавказоведение и исламоведение, исследования исламского мистицизма (та-саввуфа, более известного широкой публике как суфизма), требующие знания восточных языков, прежде всего арабского, староосманского, персидского, а также армянского, грузинского и кавказских — многие источники еще не переведены на русский и более международный английский, — и еще более умения работать со специальной востоковедной лексикой. В широком диахронном ракурсе, предложенном в книге, кроются свои опасности, но есть и преимущества, которые могли бы привести к интересным открытиям в области интеллектуальных сетей, связывавших Кавказ с разными соседними и отдаленными регионами мусульманского мира, России и Западной Европы. Вопрос лишь в том, удалось ли это автору и насколько.

Первое, что бросается в глаза, это почти полное отсутствие у Караева научных публикаций по теме книги. Автор ссылается всего на одну свою книгу «Россия и Кавказ: проблемы культурной ориентации», выпущенную в МГУ. Причем в двух сносках эта книга датирована 2003 г. (с. 240),

а в третьей под 2004 (с. 327). Эту книгу мы нашли в РГБ, причем оказалось, что она издана еще ранее — в 2001 г. Второе, не менее важное. Автор совершенно не учел огромной историографии по кавказоведению и исламу на русском и иностранных языках последних тридцати лет. Некоторые работы произвели настоящий переворот в науке. Это исследования по мусульманской философии (*фалсафе*) А. В. Сагадеева, суфизму на Кавказе и в России А. К. Аликберова, А. Д. Кныша, М. Кемпера, А. В. Смирнова, коранистике и хадисоведению в России Т. Ибрагима и Н. В. Ефремовой, Е. А. Резвана (*Sagadeev* 1969; *Ibrahim, Sagadeev* 1990; *Ибрагим, Ефремова* 1998; *Ибрагим, Ефремова* 2009; *Ибрагим, Ефремова* 2014; *Резван* 2001; *Смирнов* 2001; *Россия и мусульманский мир...* 2010; *Аликберов* 2003; *Кныш* 2004; *Кемпер* 2005). Не заметно использования авторитетных международных справочников «Encyclopaedia of Islam» и «Ислам на территории бывшей Российской империи» под редакцией С. М. Прозорова (*Encyclopaedia of Islam* 1954–2005; *Encyclopaedia of Islam* 2007–; *Ислам на территории бывшей Российской империи* 2006, 2018). В приложенной к книге, но мало связанной с ней по содержанию «Библиографии по кавказоведению» (с. 328–364) самые недавние публикации на русском языке почему-то относятся к 1998–1999 гг., причем их меньше 10, а последняя зарубежная работа датирована 1968 г.! Нет ни одной ссылки на большую современную зарубежную литературу на английском, французском, немецком и восточных языках, знания которых автор в тексте книги не обнаруживает.

Может быть, лучше дело обстоит с содержанием книги? Увы, и в нем полная неразбериха. В книге две части. I. «Историко-философское, мировоззренческое единство и разнообразие кавказского культурного мира». II. «Из истории философской и общественно-политической мысли Азербайджана». Связи между ними нет. В первой рассказывается об истории религий, в особенности суфизма, межнациональных отношений, университетского преподавания, места региона в царской и советской России. Во второй — ряд биографических очерков, представленных как «история философской мысли в Азербайджане» (с. 2, 5). Тут мы сразу натываемся на грубую ошибку — трое из шести представленных тут мыслителей не были философами. Александр Касимович (Мирза Мухаммад-‘Али) Казембек — исламовед, один из основателей школ миссионерской и академической ориенталистики XIX в. в России. Его младшие современники Мирза Фатали Ахундов — азербайджанский беллетрист-новатор, а Хасан-бек Зардаби — публицист, создавший одну из первых мусульманских газет в регионе. В советскую эпоху двух последних приписали к национальной школе философии, но философских трактатов никто из них не писал. Более грубым искажением истории является отнесение к азербайджанцам знаменитых персидских мыслителей XI–XIV вв. — философа Бахманяра (с. 251–268), поэта Низами (с. 243, 279–285), мистика-богослова ал-Газали (с. 93), мистика-исма‘илита из Тебриза Махмуда Шабистари (в тексте ошибочно: Шабустари, с. 92) и ряда других кроме Казембека, который действительно был выходцем из г. Решт в иранском Азербайджане.

По всей видимости, автор не знает, что азербайджанцы как отдельный народ в то время еще не сформировались. Эти лженаучные измышления появились в позднюю сталинскую эпоху, получили название «кражи мыслителей», когда иранские мыслители и поэты объявлялись в СССР либо азербайджанцами, либо таджиками. Последние тридцать лет они взяты на вооружение националистическими властями Азербайджана, но не признаны современной отечественной и мировой наукой (см. подробнее: Шнирельман 2003; Crombach 2019).

С этим напрямую связаны нелепые ошибки и искажения исторической географии древнего и средневекового Восточного Кавказа. Совершенно нелепо звучит утверждение автора, что «понятие “Азербайджан”, древнеазербайджанская государственность и древнеазербайджанская народность (?! — П. Б., П. Т., Ш. Ш.) тождественны атропатенской индийской народности и восходит к атропатенскому периоду» (с. 243). Его, правда, можно встретить в азербайджанских школьных учебниках по истории, но в книге, издаваемой в МГУ, оно абсолютно не уместно. Никаких свидетельств существования на Кавказе «древнеазербайджанского этноса» более чем за тысячелетие до переселения предков современных азербайджанцев в Восточное Закавказье в книге не приведено. То, что Антропатена находилась на территории современной Азербайджанской Республики, не дает оснований верить этому мифу. Если следовать логике Караева, то синантропов надо считать древними китайцами, кроманьонцев — французами, а родившегося в античной Малой Азии «отца истории» Геродота — турком из Бодрума!

Авторы и сочинения XI в., когда жил и творил дербентский суфий-энциклопедист ад-Дарбанди, столь же бесосновательно отнесены к Азербайджану. Но в этот период ни Азербайджана как государства, ни азербайджанцев как этноса еще не существовало, пусть о них и пишут современные азербайджанские националисты. Применительно к периоду творчества суфия ад-Дарбанди, мы можем говорить о том, что ни к Азербайджану, ни к Дагестану Дербент как политическая структура не имел никакого отношения. Вплоть до последней четверти XI в. Дербент был северной, пограничной (араб. *суфр*) провинцией Халифата. После 1170-х гг. он вошел в сферу влияния сельджукидов. Упоминание Азербайджана в этнополитическом контексте XI–XII вв. вообще не уместно, как явная фальсификация истории в угоду официозной исторической доктрине современной Азербайджанской Республики.

Прежде чем разбирать конкретные достоинства и огрехи книги, стоит остановиться на отношении автора к печально известной яфетической теории знаменитого кавказоведа и лингвиста Н. Я. Марра. Позднее учение Марра о языках давно отвергнуто в науке как псевдонаучное. Его гипотезы об армяно-аварских языковых связях и яфетическом типе древнеиранской клинописи не подтвердились и сегодня звучат абсурдно. Караев полагает, что в понятие «яфетический» Марр «вкладывал... идею языкового, лингвистического един-

ства кавказских народов» (с. 5, 11). Однако в действительности Марр никогда не доказывал такого единства народов региона и не писал об общекавказской культуре, хозяйстве и мировоззрении. Предтечей культурологии (Там же) Марра считать нельзя, некоторые его поздние работы лишь отчасти можно отнести к социолингвистике. Приведенные выше цитаты укладываются не в теорию Марра, но в не менее псевдонаучную советскую идеологию «дружбы народов».

Из рецензируемой книги ясно, что учения Марра Караев не знает, терминологию перепутал, а идеи взял из третьих рук. Во-первых, яфетическая теория говорит не о единстве, а о классовой сущности, происхождении и стадиях развития языка. Первоначально Марр понимал под «яфетическими» кавказские языки, но позднее определил этот термин как присутствующую во всем мире древнейшую стадию существования языка, связанную с его классовой сущностью. В их число Марр включал языки угнетенных классов — римских плебеев, басков, огрузинские диалекты армянского языка и т. д. Во-вторых, суть учения Марра — родство кавказских языков между собой — не получило подтверждения в современной лингвистике (Аллатов 2004: 25), и, таким образом «кавказцы-яфетиды», предмет исследования Караева, а вместе с тем их философия, никогда не существовали. Уже давно яфетическую теорию единогласно отвергли в науке и стараются не упоминать². В-третьих,

² О псевдонаучности яфетидологии Марра есть множество публикаций как в лингвистике, так и по истории философии, но автор их не знает, хотя и считает себя специалистом в последней области (Аллатов 1993: 271–288; Шилков 2004: 72–91).

в книге цитируются всего три доклада Марра 1911, 1919 и 1920 гг., от положений которых сам Марр вскоре отказался (Марр 1933: 221–230). Хотя к книге приложена более обширная библиография ученого, она никак не использована в ее тексте, а важнейшие труды Марра не известны автору. Характерно, что Караев не ссылается на современную научную литературу о Марре и марризме, месте этого классика в российской ориенталистике, включая известные работы В. М. Алпатов и В. Тольц (Тольц 2013; Алпатов 2004).

Одним из лейтмотивов монографии является восхваление дореволюционных русских ориенталистов, по мнению Караева, стоявших у истоков научного исследования Кавказа. Вклад ориенталистики в становление академического кавказоведения очевиден, хотя и преувеличен в книге. Об этом более грамотно и исчерпывающе уже давно писали настоящие востоковеды (Генко 1941: 6–110; Крачковский 1958: 69–75, 135–138, 160–171, 18–2186; Шихсаидов 2016: 40–52), работ и имен которых автор не знает. Новизна здесь, увы, исчерпана еще в минувшем столетии. Однако у ориенталистики было два аспекта — с одной стороны, она остается перспективным направлением отечественной и международной науки, но с другой — целый ряд цитируемых в книге авторов придерживались давно отвергнутых расистских колониальных клише о превосходстве русских и европейцев над восточными народами, оправдывали

колониальное завоевание Кавказа империей. Почему-то, как в областях яфетической теории и этногенеза азербайджанского народа, Караев поддержал не академическое, но антинаучное, в данном случае колонизаторское наследие российского ориентализма. Кроме того, он без оснований включил в состав востоковедов массу посторонних публицистов и даже мемуаристов, которые научными исследованиями не занимались, например декабристов, сосланных в Кавказскую армию³. В то же время настоящие востоковеды, начиная с ученых немцев конца XVIII в., академиков П. С. Палласа и С. Г. Гмелина, в книгу не попали. Нет в ней и оригинальных кавказских философов, даже работ по социальной философии знаменитого М. К. Мамардашвили.

Общим местом в европейских описаниях колониального Востока было воспевание «бремени белого человека» (по определению Р. Киплинга), цивилизаторской миссии Запада, в том числе Российской империи, в колониях. Его разделяли многие востоковеды, труды которых составили основу международного колониального дискурса ориентализма. Уже в конце 1970-х гг. эти установки заклеены позором как выражение недопустимых в академической науке империалистических и расистских убеждений. Ссылок на классиков постколониальных исследований мы в книге Караева не нашли, но с удивлением обнаружили в ней подаваемые как новое слово в науке

³ Представление о декабристах как об ученых сложилось в послевоенной советской историографии. Некоторые из них действительно занимались наукой, не всегда на Кавказе, но в книге Караева все декабристы в Кавказской армии без всяких оснований объявлены востоковедами (ср.: Аглапов 1999: 39–41).

колонизаторские идеи. Уже в предисловии автор пишет, что «российская ориенталистика, русская культура в целом являлись цивилизирующим фактором его (зд. Кавказа. — П. Б., П. Т., Ш. Ш.) развития» (с. 6). На с. 13 Караев утверждает, что кавказцы были лишены исторического самосознания, только российская дореволюционная наука сформировала его у них. И далее: «в конце 19 — начале 20 века... по существу, русская ориенталистика пробудила в народах Кавказа историческое самосознание, способствовала формированию... научного интереса к истории» (с. 10); «российское востоковедение вносит в дело изучения Кавказа значительный цивилизованный элемент, сыгравший огромную роль в самосознании кавказских культур изнутри» (с. 29). Итак, Караев солидарен с колонизаторским клише об отсталости и недоразвитости кавказских горцев (*Said* 2003: 300–301), а Московский университет его поддерживает, публикуя его книгу под своим грифом?! Невероятная вещь для начала XXI ст.! Это не только не научно, но политически не корректно и ведет к разжиганию межнациональной розни между русскими и народами Кавказа.

Показательны названия глав и параграфов. В них сплошь и рядом лозунги, напоминающие околonaучные заклинания. Это какое-то хаотическое нагромождение глобальных сюжетов, некоторые из которых заслуживают отдельной, если не дюжины монографий: «1.2. Гуманизм как критерий этнического единства; 1.3. Христианство и ислам на Кавказе; 1.4. Суфизм на Кавказе; 1.5. Проблема межнационального согласия

в конфессиональной сфере; 1.6. К вопросу о толерантности. Универсалии Библии, Корана и светской этики; 1.7. Россия и Кавказ. Проблема культурной коммуникации... 2.7. М. Казембек — выдающийся ориенталист (автор не ведает, что это понятие в постколониальную эпоху стало пейоративным, — П. Б., П. Т., Ш. Ш.) и исследователь-кавказовед» и проч. Ни одной проблемы в заголовках глав и параграфов не поставлено. Только в аннотации говорится о модном среди современных западных политологов мультикультурализме (с. 2), искать следы которого в Азербайджане и в любом другом уголке на Кавказе до конца XX ст. бессмысленно. У автора монографии крайне смутные представления об общепринятых правилах и методологии научного исследования, предполагающих публикацию итогов анализа, следов которого в книге не видно. На реанимированном яфетическом Росинанте он мечется на «малоисследованном» поле «универсализма культур народов Кавказа» (с. 6), бессмысленно перескакивая от одной эпохи и темы к другой.

Караев относит свою монографию к истории философской мысли, но не проявляет в ней знания ни философии, ни кавказской истории. Особенно удручающе выглядят главы второй части без начала и конца. Чтобы понять суть философского содержания монографии, достаточно прочесть главку 2 из раздела II под заглавием «Перипатетизм (?! Так в оригинале. — П. Б., П. Т., Ш. Ш.). Бахманьяр». Эта и другие главы, названные именами различных мыслителей, живших на Кавказе, напоминают плохой студенческий реферат.

Отдельные несвязные положения логики и физики Бахманйара сопоставлены в ней с идеями Аристотеля, но при этом никак не учтены труды Ибн Сины, к которым восходит большинство положений Бахманйара. Судя по сноскам (с. 267–268), большая часть главы просто переписана из перевода сочинения «ат-Тасил», опубликованного крупным советским философом-исламоведом А.В. Сагадеевым в 1983 г. в Баку. В заключение автор объявляет Бахманйара материалистом, хотя до этого всячески изыскивал у него параллели с идеалистом Аристотелем, и почему-то заводит речь о Галилее, Ньюtone и Декарте (с. 265–266), хотя они не имеют к предмету главы никакого отношения и материалистами не были!

У автора книги серьезные проблемы с логикой и русским языком, которым профессору МГУ с многолетним стажем стоило бы владеть лучше. Вот ряд примеров полного отсутствия логики: «Широко обсуждаемая в современной культурологии проблема толерантности издревле существовала в культуре народов Кавказа. Толерантность, выражалась... в этноразнообразии кавказских народов» (?! с. 6). Автор не раскрывает понятный только ему смысл этого утверждения, неожиданно оборвав его обнадеживающим заявлением: «Исследования, проводимые в последние десятилетия в области кавказоведения, конечно, актуальны» (с. 7). Заявление подкрепляется странным списком литературы из «области кавказоведения»: это всего 7 случайных работ (А. Крылова; С.Г. Айрапетяна с Р.Я. Кажояном и Д.А. Саркисяном; две работы

Р. Мехтиева; М.Т. Гаджиева; бакинский сборник по межкультурному диалогу 2011 г.; Л. Якобишвили-Пирамишвили), опубликованные в 2002–2017 гг. Но ведь кавказоведение, по определению, совокупность научных дисциплин, изучающих историю, экономику, литературу, языки, искусство, религию, философию, этнографию, проблемы безопасности, памятники материальной и духовной культуры стран Кавказа. По мнению Караева, эти 7 работ, две из которых — статьи, исчерпывающе представляют «исследования, проводимые в последние десятилетия в области кавказоведения»?!

Караев очень любит понятие «толерантность» и повсюду вставляет его, правда, не к месту и без всякого смысла. Так и здесь, он связал толерантность с «актуальной» проблемой «изучения наследия мыслителей прошлого» и пишет что-то уже совершенно невразумительное: «Как показывает история, любая современная демократическая модель, даже если она экономически продвинутая, не обходится без этики должного, без нравственности как критерия прогресса. А эта философская проблема была центральной в наследии кавказских мыслителей» (с. 7). Не утруждая себя раскрытием этого тезиса, Караев отсылает читателей к сочинениям армянского философа-неоплатоника Давида Анахта (конец V — сер. VI в. н.э.) и публициста Микаэля Налбандяна (1829–1866), не указав никакой связи между ними. Других сторонников демократии и нравственности читатель должен безуспешно искать в приложенном на этой же странице куцем списке из 7 «классических

произведений» на эту тему, в число которых почему-то вошла статья 1966 г. известного археолога Е. И. Крупнова о единстве не философских, но археологических культур на Кавказе до IV тыс. до н.э. Кроме того, в нем есть три доклада Марра, о которых уже говорилось; популярная статья А. Ф. Лосева о Давиде Анахте и две брошюры Казембека о бабидах, причем не на Кавказе, а в Персии (1865), и шариатских мюридах имама Шамиля (1859). По отношению к последним у Казембека никакой толерантности не видно. Его понимание мюридизма к тому же весьма устарело.

Вот еще пример отсутствия логики и смысла: «Ориентацию культуры народов Кавказа можно даже назвать *славянской, то есть относящейся к средневековью* (курсив наш. — П. Б., П. Т., Ш. Ш.)» (с. 12). Чуть ниже, правда, автор поясняет свою парадоксальную интерпретацию, но объяснение не менее загадочно, чем сама фраза. «Даже несмотря на более раннюю, чем Россия, христианизацию некоторых народов Кавказа (Караев не может даже перечислить, о каких именно народах он ведет речь. — П. Б., П. Т., Ш. Ш.) массовое распространение христианской культуры на Кавказе началось в Средние века и позже, с помощью русских центров культуры: Москвы, Петербурга и других городов» (сохранены орфография и пунктуация оригинала. — П. Б., П. Т., Ш. Ш., с. 12). В духе дореволюционных православных миссионеров Караев приравнивает культуру как таковую к православию?! Всех подобных нелогичных пассажей с прославлением колонизаторской идеи о цивилизаторской

миссии русских, хотя и изложенных на дурном русском языке, невозможно привести. Они чуть ли не на каждой странице этой странной монографии!

В книге много лишнего, не связанного ни с философией, ни с историей, ни с Кавказом и Азербайджаном. Как в боснийскую солянку бросают обрезки всего, что накопилось на кухне, так и Караев, как малоплодовый автор, решил замесить в свою монографию чуть ли не все, написанное им с конца прошлого века. Автор не утруждает себя даже тем, чтобы отрезать у тезисов или коротких компилятивных статей их начала и концы, плохо вяжущиеся с тематикой разделов книги. Позвали его в середине 1990-х гг. на круглый стол порассуждать о мире и согласии с участием националистических движений Северного Кавказа, он включает свои тезисы об этих организациях в книгу 2019 г., не удосужившись сообщить читателю, что этих движений давно нет (с. 36–39). После этого зачем-то, вероятно, из отчета 15-летней давности, приведен список конференций 1992–1995 гг. Абзац завершает совсем уже неуместное заверение, что «о более поздних конференциях будет сказано *во вступительном слове автора*» (курсив наш. — П. Б., П. Т., Ш. Ш., с. 39), что выдает происхождение этого пассажа. Говорил он когда-то про синкретизм в музыке, поэзии и танце в книге 1763 г. Дж. Броуна, не имеющей никакого отношения к Кавказу и философии, он и эту заготовку недоделанной статьи бросает в котел (с. 43–48), приплетая зачем-то сюда воинствующего безбожника этнографа Н. М. Маторина, изучавшего «религиозные пережит-

ки» в межвоенном советском Поволжье (с. 49). Рассуждал он где-то про куначество и духовные ценности кавказских народов, и это идет в дело, хотя и не вяжется с темой главы про гуманизм (с. 65–66). Таким же образом на страницы книги без изменений попал доклад Караева о шейхе из Туркестана XII в. Ахмаде Йаса-ви, чей тарикат никогда не доходил до Кавказа (с. 107–109). Вопреки утверждению автора (с. 108), братство (а не орден!) йасавийа никогда не было распространено в Азербайджане (см.: *ДиУис* 2018: 194–199).

Автор монографии демонстрирует потрясающую малограмотность. Количество ошибок зашкаливает, они есть во множестве чуть ли не на каждой странице, поэтому ограничимся наиболее вопиющими из них. Целый ряд этих клише перенесен в книгу из совсем не толерантных обличений религии одиозными советскими атеистами, к числу которых принадлежало немало учителей и старших коллег автора, в частности, громившие в годы «холодной войны» культ мусульманских святых и ислам дагестанский философ И. А. Мака-тов и ставрополец А. В. Авксентьев, авторы «Атеистического словаря» гонитель Библии И. А. Кривелев, обличитель реакционной сущности шариа Г. М. Керимов, научный атеист Ш. Ф. Мамедов, с сочувствием цитируемые в монографии (с. 8, 49, 68, 84, 87, 345 и далее). Даже поминать подобных «ученых» в современной науке неприлично. Караев посвятил целую главу сравнению Корана с Библией, но, оказывается, не знает даже структуры Корана, того, что хадисы это не часть Корана, а предание, сунна Пророка, и не связаны с бже-

ственным Откровением. Автор явно Корана не читал, цитирует его в устаревшем переводе православного миссионера Г. С. Саблукова из книги Е. Э. Бертельса (с. 86, 87), литературы по коранистике не знает и путает суру с хадисом. На с. 92 фраза «известно, что многие предания Корана (хадисы) преимущественно ведутся от имени Бога» обличает полное невежество автора. Он принимает маджлисы за публичные чтения Корана (с. 90), а на самом деле это арабское слово означает собрания. Суфизм выдается автором за реакционное течение, поддерживавшее «божественность власти» эксплуататоров над завоеванными и угнетенными низами общества, «проповедуя покорность» феодалам (с. 88 и далее *passim*). Современные исследования показали, что суфизм был разнолик. В рамках одного и того же братства, в частности, накшбандийа, и даже в одном регионе, на Восточном Кавказе, существовали совершенно противоположенные мнения о легитимной по шариау власти и о вооруженном джихаде (*Kemper* 2002: 41–71). Между тем у Караева суфизм предстает как единое неизменное течение (гл. I.4), что никак не подтверждается историческими источниками.

Через несколько страниц, забыв свой предыдущий вывод, автор утверждает, что суфизм исконно делился «на 1) монотеистический, то есть, умеренный... и 2) крайний» (с. 89). Это опять-таки является фальсификацией исторической правды. Труды самих мистиков показывают, что все суфии считали себя монотеистами. Не понятно, что именно автор понимает под «крайним суфизмом» и где та грань, которая разделяет

«крайний» от «умеренного». К какому из этих типов следует относить распространенные в регионе с XIII в. братства халватийа и сухранвардийа, о которых в книге вообще ничего не сказано? Ложно утверждение о том, что «большинство суфиев — агностики» и что «познаваемость Бога невозможна» (Там же). На самом деле суть суфизма в познании Аллаха путем мистического опыта. Про суфизм у Караева есть и совсем нелепые утверждения, например, что «поступки и поведения Мухаммада регламентированы тарикатом» (?! с. 102). Излишне говорить, что ни суфизма, ни тем более суфийских братств во времена пророка Мухаммада еще не существовало. Неверно и переписанное из миссионерской брошюры Казембека представление о том, что «один из главных путей духовного совершенствования муридов — участие в священной войне против неверных — газавате» (с. 102). Эта раскавыченная цитата, приведенная Караевым без комментариев, показывает, что автор совершенно не разбирается в суфизме, в его истории, принципах, практиках. Это мнение давно отвергнуто наукой. В действительности у суфиев «большой джихад», т.е. борьба со своими нравственными пороками считалась важнее, чем «малый джихад» — борьба за веру. Кроме того, на Восточном Кавказе наставник самого имама Шамиля накшбандийский шейх Мухаммад Ярагский первоначально выступал против вооруженного джихада (*Kemper* 2002: 44–45).

Многие суфии, целые братства и сочинения мистиков, упомянутые в монографии, не имеют никакого отношения к Кавказу и даже Азер-

байджану. Это знаменитые ближневосточные суфии — женщина-аскет «Рабия (ум. 753 г.)» (правильно: Раби'а из Басры на территории современного Ирака, 713 или 714–801. — *П. Б., П. Т., Ш. Ш.*); «Зунун аль Мисри (ум. 860 г.)» (надо: Зу-н-Нун ал-Мисри из Египта, 796–859. — *П. Б., П. Т., Ш. Ш.*); «Абу Ясид аль Бистами (ум. 875 г.)» (надо: Абу Йазид ал-Бистами из Бистама на севере Ирана, ум. 874–875 или 977–978. — *П. Б., П. Т., Ш. Ш.*) и большинство других мистиков, включенные в длинный, но бессмысленный список на с. 88–89, вероятно, для того, чтобы продемонстрировать эрудицию автора. Имена большинства из них и годы жизни в этом перечислении перевраны, что свидетельствует совсем о другом. Очень большое внимание в книге уделено творчеству знаменитого андалусского теоретика исламского мистицизма Ибн 'Араби. Он включен в число азербайджанских суфиев, что абсолютно неверно (с. 91 и далее). В действительности идеи Ибн 'Араби оставались неизвестны суфиям Кавказа, включая Азербайджан. В Дагестане вплоть до настоящего времени также не найдено ни одного его сочинения, ни в рукописях, ни в старопечатных изданиях. Ни в одной из десятков тысяч дагестанских рукописей XIV–XIX вв. на арабском языке нет даже ссылки на его работы. Намного популярнее на Кавказе был ал-Газали, рукописи которого переписывались в Дагестане начиная с XV в. Но его Караев лишь упомянул, причем опять, по устойчивой привычке, приписав к азербайджанцам (с. 93).

В разделах о суфизме, составляющих основу книги, как и в других ее час-

тях, хромает русский язык и отсутствует логика. На с. 90 читаем: «Суфийская литература больше обращена к народному творчеству, поэтому более живая и понятная. Только суфийская сохранилась как народная поэзия во время монгольского нашествия. Можно было уничтожить династии, а носители культуры существовали в народе (сохранена орфография и стиль оригинала. — П.Б., П.Т., Ш.Ш.)». Этот пассаж свидетельствует, что суфийской поэзии автор не читал. На самом деле она нередко была сложна для понимания ввиду обилия аллегорий и метафор. Из приведенной цитаты также не ясно, какое отношение походы монголов имели к суфизму. На той же странице автор искажает историческую правду, перенося ступени познания Аллаха, принятые в братстве накшбандийа (*шари'ат*, *тарикат* и *хакикат*), на всех суфиев. При этом он противоречит самому себе, поскольку только что писал о суфиях как об агностиках, а теперь называет их гностиками. В действительности в разных тарикатах в одну и ту же эпоху и на Кавказе, и в целом в мусульманском мире признавались разные ступени, состояния (араб. *хал*), мистическая теория и техники. Даже у ветвей одного братства, например накшбандийа-халидийа и накшбандий-халидийа-шазилийа, исполнение громкого и тихого *зикра*, *рабита*, инициация адептов в тарикат могли различаться (Шихалиев 2006: 28–34; 2007: 137–151).

На с. 91 Караев важно заявляет, что «суфизм... не противоречит исламу», но не приводит никаких конкретных данных о том, какие богословские и иные школы в исламе критиковали

суфизм, а какие — нет. Грубой ошибкой здесь же является объявление движений хариджитов, мурджи'итов (у Караева неграмотно мураджиты), му'тазилитов и некоторых других «сектами». От этого понятия с ненужными христианскими аллюзиями в науке давно отказались. Маздакизм отнесен Караевым к исламу (с. 94), но в действительности возник в Сасанидском государстве задолго до появления ислама. Особенно вопиющи искажения исторической правды в рассказе о суфийской энциклопедии ад-Дербенди (надо: ад-Дарбанди) на с. 94–95, где Караев пересказывает обзор дагестанского философа-атеиста М.А. Абдуллаева, который, как и автор монографии, арабского языка не знает, рукописи ад-Дарбанди не видел и читать не мог. При этом проигнорирована фундаментальная работа А.К. Аликберова «Эпоха классического ислама на Кавказе», равно как и другие работы этого исследователя, посвященные сочинению ад-Дарбанди (Аликберов 2003; 2006: 45–49, 84, 126–129, 238–241, 353–361). Поэтому рукопись ошибочно отнесена к XI, а не к XIV в. (с. 94). Общие положения аш'аритов приписаны ад-Дарбанди. Вопреки утверждению Караева, это сочинение не свидетельствует о том, что «суфизм в малых обществах не воспринимался как догма, а перерабатывался, и обогащался» (Там же). Абсурдно утверждение, что ад-Дарбанди стремился к «объединению разных направлений в суфизме». Гипотеза об истоках неоплатонизма в творчестве ад-Дарбанди — чистый вымысел Абдуллаева, а утверждение о том, что выводы главы опираются на тщательный текстологический анализ рукописи

ад-Дарбанди, — это уже грубый подлог Абдуллаева и Караева. Ведь оба они не знают ни арабского, ни других восточных языков и не умеют читать средневековых источников.

К числу грубейших ошибок из истории региона относится утверждение, что Восточный Кавказ был занят арабами уже в VII в., а грузинские цари не имели влияния на этой территории (с. 101). Здесь очередной раз не критически переписаны устаревшие и давно отвергнутые клише ориенталистов-миссионеров колониальной эпохи. На самом деле утверждением арабов на Восточном Кавказе следует считать период после первой трети VIII в., и это было связано с деятельностью на Кавказе арабского полководца Омейядов Масламы б. 'Абд ал-Малика, о чем существует огромная отечественная и зарубежная литература (*Шихсаидов* 2001: 5–8, 12), которой Караев не знает и потому полностью игнорирует. Что касается православных владений Грузии, то они имели немалое влияние на Восточном Кавказе как в политическом, так в религиозном и культурном плане в некоторых регионах Восточного Кавказа вплоть до конца XIV в., что давно установлено (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996: 361–369). Совершенно неверно определены этапы распространения суфизма и ислама в регионе. Вопреки утверждению автора, он не появился в Дагестане в IX, в Чечне в XIII, а в Ингушетии в XVIII в. (с. 84–85). В указанное время чеченцы и ингуши еще не приняли ислама. «Татаро-монгольские завоевания» на Северном Кавказе происходили не «в конце XIV–XV вв.» (с. 123), а более чем на столетие раньше. Та-

рикат кадирийя «берет свое начало» не «в 1863–1877 гг.» и не на Кавказе (с. 85), а на Ближнем Востоке к XIII в. На Центральный Кавказ он проник в XIX в. ранее указанной Караевым даты. Арабская графика в языках народов Северного Кавказа была заменена на видоизмененную латиницу не в 1925 г. (с. 65), а уже на рубеже 1930-х гг. Хотелось бы также отметить, что во всех этих случаях не приведено никаких ссылок. Это показывает незнание азов исследовательской работы. Вместо этого автор транслирует в тексте своих колониальных предшественников и мусульманских апологетов, не умея отделить их мнение от своего, если только оно у него имеется.

Случайно или умышленно автор монографии оскорбляет религиозные чувства верующих, необдуманно способствуя углублению межнациональной, а вместе с тем и межконфессиональной розни на Кавказе. Например, вслед за колониальными наблюдателями он сетует на фанатизм «зикристов», т.е. приверженцев братства кадирийя, тем самым оскорбляя ингушей и чеченцев, огромное количество которых доныне относят себя к последователям этого суфийского братства. На с. 85 говорится: «Другое направление суфизма тарикат кадирийя. Когда появились люди, соединившие в себе духовную власть по шариату и тарикату, решившие действовать при помощи фанатизма» (сохранена загадочная русская стилистика и орфография оригинала. — П. Б., П. Т., Ш. Ш.).

Особо хочется отметить отношение автора к национально-освободитель-

ному движению горцев-мусульман против колониального завоевания Северного Кавказа Российской империей в XIX в. Эта научно значимая и сейчас особенно актуальная тема долго фальсифицировалась в царскую и позднюю сталинскую эпоху депортаций целых кавказских народов, когда Шамиль и другие имамы Горного Дагестана и Чечни были объявлены «ставленниками султанской Турции и английских колонизаторов» (Шамиль — ставленник... 1953). Во второй половине XX — начале XXI в. в научный оборот введены новые источники, созданные сторонниками и противниками имамов. Теперь история Кавказских войн полностью переосмыслена (*Тахнаева* 2016: 200–219; см. также: *Вачагаев* 2003; *Islam au Caucase* 2004; *Kemper*: 217–403; *Sidorko, Clemens* 2007; *Sacred Places...* 2018 и др. Из важных изданий первоисточников, проигнорированных в книге Караева, следует отметить: *ал-Гази-Гумуки, Джамал ад-Дин* 1904; *ал-Йараги, Мухаммад* 1910; *Алкадари, Гасан-Эфенди* 1929; *Бакиханов А.-К.-а.* 1991; *Геничутльский, Хайдарбек* 1992; *Ал-Багини, Шу'айб-афанди б. Идрис.* 1996; *Абдурахман из Газикумуха* 1997; 100 писем Шамиля 1997; *ан-Ницубкри ал-Гази-Гумуки... ад-Дагустани, Сайф Аллах б. Башлар* 1998; *ад-Дургели, Назир* 2012; *ал-Карахи, Мухаммадтахир* 2014). Между тем все это осталось за рамками внимания Караева. Он стоит на давно отвергнутых колониальных позициях.

Без комментариев, но с фактологическими ошибками в книге воспроизводятся устаревшие страхи колонизаторов перед «хищничествами» дикарей-горцев и «суфизмом в фор-

ме мюридизма», в котором видели антироссийское движение, инспирированное турецким султаном и британцами, стремившимися захватить российские владения на Кавказе (с. 14–16 и далее *passim*). Так, движение чеченского шейха Мансура (ум. 1794), скончавшегося в заключении в Шлиссельбурге, Караев безапелляционно связывает с фанатичным мюридизмом и «набеговой системой» горцев, без комментария перенося в книгу длинную цитату из дореволюционного публициста Е. Г. Вейденбаума (с. 100–101). На с. 103 автор без комментариев, значит, вполне солидаризируясь с ним, воспроизводит пересказ журналистом Н. А. Добролюбовым колониальной фобии «мюридизма» из публицистической статьи военного историка А. Л. Зиссермана, рисующей горцев свободолюбивыми, но примитивными дикарями, а имама Шамиля в последние годы его правления — жестоким восточным деспотом и турецким агентом. Здесь автор оскорбил уже не чеченцев с ингушами, а всех дагестанцев, в первую очередь аварцев, чьим национальным героем является ныне имам Шамиль.

Современные исследования (о которых автор не знает и не использует в книге) убедительно доказали, что в джихаде на Кавказе XIX в. суфизм играл незначительную роль (*Gammer* 1994; *Kemper* 2002; 2005). При этом в изложении Караева полностью отсутствуют логика и хронологический порядок. После рассказа о «кавказском мюридизме» автор почему-то переходит к Туркестану, затем без всякой связи говорит про «бабитов», затем через Ахмада ал-Йасави неведомым образом переходит к суфизму

в постсоветское время (с. 99–109). Непонятно, откуда автор взял сведения о том, «что сегодня на Северном Кавказе успешно действует более тридцати суфийских братств» (с. 106), тогда как в действительности их всего три — накшбандийа, кадирийа и шазилийа.

Ну и, конечно, автор никак не мог пройти мимо ужасного и опасного «ваххабизма» конца XX в., причем его текст обнаруживает полное незнание интеллектуальной истории ислама в современном Дагестане и Чечне. Не говоря о том, что сам термин «ваххабизм» носит обидный пейоративный оттенок и его употребление оскорбляет чувства верующих, следует сказать, что книга повторяет устоявшиеся ошибочные клише журналистов и отдельных политологов, не ведающих, каким образом «ваххабизм» проник на Кавказ в постсоветский период. На самом же деле многие идеи постсоветских мусульманских диссидентов-«ваххабитов» уже были озвучены на Восточном Кавказе в полемических трудах таких крупных ученых-правоведов, как Мухаммад ал-Кудуки (ум. 1717), Барка-кади ал-Акуши (ум. 1838) и многочисленных сочинениях поздних дагестанских реформаторов-джадидов первой трети XX в. (Шихалиев 2017: 149–160). Poleмика по поводу «правоверия» и «заблуждения» в исламе не нова не только на Восточном Кавказе, но и в арабском мире. Совершенно неверно противопоставлять в этом отношении «ваххабизм» некой единой «дедовской, отцовской религии» (с. 106.), которой попросту не существует. Ничего не сказано о том, куда делись ваххабиты сейчас, после конца 1990-х гг., до которых до-

ведено повествование о них в книге. Все разделы монографии об исламе не дают ничего нового для науки ни в истории суфизма, ни в плане его социологии и развития мусульманской философской мысли. Перед нами некий «дайджест», разрозненные сведения о суфизме, исламизации, «ваххабизме», не связанные ни общей мыслью, ни кавказской географией, ни хронологией.

Но особенно плохо то, что, как мы уже убедились выше, автор книги часто приписывает себе знание неведомых ему сочинений и даже восточных рукописей на арабском языке. От этого ему случается попадать впросак. Нельзя не упомянуть в этой связи советскую идеологему «дружбы народов», бесконечной взаимной любви и уважения друг к другу, которую Караев находит в отношениях между кавказцами и русскими в любой исторический период. Между тем в колониальной действительности все происходило совсем не в столь радужных тонах. Вопреки утверждению автора (с. 85), знаменитый кадирийский шейх Кунта-Хаджи, сосланный с Северного Кавказа на север России в 1864 г., не проповедовал среди своих последователей ни пацифизма, ни «признания власти России». Он был противником вооруженного джихада, поскольку считал его бессмысленным самоистреблением, но ни империю, ни русских особо не любил и не признавал себя подданным царя, о чем свидетельствуют сохранившиеся от него письма, документы и записи его проповедей (Зелькина 2006: 34–46).

Со своей стороны, многие русские беллетристы и даже борющиеся

с царизмом декабристы не питали нежных чувств к горцам, с которыми шла жестокая и затяжная война. Так обстояло дело с популярным писателем А. А. Бестужевым-Марлинским, который создал популярный у русской читающей публики романтический образ благородного разбойника-абрека Аммалат-бека. Совсем скандальная история в рецензируемой книге произошла со знаменитым проектом конституции «Русская правда» у декабриста Пестеля. Не читавший его Караев привычно солгал, обнаружив у Пестеля призыв «заботиться об улучшении... положения... кавказцев», к которым надо относиться как к будущим «нашим братьям» (с. 26). В действительности эта цитата относится не к горцам, но к «кочующим народам» («Русская правда» П. И. Пестеля... 1958: 142–143). Если открыть «Русскую правду», ясно, что под «отеческой заботой» о горцах Северного Кавказа Пестель понимал жестокие репрессии. Характеристика горцев у него столь жива, что нельзя не привести ее: «Сии народы столь же бедны, сколь и мало просвещенны. Земля, в которой они обитают, издавна известна за край благословенный, где все произведения природы с избытком труды человеческие вознаграждать бы могли и который некогда в полном изобилии процветал. Ныне же находится в запустелом состоянии и никому никакой пользы не приносит оттого, что народы полудикие владеют сей прекрасной страной» (Там же: 144). Чтобы пресечь их «буйства и хищничества», Пестель предлагал «разделить все сии кавказские народы на два разряда, мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское прав-

ление и устройство, а вторых силой переселить во внутренность России... Завезти в Кавказские земли русские селения и сим русским переселенцам раздать все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область» (Там же: 144–145). Здесь налицо фальсификация исторического источника.

Нельзя не обратить внимания на массу характерных опечаток в именах и понятиях, причем достаточно известных специалистам и даже широкой публике. Инициалы, названия и даты в книге Караева также часто неузнаваемо перепутаны. Прославленный мистик Абу Хафс ас-Сухраварди назван в книге Абухафе (с. 89), иранский мистик из Тебриза Махмуд Шабистари стал в ней «азербайджанским мыслителем Шабустари» (с. 92), первый имам Дагестана и Чечни Гази-Мухаммад — Гаук-Мухаммедом (с. 103), лингвист Петр Кириллович Услар превратился в К. Услара (с. 18), аварский помощник Услара Хитинав или Гитинав (авар. Гьитинав) стал Геттинкау (с. 33), никогда не писавший о Кавказе тюрколог В. В. Радлов — Радловым (с. 24), исследователь картвельских языков М. И. Броссе — В. Броссе (с. 27), ученый и путешественник И. А. Гюльденштедт — Гюльденпггедтом (с. 30), Хасан-бек Зардаби Г. — Зарадаби (с. 193). В списке ученых имен на с. 24 буддолог Ф. И. Щербатской фигурирует как Щербатский, семиолог П. К. Коковцов — Коковцев. Равным образом студенты медресе, известные под арабским именем

мута‘аллимов, превратились в му-талибов (с. 31), лакский язык, называвшийся во времена Услара казикумухским, стал казикумыкским (с. 33?!), суфийская техника сама‘ — этнонимом саам (с. 89), ихван ас-сафа‘ («Братья чистоты») — ихван асасафа (с. 96). Этот список можно продолжать долго. Главная причина этих ошибок, несомненно, в том, что автор не владеет предметом, о котором пишет, перевирая имена и реалии, которые узнает в первый раз, причем из третьих рук. Кроме того, он не редактировал свой текст. В иностранных языках, автор, по-видимому, не силен. Оттого почти все названия на французском, немецком и даже английском языках в редких сносках и библиографии работы перевраны (с. 54, 278, 327, 364). Можно заподозрить, что в монографии сохранились следы не выверенного сканирования чужих текстов, например, в случае с превращением буквы «с» в «е» и т.д., иными словами недопустимого по научной этике подлога и плагиата. Очевидно, по той же причине Священное Писание иудеев на с. 144 из Танаха превратилось в Панах.

Кроме массы опечаток и ошибок в книге встречаются случаи сознательного подлога при цитировании источников. Мы уже обращали внимание на ложные утверждения Карраева о проведении им текстологического анализа арабской рукописи суфийской энциклопедии ад-Дарбанди, которую автор не смог даже верно датировать, ошибившись почти на полтысячелетия (с. 94–95). Довольно странно, что в книге почти не использованы архивы России и стран Закавказья, в особенности

Тбилиси. Только в библиографии к 1-й главе I раздела есть две одинокие сноски на архивы. Это сноски 5 и 6 (с. 53) на дела из фондов Государственных архивов Ставропольского и Краснодарского краев (ГА СК и ГА КК) к цитатам на с. 15. Обе они оформлены с грубым нарушением общепринятых норм научного цитирования и следами не выверенного сканирования ссылок из чужих публикаций. Поэтому вместо сокращения для архивного фонда вместо ф. значится «ср.», а описи вместо привычного оп. — «ок.». Сноски — «глухие», т.е. без названий дел и архивных фондов. Можно утверждать, что автор никогда не работал ни в одном из этих архивов. Обе сноски ложные. Поэтому первая сноска, касающаяся, как нам удалось установить, рапорта пристава над обеими Кабардами генерала И. П. Дельпоццо, помещена в ф. 87, оп. 1, д. 214 ГА КР от 1807 г., в то время как он управлял краем начиная с 1810 г. Это значит, что в этом деле данного рапорта нет. Вторая сноска о прошении кабардинцев переселиться внутрь Кавказской линии неверно помещена в ф. 249, оп. 1, д. 339 ГА СК, между тем как в этом фонде хранятся дела не о переселениях замиранных горцев, но канцелярии кошевого атамана Черноморского казачьего войска, находившегося в другой части Северо-Западного Кавказа, не в горах Большой Кабарды, а на Черноморском побережье. На той же с. 53 есть совершенно невразумительно украденная из чужой публикации сноска 9, в которой даже аббревиатура наименования архива — неверная. Похоже, она взята из чужой работы по материалам московского АВПРИ, но ссылка идет на архив из Санкт-Петербурга.

Есть ли в книге Караева что-либо, кроме опечаток, невольных и намеренных ошибок, случаев подлога и фальсификации истории, лишь малая часть из которых была разобрана выше? Хотелось бы понять, что же хотел сказать автор — в чем его новое слово, вклад в ту область науки, которую он именуется «теоретическим кавказоведением» (с. 10). В поисках ответа на этот вопрос мы тщательно просмотрели все 412 страниц книги, но нашли лишь банальности, сочетающиеся с поистине хлестаковским самозванством и не менее дремучим невежеством, сродни «научным открытиям» из «Письма к ученому соседу» А. П. Чехова. «Научные» находки Караева вполне можно резюмировать цитатой и другого чеховского рассказа: «Волга впадает в Каспийское море... Лошади кушают овес и сено!» Он в тысячный раз вновь изобретает велосипед, не зная, что до него это давно сделали и кроме него всем это прекрасно известно.

Вот характерные примеры «научных открытий» автора: «...Библия и Коран выводят еврейский и арабский народы из одного генеалогического корня — праотцем обоих народов является еврейский Абрахам и христианский Авраам» (с. 143). «Ислам проник на Кавказ с юга...» (Там же). «В Панахе (правильно: Танах. — П. Б., П. Т., Ш. Ш.), еврейском (надо: иудейском. — П. Б., П. Т., Ш. Ш.) варианте Ветхого Завета — Бог обозначается многими именами: Яхве, Адонай, Саваоф, Элоах или множественным числом Элохим» (с. 144). «Идентичны библейские и коранические имена учеников и помощников Бога (!) До сих пор ни верующие, ни религиоведы не знали, что в авраами-

ческих религиях у единого Бога есть ученики и помощники; последние считались признаком язычества. — П. Б., П. Т., Ш. Ш.). Иудейско-христианскому Михаилу соответствует мусульманский ангел Микаилу (2:92) (очередная банальная ошибка: в Танахе имя ангела Михаэль, а в Коране, 2:92/98 — Мика'ил. — П. Б., П. Т., Ш. Ш.). «Мы в своем исследовании предприняли попытку провести сравнительный анализ текстов Библии и Корана с целью доказательства сходства имен, сюжетов, а главное — нравственных принципов, излагаемых почти тождественно в обеих священных книгах. Чтобы сопоставить библейские и коранические тексты пришлось искать фрагменты повествования по всему Корану» (с. 145). Абсолютно непонятно, зачем автору было так трудиться, когда в мире уже несколько столетий существуют конкордансы, которыми может воспользоваться каждый желающий, причем один из них еще в 1859 г. составил герой его очерков Казембек.

Подведем итоги нашего долгого разбора. Рецензируемая книга содержит многочисленные случаи искажения исторических фактов, намеренной фальсификации истории Кавказа, преимущественно в угоду исторической политике Азербайджанской Республики, что не только недопустимо в академической науке, но и серьезно нарушает государственные интересы Российской Федерации в регионе, оскорбляет чувства верующих, в особенности кавказских мусульман, и способствует разжиганию межнациональной вражды. Автор не скрывает своих одиозных симпатий к колониальному завоеванию Кавказа царской Россией,

очерняет шейха Мансура, имама Шамиля и других известных героев национально-освободительного движения XIX в., разделяет официозные колониальные стереотипы о неразвитости кавказских горцев. При этом он демонстрирует абсолютное неумение писать научные тексты, работать с историческими источниками, не знает ни предмета исследования, ни современной научной литературы. Фактически в монографии отсутствует структура, постоянно нарушается хронологический порядок и логика изложения, названия глав не соответствуют содержанию. Ни одна глава не дописана. Текст представляет собой набор атомарных ничем не подтвержденных тезисов, похожих на хаотичные дневниковые записи. Нередки случаи совершенно недопустимого в университетском издании плагиата. Теоретическое кавказоведение Караева на проверку оказывается профанацией науки.

Самое прискорбное при этом, что во введении книга выдается за учебное пособие. Согласно введению, для студентов Московского университета на философском факультете и у востоковедов в Институте стран Азии и Африки (ИСАА) по ней уже многие годы читаются целых 5 учебных курсов: «Введение в философию народов Кавказа», «Философия народов Кавказа», «Азербайджан. Общественно-политическая мысль. История. Культура», «Армения. Общественно-политическая мысль. История. Культура», «Грузия. Общественно-политическая мысль. История. Культура» (с. 5). Рецензентами книги выступили В. А. Кувакин с философского факультета и Н. Г. Нурулло-Ходжаева, преподающая

на кафедре стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА (с. 2) — доктора философских наук, которые, однако, о Кавказе ничего не писали.

Более того, как удалось выяснить, книга Караева слово в слово с небольшими изъятиями повторяет его же докторскую диссертацию «Теоретическое кавказоведение (историко-философский анализ)», защищенную на философском факультете МГУ в конце 2002 г. О качестве текста издания 2019 г. уже было достаточно сказано. Столь же малограмотной была и докторская диссертация. Она не натягивает даже на бакалаврский диплом. Некоторые страницы докторской диссертации Караева, не вошедшие в его книгу 2019 г., содержат еще более вопиющие случаи грубых ошибок в фактах и фальсификации истории, например, на с. 230 «мидийские легенды (VII–VI вв. до н.э.) объявлены древнеазербайджанским эпосом. Возникает ряд недоумений: как один из наиболее уважаемых вузов России, Московский университет пропустил такую откровенно негодную работу, а ВАК присвоил Караеву в 2003 г. степень доктора наук? На что смотрели рецензенты диссертации и повторяющей ее книги 2019 г.? Чему автор книги может научить студентов МГУ, как философов, так и востоковедов? Как к мифу о древнеазербайджанской государственности в Атропатене отнесутся студенты и аспиранты МГУ из Армении, а к оскорблению шейха Мансура и имама Шамиля — чеченцы и дагестанцы? Почему МГУ покрывает недопустимые случаи научной некомпетентности своих профессоров и фальсификации ими истории? Мы хотели бы получить ответы на эти во-

просы от руководства университета. На наш взгляд, необходимо поднять в академическом сообществе вопрос о законности присвоения автору рецензируемой монографии научной степени доктора наук и звания профессора.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

100 писем Шамиля 1997 — 100 писем Шамиля / введ., тексты, пер. с араб., комм., примеч., прилож. и указ. Х.А. Омарова. Махачкала: ДНЦ РАН, 1997.

Абдурахман из Газикумуха 1997 — *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний / факсим., пер. М.-С. Саидова под ред. А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997.

ад-Дургели, Назир 2012 — *ад-Дургели, Назир*. Усилия умов в биографиях дагестанских ученых / пер. с араб., комм., факс. изд., указ., библиограф. А.Р. Шихсаидова, М. Кемпера, А.К. Бустанова. М.: Издательский дом Марджани, 2012.

Ал-Багини 1996 — *Ал-Багини, Шу'айб-афанди б. Идрис*. Ат-табакат ал-хваджган ан-накшбандийа ва-садат ал-машайх ал-халидийа ал-махмудийа. Дамаск, 1996.

ал-Гази-Гумуки 1904 — *ал-Гази-Гумуки, Джамал ад-Дин*. Ал-Адаб ал-мардийа фи-т-тарика ан-накшбандийа. Петровск: Типография Михайлова, 1904.

Ал-Йараги 1910 — *Ал-Йараги, Мухаммад*. Асар аш-шайх ал-Йараги. Темир-Хан-Шура: ал-Матба'а ал-исламийа ли-Мухаммад Мирза Мавраев, 1910.

Алкадари 1929 — *Алкадари, Гасан-Эфенди*. Асари Дагестан (Исторические сведения о Дагестане) / пер. и примеч. Али Гас. Гасанова (Алкадари). Махачкала: Издание Даг. НИИ, 1929.

ал-Карахи 2014 — *ал-Карахи, Мухаммадтахир*. Книга о значимости усилия улучшать свои деяния по мере сил / пер. с араб. и комм. Р.С. Абдулматжидова,

Д.М. Маламагомедова, М.Г. Шехмагомедова. М.: Наука — Восточная литература, 2014.

ан-Ницубкри ал-Гази-Гумуки 1998 — *ан-Ницубкри ал-Гази-Гумуки... ад-Дагустани, Сайф Аллах б. Башлар*. Мактубат Сайф Аллах ила фукара' Дагистан. Дамаск, 1998.

Бакиханов 1991 — *Бакиханов А.-К.-а*. Гюлистан-и Ирам / под ред. З. Буниятова. Баку: Элм, 1991.

Зелькина 2006 — *Зелькина А.* Учение Кунта-Хаджжи в записи его мюрида // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 34–46.

«Русская правда» П.И. Пестеля 1958 — «Русская правда» П.И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие // Восстание декабристов. Документы / под ред. М.В. Нечкиной. Т. VII. М.: Госполитиздат, 1958.

Шамиль — ставленник... 1953 — Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: сб. документальных материалов / под ред. Ц.В. Цагарейшвили. Тб.: Госиздат Грузинской ССР. Сектор политической истории, 1953.

Шихалиев 2006 — *Шихалиев Ш.Ш.* Суфийский шейх сегодня // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 28–34.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агларов 1999 — *Агларов М.А.* Идеи декабризма в ранней русской историографии Кавказа (В честь 90-летия со дня рождения Х.О. Хашаева) // Хаджи-Мурад Хашаев. Ученый, политик, гражданин. Махачкала: ДНЦ РАН. Институт истории, археологии и этнографии, 1999.

Аликберов 2006 — *Аликберов А.К.* Баб ал-абваб; ал-Варак; Ад-Дарбанди; ал-Лакзи, Йусуф; ал-Лакзи, Маммус; Северный Кавказ // Ислам на территории бывшей Российской империи / под ред. С.М. Прозорова. Т. I. М.: Восточная литература, 2006.

Аликберов 2003 — Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик (XI–XII вв.)». М.: Восточная литература, 2003.

Аллатов 2009 — Аллатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд. М.: УРСС, 2004.

Аллатов 1993 — Аллатов В.М. Марр, марризм и сталинизм // *Философские исследования*. 1993. № 4. С. 271–288.

Вацагаев 2003 — Вацагаев М. Чечня в Кавказской войне: события и судьбы. Киев; Париж: Фонд «Историко-культурное наследие чеченцев», 2003.

Гаджиев, Давудов, Шихсаидов 1996 — Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала: ДНЦ РАН, 1996.

Генко 1941 — Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // *Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19–23 октября 1937 г.* / под ред. и с предисл. акад. И. Ю. Крачковского // *Труды института востоковедения*. Вып. XXXVI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 6–110.

ДиУис 2018 — ДиУис Д. Йасавайя // *Ислам на территории бывшей Российской империи* / под ред. С. М. Прозорова. Т. II. М.: Восточная литература, 2018. С. 194–199.

Жарехина и др. 2014 — Жарехина Р.М. и др. *Востоковеды России XX — начало XXI в.* Материалы к словарю: исправления и дополнения. М.: МБА, 2014.

Ибрагим, Ефремова 1998 — Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В. Путеводитель по Корану. Вера. М.: Совет муфтиев России, 1998.

Ибрагим, Ефремова 2009 — Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В. Жизнь пророка Мухаммада. В 2 т. М.: Ладомир, 2009.

Ибрагим, Ефремова 2014 — Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В. Священная история согласно Корану. М.: Эксмо, 2014.

Ислам на территории... 2006; 2018 — Ислам на территории бывшей Российской

империи / под ред. С. М. Прозорова. Т. I–II. М.: Восточная литература, 2006; 2018.

Книши 2004 — Книши А.Д. Исламский мистицизм: краткая история. СПб.: Дия, 2004.

Крачковский 1958 — Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики // Крачковский И.Ю. *Избранные сочинения*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Марр 1933 — Марр Н.Я. Предисловие к «Классифицированному перечню печатных работ по яфетидологии» // Марр Н.Я. *Избранные работы*. Т. I. Этапы развития яфетической теории. М.; Л.: Издательство ГАИМК, 1933. С. 221–230.

Милибанд 2008 — Милибанд С.Д. *Востоковеды России XX — начало XXI в.* Библиографический словарь. В 2 кн. Кн. I. А — М. М.: Восточная литература, 2008.

Резван 2001 — Резван Е.О. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.

Россия и мусульманский мир 2010 — Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема / отв. ред. А. В. Смирнов. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Сагадеев 1969 — Сагадеев А.В. Мусульманская средневековая философия. М.: Мысль, 1969.

Смирнов 2001 — Смирнов А.В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Тахнаева 2016 — Тахнаева П.И. Имамат Шамиля в современной историографии. Рец.: Дадаев Ю. У. Государственное образование (имамат) Шамиля: органы власти и управления. Махачкала, 2015. 504 с. // *Историческая экспертиза*. 2016. № 1. С. 200–219.

Тольц 2013 — Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский периоды. М.: НЛЮ, 2013.

Шилков 2004 — *Шилков Ю.М.* Яфетическая философия языка Н.Я. Марра // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 16. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2004. С. 72–91.

Шихалиев 2007 — *Шихалиев Ш.Ш.* Суфийские вирды Накшбандийи и Шазилийи в Дагестане // Вестник Евразии. 2007. № 3. С. 137–151.

Шихалиев 2017 — *Шихалиев Ш.Ш.* Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 149–160.

Шихсаидов 2001 — *Шихсаидов А.Р.* Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура Дагестана / отв. ред. А.Р. Шихсаидов. М.: Восточная литература, 2001.

Шихсаидов 2016 — *Шихсаидов А.Р.* А.Н. Генко и его статья «Арабский язык и кавказоведение» // Исламоведение. 2016. Т. 7. № 3. С. 40–52.

Шнирельман 2003 — *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.

Crombach 2019 — *Crombach S.G.* Ziiia Buniatov and the Invention of an Azerbaijani Past. PhD in History. Amsterdam: The University of Amsterdam, 2019.

Encyclopaedia of Islam 1954–2005 — Encyclopaedia of Islam / ed. by P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel and W.P. Heinrichs. 2nd ed. Leiden: E.J. Brill, 1954–2005.

Encyclopaedia of Islam 2007 — Encyclopaedia of Islam / ed. by K. Fleet, G. Krämer, D. Matringe, J. Nawas and E. Rowson. 3rd ed. Leiden: E.J. Brill, 2007–.

Gammer 1994 — *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnya and Daghestan. L.: Franc Cass, 1994.

Ibrahim, Sagadeev 1990 — *Ibrahim T., Sagadeev A.* Classical Islamic Philosophy. M.: Progress Publishers, 1990.

Islam au Caucase 2004 — Islam au Caucase / sous la coord. De S. Gangloff / Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le Monde turco-iranien (CEMOTI). 2004. No. 38.

Kemper 2002 — *Kemper M.* Khāliidiyya Networks in Daghestan and the Question of Jihād // Die Welt des Islams. 2002. Vol. 42. Issue 1. P. 41–71.

Kemper 2005 — *Kemper M.* Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan von den Khanaten und Gemeindebünden zum gihad-Staat. Wiesbaden: Reichert, 2005.

Sacred Places... 2018 — Sacred Places, Emerging Spaces. Religious Pluralism in the Post-Soviet Caucasus / ed. by T. Darieva, F. Mühlfried, K. Tuite. N. Y.; Oxford: Berghann, 2018.

Said 2003 — *Said E.W.* Orientalism. L.; N. Y.: Penguin Books, 2003.

Sidorko, Clemens P. 2007 — *Sidorko, Clemens P.* Dschihad im Kaukasus. Antikolonialer Widerstand der Dagestaner und Tschetschenen gegen des Zarenreich (18. Jahrhundert bis 1859). Wiesbaden: Reichert, 2007.

REFERENCES

Aglarov M.A. Idei dekabrizma v rannej russkoj istoriografii Kavkaza (V chest' 90-letiya so dnya rozhdeniya KH.O. Khashaeva). *Khadzi-Murad Khashaev. Uchenyj, politik, grazhdanin.* Makhachkala: DNC RAN. Institut istorii, arkeologii i etnografii, 1999. P. 39–41.

Alikberov A. K. Bab al-abvab; al-Varak; Ad-Darbandi; al-Lakzi, Jusuf; al-Lakzi, Mammus; Severnyj Kavkaz. *Islam na territorii byvshej Rossijskoj imperii* / ed. S.M. Prozorova. — Vol. I. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. P. 45–49, 84, 126–129, 238–241, 353–361.

Alikberov A. K. *Ehpokha klassicheskogo islama na Kavkaze: Abu Bakr ad-Darbandi i ego sufijskaya ehnciklopediya «Rajkhan al-khalkAik (XI–XII vv.)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003.

Alpatov V.M. *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm.* 2-e izd. Moscow: URSS, 2004.

- Alpatov V. M. Marr, marrizm i stalinizm. *Filozofskie issledovaniya*, 1993, no. 4. P. 271–288.
- Crombach S. G. *Ziia Buniatov and the Invention of an Azerbaijani Past. PhD in History*. Amsterdam: The University of Amsterdam, 2019.
- DIUis D. Jasavija. *Islam na territorii byvshej Rossijskoj imperii*, ed. S. M. Prozorova. Vol. II. Moscow: Vostochnaya literatura, 2018. P. 194–199.
- Encyclopaedia of Islam*, ed. by P. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel and W. P. Heinrichs. 2nd ed. Leiden: E. J. Brill, 1954–2005.
- Encyclopaedia of Islam*, ed. by K. Fleet, G. Krämer, D. Matringe, J. Nawas and E. Rowson. 3rd. ed. Leiden: E. J. Brill, 2007–.
- Gadzhiev M. G., Davudov O. M., Shikhsaidov A. R. *Istoriya Dagestana s drevnejshikh vremen do konca XV v.* Makhachkala: DNC RAN, 1996.
- Gammer M. *Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnya and Dagestan*. L.: Franc Cass, 1994.
- Genichutl'skij, Khajdarbek. *Istoriko-biograficheskie i istoricheskie ocherki*, tr. from arab. T. M. Ajtberova. Makhachkala: Fond Shamilya, DNC RAN, 1992.
- Genko A. N. Arabskij yazyk i kavkazovedenie. Trudy vtoroj sessii Associacii arabistov 19–23 oktyabrya 1937 g., ed. i s predisl. akad. I. YU. Krachkovskogo. *Trudy instituta vostokovedeniya*. Vyp. XXXVI. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941. P. 6–110.
- Ibragim T. K., Efremova N. V. *Putevoditel' po Koranu. Vera*. Moscow: Sovet muftiev Rossii, 1998.
- Ibragim T. K., Efremova N. V. *Zhizn' proroaka Mukhammada*. V 2 t. Moscow: Ladomir, 2009.
- Ibragim T. K., Efremova N. V. *Svyashchennaya istoriya soglasno Koranu*. Moscow: Ehksmo, 2014.
- Ibrahim T., Sagadeev A. *Classical Islamic Philosophy*. Moscow: Progress Publishers, 1990.
- Islam au Caucase*, sous la coord. De S. Gangloff / Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le Monde turco-iranien (CE-MOTI), 2004, no. 38.
- Islam na territorii byvshej Rossijskoj imperii*, ed. S. M. Prozorova. Vol. I–II. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006; 2018.
- Kemper M. Khālidīyā Networks in Daghestan and the Question of Jihād. *Die Welt des Islams*, 2002, vol. 42. Issue 1. P. 41–71.
- Kemper M. *Herrschaft, Recht und Islam in Dagestan von den Khanaten und Gemeindebänden zum gihad-Staat*. Wiesbaden: Reichert, 2005.
- Knysh A. D. *Islamskij mystitsizm: kratkaya istoriya*. St. Petersburg: Dilya, 2004.
- Krachkovskij I. YU. Ocherki po istorii russkoj arabistiki. *Ego zhe. Izbrannye sochineniya*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1958.
- Marr N. YA. Predislovie k «Klassificirovannomu perechnyu pechatnykh rabot po yafetidologii». *Ego zhe. Izbrannye raboty*. Vol. I. Ehtapy razvitiya yafeticheskoi teorii. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo GAIMK, 1933. P. 221–230.
- Miliband S. D. *Vostokovedy Rossii XX — nachalo XXI v. Biobibliograficheskij slovar'. V 2 kn.* Kn. I. A — M. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008.
- Rezvan E. O. *Koran i ego mir*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2001.
- Rossiya i musul'manskij mir: inakovost' kak problema*, otv. red. A. V. Smirnov. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2010.
- Sagadeev A. V. *Musul'manskaya srednevekovaya filosofiya*. Moscow: Mysl', 1969.
- Smirnov A. V. *Logika smysla. Teoriya i ee prilozhenie k analizu klassicheskoi arabskoj filosofii i kul'tury*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001.
- Takhnaeva P. I. *Imamat Shamilya v sovremennoj istoriografii*. Rec.: Dadaev YU. U. Gosudarstvennoe obrazovanie (imamat) Shamilya: organy vlasti i upravleniya. Makhachkala, 2015. 504 s. *Istoricheskaya ehkspertiza*, 2016, no. 1, p. 200–219.

Tol'c V. «*Sobstvennyj Vostok RossiI*»: *politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneim-perskij i rannesovetskij periody*. Moscow: NLO, 2013.

Sacred Places, Emerging Spaces. Religious Pluralism in the Post-Soviet Caucasus, ed. by T. Darieva, F. Mühlfried, K. Tuite. N. Y.; Oxford: Berghann, 2018.

Said E. W. *Orientalism*. L.; N. Y.: Penguin Books, 2003.

Shilkov YU. M. Yafeticheskaya filosofiya yazyka N. YA. Marra. *Veche. Al'manakh russkoj filosofii i kul'tury*. Vyp. 16. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta, 2004. P. 72–91.

Shikhaliev SH. SH. Sufijskie viridy Nakshbandija i Shazilija v Dagestane. *Vestnik Evrazii*, 2007, no. 3, p. 137–151.

Shikhaliev SH. SH. Musul'manskoe reformatorstvo v Dagestane (1900–1930 gg.). *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 2017, no. 3, p. 149–160.

Shikhsaidov A. R. Rasprostranenie islama v Dagestane. *Islam i islamskaya kul'tura Dagestana*, otv. red. A. R. Shikhsaidov. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001.

Shikhsaidov A. R. A. N. Genko i ego stat'ya «Arabskij yazyk i kavkazovedenie». *Islamovedenie*, 2016, vol. 7, no. 3, p. 40–52.

Shnirel'man V. A. *Vojny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e*. Moscow: Akademkniga, 2003.

Sidorko, Clemens P. *Dschihad im Kaukasus. Antikolonialer Widerstand der Dagestaner und Tschetschenen gegen des Zarenreich (18. Jahrhundert bis 1859)*. Wiesbaden: Reichert, 2007.

Vachagaev M. *Chechnya v Kavkazskoj vojne: sobytiya i sud'by*. Kiev; Parizh: Fond «Istoriko-kul'turnoe nasledie chechenceV», 2003.

Zharekhina R. M. i dr. *Vostokovedy Rossii XX – nachalo XXI v. Materialy k slovarju: ispravleniya i dopolneniya*. Moscow: MBA, 2014.

А. А. Тесля

ПОРНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСТАНЦИЯ

Рец.: *Маркус С.* Другие викторианцы. Исследование сексуальности и порнографии в Англии середины XIX века / пер. с англ. О. Е. Корчагиной. СПб.: Гуманитарная академия, 2021

В эссе рассматривается классическое исследование Стивена Маркуса, посвященное порнографической литературе и представлениям о сексуальности в викторианской Англии. Временная перспектива позволяет выявить неожиданные пересечения между предметом изучения и свойствами авторского текста — и в свою очередь поставить вопрос о современном функционировании порнографической литературы.

Ключевые слова: история сексуальности, порнография, роман, сексуальная революция, социальный роман.

Сведения об авторе: Андрей Тесля, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Контактная информация: mestr81@gmail.com.

A. A. Teslya

PORNOGRAPHY AND HISTORICAL DISTANCE

Rev.: Markus S. Drugie viktoriancy. Issledovanie seksual'nosti i pornografii v Anglii serediny XIX veka, per. s angl. O. E. Korchaginoj. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya, 2021

This essay examines Stephen Marcus's classic study of pornographic literature and representations of sexuality in Victorian England. The temporal perspective makes it possible to reveal unexpected intersections between the subject of

study and the properties of the author's text — and in turn raise the question of the modern functioning of pornographic literature.

Key words: history of sexuality, pornography, romance, sexual revolution, social romance.

About the author: Teslya Andrey A., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University.

Contact information: mestr81@gmail.com.

Читая Маркуса пятьдесят пять лет спустя после выхода первого издания его работы — бросается в глаза, что в книге вообще-то два совершенно разных вопроса — и подзаголовок скорее вводит в заблуждение, выставляя на передний план тот, который совершенно исчезает к финалу. В чем, кажется, та же авторская игра, что и в неоднократно напоминаемом героем второй главы, коллекционером порнографической литературы и библиографом мистером Эшби, затруднении каталогизации порнографии — побудившей Эшби не ограничиваться лишь заглавиями, а о каждой книге давать краткую информацию и приводить цитаты — ведь представляемый автором/издателем заголовок не только не позволяет часто определить содержание, но иногда и решительно сбивает с толку.

Подзаголовок утверждает, что перед нами — «исследование сексуальности и порнографии в Англии середины XIX века» — тогда как по мере продвижения книга все более оказывается описанием устройства порнографического текста — оставляя в стороне время и место, делая их условными (как поступает и сам порнографический роман).

Впрочем, на втором ходе все-таки конкретика возвращается, хотя и во мно-

гом неизвестным самому автору способом — поскольку для Маркуса «порнографический роман» приобретает свой завершённый, избавленный от связей с художественной литературой облик именно в середине XIX в. — чтобы продолжаться и продолжаться. Но для нас он оказывается именно по большей части уже «в прошлом», возвращаясь назад к литературе — поскольку собственно «порнографический роман» воспринимает слово, литературную конструкцию — как препятствие, то, от чего он стремится избавиться — отсылая к внесловесному, «непосредственному», используя слово как жест, отчего он столь небрежен, безнадежно слаб «литературно», используя избитые обороты, прибегая все к одним и тем же описаниям — он стремится показать, прибегая к слову как к неизбежному посреднику, но неизбежность оказывается временной — и упрощение и удешевление кинопроизводства, а следом — и всеобщая доступность видео — как раз и уведут предмет описания Маркуса в прошлое, сохранив в современности его лишь как особый вид удовольствия, связанный именно с текстом, словом.

Порнографическая литература оказывается для Маркуса «другим» по отношению к публичному,

признанному представлению о сексуальности. Но, пожалуй, главное, что показывает Маркус — и где его самого ждет разочарование — так это именно в нерасхождении благопристойной и непристойной литературы — рассуждений врачей и моралистов и авторов непристойности — их единство, правда, не в прямом совпадении — но в зеркальности, две части одного. И здесь же — своеобразие «викторианства» в сексуальном невежестве среднего класса, основных читателей и авторов как медицинских трактатов, так и наставлений в пристойной жизни и романов, выходящих без обозначения или с заведомо неверным обозначением года и места издания — «невежество» прежде всего не в отсутствии какого-то «знания», а в отсутствии языка, на котором возможно обсуждать сексуальное и понимать себя и другого, где язык медицины столь же завязан на тело и орган, как и язык порнографии.

Выглядящая сейчас самой слабой часть книги — те фрагменты, где автор пытается оперировать «современными» теориями, давать «объяснения» наблюдаемому. Так, например, когда — опираясь на Фрейда и идущую от него традицию — объясняет распространенность и популярность флагеллантских текстов скрытым гомосексуальным влечением, настолько скрытым, что оно оказывается, скорее всего, недоступным и самим авторам — и при этом в качестве нормативного — прозрачного, самого собой разумеющегося — воспринимает жесткую сексуальную идентичность

(самый показательный момент: с. 318), удивляясь тому, насколько она не закреплена именно в текстах о порке. Хотя приводимые им самим многочисленные примеры из «собственно порнографических» романов вроде бы демонстрируют ровно то же самое — где герои выступают в самых разных ролях и это движение ролей в том числе и является одним из элементов порнографической комбинаторики. Но для него самого эти стороны текстов уходят на периферию — так что итоговая рамка, сводящая все не к гетеросексуальному влечению, а обращающая во взаимодействие даже не тел, а губо двух органов, члена и влагалища, отчасти восходит к самим текстам, но в значительной мере оказывается и произведением самого Маркуса — здесь подтверждающего свой собственный меланхоличный тезис: «<...> когда речь заходит о сексуальности, так называемый опыт обычно лишь укрепляет наши фантазии и больше ничего» (с. 236).

Самая же сильная — до сих пор ничуть не обращающаяся в «памятник старины» и разглядывания былых научных представлений — часть — это медленное чтение и заметки по поводу читаемых книг, от трудов доктора Актона до вереницы порнографических романов — там, где он остается в границах своего собственного дела и профессии, историка литературы, не прибегая к «большой теории».

И книга жива именно потому, что «большой теории» в ней мало, ее Маркус привлекает, кажется, в основном лишь для самоуспокоения. Что вновь любопытным образом

перекликается с его же рассуждениями об усилиях Эшби обосновать и оправдать свой собственный интерес — и в конце концов тот прибегает к финальному аргументу, от вкуса и пристрастия — аргументу, не снимающему вопроса, но обозначающему конец оправданиям.

С самого заглавия книга играет с «Викторианцами» Стрэчи (1918) — где «другие», вновь, не очень «другие» — способ понять первых, подобно тому, как порнографическая проза позволяет отчетливее понять — и растолковать уже не на уровне интуиций, а как прямое проговаривание — сексуальное содержание конкретных сцен «большой литературы» — равно как и увидеть, насколько та входит в повседневность, чтобы раз за разом

обыгрываться в литературе за пределами литературы.

Ну и последняя деталь, как своеобразный штрих времени — когда Маркус упоминает о «сексуальной революции», которая для него — нечто давным-давно происшедшее, подразумеваемая под ней — в 1966 г. — революцию начала века, там, где появляется тема «отношений» и приходит психология — мир же, им описываемый — допсихологический. И в этом плане он, пожалуй, прав — поскольку та «сексуальная революция», что разворачивается в самый момент выхода книги, этой — ключевой — рамки не сдвинет. И наше понимание сексуального и сексуальности остается именно в этих, задаваемых языком психологии, границах.

А. А. Тесля

КОЛЛАЖ¹

Рец.: *Плохий С. Н.* Потерянное царство. Поход за имперским идеалом и сотворение русской нации (с 1470 года до наших дней) / пер. с англ. С. Лунина и В. Измайлова. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2021. 480 с.

Статья посвящена анализу обзорной, ориентированной на широкий круг читателей книги видного современного историка Сергея Плохия (Harvard) «Потерянное царство». Плохий претендует на общий очерк развития русской нации — осмысляя специфические особенности процесса в первую очередь как следствие противоречий, вытекающих из имперской рамки как предшествующей национальной и по отношению к которой вторая является попыткой удержания имперского целого. В статье подробно отмечаются методологические слабости работы и ее несогласованность, вытекающая из стремления примирить идеологические и научные требования. **Ключевые слова:** «большая русская нация», история русской общественной мысли, национализм, нацистроительство, русская историография, украинский вопрос, украинофильство.

Сведения об авторе: Андрей Тесля, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Контактная информация: mestr81@gmail.com.

А. А. Teslya

COLLAGE

Rev.: Plokhij S. N. Poteryannoe carstvo. Pokhod za imperskim idealom i sotvorenie ruskoj nacii (s 1470 goda do nashikh dnei), per. s angl. S. Lunina i V. Izmajlova. Moscow: Izd-vo AST: CORPUS, 2021. 480 p.

© А. А. Тесля, 2022

DOI 10.31754/2409-6105-2022-1-364–374

¹ Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

The article is dedicated to the analysis of the review, aimed at a wide range of readers of the book of the prominent modern historian Sergei Plokhii (Harvard) “The Lost Kingdom”. Bad pretends to be a general outline of the development of the Russian nation — comprehending the specific features of the process primarily as a consequence of the contradictions arising from the imperial framework as a previous national one and in relation to which the latter is an attempt to maintain the imperial whole. The article notes in detail the methodological weaknesses of the work and its inconsistency arising from the desire to reconcile ideological and scientific requirements.

Key words: “the big Russian nation”, history of Russian social thought, nationalism, nation-building, Russian historiography, Ukrainian question, Ukrainophilism.

About the author: Teslya Andrey A., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University.

Contact information: mestr81@gmail.com.

Автор рассматриваемой работы — Сергей Николаевич Плохий, выдающийся историк, чьи работы, посвященные «Истории Русов»², давно и прочно вошли в золотой фонд интеллектуальной истории XIX в., а исследование, посвященное Михаилу Грушевскому, — лучшее, что было до сих пор написано об этой огромной фигуре в интеллектуальной и политической истории Российской империи, Украины и Советского Союза (см.: *Plokhii* 2005).

Понятно, что любая работа столь значительного автора — не просто заслуживает внимания, а требует его, побуждает к тщательному разбору — независимо от того, идет ли речь о новой академической статье, интервью или популярном очерке. И тем больший интерес по определению вызывает для отечественного читателя работа, посвященная истории русской нации — пытающаяся обрисовать сюжеты, связанные с этой темой, в длинной исторической перспективе.

Впрочем, затруднения начинаются с самого начала — а именно с определения (концептуального) рамки и конкретного вопроса, на который призвана ответить книга. Сам вопрос остается не поставленным явно — а если он не сформулирован, то, следовательно, и трудно оспорить или согласиться с автором, относится ли к делу конкретный сюжет, или возразить по поводу отсутствия других сюжетов. Так, подзаголовок книги утверждает, что перед нами рассказ о «сотворении русской нации» (the making of Russian nation) и о том, как этот процесс «сотворения» или «создания» соотносится с «походом за имперским идеалом».

В последних строках введения, определяя содержание работы, автор пишет:

«От возникновения независимого Московского государства на руинах Золотой Орды до возрождения русской нации после распада СССР

² См. итоговую монографию: (*Plokhii* 2012).

в книге прослеживаются попытки российских элит восстановить территориальную целостность “потерянного царства” — средневекового Киевского государства, давшего всем восточным славянам общее культурное наследие» (с. 13), —

и здесь же, следом, определяет то «общее» и «специфическое», что видит в указанном сюжете:

«Поиски утраченного “золотого века” знакомы и другим европейским странам. В Средние века Карл Великий возрождал Римскую империю, в раннее Новое время та же цель вдохновляла Габсбургов. Особенность России в том, что поход за “потерянным царством” длится до сих пор» (с. 13).

Следует отметить, что концептуальные зарисовки, предлагаемые Плохием, сами по себе возражений не вызывают — нуждаясь, разумеется, в конкретизации, проработке деталей и проч. Автор исходит из того — в общем-то весьма распространенного тезиса — что напряжение русской современной истории, «диалектическое противоречие», говоря языком предшествующей эпохи, заключается в конфликте между имперской рамкой и процессом русского националстроительства — где имперская рамка возникает не только до, хронологически предшествует началу процесса создания современной нации, но и, в силу особенностей имперского дизайна, создает для последнего фундаментальные затруднения — в частности, сложность отделения, отграничения «национального» от того, что находится во власти, но не является частью нации.

«Россия» и «Российская империя» не совпадают ни для XVIII, ни для XIX в. — «русские владения» что для интеллектуалов пушкинской эпохи, что для публицистов начала XX в., независимо от того, к каким идейным и политическим лагерям они принадлежали, не совпадают с границами того, что ими воспринимается, осознается как собственно «русское». И уж тем более нет, за исключением внешнеполитического восприятия, тождества в «коротком XX веке» — между «Советским Союзом» и «Россией».

Второй важный элемент в концептуальной зарисовке Плохия — понимание империи и имперского не как противостоящего «национальному», а как выступающего агентом националстроительства. Российская империя оказывается в рамках современности попросту вынужденной — чтобы сохраниться в истории, выдержать соперничество с другими участниками противостояния — двинуться по дороге националстроительства, выступить инициатором строительства «имперской нации», способной стать национальным ядром имперского проекта, дать ему возможность продолжиться в истории.

Более того, историческая длительность и политическая успешность империи уже сама по себе должна подталкивать к признанию, что такого рода решение оказалось во многом работающим — решающим, по крайней мере на определенном историческом отрезке, актуальные проблемы, стоявшие перед империей.

Как хорошо известно из исследований национализма последних десяти-

тилетий — «национальная идентичность» не бывает чем-то законченным и стабильным, это не «объект» и не сущность, а со времен теперь уже давно ставшей классической работы Брубейкера — представляется более верным говорить об «идентификации», чтобы не навязывать субстанциалистских трактовок, проникающих в рассуждение и помимо воли самих рассуждающих, посредством языка (Брубейкер 2012).

Но даже оставаясь в рамках «идентичностной» модели — вполне очевидно, что определение идентичности (там, где речь не идет о строго бюрократических процедурах, объективированном отнесении к той или иной категории, фиксируемой в документах, — а о соотношении/самоотношении себя к некоему целому, «мы») в жестком варианте предполагает ситуацию конфликта. В повседневности не только разные идентичности зачастую сосуществуют друг с другом, не пересекаясь в одной плоскости — как, например, профессиональная и национальная, — но и «национальная» («этническая») идентичность устроена многоуровнево. Собственно, когда Плохий описывает современную «русскую этническую идентичность» как ряд вписанных друг в друга кругов — это предельно упрощенное, разумеется, описание отнюдь не является каким-то уникальным или специфичным:

«В их центре — суть русской этнической идентичности, ее ядро. Первый круг, самый близкий к ядру, связан

с русской политической идентичностью, основанной на российском гражданстве; следующий — с восточнославянской идентичностью, а последний, внешний круг охватывает всех прочих принадлежащих к русской культуре — носителей русского языка по всему миру. <...> Эта идентичность “большой русской нации”, имперская в своих истоках и главных чертах, угрожает стабильности всего восточноевропейского региона — от Молдовы, где Москва поддерживает сепаратистскую республику Приднестровье, до Латвии и Эстонии, членов ЕС и НАТО со значительной долей русскоязычного населения» (с. 423–424).

Пытаясь реконструировать общую схему, которой руководствуется Плохий³, мы видим ее следующим образом:

— Россия, складывающаяся исторически из ядра — Великого княжества Московского, которое затем становится царством и империей — в качестве ключевого элемента своей идеологической конструкции содержит идею «собираания земель русских», что отражается уже с последних десятилетий XV в. в великокняжеском титуле;

— с 1520-х гг. возникает концепция «династии Рюриковичей» — как обоснование притязаний правящих московских государей на владение всей державой «своих предков», а с конца XVI в. концепция «Москвы — Третьего Рима», радикально переосмысленная по сравнению с исходными

³ Поскольку она остается не вполне эксплицитной — и о проблемах, возникающих в тексте на уровне конкретно-исторического изложения, речь пойдет дальше — мы заведомо допускаем некоторую приблизительность, условность осуществляемой реконструкции.

интенциями старца Филофея, надеяет державу мессианским и универсальным значением, становясь одним из элементов в учреждении патриаршества, тогда как Смута играет существенную роль в формировании представлений о державе и отечестве, стране — как концептуально отделимых от правителя;

— «православное братство» выходит на передний план прежде всего с момента Переяславской рады, принятия малороссийским казачеством подданства московского государя — и в свою очередь из Киева уже в 1670-е гг. приходит выраженный в «Синописе...» Иннокентия Гизеля нарратив единства «Русской земли», трансляции престолов, соединения династической и протонациональной истории;

— имперская экспансия XVIII в. актуализирует «национальные» мотивы, в сочетании отсылок к конфессиональному и племенному единству, особенно значимые с 1770-х гг., когда по мере разделов Речи Посполитой в состав империи включается большая часть земель, включаемых в понятие «Руси», «Русской земли»;

— XIX в. предстает веком нациестроительства, когда со времен С.С. Уварова делается ставка на концепцию «большой русской нации», исторический нарратив о которой оформляет в первую очередь Н.Г. Устрялов, на долгие годы оказывающийся автором основных учебников русской истории. С 1860-х концепция «большой русской нации» все более склоняется к триадической модели — когда она мыслится складывающейся из великоруссов, малоруссов и белорусов, в итоге вытесняя на периферию би-

нарные концепции «двух русских народностей» Н.И. Костомарова, с подразделением на южные и северные, или М.О. Кояловича, с подразделением на западных и восточных. Советским преемником этой концепции, в сильно ослабленном виде, станет версия «трех братских восточнославянских народов», русских, украинцев и белорусов.

В конце концов «сотворение русской нации» оказывается несостоявшимся, поскольку последняя — так или иначе отсылающая к концепту «большой русской нации» — наталкивается на невозможность включить в эту общность украинцев и белорусов, и современное положение вещей характеризуется заключающейся в концепции «русскости» значительной части элементов имперской концепции русской нации. Поскольку центральным сюжетом оказывается невозможность осуществить концепцию «большой русской нации» прежде всего из-за противодействия украинского национального концепта — то именно противостоянию последнего русскому отводится ключевое место в книге, с вкраплением небольшого числа сюжетов, связанных с белорусским национальным движением.

Проблема в том, как этот подход реализуется в работе. Прежде всего отметим, что если в первых главах дается краткое, но все-таки описание внутренних логик процессов в Московском царстве и его взаимодействия с окружающим миром — в том числе и какие-то варианты ответов на вопрос, почему и за счет чего Великое княжество оказалось способно достаточно быстро расширять свои пределы на северо-запад и запад, то

по мере дальнейшего продвижения повествования «Россия» / «Российская империя» оказываются чем-то просто «данным», не требующим никакого прояснения.

В особенности показательно, что решения, связанные с сюжетами нациестроительства, логика позиций, природа аргументов — и, что важнее всего, действенность или неудача разнообразных программ — все это никак не объясняется. Приведем лишь один пример, отнюдь не самый худший — а, скорее, напротив — достаточно разработанный автором и тем не менее демонстрирующий слабость работы (с. 209–221). Касаясь позиций думских фракций по национальному вопросу и о перспективах дальнейшего устройства империи, Плохий отмечает, что даже кадеты — в том числе в лице не только своего правого крыла, олицетворяемого П. Б. Струве, но и расположенного намного левее П. Н. Милюкова, были не готовы принять в отношении Украины программу территориальной автономии. Максимум уступок украинским требованиям уже в период IV Думы заключался в принятии программы культурной автономии. Автор сообщает читателям эти сведения — и этим и ограничивается, тогда как именно проблема имперского устройства занимала большое место в кадетской мысли: так, один из основных кадетских авторитетов в публично-правовой сфере Ф. Кокошкин и в 1917 г. отвергал не только федерализм, но и применение принципа территориальной автономии к Украине — поскольку его реализация вела бы к неравновесному устройству государственного целого. Для Кокошкина и многих его коллег

по партии была очевидна если не невозможность, то вся опасность федерализации такого рода — поскольку тем самым проблема национальных меньшинств и защиты их прав не только не решалась, но скорее усугублялась — при невозможности выделить национально-гомогенные области (см., например: *Соловьев 2021*: 75–77, 104). В изложении Плохия получается, что даже русские конституционные демократы, воплощение русской либеральной традиции, оказываются отчего-то парадоксально неуступчивы стремлениям Грушевского — но сама логика их несогласия остается попросту никак не обозначенной (а если вспомнить, к чему уже в совсем близкой исторической перспективе приведет стремление к образованию национально-гомогенных государств в регионе и как именно будет протекать процесс гомогенизации даже до наступления Второй мировой войны — то, видимо, все-таки позиция тех же кадетов заслуживает внимания, тем более что они, вместе с теоретиками и публицистами других политических лагерей, в свою очередь опирались на опыт Австро-Венгрии, с ее попытками совмещения территориальной и культурной автономии).

Впрочем, отмеченный недостаток — один из самых несущественных из числа тех, что характеризуют рассматриваемую работу. Перечислим другие, по мере возрастания их значимости в нашем понимании:

— практически отсутствует за границами XVII в. какое бы то ни было описание интеллектуального ландшафта и дебатов о вопросах, касающихся сюжетов имперского и национального

строительства — «Россия» (синонимичная чаще всего, но не всегда у автора «Великороссии») оказывается своеобразным «черным ящиком». Что именно и как именно представляют себе имперские власти, как и почему осмысливают проблемы русские интеллектуалы, какие конкурирующие программы и подходы существуют и каковы их логики — все это остается за пределами рассмотрения. Так, славянофилы упомянуты лишь в рамках их отношения сначала к делу Кирилло-Мефодиевского общества, а затем еще, мельком, в связи с западными губерниями в ситуации после январского восстания 1863 г. При том что автор много — и в рамках своего концептуального подхода довольно предсказуемо — говорит об исторических нарративах, он умудряется почти ничего не сказать ни о Н.М. Карамзине, ни о С.М. Соловьеве и связанной с ним школе русской истории (петербургская линия вовсе отсутствует — что в лице С.Ф. Платонова, что А.Е. Преснякова), фрагмент же, посвященный Н.А. Полевому, остается совершенно невнятен, поскольку вновь учитывает исключительно лишь украинский сюжет;

— это создает очень странную картину, относящуюся к осмыслению национальной проблематики и нацистроительства в Российской империи — так, как если бы и имперские власти, и интеллектуалы были озабочены если не исключительно, то преимущественно «украинским вопросом» и выстраивали свое видение именно в этой перспективе. Разумеется, с 1860-х «украинский вопрос» достаточно плотно

присутствует в дебатах о проблемах национального развития — равно как малороссийские/украинские сюжеты с определенной частотой возникают в предшествующие десятилетия — и рассмотрение вопросов интеллектуальной истории русского национализма сквозь эту перспективу было бы продуктивно, но лишь при условии описания контекста, определения — что речь идет именно о фокусе рассмотрения — тогда как в работе эта перспектива предстает практически как единственная, с оговоркой, в концептуальном плане не раскрываемой, о значении «польского вопроса»;

— это ведет нас к следующему, фундаментальному недостатку работы — вопрос об имперской нации, проблематика «большой русской нации» и процессов ее формирования рассматривается вообще вне обрисовки, не говоря уже об анализе устройства империи, ее исторической динамики, конкуренции национальных проектов и т.д.;

— указанный недостаток со всей полнотой проявляется едва ли не в полном игнорировании, например, социально-экономической стороны процессов — так, поразительно, но в историческом повествовании о «сотворении русской нации» остаются вообще за кадром сюжеты, связанные, например, с крестьянской реформой 1861 г., вся проблематика гражданского равенства, процессов перехода от принципа подданства к гражданству, проблематика представительства и политических прав — все это оказывается отсутствующими сюжетами⁴.

⁴ За исключением лишь двух случаев применительно к Российской империи — а именно: в связи с обсуждением представительства украинских, т.е. представляющих украинское национальное

Особую роль играет используемый в работе понятийный аппарат — так, уже в первых главах, повествующих о раннемодерных временах, наличествуют в качестве персонажей «украинцы» и «белорусы» — и следом появляется и «Украина». При этом сами эти понятия никак не проблематизируются — видимо, «Украина» остается сама себе равной — и совершенно вне рассмотрения остается сюжет, связанный в том числе и с изменением представлений в том же XIX в. о воображаемых границах «Украины» (сюжет, отметим попутно, хорошо и обстоятельно известный самому автору — и отраженный в целом ряде работ, которые приводятся им в библиографии как рекомендации для дальнейшего чтения). Та же проблема территориальной автономии, которой мы коротко коснулись выше, никак не конкретизируется именно территориально — для непрофессионального читателя, а ведь книга рассчитана именно на него, «Украина» выступает устойчивым объектом и субъектом, странствующим сквозь века⁵.

Прервав без того затянувшееся перечисление недостатков, конкретизируем их примером. Так, на с. 151 автор пишет:

«Другой, несколько подозрительный с точки зрения Третьего отделения

профессор — Михаил Погодин — видел между русскими и украинцами культурные различия. В 1845 году он писал: “Великороссияне живут рядом с малороссиянами, исповедуют одну веру, имеют одну судьбу, долго — одну историю. Но сколько есть различия между великороссиянами и малороссиянами!”» (с. 151).

Здесь примечательно, что в авторском суммировании суждения Погодина о различии — оно превращается в различие между «русскими» и «украинцами», тогда как Погодин пишет о «великороссиянах» и «малороссиянах». На этом простом примере хорошо видно, как меняется самый смысл суждения при такого рода «переводе», модернизации понятийного аппарата.

Одновременно останавливает читательское внимание и своеобразное указание на «подозрительность» Михайлы Петровича Погодина в глазах III Отделения — с учетом того, что книга адресована широкому кругу читателей, такая характеристика подталкивает к заведомо неверной интерпретации (тем более что в 1840-х в глазах III Отделения «подозрительно» было в той или иной мере едва ли не большинство интеллектуалов, но об этом в тексте работы не упоминается). Автор вообще испытывает не очень ясную по своей природе симпатию

движение, депутатов в Государственной думе — и в связи с подъемом и силой русского национального движения в южных губерниях империи, прежде всего — популярности черносотенства.

⁵ С субъектностью в работе Плохия вообще дела обстоят довольно сложно — примером чему может служить следующий довольно типичный пассаж, относящийся к официальному празднованию в 1954 г. 300-летия «воссоединения» и передачи Крыма из состава РСФСР в состав УССР: «Официальное празднование русско-украинского единства содержало и элемент славянского стовора против неславянских народов. Москва, не позволив крымским татарам вернуться на родину, вовлекла в незаконную депортацию этнического меньшинства не только Россию, но и Украину» (с. 344–345).

к Погодину и антипатию, например, к Н.Г. Устрялову — которого выставляет в повествовании одновременно и чуть ли не бездарем, и автором, готовым угодства ради составить такую концепцию русской истории, которая придется по духу правительству — а неудачу на конкурсе учебника, представленного Погодиным, представляет едва ли не прямо следствием его научной принципиальности⁶.

Обращение к сюжетам русской интеллектуальной истории XIX в. вообще демонстрирует и некоторую «легкость» письма, и довольно поверхностное знакомство с материалом — способствующее легкости суждений. Так, например, М.Н. Катков оказывается «журналистом и интеллектуалом, близким к консервативным лидерам славянофильского направления» (с. 184), а Константин Аксаков переписывается с М.О. Кояловичем через три года после своей смерти (с. 177) — на самом деле имеется в виду, разумеется, его брат Иван — и в тексте ссылка стоит на монографию М.Д. Долбилова, где все указано верно (*Долбилов* 2010: 220–221).

Обозначая позиции Каткова и Аксакова по поводу национальной политики в северо-западных губерниях в 1863 и последующие годы, Плохий пишет об их «напуганности тем, что они считали подъемом белорусского сепаратизма» (с. 177) — видимо, по мнению автора, нежелание поддерживать политику, потенциально

способную привести к формированию местного национального движения, автоматически является следствием аффекта, «испуга», а не рационального понимания ситуации.

При этом в других случаях — а иногда и буквально на той же странице — автор демонстрирует не только принципиально иной уровень понимания, но и иные методологические подходы: так, описывая ситуацию после занятия русской армией в ходе успешного наступления осени 1914 — зимы 1915 г. Восточной Галиции, он с замечательным мастерством демонстрирует и сложность национальной политики, и множественность факторов — отмечая, например, внутреннюю логику парадоксальной, на первый взгляд, политики новых властей в отношении польских групп (с. 224–234) — или, обращаясь к хронологически более ранним сюжетам — кратко, но вполне объемно представляет борьбу разных групп в Восточной Галиции в 1860–1880-е гг., противостояния «москвофилов» и «украинофилов», сложное наложение как политик Вены и Петербурга, так и местных властей, а также влияние украинских националистически настроенных кругов наднепрянского края и т. д. (с. 192–196).

Проблема работы в том, что никак не описываются — и даже вообще не отмечаются как заслуживающие внимания — инструменты, посредством которых те или иные кон-

⁶ При этом такое разделение на «героев» и «злодеев» ведет и к специфическим, уже сугубо историографическим дефектам — так, поскольку Коялович оказывается среди более или менее «положительных» персонажей, как оппонент единой «русскости», то остается никак не отмеченным, что его концепция «западнорусизма» и деления русской истории на западную и восточную линии — вообще-то является продолжением и развитием концепции Устрялова, сформированной в рамках процесса воссоединения униатов.

струкции воображаемого транслировались/транслируются, каким образом, посредством чего, например, воспроизводится тот же миф о «потерянном царстве» и в какой среде он воспроизводится/трансформируется в конкретный исторический промежуток. Но самое главное — остается вообще без внимания вопрос — посредством каких действий, процедур и практик, например, Российская империя производила, формировала «большую русскую нацию»: авторское изложение выстроено так, как будто утверждение того или иного тезиса, например, в докладной записке или в статье — сразу претворяется в «идентичность», к тому же, что особенно любопытно — непонятно, чью именно: крестьян, мещан, чиновников или интеллектуалов, обитателей университетских городов или какого-нибудь из уездов Тамбовской губернии. Остается вообще за пределами рассмотрения и вопрос о том, что побуждало те или иные группы и сообщества принимать эти образы, соотносить себя с этими конструкциями, воспринимая их как те модели, в которых они описывают себя и интроцируют — и что препятствовало этому, в какой степени они оказывались не только объектами воздействия, но и обладали субъектностью.

Принципиальные недостатки работы, на наш взгляд, обусловлены двумя причинами:

— во-первых, как это нередко бывает, книга не столько раскрывает избранную тему, сколько подводит круг знаний и наличного у автора материала под выбранный сюжет. В принципе, это обстоятельство хоть и печально, однако не то чтобы удивляет — жизнь

коротка, время всегда ограничено, запрос на популярное изложение имеется, однако сама тема — скорее на периферии собственных исследовательских интересов, и нет времени в нее особенно углубляться. В итоге из имеющегося материала строится коллаж, где нарративная структура и лента времени позволяют снять вопросы о концептуальном — сюжеты сменяют друг друга поскольку «идет время», один расположен после другого, поскольку связан с другим годом, другим веком — и эта хроникальная последовательность если не снимает вопрос о логике (о том, почему эти сюжеты присутствуют, а другие оказываются за рамками, что именно объединяет рассказываемое воедино и является ли это единство ответом на поставленный вопрос), то во всяком случае уводит этот вопрос в тень;

— во-вторых, совмещением, вполне произвольным, никак не проясняемым, совершенно разных исследовательских установок. Существуют некие «русские» и «украинцы» или «белорусы», которые просто «есть» и у которых возникают те или иные проблемы или возможности с «индентичностью»: они могут себя осознавать, например, «малороссами», могут быть русскими националистами или черносотенцами — но при этом они вроде бы (по крайней мере обратное в тексте нигде не сказано) остаются все теми же «украинцами», при этом свободно странствующими из века в век. С другой стороны, на соседних страницах речь идет о различных национальных проектах, о том, как выстраиваются нации. Так, например, завершая повествование о временах между Валувским циркуляром (1863) и отменой

ограничений, наложенных им и Эмским указом 1876 г., после революции 1905 г., Плохий, опираясь на конструкцию А.И. Миллера (Миллер 2013) и усиливая ее, говорит о времени действия Эмского указа (и неподкрепленности запретительных мер достаточной по размерам позитивной программой) как о времени, приведшем к победе «украинофильского течения в самой Галиции». Как и о наступившей в силу запретительной политики «невозможности найти точки соприкосновения украинофилов с властью» (с. 198), о наступившей конфронтации, побуждающей выбирать между тем, чтобы «становиться “истинно русскими” или принять независимую украинскую идентичность» (с. 198)⁷.

Словом, перед нами — рассыпающееся целое, конфликт между заявленной темой и материалом, между научной добросовестностью и квалификацией автора, с одной стороны, и политической ангажированностью, желанием соответствовать ожиданиям — с другой. В принципе — можно сказать, что это — благой финал, где идеология оказывается неспособной подмять под себя все и выстроить непротиворечивый текст, где ремесло и опыт историка — сопротивляются, пусть и недостаточно, чтобы возобладать, но достаточно — чтобы не погибнуть без следа под плитой «правильных воззрений».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Брубейкер 2012 — Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисо-

вой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Долбилов 2010 — Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Миллер 2013 — Миллер А.И. Украинский вопрос в Российской империи. К.: Laurus, 2013.

Соловьев 2021 — Соловьев К.А. Выборгское воззвание: Теория и практика пассивного сопротивления. М.: Кучково поле Музеон, 2021.

Plokhy 2005 — Plokhy S. *Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History*. University of Toronto Press, 2005.

Plokhy 2012 — Plokhy S. *The Cossack Myth. History and Nationhood in the Age of Empires*. Cambridge University Press (CUP), 2012.

REFERENCES

Brubejker R. *Etnichnost' bez grupp*, per. s angl. I. Borisovoj. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2012.

Dolbilov M. D. *Russkij kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.

Miller A.I. *Ukrainskij vopros v Rossijskoj imperii*. Kyiv: Laurus, 2013.

Plokhy S. *The Cossack Myth. History and Nationhood in the Age of Empires*. Cambridge University Press (CUP), 2012.

Plokhy S. *Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History*. University of Toronto Press, 2005.

Solov'ev K. A. *Vyborgskoe vozvzvanie: Teoriya i praktika passivnogo soprotivleniya*. Moscow, Kuchkovo pole Muzeon, 2021.

⁷ Заметим в заключение еще одну странность, на сей раз касающуюся именно русского перевода — в книге даны немногочисленные, но дельные подстрочные примечания, помеченные «ред.» — однако имени редактора нигде в книге, ни в выходных данных, ни в тексте — обнаружить не удалось.

А. А. Тесля

КРУГ И КРЕСТ

Рец.: *Левит К.* Смысл в истории. Теологические предпосылки философии истории / пер. с англ., вступ. ст. и примеч. А. А. Саркисянца. СПб.: Владимир Даль, 2021. 512 с. [Серия: «Политическая теология»]

В эссе рассматривается уже давно признанная классической работа Карла Левита, впервые опубликованная в 1949 г. и в 2021 г. переведенная на русский язык. Особенную ценность русскому переводу дает вступительная статья А. Саркисянца, вводящая как в контекст появления книги Левита, так и, прежде всего, в историю последующих споров вокруг политической теологии и христианского осмысления истории.

Ключевые слова: политическая теология, политическая философия, «третий завет», философия истории, христианский историзм.

Сведения об авторе: Андрей Тесля, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Контактная информация: mestr81@gmail.com.

A. A. Teslya

CIRCLE AND THE CROSS

Rev.: *Lyovit K.* Smysl v istorii. Teologicheskie predposylki filosofii istorii, per. s angl., vstup. st. i primech. A. A. Sarkis'yanca. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2021. 512 p. [seriya: «Politicheskaya teologiya»].

The essay examines the long-recognized classic work of Carl Leviticus, first published in 1949 and translated into Russian in 2021. The Russian translation is given particular value by an introductory article by A. Sarkisianz, which introduces both the context in which Leviticus' book appeared and, above all, the history of the subsequent debates around political theology and Christian understanding of history.

Key words: political theology, political philosophy, Third Testament, philosophy of history, Christian historicism.

About the author: Teslya Andrey A., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University.

Contact information: mestr81@gmail.com.

За последние два десятилетия на русском языке вышли три основные работы Карла Левита — одного из самых известных учеников Мартина Хайдеггера и одновременно его оппонента. Первоначально были изданы его ключевые работы 1930-х гг. — «От Гегеля к Ницше» (СПб.: «Владимир Даль», 2004) и «Ницшевская философия вечного возвращения того же» (М.: Культурная революция, 2016), а на исходе минувшего года вышла его главная работа уже американского периода, исследование «теологических предпосылок философии истории».

Важность русского издания работы Левита не только в нем самом — но и в предпосланном книге обстоятельном и глубоком предисловии переводчика, А. Саркисянца¹, идеально решающем две задачи: во-первых, введение в контекст создания работы и, во-вторых, объяснение значения работы и ее роли в последующих дискуссиях уже собственно о политической теологии, от Таубеса и Фегелина до наших дней. Преди-

словие Саркисянца тем самым замыкает переведенную книгу — делает ее не условным «памятником исторической/философской мысли», «голосом из вечности», который в данном контексте тождественен голосу из ниоткуда — реконструируя и исходный вопрос, и последующие его метаморфозы, что позволяет вернуться уже к самому тексту Левита не как к части прошлой истории, а переуслышать — собственно, услышать вновь, как впервые звучащий — его собственный голос, высказывание, которое, сработав в последующей дискуссии, оказывается ею во многом и погребенным, поскольку начинает прочитываться в контексте того, как дальше складывался разговор. Контекстуализация позволяет вернуться к тем ходам рассуждения Левита, которые в дальнейшем оказались на периферии

Книга Левита более чем любопытна еще и по своему устройству — являясь одновременно и философским исследованием, и работой, выросшей из лекционного курса, и ориентированной и на читателей, погруженных

¹ Увы, перевод оказывается несвободен от ошибок, в некоторых случаях весьма досадных, поскольку их легко устранил научный редактор, будь он у книги, — так, буквально в самом начале, в 1-й главе, Буркхардт оказывается пишущим «Цицерона» и «Век Константина Великого», однако первой книги в списке трудов Якоба Буркхардта мы не найдем, как не обнаружим и в его научной биографии специального углубленного изучения произведений Цицерона. На деле Левит имеет в виду очень известную книгу Буркхардта «Der Cicerone: Eine Anleitung zum Genus der Kunstwerke Italien», «Чичероне...» — т. е. озаглавленную по итальянскому расхожему (и перешедшему в другие языки, не исключая и русского) именованию рассказчика, экскурсовода — названию, происшедшему от имени римского оратора, но обратившегося в имя нарицательное. Отмечаем это обстоятельство не в порядке упрека переводчику — у каждого есть собственная зона знания и компетенции, неизбежно ограниченная — а как неизбежный результат упрощения издательского процесса, отмирания института научной редактур, который сказывается и на лучших из издательств.

в тему, и на студентов, только приступающих к изучению. Отсюда — и описание, знакомство слушателей/читателей с суждениями разбираемых авторов, от Буркхарда и Маркса до Августина и Орозия, собственно — пересказ самых известных текстов об истории, и одновременно — их интерпретация, уже не подчиненная многообразию самых разных линий рассуждений, которые можно найти в этих текстах, а выстраивающая их в единую последовательность, связанность ключевым вопросом.

Проблематика Левита прямо восходит к спорам об «историзме» 1910–1930-х гг. Согласно Левиту, «историзм», современное историческое сознание — возникает на основании христианского понимания истории — и при этом несет в себе неразрешимое противоречие, и — в отличие от противоречия христианского — противоречие в одной плоскости, одновременное утверждение «смысла в истории» и утрату его оснований:

«Проблему истории как целого нельзя разрешить внутри ее собственной перспективы. Исторический процесс сам по себе не несет ни малейшего намека на всеобъемлющий и высший смысл. История как таковая не имеет никакого исхода. Никогда не было и никогда не будет имманентного решения проблемы истории, поскольку исторический опыт человека — это неизменное поражение» (с. 396).

Христианский парадокс состоит в открытии смысла в истории через ее «уже завершенность»: по существу уже свершившийся финал, пришествие Христа и Его Воскрешение —

позволяют увидеть смысл в происходящем, не множество конкретных смыслов конкретных историй, замкнутых на ситуацию, а смысл истории как таковой — Истории в целом. Левит использует, поясняя свое толкование христианского понимания истории, близкий — особенно в момент написания книги, вышедшей в 1949 г. — образ победы в решающей битве: война еще не закончилась, мир еще не наступил, но все уже свершилось — победа достигнута.

«Христианское» понимание истории для Левита — как и для основных последующих участников дискуссии, растянувшейся на десятилетия — по существу тождественно с августиновским, тем, что предстает перед нами в «De Civitas Dei». Здесь можно вспомнить хотя бы известную статью Аверинцева — о двух линиях в христианстве, где «Запад» и «Восток» противопоставляются через синхронные тексты — с одной стороны Августина, с другой — Дионисия Ареопагита, для которого история не имеет значения, в толковании Аверинцева. Но Левит — идя вслед за Оскаром Кульманом и его интерпретацией «библейского взгляда на историю» — истолковывает и Августина, и Орозия в духе, который снимает противопоставление, выстраиваемое Аверинцевым.

Собственно, здесь перед нами одновременно и один из изводов большого спора, растянувшегося на последние 1½ века — о «христианстве и культуре». Для Левита «важность секулярной истории убывает прямо пропорционально той силе, с какой человек погружается в заботу о Боге и себе самом» (с. 399). И при этом:

«Новоременной человек все еще живет за счет капитала креста и круга, христианства и античности. И интеллектуальная история западного человека есть непрерывная попытка примирить одно с другим, откровение с разумом» (с. 358)

Для язычников атеизмом было христианство — настаивает Левит, одновременно утверждая, что радикальный атеизм становится возможен именно в рамках христианского мира, как отталкивание от христианства (и как всякое отталкивание — сохраняя в себе существенное того, от чего он отталкивается).

Европейский историзм — который для Левита есть, собственно, конец «Истории», возможности увидеть в ней смысл — предстает результатом, непредвиденным, христианского видения истории, через радикальное переосмысление христианского понимания истории Иоахимом Флорским, вводящим христианство «внутри» истории. Последующее — просветители, Гегель, Маркс и Конт — будет секуляризацией того исторического видения, которое возникнет у Иоахима.

В книге тем самым заложен если не парадокс, то ключевое напряжение — смысл нельзя обрести из истории, но узнаем мы об этом именно из исторического рассмотрения. Историзм — в радикализации которого Шпенглер и Тойнби надеются, по формулировке Левита, найти спасение от него самого² — оказывается способен выявить собственное осно-

вание, но при этом осознание не дает никакого спасения и не дает выхода. Рассказ сворачивается в кольцо — где Буркхардт и Орозий предстают одновременно и двумя утверждениями одного и того же, и одновременно принципиально различными:

«<...> Орозий согласился бы с реалистическим утверждением Буркхардта, что человек есть прежде всего Dulder, или пациенс, а история есть род патологии, отражающей природу человека, и нет ничего более далекого от христианства, чем обещать в этом saeculum наступление земного счастья как божественную награду за человеческую добродетель. Оба они понимали — один как верующий, другой как скептик, — что сила зла является неотъемлемым элементом экономики мира, который пробуждает и побуждает, открывает и испытывает силу добра, и что христианство есть победоносная религия страдания, слава креста, а не “лучшее приспособление”. Буркхардт удалился в спокойствие чистого созерцания, Орозий — в спокойствие абсолютной веры. <...> Для христианина вроде Августина или Орозия секулярная история не имеет смысла в себе самой, но является фрагментарным отражением своего сверхисторического содержания, истории спасения, которая определена священным началом, серединой и концом» (с. 380, 381).

В одном из возможных смыслов можно сказать, что дискуссия закончилась — для христиан все осталось так, как было — в вариантах от Августина до Боссюэ, но христианский

² «Вера в историю», «последняя религия» «была тщетной надеждой современного историзма на то, что исторический релятивизм каким-то образом сможет вылечить сам себя» (с. 398).

взгляд стал «частным», а общий вопрос об Истории, о ее смысле как целого — действительно ушел. По крайней мере трудно вспомнить, когда последний раз за последние десятилетия об этом рассуждали всерьез — поскольку снялась или, по крайней мере, сделалась более чем проблематичной сама исходная предпосылка, обуславливающая вопрос — предположение, что у истории как целого должен быть смысл. В этом плане полемическое и трагическое напря-

жение, звучащее в книге Левита, его разбирательство с философией истории и, в частности, с теориями прогресса — ушло именно постольку, поскольку его взгляд победил — в истории, как она понимается сейчас, нельзя обрести исход. Кажется, впрочем, что вполне эта новая ситуация так и остается неосмысленной — как уход, исчезновение Истории — в том числе не только предполагающей единого субъекта, но одновременно и конструирующей его.

А. А. Тесля

ИСТОРИИ ВНЕ ИСТОРИИ

Рец.: *Лейтем М.* Истории торговца книгами / пер. с англ. И. В. Никитиной. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 416 с.

В эссе рассматривается книга Мартина Лейтема — вереница рассказов о книгах и связанных с ними сюжетах, от истории чтения до истории книготорговли. Центральное внимание в рецензии сосредоточено на проблеме нарратива — невозможности рассказать истории так, чтобы они образовывали единый смысл, вне некоего видения истории в целом.

Ключевые слова: библиоведение, историзм, история чтения, книготорговля, книжное дело.

Сведения об авторе: Андрей Тесля, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Контактная информация: mestr81@gmail.com.

A. A. Teslya

HISTORIES BEYOND HISTORY

Rev.: *Lejtem M.* Istorii torgovca knjigami, per. s angl. I. V. Nikitinoj. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2021. 416 p.

The essay examines Martin Latham's book, a string of stories about books and related subjects, from the history of reading to the history of the book trade. The central focus of the review is on the problem of narrative--the impossibility of telling (hi)stories in such a way that they form a coherent meaning, outside a certain vision of history as a whole.

Key words: bibliography, historicism, history of reading, bookselling, bookselling.

About the author: Teslya Andrey A., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University.

Contact information: mestr81@gmail.com.

© А. А. Тесля, 2022

DOI 10.31754/2409-6105-2022-1-380-382

Книжка Мартина Лейтема — один из целого ряда появившихся за последние пару десятилетий рассказов о книгах и чтении, вроде «Истории чтения» Мангеля и ей подобных. Это — хороший повод разобраться в собственных ощущениях, возникающих при чтении такой литературы, — и в том своеобразном эффекте, который ею создается.

Сразу отметим, что «Истории...» Лейтема — неплохое чтение на сколько-то вечеров, между другими делами или по краям иного чтения. Они действительно собрание многообразных сюжетов, так или иначе связанных с книгами — от рассказов о книжных магазинах и библиотеках до средневековых маргиналий и способов читать книги, меняющихся со временем — когда прежние практики, вроде подчеркиваний или загибания края страницы, обретают новый статус и значение (так, еще век назад загнутый край страницы считался по преимуществу чертой женского чтения).

Попутно — это книга «правильных» взглядов. Так, в ней подробно рассказывается, каким неприятным человеком был создатель десятичной библиотечной классификации Дьюи — расистом и антисемитом, к тому же ханжой — и на этом основании делается предсказуемый вывод о необходимости переименовать премию, все еще носящую его имя (с. 139 и сл.). Женские персонажи книги неизменно исполнены достоинств — и пребывают в незаслуженной тени мужских, а мужские — поставлены под подозрение и если и восславляются, то имея, как правило, надежную индугенцию — как Антонио Паниц-

ци, создатель знаменитого круглого читального зала библиотеки Британского музея, карбонарий и эмигрант (с. 149–151). О Карлейле автор считает нужным, к примеру, сообщить, помимо того, что он был «популярным в то время историком», лишь следующие детали: «противник всеобщего избирательного права, позволявший себе расистские высказывания, открыто выступавший за сохранение рабства», да еще с годами ставший «вдвойне раздражителен» (с. 151–152).

Сдается, это книга далеко не счастливого человека — старательно шутящего и бодрящегося, чтобы вдруг, в рассказе о Монтеスキю, заметить: «многие из нас, оглядев свое жилище, увидят вовсе не зеркало души, а кучу потрепанных предметов, на которые нам пришлось согласиться за неимением лучшего: не слишком дорогой сердцу, доставшийся от родителей хлам, поломанные вещи, тряпье из ИКЕА, которое мы никак не сподобимся выбросить, безделушки, хранящие память о давно угасшей любви...» (с. 214).

Рассказы о прошлом, чередуясь в калейдоскопе, то подчеркивают, сколь прошлое непохоже на современность, а то — сколь близко и узнаваемо, то предлагают изумиться, насколько еще недавно по человеческим меркам были возможны в порядке «нормального» действия и суждения, теперь если не непредставимые, то явно выходящие за пределы нормы — то, напротив, подталкивают увидеть в прошлом сходство, если не тождество с тем, что мы почитаем за порядок последних дней. Расстояние во времени легко заменяется

расстоянием в пространстве — и то, и другое обозначает дистанцию, отличие от «нас».

Но тем самым — истории отменяют историю, оказываясь сущностно ничем друг от друга не отличимыми, за исключением лишь банального «многообразия». Каждая из них сама по себе может быть интересной или не очень, но, собранные в книгу, они оказываются внешне парадоксальным образом — одинаковыми, никак не привязанными ко времени и месту, где случились.

История — именно за счет того, что у нее есть собственное содержание, своя интрига — может быть рассказана лучше или хуже, но преодолевает многие слабости рассказчика, ведь у рассказа есть автономный интерес: ведь точно так же мы можем с интересом слушать косноязычного очевидца значимого для нас события — рекон-

струируя из его повествования детали события. Но если истории нет — то тогда на передний план выходит или литература, или фигура рассказчика — связывающего собой разнородное. На первое Лейтем не решается, справедливо или нет не доверяя своему литературному мастерству — и ему остается второе, отсылать раз за разом к себе, скреплять автобиографическим вереницу подробностей.

Словом — это легкая книга, масса историй — рассказанных более или менее точно, где-то путаясь в подробностях, где-то — восполняя нехватку деталей готовыми штампами. Легкая, оставляющая после себе ощущение тяжести — как от неутомимой трескотни чичероне, самый счастливый момент в которой — внезапное слышание тишины, когда экскурсия закончилась и наконец можно выдохнуть и попытаться что-то увидеть своими глазами.

А. А. Тесля

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПОЭТИКЕ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Рец.: *Кучерская М. А.* Лесков: Прозванный гений. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2021. 622 с.

Биография Лескова, написанная Майей Кучерской, — обстоятельное исследование и одновременно — замечательная художественная работа. Лесков Кучерской — человек, меняющийся во времени, но при этом очень устойчивый в своих основных чертах, что подталкивает говорить о созданном образе как о портрете. Его образ свободен от комплементарности — и в том числе благодаря этому в итоге внушает и род любви, понимающей и прощающей.

Ключевые слова: антинигилистический роман, литературная биография, литературный быт, русская литература 2-й половины XIX в.

Сведения об авторе: Андрей Тесля, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Контактная информация: mestr81@gmail.com.

A. A. Teslya

RESISTANCE TO THE POETICS OF HIS TIME

Rev.: *Kucherskaya M. A.* Leskov: Prozevannyj genij. 2-e izd., ispr. Moscow: Molodaya gvardiya, 2021. 622 p.

The biography of Leskov, written by Maya Kucherskaya, is a thorough study and at the same time a remarkable work of fiction. Kuchersky's Leskov is a person, changing over time, but very stable in his basic features, which encourages us to talk about the created image as a portrait. His image is free from complementarity — and due to this, among other things, it also ultimately inspires a kind of love that is understanding and forgiving.

Key words: antinihilistic novel, literary biography, literary life, Russian literature of the second half of the 19th century.

About the author: Teslya Andrey A., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University.

Contact information: mestr81@gmail.com.

О Лескове написано не так уж много — из самого памятного можно назвать биографический очерк Фаресова (недавно переизданный в сборнике воспоминаний о Лескове, вышедшем в «Новом литературном обозрении»), цикл статей Акима Вольнского, собранный им в книгу, вышедшую в 1923 г., на волне нового интереса к Лескову со стороны модернистов и формалистов, ощущения языка, пришедшего в движение. Еще — ценнейшее, но опубликованное спустя почти 90 лет после написания, в 2011 г. Пушкинским Домом исследование Александра Измайлова. И, разумеется, двухтомная биография отца, написанная сыном, Андреем в 1940-е — начале 1950-х, вышедшая в 1954 г. и многократно затем переизданная — и «Лесковское ожерелье» Льва Аннинского, прочувственный, лирический очерк, который утвердил расхожий нынче образ Лескова.

Книга Аннинского и оказывается тем подразумеваемым читательским подтекстом — той перспективой, из которой читатель будет двигаться по страницам книги Майи Кучерской, раз за разом обнаруживая не то чтобы «совсем иное», но расходящееся со знакомой перспективой. Если Аннинский в целом следует за самописанием, собранным самим Лесковым образом своей жизни — подержанным затем если не большой,

то влиятельной традицией — где он жертва, переживший катастрофу 1862 г., неправильно понятную статью о петербургских пожарах, и затем окончательно преданный анафеме — по выходу в свет «Некуда», с описанием всего буйства умов и беспорядочности «шестидесятых», разгула нигилистов — то Кучерская шаг за шагом лишает ту картину однозначности, вводит объем, уточняет время и место. И схема — которая всегда ведь спрямление — оборачивается сложностью жизни, где есть и то, что затем обратится в схему, и обстоятельства, которые окажутся отброшены. История никак не оборачивается в простое «да» или «нет», а сплетением разнородного — сосуществующего в разных длительностях, разных масштабах пространства, разных планах существования.

Майя Кучерская сразу, на первых страницах, объясняет природу своего замысла — в чередовании и наложении двух перспектив, научной и художественной. Не исследования и беллетристики, а двух методов — ведь любой исследователь в этой или родственной области хорошо знает по собственному опыту, что есть то, что он может аргументировать и привести как результат в своей научной области, а есть понимание, видение своего предмета — героя, времени, событий, которое невозможно вполне аргументировать при-

нятым в конкретной дисциплине образом, но которое имеет силу для тебя — не обязательно силу «истины», но возможности. И, более сложный — и вместе с тем важный — момент той же темы: ведь именно в биографии главное — понимание героя, выстраивание его образа, а он никак не сводим и не разложим на конкретные биографические данные, то, что можно дать в биохронике или проанализировать в отдельных статьях. Образ складывается из отдельных черт, интонаций, жестов — и биограф создает именно его, даже не «воспроизводит», поскольку во многом он проясняется и конкретизируется в самой работе, в продвижении по тексту. И «художественное» здесь — другой род исследования, способ понимания — не в отмену или противостояние «научному», а в понимании его границ — и одновременно явном и ясном их обозначении, переключении регистров, позволяющем читателю всегда знать — на какой он земле, по каким правилам ведется рассказ.

В этой книге нет ни грана сусальности — и есть огромная чуткая внимательность, любящая, автора к своему герою.

Лесков в ней и ужасен — например, своим отношением к сыну. Который, уже сам став стариком, убирал самые вопиющие отцовские пассажи из его писем к себе, не решаясь до конца рассказать об этой его стороне — хотя и сумев передать сдерживаемую, но глубокую боль и обиду, лишь смягчаемую временем. И вздорен, и вспыльчив — это было присуще ему, кажется, всегда, с молодых лет и до последних дней. И — закономер-

ное следствие предыдущего — не способен удерживать меру, начиная со своих писаний и вплоть до отношений с людьми, не умея подбирать слова, держаться в рамках. Так, влюбленный в Толстого — он пишет ему письмо за письмом, восторгаясь и вознося, делая это и публично — и здесь же дверь в другое, ведь Толстого это одновременно и корбит, о Лескове он отпускает не самые лестные замечания — и он же ему очень интересен, ему хочется проводить с ним время, несмотря на все: в Лескове есть, сразу, зримо — сильное, собственное, нутряное, что побуждает оставлять в стороне, отмахиваться от смущающего и мешающего — поскольку есть ради чего.

Лесков — страстный, возможно — самый страстный из русских писателей. Родившийся в эпоху, когда для страстных порывов литература была не самым лучшим местом — особенно если они не касались «общественных вопросов». И это — пожалуй, благо. Ведь, приведишь его писательство на эпоху романтических порывов, где сама эстетика подталкивала и поощряла — дух времени его подталкивал бы все дальше и дальше. Но он оказался писателем «эпохи реализма», ему приходилось втискивать свое — в том числе и вынесенный из детства и юности романтизм, Марлинского, которого он читал и почитал — совсем в иные эстетические границы: и это втискивание создавало благотворное, великолепное напряжение.

Лесков — и трогательный, почти до сентиментального умиления — как в момент, когда сетует, что на Руси не принято почитать своих писателей, поклонники не дарят им

мелкие подарки, не поощряют знаками внимания, поддерживающими дух, — и сам покупает себе то одну, то другую мелочь, заявляя, что это — от поклонников, подношение благодарности. И в итоге — они действительно начинают дарить ему.

Лесков — трогательный и страшный, в своем неумении любить и бесконечной бессильной мечте о любви, с сусальными описаниями семейной радости, добрых жен. И гениальной способности передать радость, и страсть, и любовь — как в демикотовой книге Савелия Туберозова, с его смущенным и ликующим описанием ношения жены на себе, в забвении сана — и последующем воспоминании, что, по счастью, дом окружен забором и густыми кустами, посему этого никто не видел — кроме них двоих.

Майя Кучерская строит свой образ Лескова из вроде бы противоположных характеристик — но он поразительно целостный, никак не вмещающийся в «литературу», живой, большой — тяжелый и прекрасный — для нас, кому, по счастью, не иметь с ним дел — кроме как с автором. Он влюблен в язык и его разнообразие, он неумерен и страстен, избыточен — и таков он и как писатель, уже не в смысле им написанного, а своей роли писателя. Ведь, как подчеркивает, возможно, даже в свою очередь несколько избыточно, Кучерская —

основная писательская биография Лескова укладывается в два десятилетия, от «Леди Макбет...» и «Некуда» до «Левши» (кстати, каждому из них и ряду других произведений посвящая чудесные обзоры, законченные самостоятельные эссе). Он приходит из другой, нелитературной жизни уже совсем зрелым человеком — тридцати лет отроду, успев и побыть чиновником, и состоять на «частной службе» — и даже в период своего основного литературного периода на целые пару лет почти совершенно умолкает — чтобы затем, в последнее десятилетие, по мысли Кучерской, скорее длить и разрабатывать, более уже не взмывая к вершинам, уже идти по более или менее знакомой дороге — где и биограф ускоряется, чтобы общими чертами обрисовывать происходящее, ведь речь не о биографической хронике, напомню вновь, а о биографии, с разной степенью фокусировки, зависящей не от обилия материалов за конкретный год, но от их значимости для облика, образа рисуемого.

Красивая и чуткая книга Майи Кучерской — прекрасный рассказ о Лескове, невыносимом и великом, отвратительном и великолепном — рассказ, который написан радикально вне поэтики героя, любившего четкий, однозначный контур — и в целом склонном к иконописанию, а с годами научившегося не стыдиться этой своей богомазовой натуры.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и англий-

ском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15).

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). 1

